Российская академия наук
Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

в семи томах

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2005

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

Том шестой

ПИСЬМА

Издание второе

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2005

ББК 84
Е 81

Составление и общая редакция С.И.СУББОТИНА

Подготовка текстов и текстологический комментарий
Е.А.САМОДЕЛОВОЙ и С.И.СУББОТИНА

Реальный комментарий
А Н.ЗАХАРОВА, С.П.КОШЕЧКИНА, С.С.КУНЯЕВА,
Г.МАКВЕЯ (Англия), Ю.А.ПАРКАЕВА,
Ю.Л.ПРОКУШЕВА, Т.К.САВЧЕНКО,
М.В.СКОРОХОДОВА, С.И.СУББОТИНА,
Н.И.ШУБНИКОВОЙ-ГУСЕВОЙ и Н.Г.ЮСОВА

Составление указателей
Е.А.САМОДЕЛОВОЙ, М.В.СКОРОХОДОВА

Научные редакторы тома
Л.Д.ГРОМОВА и Ю.Л.ПРОКУШЕВ

Оформление художника
Б.А.ЛАВРОВА

ISBN 5-9208-0185-9
ISBN 5-9208-0243-X (т. 6)

Письма

1. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Июнь 1911 г. Константиново

Дорогой друг!

Спешу уведомить тебя, что письмо я твое получил, за которое благодарю, а за поздравление спасибо. Гриша, ты сожалеешь о том, что не мог со мною проститься. Я тоже очень сожалею, что не пришлось нам в последний раз поговорить, но что делать. Я поспешил скорее убраться из этого ада, потому что я боялся за свою башку. Все-таки мне зло сделал Епифанов, он облил сундук керосином. Что ты мне прописал про их гулянье, я нисколько этому не удивляюсь, потому что я уже был уверен в этом, а на глупые выходки Тиранова я смотрю как на сумасшествие. Он часто беснуется. В нем, вероятно, живет легион, поэтому ему не мешает попросить своего ангела, чтобы он его исцелил. А Яковлев настоящий идиот, из него, я уверен, ничего не выйдет, и вот он окончил школу, но бесполезно. А Калабухов самая дрянь и паскуда. Ну ладно об этом толковать, поговорим о другом. У нас делают шлюза, наехало множество инженеров, наши мужики и ребята работают, мужикам платят в день 1 р. 20 к., ребят<ам> 70 к., притом работают еще ночью. Платят одинаково. Уже почти сделали половину, потом хотят мимо нас проводить железную дорогу.

Митьку я застал дома. Книг у меня мало есть, они все прочитаны и больше нет. У Митьки я которые взял, осталось читать только книг восемь. Я недавно ходил удить и поймал 33 штук<и>. Дай мне, пожалуйста, адрес от какой-либо газеты и посоветуй, куда посылать стихи. Я уже их списал. Некоторые уничтожил, некоторые переправил. Так, например, в стих<отворении> «Душою юного поэта» последнюю строфу заменил так:

Ты на молитву мне ответь,
В которой я тебя прошу.
Я буду песни тебе петь,
Тебя в стихах провозглашу.

«Наступ<ление> вес<ны>» уничтожил. Друг, посоветуй куда. Я моментально отошлю. Пырикову передай поклон от меня. Больше писать не знаю чего. Остаюсь любящий тебя друг

Есенин.

2. Г. А. ПАНФИЛОВУ

7 июля 1911 г. Константиново

Дорогой друг!

Гриша, неужели ты забыл свои слова: ты говорил, что будем иметь переписку, а потом вдруг на мое письмо не отвечаешь. Почему же? Пожалуйста, объясни мне эту причину. У нас все уехали на сенокос. Я дома. Читать нечего, играю в крокет.

Немного сделал делов по домашности. Я был в Москве одну неделю, потом уехал. Мне в Москве хотелось и побыть больше, да домашние обстоятель-

ства не позволили. Купил себе книг штук 25. 10 книг отдал Митьке, 5 Клавдию. Я очень рад, что он взял. Остальные взяли гимназистки у нас здесь в селе. И у меня нет ничего.

На обороте:

Спас-Клепики
Рязанского уезда
передать
Григорию Андреевичу
Панфилову

3. К. П. ВОРОНЦОВУ

10 мая 1912 г. Спас-Клепики

Спас-Клепики.

Кланя! Извини, что я так долго не отвечал на твои письма. Причина этого следующая: я не понял или, собственно говоря, не разобрал твоего письма и думал по догадкам, что ты уехал домой. Я писал тебе туда, но тщетно ждал ответа. Я бы сейчас все ждал, если б не узнал от батюшки про все. Вот тебе наши спальни. Сидит в шляпе Тиранов, возле него, к завязанному, Лапочкин.

Ост<аюсь> л<юбящий> т<ебя> С. Есенин.

Справа от текста:

Рязань
Духовное уч. вос. III/о класса
Воронцову
Клавдию

4. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

Вторая декада июля 1912 г. Константиново

Маня! После твоего отъезда я прочитал твое письмо. Ты просишь у м<ен>я прощения, сама не знаешь за что. Что это с тобой?

Ну, вот ты и уехала... Тяжелая грусть облегла мою душу, и мне кажется, ты все мое сокровище души увезла с собою. Я недолго стоял на дороге, как только вы своротили, я ушел... И мной какое-то тоскливое-тоскливое овладело чувство. Что было мне делать, я не мог и придумать. Почему-то мешала одна дума о тебе всему рою других. Жаль мне тебя всею душой, и мне кажется, что ты мне не только друг, но и выше даже. Мне хочется, чтобы у нас были одни чувства, стремления и всякие высшие качества. Но больше всего одна душа — к благородным стремлениям. Что мне скажешь, Маня, на это? Теперь я один со своими черными думами! Скверное мое настроение от тебя не зависит, я что-то сделал, чего не могу никогда-никогда тебе открыть. Пусть это будет чувствовать моя грудь, а тебя пусть это не тревожит. Я написал тебе стихотворение, которое сейчас не напишу, потому что на это нужен шаг к твоему позволению.

Тяжелая, безнадежная грусть! Я не знаю, что делать с собой. Подавить все чувства? Убить тоску в распутном веселии? Что-либо сделать с собой такое неприятное? Или — жить — или — не жить? И я в отчаянии ломаю руки, что делать? Как жить? Не фальшивы ли во мне чувства, можно ли их огонь погасить? И так становится больно-больно, что даже можно рискнуть на существование на земле и так

презрительно сказать — самому себе: зачем тебе жить, ненужный, слабый и слепой червяк? Что твоя жизнь? «Умрешь — похоронят, сгниешь и не встанешь» (так пели вечером после нашей беседы; эту песню спроси у Анюты, ты сама ее знаешь, верно, и я тоже. «Быстры, как волны... Налей, налей, товарищ» — это сочинил Серебрянский, друг Кольцова, безвременно отживший). Незавидный жребий, узкая дорога, несчастье в жизни. Что больше писать — не знаю, но от тебя жду ответа. Привет Анюте, Симе и маме их. Пока остаюсь; преданный тебе

Сережа.

Не знаю, что тебе сказать: прощай или до свидания.

<P.>S. Стихотворения напишу в следующий раз. Не в духе я.

Прости за грязное письмо, разорви его к черту.

5. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

Конец июля 1912 г. Константиново

Дорогая Маня!

Сердечно благодарю тебя за оба письма. Зачем, зачем тебе знать нужно, Маня, о том, что я сделал? Ты думаешь, что я тебе своим поступком причинил боль, но нет! Зачем? Это пусть лучше знает моя грудь, она так много выносит всего, что и не перечесть. Ты сама, Маня, этим вопросом мучаешь меня. Забудь об этом. Я стараюсь всячески забыться, надеваю на себя маску — веселия, но это еле-еле заметно. Хотя никто, я думаю, не догадывается о моей тоске. Ты ничего никому не открывай об этом. Главное. Меня терзают такие мелкие и пустые душонки,

напр<имер>, как Северовы, которые всячески стараются унизить меня перед собою и приносят своими глупыми словами обиду и горечь. Но что делать? Они такие, а я такой. Прости меня, Маня, за такое холодное письмо, я в негодовании на них.

Ох, Маня! Тяжело мне жить на свете, не к кому и голову склонить, а если и есть, то такие лица от меня всегда далеко и их очень-очень мало, или, можно сказать, одно или два. Так, Маня, я живу. Мать нравственно для меня умерла уже давно, а отец, я знаю, находится при смерти,— потому что он меня проклянет, если это узнает, вот так и живи. Людишки, чтобы меня немного успокоить, приносят обиду. Маня, Маня! Зачем ты такая, жалеешь меня, это тебя не стоит. Я еще больше люблю тех, которые мне вредят, хотя и в то же время ненавижу. Зачем тебе было меня любить и меня вызывать и возобновлять в душе надежды на жизнь. Я благодарен тебе и люблю тебя, Маня, как и ты меня, хотя некоторые чувства ты от меня скрываешь. Прощай, прощай, Маня. Ты теперь мне не пиши покамест, а то я уезжаю и адреса точного не могу тебе дать. Я же буду тебе писать каждую почту...

Прощай, дорогая Маня; нам, верно, более не увидеться. Роковая судьба так всегда шутит надо мною. Тяжело, Маня, мне! А вот почему?

6. Г. А. ПАНФИЛОВУ

До 18 августа 1912 г. Москва

Дорогой Гриша!

Письмо я твое получил. Мне переслали его из дома. Я вижу, тебе живется не лучше моего. Ты тоже стра-

даешь духом, не к кому тебе приютиться и не с кем разделить наплывшие чувства души; глядишь на жизнь и думаешь: живешь или нет? Уж очень она протекает-то слишком однообразно, и что новый день, то положение становится невыносимее, потому что все старое становится противным, жаждешь нового, лучшего, чистого, а это старое-то слишком по́шло. Ну ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. «Живу ли я, или жил ли я?» — такие задаю себе вопросы, после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувство<ва>ть себя, т<о> е<сть> своей души и силы, как животное. Я употреблю все меры, чтобы проснуться. Так жить — спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком скверно. Я тоже не читаю, не пишу пока, но думаю.

А я все-таки встречал тургеневских типов.

Слушай!

(Я сейчас в Москве.) Перед моим отъездом недели за две—за три у нас был праздник престольний, к священнику съехалось много гостей на вечер. Был приглашен и я. Там я встретился с Сардановской Анной (которой я посвятил стих<отворение> «Зачем зовешь т. р. м.»). Она познакомила меня с своей подругой (Марией Бальзамовой). Встреча эта на меня также подействовала, потому что после трех дней она уехала и в последний вечер в саду просила меня быть ее другом. Я согласился. Эта девушка тургеневская Лиза («Двор<янское> гн<ездо>») по своей душе. И по всем качествам, за исключением религиозных воззрений. Я простился с ней, знаю, что

навсегда, но она не изгладится из моей памяти при встрече с другой такой же женщиной.

Здоровье мое после 20 лучше. Курить я уже бросил.

Я недавно написал «Капли». Клеменов воскрес, но скоро умрет опять.

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.
Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.
Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяжелого,
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.
Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Москв<а>. Щипок. Магаз<ин> Крылова. Ал<ександру> Никит<овичу> Ясен<ину>, и для меня. Любящ<ий> т<ебя> Ес<енин> С.

7. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

После 18 августа 1912 г. Москва

Маня! Прости за все. Посылаю тебе адрес свой: М<осква>, Большой Строченовский пер., д. Крылова, 24, кв. 11. После этого все пойдет по-настояще-

му, а то я никак не мог устроиться. Приготовься к знакомству с Панфиловым (в письмах) и не говори, что для тебя все удовольствие — танцы, как проговорилась мне. Он не будет тогда представлять себе тебя в чистом, возвышенном духе. Прости — за скверное письмо и пошли его к самому Аду. С. Е.

Нет времени.

Объясн<ю> после.

8. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Август 1912 г. Москва

Дорогой Гриша, я получил твое письмо, за которое благодарствую тебе.

Проспекты я тебе уже отослал до твоей просьбы, а пересылки за них никакой нет, и ты не должен меня просить, что заплатишь марками. Между нами не должно быть никаких счетов. В таком случае мы будем Друзья. Желаешь если, я познакомлю вас письмами с М.Бальзамовой, она очень желает с тобой познакомиться, а при крайней нужде хотя в письмах. Она хочет идти в учительницы с полным сознаньем на пользу забитого и от света гонимого народа.

Я еще тебе посылаю странное письмо, но пойми все в нем и напиши письмо в ответ листовке.

Любящий тебя

Друг.

Есенин.

(Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу писать «Пророка», в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу. Если в твоей душе хранятся еще помимо какие мысли, то

прошу тебя, дай мне их как для необходимого материала. Укажи, каким путем идти, чтобы не зачернить себя в этом греховном сонме. Отныне даю тебе клятву. Буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига.)

9. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Август — начало (?) сентября 1912 г. Москва

Печальные сны охватили мою душу. Снова навевает на меня тоска угнетенное настроение. Готов плакать и плакать без конца. Все сформировавшиеся надежды рухнули, мрак окутал и прошлое и настоящее. «Скучные песни и грустные звуки» не дают мне покоя. Чего-то жду, во что-то верю и не верю. Не сбылися мечты святого дела. Планы рухнули, и все снова осталось на веру «Дальнейшего-будущего». Оно все покажет, но пока настоящее его разрушило. Была цель, были покушения, но тягостная сила их подавила, а потом устроила насильное триумфальное шествие. Все были на волоске и остались на материке. Ты все, конечно, понимаешь, что я тебе пишу. Ми<нистр>ов всех чуть было не отправили в пекло святого Сатаны, но вышло замешательство и все снова по-прежнему. На Ца + Ря не было ничего и ни малейшего намека, а хотели их, но злой рок обманул, и деспотизм еще будет владычествовать, пока не загорится заря. Сейчас пока меркнут звезды и расстилается тихий легкий туман, а заря еще не брезжит, но ведь перед этим или после этого угасания владычест-

ва ночи всегда бывает так. А заря недалека, и за нею светлый день. Посидим у моря, подождем погоды, когда-нибудь и утихнут бурные волны на нем и можно будет без опасения кататься на плоскодонном челноке.

НА ПАМЯТЬ ОБ УСОПШЕМ
У МОГИЛЫ

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой.

Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело никому не понятные
Мрачные тени легли.

Спит он, а ивы над ним наклонилися,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузилися,
Думают думы о нем.

Тихо от ветра, тоски напустившего,
Плачет, нахмурившись, даль,
Точно им всем безо времени сгибшего
Бедного юношу жаль.

Ответа!
Ответа!

10. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

Вторая половина сентября —
первая декада октября 1912 г. Москва

...Твой порыв может пройти. Ты встретишь достойного себе человека, умнее, серьезнее и сильнее душою меня. Сблизишься с ним и... тогда уже для тебя буду чужой и забытый, а если и не таким, то я и сам удалюсь от всех, чтобы чего-нибудь не причинить дурного. Так оно, Маня, и бывает.

«Оттого на душе у меня тяжело,
Злая грусть залегла» (прощай).

Не сердись на меня,
моя Маня!

Напишу Панфилову, что где-то, мол, есть Маня, которая гораздо стоит выше нас обоих. Одновременно с твоим письмом он мне прислал письмо и карточку.

11. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

14 октября 1912 г. Москва

Милая!

Как я рад, что наконец-то получил от тебя известия. Я почти безнадежно смотрел на ответ того, что высказал в своем горячем и безумном порыве. И.... И вдруг вопреки этому ты ответила. Милая, милая Маня. Ты спрашиваешь меня о моем здоровье, я тебе скажу, что чувствую себя неважно, очень больно ноет грудь. Да, Маня, я сам виноват в этом. Ты не знаешь, что я сделал с собой, но я тебе открою. Тяжело было, обидно переносить все, что сыпалось по моему

адресу. Надо мной смеялись, потом и над тобой. Сима открыто кричала: «Приведите сюда Сережу и Маню, где они?» Это она мстила мне за свою сестру. Она говорила раньше всем, что это моя «пассе», а потом вдруг все открылось. Да потом сама она, Анна-то, меня тоже удивила своим изменившимся, а может быть и не бывшим, порывом. За что мне было ее любить? Разве за все ее острые насмешки, которыми она меня осыпала раньше. Пусть она делала это и бессознательно, но я все-таки помнил это, но хотя и не открывал наружу. Я написал ей стихотворение, а потом (может, ты знаешь от нее) разорвал его. Я не хотел иметь просто с ней ничего общего. Они в слепоте смеялись надо мною, я открыл им глаза, а потом у меня снова явилось сознание, что это я сделал насильно, и все опять захотел покрыть туманом; все равно это было бы напрасно. И может быть когда-нибудь принесло мне страдания и растравило бы более душевные раны. Сима умерла заживо передо мной, Анна умирает.

Я, огорченный всем после всего, на мгновение поддался этому и даже почти сам сознал свое ничтожество. И мне стало обидно на себя. Я не вынес того, что про меня болтали пустые языки, и... и теперь от того болит моя грудь. Я выпил, хотя не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена. Я был в сознании, но передо мной немного все застилалось какою-то мутною дымкой. Потом, я сам не знаю, почему, вдруг начал пить молоко, и все прошло, хотя не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять все прошло, и никто ничего-ничего не узнал. Конечно, виноват я и сам, что поддался лживому ничтожеству, и виноваты и они со своею ложью. Живу

я в конторе Книготоргового т-ва «Культура». Но живется плохо. Я не могу примириться с конторой и с <е>е пустыми людьми.

Очень много барышень, и очень наивных. В первое время они совершенно меня замучили. Одна из них, черт ее бы взял, приставала, сволочь, поцеловать ее и только отвязалась тогда, когда я назвал ее дурой и послал к дьяволу. Никто почти меня не понимает, всего только-только двое слушают охотно; для остальных мои странные речи. Один академик, другой очень серьезный и милый юноша, как и я, чужды всем. Я насмехаюсь открыто надо всеми, и никто не понимает, лишь они. Получаю я немного, только 25 р., скоро прибавят, верно. Панфилов скоро пришлет мне ответ, и я ему дам адрес. Карточку я тебе пришлю после со своей. Обнимаю тебя, моя дорогая! Милая, почему ты не со мной и не возле меня.

Сережа.

На конверте:

Рязань
Хлебная ул. д. Ивана Фроловича
Фролова
В село Калитинку
для Учительницы М. П.
Бальзамовой

12. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

21 октября 1912 г. Москва

Дорогая Маня!

Благодарю сердечно за твой привет. Я очень много волновался после твоего письма. Зачем? Зачем ты проклинаешь несчастный и без того обиженный

народ. Неужели такие пустые показания, как, например, «украл корову», тебя так возмутили, что ты переменила вмиг свои направления, и в душе твоей случился переворот. Напрасно, напрасно, Маня. Это пустая и ничтожная, не имеющая значения причина. Много случается примеров гораздо серьезнее этого, от которых, пожалуй, и правда возникают сомнения и, на мгновение поддаваясь вспышке, готов поднять меч против всего, что тебя так возмущает, и невольно как-то из души вылетают презрительные слова по направлению к бедным страдальцам. Но после серьезного сознания это все проходит, и снова готов положить свою душу за право своих братьев. Подумай, от чего это происходит. (Я теперь тебя тоже уже буду причислять к моим противникам, но ты ничего особенного и другого чего не выводи.) Не вы ли своими холодными поступками заставляете своего брата (родства с которым вы не признаете) делать подобные преступления. Разве вы не видите его падения? Почему у вас не возникают мысли, что настанет день, когда он заплатит вам за все свои унижения и оскорбления. Зачем вы его не поддерживаете для того, чтобы он не сделал чего плохого благодаря своему безвыходному положению. Зачем же вы на его мрачное чело налагаете клеймо позора. Ведь оно принадлежит вам, и через ваше холодное равнодушие совершают подобные поступки. А если б я твоего увидел попика, то я обязательно наговорил бы ему дерзостей. Как он смеет судить, когда сам готов снять последний крест с груди бедняка. Небойсь, где хочешь бери четвертак ему за молебен. Ух, я б его... Хорошо ему со своей толстой, как купчихой, матушкой-то!.. Ну, ладно. Убежденного не убедишь.

Конечно, милая Мария, я тебя за это ругаю, но и прощаю все по твоей невинности.

Зачем ты мне задаешь все тот же вопрос? Ах, тебе приятно слышать его. Ну, конечно, конечно, люблю безмерно тебя, моя дорогая Маня. Я тоже готов бы к тебе улететь, да жаль, что все крылья в настоящее время подломаны. Наступит же когда-нибудь время, когда я заключу тебя в свои горячие объятья и разделю с тобой всю свою душу. Ах, как будет мне хорошо забыть все свои волненья у твоей груди. А может быть, все это мне не суждено! И я должен влачить те же суровые цепи земли, как и другие поэты. Наверное, прощай сладкие надежды утешенья, моя суровая жизнь не должна испытать этого. Пишу много под нависшею бурею гнева к деспотизму. Начал драму «Пророк». Читал ее у меня довольно образованный челов<ек>, кончив<ший> университет историко-филологического факультета. Удивляется, откуда у меня такой талант, сулит надежды на славу, а я посылаю ее к черту. Скоро и кончится конкурс Надсона. Прощай, моя милая, посылаю поцелуй тебе с этим письм<ом>. Панфилов очень рад, я ему сообщил. Жду твоего письма.

На конверте:

Рязань.
Хлебная ул. дом Ивана
Фроловича
Фролова
В село Калитинку, учительнице
М. П. Бальзамовой.

13. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Ноябрь 1912 г. Москва

...Да, еще со мной хочет познакомиться некая особа, весьма, по слухам, серьезная. Это какой-то Исай Павлов, юноша, как и мы, и с такими же порывами. Он прислал хозяину письмо, так как тот ему знаком и наболтал, конечно, что-нибудь про меня, то вот он и, конечно, захотел частью, может быть, из благой цели, а частью из гордости, увидеть мои сочинения и узнать, кто из нас лучше пишет. Ну, да простит ему Егова эту детскую (немного похоже на мальчишество) выходку. А так как я настоящим не имею бумаги и вся моя чепуха (реникса) лежит после великой разрухи <под> моей корзиной кверху дном, то я, нижеподписавшийся, не могу удовлетворить его требования. Но аще паки ему это (*не пондравится*), то я дондеже не могу ему дать, пока не наведу (раймонт) надо всем. Он хочет показать их с разрешением г-на Есенина Яблоновскому.

Э! Ты не жди от синьорины Бальзамовой ответа. Я уже с ней прикончил чепуху. Право слово, впоследствии это для нее будет вредно, если он<а> будет возжаться за мной. Письмами ее я славно истопил бы печку, но черт меня намекнул бросить их в клозет. И что же... Бумага, весом около пуда, все засорила, и, конечно, пришлось звать водопроводчика. И с ними-то беда, а с ней бы еще хуже.

Хорошо, все так кончилось. При встрече слезы, при расставании — смех и гордость.

Славно! Конец неначинающегося романа!

Ну, что же? — До свиданья.

Отвечай скорее.

14. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Ноябрь 1912 г. Москва

Дорогой Гриша!

Извини, что так долго не отвечал. Был болен, и с отцом шла неприятность. Теперь решено. Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи. После пасхи, как сказал мне дядя, еду в Петербург в имение, которое недалеко находится от Финляндии и где живет он сам. Эх, теперь, вероятно, ничего мне не видать родного. Ну что ж! Я отвоевал свою свободу. Теперь на квартиру к нему я хожу редко. Он мне сказал, что у них «мне нечего делать». Черт знает, что такое: в конторе жизнь становится невыносимее. Что делать?

Пишу письмо, а руки дрожат от волненья. Еще никогда я не испытывал таких угнетающих мук.

Грустно... Душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Ляжешь, а горькая дума
Так и не сходит с ума...
Голову кружит от шума,
Как же мне быть... и сама
Моя изнывает душа.
Нет утешенья ни в ком,
Ходишь едва-то дыша,
Мрачно и дико кругом.
Доля, зачем ты дана!
Голову негде склонить,
Жизнь и горька и бедна,
Тяжко без счастия жить.

Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему.

Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно. Невольно почему-то лезут в голову думы Кольцова:

«Мир есть тайна Бога,
Бог есть тайна мира».

Да, однако, если это тайна, то пусть ей и останется. Но мы все-таки должны знать, зачем живем, ведь я знаю, ты не скажешь: для того, чтобы умереть. Ты сам когда-то говорил: «А все-таки я думаю, что после смерти есть жизнь другая». Да, я то же думаю, но зачем она, жизнь? Зачем жить? На все ее мелочные сны и стремления положен венок заблуждения, сплетенный из шиповника. Ужели так и невозможно разгадать.

Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине
Хранят растения немые.
И где следы творенья рук,
Ужели все дела святые,
Ужели всемогущий звук
Живого слова сотворил.

Из «Смерти», начатой мною.

Пока и до свидания.

15. Г. А. ПАНФИЛОВУ

9 (?) или 10 (?) декабря 1912 г. Москва

М. Г.

Что же Вы там спите!

Пора, я думаю, ответить. Как, сполна получили, а? Слушай, Гриша, с твоей стороны очень нехорошо, что ты мне в течение 12+9 дней не писал, как говорится, ни капли. Э!!! Милостивый г..., не по правилам. Слушай, Гриша. Я писал тебе когда-то о г. Павлове. Теперь, со твоего, сударь, соизволения, могу я вас через письма познакомить. Этот го<споди>н оч<ень> желает поближе сойтись с нами, потому что убеждения его во многом сходны с нами. Кроме того, он вегетарианец, умеет затронуть кое-какие вопросы. Вообще, человек полного уразумения. Если тебе кажется странным сие, то я открою, что он уже по моим рассказам оч<ень> х<орошо> тебя знает и жаждет знакомства. Кроме всего, я сообщаю тебе велию новость. Одержимый, так ска-ть, бесами, я когда-то, тебе известно, испускал из своих уст и ноздрей дым кадильный сатаны; теперь же, благодаря сему Павлову, я бросил сию пакость. Я дал оному слово, «а давши слово — крепись».

Уничтожь сию банальность.

16. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Середина (?) декабря 1912 г. Москва

Прежде всего, лучше истина, чем лицемерие: ты думаешь, ты прав с своими укоризнами? Тебя оскорбило то, что я сказал: «*Что вы спите*». Но ведь ты лучше почитаешь истину и искренность. Знай же: я

это чувствовал и сказал. Я и всегда говорю, что чувствую. Что ты подозреваешь в этих словах? Если что-либо дурное, то я говорю тебе нет! Если тебе это кажется грубо, то прости, я извинения просить не буду. Я сказал искренно, так, как сказал бы всякий мужик, видя, что мешкают. Этими словами я не требовал от тебя подробного письма, а требовал только ответа, что получил ты книги или нет. Я боялся за них, потому что посланы были без цены, а квитанции я затерял. Если ты требуешь своим письмом от меня всего красивого, чистого, благородного, деликатного, но лицемерного, то знай, это не есть искренность, а я тебе сказал именно так (искренно). Если что-либо и встретилось в моем письме, затрагивающее струны твоей души, то знай, я не отвлеченная идея (какая-либо), а человек, не лишенный чувств, и недостатков, и слабостей. Вина не моя, что ты нашел оскорбление в моем письме,— вина твоя, что ты не мог разобрать. Если я употребил М. Г., то посмотри на окончание всей фразы и погляди, кому она сказана и можно ли так называть двух лиц. Не я тебя оскорбил, ты сам себя и меня, и меня до обидных слез. Знай, где твой находился в это время идеал? Или в это время он откачнулся от тебя, или ты от него. Я не знаю, но вижу. За все твои слова я мог бы сказать, как Рахметов («Что делать?», Чернышевский): «Ты или подлец, или лжец». Но я не хочу и особого равнодушия не имею, и притом глубоко тебя знаю и ценил как лучшего друга. Все-таки рана оскорбления лежит у меня на груди. Не было изо всех писем горше и худше сего письма!!! Во-первых, стыдны для тебя такие шаблонные требования, как Бальзамова и карточка. Здесь должно если быть, то все уже направ-

ленное к эгоизму. Хочешь быть идеалистом и противником общества, а сам строго соблюдаешь все светские приличия и рад за них подорвать все основы дружбы. Теперь уже не дружба, а жалкие шатающиеся останки, которые, может быть, рухнут при малейшем противоречии.

Ответа просить я не буду, потому что, может быть, будет тебе неприятно и ты не сочтешь себя обязанным и виновным перед собою. Почему-то невольно лезут в голову мрачные строчки:

Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна.

17. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

26 января 1913 г. Москва

Здравствуй, Маня!

Глубоко благодарю тебя за твое письмо. Маня, я не виновен совершенно в нашем периоде молчания. Ты виновата кругом. Я тебе говорил когда-то, что я, думаю, приношу людям, которые меня окружают, несчастие, а потому или я их покидаю, или они меня. Я подумал, что я тебе причинил боль, а потому ты со мной не желаешь иметь ничего общего. С тяжелой болью я перенес свои волнения. Мне было горько и обидно ждать это от тебя. Ведь ты говорила, что никогда меня не бросишь. Ты во всем виновна, Маня. Я обиделся на тебя и сделал великую для себя рану.

Я разорвал все твои письма, чтобы они более никогда не терзали мою душу. Ведь ты сама понимаешь, как тяжело переносить это. Но виновата ты. Я не защищаю себя, но все же ты, ты виновная. Прости меня, если

тебе обидно слышать мои упреки, ведь это я любя. Ты могла ответить Панфилову, и то тогда ничего бы не было. Долго не получая письма, я написал ему, что между тобой и мной все кончено. (Я так думал.) Он выразил глубокое сожаление в следующих словах: «Неужели и она оказалась такой же бездушной машиной, жаль, Сережа, твои ошибки». При том просил объяснения причины, я ему по сие время не отвечал. В это время наша дружба с ним еще более скрепилась, переписка у нас участилась. Мы открывали все, все, что только чувствовали, друг перед другом. Помню, он мне сказал на мое письмо, в котором я ему писал: «И скучно и грустно, и некому руку подать» (Лермонтов),— он ответил продолжением и сказал еще: «Чего мы ждем с тобою, друг; время-то не ждет, можно с громадным успехом увязнуть в мире житейской суеты и разврата. „А годы проходят, все лучшие годы“ (Лер<монтов>)». Потом мы разбирали Великого идеалиста Пырикова, нашего друга, который умер 18 лет, 912 г. июня месяца. Он стал жертвой семьи и деспотизма окружающих. Умер от чахотки.

«Пророк» мой кончен, слава Богу.
Мне надоело уж писать,
Теперь я буду понемногу
Свои ошибки разбирать.

Очень удачно я его написал в экономическом отношении (черновик — 10 листов больших, и 10 листов беловых написал), только уж очень резко я обличал пороки развратных людей мира сего.

Надеюсь на тебя, как на друга и даже больше чем друга (если не понравится, то я не буду тебя считать больше друга, потому что это = + равенству и един-

ству), что ты мне все простишь, и мы снова будем жить по-прежнему и даже должны лучше.

Глубоко любящий тебя
С.Есенин

На конверте:

Рязань.
Хлебная ул. д. Ивана Фрол.
Фролова
Передать в село Калитинку
для Учительницы
Марии П. Бальзамовой

18. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

9 февраля 1913 г. Москва

Дорогая Маня! Благодарю за ответ. Ты просишь объяснения слов «чего — ... ждем». Здесь очень все ясно. Ведь ты знаешь, что случилось с Молотовым (герой романа Помялов<ского>). Посмотри, какой он идеалист и либерал, и чем он кончает. Эх, действительно что-то скучно, господа! Жениться, забыть все свои порывы, изменить убеждениям и окунуться в пошлые радости семейной жизни. Зачем, зачем он совершил такой шаг. (А Помяловского я теперь не признаю, хотя и не признавал, он слишком снисходительно относится к его поступкам.)

Вот и с нами, пожалуй, может случиться сие.

Начинаю так, чтобы больше тебе написать.

Ты ошибаешься, что я писал драму в прозе. Нет, я писал, как обыкновенно, стихами. Теперь меня опять заставляют его переписать. Есть немного ошибок со стороны логики, это вещь неважная. Читала

ли ты когда в «Русском слове» статьи Яблоновского? Я с ним говорил по телефону относительно себя, он просил меня прислать ему все мои вещи. У меня теперь много. Теперь у меня есть еще новый друг, некто Исай Павлов, по убеждениям сходен с нами (с Панфиловым и мною), последователь и ярый поклонник Толстого, тоже вегетарианец. Он увлекается моими твореньями, заучивает их наизусть, поправляет по своему взгляду и наконец отнес Яблоновскому. Вот я теперь жду, что мне скажут. Панфилову, я думаю, тебе не следует писать после всего этого. Но ты, впрочем, как хочешь, я не знаю...

Стихотворение тебе я уже давно написал, но както написать в письме было неохота. Я, признаться сказать, не люблю писать письма, читать их люблю. Я не знаю, почему такое сегодня я вышел из рамок, обыкновенно я всегда стараюсь как бы поскорее отделаться от письма. Потому и грешен, иногда совершенно упускаю из виду нарочно разные деловые вопросы. Панфилов и то наконец примирился со мной. Он страстно любит писать письма. Ну да ладно. Вот тебе стихотворение:

Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упадали,
И было тяжело и так печально мне,
И все же мы друг друга не поняли.

Умчалась ты в далекие края,
И все мечты мои увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и привета.

И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,

И вижу я в мечтах мне милый образ твой,
И слышу в тишине тоскливые рыданья.

Больше, хоть убей, не могу дописать письма, да, к счастию, уже половина 1-го.

Засиделся с тобою, а завтра что?

Ну, пожелаю доброй ночи
и приятных снов.

На конверте:

Рязань.
Хлебная улица.
Д. И. Ф. Фролова
передать в село
Калитинку
Е. В. Б. учительнице
Марии Парьменовной
Бальзамовой.

19. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Вторая половина февраля — начало марта (?) 1913 г. Константиново

Дорогой Гриша! Прости, что долго не писал. (Забудем прошлое, уставим общий лад.) Гриша, сейчас я нахожусь дома. Каким образом я попал, объяснить в этом письме не представляется возможности. Но зато все это знает Павлов. Знаешь, Гриша, ты пиши поскорее ему письмо. Он просил меня об этом. Сейчас я совершенно разлаженный. Кругом все больно и на все тяжело и обидно.

Не знаю, много ли времени продолжится это животное состояние. Я попал в тяжелые тиски отца. Жаль, что я молод!... Никак не вывернешься.

Не знаю, что и писать, и голова тяжела, как свинец.

Отовсюду по роже скользит влага. Удрученное состояние. Скоро поеду в Рязань.

Слушай, ты пропиши Павлову, что я писать пока ему погожу. Но я, скажи ему, весьма всем доволен и очень рад, что его духовный перелом увенчался смиренным Раскаянием. Я нисколько на это не сетую.

Все остальное я объясню тебе после.

Присылай наклейку. Я купил Надсона за 2 р. 25 к., как у Хитрова, только краска коричневая.

Слишком больно голову.

С. Е.

Спроси его, *как конкурс?*

20. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Между 16 марта и 13 апреля 1913 г. Москва

Дорогой Гриша!

Извини, что запоздал ответом. Вопрос о том, изменился ли я в чем-либо, заставил меня подумать и проанализировать себя. Да, я изменился. Я изменился во взглядах, но убеждения те же и еще глубже засели в глубине души. По личным убеждениям я бросил есть мясо и рыбу, прихотливые вещи, как-то вроде шоколада, какао, кофе не употребляю и табак не курю. Этому всему будет скоро 4 месяца. На людей я стал смотреть тоже иначе. Гений для меня — человек слова и дела, как Христос. Все остальные, кроме Будды, представляют не что иное, как блудники, попавшие в пучину разврата. Разумеется, я и имею симпатию и к таковым людям, как,

напр<имер>, Белинский, Надсон, Гаршин и Златовратский и др., но как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов — я не признаю. Тебе, конечно, известны цинизм А.П<ушкина>, грубость и невежество М.Л<ермонтова>, ложь и хитрость А.К<ольцова>, лицемерие, азарт и карты, и притеснение дворовых Н. Н<екрасовым>. Гоголь — это настоящий апостол невежества, как и назвал его Б<елинский> в своем знаменитом письме. А про Некрасова можешь даже судить по стихотвор<ению> Никитина «Поэту обличителю». Когда-то ты мне писал о Бодлере и Кропоткине, этих подлецах, о которых мы с тобой поговорим после. Жаль, что не приходится нам увидеться, мы бы поговорили чередом, а не как в письмах. На пасху я поеду домой и не теряю надежды съездить к тебе, хотя бы на один день. Недавно я устраивал агитацию среди рабочих, письмом. Я распространял среди них ежемесячный журнал «Огни» с демократическим направлением. Очень хорошая вещь. Цена годовая 65 к. Ты должен обязательно подписаться. После пасхи я буду там помещать свои вещи.

Уж ты, брат, постарайся, напиши другую наклеечку. Если ты ее посылал в том письме, то, значит, ей и капут, она, вероятно, уже сгинула. Жаль, что я не люблю писать письма. Я бы все вылил, что чувствовал. Гриша, напиши, что ты там затевал творить. Очень мне интересно знать, что бы это было.

Вот тебе стихотворение нашего современного поэта Корецкого, очень хорошее по мысли:

Наклонившись над жалкой фиалкой,
Ты сегодня спросила меня:

«Отчего такой хмурой и жалкой
Она стала в сиянии дня?»
О Дитя! Так и сердце поэта
Расцветает, где сумрак ночной,
Там, где много и красок и света,
Бесполезно блистать красотой.

Любящий т<ебя> С. Е.

21. Г. А. ПАНФИЛОВУ

23 апреля 1913 г. Москва

Москва. 23 апреля 13 года.

Милый Гриша, извиняюсь перед тобой за свое неисполненное обещание. Условия, Брат, условия помешали. Точки и запятые стали на пути и заградили дорогу. Тебе странными покажутся эти слова, но, к сожалению, увы! — это правда.

Итак, я бросил есть мясо, рыбы тоже не кушаю, сахар не употребляю, хочу скидавать с себя все кожаное, но не хочу носить названия «Вегетарианец». К чему это? Зачем? Я человек, познавший Истину, я не хочу более носить клички христианина и крестьянина, к чему я буду унижать свое достоинство. *Я есть ты. Я в тебе, а ты во мне.* То же хотел доказать Христос, но почему-то обратился не прямо непосредственно к человеку, а ко Отцу, да еще небесному, под которым аллегорировал все царство природы. Как не стыдны и не унизительны эти глупые названия? Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами. Разве я при воле не могу быть Христом, разве ты

тоже не пойдешь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего. Ох, Гриша! Как нелепа вся наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды. Условия, как я начал, везде должны быть условия, и у всего должны причины являться следствием. Без причины не может быть следствия, и без следствия не может быть причины. Не будь сознания в человеке по отношению к «я» и «ты», не было бы Христа и не было бы при полном усовершенствовании добра губительных крестов и виселиц. Да ты посмотри, кто распинает-то? Не ты ли и я, и кого же опять, меня или тебя. Только больные умом и духом не могут чувствовать это. Войдя в мое положение или в чье-либо другое, проверь себя, не сделал бы ли ты того, что сделал другой, поставь себя в одинаковые условия и в однородную степень понимания, и увидишь доказательство истинных слов: *Я есть ты*. Меня считают сумасшедшим и уже хотели было везти к психиатру, но я послал всех к Сатане и живу, хотя некоторые опасаются моего приближения. Ты понимаешь, как это тяжело, однако приходится мириться с этим и отдавать предпочтение и молиться за своих врагов. Ведь я сделал бы то же самое на месте любого моего соперника по отношению к себе, находясь в его условиях. Да, Гриша, люби и жалей людей — и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников: ты мог и можешь быть любым из них. Люби и угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай лаской жизненные болезни людей. Не избегай сойти с высоты, ибо не почувствуешь низа и не будешь о нем иметь представления. Только можно понимать человека, разбирая его

жизнь и входя в его положение. *Все люди — одна душа. Истина должна быть истиной, у нее нет доказательств, и за ней нет границ, ибо она сама альфа и омега.*

В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение. Нельзя человеку познать Истину, не переходя в условия и не переживая некоторые ступени, в которых является личное единичное сомнение. Нет истины без света, и нет света без истины, ибо свет исходит от истины, а истина исходит от света. Что мне блага мирские? Зачем завидовать тому, кто обладает талантом,— я есть ты, и мне доступно все, что доступно тебе. Ты богат в истине, и я тоже могу достигнуть того, чем обладает твоя душа. Живое слово пробудит заснувшую душу, даст почувствовать ей ее ничтожество, и проснется она, и поднимет свои ослепленные светом истины очи и уже не закроет их, ибо впереди мрак готовит напасти, а затишье принесет невзгоды, она пойдет смело к правде, добру и свободе.

Так вот она, загадка жизни людей. Прочь малодушие. Долой взгляды на лета: мудрость, удел немногих избранных, не может быть мудростью. Всякий мудрый и всякий умен по-своему, и всякий должен прийти к тому же, и для всякого одна истина: *Я есть ты.* Кто может понять это, для того нет более неразгаданных тайн. Если бы люди понимали это, а особенно ученые-то, то не было <бы> крови на земле и брат не был бы рабом брата. Не стали бы восстанавливать истину насилием, ибо это уже не есть истина, а истина познается в истине. Живи так, как будто сейчас же должен умереть, ибо это есть лучшее стремление к истине. Человек! Подумай, что́

твоя жизнь, когда на пути зловещие раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны. Жизнь в обратной колее. Счастье — удел несчастных, несчастье — удел счастливых. Ничья душа не может не чувствовать своих страданий, а мои муки — твоя печаль, твоя печаль — мои терзанья. Я, страдая, могу радоваться твоей жизнью, которая протекает в довольстве и наслаждении в истине. Вот она, жизнь, а ее назначение Истина, которая определила назначение, где альфа, там и омега, а где Начало, там и конец.

Злобою сердце томиться устало,
Мно<го> в нем правды, да радости мало.

Да, Гриша, тяжело на белом свете. Хотел я с тобой поговорить о себе, а зашел к другим. Свет Истины заманил меня к своему Очагу. Там лучше. Там дышится вольней и свободней, там не чувствуется того мучения и угрызений совести, которые окружают всех во мраке злобы и разврата. Хоть поговоришь-то о ней (об истине), и то облегчишь свою душу, а сделаешь если что, то счастлив безмерно. И нет пределам земной радости, которая, к сожалению, разрушается пошлостью безвременья. И опять тяжело тогда, и приходится говорить:

Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна.

22. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

Между маем и декабрем 1913 г. Москва

Жизнь — это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущенный хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений. Но есть среди них в светлом облике непорочные, чистые, как бледные огни догорающего заката. Лучи солнышка влюбились в зеленую ткань земли и во все ее существо и бесстыдно, незаметно прелюбодействуют с нею. Люди нашли идеалом красоту и нагло стоят перед оголенной женщиной, и щупают ее жирное тело, и разражаются похотью. И эта-то игра чувств, чувств постыдных, мерзких и гадких, назван<а> у них любовью. Так вот она, любовь! Вот чего ждут люди с трепетным замиранием сердца. «Наслаждения, наслаждения!» — кричит их бесстыдный, зараженный одуряющим запахом тела в бессмысленном и слепом заблуждении, дух. Люди все — эгоисты. Все и каждый только любит себя и желает, чтобы все перед ним преклонялось и доставляло ему то животное чувство — наслаждение.

Но есть люди, которые с тоскою проходят свой жизненный путь, и не могут они без отвращения смотреть на дикие порывы человечества к этому наслаждению. Редко улыбается им мрачная жизнь, построенная на началах преступления, увязшая в пороках и разврате и не желающая оттуда вылезти; не могут они равнодушно переносить окружающую пустоту, и дух их тоскует и рвется к какому-то неведомому миру, и они умирают не перед раскрытыми вопросами отвратительной жизни,— увядают эти белые

чистые цветы среди кровавого болота, покрытого всею чернотой и отбросами жизни.

Жизнь идет не по тому направленью, и люди, влекомые ее шумным потоком, не в силах сопротивляться ей и исчезают в водовороте ее жуткой и страшной пропасти.

Человек любит не другого, а себя, и желает от него исчерпать все наслаждения. Для него безразлично, кто бы он ни был, лишь бы ему было хорошо. Женщина, влюбившись в мужчину, в припадках страсти может отдаваться другому, а потом раскаиваться, но ведь этого мало, а больше нечем закрыть вины и к прошлому тоже затворены двери, и жизнь действительно пуста, больна и глупа. Я знаю, ты любишь меня, но подвернись к тебе сейчас красивый, здоровый и румяный с вьющимися волосами другой — крепкий по сложению и обаятельный по нежности, и ты забудешь весь мир от одного его прикосновения, а меня и подавно, отдашь ему все свои чистые девственные заветы. И что же, не прав ли мой вывод.

К чему же жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души. Я один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой. Будь это мужчина или женщина, я все равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошел бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения.

Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит и мысли путаются, разбиваясь об ост-

рые скалы — жизни, как чистые хрустальные волны моря.

Я не могу придумать, что со мной. Но если так продолжится еще,— я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую.

23. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

29 мая 1913 г. Москва

Моя просьба осталась тщетною. Вероятно, я не стою Вашего внимания.

Конечно, Вам низко или, быть может, трудно написать было 2 строчки, ну, так прошу извинения, в следующий раз беспокоить не стану. Успокойтесь, прощайте!

С. Е.

На обороте:

Рязань
Троицкая слобода
В квартиру Диакона Бальзамова
г-же Марии Парменовной
Бальзамовой

24. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

1 июня 1913 г. Москва

Как грустно мне твое явленье!
Весна, весна, пора любви!

Милая Маня! Благодарю, благодарю глубоко и сердечно за твое великодушие. Я знаю, ты, конечно, уже все слышала о последнем моем периоде жизни.

Маня, я искренно жалею, что не пришлось довершить до конца этих святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды. Кто знает, может быть, это самые высокие идеалы, которых еще пугается человечество, но раз им не пришлось осуществиться, так предоставим их разбирать уже дальнейшему поколению. Воли у меня хватило бы идти на крест, но силы душевной и телесной совершенно был лишен я. Ну... Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему поднимать старые раны!.. Ох, как тяжело, Маня! Да и зачем я буду мучить себя.

Слишком больно!

Прости, что плохо и нечетко пишу. На лице около нижней губы почему-то выступили угри, чего сроду не было со мной, брил бороду и срезал их, так принялись болеть, и вот повязался и все время невольно хватаюсь рукою. Ну, как ты поживаешь? Думаешь ли ты опять в Калитинку на зимовку? Я, может быть, тогда бы тебя навестил. Да, кстати, нам необходимо с тобой увидеться и излить пред собою все чувства, но это немного спустя, когда ты устроишься одна. Я знаю, наверное уже тебя притесняют родители, но, Маня, ты на них не сердись, они всегда тебе желают добра, а это, небось думают, увлеклась; как бы худого чего не было. Я боюсь только одного, как бы тебя не выдали замуж. Приглянешься кому-нибудь и сама... не прочь — и согласишься. Но я только предполагаю, а еще хорошо-то не знаю. Ведь, Маня, милая Маня, слишком мало мы видели друг друга. Почему ты не открылась мне тогда, когда плакала? Ведь я был такой чистый тогда, что и не подозревал в тебе этого чувства, я думал, так ты ко мне относилась из жалости, потому что хорошо поняла меня. И опять,

опять: между нами не было даже, как символа любви, поцелуя, не говоря уже о далеких, глубоких и близких отношени<ях>, которые нарушают заветы целомудрия, и от чего любовь обоих сердец чувствуется больнее и сильнее.

Ну, как приняла письма мои г-жа Сардановская. Я посылал им письмо, но они, наверное, не поняли его, как я предполагаю. Они подумают в обратную сторону.

На квартире я теперь в № 13. Благодарю за карточку-открытку. Я получил ее. Фотографию немедленно присылай. Прямо пробную. Я слышал, ты совсем стала выглядывать женщиной, а я ведь пред тобою мальчик. Да и совсем я невзрачный. Я уже было разочаровался в получении вести от тебя. Ты знаешь, я не курю, но думаю начать. Очень скучно, а работать, заняться чем, так я и совсем себе отдыху не даю. Последнее время пишу поэму «Тоска», где вывожу под героем самого себя и нещадно критикую и осмеиваю. Что ж делать, такой я несчастный, что и сам себя презираю. Только тебя я не могу понять, смешно, право, за что ты меня любишь. Заслужил ли я. Ведь это было как мимолетное виденье.

Ес. Любящий
тебя. Серг.

На конверте:

Рязань.
Хлебная улица.
д. Ивана Фроловича
Фролова
передать Марии
Парменовной
Бальзамовой

25. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

12 июня 1913 г. Москва

Благодарю!

Карточку не намерен задерживать и возвращаю сейчас же по твоему требованию.

Писать мне нет времени, да и при том я уже больше и не знаю что. Относительно свидания я тоже не могу ничего сказать, может быть, ты и не ошибаешься, что «никогда», *может быть*!

Если не понравится тон письма, то я писал параллельно твоему.

Сердце тоскою томиться устало —
Много в нем правды, да радости мало...

Пусть и несвязно следует дальше стихотворение Надсона:

Умерла моя муза —
недолго она
Озаряла мои одинокие дни!
Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна.

Письмо твое меня огорчило, если действительно нет искренности, так к чему же надевать маску лицемерия. Лучше уж разом нанести удар, чем медленно точить острые язвы. Я думаю, это крайне неблагородно.

Продолжайте дальше!

если тебе нравится эта игра, но я говорю, что так

делать постыдно, если ты не чувствуешь боли, то, по крайней мере, я говорю, что мне больно. Я и так не видал просвета от своих страданий, и неужели ты намерена так подло меня мучить. Я пошел к тебе с открытою душой, а ты мне подставила спину, но я не хочу, я и так без тебя истомился.

Довольно! Довольно!

На конверте:

Рязань.
Хлебная улица
д. Ивана Фроловича
Фролова
передать г-же Бальзамовой
Марии Парьменовной

26. Г. А. ПАНФИЛОВУ

16 июня 1913 г. Москва

Дорогой Гриша! Извини меня, что я так долго не отвечал тебе. Была великая распря! Отец все у меня отнял, так как я до сих пор еще с ним не примирился. Я, конечно, не стал с ним скандалить, отдал ему все, но сам остался в безвыходном положении. Особенно душило меня безденежье, но я все-таки твердо вынес удар роковой судьбы, ни к кому не обращался и ни перед кем не заискивал. Главный голод меня миновал. Теперь же чувствую себя немного лучше. Ты уж меня прости. Я извиняюсь перед тобою, но ты не знаешь, как это трудно. Пока всего хорошего.

Жду ответа.

С.

На обороте:

Спас-Клепики
Рязанского уезда.
Григорию Андреевичу
Панфилову.

27. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

20 июня 1913 г. Москва

Не ты во мне ошиблась, а я в тебе. Я не таков, каким ты меня сейчас себе представляешь. Письма мои вовсе не составят тебе моего миросозерцания. В них одна пустая болтовня, а о чем-либо серьезном говорить с тобой я не имел надобности. Ты вовсе не такова, какой выказываешь себя в последнее время, это тебе только кажется. Я был с тобой неискренен. Начиная после рождества, не я разбиваю нашу любовь, а ты ее загрязнила. Поменее бы тебе доверяться Симам и Марусям и читать каждому мои письма, тогда бы я не стал тебе предлагать разойтись. Ты передо всеми меня, благодаря своей бесхарактерности, осмеяла и зачернила.

Ведь это не что иное, как мальчишество; хвалиться тем, что в тебя влюблены, слишком низко и неблагородно. Я напрасно только тебя жалею. Ты могла бы найти во мне гораздо больше, чем предполагала. Но ты не хотела. Иначе ты поберегла бы свою неуместную болтливость. Прежде чем тебе говорить о том, что ты серьезна, я советую тебе покрепче держать язык за зубами. Все равно, если ты полюбишь другого, то и тот бросит тебя в таком случае. Ты-то думаешь, мне не больно расставаться с тобой. Я тебя до сих пор люблю, несмотря на все. Но с тобой еще

ничего нельзя иметь. Ты совсем еще девочка, которая передает maman, что за ней сегодня ухаживали. Если хочешь быть счастливой и чтобы тебя любили, то поменьше доверяйся кому-либо. Это глупо и смешно. Сережа.

На конверте:

Рязань.
Хлебная ул.
д. И. Ф. Фролова
для Е. В. Б. Марии Параменовной
Бальзамовой.

28. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

Первая половина сентября 1913 г. Москва

Читаю твое письмо и, право, удивляюсь. Где же у тебя бывают мысли в то время, когда ты пишешь? Или витают под облаками? То ты пишешь, что не можешь дать своей фотографии, потому что вряд ли мы увидимся, то ссылаешься на то, что надо продолжить. Ты называешь меня ребенком, но увы, я уже не такой ребенок, как ты думаешь, меня жизнь достаточно пощелкала, особенно за этот год. Мало ли какие были у меня тяжелые минуты, когда к сознанью являлась мысль, да стоит ли жить? Твое письмо меня застало в такой период. Что я говорил, я никогда не прикрашивал, и идеализм мой действительно был таков, каким представляли его себе люди — люди понимающие. Я был сплошная идея. Теперь же и половину не осталось того. И это произошло со мной не потому, что я молод и колеблюсь под чужими взглядами, но нет, я встретил на пути жестокие преграды, и, к сожалению, меня окружали все

подлые людишки. Я не доверяюсь ничьему авторитету, я шел по собственному расписанию жизни, но назначенные уроки терпели крах. Постепенно во мне угасла вера в людей, и уже я не такой искренний со всеми. Кто виноват в этом? Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души. Теперь во мне только еще сомнения в ничтожестве человеческой жизни. Но не думай ты, что я изменил своему народу! Нет! Горе тем, кто пьет кровь моего брата! И горе моему брату, если он обратит свободу, доставленную ему кровью борцов идей и титанов трудов, во зло ближнего,— и его настигнет карающая рука за неправду. Это я говорю в частности, вообще же я против всякого насилия и суда. Человек никогда ничего не делает плохого; он только ошибается, а это свойственно ему. Во мне всё сомнения, но не думай, чтоб я из них извлекал выгоду, я положительно от себя отказался, и если кому-нибудь нужна моя жизнь, то пожалуйста, готов к услугам, но только с предупреждением: она не из завидных. Любить безумно я никого еще не любил, хотя влюбился бы уже давно, но ты все-таки стоишь у дверей моего сердца. Но откровенно говоря — эта вся наша переписка-игра, в которой лежат догадки,— да стоит ли она свеч.

Я еще вполне не доверяюсь тебе, но все-таки тебя люблю за всё, как ни смешно, что это «всё» в письмах. Но моя душа как будто переживает — те счастливые минуты, про которые ты мне говоришь из своего далека. На курсы я тебе советую поступить, здесь ты узнаешь, какие нужно носить чулки, чтоб нравиться мужчинам, и как строить глазки и кокетливо подводить их под орбиты. Потом можешь скоро на танцевальных вечерах (в ногах твоя душа) сойтись

с любым студентом и составишь себе прекрасную партию, и будешь жить ты припеваючи. Пойдут дети, вырастите какого-нибудь подлеца и будете радоваться, какие получает он большие деньги, которые стоят жизни бедняков. Вот все, что я могу тебе сказать о твоих планах, а рельефный тип для тебя всего этого «СИМА».

Я же не намерен никуда поступать, так как наука нашего времени — ложь и преступление. А читать, я и так свой кругозор знаний расширяю анализом под собственным наблюдением. Мне нужно себя — а не другого, напичканного чужими суждениями. Печатать я свои произведения отложил со второй корректуры, т. е. они напечатаны, но не вышли в свет, так как я решил ждать критика Измайлова, который нах<одится> за границей. Сейчас в Москве из литераторов никого нет.

Слыхала ль ты про поэта Белоусова — друг Дрожжина; я с ним знаком, и он находит, что у меня талант, и талант истинный. Я тебе это говорю не из тщеславия, а так, как любимому человеку. Он еще кой-что говорил мне, но это пусть будет при мне, может быть, покажется странным и даже сверхъестественным. Если письмо мое поразит тебя колкостями, то я в таком состоянии, когда мне все на свете постыло. И сам себе не мил, и даже ты не хороша. Верно, Маня, мало в тебе соков, из которых можно было бы выжать кой-что полезное, а это я говорю на основании твоих слов: «Танцы — душа моя!» Бедная, душу-то ты схоронила в ноги!

Зачем, когда так много хороша иначе.

Любящий С.

Как-нибудь пришлю тебе стихотвор<ение> «Ме-

теор», написанное мною недавно. По отзывам других, очень хорошее, но мне не нравится.

Фотографию я тебя не обязываю давать, как хочешь, а просить я не буду.

Я смело решил отпарировывать удары судьбы. И даже если ты со мной прикончишь неначинающийся роман, вынесу без боли и сожаленья. На все удел терпенья.

29. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Первая половина (?) сентября 1913 г. Москва

Дорогой Гриша!

Извини, что запоздал ответом. Я все дожидался, чтобы послать тебе вырезку из газеты со своим стихотворением, но оказывается, это еще немного продолжится. Пришлю после.

Ты просишь рассказать тебе, что со мной произошло, изволь. Во-первых, я зарегистрован в числе всех профессионалистов, во-вторых, у меня был обыск, но все пока кончилось благополучно. Вот и все.

Живется мне тоже здесь незавидно. Думаю во что бы то ни стало удрать в Питер. Москва — это бездушный город, и все, кто рвется к солнцу и свету, большей частью бегут от нее. Москва не есть двигатель литературного развития, а она всем пользуется готовым из Петербурга. Здесь нет ни одного журнала. Положительно ни одного. Есть, но которые только годны на помойку, вроде «Вокруг света», «Огонек». Люди здесь большей частью волки из корысти. За грош они рады продать родного брата. Все здесь построено на развлечении, а это развлечение покупают ценой крови.

Да, мельчает публика. Портятся нравы, а об остальном уж и говорить нельзя.

Читал ли ты роман Ропшина «То, чего не было» из эпохи 5 годов. Очень замечательная вещь.

Вот где наяву необузданное мальчишество революционеров 5 года. Да, Гриша, все-таки они отодвинули свободу лет на 20 назад. Но біс с ними, пусть им себе галушки с маком кушают на энтом світи. Пока больше не знаю, что писать.

Любящий т<ебя> Сережа.

Не обижайся, что замедлил.

Карточку давай сюда!!!

30. Г. А. ПАНФИЛОВУ

После 23 сентября 1913 г. Москва

Сбейте мне цепи, скиньте оковы!
Тяжко и больно железо носить.
Дайте мне волю, желанную волю,
Я научу вас свободу любить.

Увы мне, увы мне! Тебе ничего там не видно и не слышно в углу твоего прекрасного далека. Там возле тебя мирно и плавно текут, чередуясь, блаженные дни, а здесь кипит, бурлит и сверлит холодное время, подхватывая на своем течении всякие зародыши правды, стискивает в свои ледяные объятия и несет Бог весть куда в далекие края, откуда никто не приходит. Ты обижаешься, почему я так долго молчу, но что я могу сделать, когда на устах моих печать, да и не на моих одних.

Гонима, Русь, ты беспощадным роком
За грех иной, чем гордый Билеам.
Заграждены уста твоим пророкам
И слово вольное дано твоим ослам.

Мрачные тучи сгустились над моей головой, кругом неправда и обман. Разбиты сладостные грезы, и все унес промчавшийся вихорь в своем кошмарном круговороте. Наконец и приходится сказать, что жизнь — это действительно «пустая и глупая шутка». Судьба играет мною. Она, как капризное дитя, то смеется, то плачет. Ты, вероятно, получил неприятное для тебя письмо от моего столь любезного батюшки, где он тебя пробирает на все корки. Но я не виноват здесь. Это твоя неосторожность чуть было <не> упрятала меня в казенную палату. Ведь я же писал тебе: перемени конверты и почерк. За мной следят, и еще совсем недавно был обыск у меня на квартире. Объяснять в письме все не стану, ибо от сих пашей и их всевидящего ока не скроешь и булавочной головы. Приходится молчать. Письма мои кто-то читает, но с большой аккуратностью, не разрывая конверта. Еще раз прошу тебя, резких тонов при письме избегай, а то это кончится все печально и для меня, и для тебя. Причину всего объясню после, а когда, сам не знаю. Во всяком случае, когда угомонится эта разразившаяся гроза.

А теперь поговорим о другом. Ну как ты себе поживаешь. Я чувствую себя прескверно. Тяжело на душе, злая грусть залегла. Вот и гаснет румяное лето со своими огненными зорями, а я и не видал его за стеной типографии. Куда ни взгляни, взор всюду встречает мертвую почву холодных камней, и только и видишь серые здания да пеструю мостовую, кото-

рая вся обрызгана кровью жертв 1905 г. Здесь много садов, оранжерей, но что они в сравнении с красотами родимых полей и лесов. Да и люди-то здесь совсем не такие. Да, друг, идеализм здесь отжил свой век, и с кем ни поговори, услышишь одно и то же: «Деньги — главное дело», а если будешь возражать, то тебе говорят: «Молод, зелен, поживешь — изменишься». И уже заранее причисляют к героям мещанского счастья, считая это лучшим блаженством жизни. Все погрузились в себя, и если бы снова явился Христос, то он и снова погиб бы, не разбудив эти заснувшие души.

Жизнь невеселая, жизнь терпеливая,
Горько она, моя бедная, движется.

Да, я частенько завидую твоему другу Пырикову. Вероятно, его боги слишком любили, что судили ему умереть молодым. Как хорошо закатиться звездой пред рассветом, но а сейчас-то его пока нет и не видно. Кругом мрак.

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя!

Дела мои не особенно веселят. Поступил в университет Шанявского на историко-философский отдел, но со средствами приходится скандалить. Не знаю, как буду держаться, а силы так мало. Я не знаю, что ты там засел в Клепиках, пора бы и вырваться на волю. Ужели тебя не гнетет та удушливая атмосфера? Здесь хоть поговорить с кем можно и послушать есть чего. Пока, думаю довольно с меня разводить эти

мертвые каракули. Скука невыносимая. «Все мошенники и подлецы. Есть только один порядочный человек, губернатор города NN, да и тот, по правде сказать, свинья!» Так говорил Собакевич. И правда, я пока хорошего ничего не вижу.

Любящий тебя
Сережа.

31. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Между 3 и 7 ноября 1913 г. Москва

Дорогой Гриша!

Писать подробно не могу. Арестован<о> 8 челов<ек> товарищей. За прошлые движения, из солидарности к трамвайным рабочим, много хлопот и приходится суетиться.

А ты пока пиши свое письмо, я подробно на него отвечу.

Любящий тебя Сережа.

32. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

10 декабря 1913 г. Москва

Маня!

Забывая все прежние отношения между нами, я обращаюсь к тебе, как к человеку, можешь ли ты мне ответить. Ради прежней Святой любви, я прошу тебя не отмалчиваться. Если ты уже любишь другого, я не буду тебе мешать, но я глубоко счастлив за тебя. Дозволь тогда мне быть хоть твоим другом. Я всегда могу дать тебе радушные советы. Сейчас я не знаю,

куда преклонить головы; Панфилов, светоч моей жизни, умирает от чахотки.

Жду ответа, хотя бы отрицательного, иначе с твоей стороны неблагородно.

Москва, Пятницкая ул.
Типо-литография Сытина.
Корректорская.
С. А. Есенин.

Жду до 16.

На конверте:

Рязань.
Хлебная ул. д. И. Ф. Фролова
В село Калитинку.
Учительнице
Марии Парьменовной
Бальзамовой

33. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Январь 1914 г. Москва

Мне не спится в тоске по ночам,
Думы грустные сон отгоняют!

Отгоняют!

Дорогой Гриша, ты подумаешь, что я совсем забыл тебя, но напрасно. Ты не можешь себе представить, до чего сейчас возбуждена моя душа. С одной стороны, ты в опасном положении, а с другой — проворовался Шитов. Он в Москве, и больше я тебе ничего не скажу, не хочу травить тебя и себя. Гриша! Ради Бога, ты меньше раздражайся, а то это все <не> пройдет. Лечись, как не можно лечись. Напиши мне, какое тебе нужно лекарство, я пришлю. Читай меньше. Тебе сейчас это очень вредно. Если уж хочешь,

то самые легкие по мысли книги. Желаешь, я тебе пришлю уголовные романы лубочных изданий. Серии я не нашел, а эти купил, но не знаю, годятся ли тебе эти: «Графиня нищая», «Ванька Каин». Писать мне не трудись, а если что нужно, то попроси своего папа́, он, кажется, у тебя добрый. Извини, что мало письмо. Через 3 дня или 2 еще пришлю.

Любящий тебя

Сережа.

34. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Январь 1914 г. Москва

Дорогой Гриша! Изнуренный сажусь за письмо. Последнее время я тоже свалился с ног. У меня сильно кровь шла носом. Ничто не помогало остановить. Не ходил долго на службу, и результат — острое малокровие. Ты просил меня относительно книг, я искал, искал и не нашел. Вообще-то в Москве во всех киосках и рынках не найти старых книг этого издательства. Ведь главное-то, они захватили провинциализм, а потому там и остались. Вообще каких-нибудь я могу прислать.

Не писал я тебе главным образом потому, что очень расстроился. А почему, сейчас расскажу.

Сижу я вечером, пишу по обыкновению и курю, вдруг звонок. Ба! Шитов! Ты откуда? — От хозяина.— Почему так? — Тебя захотел повидать.— Ну, садись и рассказывай. Весь вечер болтали с ним, вспоминали тебя и, конечно, распили вишневки. На другой день вызывают меня к телефону. Извините, сударь, у Вас был Андрюша? — Был. А что? — Да

он тут стащил деньжонки и скрылся.— Ага. К вечеру является Шитьё. Я ему начинаю выговаривать и сказал, что, если он не возворотит их обратно, я ему не товарищ, и не подал ему руки. Он уехал и клялся, что больше этого не сделает, и писал, чтоб я не говорил тебе, но подлость не скрывают, и я пишу.

Никаких объяснений не принимаю, не хочу соглашаться с условиями, во всем воля человека, и он больше не показывайся на мои глаза. Он, оказывается, готов на все сделки. Я таких друзей не имею.

Посылаю тебе на этой неделе детский журнал, там мои стихи.

Что-то грустно, Гриша. Тяжело. Один я, один кругом, один, и некому мне открыть свою душу, а люди так мелки и дики. Ты от меня далеко, а в письме всего не выразишь, ох, как хотелось бы мне с тобой повидаться.

О болезни твоей глубоко скорблю и не хотел бы тебе напоминать об этом, слишком больно травить свою душу.

Любящий тебя
С. Е.

35. Г. А. ПАНФИЛОВУ

Февраль 1914 г. Москва

<Гриш>а! Небось ты меня скипидаришь вовсю. Голубчик мой, <пого>ди немного. Ей-Богу, ни минуты свободной. Так писать, <что> вздумается, неинтересно. Благодарю глубоко <за> приглашение, но приехать не могу, есть дела <важ>ные дома. Вот

летом, тогда с великим <вост>оргом. Распечатался я во всю ивановскую. <Ред>актора принимают без просмотра и <псев>доним мой «Аристон» сняли. Пиши, г<ово>рят, <под> своей фамилией. Получаю 15 к. за строчку. <Прис>ылаю одно из детских стихотворений.

Глубоко любящий тебя Сережа.

(Какова моя персона?)

Я очень изменился.

36. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

Февраль 1914 г. Москва

Маня! Я не понимаю тебя. Или ты хочешь порвать между нами все, что до сих пор было свято сохраняемо на груди моей? Я писал тебе и добрые и, наконец, злые письма, но ответа все нет как нет. Но неужели ты мне так и не скажешь; или, может быть, тебе неинтересно продолжать что-либо со мной, тогда я перестану писать тебе что-либо. Так как я тебя сейчас смутно представляю, то я прошу у тебя твою фотографию. Я тебе ее пришлю обратно, если она нужна. Если ты не считаешь нужным присылать мне, то перешли мне мои письма и карточки по почте налож<енным> плат<ежом>. Я здесь заплачу за пересылку. В ожидании того

или другого ответа *С. Есенин.*

С Анютой я больше незнаком, я послал ей ругательное и едкое письмо, в котором поставил крест всему.

Если мы больше с тобой не сойдемся, то я тебе открою: я печатаюсь под псевдонимом «Метеор», хотя в журнале «Мирок» стоит «*Есенин*».

37. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

29 октября 1914 г. Москва

Милостивая Государыня!
Мария Парьменовна.

Когда-то, на заре моих глупых дней, были написаны мною к Вам письма маленького пажа или влюбленного мальчика.

Теперь иронически скажу, что я уже не мальчик, и условия, любовные и будничные, у меня другие. В силу этого я прошу Вас или даже требую (так как я логически прав) прислать мне мои письма обратно. Если Вы заглядываете часто в свое будущее, то понимаете, что это необходимо.

Вы знаете, что между нами ничего нет и не было, то глупо и хранить глупые письма. Да при этом я могу искренно добавить, что хранить письма такого человека, как я, недостойно уважения. Мое я — это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу черту, и всё за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека — у меня. Смейтесь, но для Вас (вообще для людей) — это тяжелая драма.

Я разоблачил человека и показываю независимость творения.

Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек. Это еще не эпитафия.

1. Таланта у меня нет, я только бегал за ним.

2. Сейчас я вижу, что до высоты мне трудно добраться, подлостей у меня не хватает, хотя я в выборе их не стесняюсь. Значит, я еще больше мерзкий че-

ловек. Вот когда я открыл Вам глаза. Вы меня еще не знали, теперь смотрите! И если Вы скажете: «Подлец» — для меня это лучшая награда. Вы скажете истину.

Да! Вот каков я хлюст. Но ведь много и не досказано, но пока оставим.

Без досказа...

Прохвост Сергей Есенин.

Хулу над миром я поставлю
И соблазняя — соблазню.

Эта сологубовщина — мой девиз.

Вот, Мария Парьменовна, какой я человек. Не храните мои письма, а топчите. Я говорю истинно. Но так как есть литературные права собственности, я прошу их у Вас обратно. Требую! А то ведь я, гадкий человек, могу и Вам сделать пакость. Но пока, чтобы Вы не пострадали, верните мне немедленно. Но не врите что-нибудь. Будьте истинными, как я в подлости. Чтоб такой гадкий человек в рассказах или сказках, как я, не обратился в пугало,— да будет имя мое для Вас

Забыто!!!

Адрес для посылки: Москва. Миусы.
Университет Шанявского,
студ<енту> 2 курса Есени<ну>.

На конверте:

Ст. Рыбное
Московск. Казанск. ж. д.
Село Мащены
Е. В. Б.
Учительнице Марии Парьменовне
Бальзаминовой.

38. А. В. ШИРЯЕВЦУ

21 января 1915 г. Москва

Москва, 21 января 1915 г.

Александр Васильевич!

Приветствую Вас за стихи Ширяевца. Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим. Я давно знаю Вас из ежемесячника и по 2 номеру «Весь мир». Стихи Ваши стоят на одинаковом достоинстве стихов Сергея Клычкова, Алексея Липецкого и Рославлева. Хотя Ваша стадия от них далека. Есть у них красивые подделки под подобные тона, но это все не то. Извините за откровенность, но я Вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения. Моих стихов в Чарджуе Вы не могли встречать, да потом я только вот в это время еще выступаю. Московские редакции обойдены мной успешно. В ежемесячнике я тоже скоро наверное появлюсь.

Есть здесь у нас еще кружок журнала «Млечный Путь». Я там много говорил о Вас, и меня просили пригласить Вас.

Подбор сотрудников хороший. Не обойден и Игорь Северянин. Присылайте, ежели не жаль, стихов, только без гонорара. Раскаиваться не будете. Журнал выходит один раз в месяц, но довольно изрядно.

Кстати, у меня есть еще Ваше стих<отворение> «Городское». Поправьте, пожалуйста, последнюю строчку.

«Не встречу ль я любезного на улице в саду» — переправьте как-нибудь на любовную беду. А то уж очень здесь шаблонно.

Строчки «что сделаю-поделаю я с девичьей тос-

кой» — краса всего стихотв<орения>. Оно пойдет во 2 номере «Друг народа». Если можно, я попросил бы карточку Вашей с<обственной> персоны. Ведь книги стихов у Вас нет.

Очень рад за Вас, что Вашу душу девушка-царевна вывела из плена городского. Вы там вдалеке так сказочны и прекрасны.

Жму руку Вашу. Со стихами моими Вы еще познакомитесь. Они тоже близки Вашего духа и Клычкова.

Ответьте, пожалуйста.

Уважающий Вас

Сергей Александрович Есенин.

Москва, 2-й Павловский пер.
д. 3, кв. 12.

39. Г. Д. ДЕЕВУ-ХОМЯКОВСКОМУ

9 или 10 февраля 1915 г. Москва

Уважаемый Григорий Дмитриевич!

Сегодня получил я послание Ваше.

«Паки паки миром Господу помолимся».

О долге прошу не беспокоиться. Как-нибудь я приеду и поговорю обо всем лично. Для «Доброго Утра» у меня есть еще несколько вещей. Номер с моим стихотв<орением> или рассказом перешлите по адресу:

Пречистенка. Бол<ьшой>
Афанасьевский пер., д. 10, кв. 4.

Примите и проч...

Сергей Есенин.

Желаю ото всего сердца С<уриковскому> л<итературно-> м<узыкальному> к<ружку> поменьше

разноголосицы. Вечер повлиял на мои нервы убийственно. Оскорбления г. Кошкарова (при выходе из дверей) по адресу г. Фомина возмутительны. Это похоже на то, что «мы хозяева».

Рад поговорить по этому поводу. Но ведь Вы, кажется, тоже стоите за то, чтоб «материал не проверяли».

До свиданья.

С. Е.

40. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «КРАСНЫЙ СМЕХ»

Февраль — до 8 марта 1915 г. Москва

«Красный смех»

УДАЛЕЦ

Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.

Не ревите, мать и тетка,
Слезы сушат удальца.
Подарила мне красотка
Два серебряных кольца.

Эх, достану я ей пикой
Душегрейку на меху.
Пусть от радости великой
Ходит ночью к жениху.

Ты гори, моя зарница,
Не страшён мне вражий стан.
Зацелует баловница,
Как куплю ей сарафан.

Отчего вам хныкать, бабы,
Домекнуться не могу.
Али руки эти слабы,
Что пешню согнут в дугу.

Буду весел я до гроба,
Удалая голова.
Провожай меня, зазноба,
Да держи свои слова.

Сергей Есенин.

Если в двух последних номерах не появится, то будет напечатано в другом журнале.

С почт<ением> С. Есенин.

О почтовом ящике я говорил лично.

41. А. А. БЛОКУ

9 марта 1915 г. Петроград

Александр
Александрович!

Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4.

С почтением
С. Есенин.

42. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

15 или 16 марта 1915 г. Петроград

Мария Парьменовна!

Извините, что я обращаюсь к Вам с странной просьбой. Голубушка, будьте добры написать мне побольше частушек. Только самых новых. Пожалуйста. Сообщите, можете ли Вы это сделать. Поскорей только.

Адрес: Петроград.
Преображенская ул.
д. 42ª, кв.12
Сергею Есенину.

На конверте:

Рязань.
Троицкая слобода.
Диакону Бальзамову.
Для г-жи
М. П. Бальзамовой.

43. М. П. БАЛЬЗАМОВОЙ

24 апреля 1915 г. Петроград

Мария Парьменовна!

В Рязани я буду числа 14 мая. Мне нужно на призыв.

Напишите мне лучше к 7 мая относительно сказанного.

Я не знаю ни расписаний поезд<ов>, ни самого вокзала. Был и не припомню. Сегодня я уезжаю в Москву. К 1-му буду дома. В Константинове. Итак, сообщите.

Уважающий Вас
Е.

На обороте:

Рязань.
Троицкая слобода. Квартира диакона
Бальзамова.
Марии Парьменовне
Бальзамовой.

44. Н. А. КЛЮЕВУ

24 апреля 1915 г. Петроград

Дорогой Николай Алексеевич!

Читал я Ваши стихи, много говорил о Вас с Городецким и не могу не писать Вам. Тем более тогда, когда у нас есть с Вами много общего. Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только на своем рязанском языке. Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 принято 51. Взяли «Сев<ерные> зап<иски>», «Рус<ская> мыс<ль>», «Ежемес<ячный> жур<нал>» и др. А в «Голосе жизни» есть обо мне статья Гиппиус под псевдонимом Роман Аренский, где упоминаетесь и Вы. Я хотел бы с Вами побеседовать о многом, но ведь «через быстру реченьку, через темненький лесок не доходит голосок». Если Вы прочитаете мои стихи, черканите мне о них. Осенью Городецкий выпускает мою книгу «Радуница». В «Красе» я тоже буду. Мне очень жаль, что я на этой открытке ничего не могу еще сказать. Жму крепко Вашу руку. Рязанская губ., Рязан. у., Кузьминское почт. отд., село Константиново, Есенину Сергею Александровичу.

На обороте:

Мариинское почт. отд.
Олонецкой губ. Вытегорского уезда
Николаю Алексеевичу
Клюеву

45. А. М. РЕМИЗОВУ и С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

24 апреля 1915 г. Петроград

Дорогой Алексей Михайлович и Серафима Павловна!

Кланяюсь всем вам вместе троим с Федором Ивановичем. Очень жалко, что я не мог прийти к Вам. Подцепил где-то лихорадку. Все губы раздуло. Обметало с простуды. Провалялся 2 дня. Сегодня в три часа уезжаю.

Большое Вам спасибо, Алексей Михайлович, за книги.

Читал «Весеннее порошье» и от первых рассказов все время готов был захныкать. Земляк мой тоже велел передать спасибо. Очень уж ему понравилась «Яблонька». Федору Ивановичу бью челом доземи. О Добронравове я уношу тоже хорошие воспоминания. Привет вам всем.

Любящий вас

Сергей Есенин.

На обороте:

Здесь.
Таврическая, 7.
Алексею Михайловичу
Ремизову.

46. И. К. КОРОБОВУ

4 мая 1915 г. Москва

Дорогой Иван Константинович! Как видите, был у Вас, но, к сожалению, свидеться не пришлось.

Иван Константинович! Я писал Алексею Михайловичу письмо, где извинялся, что напечатал в «Журнале для всех» свою «Кручину». Думаю, что Вы вообще поняли меня и не осудили. Но всё-таки как ни прискорбно, а нашелся такой дрянной человек, как Ливкин, и сумел сделать мне зло. Хотя незначительное, но всё же. Он вырезал из «Мл<ечного> Пути» несколько своих стихов и еще чужих и прислал их туда с таким заявлением: «Если вы напечатали стих<отворения> Есенина, то, думаю, не откажетесь и наши». Это подлость, Иван Константинович! с которой в литературе считаются. Зачем и какое он имел право распоряжаться чужими именами. Я не хочу никому из вас делать больно, но письмо прямо стыдно было читать. Такое попрошайничанье «напечатать» свойственно бездарностям. А ведь он опозорил много имен. Мне обидно это. Я возмущен до глубины души. Если б я его увидел, то избил бы как собаку. Скажите Алексею Михайловичу, что если Ливкин будет в «Мл<ечном> Пути», то пусть мое имя будет вычеркнуто из списка сотрудников. Я не хочу знать такую сволочь, как Ливкин, и не хочу пятнать об него свое имя.

Жаль, Иван Константинович, что я не могу свидеться с ним лично. Ох, уж показал бы я ему. Жалко мне очень уж Колоколова. Мария Попер, я думаю, сама влезла.

Но берегись он теперь меня. Всё равно он теперь опакостил в литературе дорогу себе.

Кой-что я постарался выяснить из письма. Кой-что оправдано.

О Вас там будет отзыв моего товарища, которому стихи Ваши понравились. Особенно «В дыму шрапнели»: «К тебе, о правда, не воззову ль».

Вы не говорите ни Колоколову, ни Попер. Это им будет очень больно. Я постарался всё затушевать. С ним я попросил бы Вас поговорить. Ведь я не слышал, а сам видел всё. Дурак он эдакий, разве может это когда скрыться. Подлец он.

Всего Вам хорошего, Иван Константин<ович>. Адрес мой: Кузьминское п. от., село Константиново, Рязанск. губ. и уез.

Сегодня я уезжаю. Пишите.

Ваш Есенин.

47. А. А. ДОБРОВОЛЬСКОМУ

11 мая 1915 г. Константиново

Дорогой Сашка.

Оттрепал бы я тебя за вихры, да не достанешь. Что ж ты, обещался прописать письмо, а сам притулился.

Нехорошо так, брат.

Каждый день хожу в луга и в яр и играю в ливенку. На днях меня побили здорово. Голову чуть не прошибли. Сложил я, знаешь, на старосту прибаску охальную, да один ночью шел и гузынил ее. Сгребли меня сотские и ну волочить. Всё равно и я их всех поймаю. Ливенку мою расшибли. Ну, теперь держись. Рекрута все за меня, а мужики нас боятся.

Милый Сашка, пиши скорее да кланяйся Анне Карловне. Помири моих хулителей. За всех нас

дадут по полушке, только б не ходили и не дрались, как телушки.

На обороте:

Петроград
Эртелев пер., 3.
Журнал для всех
Добровольскому
Сашке

48. Л. В. БЕРМАНУ

2 июня 1915 г. Константиново

Дорогой Лазарь
Васильевич!

Посылал я вам письмо, а вы мне не ответили. За что вы на меня серчаете? Меня забрили в солдаты, но, думаю, воротят, я ведь поника. Далёко не вижу. На комиссию отправ<или>. Пришлите журнал-то. Да пропишите про Димитрия Владимирови<ча>. Как он-то живет.

Ваш *Есенин*.

Кузьминское п. от., село Константиново. Рязан. г. и уез.

На обороте:

Петроград
Лиговская, д. 114
Редакция «Голос жизни».
Секретарю Лазарю
Васильевичу Берману

49. В. С. ЧЕРНЯВСКОМУ

После 12 или 13 июня 1915 г. Константиново

Дорогой Володя! Радехонек за письмо твое. Жалко, что оно меня не застало по приходе. Поздно уже я его распечатал. Приезжал тогда ко мне Каннегисер. Я с ним пешком ходил в Рязань, и в монастыре были, который далеко от Рязани. Ему у нас очень понравилось. Все время ходили по лугам, на буграх костры жгли и тальянку слушали. Водил я его и на улицу. Девки ему очень по душе. Полюбилось так, что еще хотел приехать. Мне он понравился еще больше, чем в Питере. Сейчас я думаю уйти куда-нибудь. От военной службы меня до осени освободили. По глазам оставили. Сперва было совсем взяли.

Стихов я написал много. Принимаюсь за рассказы. 2 уже готовы. Каннегисер говорит, что они ему многое открыли во мне. Кажется, понравились больше, чем надо. Стихов ему много не понравилось, но больше восхитило. Он мне объяснял о моем *пантеизме* и собирался статью писать.

Интересно, черт возьми, в разногласии мнений. Это меня не волнует, но хочется знать, на какой стороне Философов и Гиппиус. Ты узнай, Володя. Меня беспокоит то, что я отослал им стихи, а ответа нет.

Черновиков у меня, видно, никогда не сохранится. Потому что интересней ловить рыбу и стрелять, чем переписывать.

За июнь посмотри «Сев<ерные> зап<иски>». Там я уже напечатан, как говорит Каннегисер. Жду только «Русскую мысль». Читал в «Голосе жизни»

Струве. Оба стиха понравились. Есть в них, как и в твоих, «холодок скептической печали».

Стихов я тебе скоро пришлю почитать. Только ты поторопись ответом.

Самдели уйду куда-нибудь.

Милый Рюрик! Один он там остался!

Городецкий мне всё собирается писать, но пока не писал. Писал Клюев, но я ему всё отвечать собираюсь. Рюрику я пишу, а на Костю осердился. Он не понял как следует. Коровы хворают, люди не колеют.

Вот стишок тебе один.

Я странник улогой
В кубетке сырой.
Пою я про Бога,
Как сыч за горой.

На шелковом блюде
Опада осин.
Послухайте, люди,
Ухлюпы трясин.

Ширком в луговины
Целуя сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.

Я странник улогой
Лишь в песнях живу,
Зеленой дорогой
Ложуся в траву.

Покоюся сладко
Меж росновых бус.

На сердце лампадка,
А в сердце Исус.

Извести меня, каковы стихи, и я пойму о других. Перо плохое. Чернила высохли. Пишешь, только болото разводишь. Пока прости.

Любящий тебя Сережа.

50. В. С. ЧЕРНЯВСКОМУ

22 июля 1915 г. Константиново

Дорогой Володя! Порадуйся со мной вместе. Осенью я опять буду в Питере. К адресу ты прибавь еще село Константиново. Письмо я твое получил на покосе, поэтому писать мне было негде. Стихов я тебе пришлю тут как-нибудь скоро. Я очень жалею, что «Гол<ос> жиз<ни>» закрылся. Знаешь ли ты причины? В «Ежемес<ячном> жур<нале>» Миролюб<ова> были мои стихи. Городецкий недавно прислал письмо, но еще почему-то не отвечает, по-видимому, он оч<ень> занят. Это письмо пока предварительн<ое>. Я ведь жду от тебя полн<ого> ответа. Как Костя и Рюрик? Видел ли их? Любящий тебя крепко С. Есенин.

На обороте:

г. Спасск.
Казанской губ. С. Бураково
Ю. В. Трубникову.
для Влад. Чернявского.

51. Д. В. ФИЛОСОФОВУ

До 20 августа 1915 г. Константиново

Дорогой Дмитрий Владимирович. Мне очень бы хотелось быть этой осенью в Питере, так как думаю издавать две книги стихов. Ехать, я чую, мне не на что. Очень бы просил Вас поместить куда-либо моего «Миколая Угодника». Может быть, выговорите мне прислать деньжонок к сентябрю. Я был бы очень Вам благодарен. Проездом я бы уплатил немного в университет Шанявского, в котором думаю серьезно заниматься. Лето я шибко подготовлялся. Очень бы просил Вас. В «Северных записках» и «Русской мысли», боюсь, под аванс сочтут за шарамыжничество. Тут у меня очень много записано сказок и песен. Но до Питера с ними пирогов не спекешь. Жалко мне очень, что «Голос жизни»-то закрыли. Жду поскору ответа. Может быть, «Современник» возьмет. Любящий Вас

Есенин.

52. Ф. Ф. ФИДЛЕРУ

10 октября 1915 г. Петроград

Дорогой Федор Федорович. Извините, пожалуйста. Я был последнее время у Ясинского.

Заметки наши я случайно отдал в редакции «Нивы», и вот сейчас по телефону узнал, что они затеряны.

Пришлите, пожалуйста, Ваш другой листок.

Уважающий Вас. С. Есенин.

53. Л. Н. СТОЛИЦЕ

22 октября 1915 г. Петроград

Дорогая Любовь Никитична!

Простите за все нежно канутое.

Передо мной образ Ваш затенило то, что вышло для меня смешно и грустно.

Очень радуюсь встрече с Вами: суть та, что я приобщен Вами до тайн.

Сейчас, с приезда, живу у Городецкого и одолеваем ухаживаньем Клюева.

Вчера мило гуторил с Блоком, а 25 в Тенишевском зале выступаю со стихами при участии Клюева, Сережи, Ремизова и др.

Как приедете, стукните мне по тел. 619-11.

Книжку мою захватите ради самого Спаса.

Как-то Ваш милый братец, очень ему от меня кланяйтесь. Поклонитесь всему Вашему милому дому.

Сережа уходит добровольцем на позиции. А мы по приезде Вашем поговорим о концертах.

До сих пор не вывеялся запах целующей губы вишневки и теплый с отливом слив взгляд Ваш.

Не угощайте никогда коньяком — на него у меня положено проклятье. Я его никогда в жизни не брал в губы.

Жду так же, как и ждал Вас до моего рождения.

Любящий и почитающий

Ваш С. Есенин.

54. Н. В. РЫКОВСКОМУ

Вторая половина ноября—декабрь 1915 г. Петроград

Г-н Рыковский!

Дружески пожимаю Вам руку и шлю свои стихи. Может быть, Вы забыли желтоволосого, напоминающего пастуха на стене у Любови Никитичны.

Сей муж достал для Вас «Ярь» и перешлет со своей книгой по тому адресу, который Вы мне дали в Лит<ературно>-худ<ожественном> кр<ужке>.

Передайте Л<юбови> Н<икитичне> привет и скажите, что мне оченно досталось за то, что Л<юбовь> Н<икитична> уехала, не повидавшись с Городецким.

Еще раз жму руку.

Уважающий Вас

Сергей Есенин.

Вместе в одном конверте стихи Клюева.

О результатах сообщите.

Петр<оград>. Фонтанка 149.

кв.

С. Е.

55. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

Между 7 и 20 декабря 1915 г. Петроград

Многоуважаемый Разумник Васильич!

В прошлом году я начал первый раз в Питере печатать свои стихи в «Русской мысли», «Сев<ерных> записках», «Ежемесячном журнале», «Новом ж<урнале> для всех», «Голосе жизни», «Биржев<ых> ведомостях», «Огоньке» и др.

На днях выходят сразу одна за одной мои две книги «Радуница» и «Авсень».

С войной мне нынешний год пришлось ехать в Ревель пробивать паклю, но ввиду нездоровости я вернулся. Приходится жить литературн<ым> трудом, но очень тяжко. Дома на родине у меня семья, которая нуждается в моей помощи. Ввиду этого, Разумник Васильевич, я попросил бы Вас похлопотать в Литературном фонде о ссуде руб. в 200.

Дабы я хоть не поскору должон был искать себе заработок и имел возможность выбрать его.

Адрес мой:
Фонтанка. 149, кв. 9.
Уважающий Вас
Сергей Есенин.

56. М. П. МУРАШЕВУ

Между 17 марта и 12 апреля 1916 г. Петроград

Дорогой Миша.
Заходил и не застал
тебя.
Завтра призываюсь.
Сергей.

57. М. П. МУРАШЕВУ

27 апреля 1916 г. Петроград (?)

Дорогой
Миша!
Ау!

Еду в Крым (с поездом). В мае ворочусь. Живи, чтоб всем чертям было тошно, и поминай меня.

Что-нибудь для тебя покопаю там.

Поезд сегодня уходит в 6 ч.

Сережа.

Письма сбереги.

58. Л. Н. СТОЛИЦЕ

28 июня 1916 г. Москва

Дорогая Любовь Никитична!

Только на днях возвратился с позиций и застал Вашу открытку. Простите, что поздно отвечаю. Лучше поздно, чем никогда. Городецкий служит тоже, и на днях заберут Блока.

Провожая меня, мне говорили (Клюев) о Клычкове, он в Гельсингфорсе и ноет.

Видел в «Северных записках» Ваши стихи, они уже сверстаны в июльскую книгу.

Любящий Вас
Есенин.

59. М. П. МУРАШЕВУ

29 июня 1916 г. Москва

Дорогой Миша! Приветствую тебя из Москвы. Разговор был у меня со Стуловым, но немного, кажется, надо погодить. Клюев со мной не поехал, и я не знаю, для какого он вида затаскивал меня в свою политику. Стулов в телеграмме его обругал, он, оказалось, был у него раньше, один, когда ездил с Плевицкой и его кой в чем обличили. Твой Сергей.

На обороте:

Петроград
Театральная пл.
2, кв. 23
М. П. Мурашову

60. А. Н. ЕСЕНИНУ

2 или 3 июля 1916 г. Царское Село

Дорогой Папаша!

Доехал, слава Богу, как и прежде, лег камешком, а поднялся калачиком.

Слоняюсь, как отравленный, из стороны в сторону без дела и мешаю то столяру, то плотникам. В общем, положение средне.

Сергей.

Царское Село.
Канцелярия по постройке Феодоровского собора.
С. А. Е.

На конверте:

Москва.
Б. Строченовский
24.
А. Н. Ясенину.

61. А. А. САРДАНОВСКОЙ

Первая декада июля 1916 г. Царское Село

Я еще не оторвался от всего того, что было, поэтому не преломил в себе окончательной ясности.

Рожь, тропа такая черная и шарф твой, как чадра Тамары.

В тебе, пожалуй, дурной осадок остался от меня, но я, кажется, хорошо смыл с себя дурь городскую.

Хорошо быть плохим, когда есть кому жалеть и любить тебя, что ты плохой. Я об этом очень тоскую. Это, кажется, для всех, но не для меня.

Прости, если груб был с тобой, это напускное, ведь главное-то стержень, о котором ты хоть маленькое, но имеешь представление.

Сижу, бездельничаю, а вербы под окном еще как бы дышат знакомым дурманом. Вечером буду пить пиво и вспоминать тебя.

Сергей.

Царское Село.
Канцелярия по постройке
Федоровского собора.

P.S. Если вздумаешь перекинуться в пространство, то напиши.

Капитолине Ивановне
и Клавдию с Марфушей
поклонись.

На конверте:

Рязанской губ. и уе<зда>
Кузьминское п. отд.
Село Константино<во>
дом Священника
И. Я. Смирнова
Анне Алексеевне
Сардановской.

62. М. П. МУРАШЕВУ

13 июля 1916 г. Петроград

Миша!

Сей день ночевал у Давыдова, артиста им<ператорской> т<руппы>. Звонил тебе, но глупая ваша девка говорит, что я не говорил ей своей фамилии.

Пробери ее.

Твой Сергей.

Ой, ой, какое чу́дное стих<отворение> Блока. Знаешь, оно как бы совет мне.

63. Н. А. КЛЮЕВУ

Июль — август 1916 г. Царское Село

Дорогой Коля, жизнь проходит тихо и очень тоскливо. На службе у меня дела не важат. В Петроград приедешь, одна шваль торчит. Только вот вчера был для меня день, очень много доставивший. Приехал твой отец, и то, что я вынес от него, прям-таки передать тебе не могу. Вот натура — разве не богаче всех наших книг и прений? Всё, на чем ты и твоя сестра ставили дымку, он старается еще ясней подчеркнуть, и для того только, чтоб выдвинуть помимо себя и своих желаний мудрость приемлемого. Есть в нем, конечно, и много от дел мирских с поползновением на выгоду, но это отпадает, это и незаметно ему самому, жизнь его с первых шагов научила, чтоб не упасть, искать видимой опоры. Он знает интуитивно, что когда у старого волка выпадут зубы, бороться ему будет нечем, и он должен помереть с голоду... Нравится мне он.

Сидел тут еще Ганин, у него, знаешь, и рот пере-

косился совсем от заевшей его пустой и ненужной правды. Жаль его очень, жаль потому, что делает-то он все так, как надо, а объясняет себе по-другому.

Пишу мало я за это время, дома был — только растравил себя и все время ходил из угла в угол да нюхал, чем отдает от моих бываний там, падалью или сырой гнилью.

За последнее время вырезок никаких не получал, говорил мне Пимен, что видел большую статью где-то, а где, не знаю. Кл<авдия> Ал<ексеевна> говорила, что ты три получил. Пришли, пожалуйста, мне посмотреть, я их тебе отошлю тут же обратно. Дед-то мне показывал уж и какого размера, ды все, говорит, про тебя сперва, про Николая после чтой-то.

Приезжай, брат, осенью во что бы то ни стало. Отсутствие твое для меня заметно очень, и очень скучно. Главное то, что одиночество круглое.

Как я вспоминаю пережитое...

Вернуть ли?

Твой Сергей Есенин.

64. Н. Н. ЛИВКИНУ

12 августа 1916 г. Царское Село

12 августа 16 г.

Сегодня я получил ваше письмо, которое вы послали уже более месяца тому назад. Это вышло только оттого, что я уже не в поезде, а в Царском Селе при постройке Феодоровского собора.

Мне даже смешным стало казаться, Ливкин, что между нами, два раза видящих друг друга, вдруг вышло какое-то недоразумение, которое почти целый год не успокаивает некоторых. В сущности-то ничего

нет. Но зато есть осадок какой-то мальчишеской лжи, которая говорит, что вот-де Есенин попомнит Ливкину, от которой мне неприятно.

Я только обиделся, не выяснив себе ничего, на вас за то, что вы меня и себя, но больше меня, поставили в неловкое положение. Я знал, что перепечатка стихов немного нечестность, но в то время я голодал, как, может быть, никогда, мне приходилось питаться на 3-2 коп. Тогда, когда вдруг около меня поднялся шум, когда мережковские, гиппиус и Философов открыли мне свое чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи, уже употр<ебленные>?

Я был горд в своем скитании, то, что мне предлагали, я отпихивал. Я имел право просто взять любого из них за горло, и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их и с деньгами, и с всем, что в них есть, и считал поганым прикоснуться до них. Поэтому решил перепечатать просто стихи старые, которые для них все равно были неизвестны. Это было в их глазах, или могло быть, тоже некоторым воровством, но в моих ничуть, и когда вы написали письмо со стихами в «Ж<урнал> д<ля> в<сех>», вы, так сказать, задели струну, которая звучала корябающе.

Теперь я узнал и постарался узнать, что в вас было не от пинкертоновщины все это, а по незнанию. Сейчас, уже утвердившись во многом и многое осветив с другой стороны, что прежде казалось неясным, я с удовольствием протягиваю вам руку примирения перед тем, чего между нами не было, а только казалось, и вообще между нами ничего не было бы, если бы мы поговорили лично.

Не будем говорить о том мальчике, у которого понятие о литературе, как об уличной драке: «Вот стану на углу и не пропущу, куда тебе нужно». Если он усвоил себе термин ее, сейчас существующий: «Сегодня ты, а завтра я», то в мозгу своем все-таки не перелицевал его. То, что когда-то казалось другим, что я увлекаюсь им как поэтом, было смешно для меня иногда, но иногда принимал и это, потому что во мне к нему было некоторое увлечение, которое чтоб скрыть иногда от ужаса других, я заставлял себя дурачиться, говорить не то, что думаю, и чтоб сильней оттолкнуть подозрение на себя, выходил на кулачки с Овагемовым, парнем разухабистым хотел казаться.

Вообще между нами ничего не было, говорю вам теперь я, кроме опутывающих сплетен. А сплетен и здесь хоть отбавляй, и притом они незначительны.

Ну, разве я могу в чем-нибудь помешать вам как поэту? Да я просто дрянь какая-то после этого был бы, которая не литературу любит, а потроха выворачивать. Это мне было еще больней, когда я узнал, что обо мне так могут думать. Но, а в общем-то, ведь все это выеденного яйца не стоит.

Сергей Есенин.

На конверте:

Москва Садовники 57
Алексею Михайловичу
Чернышеву
Передать или переслать
Ливкину от Есенина

65. М. П. МУРАШЕВУ

После 29 августа 1916 г. Царское Село

Миша, я под арестом на 20 дней. Нужно во что бы то ни стало сорок рублей мне. Сходи в «Северные записки» и попроси их.

К 7 часам на дом:

Саперный, 21, кв. Сакера.

66. М. П. МУРАШЕВУ

Сентябрь — первая половина декабря 1916 г. Царское Село

Друг Мишлэ, выручи, пожалуйста, из беды. В Петроград меня ни за что, по-видимому, не пустят, а корзинку мне так хочется к тебе пристроить, прямо-таки слов нет. Поезжай или сходи к Клюевым и скажи, что, так мол и так, его не пускают и не пустят, поэтому она ему нужна (сиречь корзина-то). Ключ я оставил или в замке, или у них на окне.

Свободен будешь, *заедь* на минутку, уж мы давно, кажись, не виделись, и не мешало бы поговорить, а поговорить есть кой о чем, только уже без спирта, а то я спился было совсем.

Кланяйся твоим портретам, которые я так люблю, граммофону и музыкальным моментам.

Друг твой

Мандалина.

А если хочешь, пожалуй, он и Сергей Есенин.

67. М. П. МУРАШЕВУ

До 25 сентября 1916(?) г. Царское Село

Дорогой мой, 25 я именинник. Жду тебя во что бы то ни стало. Будет выпивка. Мне за все это время очень нездоровилось. Кана́ло брюхо паршивое. Поэтому так и не являлся к тебе.

Твой Сергей.

68. Л. Н. АНДРЕЕВУ

20 октября 1916 г. Царское Село

Дорогой Леонид Николаевич, навещая А.М.Ремизова, мы с Клюевым хотели очень повидать Вас, но не пришлось, о чем глубоко жалеем. В квартире Вашей я оставил Вам несколько стихотворений и книгу. Будьте добро<де>тельны, сообщите мне, подошло что, или нет, из них, так как я нахожусь на военной службе и справиться лично не имею возможности.

Уважающий и почитающий Вас
Сергей Есенин.

Царское Село, канцелярия по постройке Феодоровского собора.

На обороте:

Петроград.
Марсово поле, д. 7.
Леониду Николаевичу Андрееву

69. Т. Ф. ЕСЕНИНОЙ

20 октября 1916 г. Царское Село

Дорогая мамаша, свяжи, пожалуйста, мне чулки шерстяные и обшей по пяткам. Здесь в городе не достать таких. Пришли мне закрытое письмо и пропиши, что с Шуркой и как учится Катька. Отец мне недавно прислал письмо, в котором пишет, что он лежит с отцом Гриши Панфилова. Для меня это какой-то перст указующий заколдованного круга. Пока жизнь моя течет по-старому, только всё простужаюсь часто и кашляю. По примеру твоему натираюсь камфорой и кутаюсь.

Сергей Есенин.

70. А. А. САРДАНОВСКОЙ

20 октября 1916 г. Царское Село

Очень грустно. Никогда я тебя не хотел обижать, а ты выдумала. Бог с тобой, что не пишешь. Мне по привычке уже переносить все. С. Е.

На обороте:

п. от. Дединово
Рязанской губ.
уч<ительнице> Анне Алексеевне
Сардановской

71. К. К. ВЛАДИМИРОВУ

Осень (?) 1916 г. Петроград

Уважаемый Константин Константинович.

Глубоко признателен вам за охарактеризование моего творчества. Не печатая и не читая устно стихов, я

перед этим находился в периоде духовного преломления, и вы ясно описали этот перелом до того, что я даже поражаюсь. Еще раз выражаю свою благодар<но>сть и крепко жму руку.

Сергей Есенин.

На конверте:

К. К.
Владимирову
от С. Есенина.

72. Л. Л. МАЦКЕВИЧ

Ноябрь (?) 1916 г. Москва

Лида!

Давно уже было, когда мы виделись. Мне хотелось бы хоть раз еще повидаться. Если вы хотите, пусть это свиданье будет последним и первым после того. Сообщите, где можем встретиться. Я сейчас совершенно одинок, и мне хотелось бы поговорить с вами. Так, о прошлом хоть вздохнуть. Если вам некогда, то тоже сообщите. Я могу тогда куда-либо поехать. Одолела хандра. Вероятно, вследствие болезненности. Если не можете, то отказом не стесняйтесь. Ведь вы от этого ничего не потеряете.

Адрес для ответа: Б. Строченовский пер. д. 24.

С. А. Е.

73. И. И. ЯСИНСКОМУ

20 ноября 1916 г. Царское Село

Дорогой Иероним Иеронимович!

Очень хотелось бы поговорить с Вами, но совсем закабалили солдатскими узами, так что и вырваться не могу.

Сейчас готовлю книгу вечерами для печатания, но прежде хотелось бы провести ее по журналам. Будьте добры, Иероним Иеронимович, не откажите сообщить о судьбе тех моих стихов, которые я Вам дал, когда был с Верхоустинским. Мне сейчас очень важно заработать лишнюю десятку для семьи, которая по болезни отца чуть не голодает.

Любящий и почитающий Вас
Сергей Есенин.

Царское Село. Канцелярия по постройке Феодоровского собора.

На обороте:

Петроград
Черная речка
Головинская 9
Иерониму Иеронимовичу
Ясинскому

74. А. Л. ВОЛЫНСКОМУ

30 ноября 1916 г. Царское Село

Не зная Вашего отчества, извиняюсь за фамильное обращение к Вам и за просьбу, которой, может быть, Вас потревожу.

Месяца полтора тому назад я передал Иерониму Иеронимовичу для передачи Вам (не имея возможности свидеться лично, т<ак> к<ак> нахожусь на военной службе) пять стихотворений. Стихи эти пока не появлялись, и я осмеливаюсь потревожить Вас, если некоторые из них предназначены к выходу, за-

держать «О товарищах веселых» и «О красном вечере задумалась дорога».

Уважающий и почитающий
Вас Сергей Есенин.

Царское Село, канцелярия по постройке Феодоровского собора.

На обороте:

Петроград.
Адмиралтейский канал.
Ред<акция> газ<еты> «Биржевые ведомости».
Е<го> В<ысокоблагородию>
Волынскому

75. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

8, или 18, или 28 декабря 1916 г. Царское Село

Дорогой Михаил Васильевич! Положение мое скверное. Хожу отрепанный, голодный, как волк, а кругом всё подтягивают. Сапоги каши просят, требуют, чтоб был как зеркало, но совсем почти невозможно. Будьте, Михаил Васильевич, столь добры, выручите из беды, пришлите рублей 35. Впредь буду обязан Вам «Голубенью», о достоинстве коей можете справиться у Разумника Иванова и Клюева. Вы-то ведь не слыхали моих стихов с апреля.

Думаю, что я не обижу моим обращением Вас, но я всегда почему-то именно надеялся на эту сторону, потом даже был разговор когда-то при выпуске «Радуницы», что, когда книга разойдется, 50 р. добавочных. Положим, книга не разошлась, но я все-таки к Вам обращаюсь и надеюсь.

Сергей Есенин.

Царское Село. Канцелярия по постройке Феодоровского собора.

На конверте:

Петроград
Фонтанка 38.
Михаилу Васильевичу
Аверьянову.
Сергей Есенин

76. И. И. ЯСИНСКОМУ

Декабрь 1916 г. — февраль 1917 г. Царское Село

Дорогой Иероним Иеронимович!

Желаю Вам скорого выздоровления и крепости.

На днях я заносил в редакцию стихи и оставил их на Ваше имя у Волынского.

Будьте добры, Иероним Иеронимович, посмотрите их, как Вам будет вольготно.

Сердечный привет
Клавдии Ивановне. Почитающий
Вас Сергей Есенин.

Царское Село, канцелярия по постройке Феодоровского собора.

77. М. П. МУРАШЕВУ

1917 г. Петроград

Драгой Мишель!

Буду у тебя в 8 1/2 часов. Поговорим кой о чем, а если ты занят, то позвони по № 448-71.

Сергей.

78. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

6 февраля 1917 г. Царское Село

1917.
Понедельник.
6 февр.

Дорогой Разумник Васильевич!

Очень собираюсь к Вам, но помираю от зубной боли. Жалею, что вчера не мог зайти, провалялся, как с белены, и, словно тёлку, забирает ломота быкви́ков.

Если Вы будете свободны на прощеный день, то загляну к Вам, а к этому времени или вырву корни, или запломбирую.

Если «Скифы» еще печатаются, то поправьте, Разумник Васильевич, стих<отворение> «Синее небо» в третьей строфе 3 строку так: «Нежно под трепетом ангельских крыл», а последние две строчки

Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

Почитающий Вас
Сергей Есенин.

На конверте:

Здесь
Колпинская 20
Разумнику Васильевичу
Иванову

79. М. П. МУРАШЕВУ

18 февраля 1917 г. Царское Село

Драгой Мишель! Будь добродетелен, пришли мне ту записку (в письме). Я поеду, получу и заеду к тебе.

Относительно стихов поговорим после. На днях сдурил и обрил свою голову, уж очень иссушил кожу. Полечу маленько. Будь здрав.

Твой Сергей.

На обороте:

Петроград
Театральная пл.
д. 2, кв. 23
М. П. Мурашову

80. А. В. ШИРЯЕВЦУ

30 марта 1917 г. Петроград

Рукой С. А. Есенина:

Христос Воскресе! дорогой наш брат Александр.

Кланяются тебе совместно любящие тебя Есенин, Клюев, Клычков и Пимен Карпов.

Рукой Н. А. Клюева:

Христос Воскресе, дорогая Запевка. Целую тебя в сахарны уста и кланяюсь низко. Н. Клюев.

Рукой С. А. Есенина:

С красным звоном, дорогой баюн Жигулей и Волги. Цвети крепче.

Сергей Есенин.

Рукой П. И. Карпова:

Пимен Карпов — привет!

На обороте:

Ташкент
[Туркестан]
Новая, 56
Александру Абрамову

81. А. В. ШИРЯЕВЦУ

Конец мая — начало июня 1917 г. Петроград

Дорогой Шура,
очень хотел приехать к тебе под твое бирюзовое небо, но за неимением времени и покачнувшегося здоровья пришлось отложить.

Очень мне надо с тобой обо многом переговорить или списаться. Сейчас я уезжаю домой, а оттуда напишу тебе обстоятельно. Но впредь ты меня предупреди, получишь ли ты эту открытку

Твой Сергей.

Кузьминское п. отд.
Село Константиново
Рязанск. губ. и уез.
С.Есенину

На обороте:

Ташкент
Новая 56
Александру Васильевичу
Абрамову

82. А. В. ШИРЯЕВЦУ

24 июня 1917 г. Константиново

1917. Июнь 24.

Хе-хе-хо, что ж я скажу тебе, мой друг, когда на языке моем все слова пропали, как теперешние рубли. Были и не были. Вблизи мы всегда что-нибудь, но уж обязательно сыщем нехорошее, а вдали все одинаково походит на прошедшее, а что прошло, то будет мило, еще сто лет назад сказал Пушкин.

Бог с ними, этими питерскими литераторами, ругаются они, лгут друг на друга, но все-таки они

люди, и очень недурные внутри себя люди, а потому так и развинчены. Об отношениях их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы. Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина.

Тут о «нравится» говорить не приходится, а приходится натягивать свои подлинней голенища да забродить в их пруд поглубже и мутить, мутить до тех пор, пока они, как рыбы, не высунут свои носы и не разглядят тебя, что это «Ты». Им все нравится подстриженное, ровное и чистое, а тут вот возьмешь им да кинешь с плеч свою вихрастую голову, и боже мой, как их легко взбаламутить.

Конечно, не будь этой игры, весь успех нашего народнического движенья был бы скучен, и мы, пожалуй, легко бы сошлись с ними. Сидели бы за их столом рядом, толковали бы, жаловались на что-нибудь, а какой-нибудь эго-мережковский приподымал бы свою многозначительную перстницу и говорил: гениальный вы человек, Серг. Ал. или Ал. Вас., стихи ваши изумительны, а образы, какая образность, а потом бы тут же съехал на университет, посоветовал бы попасть туда и довольный тем, что все-таки в жизни у него несколько градусов больше при универс<итетской> закваске, приподнялся бы вежливо встречу жене и добавил: «Смотри, милочка, это поэт из низов...» А она бы расширила глазки и, сузив губки, пропела: «Ах, это вы самый, удивительно, я

так много слышала, садитесь». И почла бы удивляться, почла бы расспрашивать, а я бы ей, может быть, начал отвечать и говорить, что корову доят двумя пальцами, когда курица несет яйцо, ей очень трудно, и т. д. и т. д.

Да, брат, сближение наше с ними невозможно. Ведь даже самый лучший из них, Белинский, говоря о Кольцове, писал «мы», «самоучка», «низший слой» и др., а эти еще дурее.

Но есть, брат, среди них один человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим, это Разумник Иванов. Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя.

На остальных же просто смотреть не хочется, с ними нужно не сближаться, а обтесывать, как какую-нибудь плоскую доску, и выводить на ней узоры, какие тебе хочется. Таков и Блок, таков Городецкий, и все и весь их легион.

Бывают, конечно, сомнения и укоры в себе, что к чему и зачем все это, но как только взглянешь и увидишь кого-нибудь из них, так сейчас же оно, это самое-то, и всплывает. Люботнó уж больно потешиться над ними, а особенно когда они твою блесну на лету хватают, несмотря на звон ее железный. Так вот их и выдергиваешь, как лещей или шелесперов.

Я очень и очень был недоволен твоим приездом туда. Особенно твоими говореньями с Городецким. История с Блоком мне была передана Миролюбовым с большим возмущением, но ты должен был ее так не оставлять и душой своей не раскошеливаться перед

ними. Хватит ли у них места вместить нас? Ведь они одним хвостом подавятся, а ты все это делал.

В следующий раз мы тебя поучим наглядно, как быть с ними, а пока скажу тебе об издательствах: Аверьянов сейчас купил за 2 1/2 тыс. у Клюева полн<ое> соб<рание> (выш<едшие> кн<иги>) и сел на них. Дела у него плохи, и издатель он шельмоватый. «Страда» — это просто случайные сборники под редакц<ией> Ясинского, а остальные журналы почти наполовину закрыты.

Мой план: обязательно этой осенью сделать несколько вечеров, а потом я выпускаю книгу в одном издат<ельстве> с платой по процентам и выпущу сборник «пятерых» — тебя, меня, Ганина, Клюева и Клычкова. (О Клычкове поговорим еще, он очень и близок нам, и далек по своим воззрениям.) Но все это выяснится совсем там, в сентябре. Стихи посылай в «Скифы», нов<ый> сборн<ик>, и «Заветы» на имя Разумника Васильевича Иванова, Царское Село, Колпинская, 20. Это не редакция там, а его квартира. Ему посылать лучше, он тебя знает, и я ему о тебе говорил. А пока всего тебе доброго.

Твой Сергей.

Константиново.

83. М. П. МУРАШЕВУ

21 ноября 1917 г. Петроград

Дорогой Миша!

Посылаю тебе билет, но извини, что не мог зайти сам к тебе. Занят по горло, а телефон твой не работает.

Любящий тебя
Сергей.

84. М. П. МУРАШЕВУ

Ноябрь (?) — декабрь (?) 1917 г. Петроград

Дорогой Миша.

Заглядывал к тебе Есенин и скорбно повернул обратно.

Дело в том, что Чернявскому очень нужна его рукопись. У него недавно умер в семье старший брат. Сейчас ему нужны деньги, и он хочет статью эту напечатать.

Сергей.
225-31.

Скоро зайду.

85. А. В. ШИРЯЕВЦУ

16 декабря 1917 г. Петроград

Дорогой мой Шура! Прости, пожалуйста, за молчание. Всё дела житейские мучают, а как освободишься, так и липнешь к памяти о друзьях, как к меду.

Сейчас сидит у меня П.Орешин. Кланяется тебе и просит стихов для одного сборника, а главное, что я хочу сказать тебе, это то, что собери все свои стихи и пошли Разумнику. Он издаст твою книгу. Об условиях я уже сговорился, и ты получишь за 80 стр. не менее 700 рублей. Это, родной, не слова, поэтому я поторопил бы тебя.

Скоро выходит наш сборник «Поэты революции», где есть несколько и твоих стихов. Гонорар получишь по выходе.

Пиши, родной, мне, не забывай. Ведь издалека тебе очень много надо, а я кой в чем пригожусь.

Твой Сергей.

Литейный, 33, кв. 11.

Стихов! Ради Бога, Разумнику стихов. Вывери «Запевку» и всё, что можешь.

На обороте: Ташкент Туркестанской обл. Новая ул. 56 Александру Васильевичу Абрамову (Ширяевцу)

86. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

Конец декабря 1917 г. Петроград

Дорогой Разумник Васильевич!

Уж очень мне понравилась, с прибавлением *не*, клюевская «Песнь Солнценосца» и хвалебные оды ей с бездарной «Красной песней».

Штемпель Ваш «первый глубинный народный поэт», который Вы приложили к Клюеву из достижений его «Песнь Солнценосца», обязывает меня не появляться в третьих «Скифах». Ибо то, что вы сочли с Андреем Белым за верх совершенства, я счел только за мышиный писк.

Это я если не такими, то похожими словами уже говорил Вам когда-то при Арсении Авраамове.

Клюев, за исключением «Избяных песен», которые я ценю и признаю, за последнее время сделался моим врагом. Я больше знаю его, чем Вы, и знаю, что заставило написать его «прекраснейшему» и «белый свет Сережа, с Китоврасом схожий».

То единство, которое Вы находите в нас, только кажущееся.

«Я яровчатый стих»

и

«Приложитесь ко мне, братья»

противно моему нутру, которое хочет выплеснуться из тела и прокусить чрево небу, чтоб сдвинуть не только государя с Николая на овин, а....

Но об этом говорить не принято, и я оставлю это для «лицезрения в печати», кажется, Андрей Белый ждет уже...

В моем посвящении Клюеву я назвал его *середним* братом из чисел 109, 34 и 22. Значение среднего в «Коньке-горбунке», да и во всех почти русских сказках —

«так и сяк».

Поэтому я и сказал: «Он весь в резьбе молвы»,— то есть в пересказе сказанных. Только изограф, но не открыватель.

А я «сшибаю камнем месяц», и черт с ним, с Серафимом Саровским, с которым он так носится, если, кроме себя и камня в колодце небес, он ничего не отражает.

Говорю Вам это не из ущемления «первенством» Солнценосца и моим «созвучно вторит», а из истинной обиды за Слово, которое не золотится, а проклевывается из сердца самого себя птенцом...

И «Преображение» мое, посвященное Вам, поэтому будет напечатано в другом месте.

Любящий Вас
Сергей Есенин.

На конверте:

Заказное
Царское Село
Колпинская ул. д. 2
Разумнику Васильевичу
Иванову
Податель: Петроград Литейный
33 кв. 11. Сергей Есенин.

87. А. БЕЛОМУ

До 9 марта 1918 г. Петроград

Дорогой
Борис Николаевич!
Направляю к Вам жаждущего услышать Вас человека Петра Авдеевича Кузько, примите и обогрейте его.

Любящий Вас
Сергей Есенин.

88. Л. Н. СТОЛИЦЕ

До 9 марта 1918 г. Петроград

Дорогая Любовь Никитична!
Верный Вам в своих дружеских чувствах и всегда вспоминающий Вас, посылаю к Вам своего хорошего знакомого Петра Авдеевича Кузько.

Примите его и обогрейте Вашим приветом. Ему ничего не нужно, кроме лишь знакомства с Вами, и поэтому я был бы рад, если бы он нашел к себе отклик в Вас.

Человек он содержательный в себе, немного пишет, и общение с Вами кой в чем (чисто духовном) избавило бы его от одиночества, в которое он заброшен по судьбе России.

Любящий Вас
Сергей Есенин.
1918.
Петроград.

89. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

30 сентября 1918 г. Москва

Дорогой Разумник Васильевич!

Мне передали, что где-то можно издать в Петербурге мою книгу. Будьте добры, напишите, что это за издательство и на каких условиях. (Если Вас это не затруднит.) Деньги бы были мне весьма кстати. Сейчас я в Москве. Приехал в надежде увидеть Вас, а Вы (я уже с июня слышу) все едете.

Приезжайте, Разумник Васильевич! За такую революцию снабдим Вас хлебом.

Кстати, если нужно будет приехать в Петроград относительно сговоров по изданию, то я приеду. На несколько дней. Кланяйтесь Клюеву. Я ему посылал телеграмму, а он не ответил.

Любящий Вас
Сергей Есенин.

Москва, Б. Строченовский, д. 24, кв. 6.

На конверте:

Заказное
Петроград Лиговка 44
ком. № 300—301
«Наш путь»
Разумнику Васильевичу Иванову
Очень нужно

Москва, Б. Строченовский 24
С. Есенин

90. А. БЕЛОМУ

Конец сентября 1918 г. Москва

Дорогой Борис Николаевич, какая превратность: хотел Вас очень сегодня видеть и не могу. Лежу совсем расслабленный в постели.

Черкните мне (если не повезло мне в сей раз), когда Вы будете свободны еще.

Любящий Вас С. Есенин.

Адрес: Скатертный пер., д. 20.
Лидии Ивановне Кашиной
для С. Е.

91. Л. И. ПОВИЦКОМУ

Конец 1918 — начало 1919 гг. Москва

Мечтам и годам нет возврата,
Не обновлю души моей.

Новое стих<отворение> С. Есенина

Да простит меня благородный Синьор за мое неблагородное свинство. Дело, конечно, обстоит серьезней вины, но Вы сами знаете, что предисловие...

Ах, уж эти мне предисловия: Меньшов изводит меня ими часа по крайней мере по три.

Итак, дорогой Лев Осипови́ч, кланяюсь Вам и желаю всего хорошего. В собственности что это такое кланяюсь? Знаете ли Вы, милостивый Государь, что оно значит? Да, да, я знаю, что Вы этого не знаете, и потому спрашиваю Вас, чтоб иметь возможность пояснить его всему миру.

Кланяюсь родилось в далеких песках ассирийских равнин. Зима у нас в этот год стоит довольно лютая.

Я, собственно, ей ничего и не сказал, а она пошла и давай меня. Если бы Вы умели слушать внимательней, я рассказал бы всю историю Вам подробно. Ах, никто, никто не знает и до сих пор, отчего поет петух в полночь. Сарра спáла под телегою.

Утомилась, долго бегая,
Моя ворохи пелёнок,
Слышит кто-то, как цыплёнок,
Тонко, жалобно пищить:
    пить! пить —
Прислонивши локоток,
Видит, *в небе* без порток
Скачет, пляшет мил
    Дружок.

Аминь.

Сергей Есенин.

92. Л. И. ПОВИЦКОМУ

Не ранее января 1919 г. Москва

Милый ЛЕВ
        Осиповичъ
            !
Как Вы пожиВАЕтЕ?
        Али
Мы   ГАли
        ВАмъ
                А
                ли
        ЭНТАкАя
На   с е м о й   верстѣ
                мотАли

перЕЭН
ТАкая
кому повѣм
печАль мо
ю
льк
Ско о
рАз я зАРЕКАлся
п-
о той улиц ходи
Ѣ ТЬ
я живу НИЧАВО
Больно мижду прочим
Уж чижАло
думАю КОНЧАТЬ
Въ этой низенькой
свѢТЕлкѣ
тучи пряли
л КАВАдАК
ѣ р
ЖиТЬ не могу!
хочу ЗастрѣлицА
лицА — За(В)стрЕ
+ реВОль —
ВЕрА убѣЖАл на
улицУ
лицу НА!
Такъ прыгаетъ по коричневой
скрипкѣ
Вдругъ лопнувшАя струНА.

Гостин. ЕВРОПА 66.
С. ЕСЕНИН

Милый ЛЕВ
Осипович
как вы !
пожи
ВАЕТЕ?
А мы
мй тами
вам
я и
ЭНТАКАЯ
насегодня ерети
переэта Мотали
такая
кому повелч
исчадь мою

Сколько раз я зарекался п-
о этой улице ходить
я живу книгаво
бально мне еди прочих
уже тетисало
думаю кончать
в этой избенкой светелке
тучи пряли
как в а к к
жить не могу!
хоть застрелиться
лица — за ветре (в)
револ —

ВЕРА убЕЖАЛ на
улицу!
лицу НА.
Так играет по коричневой
скрипке
Вдруг лопнувшая струна.
Гостин. Европа 66.
С. ЕСЕНИН

93. З. Н. РАЙХ

18 июня 1919 г. Москва

Зина! Я послал тебе вчера 2000 руб. Как получишь, приезжай в Москву.

Сергей Есенин.

Типография заработала. Денег у меня пока для тебя 10000 руб.

На конверте:

Орел.
Кромская 58
кв. Данцигер
Зинаиде Николаевне
Есениной

94. В. Л. ЛЬВОВУ-РОГАЧЕВСКОМУ

Первая половина 1919 г. Москва

Дорогой Василий Львович!

Я очень жалею, что Вы все время не могли меня застать, я звонил Вам, но телефон у Вас или занят, или нет никого.

Вопрос моего выступления, по-моему, для Вас должен быть ясен с прошлого года. Туда, где вечера проходят с Вашим выступлением, я всегда готов с радостью.

Насколько я понял, ближайший (четверговый) вечер будет в «Элите»; я буду там в $7\ {}^{1}/_{2}$ ч. веч<ера>, и договоримся окончательно.

Любящий Вас

С. Есенин.

95. А. М. КОЖЕБАТКИНУ

Не ранее 11 августа 1919 г. Москва

Александр Мелентьевич.

Заходили к Вам Есенин и Мариенгоф. Взяли «Песнослов» и удалились.

С извинением и приветом.

Есенин

Мариенгоф.

96. А. В. ШИРЯЕВЦУ

Август (?) — сентябрь (?) 1919 г. Москва

Милый Шура!

Будь добр, помоги устроиться и приюти ночевать моих хороших знакомых. Они расскажут тебе обо всем, о чем не имею времени передать тебе письменно.

Во многом они пригодятся тебе сами. Если вздумаешь выбираться из Ташкента, то с ними тебе будет легче. Жизни нашей ты можешь не пугаться. Заработать мы тебе поможем всегда.

На днях сдаю в набор твою книгу, в ней хоть всего около 48 стр., но тыс<яч> 7 ты за нее получишь.

Деньги переведу, как только будут принимать по телеграфу.

Очень хотелось бы написать тебе много-много, но совершенно нет времени.

Прости, родной.

Любящий т<ебя> Сер<гей> Есенин.

На конверте:

А. Ширяевцу

С. А. Есенин

97. Е. Р. ЭЙГЕС

Осень 1919 г. Москва

Как и нужно было ждать, вчера я муку тебе не принес.

Сегодня утром тащили чемодан к тебе с Мариенгофом и ругались на чем свет стоит.

Мука в белье, завернута в какую-то салфетку, которая чище белья и служит муке предохранен<ием>. Белье отдай прачке.

Расти большая.
Твой С.Есенин.

98. Е. И. ЛИВШИЦ

8 июня 1920 г. Москва

Милая, милая Женя! Сердечно Вам благодарен за письмо, которое меня очень тронуло. Мне казалось, что этот маленький харьковский эпизод уже вылетел из Вашей головы.

В Москве я сейчас крайне чувствую себя одиноко. Мариенгоф по приезде моем из Рязани уехал в Пензу и пока еще не возвращался. Приглашают меня ехать в Ташкент, чтоб отдохнуть хоть немного, да не знаю, как выберусь, ведь я куда, куда только не собирался и с Вами даже уславливался встретиться в Крыму... Дело в том, как я управлюсь с моим издательством. Я думал, уже все кончил с ним, но вдруг пришлось печатать спешно еще пять книг, на это нужно время, и вот я осужден бродить пока здесь по московским нудным бульварам из типографии в типографию и опять в типографию.

Дома мне, несмотря на то, что я не был там 3 года, очень не понравилось, причин очень много, но о них в письмах теперь говорить неудобно.

Ну, как Вы живете? Что делаете? Сидите ли с Фридой на тарантасе и с кем? Фриде мой нижайший, нижайший поклон. Мы часто вас всех вспоминаем с Сахаровым, когда бродим ночами по нашим пустынным переулкам. Он даже собирается писать Лизе.

Конечно, всего, что хотелось бы сказать Вам, не скажешь в письме, милая Женя! Все-таки лучше, когда видишь человека, лучше говорить с ним устами, глазами и вообще всем существом, чем выводить эти ограничивающие буквы.

Желаю Вам всего-всего хорошего. Вырасти большой, выйти замуж и всего-всего, чего Вы хотите.

С.Есенин.

На конверте:

Харьков
Рыбная 15
кв. Лурье
для *Евгении Лившиц*
Москва. С. А. Есенин.

99. А. В. ШИРЯЕВЦУ

26 июня 1920 г. Москва

Милый Шура! Извини, голубчик, что так редко тебе пишу, дела, дорогой мой, ненужные и бесполезные дела съели меня с головы до ног. Рад бы вырваться хоть к черту на кулички от них и не могу.

«Золотой грудок» твой пока еще не вышел, и думаю, что раньше осени не выйдет. Уж очень трудно стало у нас с книжным делом в Москве. Почти ни

одной типографии не дают для нас, несоветских, а если и дают, то опять не обходится без скандала. Заедают нас, брат, заедают. Конечно, пока зубы остры, это все еще выносимо, но все-таки жаль сил и времени, которые уходят на это.

Живу, дорогой,— не живу, а маюсь. Только и думаешь о проклятом рубле. Пишу очень мало. С старыми товарищами не имею почти ничего, с Клюевым разошелся, Клычков уехал, а Орешин глядит как-то все исподлобья, словно съесть хочет.

Сейчас он в Саратове, пишет плохие коммунистические стихи и со всеми ругается. Я очень его любил, часто старался его приблизить себе, но ему все казалось, что я отрезаю ему голову, так у нас ничего и не вышло, а сейчас он, вероятно, думает обо мне еще хуже.

А Клюев, дорогой мой,— Бестия. Хитрый, как лисица, и все это, знаешь, так: под себя, под себя. Слава Богу, что бодливой корове рога не даются. Поползновения-то он в себе таит большие, а силенки-то мало. Очень похож на свои стихи, такой же корявый, неряшливый, простой по виду, а внутри черт.

Клычков же, наоборот, сама простота, чистота и мягкость, только чересчур уж от него пахнет физической нечистоплотностью. Я люблю его очень и ценю как поэта выше Орешина. Во многом он лучше и Клюева, но, конечно, не в целом. Где он теперь, не знаю.

Ты, по рассказам, мне очень нравишься, большой, говорят, неповоротливый и с смешными дырами о мнимой болезненности. Стихи твои мне нравятся тоже, только, говорят, ты правишь их по указаниям

жен туркестанских инженеров. За это, брат, знаешь, *мативируют*. И какой черт ты доверяешься вообще разным с........?

Пишешь ты очень много зрящего. Особенно не нравятся мне твои стихи о востоке. Разве ты настолько уж осартился или мало чувствуешь в себе притока своих родных почвенных сил?

Потом брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами, не такие мы, как это все выходит у тебя в стихах. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Все это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки? Пусть уж нюхает Клюев, ему это к лицу, потому что от него самого попахивает, а тебе нет.

Посылаю тебе «Трерядницу», буду очень рад, если ты как-нибудь сообщишь о своем впечатлении.

Твой С. Есенин. 1920, июнь 26.

В октябре я с Колобовым буду в Ташкенте, я собирался с ним ехать этим постом, но <он> поехал в Казань, хотел вернуться и обманул меня.

100. А. М. САХАРОВУ

Июль 1920 г. Ростов-на-Дону

Милый, милый Сакша!

Сидим на яйцах в Ростове и все никак ничего не можем вывести. Вдалеке Сочи, Екатеринодар, Туапсе, а здесь почти то же, что и у нас

....В краю родном
Пахнет сеном и гавном.

Очень и очень маленькая разница, особливо ежели насчет выпить, одно утешенье, что на Кавказе, говорят, *куда лучше*! Все время жалеем, что ты не с нами, но успокаиваем себя тем, что осенью облобызаемся и напихаем твой рот мукой и сладостями. Это обязательство у нас даже вывешено в вагоне:

«Помним Сакшу!»

Милый Сакша, просим тебя до самого пупа, сделай, голубчик, все, что возможно, с книгами. С деньгами попроси устроить Шершеневича, он парень *ходовой* в этом отношении.

Да, еще есть к тебе особливая просьба. Ежели на горизонте появится моя жена Зинаида Николаевна, то устрой ей как-нибудь через себя или Кожебаткина тыс<яч> 30 или 40. Она, вероятно, очень нуждается, а я не знаю ее адреса. С Кавказа она, кажется, уже уехала, и встретить я ее уже не смогу. Ну, живи, милый, лопай, толстей мордой и жопой. Мы полны тобой с утра до вечера. Будь же и ты к нам таким, каким был при нашем присутствии. Если можно, черкни что-нибудь о себе, о магазине и о прочем нам близком.

Адрес: Сочи, высший совет народн<ого> хозяйства. Грамот. Окружн<ому> уполн<омоченному> Колобову

для Есенина.

101. Е. И. ЛИВШИЦ

11 августа 1920 г. Минеральные Воды

Милая, милая Женя! Ради Бога не подумайте, что мне что-нибудь от Вас нужно, я сам не знаю, почему это я стал вдруг Вам учащенно напоминать о

себе, конечно, разные бывают болезни, но все они проходят. Думаю, что пройдет и это.

Сегодня утром мы из Кисловодска выехали в Баку, и, глядя из окна вагона на эти кавказские пейзажи, внутри сделалось как-то тесно и неловко. Я здесь второй раз в этих местах и абсолютно не понимаю, чем поразили они тех, которые создали в нас образы Терека, Казбека, Дарьяла и вс<его> проч<его>. Признаться, в Рязанской губ. я Кавказом был больше богат, чем здесь. Сейчас у меня зародилась мысль о вредности путешествий для меня. Я не знаю, что было бы со мной, если б случайно мне пришлось объездить весь земной шар? Конечно, если не пистолет юнкера Шмидта, то, во всяком случае, что-нибудь разрушающее чувство земного диапазона. Уж до того на этой планете тесно и скучно. Конечно, есть прыжки для живого, вроде перехода от коня к поезду, но все это только ускорение или выпукление. По намекам это известно все гораздо раньше и богаче. Трогает меня в этом только грусть за уходящее милое родное звериное и незыблемая сила мертвого механического.

Вот Вам наглядный случай из этого. Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом де-

ревни и ликом Махно. Она и он в революции нашей страшно походят на этого жеребенка, тягательством живой силы с железной.

Простите, милая, еще раз за то, что беспокою Вас. Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит *тогда* эти покрытые уже плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают.

Вы плавающая и идущая, Женя! Поэтому-то меня и тянет с словами к Вам.

Растите такой, какой я Вас видел и слышал, слушайтесь Фриду, и благо Вам будет, ибо в Фриде доброе живет *сознательно*, поэтому она такая милая и такая хорошая будет даже в чем-нибудь дурном.

Люб<ящий> Вас С. Есенин.

102. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

4 декабря 1920 г. Москва

Декабря 4. 1920.

Дорогой Разумник Васильевич!

Простите, ради Бога, за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытку. Так все неожиданно и глупо вышло.

Я уже собирался к 25 окт. выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК.

Это меня как-то огорошило, оскорбило, и мне долго пришлось выветриваться.

Мне очень и очень хотелось бы Вас увидеть, услышать и самому сказать о себе. Уж очень многое накопилось за эти 2 1/2 г., в которые мы с Вами не виделись. Я очень много раз порывался писать Вам, но наше безалаберное российское житие, похожее на постоялый двор, каждый раз выбивало перо из рук. Я удивляюсь, как еще я мог написать столько стихов и поэм за это время.

Конечно, перестроение внутреннее было велико. Я благодарен всему, что вытянуло мое нутро, положило в формы и дало ему язык. Но я потерял зато все то, что радовало меня раньше от моего здоровья. Я стал гнилее. Вероятно, кой-что по этому поводу Вы уже слышали.

Ну, а что с Клюевым?

Он с год тому назад прислал мне весьма хитрое письмо, думая, что мне, как и было, 18 лет, я на него ему не ответил, и с тех пор о нем ничего не слышу. Стихи его за это время на меня впечатление производили довольно неприятное. Уж очень он, Разумник Васильевич, слаб в форме и как-то расти не хочет. А то, что ему кажется формой, ни больше ни меньше как манера, и порой довольно утомительная.

Но все же я хотел бы увидеть его. Мне глубоко интересно, какой ощупью вот теперь он пойдет?

Всего Вам, Разумник Васильевич, всего хорошего. Я очень и очень часто вспоминаю Вас. Жаль только, что не видимся, но авось как-нибудь вырвусь.

Привет Варваре Николаевне, Вашим детям и Ремизовым.

Жму Вашу руку.
С. Есенин.

Если урвете минутку, то черкните, а я Вам постараюсь выслать «Сорокоуст» и «Исповедь хулигана».

На конверте:

Детское село
Колпинская 20
Разумнику Васильевичу
Иванову

С. А. Есенин

103. Р. ИВНЕВУ

Конец 1920 г.— 1925 г. Москва

Милый Рюрик.
Сидит у меня тут один херувимчик совершенно в твоем вкусе. Приезжай побалакать.
Твой С. Есенин.

104. С. Д. БАЛУХАТОМУ

22 января 1921 г. Москва

Уважаемый Сергей Дмитриевич! В ответ на Ваше письмо спешу сообщить Вам, что мы готовы издать все Ваши работы, касающиеся образной поэтики.

Условия оплаты и срок издания мы сообщим Вам, как только Вы пришлете матерьал, но приблизительно оплата в нашем Изд<ательст>ве равняется в три раза увеличенной советск<ой> ставке. Причем поло-

вина выплачивается, как только книга сдается в набор, а остальное после выхода.

С приветом к Вам

Сергей Есенин.

Б<ольшая> Никитская, 15, Магаз<ин> худ<ожников> слова.

105. С. Д. ГОЛОВАЧЕВУ

Март 1921 г. Москва

Милый Сережа!

Я совсем расхворался и потому в магазине быть не могу.

Мне очень и очень нужны деньги, будьте добры подательнице сей записки дать 150 000 р. (сто пятьдесят тыс. р.).

Привет Дав<иду> Сам<ойловичу>.

Ваш С. Есенин.

1921, март.

106. А. М. САХАРОВУ

Апрель 1921 г. Москва

Милый Сакша! Привет тебе и целование. Друг мой любезный, сделай все, что возможно, с моей книгой, только по другому плану. Издай только стихи, а поэмы выкинь. Потому что они выходят на днях здесь. Озаглавь «Ржан<ые> кони», книга первая. Я еду в Ташкент, в мае вернусь, что тебе нужно, накажи. Я привезу. Любящий тебя С. Есенин.

На обороте:

Александру Михайловичу
Сахарову
Астория

107. А. Б. МАРИЕНГОФУ

Конец апреля — начало мая 1921 г. Самара

Милый Толя! Привет тебе и целование. Сейчас сижу в вагоне и ровно третий день смотрю из окна на проклятую Самару и не пойму никак, действительно ли я ощущаю все это или читаю «Мертвые души» с «Ревизором». Гришка пьян и уверяет своего знакомого, что он написал «Юрия Милославского», что все политические тузы — его приятели, что у него всё курьеры, курьеры и курьеры. Лёва сидит хмурый и спрашивает меня чуть ли не по пяти раз в день о том, съел ли бы я сейчас тарелку борща малороссийского? Мне вспоминается сейчас твоя кислая морда, когда ты говорил о селедках. Если хочешь представить меня, то съешь кусочек и посмотри на себя в зеркало.

Еду я, конечно, ничего, не без настроения все-таки, даже рад, что плюнул на эту проклятую Москву. Я сейчас собираю себя и гляжу внутрь. Последнее происшествие меня таки сильно ошеломило. Больше, конечно, так пить я уже не буду, а сегодня, например, даже совсем отказался, чтоб посмотреть на пьяного Гришку. Боже мой, какая это гадость, а я, вероятно, еще хуже бывал.

Климат здесь почему-то в этот год холоднее, чем у нас. Кой-где даже есть еще снег! — Так что голым я пока не хожу и сплю, покрываясь шубой. Провизии

здесь, конечно, до того много, что я невольно спрашиваю в свою очередь Лёву:

— А ты, Лёва, ел бы сейчас колбасу?

Вот так сутки, другие, третьи, четвертые, пятые, шестые едем, едем, а оглянешься в окно, как заколдованное место — проклятая Самара.

Вагон, конечно, хороший, но все-таки жаль, что это не ровное и стоячее место. Бурливой голове трудно думается в такой тряске. За поездом у нас опять бежала лошадь (не жеребенок), но я теперь говорю: «Природа, ты подражаешь Есенину».

Итак, мой друг, часто вспоминаем тебя, нашу милую Эмилию и опять, ОПмТЬ, возвращаемся к тому же:

— Как ты думаешь, Сережа, а что теперь кушает наш Ваня?

В общем, поездка очень славная! Я и всегда говорил себе, что проехаться не мешает, особенно в такое время, когда масло в Москве 16—17, а здесь 25—30.

Это, во-первых, экономно, а во-вторых, но во-вторых, Ваня (слышу, Лёва за стеной посылает Гришку к священной матери), это на второе у нас полагается.

Итак, ты видишь, все это довольно весело и занимательно, так что мне без труда приходится ставить точку, чтоб поскорей отделаться от письма. О, я недаром говорил себе, что с Гришкой ездить очень весело.

Твой Сергун.

Привет Конёнкову, Сереже и Дав<иду> Самойл<овичу>.

P.S. Прошло еще 4 дня с тех пор, как я написал тебе письмо, а мы еще в Самаре.

Сегодня с тоски, то есть с радости, вышел на платформу, подхожу к стенной газете и зрю, как самарское лито кроет имажинистов. Я даже не думал, что мы здесь в такой моде. От неожиданности у меня в руках даже палка выросла, но за это, мой друг, тебя надо бить по морде.

Еще через день.

Был Балухатый, рассказал очень много интересного. Он собирается в Петербург. Я просил его зайти к тебе. Приюти его, возьми рукописи и дай денег.

С. Е.

108. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

Май 1921 г. Ташкент

Дорогой Разумник Васильевич!

Я послал Вам письмо, книги, еще письмо, ждал от Вас хоть какого-нибудь ответа и не получил его, и мне кажется, что Вы, по-видимому, обиделись на что-то. Уж не за Клюева ли и мое мнение о нем? Не за Блока ли?

Я очень много думал, Разумник Васильевич, за эти годы, очень много работал над собой, и то, что я говорю, у меня достаточно выстрадано. Я даже Вам в том письме не все сказал, по-моему, Клюев совсем стал плохой поэт, так же как и Блок. Я не хочу этим Вам сказать, что они очень малы по своему внутреннему содержанию. Как раз нет. Блок, конечно, не гениальная фигура, а Клюев, как некогда пришибленный им, не сумел отойти от его голландского романтизма. Но все-таки они, конечно, значат много. Пусть Блок по недоразумению русский, а Клюев поет Россию по книжным летописям и ложной ее за-

рисовки всех приходимцев, в этом они, конечно, кое-что сделали. Сделали до некоторой степени даже оригинально. Я не люблю их главным образом как мастеров в нашем языке.

Блок — поэт бесформенный, Клюев тоже. У них нет почти никакой фигуральности нашего языка. У Клюева они очень мелкие («черница-темь сядет с пяльцами под окошко шить златны воздухи», «Зой ку-ку загозье, гомон с гремью шыргунцами вешает на сучья», «туча — ель, а солнце — белка с раззолоченным хвостом» и т. д.). А Блок исключительно чувствует только простое слово по Гоголю, что «слово есть знак, которым человек человеку передает то, что им поймано в явлении внутреннем или внешнем».

Дорогой Разумник Васильевич, 500, 600 корней — хозяйство очень бедное, а ответвления словесных образов — дело довольно скучное. Чтобы быть стихотворным мастером, их нужно знать дьявольски. Ни Блок, ни Клюев этого не знают, так же как и вся братия многочисленных поэтов.

Я очень много болел за эти годы, очень много изучал язык и к ужасу своему увидел, что ни Пушкин, ни все мы, в том числе и я, не умели писать стихов.

Ведь стихи есть определенный вид словесной формы, где при лирическом, эпическом или изобретательном выявлении себя художник делает некоторое звуковое притяжение одного слова к другому, т<о> е<сть> слова входят в одну и ту же произносительную орбиту или более или менее близкую.

Но такие рифмы, какими переполнено все наше творчество:

Достать — стать
Пути — идти
Голубица — скрыться
Чайница — молчальница
и т. д. и т. д.—

ведь это же дикари только могут делать такие штуки. Положим, язык наш звучащих имеет всего 29 букв, а если разделить их на однородные типы, то и того меньше будет, но все же это не годится. Нужно, если не буквенно, то хоть по смысловому понятию, уметь отделять слова от одинаковости их значения.

Поэтическое ухо должно быть тем магнитом, котор<ый> соединяет в звуковой одноудар по звучанию слова разных образных смыслов. Только тогда это и имеет значение. Но ведь «пошла — нашла», «ножка — дорожка», «снится — синится» — это не рифмы.

Это грубейшая неграмотность, по которой сами же поэты не рифмуют «улетела — отлетела». Глагол с глаголом нельзя рифмовать уже по одному тому, что все глагольные окончания есть вид одинаковости словесного действия. Но ведь и все почти существительные в языке есть глаголы. Что такое синица и откуда это слово взялось, как не от глагола синеется, голубица — голубеется и т.д.

Я не хочу этим развивать или доказывать перед Вами мою теорию поэтических напечатлений. Нет! Я единственно Вам хочу указать на то, что я на поэта, помимо его внутренних импульсов, имею особый взгляд, по которому отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно.

Вроде:

почва — ворочается,
куда — дал и т. д.

Так написан был отчасти «Октоих» и полностью «Кобыльи корабли».

Вот с этой, единственно только с этой точки зрения я писал Вам о Блоке и Клюеве во втором своем письме. Я, Разумник Васильевич, не особенный любитель в поэзии типов, которые нужны только беллетристам. Поэту нужно всегда раздвигать зрение над словом. Ведь если мы пишем на русском языке, то мы должны знать, что до наших образов двойного зрения:

«Головы моей желтый лист»
«Солнце мерзнет, как лужа» —

были образы двойного чувствования.

«Мария зажги снега» и «заиграй овражки»,
«Авдотья подмочи порог» —

это образы календарного стиля, которые создал наш Великоросс из той двойной жизни, когда он переживал свои дни двояко, церковно и бытом.

Мария — это церковный день святой Марии, а «зажги снега» и «заиграй овражки» — бытовой день, день таянья снега, когда журчат ручьи в овраге. Но это понимают только немногие в России. Это близко только Андрею Белому. Посмотрите, что пишет об этом Евг. Замятин в своей воробьиной скороговорке «Я боюсь» № 1 «Дома искусств».

Вероятно, по внушению Алексея Михайловича он вместе с носом Чуковского, который ходит, заложив

ноздри в карман, хвалит там Маяковского, лишенного всяческого чутья слова. У него ведь почти ни одной нет рифмы с русским лицом, это помесь негра с малороссской (гипербола — теперь была, лилась струя — Австрия).

Передайте Евгению Ивановичу, что он не поэта, а «Барыбу увидеть изволили-с».

Думаю, что во всем виноват тут Ремизов.

О, он хитрая бестия, этот Ремизов! Недаром у него, как у алжирского бея, под носом Вячеслав Шишка!

Простите еще раз, Разумник Васильевич, если как-нибудь приношу Вам огорчение. Не люблю я скифов, не умеющих владеть луком и загадками их языка. Когда они посылали своим врагам птиц, мышей, лягушек и стрелы, Дарию нужен был целый синедрион толкователей. Искусство должно быть в некоторой степени тоже таким. Я его хорошо изучил, обломал и потому так спокойно и радостно называю себя и моих товарищей «имажинистами». Помните, я Вам кой-что об этом говорил еще на Галерной, 40? И даже в поэме «Сельский часослов» назвал это мое брожение «Израмистил». Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших «Слово о полку Игореве» и такие строчки, как:

На оболони телегы скрыпать,
Рцы лебеди распужени.

Дело не в имажинизме, которое притянула к нам З.Венгерова в сборнике «Стрелец» 1915 г., а мы взяли да немного его изменили. Дело в моем осозна-

нии, преображении мира посредством этих образов. Вспомните:

Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом...

Тогда это была тоска «Господи, отелись», желание той зари, которая задирает хвост коровой, а теперь...

109. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

5 октября 1921 г. Москва

Милая Галя!

Я очень и очень бы хотел, чтоб Вы пришли сегодня ко мне на Богословский к 11 часам.

Буду *ждать* Вас!

За д... Спасибо.

Без

С. Есенин.

1921. 5 окт.

На обороте или на конверте:

Шереметьевский
д. 3, кв. X
Галине Артуровне
Бениславской

110. А. Б. МАРИЕНГОФУ и Г. Р. КОЛОБОВУ

19 ноября 1921 г. Москва

Ура! Варшава наша!

Сегодня 19 ноября, пришло письмо от Лившица, три тысчи герм<анских> марок, 10 ф. сахару, 4 ко-

робки консервов и оттиск наших переведенных стихов на еврейский язык с «Испов<едью> хулиг<ана>» и «Разочарованием». Америка делает нам предложение через Ригу, Вена выпускает к пасхе сборник на немецком, а Берлин в лице Верфеля бьет челом нашей гениальности.

Ну что, сволочи?! Сукины дети?! Что, прохвосты?!

Я теперь после всего этого завожу себе пару кобелей и здороваться буду со всеми только хвостами или лапами моих приближенных.

Что там Персия? Какая Персия? Это придумывают только молодожены такое сантиментальное путешествие. Это Вам не кондукторы из Батума, а *Вагоновожатые Мира*!!!

Ах, Клопиков, Клопиков, как же это ты так обмазался своей кондукторшей? Что это? Как это? Неужели шведская кровь настолько горячая, что ты даже без толкача напролет просиживаешь и пролеживаешь с ней ночи? Где ж девалась твоя былая ретивость? Поймали конягу! Обидно даже. Добро бы вервием каким, а то так, недоуздком паршивым. Ну да ладно! Все это простится тебе, если я скоро получу от тебя не менее ведра вина. Живу, Ваня, отвратно. Дым все глаза сожрал, Дункан меня заездила до того, что я стал походить на изнасилованного. А книгу всё печатают и печатают. Особенного, конечно, кроме этих немного обманывающих вестей от Лившица, ничего нет.

Итак, жду вина.

С поцелуями Сергей и Кузя.

111. Н. А. КЛЮЕВУ

Декабрь 1921 г. Москва

1921. Декабрь.

Мир тебе, друг мой! Прости, что не писал тебе эти годы, и то, что пишу так мало и сейчас. Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею. А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь. Когда увидимся, будет легче и приятней выразить все это без письма.

Целую тебя и жму твою руку.

Сергей Есенин.

112. М. Д. РОЙЗМАНУ

1921 г. Москва

Милый Мотя!

Нам нужны были деньги. Мы забрали твой миллиард триста, а ты получи завтра. На журнале сочтемся.

С. Есенин.
Ц е л у ю
к р е п к о.

113. А. Б. МАРИЕНГОФУ

Февраль 1922 г. Ростов-на-Дону

Милый Толя! Черт бы тебя побрал за то, что ты вляпал меня во всю эту историю.

Во-первых, я в Ростове. Сижу у Нины и ругаюсь

на чем свет стоит. Вагон ваш, конечно, улетел. Лёва достал купѐ, но в таких купѐ ездить все равно, что у турок на колу висеть, да притом я совершенно разуверился во всех ваших возможностях. Это всё за счет твоей молодости и его глупости. В четверг еду в Тифлис и буду рад, если встречусь с Гришей, тогда конец этим мукам.

Ростов — дрянь невероятная, грязь, слякоть и этот «Сегёжа», который торгуется со всеми из-за 2-х коп. С ним всюду со стыда горишь.

Привет Изадоре, Ирме и Илье Ильичу.

Я думаю, что у них воздух проветрился теперь, и они, вероятно, уже забыли нас. Ну, да с глаз долой и из сердца вон, плакать, конечно, не будем.

Передай Ваньке, чтоб он выкупил мое ружье тут же, как получишь это письмо, а то оно может пропасть.

И дурак же ты, рыжий!

Да и я не умен, что послушался.

Проклятая Персия!

Сергей.

114. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

6 марта 1922 г. Москва

1922, 6 март.
Москва.

Дорогой Разумник Васильевич!

Очень и очень обрадовался Вашему письму.

От 9—12 февраля я был в Питере, так, случайно, без всякого предположения; искал Вас, но мне сказали, что Вы бываете только по пятницам (а я приехал

как раз в 10 ч. вечера в пятницу), очень был огорчен тем, что даже и по телефону нельзя было поговорить.

Журналу Вашему или сборнику обрадовался тоже чрезвычайно. Давно пора начать — уж очень мы все рассыпались, хочется опять немного потесней «в семью едину», потому что мне, например, до чертиков надоело вертеться с моей пустозвонной братией, а Клюев засыхает совершенно в своей Баобабии. Письма мне он пишет отчаянные. Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду.

Я встормошил здесь всю публику, сделал для него, что мог, с пайком и послал 10 милл<ионов> руб. Кроме этого, послал еще 2 милл<иона> Клычков и 10 — Луначарский.

Не знаю, какой леший заставляет его сидеть там? Или «ризы души своей» боится замарать нашей житейской грязью? Но тогда ведь и нечего выть, отдай тогда тело собакам, а душа пусть уходит к Богу.

Чужда и смешна мне, Разумник Васильевич, сия мистика дешевого православия, и всегда-то она требует каких-то обязательно неумных и жестоких подвигов. Сей вытегорский подвижник хочет всё быть календарным святителем вместо поэта, поэтому-то у него так плохо все и выходит.

«Рим» его, несмотря на то, что Вы так тепло о нем отозвались, на меня отчаянное впечатление произвел. Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы. «Молитв молоко» и «сыр влюбленности» — да ведь это же его любимые Мариенгоф и Шершеневич со своими «бутербродами любви».

Интересно только одно фигуральное сопоставление, но увы — как это по-клюевски старо́!.... Ну, да

это ведь попрек для него очень небольшой, как Клюева. Сам знаю, в чем его сила и в чем правда. Только бы вот выбить из него эту оптинскую дурь, как из Белого — Штейнера, тогда, я уверен, он записал бы еще лучше, чем «Избяные песни». Еще раз говорю, что журналу Вашему рад несказанно. Очень уж опротивела эта беспозвоночная тварь со своим нахальным косноязычием. Дошли до того, что Ходасевич стал первоклассным поэтом. ?.. Дальше уж идти некуда. Сам Белый его заметил и, в Германию отъезжая, благословил.

Нужно обязательно проветрить воздух. До того накурено у нас сейчас в литературе, что просто дышать нечем.

В Москве себя чувствую отвратительно. Безлюдье полное. Рогачевские и Сакулины больше ценят линию поведения, чем искусство, и хоть они ко мне хорошо относятся, но одно осознание, что видишь перед собой алжирского бея с шишкой под носом, заставляет горько смеяться и идти лучше в кабак от сих праведников. Нравы у них миргородские, того и гляди, вбежит свинья и какой-нибудь важный документ съест со стола души.

А в других местах только и видишь бекеши со смушками. Ни лица, ни ног, ни рук, ни глаз, одни только обычаи «хорошего тона». Поэзия там наравне с вином и блинами расценивается. Устал я от всего этого дьявольски! Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда. Вероятно, после пожара всегда так бывает. С тоски перечитывал «Серебряного голубя». Боже, до чего все-таки изумительная вещь. Ну разве все эти Ремизовы, Замятины и Толстые (Алекс.) создали что-нибудь подобное? Да им нужно подметки

целовать Белому. Все они подмастерья перед ним. А какой язык, какие лирические отступления! Умереть можно. Вот только и есть одна Радость после Гоголя.

Живу я как-то по-бивуачному, без приюта и без пристанища, потому что домой стали ходить и беспокоить разные бездельники, вплоть до Рукавишникова. Им, видите ли, приятно выпить со мной! Я не знаю даже, как и отделаться от такого головотяпства, а прожигать себя стало совестно и жалко.

Хочется опять заработать, ибо внутри назрела снова большая вещь. Для журнала же Вашего я пришлю пока несколько стихотворений. Об Арс<ении> Авраамове я слышал лишь одно, что он находится в Закавказьи, но где именно, никто точно сказать не может, потому что сегодня он в Темир-Хан-Шуре, а завтра его вдруг видят в Баку.

Ну, всего Вам, Разумник Васильевич, лучшего.

Привет Варваре Николаевне и детям. (Боже, они теперь у Вас ведь почти взрослые!)

Жму Вашу руку.

С. Есенин.

На конверте:

Заказное
Детское Село
Колпинская 20
Разумнику Васильевичу
Иванову
Москва, Б. Никитская 15
кнж. магазин художников слова
С. А. Есенин

115. С. Т. ГРИГОРЬЕВУ

6 марта 1922 г. Москва

Дорогой Сергей Тимофеевич! Будьте добры, если сможете, то проведите еще 100 экз<емпляров> «Пугачова». Я сейчас очень нездоров, и мне очень нужны деньги. Искренно уважающий Вас С. Есенин.

1922. 6 марта. М<осква>.

116. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

25 апреля 1922 г. Москва

Катя! Оставляю тебе два конверта с деньгами. 20 милл<ионов> тебе и сто милл<ионов> передай отцу.

Пусть он едет домой и делает с ними, что хочет, большего я сделать ему не могу.

Тебе перед отъездом оставлю еще.

Дня через 2—3—4 позвони мне. Около $2 - {}^{1}/_{2}$ я всегда дома.

Целую.

Сергей Есенин.

25 апр. 1922.

117. А. Б. КУСИКОВУ

До 5 мая 1922 г. Москва

Сандро! Пятого мая выезжаю. Сделай объявление в газетах о предстоящем нашем вечере на обоих языках.

Есенин.

118. Н. А. КЛЮЕВУ

5 мая 1922 г. Москва

Милый друг!

Все, что было возможно, я устроил тебе и с деньгами, и с посылкой от «Ара». На днях вышлю еще 5 милл<ионов>.

Недели через две я еду в Берлин, вернусь в июне или в июле, а может быть, и позднее. Оттуда постараюсь также переслать тебе то, что причитается со «Скифов». Разговоры об условиях беру на себя и если возьму у них твою книгу, то не обижайся, ибо устрою ее куда выгодней их оплаты.

Письмо мое к тебе чисто деловое, без всяких лирических излияний, а потому прости, что пишу так мало и скупо.

Очень уж я устал, а последняя моя запойная болезнь совершенно меня сделала издерганным, так что даже и боюсь тебе даже писать, чтобы как-нибудь беспричинно не сделать больно.

В Москву я тебе до осени ехать не советую, ибо здесь пока все в периоде организации и пусто — хоть шаром покати.

Голод в центральных губ<ерниях> почти такой же, как и на севере. Семья моя разбрелась в таких условиях кто куда.

Перед отъездом я устрою тебе еще посылку. Может, как-нибудь и провертишься. Уж очень ты стал действительно каким-то ребенком — если этой паршивой спекулянтской «Эпохе» за гроши свой «Рим» продал. Раньше за тобой этого не водилось.

Вещь мне не понравилась. Неуклюже и слащаво.

Ну, да ведь у каждого свой путь.

От многих других стихов я в восторге.

Если тебе что нужно будет, пиши Клычкову, а ругать его брось, потому что он тебя любит и сделает все, что нужно. Пото́м можешь писать на адрес моего магазина приятелю моему Головачеву, Б. Никитская, 15, книжный магаз<ин> художн<иков> слова. Это на случай безденежья. Напишешь, и тебе вышлют из моего пая, потом когда-нибудь сочтемся. С этой стороны я тебе ведь тоже много обязан в первые свои дни.

Из-за границы буду тебе писать на Разумника.

Привет и целование.

С. Есенин.

На конверте:

Заказное
Вытегра
Олонецкой губ.
Николаю Алексеевичу
Клюеву

Москва. Б. Никитская
15. Книжный магазин
худ. слова. С. А. Есенин

119. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

8 мая 1922 г. Москва

Милая Галя! Тысячу приветов Вам! Будьте добры, дайте т. Сахарову вариант шестой главы.

Любящий Вас С. Есенин.

1922, 8 мая.

120. И. И. ШНЕЙДЕРУ

21 июня 1922 г. Висбаден

Висбаден. Июнь 21. 922.

Милый Илья Ильич! Привет Вам и целование.

Простите, что так долго не писал Вам, берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ногу. Лечусь в Висбадене. Пить перестал и начинаю работать.

Если бы Изадора не была сумасбродной и дала мне возможность где-нибудь присесть, я очень много бы заработал и денег. Пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем в перспективе около 400. У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тыс<яч> марок. Такая же история может получиться и в Париже. Имущество ее: библиотека и мебель расхищены, на деньги в банке наложен арест.

Сейчас туда она отправила спешно одного ей близкого человека. Знаменитый Поль Бонкур не только в чем-нибудь помог ей, но даже отказался дать подпись для визы в Париж. Таковы ее дела... Она же как ни в чем не бывало скачет на автомобиле, то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии — истерика.

Германия? Об этом поговорим после, когда увидимся, но жизнь не здесь, а у нас. Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер. Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. Никакой революции здесь быть не может.

Все зашло в тупик. Спасет и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы.

Нужен поход на Европу.————————————
———————————————————

Однако серьезные мысли в этом письме мне сейчас не к лицу. Перехожу к делу. Ради Бога, отыщите мою сестру через магазин (оставьте ей письмо) и устройте ей получить деньги, по этому чеку в «Ара». Она, вероятно, очень нуждается. Чек для Ирмы только пробный. Когда мы узнаем, что вы получили его, тогда Изадора пошлет столько, сколько надо.

Если сестры моей нет в Москве, то напишите ей письмо и передайте Мариенгофу, пусть он отошлет его ей.

Кроме того, когда Вы поедете в Лондон, Вы позовите ее к себе и запишите ее точный адрес, по которому можно было бы высылать ей деньги, без которых она погибнет.

Передайте мой привет и все чувства любви моей Мариенгофу. Я послал ему два письма, на которые он почему-то мне не отвечает.

О берлинских друзьях я мог бы сообщить очень замечательное (особенно о некоторых доносах во французск<ую> полиц<ию>, чтоб я не попал в Париж). Но все это после, сейчас жаль нервов.

Когда поедете, захватите с собой все книги мои и Мариенгофа и то, что обо мне писалось за это время.

Жму вашу руку.

До скорого свиданья. Любящий Вас Есенин.

Ирме мой нижайший привет. Изадора вышла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина.

121. М. М. ЛИТВИНОВУ

29 июня 1922 г. Дюссельдорф

Июнь 29 <19>22

Уважаемый т. Литвинов!

Будьте добры, если можете, то сделайте так, чтоб мы выбрались из Германии и попали в Гаагу, обещаю держать себя корректно и в публичных местах «Интернационал» не петь.

Уважающие Вас
С. Есенин
Isadora Duncan

122. А. М. САХАРОВУ

1 июля 1922 г. Дюссельдорф

1 июля <19>22.

Друг мой Саша! Привет тебе и тысячу поцелуев. Голубь милый, уезжая, я просил тебя помочь моим сестрам денежно, с этой просьбой обращаюсь к тебе и сейчас. Дай им сколько можешь, а я 3-го июля еду в Брюссель и вышлю тебе три посылки «Ара». Прошу тебя как единственного родного мне человека. Об Анатолии я сейчас не думаю, ему, вероятно, самому не сладко. Я даже уверен в этом.

Родные мои! Хорошие!..

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?

Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое

высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. Ну и ебал я их тоже с высокой лестницы. Если рынок книжный — Европа, а критик — Львов-Рогачевский, то глупо же ведь писать стихи им в угоду и по их вкусу. Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа. Птички какают с разрешения и сидят, где им позволено. Ну, куда же нам с такой непристойной поэзией?

Это, знаете ли, невежливо так же, как коммунизм. Порой мне хочется послать все это к ебеней-шей матери и навострить лыжи обратно. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину. Еб их проеби в распроебу. Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, мои и Толькины, но на кой хуй все это, когда их никто не читает.

Сейчас на столе у меня английский журнал со стихами Анатолия, который мне даже и посылать ему не хочется. Очень хорошее издание, а на обложке пометка: в колич. 500 экз. Это здесь самый большой тираж! Взвейтесь, кони! Неси, мой ямщик..... Матушка! Пожалей своего бедного сына...

А знаете? У алжирского бея под самым носом шишка?

Передай все это Клычкову и Ване Старцеву. Когда они будут ебунаться, душе моей в тот час легче станет. Друг мой! Если тебя обо мне кто-нибудь спросит, передай, что я пока утонул в сортире с надписью на стенке:

«Есть много разных вкусов и вкусиков
. . . .»

Остальное пусть докончит Давид Самойлович и Сережа. Они это хорошо помнят. Передай им кстати мой большущий привет и скажи, что я пишу им особо.

Твой Сергунь.

Гоголевская приписка:

Ни числа, ни месяца,
Если б был хуй большой,
То лучше б на хую повеситься.

123. А. Б. МАРИЕНГОФУ

9 июля 1922 г. Остенде

Милый мой Толенок! Я думал, что ты где-нибудь обретаешься в краях злополучных лихорадок и дынь нашего чудеснейшего путешествия 1920 г., и вдруг из письма Ильи Ильича узнал, что ты в Москве. Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянинщина» жизни, что просто хочется послать это все к энтой матери.

Сейчас сижу в Остенде. Паршивейшее Бель-Голландское море и свиные тупые морды европейцев. От изобилия вин в сих краях я бросил пить и тяну только сельтер. Очень много думаю и не знаю, что придумать.

Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок распространения

наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может. Со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь все прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрей ящериц, не люди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы, ибо черви помнить не могут.

Из всего, что я намерен здесь сделать, это издать переводы двух книжек по 32 страницы двух несчастных авторов, о которых здесь знают весьма немного в литературных кругах.

Издам на английском и французском. К тебе у меня, конечно, много просьб, но самая главная — это то, чтобы ты позаботился о Екатерине, насколько можешь.

Тысячу приветов Давиду Самойловичу, и Сереже, и Кожебаткину, а Ваньке Старцеву сто подзатыльников.

Из Дюссельдорфа я послал письмо Сашке. Если у тебя с деньгами трудно, то ухвати его за полы и ограбь. Пересылать деньги отсюда при всех моих возможностях оказывается невозможно.

В Берлине я наделал, конечно, много скандала и переполоха. Мой цилиндр и сшитое берлинским портным манто привели всех в бешенство. Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или как агитатор. Мне все это весело и забавно. Том свой продал Гржебину.

От твоих книг шарахаются. Хорошую книгу стихов удалось продать только как сборник новых стихов твоих и моих. Ну да черт с ними, ибо все они здесь прогнили за 5 лет эмиграции. Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной. Если ты хочешь сюда пробраться, то потормоши Илью Ильича, я ему пишу об этом особо. Только после всего, что я здесь видел, мне не очень хочется, чтобы ты покинул Россию. Наше литературное поле другим сторожам доверять нельзя.

При всяком случае, конечно, езжай, если хочется, но скажу тебе откровенно: если я не удеру отсюда через месяц, то это будет большое чудо. Тогда, значит, во мне есть дьявольская выдержка характера, которую отрицает во мне Коган.

Вспоминаю сейчас о Клопикове и Туркестане. Как все это было прекрасно! Боже мой! Я люблю себя сейчас даже пьяного со всеми моими скандалами...

В Самарканд — да поеду-у я,
Т-там живет — да любовь моя...

Черный Мартышан! Слышишь ли ты меня? Лучше жениться на «до́ге» и ждать, когда придет потенция поцелуя, чем *седеть* духовно здесь ради мариенгофских фонтанов, ну ее к черту, красоту смерти и смерда — мне, живому, пусть это будет даже рразз-гениально-о!

Толя милый, приветы! Приветы!

Твой Сергун.

Остенд, июль 9. 1922.

124. И. И. ШНЕЙДЕРУ

13 июля 1922 г. Брюссель

13 июль 1922.

Милый Илья Ильич!

Я довольно пространно описывал Вам о всех наших происшествиях и поездках в 3-х больших письмах. Не знаю, дошли ли они до Вас?

Если бы Вы меня сейчас увидели, то Вы, вероятно, не поверили бы своим глазам. Скоро месяц, как я уже не пью. Дал зарок, что не буду пить до октября. Все далось мне через тяжелый неврит и неврастению, но теперь и это кончилось. Изадора в сильном беспокойстве о Вас. При всех возможностях послать Вам денег, как казалось из Москвы,— отсюда оказывается невозможно. В субботу 15 июля мы летим в Париж. Откуда через «Ара» сделать это легче.

В одном пакете, который был послан аэропланн<ым> сообщ<ением> через бюро Красина, были вложены Вам два чека по 10 фунт<ов>. Один Ирме, другой моей сестре.

Получили ли Вы их?

Это мы сделали для того, чтобы узнать, можно ли Вам так пересылать вообще, что нужно.

Милый, милый Илья Ильич! Со школой, конечно, в Европе Вы произведете фурор. С нетерпением ждем Вашего приезда.

Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне оч<ень> больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая ее окружает. Когда приедете, воздух немного проветрится.

К Вам у меня оч<ень> и оч<ень> большая просьба: с одними и теми же словами, как и в старых письмах, когда поедете, дайте, ради Бога, денег моей сестре. Если нет у Вас, у отца Вашего или еще у кого-нибудь, то попросите Сашку и Мариенгофа, узнайте, сколько дают ей из магазина.

Это моя самая большая просьба. Потому что ей нужно учиться, а когда мы с вами зальемся в Америку, то оттуда совсем будет невозможно помочь ей.

Самые лучшие пожелания и тысячу приветов передайте Ирме. Нам кто-то здесь сбрехнул, что вы обкомиссариатились.— ?

Приезжайте. Отпразднуем. О том, чтобы Вы выезжали, Вам послана телеграмма. Ехать нужно в Берлин, а оттуда Вас доставят «заказным» в Париж или Остенд.

Вот и все. Поговорим больше, когда увидимся.

Езжайте! Езжайте. Дайте денег сестре. Возьмите стихи у Мариенгофа, адреса и много новых книг. Здесь скучно дьявольски.

Любящий Вас

С. Есенин.

125. А. Б. МАРИЕНГОФУ

Не ранее 20 июля — не позднее начала августа 1922 г. Париж

Дура моя — Ягодка!

ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке,— залезть под юбку и забыть самого лучшего твоего друга. Мартын — это одно, а я другое. Дюжину писем я изволил отправить Вашей сволочности,

и Ваша сволочность ни гу-гу. Итак, начинаю. Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы!

Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью, так и чешется, но, к горю моему, один такой ненавистный мне в этом случае, но прекрасный поэт Эрдман сказал, что почесать его нечем.

Почему нечем, РАЗЗ-эт-твою, я готов просунуть для этой цели в горло сапожную щетку, но рот мой мал, и горло мое узко. Да, прав он, этот проклятый Эрдман, передай ему за это тысячу поцелуев и скажи, что у такого юноши, как я, недавно оторвался маятник от циферблата живота. Часовой механизм попортился.

Да, мой друг рыжий, да! Я писал Сашке, писал Златому, и вы «ни тебе, ни матери».

Теперь я понял, понял все я.
Ах, уж не мальчик я давно.
Среди исканий Безпокоя
Любить поэту не дано.

Это сказал В. Ш., по-английски он зовется В. Шекспиром. О, я узнал теперь, что вы за канальи, и в следующий раз вам как в месть напишу обязательно по-английски, чтоб вы ничего не поняли. Да, напишу обязательно will hawe happy impression

и подпишусь

Sergei Jessenin.

Что? Съели?

Ну, так вот единственно из-за того, что вы мне

противны, за то, что вы не помните меня, я с особым злорадством перевел ваши скандальные поэмы на англи<йский> и франц<узский> яз<ыки> и выпускаю их в Париже и в Лондоне в кол<ичестве> 6000 экз. А чтоб вас больше оскандалить, подкупим газетных рецензентов. Уж они вам покажут е.... в... м.....

В сентябре все это вам пришлю, как только выйдут книги. Мил Государь! Прошу тебя не оставить втуне за Не..бо.. просьб моей сестры. Делай ей гадости и словом и делом. Адрес мой для того, чтобы ты не писал:

Paris, Rue de La Pompe, 103.

Где бы я ни был, твои письма меня не достанут.

С. Есенин.

126. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

10 августа 1922 г. Венеция

10 августа 1922.

Завтра из Венеции еду в Рим, а потом экспрессом в Париж. Послал тебе три письма, и никакого ответа.

Вот что, Г<оспо>жа хорошая: во-первых, Шура пусть этот год будет дома, а ты поезжай учиться. Я тебе буду высылать пайки, ибо денег послать оч<ень> трудно. Все буду слать на адрес Козьмы Алексеевича. Сам же я в сентябре заливаюсь в Америку и вернусь через год.

Слушай, что я тебе говорю: пайки эти исключительно тебе, чтоб ты могла жить. Зря не транжирь.

Относительно денег нажимай всегда на Мариенгофа или Сахарова. О посылках, что я тебе высылаю, не болтай. Они будут думать, что это для тебя доста-

точно, и потому ты тогда не выжмешь из них ни гроша. Мар<иенгоф> и Сах<аров> люди оч<ень> хорошие, но в такое время им самим тяжело.

Живи и гляди в оба. Все, что бы ты ни сделала плохого, будет исключительно плохо для тебя; если я узнаю, как приеду, что ты пила табачный настой, как однажды, или еще что, то оторву тебе голову или отдам в прачки. Того ты будешь достойна. Ты только должна учиться, учиться и читать. Язык держи за зубами. На все, исключительно на все, когда тебя будут выпытывать, отвечай «не знаю».

Помимо гимназии, ты должна проходить школу жизни и помни, что люди не всегда есть хорошие.

Думаю, что ты не дура и поймешь, о чем я говорю. Обо мне, о семье, о жизни семьи, о всем и о всем, что оч<ень> интересно знать моим врагам,— отмалчивайся, помни, что моя сила и мой вес — благополучие твое и Шуры.

Письма мне пиши на адрес:

Paris, Rue de La Pompe, 103.

Пиши заказными. Адрес обязательно по-французски. Где бы я ни был, оттуда мне всегда перешлют, даже и в Америку.

Привет всем.

Целую, твой Сергей.
Венеция — Лидо.

Отцу и матери тысячу приветов и добрых пожеланий. Им я буду высылать тоже посылки через «Ара». Скажи отцу, чтоб он поговорил с своей кассиршей относ<ительно> тебя. Иногда ты бываешь все-таки дурковата, и за тобой нужно следить.

127. А. ЯРМОЛИНСКОМУ

1 ноября 1922 г. Нью-Йорк

1 ноябрь 1922.

Уваж<аемый> т. Ярмолинский.

27 окт<ября> в Чикаго я получил Ваше письмо с пометкой 3 окт<ября> и совершенно не получил книги, которую должен был послать мне Ваш издатель.

Очень хотел бы поговорить с Вами лично. Если можете, то позвоните. Завтра в 12 часов в отель, ком<ната> № 510.

С почт<ением> к Вам и Вашей жене С. Есенин.

128. А. Б. МАРИЕНГОФУ

12 ноября 1922 г. Нью-Йорк

12 ноября 1922 г.

Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься.

Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее ба́нки и за́мки, о которых она пела нам в России,— вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу, и обратно в Москву.

Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире.

О себе скажу (хотя ты все думаешь, что я говорю для потомства), что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь.

Раньше подогревало то при всех российских ли-

шениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужнó, значение его для всех, как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на свое <пение>, а тут хоть помирай с голоду.

Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве.

В этом есть отход от ненужного. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова. С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки.

Милый Толя. Если б ты знал, как вообще грустно, то не думал бы, что я забыл тебя, и не сомневался, как в письме к Ветлугину, в моей любви к тебе. Каждый день, каждый час, и ложась спать, и вставая, я говорю: сейчас Мариенгоф в магазине, сейчас пришел домой, вот приехал Гришка, вот Кроткие, вот Сашка, и т. д. и т. д. В голове у меня одна Москва и Москва.

Даже стыдно, что так по-чеховски.

Сегодня в американской газете видел очень большую статью с фотогр<афией> о Камер<ном> театре, но что там написано, не знаю, зане никак не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски.

Конечно, во всех своих движениях столь же сме-

шон для многих, как француз или голландец на нашей территории.

Ты сейчас, вероятно, спишь, когда я пишу это письмо тебе. Потому в России сейчас ночь, а здесь день.

Вижу милую, остывшую твою железную печку, тебя, покрытого шубой, и Мартышан.

Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу.

Поклонись всем, кто был мне дорог и кто хоть немного любил меня. В первую голову Гришке, Сашке, Гале и Яне, Жене и Фриде; во вторую всем, кого знаешь.

Если сестре моей худо живется, то помоги как-нибудь ей. В апреле я обязательно буду на своей земле, тогда сочтемся.

Если нет своих денег, то сходи (обязательно даже), сходи к представителю Гржебина, узнай, по скольку продают в Германии мой том, и с общей цены на 5000 экз. получи немецкими марками. Потому рыночная цена марок дороже госуд<арственной>. Государство не дало ведь мне ни гроша, поэтому мне выгодней и не обидней. Если ты продашь их спекулянтам, поделишь между Зинаидой и ею.

Недели 2—3 назад послал тебе телеграфом 5 пайков «Ара». Получил ли ты? Если нет, то справься. Ту же цифру послал Ек<атерине> и Зинаиде. Зинаиде послал на Орел, Кромская, 57, Н.Райх. Другого адреса я не знал.

Здесь имеются переводы тебя и меня в изд<ании> «Modern Russian Poetry», но все это

убого очень. Знают больше по имени, и то не американцы<анцы>, а приех<авшие> в Амер<ику> евреи. По-види<мо>му, евреи самые лучшие цен<ители> искусства, потому ведь и в Росс<ии>, кроме еврейских дев, никто нас не читал.

Ну, прощай пока. Целую тебя и твою Мартышку. Изадора кланяется.

Твой Сергей.

Жоржу, Клычкову, Устинову, Орешину поклонись тоже в первую голову.

129. А. ДУНКАН

1923 г. Нью-Йорк (?) или Париж (?)

Milaya Isadora
Ia ne mogu bolshe
hochu domoi
Sergei.

130. М. Л. БРАГИНСКОМУ

Конец января 1923 г. Нью-Йорк

Милый, милый Монилейб!

Вчера днем Вы заходили ко мне в отель, мы говорили о чем-то, но о чем, я забыл, потому что к вечеру со мной повторился припадок. Сегодня лежу разбитый морально и физически. Целую ночь около меня дежурила сест<ра> милосердия. Был врач и вспрыснул морфий.

Дорогой мой Монилейб! Ради Бога, простите меня и не думайте обо мне, что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь.

Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет. Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе. Эдгар По в припадках разб<ивал> целые дома.

Что я могу сделать, мой милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум повергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену, чтоб она не злилась на меня. Пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий вас всех

Ваш С. Есенин.

Передайте Гребневу все лучшие чувства к нему. Все ведь мы поэты-братья. Душа у нас одна, но поразному она бывает больна у каждого из нас. Не думайте, что я такой маленький, чтобы мог кого-нибудь оскорбить. Как получите письмо, передайте всем мою просьбу простить меня.

131. А. Б. КУСИКОВУ

7 февраля 1923 г. Атлантический океан

Милый Сандро!

Пишу тебе с парохода, на котором возвращаюсь в Париж. Едем вдвоем с Изадорой. Ветлугин остался в Америке. Хочет пытать судьбу по своим «Запискам», подражая человеку с коронковыми зубами.

Об Америке расскажу после. Дрянь ужаснейшая, внешне типом сплошное Баку, внутри Захер-Менский, если повенчать его на Серпинской.

Вот что, душа моя! Слышал я, что ты был в Москве. Мне оч<ень> бы хотелось знать кой-что о моих делах. Толя мне писал, что Кожеб<аткин> и Айзенш<тат> из магазина выбыли. Мне интересно, на каком полозу теперь в нем я, ибо об этом в письме он по рассеянности забыл сообщить.

Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, *законному* сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей-Богу, не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу.

Теперь, когда от революции остались только хуй да трубка, теперь, когда там жмут руки тем и лижут жопы, кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать.

Слушай, душа моя! Ведь и раньше еще, там в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь — теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь. Ну да ладно, оставим этот разговор про ТЁтку. Пришли мне, душа моя, лучше, что привез из Москвы нового... И в письме опиши все. Только га-

достей, которые говорят обо мне, не пиши. Запиши их лучше у себя «на стенке над кроватью». Напиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг. Сам видишь, как я матерюсь. Значит, больно и тошно.

Твой Сергей.

P a r i s R u e d e L a P o m p e 103
(сто три)

Атлантический океан.
7 февраля 1923.

132. А. ДУНКАН

Вторая половина февраля — первая декада апреля 1923 г. Берлин

Isadora browning darling Sergei lubich moja darling scurry scurry.

133. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

22 апреля 1923 г. Париж

Совершенно невозможная вещь, чтобы я писал тебе тысячу раз и ты, дура, не отвечала.

Добро́ бы ты не знала адреса, Мариенгоф пишет же мне. Я получал его письма в Америке, в Париже и вообще везде по тому адресу, кот<орый> ему указывал. Не знаю, почему у тебя нет смекалки отправить мне хоть одно письмо через него или через Ваню и написать, как вы живете.

Адрес парижский. Попроси Толю, чтоб он тебе помог с деньгами. В июне я приеду в Москву.

Когда дам тебе из Ревеля телеграмму, приезжай

встречать. Напиши, что тебе нужно купить. Пиши сжато и разумней, потому что письма мои читаются. Жив ли отец? Жива ли мать? Как Шура?

Всех вас целую.

Сергей.

Paris, Rue de La Pompe
103.

С. Е.

На конверте:

Expres
Russia. Moskou.
Bolschaia Nikitskaia
d. 15
Магазин художников слова
Александру Сахарову для
передачи Екат. Есениной.
(лицевая сторона).
R 2-3. S. Essenine
(оборотная сторона).

134. А. Б. МАРИЕНГОФУ

Вторая половина апреля 1923 г. Париж

Милый Рыжий! В июне буду в Москве и прошу тебя пожаться еще на «счет» сестры. После сочтемся.

Напиши, что тебе купить.

Стихи берегу только для твоей «Гостиницы». Есть чудесные.

Сейчас немного начинаю собираться уже в дорогу. После скандалов (я бил Европу и Америку, как Гришкин вагон) хочется опять к тишине с какой-нибудь Эмилией и Ирмой и нашими Гусаками.

Привет Мартыну, Клопикову, Ваньке, Сашке и Гришкиной милашке.

Скучаю смертно. Есть изумит<ельные> рассказы, специально выносимые за нашим столом (конечно, устные).

Эмилям Кротким тоже передай привет. Извини, голубчик, это вся моя Москва. Включая Жоржа и его рыжую, которым шлю горячий поцелуй. Больше и кланяться некому, а если бы и было, то все равно шляпы не сниму.

Боже! какой оказался маленький Казин. Читал «Май» и поставил 2. При таких обещаниях так не делают. Даже Тихонов, совсем неизв<естный> до него, и тот насовал ему в зубы. В общем, разносить будем, когда приеду. «Мы! мы! мы всюду у самой рампы на авансцене».

Господи! даже повеситься можно от такого одиночества. Ах, какое поганое время, когда Кусиков и тот стал грозить мне, что меня не впустят в Россию.

Это, знаете ли,

«не хотите ль» кое-что
из «Сорокоуста».

До свиданья, милый.

Целую и жду встречи,
твой Сергей.

135. З. Г. ГРИНБЕРГУ

Июль 1923 г. Берлин

Июль *1923.*

Дорогой Захар Григорьевич, очень грустно, что Вы не позвонили.

Если не будет времени (случайно) увидеться, ос-

тавляем Вам как знак нашей любви к Вам свои фотографии.

Привет Бетте Наумовне и Сильвочке.

С. Есенин and
Isadora.

136. А. Б. МАРИЕНГОФУ

После 3 августа 1923 г. Москва

Приехал приезжай — Есенин.

137. А. ДУНКАН

29 августа 1923 г. Москва

Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами, приехать не могу.

Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе. С Пречистенки я съехал сперва к Колобову, сейчас переезжаю на другую квартиру, которую покупаем вместе с Мариенгофом. Дела мои блестящи.

Очень многого не ожидал.

Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство.

Желаю успеха и здоровья и поменьше пить.

Привет Ирме и Илье Ильичу.

Любящий С. Есенин.

29/VIII 23 Москва

138. П. Н. ЗАЙЦЕВУ

Август — сентябрь 1923 г. Москва

Заходил. Хочу говорить о стихах для «Недр».

139. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

8 сентября 1923 г. Москва

Галя милая, простите за все неуклюжества.
С. Е.
8/IX-23 г.

140. А. ДУНКАН

После 15 (?) сентября 1923 г. Москва

Milaia Isadora!
Ia ne mog priehat
potomuchto
ochen saniat.
Priedu v Ialtu.
Liubliu tebia
beskonechno tvoi
Sergei.
Irme privet.
Isadora!!!

141. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Сентябрь 1923 г. Москва

Галя милая! Заходил. К сожалению, не мог ждать.

За вчерашнее обещание извиняюсь.

Дулся в карты. Домой пришел утром. Разыграл Мариенгофа и Приблудного.

В общем, скучно. Иду на совещание относительно Клюева с паспортной братией.

С. Есенин.

Приду завтра.

142. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Сентябрь 1923 г. Москва

Галя милая! простите, что обманул.

Дня еще не видел, какой он — есть.

Думаю, что не смогу поехать с Вами. Немного разбит настроением физически.

Есенин.

143. А. Б. МАРИЕНГОФУ

Сентябрь 1923 г. Москва

Дорогой Анатолий,

мы с Вами говорили. Галя моя жена.

С. Есенин.

144. А. ДУНКАН

До 9 (или 13) октября 1923 г. Москва

Я люблю другую женат и счастлив.
ЕСЕНИН.

145. А. Л. МИКЛАШЕВСКОЙ

27 октября 1923 г. Москва.

Приветствую и желаю успеха.
С. Есенин.
27. X. 23 г.

146. Г.Б.ЯКУЛОВУ

Октябрь 1923 г.— 1925 г. Москва

Жорж!

Я подошел к поезду, смотрю, в купе сидят Маяковский, Асеев, Безымянский и прочая, прочая, прочая. Но я ведь тоже не безбилетный, но ушел мой поезд.

Сережа.

147. В. И. ВОЛЬПИНУ

19 декабря 1923 г. Москва

Дорогой Вал<ентин> Иванович! Будьте добры выписать деньги на имя Галины Бениславской.

Договор подпишу, как выйду из санатории.

Жму Вашу руку.
С приветом
С. Есенин.

На конверте:

Валентину
Ивановичу Вольпину
от С.Есенина

148. З. Н. РАЙХ

Конец 1923 г. — 1924 г. Москва

Зинаида Николаевна,
мне очень неудобно писать Вам, но я должен.

Дело в том, что мне были переданы Ваши слова о том, что я компрометирую своей фамилией Ваших детей и что вы намерены переменить ее.

Фамилия моя принадлежит не мне одному. Есть люди, которых Ваши заявления немного беспокоят и шокируют, поэтому я прошу Вас снять фамилию с Тани, если это ей так удобней, и никогда вообще не касаться моего имени в Ваших соображениях и суждениях.

Пишу я Вам это, потому что увидел: правда, у нас есть какое-то застрявшее звено, которое заставляет нас иногда сталкиваться. Это и есть фамилия.

Совершенно не думая изменять линии своего поведения, которая компрометирует Ваших детей, я прошу Вас переменить мое имя на более удобное для Вас, ибо повторяю, что у меня есть сёстры и братья, которые носят фамилию, одинаковую со мной, и всякие Ваши заявления, подобные тому, которое Вы сделали Сахарову, в семье вызывают недовольство на меня и обиду в том, что я доставляю им огорчение тем, что даю их имя оскорблять такими заявлениями, как Ваше. Прошу Вас, чтоб между нами не было никакого звена, которое бы давало Вам повод судить меня, а мне обижаться на Вас: перемените фамилию Тани без всяких реплик в мой адрес, тем более потому, что я не намерен на Вас возмущаться и говорить о Вас что-нибудь неприятное Вам.

С. Есенин

На конверте:

З. Н. Райх-Мейерхольд

149. В. И. ВОЛЬПИНУ

1 января 1924 г. Москва

Дорогой Валентин Иванович!

Очень благодарен Вам за устройство с книгой. Посылаю Вам доверенность и прошу отпустить из Вашего склада за деньги 2 книги моей сестре — Когана и Устинова о новой литературе. Буду весьма признателен. Привет Вашей супруге и Светлым. Надеюсь, что скоро свидимся. Оч<ень> хорошо было бы, если б издатель сделал один оттиск книги нáскоро.

Это нужно Воронскому. Он в «Красной нови» пускает обо мне большую статью с большим вниманием к «Москве кабацкой».

Привет и уважение.
С. Есенин.

1 январь 1924.

150. А. М. АЛЕКСЕЕВУ

14 января 1924 г. Москва

Тов. Алексеев.

Самостоятельный вечер я готов устроить. Но вдвоем с кем-либо считаю неудобным по направлению. Приветствую и жму руку.

С. Есенин.

14 янв<аря> 1924.

А если групповой, то было бы лучше. С. Е.

151. Н. П. САВКИНУ

14 января 1924 г. Москва

Дорогой Коля.
Благодарю тебя за все теплое отношение ко мне.
Приветствую жену твою.
Был бы рад, если заглянул когда.
С любовью жму руку.

Сергей
Есенин.

14.1.24.

152. Е. Д. ИОФФЕ

30 марта 1924 г. Москва

Уважаемый Евсей Давыдович!

Посылаю Вам незначительную часть вырезок и краткие тезисы слова.

Думаю, что много и пространно писать не стоит. Этого будет достаточно, тем более что я задеваю чисто формальную сторону в искусстве.

Жму Вашу руку.
С. Есенин.

30/III. 24.

Тезисы пусть будут зарегистрированы. Но на афишу их не надо.

153. А. А. БЕРЗИНЬ

4 апреля 1924 г. Москва

Рукой С. А. Есенина:

Милая Анна Абрамовна!

Ваше вчерашнее внезапное исчезновение и то, что Вас сегодня нет на службе, немного беспокоит меня.

Что с Вами?

Черкните пару слов с Приблудным. Мы остались одни. Жена Вардина уехала.

Сегодняшний вечер у нас свободен, был бы страшно рад видеть Вас.

Позвоните, если можете, по телефону. К Вам ведь не дозвонишься.

Целую Вашу руку.

Любящий С. Есенин.

4/IV. 24.

Рукой И. Приблудного:

Хорошая Анна Абрамовна!

Когда освободитесь — приходите к Вардину. Сергея мы сегодня никуда не пускаем. Вечером будут Галя, Катя, Рита и другие. Будем петь, а Вы будете смеяться над заявлением Сергея о выезде за пределы СССР. Приходите и проч. Ваш Иван Приблудный.

154. В. Г. ШЕРШЕНЕВИЧУ

11 апреля 1924 г. Москва

Милый Вадим! Дай, пожалуйста, статью о совр<еменном> стих<отворном> искус<стве> и стихи для журнала «Вольнодумец».

Любящий тебя

Сергей.

11. IV — 24.

155. УСТРОИТЕЛЯМ ВЕЧЕРА ПОЭЗИИ В ЗАЛЕ ЛАССАЛЯ

14 апреля 1924 г. Ленинград

Я ждал. Ходил 2 раза.

Вас и не бывало. Право, если я не очень нужен на вечере, то я на Николаевской, кабачок слева внизу.

156. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

15 апреля 1924 г. Ленинград

Галя милая! Простите, что пишу на такой бумаге. Нет лучше.

Я очень и очень извиняюсь, что уехал, не простясь с Вами. Уехал же я потому, что боялся — как бы Петербург не остался для меня дальше Крыма.

Галя милая! Я очень люблю Вас и очень дорожу Вами. *Дорожу Вами очень*, поэтому не поймите отъезд мой как что-нибудь направленное в сторону друзей от безразличия. Галя милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного. Сейчас я решил остаться жить в Питере.

Никакой Крым и знать не желаю.

Дорогая, уговорите Вардина и Берзину так, чтоб они не думали, что я отнесся к их вниманию по-растоплюевски.

Все мне было очень и очень приятно в их заботах обо мне, но я совершенно не нуждаюсь ни в каком лечении.

Если у Вас будет время, то приезжайте и приве-

зите мне большой чемодан или пошлите с ним Приблудного или Риту.

Привет Вам и любовь моя!

Правда, это гораздо лучше и больше, чем чувствую к женщинам.

Вы мне в жизни без этого настолько близки, что и выразить нельзя.

Жду от Вас письма, приезда и всего прочего.

Деньги из Госиздата спрячьте под спуд.

Любящий Вас
Сергей Есенин.

Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали.

157. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

26 апреля 1924 г. Ленинград

Милая Галя! Пришлите с Шмерельсоном пальто, немного белья и один костюм двубортный.

С.Есенин.

26.IV.24.

158. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Начало мая 1924 г. Ленинград

Милая Галя! Тысячу приветов! Простите, что не писал. Погода была скверная, настроение от безденежья — тоже. На днях получу.

Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать. Черт знает что такое! Утром не могу

без пота натянуть ботинки. Одним словом, стал вроде Сахарова.

Дитя мое! Возьмите у Приблудного сборник и наберите сами 500 строк для Антологии. Материал отдайте Клычкову и получ<ите> 20 червонцев.

Гребень, сей Приблудный, пусть вернет. У меня все это связано с капризами суеверия. Потом, пусть он бросит свою хамскую привычку обворовывать ближних!

Да! Со «Стойлом» дело не чисто. Мариенгоф едет в Париж. Я или Вы делайте отсюда выводы. Сей вор хуже Приблудного. Мерзавец на пуговицах — опасней, так что напрасно — радуетесь — закрытию. А где *мои* деньги?

Я открывал Ассоциацию не для этих жуликов. Позвоните Воронскому и сговоритесь, чтоб он сделал распоряжение выдать мне аванс.

Звоните к нему на дом. 10 он уезжает на Кавказ.

Любящий Вас С. Есенин.

Привет Жене, Рите, Берзиной и Вардину.

159. И. М. МАЙСКОМУ

Вторая половина июня — июль 1924 г. Ленинград

Дорогой Иван Михайлович, выручай! Не выпускают. Пришли 100 рублей. Сергей.

160. В. В. КАЗИНУ

28 июня 1924 г. Ленинград

1924. 28. VI. Ленинград.

Милый Вася!

Тысячу приветов тебе и тысячу лучших пожеланий. Будь другом, милый! Устрой мне с этой вещью гонорар в 10 червонцев. В ней 90 строк.

О тебе я думаю все это время очень много. Был в Сестрорецке и уверен, что тебе понравится. С комнатой устроить очень легко и жить будет куда дешевле Москвы! Если ты еще не раздумал, то приезжай прямо ко мне. Я сейчас один во всей квартире.

Слышал я, что обо мне в Москве ходят слухи, будто бы я очень сильно разбился с лошади. Да! Я правда ушибся, но не очень, просто немного проехал носом. Сейчас уже все прошло. Живу тихо и скучно. Ах, если бы сюда твой Девкин переулок!

Крепко жму твою руку.

Любящий тебя
Сергей Есенин.

Привет Клычкову и Орешину.

161. Г. Б. ШМЕРЕЛЬСОНУ

14 июля 1924 г. Ленинград

Гришуньчик милый! Прости, что не дождались. Дело в том, что сегодня в 3 ч<аса> уезжает Анна Ивановна. Ждем тебя на дому.

С. Есенин.
Эрлих

14/VII 24

162. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

15 июля 1924 г. Ленинград

Галя милая! Ничего не случилось, только так, немного катался на лошади и разбил нос.

У меня от этого съехал горб (полученный тоже при падении с лошади). Хотели и правили, но вероятно, оч<ень> трудно. Вломилась внутрь боковая кость. Оч<ень> незаметно с виду, но дышать плохо. В субботу ложусь на операцию. 2 недели пролежу.

Так, живу скучно, только работаю. Иногда выпиваем, но не всегда. Я очень сейчас занят. Работаю вовсю, как будто тороплюсь, чтоб поспеть. Рад оч<ень>, что Вам понравилось в селе. Ведь оно теперь не такое. Ужас как непохоже.

Целую Вас и люблю.

С. Есенин.

15/VII-24.

163. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

26 июля 1924 г. Ленинград

Милая Галя!

С носом вообще чепуха. Ничего делать не буду. Это больше раздуто от моей мнительности.

Дней через 6—7 я приезжаю в Москву. Еду в Рязань с Никитиным. Уж очень, дьявольски захотелось поудить рыбу.

Книга моя вышла. 1-й экземпляр надписан Вам и лежит у меня на столе. Привезу сам. У меня к Вам большая просьба. Вчера Приблудный уехал в Москву. Дело в том, что он *довольно-таки* стал мне в копеечку, пока жил здесь. Но хамству его не было

предела. Он увез мои башмаки. Не простился, потому что получил деньги. При деньгах я узнал, что это за дрянной человек. Абсолютно точь-в-точь такой же, как с папиросой. Все это мне ужасно горько. Горько еще потому, что он треплет мое имя. Здесь он всем говорил, что я его выписал. Собирал у всех деньги на мою бедность и сшил себе костюм. Ха-ха-ха — с деньгами он устраиваться умеет. Поэтому я сказал ему, чтоб он заплатил мне за башмаки. Это было ведь почти лучшее, что я имел из обуви. Он удрал. Удрал подло и низко. Повидайте его и получите с него три червонца. Сам я больше с ним не знаком и не здороваюсь. Не верьте ни одному его слову. Это низкий и продажный человек. Получить же я хочу с него ради принципа — чтоб не дать сволочи облапошить себя.

Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, хоть плачь.

Сергей.

26/VII. 24. Ленинг<рад>.

164. А. А. БЕРЗИНЬ

14 августа 1924 г. Константиново

Дорогая Анна Абрамовна! Приветствую Вас и целую Вашу руку.

У меня к Вам большая просьба, Анна Абрамовна! Я думаю несколько дней задержаться еще в деревне, чтобы уладить постройку дома. Мне очень нужны деньги, а посему я посылаю к Вам с этим письмом Екатерину. Помогите ей получить деньги, которые выписаны мне на субботу. Доверенность ей я прилагаю к сему письму. Погода в деревне неважная.

Удить из-за ветра невозможно, поэтому сижу в избе и дописываю поэму. Ночи у нас бывают чудные, лунные и, как ни странно при близкой осени, безро́сые. Но все они проходят без любви, и мне остается вспоминать только прошлое.

А как Вы? Черкните мне пару слов до моего приезда, с Екатериной.

Буду рад и счастлив.

Еще раз целую Вашу руку.

Приветствую Вардина, Родионова, Флеровского и Березовского.

Ваш Сергей Есенин.

Константиново.
14/VIII. 24.

165. Е. Я. БЕЛИЦКОМУ

14 августа 1924 г. Константиново

14/VIII. 24. Константиново.

Дорогой Ефим Яковлевич! Я помню, Вы в Ленинграде благосклонно обещали мне: распорядиться выслать причитающийся гонорар или аванс за мою поэму.

Час моего финансового падения настал, и я обращаюсь к вам с велией просьбой выслать мне из тех 184 рублей, что найдете возможным.

При сем я попросил бы Вас передать Майскому, чтоб он обождал печатать поэму до моего приезда, так как я ее еще значительней переделал. Адрес мой: *Кузьминское почт. отд. Рязанской губ. Рязанск. уез. село Константиново. Александру Никитичу*

Есенину. Сей муж есть мой отец. Присылайте на него, потому что меня здесь плохо знают.

Привет Сварогу, Бескину и проч<им>. Ионов, вероятно, отдыхает. Я слышал, что он проезжал через Москву. Если он приедет раньше меня, пожмите ему его лапу.

Бродскому также привет и низкий поклон.

Жду нетерпеливо телеграфа.

Уважающий Вас
Сергей Есенин.

166. А. А. БЕРЗИНЬ

Между 19 августа и 2 сентября 1924 г. Москва

Дорогая и милая Анна Абрамовна, мать и любимая (ради Бога, чтобы отец не ревновал. Ах).

Если б я Вам мог рассказать свое большое о нем!..

Милая Анна Абрамовна, Вы ко мне были, как говорят, «черт-те что такое». Люблю я Вас до дьявола, не верю Вам навеки еще больше.

Все это смешно, а особенно тогда, когда я навеки твоя.

Прошу Вас, ради Бога, сообщите отцу (Вардину), что я *оп’е’ть* застрял на любовной ночи.

Клянусь Вам, маман, я у Миклашевской.

С. Есенин.

167. М. Д. РОЙЗМАНУ

24 августа 1924 г. Москва

Всякое заимствование чужого названия или чужого образа наз<ывается> заимствованием открыто. То, что выдается за свое, наз<ывается> в литературе плагиатом.

Я очень рад, что мы разошлись. Но где у Вас задница, где голова, понять трудно. Неужели Вы не додумались (когда я Вас вообще за этот год игнорировал), что, не желая работать с Вами, я уступлю Вам, как дурак, то, что было названо не мной одним, а многими из нас.

Уберите с Ваших дел общее название «Ассоциация Вольнодумцев», живите и богатейте, чтоб нам не встречаться и не ссориться.

С.Есенин.

24. VIII. 24.

168. Д. К. БОГОМИЛЬСКОМУ

Август — до 3 сентября 1924 г. Москва

Богомильскому

Милый Федя! очень жаль, что не смог тебя видеть. Книгу свою уж я приготовил.

Теперь дело в том, чтоб ты устроил печатание нашего журнала в кредит.

Участвуют со стороны прозы Пильняк, Иванов, Никитин и все др. Со стороны поэзии Казин, Грузинов, Савкин, Есенин, Тихонов, Орешин и тоже др. Прошу тебя, устрой, после пого<во>р<им.>

С. Есенин

169. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Август 1924 г.— 1925 г. Москва

Галя милая! Заходил. Оставил «Перевал». Больше пока книг нет. Будут завтра.

С. Есенин.

170. О. М. БЕСКИНУ

1 сентября 1924 г. Москва

Дорогой т. Бескин!

Я посылал письмо Белицкому и просил прислать мне денег из причитающейся мне суммы в 284 рубля, о которой мы условились с ним устно.

Книгу, по-моему, так выпускать не годится. Уж оч<ень> получается какая-то фронтовая брошюра. Посылаю для присоединения к ней балладу «36». О ней мы с Ионовым говорили уже.

Потом лучше бы всего было соединить и последние мои стихи вместе с этой книгой. Это будет значительно и весче, чем в таком виде.

С дружеским к Вам приветом

С. Есенин.

1/9. 24.

171. А. А. БЕРЗИНЬ

Не позднее 3 сентября 1924 г. Москва

Милая, любимая Абрамовна!
Прости, прости.
Уезжаю — года на два.

Не ищи. Только помоги. Так нужно. Скажи Евдокимову (я его люблю) о сбор<н>ик<е>.

Люблю тебя, люблю.

Прощай.

Сергей.

На конверте:

Анне Абрамовне Берзиной
Рождественка, д. 4
Отдел массовой литературы

172. З. В. ГЕЙМАН

Не позднее 3 сентября 1924 г. Москва

Дорогая ЗинВен.
Карточки получил.
Жду Вас.
Спасибо.
С. Есен<ин>.

173. В. П. ЯБЛОНСКОМУ

3 сентября 1924 г. Москва

Дорогой Виктор Петрович!

Спасибо за записку. Желаю Вам скорейшего выздоровления. Еду с радостью в надеждах хорошо отдохнуть.

Жму ваши руки.

С. Есенин.

3/IX 24.

174. Н. П. САВКИНУ

15 сентября 1924 г. Тифлис

Что такое и кто — Есенин

На бланке:

М<о>скву Трубниковский 9, Савкину

175. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

17 сентября 1924 г. Тифлис

Екатерина, пошли мне спешно письмо и опиши, что творится в Москве. Получила ли ты деньги и устроил ли Эрлих то, о чем мы с ним говорили. Уезжать отсюда мне пока оч<ень> не хочется. Я страшно хочу переждать дожди и слякоть. Здесь погода изумительная.

У меня к тебе просьба и наказ:

Скажи Сахарову, чтоб он в октябре дал мое зимнее пальто починить Ивану Ивановичу.

Как дома и сколько нужно денег еще для постройки. Посылаю тебе для них еще 10 черв<онцев>. Больше 30 не давай, считая в сумме и то, что я дал.

Для тебя я скоро пришлю стихи, продашь их Казину или Флеровскому, и с тебя пока хватит.

Скажи Сашке, чтоб он запер мой чемодан, а ключ отдаст пусть Анне Ивановне.

Эрлиху напиши письмо и пришли мне его адрес. Я второпях забыл его. Что нового? Как чувствуют себя и как ведут Мариенгоф с Ивневым.

Передай Савкину, что этих бездарностей я не

боюсь, что бы они ни делали. Мышиными зубами горы не подточишь.

Узнай, как вышло дело с Воронским. Мне страшно будет неприятно, если напостовцы его съедят. Это значит тогда бей в барабан и открывай лавочку.

По линии писать абсолютно невозможно. Будет такая тоска, что мухи сдохнут.

Сейчас немного работаю. Завтра поеду в Баку, а потом в Кисловодск. Вардин ко мне очень хорош и о<чень> внимателен. Он чудный, простой и сердечный человек. Все, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одно беда, что коммунизм он любит больше литературы.

Ну пока целую.

Привет Гале и Рите.

17/IX 24.

176. П. И. ЧАГИНУ

20 сентября 1924 г. Баку

Т. Чагин! Я приехал. Заходил к Вам, но Вас не застал.

Остановился в отеле «Новая Европа» № 59.

Позвоните директору отеля и передайте, когда Вас можно видеть.

С. Есенин.

20/IX. 24.

177. П. И. ЧАГИНУ

Сентябрь 1924 г.—1925 г. Баку

Дорогой Петр Иванович. Дайте Васьк<е> 20 руб. в счет моих. С. Есенин.

178. А. А. БЕРЗИНЬ

12 октября 1924 г. Тифлис

Привет любовь и прочее — Есенин

На бланке:

М<о>ск<ва> Гнездниковский Н<и>рензе<е> Берзиной

179. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

17 октября 1924 г. Тифлис

Милая Галя! Привет Вам и Екатерине.

Сижу в Тифлисе. Дожидаюсь денег из Баку и поеду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась.

С книгами делайте, что хотите. Доверенность прилагаю. Высылаю стихи. «Песнь о великом походе» исправлена. Дайте Ан<не> Абр<амовне> и перешлите Эрлиху для Госиздата. Там пусть издадут «36» и ее вместе.

Опишите мне на Баку, что делается в Москве. Спросите Казина, какие литературные новости. Приеду сам не знаю когда, вероятно, к морозам и снегу. С Вардиным я разъехался около месяца тому назад.

Напечатайте «36» в «Молодой гвардии» и получите деньги.

Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том так, как я говорил с Анн<ой> Абрам<овной>, лирику отдельно и поэмы отдельно. Первым в поэмах «Пугачев», потом «36», потом «Страна нег<одяев>» и под конец «Песнь». Мелкие же поэмы идут впереди всего.

Как живете? Здесь хоть не холодно, зато доволь-

но тоскливо. Пишу мало. Думаю засесть писать в Тегеране. Зачем черт несет, не знаю.

Из Батума получил приглашение от Повицкого. После Персии заеду.

Как Орешин? Что Воронский и распущенный имажинизм? Есть ли что в таверне и кто там?

Эрлиху напишите, чтоб поэму пускал как «36», а не «26». Напишите ему, что я не пишу ему из-за того, что потерял адрес. Буду писать на Сашку.

Пришлите 2 книги «Москвы кабацк<ой>». Из Персии напишу подробней.

Целую и жму руки.

Сергей Есенин.

17/X. 24.

Пишите, пишите.

180. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

20 октября 1924 г. Тифлис

Дорогая Галя! Мне кажется, я приеду не очень скоро. Нескоро потому, что делать мне в Москве нечего. По кабакам ходить надоело.

Несколько времени поживу в Тегеране, а потом поеду в Батум или в Баку.

Составил Вам список для составления книги. Продайте ее в таком порядке под названием «Рябиновый костер», куда можно. Сперва поговорите с Ангарским (Мосполиграф).

Воронскому я написал, чтоб он выдал на сестер 200 руб. На днях я пошлю им персидские стихи. Стихи, говорят, оч<ень> хорошие, да и я доволен ими.

Живу дьявольски скучно. Пишите хоть Вы мне чаще. Одно утешение нашел себе, играть в биллиард. Проигрываю все время. Недавно выиграл в карты 1000 руб., а после проиграл 1200 руб. Какая-то полоса невезения. Дороговизна здесь ужасная. Хуже, чем в Москве. Живу в отелях. Каждый день обходится в 20-25 руб. Гости, гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать.

Когда получите деньги за книгу, хорошо было бы, если б вы съездили в Питер и взяли мои вещи. У Ив<ана> Ивановича мой шарф красно-черн<ый>, я его оч<ень> люблю. Потом пересчитайте белье.

20/X. 24, Тифлис.

У Сашки я жить не буду. Мне удобней будет жить у Соколова, когда я буду в Питере. Жму руку.

Любящий С. Е.

181. М. И. ЛИВШИЦ

20 октября 1924 г. Тифлис

Милая Рита! Спасибо за письмо и вырезки, которые Вы послали Вардину для передачи под каким-нибудь соусом мне.

Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколечко.

Ни лебедя, ни гуся вода не мочит.

Как живете? Как Женя? Вышла ли она замуж? Ведь ей давно пора. Передайте ей, что она завянет, как трава, если не выйдет. При ее сурьезности это необходимо. (Ха-ха! Представляю, как она злится.)

Живу скучно. Сейчас не пью из-за грудной жабы. Пока не пройдет, и не буду. В общем, у меня к этому

делу охладел интерес. По-видимому, в самом деле я перебесился.

Теперь жену, балалайку, сесть на дрова и петь вроде Конёнкова: «Прошли золотые денечки». Ну, да это успеем сделать по приезде в Русь.

Целую и обнимаю Вас.
1-й Жене привет,
2-й Жене привет
и
3-й Жене привет.
20 / X. 24. Тифлис.

На конверте:

Маргарите Лившиц

182. А. А. БЕРЗИНЬ

21 октября 1924 г. Тифлис

Дор<ог>ая, незабываемая Анна Абрамовна! Очень грустно, что Вы не ответили мне на письмо и телеграмму.

Я Вас настоятельно просил приехать. Было бы очень хорошо, и на неделю могли бы поехать в Константинополь или Тегеран.

Погода там изумительная, и такие замечательные шали, каких Вы никогда в Москве не увидите.

Нравятся ли «Персид<ские> мотивы»?

Милая Анна Абрамовна, как с книгой? Издайте ее так, как послал я ее Гале. Теперь она исправлена. Оч<ень> я Вас ругаю за то, что Вы обидели отца. Право, он этого не заслужил. Хоть я и сам от его опеки убегал в города и веси сей страны, «где злая пуля осетина его во мраке догнала» и бежали робкие

грузины. Но сердце его доброе и отзывчивое. Думаю, не мешало бы Вам обязательно помириться.

Демьяновой ухи я теперь не хлебаю.

Буду оч<ень> рад, если Вы мне напишете на Баку в «Бакинский рабочий». О делах, в которых мне необходима Ваша помощь, с Вами поговорит Галя.

Целую Ваши руки.

С любовью С. Есенин.

21/X. 24. Тифлис.

183. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

29 октября 1924 г. Тифлис

Милая Галя! Я остаюсь пока на Кавказе, и останусь, вероятно, до мая.

Делать в Москве мне нечего. Все, что напишу, буду присылать Вам.

Посылаю Вам 2 стих<отворения> из «Персидских мотивов». После пришлю еще.

Издайте «Рябиновый костер» так, как там расставлено. «Русь советскую» в конце исправьте. Вычеркните слово «даже», просто сделайте «но и тогда...». Потом не «названьем», а «с названьем». Если Анна Абрамовна не бросила мысли о собрании, то издайте по берлинскому тому с включением «Моск<вы> каб<ацкой>» по порядку и «Ряб<инового> кост<ра>». «Возвращение на родину» и «Русь советскую» поставьте после «Исповеди хулигана». «Моск<ва> каб<ацкая>» полностью, как есть у Вас, с стихотворением «Грубым дается радость». «Перс<идские> мотивы» не включайте.

Разделите все на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: «Пугачев», «36», «Страна», «Песнь о походе». После «Инонии» вставьте «Иорданскую голубицу».

Вот и все.

Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо.

Если Мосполиграф найдет, что ему невыгодно купить, то попросите Вардина, чтоб устроил в изд-во «Красная новь».

Живу очень скучно. Потихонечку принимаюсь за большие работы. Вплоть до пьесы.

Дорогая Галя! В отделе массовой литературы вместе с «Избранным» есть деньги %. Анна Абрамовна может устроить их. Там есть руб<лей> 720. Возьмите эти деньги и распоряжайтесь ими по усмотрению.

После я пришлю материала на сестр<инские> нужды. Не балуйте их.

Я здесь более-менее обеспечен. Мне Ваша присылка не потребуется. Червонцев 50 я в месяц на себя имею. Если Вам будет туго, шлите телеграмму, и я могу тогда выслать.

Ну, привет сестрам. Целую вас всех и обнимаю крепко-прекрепко.

С. Есенин.

29/X. 24.

184. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

После 2 ноября 1924 г. Тифлис

Милая Галя!

Привет Вам и все проч<ее>. Посылаю «Русь уходящую». Покажите Воронскому. Вставьте в книгу

под конец, как я вам разметил, и продайте под названием «После скандалов». «Рябиновый костер» я, как название, продаю здесь в Тифлисе. «36» давайте куда хотите. Привет сестрам. Крепко жму Ваши руки.

С. Е.

Напишите мне подробно, что делается в Москве. Как Воронский, Казин, Анна Абрамовна и др. Я не приеду до тех пор, пока не кончу большую вещь. Как нравится «Русь уходящая»? Вещь, я над которой работаю, мне нравится самому. Отрывки пришлю из Баку. Пишите в Баку. Я там буду дней через 5 после этого письма и пробуду недели две.

С. Е.

185. П. М. ДЕНИСОВОЙ-СОКОЛОВОЙ

17 ноября 1924 г. Тифлис

Уважаемая Параскева Михайловна!

Кланяюсь Вам зёмным поклоном и смею уверить Вас, что Костя здоров даже чересчур достаточно. У него даже, как у иокширкского кабана, появились подбрюдки. Только одно в нем неприятно и беспокойно для меня. Он часто плачет и говорит, что хочет безумно домой, лепит на себя всякие нелепицы, а после смеется. Смею уверить Вас, что мы ему такие друзья, которые его ни в чем не оставят. Мы заботимся только о том, чтоб он заработал здесь побольше денег и поехал к Вам. Так это и будет. Через несколько дней он поедет со мной в Баку. Оттуда я в Тегеран, а он в Ленинград. Там ему важно получить большую работу 26.

Когда свидимся, мы о нашей жизни в Тифлисе пого-

ворим с Вами подробней. Будете над многим смеяться.

Пока жму Ваши руки.

С. Есенин.

17/XI-24.

186. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Между 3 и 6 декабря 1924 г. Тифлис

Москва Ваганьковский редакция «Бедноты» Галине Бениславской

Успокойте Шуру купите ей сапоги и шубу

Есенин

187. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

12 декабря 1924 г. Батум

Галя милая! Очень болен и потому не могу Вам написать и расска<за>ть, как живу в Батуме. Только просьбы и просьбы. Перепечатайте эти стихи и сдайте куда хотите. Я очень соскучился по Москве, но как подумаю о холоде, прихожу в ужас. А здесь тепло, светло, но нерадостно, потому что я не знаю, что со всеми вами. Напишите, как, где живет Шура? Как Екатерина и что с домом? Соберитесь с духом и привезите вещи из Питера. У Сашки они, вероятно, мешают. От Льва Осиповича привет. Привет Жене и Рите.

Что слышно с моим собранием? Анна Абрамовна, вероятно, меня забыла.

Напомните ей.

Продавать мои книги можете не спрашивать меня. Надеюсь на Ваш вкус в составлении. Привет Яне и Соне, и Иосифу.

Что слышно в литературной политике? Что нового написал Приблудный? Он, собака, мне ни одного слова не написал. Кое-что я читал в отзывах о «Москве кабацкой». Соберите то, что вообще появилось.

Пока жму Ваши руки.

Екатерину жмите больше в кулаки.

С. Есенин.

12/XII. 24, Батум.

Адрес: Батум, Вознесенская ул., д. 9, Льву Повицкому. Для Е.

188. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Между 13 и 15 декабря 1924 г. Батум

Подтвердите адрес<у> Батум отделение Заря Востока <получение> четырехсот остаюсь Батуме получения денег

189. П. И. ЧАГИНУ

14 декабря 1924 г. Батум

14/XII 24.

Дорогой Петр Иванович! Прости, голубчик, что не писал и не присылал стихов. Не скажу, чтоб было некогда, а просто заело безалаберное житиё. Жизнь, как говорят: это — фонтан. Закрутил я в Тифлисе довольно здорово. Если б там остался, то умер бы от разрыва сердца. К счастию или несчастию, этого не случилось. Теперь сижу в Батуме. Работаю и скоро

пришлю Вам поэму, по-моему, лучше всего, что я написал. Сейчас же посылаю «Цветы». Теперь же разговор вот какой: книжку я хочу назвать «Рябиновый костер» и смешать поэмы с лирикой последнего периода.

Если б Муран был добр, то пусть он вырежет все стихи, которые печатались в «Бакинском рабочем», и пришлет мне. Я все это приведу в порядок и вышлю их тебе с полным описанием расположения книги.

Вот и все в этом плане. С деньгами разочтемся, когда приеду. Но гонорар, который будет следовать за стихи, присылаемые в газету, я прошу высылать мне по телеграммам. Я не знаю сам, где я буду. Я должен быть в Сухуме и Эривани. Черт знает, может быть, я проберусь к Петру в Тегеран.

Здесь солнышко. Ах, какое солнышко. В Рязанской губернии оно теперь похоже на прогнившую тыкву, и потому меня туда абсолютно не тянет. Как ты?

Как жена и Гели Николавна. Как другие?

Мне страшно хотелось бы тебя увидеть в Батуме. Здесь такие чудные дни, как в мой первый приезд в Баку.

Лившиц надо мной улыбается. Давай, говорит, Сергей, за Маркса тихо сядем. Он очень и очень милый. Я влюблен в него, как в девушку. Только не по-кавказски. Что слышно от Вардина про книгу Данилова? (Привет ему!) Дурья голова Вардин выкинул очень много стихов, но они у меня лежат в целости.

Крепко целую.
Жму руку.
С. Есенин.

Вино и водка здесь отвратительны. Я отравился и чуть не умер. Даже сейчас болею.

Деньги за «Цветы» пришли на редакцию Батума.

Или на моего друга: Батум. Вознесенская, 9. Льву Повицкому.

190. В. В. КАЗИНУ

15 декабря 1924 г. Батум

Милый Вася!

Посылаем тебе вместе со Львом Осиповичем стихотворение батумского поэта Могилевского.

Стихотворение талантливое и гораздо лучше многих, которые в Москве пропускаются.

Ну, как ты живешь?

Издалека я слышу иногда о грустных литературных делах.

Ну да ладно. Все перемелется и будет Девкин переулок...

Стихи помести или в «Нови», или в «Перевале».

Мне грустно, почему Воронский не ответил на 2 письма моих. Привет ему.

Целую тебя.
С. Есенин.

15. XII. 24.

191. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

17 декабря 1924 г. Батум

Милая Галя.

Я совершенно не ожидал, чтобы книжку выпустили с такими грубыми ошибками и ужасными пропусками.

Неужели Вам не давали держать корректуру? Она меня обрадовала и огорчила.

Теперь дело вот в чем. Мне выслали из Армении 400 руб. Куда они попали, я не знаю. Я собирался в Москву и дал адрес Ваш, но потом я их предупредил, что не еду, и дал адрес другой. Не знаю, куда они попали. Если попадут к Вам, направьте ко мне. Я не знаю, как Вы живете. Думаю, что у Вас не хватило смекалки сходить на Большую Дмитровку, 10, в отделение «Зари Востока», спросить там Фурмана, взять комплект, переписать, что мной напечатано, и продать хоть черту, хоть дьяволу, чтоб только у Вас были деньги. Газетной вырезкой не сдавайте. Будут меньше платить.

Потом соберите, ради бога, из Питера все мои вещи в одно место. Ведь я неожиданно могу нагрянуть, а у меня шуба в Питере.

Потом вот что еще (это выход для денег): соберите 6 новых поэм, помещенных в «Заре Вост<ока>», и продайте книжкой Ионову. По 1 руб. 2 новых я вышлю Вам на днях.

Работается и пишется мне дьявольски хорошо. До весны я могу и не приехать. Меня тянут в Сухум, Эривань, Трапезунд и Тегеран, потом опять в Баку.

На днях высылаю Вам почтой 2 ящика мандарин. Мы с Лёвой едим их прямо в саду с деревьев. Уже декабрь, а мы рвали вчера малину.

На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы «Цветы». Это, пожалуй, лучше всего, что я написал. Прислать не могу, потому что лень переписывать. (Их Ионову продавайте 8 (стр. 48). Продавайте, как хотите. Если не знаете, посоветуйтесь. У вас эту книгу и Госиздат оторвет с руками.)

Надеюсь, что деньги у Вас есть и будут, поэтому присылать не буду.

(Отдайте кому-нибудь «Сукина сына».) Думаю, что глупо тащить всё в одну «Красную новь».

Пока. Спешу уходить за гонораром. Пойду в ресторан, и выпьем с Лёвой за Ваше здоровье. Живите, милая, и не балуйтесь.

Целую Вашу руку.
Сергей Есенин.

Сестрам и всем друзьям привет.

Батум, Вознесенская, 9. С. Е.

Лёва запирает меня на ключ и до 3 ч<асов> никого не пускает. Страшно мешают работать.
17/XII.24.

192. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

20 декабря 1924 г. Батум

Галя, голубушка! Спасибо за письмо, оно очень меня обрадовало. Немного и огорчило тем, что Вы сообщили о Воронском. Я верил, а оказалось всё миражем. Может быть, в мире всё мираж, и мы только кажемся друг другу.

Ради бога, не будьте миражем Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая. Дорогая, делайте всё так, как найдете сами... Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра.

Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия.

Не говорите мне необдуманных слов, что я пере-

стал отделывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы». Путь мой, конечно, сейчас оч<ень> извилист. Но это прорыв. Вспомните, Галя, ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь тропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу. Вечерами с Лёвой ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай, и мы вдвоем с ним выпиваем только 2 бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная. За стеной кто-то грустно насилует рояль, да Мишка лезет целоваться. Это собака Лёвина. Он у нас очень не любит прачек.

Вот бы его на Воронского? А?

Днем, когда солнышко, я оживаю. Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожаю отъезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре. Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь. Да какой еще, известный. Всё это смешно и глупо.

Обрадовало меня только одно обстоятельство: по пьяному делу из Тифлиса со мной приехал в Батум Вержбицкий и Костя Соколов. Однажды утром мы после кутежа едем к Лёве и видим такую картину: идет на костылях хромой старик, тащит привязанную за пояс тележку, в тележке два щенка, на крыльях тележки две курицы, а на голове у него петух. Когда он идет, петух машет крыльями. Зрелище порази-

тельное. Я соскочил с извозчика и попросил, чтоб он продал мне одного щенка. Он посмотрел на меня и сказал: «Только для тебя».

Щенка я сейчас отдал на воспитание. Он гадит в комнате, а возиться с ним я не умею.

Что это такое, Галя? Я боюсь, что это что-то вроде шуток Мефистофеля. Вержбицкий и Костя уехали обратно. Мы все были сильно простужены. В Тифлисе мы ездили в Ходжоры. Пальто Вы мое знаете, а в горах зверский холод. В духане мы выпили, развеселились, и я сел на автомобиль верхом около передних колес. 18 верст ехал так, играл на гитаре и пел песни. Потом оказалось, я себе напел. Только благодаря дьявольскому организму избежал воспаления легких.

Галя милая, «Персидские мотивы» это у меня целая книга в 20 стих<отворений>. Посылаю вам еще 2. Отдайте все 4 в журнал «Звезда Востока». Просите 2 р. за строчку. Не дадут, берите 1 руб. Черт с ними. Разбогатею, пусть тогда покланяются. Печатайте всё, где угодно. Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная — я сам. «Письмо к женщине» отдайте в «Звезду», тоже 2 руб. строчка. На днях пришлю «Цветы» и «Письмо к деду». Найдите в «Заре Востока», Б.Дмитровка, 10, «Письмо от матери» и «Ответ». Суйте во все журналы. Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни оч<ень> редко.

Это просто потому, что я один и сосредоточен в себе. Говорят, я очень похорошел. Вероятно, оттого, что я что-то увидел и успокоился. Волосы я зачесываю как на последней карточке. Каждую неделю делаю маникюр,

через день бреюсь и хочу сшить себе обязательно новый модный костюм. Лакированные ботинки, трость, перчатки, — это всё у меня есть. Я купил уже. От скуки хоть франтить буду. Пускай говорят — пшют. Это очень интересно. Назло всем не буду пить, как раньше. Буду молчалив и корректен. Вообще хочу привести всех в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают. Пусть они выкусят.

Весной, когда приеду, я уже не буду никого подпускать к себе близко. Боже мой, какой я был дурак. Я только теперь очухался. Всё это было прощание с молодостью. Теперь будет не так.

Если они хотят, чтоб я был писатель, так я буду писатель. Но уж тогда вряд ли они придут ко мне за дружбой, чтоб подзанять немного мыслей и чувств. Я буду болтать тросточкой и говорить, закатывая глаза: «Какая прекрасная погода!» Я обязательно научусь этому перед зеркалом. Мне интересно, как это выглядит. Черт возьми! Однако я здорово записался, 4 стр<аницу> пишу. Это всё оттого, что я о Вас соскучился.

У Воронского в отношении ко мне, я думаю, просто маневр: все это, я думаю, в глубине души его несерьезно. Так это — знай, мол, наших! Если Вы увидите этих наших, всё-таки поклонитесь им. Анне Абрамовне мой самый сердечный привет. Поцелуйте ее за меня в щеку. Итак, Галя, делайте всё, как знаете, мне важно то, чтоб я был спокоен за Ваши денежные дела.

Деньги мои пришли. Так что беспокоил Вас напрасно. В № 6 толстого грузинского журнала переведен мой «Товарищ». В Армении выходит на армян<ском> языке целая книга.

Обнимите Катю, Шуру и Риту. Привет Яне и Соне.

Год 24, а число которое, не знаю. Вероятно, 20-е декабря.

Батум.

С. Есенин.

Галя! Это письмо добавочное. Как только выйдут «Две поэмы», получите с Ионова 780 руб. и пришлите их мне.

Я не брал у него 30 черв<онцев> за «Песнь» и 480 за «36».

Деньги требуйте настоятельно. На эти деньги я для вас всех могу много прекрасных вещей сделать. Здесь очень дешево стоят материалы на костюмы. Чудные персидские и турецкие шали.

С. Е.

Берлину продавайте. Вообще все делайте, как найдете нужным. Маши каслом не испортишь.

С. Е.

193. П. И. ЧАГИНУ

20 декабря 1924 г. Батум

Дорогой Петр Иванович! Спасибо за телеграмму. Хотя я денег и не получил, но мне дорого внимание друга.

Стихи посылаю вторично. «Цветы», как хочешь, печатай или не печатай. Это философская вещь. Ее нужно читать так: выпить немного, подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве и т. д., тогда она будет понятна. Стихи о Персии я давно посвятил тебе, только до книги я буду ставить или «П. Ч.»

или вовсе ничего. Всё это полностью будет в книге. Она выйдет отдельно. 20 стих<отворений>. Скоро, быть может, приеду. Не забывай гонораром.

Твой любящий тебя

С. Есенин.

20/XII.

194. Н. К. ВЕРЖБИЦКОМУ

31 декабря 1924 г. Батум

Милый Коленька! Черт знает что такое с заносами. Я думал, что мы погибнем под волнами прыгающего на нас моря.

Никуда не выходил целую неделю, и письмо одно к тебе истрепалось у меня в кармане.

Как с редакцией? Что Зося и где Костя? Miss Olli отдали мы — ее кошке. С ней ей уютней. Нам она не ко двору. Ты пишешь, чтоб я дал тебе записку к Воронскому, — но теперь-то поздно.

Воронский вышиблен, и вместо него Вардин в «Красн<ой> нови». Устроить вещь теперь еще легче, через Галю.

Адрес: Москва, Брюсовский, 2а, кв. 27, Дом «Правды». Г. Б<ениславской>.

Более подробное письмо пришлю на днях. Черкни с Ку-ку. Привет от Лёвы. Нажми на Лившица.

Привет Жоржику.

Твой С. Есенин.

31/XII.24.

195. А. А. БЕРЗИНЬ

Декабрь 1924 г. — начало 1925 г. Батум

Нет под рукой бумаги, простите, Анна Абрамовна, простите, милая, хорошая, добрая, если не ко всем, то ко мне, простите за то, что не писал Вам.

С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез!

Это было совсем смешно (один раз в ресторане я встретил знакомых тифлисцев). Я сидел просто с приятелями. Когда меня спросили, что это за женщина — я ответил:

— Моя жена. Нравится?

— Да, у тебя губа не дура.

Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка — мне и Повицкому, с которой мы даже не встречаемся теперь.

Как живете, дорогая? Кого любите? Как с отцом?

Я живу скучно. Работаю, выпиваю, хожу в кинематограф и слушаю разговоры о контрабандистах. Совсем как в опере «Кармен»...

196. П. И. ЧАГИНУ

До 21 января 1925 г. Батум

Вышлите срочно сто высылаю стихотворение «Ленин».

197. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

20 января 1925 г. Батум

Милая Галя! Простите, что пишу наспех. Мне здесь дьявольски надоело. Скоро соберу манатки и

переезду в Баку, а пока пишите сюда. Описывайте все как есть.

Том берлинский Вы можете достать у Собко и дополучить с них за «Русь советскую». Я продавал им без этой вещи.

Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму. 1000 строк. Лиро-эпическая. Оч<ень> хорошая. Мне 1000 р. нужно будет на предмет поездки в Персию или Константинополь. Вы же можете продать ее как книгу и получ<ить> еще 1000 р. для своих нужд, вас окружающих.

Здесь очень скверно. Выпал снег. Ужасно большой занос. Потом было землетрясение. Я страшно скучаю. Батум хуже деревни. Оч<ень> маленький, и все друг друга знают наперечет. Играю с тоски в биллиард. Теперь я Сахарову могу дать 3-4 шара вперед. От двух бортов бью в средину так, что можно за показ брать деньги. Пишу еще поэму и пьесу.

На днях пришлю Вам две новых книги. Одна вышла в Баку, другая в Тифлисе. Хорошо жить в Сов<етской> России. Разъезжаю себе, как Чичиков, и не покупаю, а продаю мертвые души. Пришлите мне все, что вышло из нов<ых> книг, а то читать нечего. Ну пока. Жму руки. Приветы. Приветы.

С. Есенин.

20/1.25, Батум.

198. Н. К. ВЕРЖБИЦКОМУ

26 января 1925 г. Батум

Милый Коля! Ради революции, не обижайся на меня, голубарь! Погода дьявольская, в комнате так холодно, что я даже карандаш не в состоянии дер-

жать. Стихи пишу только в голове, а так бросить пару слов считал уж очень никчемным делом.

Как живешь? Читаю твой роман. Мне он оч<ень> нравится по стилю, нравится и многим другим. «Тифлисская быль», по-моему, очень протокольна. Это походит на стихи, которые пишутся на случай. Рассказ о кенаре и совчиновнике прекрасен.

В Константинополь я думал так съездить, просто ради балагурства. Не выйдет — жалеть не буду, а вообще начинаю немного собираться обратно. На пути заеду.

Жоржик мне прислал замечательное письмо, где пишет, что он, прочитав мои стихи, зарезал трех петухов. Описывает все прелести вашей жизни вплоть до черного хлеба. «Хлеб чорний, чорний, 15 фунтов». Передай ему, что недели через две приеду.

Как Зося? Кукушкин мне рассказывал, как она танцевала лезгинку и как злополучному Косте были опять разбиты очки. (Он уехал?)

Я здесь еще один раз познакомился со 2-м районом милиции. Завел новый роман, а женщину с кошкой не вижу второй месяц. Послал ее к черту. Да и вообще с женитьбой я просто дурака валял. Я в эти оглобли не коренник. Лучше так, сбоку, пристяжным. И простору больше, и хомут не трет, и кнут реже достает.

Пиши Гале. Она прислала тебе привет. Ей легко устроить через Вардина этот расск<аз>, кот<орый> был напечатан в «З<аре> В<остока>», только перепиши на машинке. Вырезкой не шли.

Из Москвы мне пишут, что там серó, скучно и безвыпивочно. Да, вышла моя книга. Будь добр,

скажи Вирапу, чтоб он прислал мне авторские. Сейчас заканчиваю писать оч<ень> большую поэму. Приеду, почитаю. Лёва тебе кланяется, доктор тоже. Сейчас отправляюсь на вокзал провожать доктора в Москву. После зайду в «Монако» и выпью за твое и Зосино здоровье.

Целую тебя в губы, а ее в руку.

Жоржику привет.

Любящий тебя
С. Есенин.

26/1. 25, Батум.

199. Е. И. ЛИВШИЦ

26 января 1925 г. Батум

Рукой Л. И. Повицкого:

26/I-25.

Милая Женя!

Податель сего, мой старый друг доктор Тарасенко Михаил Степанович, хочет непременно с Вами близко познакомиться. Я, конечно, всячески не советовал М.С. это делать, но — ввиду упорства его — даю Ваш адрес. От М.С. Вы можете узнать, как я поживаю, как Сергей дни проводит и что такое вообще Батум. Было бы очень недурно, если бы Вы с Ритой весной прикатили к нам, — поверьте, у нас неплохо.

Пишите, Женя, о себе. Я все-таки Вас помню и любопытствую знать, что с Вами есть и будет. Мой адрес: Батум, Экспортхлеб, мне.

Обнимаю Вас сердечно.
Лев.

Нежный привет Рите.

Рукой С.А.Есенина:

Я прибавляю мало. Привет и любовь Жене и Рите. Ехать сюда не советую, потому что здесь можно умереть от скуки. Как Вы? Что Вы?

Напишите. Мих<аил> Степанович через две недели едет обратно. Помню, люблю.

С. Есенин.

200. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

До 12 (?) или 13 (?) февраля 1925 г. Батум

Деньги не пришли Жду шлите телеграфом Есенин.

На бланке:

Москва Брюсовский 2 дом Правды 27 Бениславской

201. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

До 12 (?) или 13 (?) февраля 1925 г. Батум

Ты думаешь или нет Я сижу без денег С.

202. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Между 12 (13?) и 17 (18?) февраля 1925 г. Батум

Спасибо. Нужно тысячу. Скажите Вардину, поэму высылаю. Отвечайте.

Есенин.

203. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

17 или 18 февраля 1925 г. Батум

Я озлоблен почему нет ответа Батум не пишите уезжаю Персию адрес Баку Есенин.

204. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

21 февраля 1925 г. Тифлис

Персия прогорела. Все Москве: Лившиц, Чагин. Шлите немедленно на дорогу. Я Тифлисе, нужно к среде. Везу много поэм.

На бланке:

Срочная. Москва Брюсовский дом 2 Правды кв. 27
Бениславской

205. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

26 февраля 1925 г. Баку

Выходите воскресенье встречать несите шубу и денег Сергей.

206. П. И. ЧАГИНУ

Между 3 и 7 марта 1925 г. Москва

Дорогой Петр Иванович! Я на тебя в обиде, что не застал тебя здесь в Москве. Ведь я же давал тебе телеграмму «поедем вместе». Как живешь, друг? Я очень рад, что возвратился козырем в Москву. Мне дьявольски было трудно в моем летнем пальто при неожиданной батумской погоде.

Когда я приехал в Москву, ты в этот день уезжал. Черт возьми, ведь я бы на вокзал приехал. Приехал я в воскр<есенье>, а ты уехал в понедельн<ик>. Сочти с книгой. Если ничего не причитается — не надо, но вышли деньги мне за поэму, которую тебе посылаю — «Анна Снегина», и за два ст<ихотворения> «Персидские мотивы». Рассчитывай, как знаешь. Тебе видней по твоим финансам, и помни, что я тебе друг и много верю в оценке.

«Анна Снегина» через два месяца выйдет в 3 № «Кр<асной> нови». Печатай скорей. Вещь для меня оч<ень> выигрышная, и через два-три месяца ты увидишь ее на рынке отдельной книгой.

Привет жене и всем друзьям твоим, которые, окружая тебя, так ласково встрели меня в Баку.

Данилову передай: Вардин ссыпался, и я намереваюсь передать его рукописи в Госиздат.

Крепко жму твои руки.
Поцелуй Гелии Николавне.

Твой Сергей.

Москва, Брюсовский, 2, д. «Правды», кв. 27, Есенин.

207. Н. К. ВЕРЖБИЦКОМУ

6 марта 1925 г. Москва

Дорогая дадя Коля!

Вот я и в Москве. Как доехал — черт знает как. Купили билеты, Федя взял их в карман и остался. Вещи его я привез, сдал брату, а самого не вижу. Проехать в первый раз помогло имя.

Душа моя! Я буду здесь недолго. Переведу себе

деньги в банк, чтоб не заниматься разыскиваниями, и приеду на Кавказ.

О твоих делах вот что: всех поднял на ноги. Для библ<иотеки> у Кольцова не подойдет по коммерч<еским> соображ<ениям>, а в самом журнале пойдет. Как и что, выясню после. С «Прожектором» тоже говорил. Там устроит Казин.

Ну и вот... Всё как было. Перегорело, перебесилось и всё осталось на своем месте, только прибавляется одним редактором больше в лице пишущего эти строки.

Тебе от этого не хуже, а мне... Сделаю просто альманахом, ибо торчать здесь не намерен.

На днях покупаю сестрам квартиру.

Дела мои великолепны, но чувствую, что надо бежать, чтоб еще сделать что-нибудь.

Старик! Ведь годы бегут, а по заповеди так: 20 дней пиши, а 10 дней кахетинскому. Здесь же пойдут на это все 30.

Сегодня Галя не пускает меня ни на улицу, ни к телефону.

Вчера была домашняя пирушка. Пильняк, Воронский, Ионов, Флеровский, Берзина, Наседкин, я и сестра. Нарезались в доску. Больше всего, конечно, мы с Ионовым. Он куда-то убежал, а меня поймали. Я очень беспокоился, но сегодня он позвонил и сказал, что едет в Ленинград. Дня через три вернется. Он предлагает мне журнал издавать у него, но я решил здесь, все равно возиться буду не я, а Наседкин. Мне, старик, жалко время. Я ему верю и могу подписывать свое имя, не присутствуя.

Воронский в «Кр<асной> нови». Поэма моя идет там. Потом вот что: Наседкин ред<актор>

журн<ала> «Город и деревня». Присылай, что имеешь, на Галю. Он что-то прихлыстывает за Катькой и не прочь сделаться зятем, но сестру трудно уломать.

Галя милая по-прежнему большой друг и большая заботница.

Книги моей здесь нет. Скажи Вирапу, что он с распространением хреновину загибает. Потом пусть пришлет 150 руб., о которых мы с ним говорили. Это принцип.

Ну как «Заря»? Передай Мише большой привет и любовь. Очень он и очень хороший, умный и при уме добрый. Вардин должен уехать в Баку на место Чагина, но заболел дипломатической болезнью. Был у меня, и очень грустный.

Позвоночник ему таки сломали. «На посту» прогорело в пух и прах. Пильняк спокойный уезжает в Париж. Я думаю на 2 месяца съездить тоже, но не знаю, пустят или не пустят. Жорж не в Казани, а в Костроме. Всё бросил и печатает роман и повесть в «Нов<ом> мир<е>». Присылай туда. Я сказал. Ред<акторы> свои. Дядя и Гладков.

Ну вот и всё. Напишу обстоятельно с результатами после.

Обними Зосю и поцелуй ей руку. У меня самые светлые воспоминания о ней.

Жоржику скажи, что я ем хлеб «чорний, чорний», такой, какого в Тифлисе нет. Вчера приехала моя мать, я в семье, счастлив до дьявола. Одно плохо, никуда не пускают. Но по их соображениям... может быть, и лучше. Нужно держать марку остепенившегося.

Целую тебя, старик, а Жоржику скажи, пусть он мне напишет. Я сказал сестре и Гале, чтоб они теле-

графом выслали ему 5 руб. Потом я куплю и вышлю ему тот пистолет, о котором он мечтает.

Твой Сергей Есенин.

6. III. 25.

На конверте:

Заказное
Тифлис
Ходжорская 15. Н.Вержбицкому
Москва Брюсовский 2 кв. 27
С.Есенин

208. Т. Ю. ТАБИДЗЕ

20 марта 1925 г. Москва

Милый друг Тициан! Вот я и в Москве. Обрадован страшно, что вижу своих друзей, и вспоминаю и рассказываю им о Тифлисе. Похождения наши здесь уже известны вплоть до того, как мы варили кепи Паоло в хаши.

Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере — тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас. В эту весну в Тифлисе, вероятно, будет целый съезд москвичей. Собирается Качалов, Пильняк, Толстая и Вс.Иванов. Бабель приедет раньше. Уложите его в доску. Парень он очень хороший и сто́ит гостеприимства. Спроси Паоло, какое нужно мне купить ружье по кабанам. Пусть напишет №.

Передай привет всем моим добрым друзьям — Паоло, Робакидзе, Леонидзе и Гаприндашвили. Поцелуй руку твоей жене и дочке и, если не трудно, черкни пару слов.

Брюсовский, д. 2, корпус «Правды» А, кв. 27, С. Есенину.

20/III. 25.

209. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

21 марта 1925 г. Москва

Милая Галя! Вы мне близки как друг. Но я Вас нисколько не люблю как женщину.

С. Есенин.

21/III. 25.

210. В. И. ЭРЛИХУ

24 марта 1925 г. Москва

Милый Вова! Вот я снова в Москве и снова собираюсь в 20-х числах обязательно уехать. Хотелось бы тебя, родной, увидеть, обнять и поговорить о многом. Я еду в Тифлис, буду редактировать лит<ературное> прилож<ение>.

Три — к носу. Ежели через 7-10 дней я не приеду к тебе, приезжай сам. Привет Сене и всем, кто не продал шпаги наших клятв и обещаний.

Любящий тебя
С. Есенин.
24/III 25
Москва.

211. Н. Н. НАКОРЯКОВУ

27 марта 1925 г. Москва

Тов. Накоряков!

Я уезжаю на Кавказ, возможно, надолго. Дело с альманахом «Поляне» представляю себе так: сейчас набирается материал, но первый ударный № издается в начале сентября. За это время набирается попут-

но материал и для 2-го номера. Полагаю, что в этом году больше двух №№ издать не удастся.

Необходимым же условием начала работы считаю немедленную оплату принятого и процензуренного материала. Быть может, было бы лучше на редакцию сразу перевести тысячи две рублей. Кроме того, для ведения редакционных дел альманаха необходимо закрепить одного человека с соответствующей оплатой по должности заведующего редакцией и секретаря альманаха.

На эту работу редакционной коллегией представляется тов. Наседкин, с которым я буду поддерживать связь с Кавказа.

Редколлегия окончательно сконструирована в таком виде: Вс. Иванов, Пав. Радимов и я. Список ближайших сотрудников будет представлен Вс. Ивановым или Наседкиным.

Уезжая, надеюсь, что Вы окажете всемерное содействие несомненно большому и культурному делу.

С приветом
С. Есенин.

27/III.25.

212. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

До 8 апреля 1925 г. Баку

Позвоните Бабелю, чтоб он заехал в Баку. Я буду ждать. Здесь ему будут очень рады. Есенин.

На бланке:

Москва, Брюсовский, 2 корпус Правды, кв. 27, Бениславской.

213. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

8 апреля 1925 г. Баку

Милая Галя, я в Баку. Знаю, что письмо к Вам придет через 6—7 дней. Не писал, потому что болен. Был курьез. Нас ограбили бандиты (при Вардине). Жаль и не жаль, но я спал и деньги некоторые (которые Вы мне дали), и пальто исчезли навсегда. Хорошо, что я хоть в брюках остался.

Когда я очутился без пальто, я очень и очень простудился. Сейчас у меня вроде воспаления надкостницы. Боль ужасная. Вчера ходил к лучшему врачу здесь, но он, осмотрев меня, сказал, что легкие в порядке, но горло с жабой и нужно идти к другому врачу, этажом выше. Внимание ко мне здесь очень большое. Чагин меня встретил как брата. Живу у него. Отношение изумительное.

Только вот в чем дело: Серебровский купил бумагу и не выплатил денег редакции (по-видимому, за объявления Азнефти). Здесь денег нет. Будут потом. Поэтому, как получите это письмо, присылайте немедленно 200. Для Вас у меня уже есть стихи.

Главное в том, что я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже.

Дорогая, я далеко от Вас, и убедить Вас мне трудней (пишу, а зубы болят до дьявола — нервы). Прошу Вас не относиться ко мне, как это было в Батуме, а Катьку (пошлите к ебеной матери). Вырастет большая, поймет.

Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И

недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза. Дорогая, получив это письмо, шлите 200. Позвоните Толстой, что я ее помню. Шурку просто поцелуйте. Она знает, что она делает.

Катька ни на кого не похожа.

У меня ведь была сестра (умершая) Ольга, лучше их в 1000 раз, но походит на Шурку. Они ее не знают, не знают и не знают.

Галя, больше я Вам не напишу. Разговор будет после внимания... Целую руки. Жив и здоров.

С. Есенин.

8/IV.25.

214. Н. К. ВЕРЖБИЦКОМУ и С. Н. ВЕРЖБИЦКОЙ

До 12 апреля 1925 г. Баку

Милые старики! Как живете? Я думаю, что Колина гитара не забыла меня, а две кобуры свидетельствуют Вам о том, что где-то есть «на свете рыцарь бедный», который часто вспоминает друзей и хозяев вплоть до их котенка — Жоржика.

Как дела?

С Галей и сестрой у меня большой разлад, поэтому если и писали Вы мне, не знаю ни 000.

Я слышал, ты, Коля, собираешься в Персию?

Если это у тебя на мази — черкни (Баку). К 13 с<его> м<есяца> я думаю приехать дня на 2 в Тифлис.

Увидимся — сговоримся.

215. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ и Е. А. ЕСЕНИНОЙ

22 апреля 1925 г. Баку

Задержите книгу. Напечатайте, как я говорил: посвящается Чагину. Если сглупите, выгоню. Есенин.

На бланке:

Москва, Брюсовский, дом Правды 2, кварт. 27, Бениславской, Есениной

216. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

26 апреля 1925 г. Баку

Болен денег денег — Сергей

На бланке:

МСК Брюсовской <так!> пер. д. 2
Корпус Правды Есениной

217. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

Конец апреля — начало мая 1925 г. Баку

...поместить двустишиями.

Привет Васе Насед<кину>. Он знает, что такое двустишие.

Воронскому тоже привет.

Позвоните Толстой, пусть напишет.

218. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

5 мая 1925 г. Баку

Еду домой. Буду дней чрез десять. Найдите лучшего врача по чахотке — Есенин

На бланке:

МСК Ваганьковский газета
«Беднота» Бениславской

219. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

11—12 мая 1925 г. Баку

11 мая 1925 г.

Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. Не так страшен черт, как его малютки. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат батумской простуды, а потом я по дурости искупался в средине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилось. Доктора пели на разный лад. Вплоть до скоротечной чахотки. С чего Вы это, Галя, взяли, что я пьянствую? Я только кутнул раза три с досады за свое здоровье. Вот и все. Хорошее дело, чтоб у меня была чахотка. Кого хошь грусть возьмет.

Почему не пишу? Потому что некогда. Пишу большую вещь. С книгами делайте как угодно, чего из пустого в порожнее перегонять. Это уж меня начинает раздражать, что Вы спрашиваете!

Телеграммы Ваши я так же не понимаю, как и Вы мои. Вот одна из них:

«Аким языкоком».

Что это за фамилия?

Курьезов на телеграфе больше, чем курьеров у Хлестакова.

Ну так.

Книжку «Ряб<иновый> кост<ер>» посвятите всю целиком Чагину.

Надпись: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину».

Ежели Кольцов выпускает книгу, то на обложку дайте портрет, который у Екатерины. Лицо склоненное. Только прежде затушуйте Изадорину руку на плече. Этот портрет мне нравится. Если эта дура потеряла его, то дайте ей в морду. Чтоб впредь не брала у меня последн<их> вещей и единств<енных>.

Да, может быть, я скоро приеду в Москву, чтоб съездить в Ленинград, а потом в деревню. Там на Оке мне лучше будет. Ладно.

Еще, — книг не надо. Всё есть у Чагина.

Читали ли Вы, что пишет обо мне Дункан за границей. Что я, чтоб изучить быт бандитов, стал во главе шайки и орудую на Кавказе, а еще то, что будто бы я ей пишу в письме, что: «Все пока идет хорошо».

Ха-ха-ха!.. Вам письмо!..

А Вы говорите — купаться?

«Товарищи! Перед моей глазой стоит как живой Шаумян. Он четыр тыщ людям говорил: „Плюю на Вам“». (Это из речи одного наркома-тюрка).

Ну вот пока и всё. Остальное расскажет Муран. Угостите его, он парень оч<ень> хороший. Привет сестрам, Яне, Соне и Наседкину.

Люб<ящий> С. Есенин.

P. S. Чтоб не было глупостей, передайте Собра-

ние Богомильскому. Это мое решение. Я вижу, Вы ничего не сделаете, а Ионову на зуб я не хочу попадать. С Богомильским лучше. Пусть я буду получать не сразу, но Вы с ним сговоритесь. Сдавайте немедленно. Ионов спятил с ума насчет 2000 р. Во-первых, в «Звезде» — «Песнь», я продал избранное маленькое. Ну да ладно, это мое дело. Все равно с ним каши не сваришь. Катитесь к Богомильскому.

2 новых персид<ских> стих<отворения> поместите перед теми 2-мя последними, что сдал Вам дома. Перед «Пери» и «Голубая родина Фирдуси».

Вместо:

«Я с тобой несчастий не боюсь» нужно

«Я твоих——————————». Была описка.

12 мая

Письмо написал я Вам вчера, когда не было еще консилиума. Мне запрещено пить. С легкими действительно что-то неладно. Предписано ехать в Абас-Туман.

Соберите немного денег и пришлите. Я должен скоро туда уехать. После выправки жизнь меняю.

С. Е.

220. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

12 мая 1925 г. Баку

Галя! Дайте Мурану ночлег у Богомильских, у Аксельрода или у Вс. Иванова (он его знает). Муран — мой бакинский друг.

Угостите его на славу. Вплоть до гармонистов. Позовите Толстую. Он через 7 дней едет обратно. Пишите и шлите все, что есть нового.

Если нет комнаты у тех — попросите Яну.

Я еду в Абас-Туман.
Целую.
С. Есенин.
12/V.25. Баку.

221. В. И. КАЧАЛОВУ

15 мая 1925 г. Баку

15 мая 1925 г.

Качалову

Дорогой Василий Иванович!

Я здесь. Здесь и напечатал, кроме «Красной нови», стих<отворение> «Джиму».

В воскресенье выйду из больницы (болен легкими). Очень хотелось бы увидеть Вас за 57-летним армянским. А?

Жму Ваши руки.
С. Есенин.

222. Г. А. БЕНИСЛАВСКОЙ

25 мая 1925 г. Баку

Москва, Брюсовский, дом 2, корпус Правды, кв. 27. Бениславской

Четверг будем двое Чагиным братом, приготовьте комнату. Встречайте, справясь — Есенин

223. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

16 июня 1925 г. Москва

Дорогая Екатерина! Случилось оч<ень> многое, что переменило и больше всего переменяет мою жизнь. Я женюсь на Толстой и уезжаю с ней в Крым.

Перед отъездом должен с тобой переговорить. Мне нужно собрать все свои вещи и оставить тебе на лето денег. Приезжай, не задерживаясь. Собрание я продал. Продал еще 2 книги. Ботинки твои со злобы я испортил. Приедешь — куплю новые. Привет Шуре, отцу, матери и деду.

Твой Сергей.

16/VI. 25, Москва.

224. П. В. ЧИХАЧЕВУ

Июнь — июль 1925 г. Москва

Договорился с профессором Кожевниковым, который лечил В.И.Ленина. Вези маму в больницу имени Семашко (Щипок, 8).

Сергей.

225. В. П. КОЗЛОВУ

Вторая половина 1925 г. Москва

Товарищ Козлов, был у тебя, дома не оказалось, звони мне по телефону 4-91-53.

226. М. ГОРЬКОМУ

3 июля 1925 г. Москва

Дорогой Алексей Максимович!

Помню Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много.

В словах, и особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не искусство и не творчество.

Я всё читал, что Вы присылали Воронскому.

Скажу Вам только одно, что вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень до́ро́го́.

Посылаю Вам все стихи, которые написал за последнее время.

И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой по Ясной Поляне.

Желаю Вам много здоровья, сообщаю, что все *мы* следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову.

Любящий Вас
Сергей Есенин.

19. 3/VII.25.
Москва.

227. П. И. ЧАГИНУ

6 июля 1925 г. Москва.

Дорогой Петр Иванович! Вязну в хлопотах и жду не дождусь того дня, когда снова предстану у врат Бакраба.

Как живешь? Завидую тебе за те звездочки, которые ты можешь считать не на небе, а на земле.

Ну, да ладно! Свидимся — нагоним.

Привет всей твоей и моей семье. Обними отца и Петэ.

Едет в Москву он или нет?

Соня кланяется. Жмет руки.

Целую. Сергей.
6/VII.25. Москва.

228. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

7 (?) июля 1925 г. Москва

Соня.

Прости, что обидел. Ты сама виновата в этом. Я в Гизе, еду «Красную Новь», «Огонек» и позвоню.

Сергей.

229. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

15 июля 1925 г. Кузьминское

Чувствую хорошо скоро увижу люблю — Сергей

На бланке:

М<о>скву Остоженка Померанцев пер. дом 3
кв. 8 Софье Толстой

230. А. А. БЕРЗИНЬ

До 25 июля 1925 г. Москва

Милая Анна Абрамовна!

Сегодня утром я сказал Екатерине, чтоб она взяла деньги из «Красная новь».

Вчера я сговорился с Казиным.

Я условился с ней. Должны были встретиться в «Современной России». Она получила деньги, купила себе платье, ночью ей еще шила портниха и ни копеечки мне не привезла и сама не показывается.

Всему этому конец!!!... Но главное в том, что, надеясь и будучи уверен в своих деньгах, я зашел обедать в ресторан. Денег за расплату не хватает.

Позвоните Марку и возьмите у него 50 руб. до среды на свое или мое имя. Пошлите Илюшку.

Люб<ящий> С. Есенин.

231. Н. К. ВЕРЖБИЦКОМУ

До 25 июля 1925 г. Москва

Милый друг мой, Коля!

Всё, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ!

До реву хочется к тебе, в твою тихую обитель на Ходжорской, к друзьям.

Когда приеду, напишу поэму о беспризорнике, который был на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял. Посвящу ее тебе в память наших задушевных и незабываемых разговоров на эту тему.

С новой семьей вряд ли что получится, слишком всё здесь заполнено «великим старцем», его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня. Когда отправлюсь, напишу. Заеду в Баку, потом Тифлис. Обнимаю тебя, голубарь, крепко. Галя шлет привет.

Твой С. Есенин.

232. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

До 25 июля 1925 г. Москва

Не знаю, что сказать. Больше ты меня не увидишь. Ни почему. Люблю, люблю.

233. А. А. БЕРЗИНЬ

26 июля 1925 г. Ростов-на-Дону

Это бывает, дорогая моя, не после ночи, а спустя 9 мес<яцев>. Мы, конечно, огорчены с Соней, что он родился мертвеньким. Но, плача и тоскуя, радостно приветствуем тебя. Привет всем, Юхову, Марку, Яблонскому и др.

Смотри не нагадай, мать.

Едем хорошо. Сейчас Ростов.

Целую. Сергей Есенин.

На обороте:

Москва
Госиздат
Угол Софийки и Рождественки
Отдел крестьянской литературы
А. А. Берзиной

234. В. И. ЭРЛИХУ

26 июля 1925 г. Ростов-на-Дону

Рукой С. А. Толстой-Есениной:

26/VII 25.

Эрлих, милый, мы в поезде, по дороге в Баку. Ужасная Москва где-то далеко и верстами и в памяти. Последние дни были невероятно тяжелы. Сейчас блаженно-сонное состояние и

физического и душевного отдыха. Вас вспоминаю часто и очень, очень хорошо и никогда не забуду Вашего отношения. Очень надеюсь, что у Вас всё совсем-совсем хорошо. Напишите: Баку, «Бакинский рабочий», П. И. Чагину — нам.

С. Толстая.

Рукой С. А. Есенина:

Сергей.
Милый Вова,
Здорово.
У меня не плохая
«жись»,
Но если ты не женился,
То не женись.

На обороте рукой С. А. Толстой-Есениной:

Вольфу Иосифовичу
Эрлиху
Старо-Казанская ул., д. № 7
Ульяновск

235. А. А. БЕРЗИНЬ

3 августа 1925 г. Мардакяны

Милая Анна Абрамовна! Дорогая, дорогая. Вы, вероятно, меня уже забыли по свойственной привычке для многих «с глаз долой — из сердца вон». Все же я Вам стараюсь напомнить о себе. Живу в Мардакянах, но тянет дальше. Куда — сам не знаю. Если очучусь где-нибудь вроде Байкала, не удивляйтесь. Как Марк? По-прежнему ли он держит завет, надписанный ему мною на книге (обещание), или

продолжает ту же зубоврачебную практику. Что с Като?

Дорогая моя, друг бесценный, не откажи мне написать, что хочет от меня Николаев. Мне это оч<ень> важно. Так как собрание для меня оч<ень> дорого. На днях вышлю тебе еще целый ряд стихов, новых и старых. Передай их Ермолаичу (так я зову сейчас в шутку Евдокимыча). Нужны ли ему а<вто>биографические сведения? Когда? Мне оч<ень> жаль, что я не созвонился с Николаевым.

Устрой с деньгами Илюшке и прости, родная, что письмо не описательное, а писательское. Сама понимашь. Привет Юкову. Целую твои лапки.

С. Есенин.

3/VIII.25.

Адрес: Баку, «Бакинский рабочий».

С. Е.

236. П. И. ЧАГИНУ

18 августа 1925 г. Мардакяны

Дорогой Петр Иванович! Посылаю 2 стихотв<орения>. Скажи Фришбергу, чтоб он дал Кларе Эриховне денег для меня.

Сам знаешь: жена, дети, и человек не дерево. Дня через 2 придет мое подкрепление из Москвы, и тогда я рыжего оставлю в покое. Привет ему.

Цалую. С. Есенин.

237. А. Н. ЕСЕНИНУ

20 августа 1925 г. Мардакяны

20/VIII

Дорогой отец! Пишу тебе очень сжато. Первое то, что я женат. Второе то, что с Катькой я в ссоре. Я всё понял. Мать ездила в Москву вовсе не ко мне, а к своему сыну. Теперь я понял, куда ушли эти злосчастные 3000 руб.

Я всё узнал от прислуги. Когда мать приезжала, он приходил ко мне на квартиру, и они уходили с ним чай пить. Передай ей, чтоб больше ее нога в Москве не была.

Деньги тебе задержались не по моей вине. Катька обманула Соню и меня. Она получила деньги и сказала, что послала их. Потом Илюша выяснил. Пусть она идет к черту хоть в шоколадницы. Ведь при всех возможностях никуда не попала и научилась только благодаря Т.Ф. выжимать меня. Беспокоюсь только о Шуре. Из нее что-нибудь выйдет.

Дяде Федору скажи, что о Сашке похлопочу.

Дайте отдохнуть. В сентябре приеду, всё устрою. Только, конечно, не на Рабфак. Там коммунисты и комсомол. Поэтому не попал и Илюшка.

Илюшка — настоящий благородный брат. Думаю, что он заменит мне потерянную сестру.

Твой сын Сергей.

238. И. В. ЕВДОКИМОВУ

31 августа 1925 г. Баку

Приезжаю.

239. П. И. ЧАГИНУ

После 6 сентября 1925 г. Москва

Баку. Бакинский рабочий. Чагину.

Передай издательству Бакраба относительно тысячи экземпляров Персмотивы.

Пятьсот Тифлис как я с ними говорил Сергей. Соня.

Кларе привет. Взятое высылаем.

240. А. А. ЕСЕНИНОЙ

21 или 22 сентября 1925 г. Москва

Милый Шуренок.

Я обиделся, что ты ушла. Позвони мне, родная.

Твой Сергей.

Люблю, люблю.

241. И. В. ГРУЗИНОВУ

Сентябрь — октябрь 1925 г. Москва

Милый Ваня! Христов сидня! Злюка бракадабрская! Отдашь ты мне статью или не отдашь?

Критик ты рассейский! Стихотворец ты московский, отдай, ради Бога, отдай, чтоб не задержать до сезона. Обнимаю.

Твой Сергей.

242. В. В. КАЗИНУ

13 октября 1925 г. Москва

В. Казину.

Голубь Вася! Устрой немного денег Илье. А то до получки сижу без сантима.

Привет тебе и поцелуй.

Твой С. Есенин.

13/X 25.

243. В. И. ВОЛЬПИНУ

14 октября 1925 г. Москва

Дорогой Валентин Иванович!

Будьте добры, дайте на мой счет сестре моей несколько книг.

Зайду, расплачу́сь. Соня кланяется. Звоните. Чай и мед к Вашим услугам, а хозяева — вплоть до кинематографа. 4-91-53.

Ваш С. Есенин.

19 14/X 25.

На конверте:

Валентину Ивановичу
Вольпину
от С. Есенина

244. А. А. БЕРЗИНЬ

16 октября 1925 г. Москва

Дорогая Анна Абрамовна!

Положение хуже, чем у свиньи, которую откармливают на убой.

Черт с ними, что деньги от всего того, что я не беру их, накапливаются, дело в том, что у меня ни монеточки. Даже в кино нет на билет, а Шурке на трамвай.

Дорогая! Ты всегда была моим ангелом-хранителем. Устрой что-нибудь из тех мест, где это возможно. Половина жизни за 100 руб. И целая поэма о гнусности денег.

Твой С. Есенин.

P.S. Не употребляй спиртн<ых> напитков. Страшный вред здоровью и благополучию.

Я всегда это знал, потому и проповедую.

С. Е.

19 16/X 25.

245. И. М. КАСАТКИНУ

21 октября 1925 г. Москва

Милый дядя Ваня.

Посылаю тебе нигде не печатанные стихи. Одно отделано — «Неуютная», два совершенно новых.

Если ты свободен сегодня, то заходи вечером. Посидим, побалакаем. Будет Леонов. Приходи с женой. Соня оч<ень> просит.

Твой С. Есенин.

21/X. 25. М<осква>.

На конверте:

КАСАТКИНУ
Ивану Михайловичу
от С. Есенина

246. П. И. ЧАГИНУ

8 ноября 1925 г. Москва

Дорогой Петер! Ты свинья. Свинья потому, что уехал, не простившись и не отозвавшись — ни одной строчкой.

Или рука твоя уж так крепко приросла к редакторскому столу, что и оторвать ее трудно?

Как ты живешь — знаю. Не знаю только того, что ты думаешь. Это меня интересует больше, чем твои пятничные прогулки по морям несоленым. Черкни хоть строчку и скажи, чтоб мне высылали Бакраб.

Сегодня приехал Жорж. При встрече помянем тебя и запьем нашу грусть за твою забывчивость наст<оящим> martel, а ты пей там себе «финь» в наказание.

Привет Кларе и Розочке. Отцу пожми лапу и скажи ему, чтоб он погрозил хоть мизинцем Ваське — за то, что он не приходит.

Твой С. Есенин.

8/XI.25.

247. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

До 26 ноября 1925 г. Москва

Дорогая Соня, я должен уехать к своим. Привет Вам, любовь и целование.

С.

248. П. И. ЧАГИНУ

27 ноября 1925 г. Москва.

Москва.
27 Ноябрь 25.

Дорогой Петр! Пишу тебе из больницы, опять лег. Зачем — не знаю, но, вероятно, и никто не знает.

Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств.

С удовольствием вспоминаю Вартапетова и Мезерницкого и говорю, что глухой Бетховен лучше слышащего плохого Рубинштейна и пьяный Эдгар По прекрасней трезвого Марка Криницкого. Всё это нужно мне, может быть, только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, улажу, пошлю всех в кем и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки.

Не понимаю, почему Павлу Первому не пришло в голову заняться врачебным делом. Он бы смог. Он бы вылечил. Ведь его теория очень схожа с проблемами совр<еменных> психиатров. Карьера не талант и не знание. У кары лечиться — себя злить и еще пуще надрывать. Вот почему мы, вероятно, с тобой в декабре увидимся снова где-нибудь за пирушкой.

Посылаю тебе «Черного человека». Прочти и подумай, за что мы боремся, ложась в постели?...

Ну как Роза и Клара?

Как мать с отцом?

Передай им самое большое приветствие.

Васька ко мне заходил только один раз. Он

лежит в больнице с ногой. Что там, не знаю, и что за больница, тоже не знаю. Говорят, где-то там, где вы раньше жили. Вот и всё.

Целую.
Твой С. Есенин.

249. И. В. ЕВДОКИМОВУ

6 декабря 1925 г. Москва

Милый Евдокимыч!

Привет тебе и тысячу пожеланий за все твои благодеяния ко мне.

Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста, больше никому денег моих не выдавать, ни Илье, ни Соне, кроме моей сестры Екатерины.

Было бы очень хорошо, если б ты устроил эту тысячу между 7—10 дек<абря>, как ты говорил.

Живу ничего. Лечусь вовсю. Скучно только дьявольски, но терплю, потому что чувствую, что лечиться надо. Иначе мне не спеть, как в твоем «Сиверко»: «Пил бы да ел бы, спал бы да гулял бы». На днях пришлю тебе лирику «Стихи о которой».

Если не лень, черкни пару слов с Екатериной. Я ведь теперь не знаю, чем пахнет жизнь.

Жму руку.
Твой С. Есенин.

19 6/XII 25.

250. В. И. ЭРЛИХУ

7 декабря 1925 г. Москва

Немедленно найди две-три комнаты, 20 числах переезжаю жить Ленинград Телеграфируй — Есенин.

На бланке:

Ленинград, улица Некрасова 29 кв 8
Эрлиху

251. Е. А. ЕСЕНИНОЙ

Между 7 и 13 декабря 1925 г. Москва

Екатерина! Почему там получил Илюшка только сто? Что за чертовщина?

Деньги с Гиза немедленно все в банк до сантима, иначе я послезавтра выйду и пошлю вас всех куда подальше.

Не нервируйте меня хотя бы в этом.

Потом узнай у Сони, почему мы одни всё время платили за квартиру, за газ и электрич<ество>.

Жду банк-книжку, варенья, папирос, спичек и еще чего-нибудь.

Сергей.

252. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

9 декабря 1925 г. Москва

Соня! Пожалуйста, пришли мне книжку Б.

С. Есенин.

9/XII 25.

253. Я. Е. ЦЕЙТЛИНУ

13 декабря 1925г. Москва

Дорогой товарищ Цейтлин. Спасибо Вам за письмо. Жаль только то, что оно застало меня оч<ень> поздно. Я получил его только вчера, 12/XII 25 г. По-видимому, оно провалялось у кого-нибудь в кармане из прожекторцев, ибо поношено и вскрыто. Я очень рад и счастлив тем, что мои стихи находят отклик среди николаевцев. Книги я постараюсь Вам прислать, как только выйду из санатории, в которой поправляю свое расшатанное здоровье.

Из стихов мне Ваших понравилась вещь о голубятне и паре голубей. Вот если б только поправили перебойную строку и неряшливую «Ты мне будешь помощником хошь», я бы мог его отдать в тот же «Прожектор».

Дарование у Вас безусловное, теплое и подкупающее простотой. Только не упускайте чувств, но и строго следите за расстановкой слов.

Не берите и не пользуйте избитых выражений. Их можно брать исключит<ельно> после большой школы, тогда в умелой рамке, в руках умелого мастера они выглядят по-другому.

Избегайте шатких, зыблемых слов и больше всего следите за правильностью ударений. Это оч<ень> нехорошо, что Вы пишете были́, вместо бы́ли.

Желаю Вам успеха, как в стихах, так и в жизни и с удовольствием отвечу Вам, если сочтете это нужным себе. Жму Вашу руку.

Сергей Есенин.

Москва.
Остоженка, Померанцев пер., д. 3, кв. 8.

254. С. А. ТОЛСТОЙ-ЕСЕНИНОЙ

Между 17 и 19 декабря 1925 г. Москва

Соня. Переведи комнату на себя. Ведь я уезжаю и потому нецелесообразно платить лишние деньги, тем более повышенно.

С.

255. В. И. ЭРЛИХУ

24 декабря 1925 г. Ленинград

Вова, я поехал в ресторан Михайлова, что ли, или Федорова.

Жду тебя там.

Сергей.

256. В. И. ЭРЛИХУ

24 декабря 1925 г. Ленинград

Вова, захвати вещи ко мне в гостиницу.

С. Есенин.

Комментарии

Письма Есенина — ценный документальный материал для изучения жизни и творчества поэта. Они позволяют также расширить общее представление о литературном процессе в России 1910-х — 1920-х гг.

В есенинских письмах любого периода его жизни обнаруживаются исключительно важные сведения об их авторе. Письма открывают многое в характере Есенина, в его взглядах на писательский труд и литературу, в его взаимоотношениях с писателями-современниками (в частности, в оценке их произведений). На страницах есенинского эпистолярия — сведения о литературной, общественной и издательской деятельности поэта, о его поездках по стране и выступлениях перед читателями. Немало здесь информации и об отношении поэта к важнейшим политическим событиям, и о его впечатлениях от Европы и Америки.

При обращении к письмам Есенина выявляется несостоятельность многих «легенд», созданных в свое время вокруг его имени. Так, например, есенинские письма опровергают «легенду», что круг его друзей и знакомых из литературной среды был всегда весьма ограничен. Эпистолярное наследие поэта показывает, сколь многочисленны и разнообразны были его литературные связи, с какими замечательными людьми сводила его судьба. Среди адресатов Есенина — известные писатели, художники, журналисты, общественные деятели, издатели, литературные критики, ученые, молодые поэты.

Особое место среди есенинских писем принадлежит письмам 1922—1923 гг. из-за рубежа. Столкнувшись с

западной действительностью, нравами буржуазной прессы, с нигилистическим и мещански-обывательским отношением к подлинному искусству, потрясенный духовной нищетой Запада,— Есенин переживает резкий перелом в своих взглядах, а главное, по-иному начинает относиться к тому, что происходит на его родине. 21 июня 1922 г. он пишет И.И.Шнейдеру: «Германия? Об этом поговорим после, когда увидимся... Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер... Всё зашло в тупик».

«Родные мои! Хорошие!..— писал Есенин из Дюссельдорфа в Москву А.М.Сахарову 1 июля 1922 г.— Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее музик-холл...

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину».

И еще одно есенинское письмо, на этот раз из Америки: «Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре „железа и электричества“ здесь у каждого полтора фунта грязи в носу». А «в голове у меня,— подчеркивает Есенин,— одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски» (А.Б.Мариенгофу, 12 нояб. 1922 г.)

И так почти в каждом письме: вновь и вновь сравнивая Запад и Россию, Есенин все больше укрепляется в убеждении, что буржуазный строй опустошает народ духовно и нравственно. «Только за границей я понял совершенно ясно,— говорил поэт,— как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства».

Письма Есенина позволяют зримо почувствовать объемность его творческих замыслов, устремленность его во

всем своем творчестве к *правде жизни*; раскрывают постоянное движение и обновление души поэта, бескомпромиссное отношение его к собственным ошибкам и заблуждениям; дают возможность ощутить, сколь строг и определенен был он в своих суждениях, касающихся произведений современных писателей.

Особенно показательны в этом смысле кавказские письма Есенина, относящиеся к осени 1924 — весне 1925 гг. За эти несколько месяцев, проведенных поэтом в Баку, Тифлисе, Батуми, впервые публикуется около сорока его новых — поистине классических — произведений. Создать такие стихи в столь сжатые сроки мог только гениальный художник. Кавказ стал подлинной «болдинской осенью» Есенина. И как хорошо, что до наших дней дошли живые и самобытные письма поэта того времени (Г.А.Бениславской, Н.К.Вержбицкому, П.И.Чагину и др.).

Есенин не предназначал свои письма для публикации. Более того, он неоднократно подчеркивал, что не любит писать письма. «Все-таки лучше, когда видишь человека, лучше говорить с ним устами, глазами и вообще всем существом, чем выводить эти ограничивающие буквы»,— писал он, напр., Е.И.Лившиц. Однако случалось и так, что вдали от «родимого края» возникала потребность душевного общения с дорогими и близкими людьми. Отсюда наполненные «чувством родины» заграничные письма; отсюда и многие кавказские послания поэта. Впрочем, нередко надо было срочно написать и побыстрее отправить «сухое» *деловое* письмо по поводу издания новых стихов, книг, очередных литературных выступлений и встреч, денежной и иной материальной помощи родным.

Среди писем Есенина, помещенных в наст. томе, всего лишь несколько писем к отцу и матери да несколько столь же кратких деловых писем к старшей из сестер — Екатерине Александровне. Если иметь в виду только это, то

вполне можно было бы сказать, что Есенин был недостаточно внимателен и отзывчив в письмах к самым родным и близким ему людям.

Однако подобные суждения лишены оснований. Нельзя забывать об исповедальных письмах-стихах поэта, носящих открыто автобиографический, *личный* характер,— таких как «Письмо матери», «Ответ», «Письмо деду», «Письмо к сестре», «Письмо к женщине» и др. Ведь именно из этих стихотворных посланий становится ясно, какие серьезные драматические события в недавнем прошлом пережил их лирический герой, а значит — в той или иной степени и сам автор; как порой трудно и сложно складывалась городская жизнь сына земли рязанской; что́ особенно волнует его теперь и почему он — при всей его любви к «рязанским раздольям» — не может ныне вернуться в родное село...

Далеко не все письма Есенина дошли до нас. Тем не менее, выявление и «открытие» их продолжается по сей день — и, без сомнения, еще не закончено. Публикуя в наст. томе всесторонне прокомментированные есенинские письма, редколлегия издания не сомневается, что для читателей и исследователей биографии и творчества Есенина эта публикация послужит дальнейшим стимулом как к углубленному изучению эпистолярия поэта, так и к поиску еще не известных его писем.

* * *

В наст. томе собраны оказавшиеся доступными составителю письма, записки и телеграммы Есенина к отдельным лицам. Исполненные поэтом деловые бумаги — заявления официальным лицам либо организациям или учреждениям, доверенности, расписки и т. п. (включая коллективные), а также анкеты и издательские договоры — отнесены во вторую книгу седьмого тома наст. изд.

Несколько писем Есенина друзьям (А.Б.Мариенгофу и А.М.Сахарову) появилось в печати еще при его жизни (Гост., 1922, № 1). В выпущенных посмертно воспоминаниях о поэте (1926—1930 гг.) были также приведены (целиком или в извлечениях) некоторые из его писем (В.С.Чернявскому, А.Б.Мариенгофу, Е.И.Лившиц, И.В.Евдокимову, В.И.Эрлиху, М.П.Мурашеву, И.И.Шнейдеру и др.). С начала 1930-х до середины 1950-х гг. письма Есенина практически не печатались; исключение составила лишь его записка к Александру Блоку от 9 марта 1915 г., полный текст которой увидел свет в московском журнале «Огонек» 28 окт. 1945 г.

Первая после двадцатипятилетнего перерыва репрезентативная публикация есенинских писем (Г.А.Панфилову, Е.А.Есениной, Г.А.Бениславской, М.Горькому и др.) была осуществлена в работе Ю.Л.Прокушева «Сергей Есенин: (Литературные заметки и публикация новых материалов)» (альм. «Лит. Рязань», 1955, кн. 1, с. 312—345; далее сокращенно: Прокушев-55). Вслед за ней появились и другие публикации писем Есенина, в частности, к Иванову-Разумнику и Н.А.Клюеву (РЛ, 1958, № 2, с. 154—168).

В 1961—1962 гг. Государственное издательство художественной литературы выпустило собрание сочинений поэта в пяти томах. В последнем из томов этого собрания — впервые в практике издания книг Есенина — было помещено 125 писем, доверенностей и заявлений поэта (включая коллективные), из них — 105 писем к индивидуальным адресатам.

При переиздании этого пятитомника в 1966—1968 гг. в него было включено уже 124 письма Есенина к отдельным лицам.

Избранные письма поэта включались и в трехтомные издания его сочинений (М.: Огонек, 1970; 2-е <доп.> изд., 1977), причем некоторые из них (напр., шесть

писем к М.П.Бальзамовой 1912–1913 гг.) были в 1977 г. введены в корпус собрания сочинений Есенина впервые.

В обоих изданиях пятитомника есенинских сочинений тексты писем и комментарии к ним были подготовлены Е.А.Динерштейном, В.Ф.Земсковым и Н.И.Хомчук, а в обоих изданиях трехтомника — А.А.Козловским и Ю.Л.Прокушевым.

Среди других изданий, в которые входили есенинские письма, следует особо отметить Хронику (1; 2) — в ней В.Г.Белоусовым впервые было опубликовано более двадцати писем, записок и телеграмм поэта.

Изучение эпистолярного наследия Есенина в 1950-е—1970-е гг. было подытожено в последнем томе шеститомного собрания сочинений поэта — «Письма» (М.: Худ. литература, 1980); далее сокращенно: Есенин 6 (1980). Его составитель В.А.Вдовин впервые проделал систематическую работу по хронологическому расположению недатированных писем поэта. По сравнению с предшествующими изданиями здесь была проведена дополнительная фронтальная сверка текстов по автографам и внесены необходимые исправления; был, кроме того, существенно обогащен реальный комментарий к письмам. К тому же по своем выходе Есенин 6 (1980) стал наиболее полным собранием писем поэта — не считая деловых бумаг, в него вошло уже 209 единиц текста (учитывая также приведенные в коммент. к тому).

В 1995 г. издательство «Республика» выпустило четырехтомник «Сергей Есенин в стихах и жизни» под общей редакцией Н.И.Шубниковой-Гусевой. В раздел «Письма Есенина» третьего тома этого издания («Письма. Документы»; далее именуется сокращенно — Письма), составленного племянницей поэта Т.П.Флор-Есениной, вошло 234 есенинских письма к разным лицам (без учета деловых бумаг).

В наст. томе корпус есенинского эпистолярия, пополнившись (сравнительно с Письмами) на 22 единицы текста, состоит из 256 писем. Ряд записок и телеграмм поэта

(в т.ч. к Г.А.Бениславской, П.Н.Зайцеву, И.М.Майскому, А.Б.Мариенгофу, П.И.Чагину и др.) извлечен из писем других авторов либо мемуарных источников. Некоторые письма Есенина (Д.К.Богомильскому, З.Г.Гринбергу, А.А.Добровольскому, З.Н.Райх, А.А.Сардановской, Г.Б.Шмерельсону), как и два недавно найденных письма к М.П.Бальзамовой, были обнародованы в течение последних лет и вводятся в собрание сочинений поэта впервые. В томе впервые публикуется записка к А.Дункан (п. 129).

В то же время из корпуса писем поэта ныне изъята телеграмма от 30 авг. 1925 г., включенная в Есенин 6 (1980), с. 194 (п. 211). Обращение к архивам С.А.Толстой-Есениной и ее матери О.К.Толстой (ГМТ) показало, что автором этой телеграммы, отправленной в Москву из Тифлиса 30 авг. 1924 (а не 1925) г., была С.А.Толстая, которая в то время еще не была знакома с Есениным.

Несколько лет назад по автографам Р.Ивнева было опубликовано одиннадцать (в другом случае — двенадцать) текстов, оформленных их изготовителем как письма Есенина к нему (газ. «Новые рубежи», Одинцово Московской обл., 1987, 1 окт., № 118; газ. «Подмосковье», М., 1992, 15 февр., № 7, с. 10; публ. Н.П.Леонтьева). Эти рукописи сохранились (РГАЛИ, ф. Р.Ивнева) и были проанализированы на предмет их авторства С.В.Шумихиным (журн. «De visu», 1994, № 5/6, с. 167). Исследователь убедительно показал, что их подлинным автором, без сомнения, является не Есенин, а сам Р.Ивнев (подробнее см. ниже в коммент. к п. 49). На этом основании материалы, опубликованные Н.П.Леонтьевым, в наст. изд. не вошли.

Большинство писем Есенина, относящихся к первой половине его творческой жизни, как правило, авторских дат не имеет. Некоторые вопросы, связанные с датировкой писем поэта 1911—1914 гг. к Г.Панфилову, были затронуты В.Г.Белоусовым (Хроника, 1, 181—194). После публи-

кации выявленных в конце 1960-х гг. есенинских писем к М.Бальзамовой 1912—1914 гг. (журн. «Москва», 1969, № 1, янв., с. 213—220; ЕиС, с. 255—286) прошел полемический обмен мнениями о времени написания некоторых из них между В.А.Вдовиным (ВЛ, 1976, № 4, апр., с. 219—224; № 8, авг., с. 236—247) и В.В.Базановым (ВЛ, 1976, № 8, авг., с. 226—236). Хотя при этом были определенно обозначены позиции ученых относительно конкретных спорных дат, в итоге исследователям все же не удалось достичь удовлетворительного разрешения проблемы датировки ранних писем Есенина в целом. Может быть, именно поэтому в Есенин 6 (1980) письма, о которых идет речь, оказались помещенными в порядке, уже тогда вызывавшем отчетливое ощущение его хронологической непоследовательности.

Первый этап предпринятого при подготовке наст. изд. пересмотра прежних исследовательских датировок есенинских писем к Г.Панфилову и М.Бальзамовой был отмечен в 1995 г. публикацией их текстов (Письма, 7—44). Расположение их, существенно отличающееся от принятого в Есенин 6 (1980), базировалось на результатах анализа всей совокупности указанных писем с учетом как их содержания, так и не известных ранее данных об окружении поэта (см. об этом статью С.И.Субботина «О датировке писем Есенина 1911—1913 гг.» — Столетие Есенина, с. 405—421; далее сокращенно: Субботин-97).

Второй этап этой работы прошел уже после выхода Писем в свет. Наряду с учетом документальных особенностей есенинских текстов, на которые не обращалось внимания ранее, было проведено палеографическое изучение автографов поэта 1911—1914 гг. В частности, детально прослеживалась эволюция почерка Есенина в этот период времени (подробнее см.: Субботин-97, с. 415—417). Анализировались также бумага и конверты, на которых писал Есенин, способы складывания каждого из листов с письмом перед помещением в конверт и т. п. Это позволило внести новые

уточнения в порядок расположения писем Есенина 1911–1913 гг. Независимым документальным подтверждением правильности этой вновь измененной последовательности писем (см. табл.— Субботин-97, с. 418–419) оказались нумерационные пометы, которые имеются на некоторых письмах Есенина Г.Панфилову (сохранились письма с №№ 1, 2, 6, 8, 9, 13, 16, 17).

Эти пометы прежде не учитывались исследователями. Вначале было высказано предположение, что письма Есенина были пронумерованы кем-то из родственников адресата (Субботин-97, с. 417). Теперь можно считать доказанным, что это сделал сам Г.Панфилов. На листе с автографом стихотворения Есенина «Наступление весны», опубликованным факсимильно Ю.А.Паркаевым (журн. «Нижний Новгород», 1998, № 1, янв., с. 247), имеется, кроме того, адрес Есенина, а также все цифры от единицы до девятки. И то, и другое написано рукой Г.Панфилова. Из сравнения цифр на этом документе с нумерационными пометами на письмах Есенина другу очевидно, что эти пометы сделаны самим адресатом, так что их документальная ценность приобретает практически абсолютное значение. Каждая из этих помет учтена ниже в текстологическом комментарии к соответствующему письму Есенина.

К сожалению, на сохранившихся письмах поэта Г.Панфилову 1913–1914 гг. нет номеров, проставленных адресатом (по-видимому, в эти годы он либо не ставил их вообще, либо делал это на конвертах, которые до наших дней не дошли). Поэтому на заключительном этапе — этапе подготовки этих писем к печати для наст. изд.— были предприняты поиски дополнительных документальных данных, которые помогли бы определить время их написания более конкретно. В результате необходимые для датировок сведения были обнаружены и учтены (см., в частности, коммент. к пп. 20, 28–31 в наст. томе). Кроме того, одновременно были уточнены датировки ряда более поздних есенинских писем (1915 — 1919 гг.).

Совокупное рассмотрение писем 1911 — 1919 гг., не датированных автором, в итоге привело к тому, что для вошедших в Есенин 6 (1980) восьмидесяти семи писем этого периода к отдельным лицам (два из которых к тому же были отнесены в этом издании к 1920 г.) было признано необходимым кардинально изменить или скорректировать больше половины дат (44), что и осуществлено в наст. томе.

При подготовке писем Есенина к печати редакторское вмешательство в их тексты было минимальным. В частности, в угловых скобках были восстановлены части слов, не дописанных или сокращенных автором (общепринятые сокращения, как правило, не раскрывались). Такими же скобками обозначены (вообще очень редкие) редакторские конъектуры, в необходимых случаях оговариваемые в комментариях. Кроме того, повсюду была произведена расстановка знаков препинания, поскольку у самого автора, особенно в поздних письмах, пунктуация — кроме знаков интонационного характера — почти отсутствует. В тех немногочисленных случаях, когда в построении фраз имели место отклонения от грамматических норм (это относится к некоторым юношеским письмам Есенина), они сохранены. В текстах писем курсивом обозначены только авторские подчеркивания; разрядка в автографе воспроизводится разрядкой в тексте.

Единственным письмом, потребовавшим как транскрипционного, так и факсимильного воспроизведения, явилось письмо Есенина Л.И.Повицкому (не ранее янв. 1919 г.; п. 92). Оно имеет специфическое графическое оформление, сознательно пародирующее шрифтовые и иные новации «изображения» текста, практиковавшиеся тогда как футуристами, так и имажинистами (см. с. 106—107 наст. тома).

В случаях, если на сохранившемся конверте, открытке или секретке адрес письма написан автором (либо имеется

в подлиннике или копии телеграммы), он воспроизводится после содержательной части текста петитом.

Каждое из писем сопровождено текстологическим и реальным комментарием. Текстологический комментарий содержит сведения о первой публикации полного текста письма (и о первой частичной его публикации, если она предшествовала полной), об источнике текста; в необходимых случаях дается обоснование датировки. Если в автографе есть отброшенные автором места, они воспроизводятся (в рамках комментария) лишь в тех случаях, когда им нет смысловых аналогов в основном тексте письма. В текстологическом комментарии к письму Есенина Иванову-Разумнику конца дек. 1917 г. (п. 86), где, кроме беловика, отправленного адресату, сохранился и черновой автограф, приведены (с вариантами) лишь те места текста последнего, которые в беловой автограф не попали.

Том завершается тремя указателями.

Указатель имен и названий содержит все личные имена, упомянутые и в письмах, и в комментариях, но проаннотированы в нем лишь имена адресатов Есенина и лиц, о которых есть сведения в письмах. При этом в аннотацию имени адресата (помеченного звездочкой) входит — как составная часть — биографическая справка со сведениями о его взаимоотношениях с Есениным и о сохранности их переписки. Из названий же в указатель, как правило, включены и проаннотированы те, о которых (прямо или косвенно) идет речь у самого Есенина.

Кроме того, имеются еще указатель писем по адресатам и указатель произведений (в т. ч. незавершенных или неизвестных) и сборников произведений Есенина, упоминания о которых встречаются на страницах наст. тома.

Том подготовлен к изданию коллективом авторов:

— подготовка текстов писем и текстологический комментарий — *Е.А.Самоделова* и *С.И.Субботин*;

— преамбула к комментарию — *Ю.Л.Прокушев* и *А.Н.Захаров* (первая часть), *С.И.Субботин* (вторая часть);

— реальный комментарий — *А.Н.Захаров* и *Т.К.Савченко* (пп. 100, 106—108, 110, 113, 120—125, 127, 128, 130, 132, 134, 136, 147, 149, 175, 182, 195, 216, 223, 235, 243, 244, 254); *С.П.Кошечкин* (пп. 38, 80—82, 85, 96, 99, 176, 177, 189, 193, 196, 206, 208, 211, 221, 226, 227, 236, 239, 246, 248); *С.С.Куняев* (пп. 104, 105, 112, 115—117, 126, 133, 137, 140, 143, 144, 147, 149, 151—155, 164—167, 170, 171, 175, 178, 182, 185, 195, 202, 210, 216, 223, 229, 230, 232—235, 241, 243—245, 247, 250—252, 254—256); *Г.Маквей* (пп. 103 и 131); *Ю.А.Паркаев* (п. 47); *Ю.Л.Прокушев* (пп. 61, 70, 101, 253); *М.В.Скороходов* (пп. 41, 44—46, 48—51, 53, 54, 56—60, 62—66, 68—70, 72—78, 84, 87, 88, 90, 194, 198, 207, 214, 231, 237); *С.И.Субботин* (пп. 1—37, 39, 42, 43, 49, 52, 55, 56, 62, 66, 67, 71, 73, 75, 78, 79, 82—87, 89—92, 94, 97, 99, 102, 111, 114, 115, 118, 120, 135, 138, 146, 150, 159, 161, 167—169, 172—174, 188, 191, 192, 194, 198, 207, 224, 225, 228, 238, 240, 249, а также примечания к вариантам п. 108); *Н.И.Шубникова-Гусева* (пп. 109, 119, 141, 142, 156—158, 162, 163, 177, 179, 180, 183, 184, 186, 187, 191, 192, 197, 203—205, 209, 212, 213, 215, 217—220, 222); *Н.Г.Юсов* (пп. 40, 93, 95, 98, 101, 129, 145, 148, 160, 173, 181, 190, 199, 242);

— указатели — *М.В.Скороходов* и *Е.А.Самоделова.*

Редколлегия издания, составитель тома и все его комментаторы чтут память племянницы поэта Т.П.Флор-Есениной (1933—1993), принимавшей активное участие в работе группы ИМЛИ РАН по подготовке Полного собрания сочинений Сергея Есенина в 1989—1993 гг. Вопреки тяжелой болезни, омрачившей последние годы ее жизни, она

предприняла огромные усилия по собиранию воедино писем Есенина, писем к нему и о нем, увенчавшиеся составлением ею книги «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы» (М.: Республика, 1995). Эта книга (к сожалению, увидевшая свет уже после кончины Т.П.Флор-Есениной) стала неоценимым сводом документальных материалов о поэте и его окружении, широко используемым ныне как в комментариях наст. изд., так и в научно-исследовательской работе по составлению летописи жизни и творчества Есенина, ведущейся в настоящее время.

Составитель выражает признательность Н.В.Есениной и С.П.Есениной за возможность ознакомиться с некоторыми материалами семейных архивов и благодарит Л.А.Архипову (ГМЗЕ, с. Константиново); В.С.Баранова (г. Самара); И.И.Бурачевского и О.Е.Воронову (г. Рязань); Н.Б.Волкову, А.Ю.Галушкина, Е.Е.Гафнер, Л.Г.Григорьеву, Л.Я.Дворникову, А.П.Зименкова, В.В.Мешалкина, К.А.Северову, Н.М.Солобай, Е.И.Струтинскую, В.Н.Терехину, П.Н.Чернышеву, Л.М.Шалагинову, А.А.Ширяеву, С.В.Шумихина, Ю.Б.Юшкина (все — г. Москва); С.С.Демиденко (г. Калуга); Н.Г.Захаренко, Л.Н.Иванову, Т.Г.Иванову, Н.Г.Князеву, А.И.Михайлова, Т.С.Царькову (все — г. Санкт-Петербург); Н.А.Криничную и Е.И.Маркову (г. Петрозаводск); М.Никё (г. Кан, Франция); О.К.Переверзева (г. Клецк, Белоруссия); Л.И.Сторожакову (г. Симферополь, Украина) и Э.Х.Чубинидзе (г. Тбилиси, Грузия) за разнообразную помощь, оказанную ему в процессе работы над томом.

Особая благодарность — всем коллегам по ИМЛИ РАН, участвующим в подготовке Полного собрания сочинений поэта, за ценные советы и пожелания.

1. *Г.А.Панфилову.* Июнь 1911 г. (с. 7).— Есенин 5 (1962), с. 87—89, с неверным указанием года («Июнь-июль 1912 г.»).

Печатается по автографу (РГБ), имеющему помету адресата: № 1.

Датируется по содержанию: упоминаются события, происшедшие в конце мая 1911 г. (окончание М.Калабуховым и П.Яковлевым Спас-Клепиковской учительской школы, а также начало строительства шлюзов вблизи Константинова — см. реальный коммент.). Дополнительными подтверждениями датировки служат упоминание данного письма в п. 2, имеющем почтовый штемпель: 7 июля 1911 г., и порядковые номера 1 и 2, проставленные адресатом на оригиналах этих писем. Другие подробности обоснования датировки см.: Субботин-97, с. 407—408. Впервые правильно датировано в: Письма, 7.

Первое из известных ныне писем Есенина.

...письмо я твое получил...— Письма Г.Панфилова Есенину неизвестны.

...за поздравление спасибо.— Из контекста письма не вполне ясно, с чем мог поздравить Есенина его друг. Может быть, имеется в виду успешное окончание учебного года.

Я поспешил скорее убраться из этого ада...— Обучаясь в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе (1909—1912 гг.), Есенин жил при ней в интернате, о котором и идет речь. Ср. со стихотворением «Пребыва-

ние в школе» (<1911–1912>): «Душно мне в этих холодных стенах...» (наст. изд., т. 4, с. 29).

...мне зло сделал Епифанов...— Другие сведения об этом соученике Есенина не выявлены.

...глупые выходки Тиранова...— Егор Тиранов, учившийся с Есениным в одном классе Спас-Клепиковской школы, также писал стихи. На этой почве между ним и Есениным со временем обозначилось даже некоторое соперничество. Их учитель словесности Е.М.Хитров в связи с этим вспоминал: «...в третий, последний год <...> пребывания в школе <...> в его <Есенина> произведениях стали просачиваться и серьезная мысль, и широта кругозора, и обаяние поэтического творчества. И все-таки я не предвидел того громадного роста, которого достиг талант С.Есенина... Мешало рассмотреть и то, что в нашей школе у Есенина <...> были сильные соперники в поэтическом творчестве. Из них наиболее выдающимся был некто Е.Тиранов, рабочий <...>. У Тиранова муза была мрачная, скорбная, стих тяжеловатый <...>. Произведения его были обширны по объему, <...>мысли в них кипели, чувство клокотало» (Восп., 1, 139–140).

Он часто беснуется. В нем, вероятно, живет легион...— Ср.: «Иисус спросил его <бесноватого>: как тебе имя? Он сказал: „легион“, потому что много бесов вошло в него» (Лука, VIII, 30). Легион — боевая единица армии Древнего Рима (шесть тысяч человек).

Яковлев ∾ окончил школу ∾ Калабухов...— П.Яковлев и М.Калабухов — одноклассники Г.Панфилова по Спас-Клепиковской школе; в 1911 году их класс был выпускным, так что упоминаемое Есениным «гулянье», участниками которого были эти молодые люди, состоялось, очевидно, вскоре после получения ими свидетельств об окончании курса школы.

У нас делают шлюза...— В заметке «К шлюзованию р. Оки» (газ. «Рязанский вестник», 1911, 6 мая, № 114)

говорилось: «Приступлено к работам по устройству шлюзов на р. Оке у с. Кузьминского. Начаты земляные работы. Идет заготовка свай и устанавливаются машины для их забивки».

...хотят мимо нас проводить железную дорогу.— Проект не осуществлен.

Митьку я застал дома.— Этим общим знакомым Есенина и Панфилова, возможно, был Дмитрий Демидов, одноклассник Есенина по Константиновскому сельскому училищу в 1908—1909 гг., живший в соседней с Константиновом деревне Волхоне (свидетельство о Демидове А.П.Хрековой (урожд. Коноваловой) см.: Панфилов, 2, 199).

Книг у меня мало есть ∾ осталось читать только книг восемь.— Страсть Есенина к чтению развилась еще в Константиновском училище. Его тогдашний одноклассник Н.Калинкин рассказывал:

«Сергея, бывало, хлебом не корми — только дай почитать. Библиотека в школе была небольшая. <...> Как новые книги поступят, Сергей так и всколыхнется весь. Прочтет быстро, тут же на обмен несет.

Были, конечно, и другие рьяные любители чтения. Беда была, если Сергей не успевал захватить книгу, которая ему понравилась. Кричит, чуть не плачет — у кого-то отбери, но ему отдай. Подраться был готов. <...> А получит книгу — расцветет весь, как красное солнышко» (Панфилов, 2, 205).

О каких книгах идет речь в письме, неизвестно.

Дай мне, пожалуйста, адрес от какой-либо газеты и посоветуй, куда посылать стихи.— Намерение напечатать свои произведения возникало у Есенина и ранее. По свидетельству Н.А.Сардановского, уже в 1910 г. начинающий поэт впервые показал ему свои стихи: «Помню, что с точки зрения разных дактилей и амфибрахиев стихи Есенина критики не выдерживали, встречались белые рифмы, и вообще удачных рифм было мало <...>.

Описания сельской природы составляли главную тему его стихотворений. <...> Собирался он посылать их чуть ли не в „Сельскохозяйственный вестник“» (цит. по: Хроника, 1, 26). Публикации стихов Есенина в периодике 1911—1913 гг. не выявлены.

Я уже их списал.— Эти автографы Есенина неизвестны. Однако в частном собрании (г. Москва) недоступно хранится принадлежавшая Г.Панфилову тетрадь, в которой содержатся стихи Есенина 1910—1911 гг., собственноручно им записанные.

...«Душою юного поэта» ∾ *Тебя в стихах провозглашу.* — Полный текст стихотворения неизвестен.

«Наступ<ление> *вес*<ны>*» уничтожил.*— Тем не менее это произведение дошло до наших дней. Оно было вписано автором в упомянутую тетрадь Г.Панфилова, где имеет дату: 1 декабря (очевидно, 1910 г.). Первую его публикацию наряду с факсимильным воспроизведением автографа поэта см. в статье Ю.Паркаева «Ранние стихи Есенина» (журн. «Нижний Новгород», 1998, № 1, янв., с. 247).

В воспоминаниях Е.М.Хитрова о стихотворных опытах Есенина 1910—1911 гг. сказано: «...я <...> относился к его стихам поначалу сдержанно. Стихи его были короткими, сначала всё на тему о любви. Это мне не особенно нравилось. А на другие темы стихи были, как мне казалось, бессодержательными» (Восп., 1, 142). Текст «Наступления весны» не противоречит этой оценке. Кроме того, он является хорошей иллюстрацией к приведенному выше суждению Н.А.Сардановского о стихах Есенина 1910 г.— в «Наступлении весны» есть, напр., такие строки: «Поля зазеленели, // Ароматом дыша, // Цветы запестрели, // Птицы прилетели» и т. д.

Пырикову передай поклон...— Имя этого общего друга Есенина и Г.Панфилова по Спас-Клепикам возникает также в письмах поэта 1913 г. к М.Бальзамовой (п. 17) и Г.Панфилову (п. 30). Ранняя смерть Д.Пырикова про-

извела на Есенина большое впечатление (см. п. 30); с кончиной друга связано стихотворение «На память об усопшем. У могилы» (см. п. 9 и коммент. к нему).

2. *Г.А.Панфилову.* 7 июля 1911 г. (с. 8).— Прокушев-55, с. 318 и 320, с неточной датой.

Печатается по автографу (РГБ), исполненному на открытке с почтовыми штемпелями: «Кузьминское Рязан. г. 1 почт. отд. $19\frac{7}{VII}1$ <...>» (последняя цифра отсутствует); «Спас-Клипики <так!> Ряз. 9.7.11». На лицевой стороне открытки помета адресата — № 2.

Датируется по совокупности указанных почтовых штемпелей. Первая правильная датировка — Есенин 5 (1962), с. 87.

...на мое письмо не отвечаешь.— Речь идет о п. 1.

Я дома. Читать нечего, играю в крокет.— Этой игрой Есенин увлекался с детства. Вблизи константиновской церкви была устроена крокетная площадка, где играли и дети, и молодежь. На фотографии 1909 г. (воспроизведена, напр., в: Восп., 1, оборот второго вкл. л. между с. 256 и 257; Панфилов, 2, 96) около этой площадки запечатлена разновозрастная группа участников игры, в том числе стоящие рядом Есенин и К.Воронцов (упоминаемый в комментируемом письме ниже).

Я был в Москве одну неделю ∾ Купил себе книг штук 25.— Из содержания письма явствует, что Есенин побывал в Москве во второй половине июня 1911 г. Ранее (Хроника, 1, 29) высказывалось мнение, что как раз тогда он был принят поэтом И.А.Белоусовым — ведь в своем мемуарном очерке «Цветок неповторимый» (в сб. «Памяти Есенина», М., 1926, с. 138) тот предположительно отнес эту встречу к 1911 г. Позднее выяснилось, что первая встреча Есенина и Белоусова произошла лишь осенью 1913 г. (подробнее об этом см.: Субботин-97, с. 413–414, а также коммент. к п. 28).

Какие именно книги привез тогда Есенин из Москвы в Константиново, неизвестно.

10 книг отдал Митьке, 5 Клавдию. Я очень рад, что он взял.— Имеются в виду Д.Демидов (см. коммент. к п. 1) и Клавдий Воронцов. Племянник и воспитанник И.Я.Смирнова, константиновского священника, К.Воронцов был одним из близких товарищей поэта в детские и отроческие годы. В своих воспоминаниях (1926) он так описывал любовь Есенина к книгам: «Еще в последнем классе сельской школы у него была масса книг, прочитанных им, и если он у кого-либо увидит книгу, не прочитанную им, не расстанется с нею — обманет так обманет, за конфеты, но все же выманит» (Панфилов, 2, 204).

3. *К.П.Воронцову*. 10 мая 1912 г. (с. 9).— Хроника, 1, 33 (с пропуском двух слов); Есенин 6 (1980), с. 7 (с пропуском одного слова). Полностью публикуется впервые.

Печатается по автографу (РГАЛИ), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Спас-Клипики <так!>. 10.5.12».

Датируется по этому штемпелю.

...твои письма.— Письма К.Воронцова к Есенину неизвестны.

...думал ∾ что ты уехал домой. Я писал тебе туда...— т.е. в Константиново. Это письмо неизвестно. Сохранился (в изложении И.Атюнина) лишь отрывок из другого есенинского письма К.Воронцову из Спас-Клепиков в Рязань (возможно, 1911 г.): «Скоро уже июнь, а я все еще томлюсь в этой тюрьме и не дождусь, когда распустят» (Хроника, 1, 29).

...узнал от батюшки...— Это мог быть либо отец поэта А.Н.Есенин, либо дядя и воспитатель К.Воронцова о. Иван (И.Я.Смирнов): по воспоминаниям А.Н.Воробьевой (урожд. Холоповой), также жившей в доме священника, «Клавдий с трех лет после смерти матери, сестры отца

Ивана, рос в его семье. Отца Ивана он звал „папой“» (Панфилов, 2, 97).

Вот тебе наши спальни.— Открытка, на которой написано письмо, представляет собой групповую фотографию 65-ти учащихся и преподавателей Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, которую в то время заканчивал Есенин. Снимок сделан на фоне здания интерната, где жили ученики школы (см. также коммент. к п. 1).

Сидит ∾ Тиранов, возле него ∾ Лапочкин.— О Е.Тиранове см. коммент. к п. 1. Сведения о Лапочкине не выявлены. Оба они сидят на переднем плане снимка (шестой и седьмой, слева направо). На фото есть и Есенин, который стоит в третьем ряду снявшихся, как раз над Тирановым и Лапочкиным (фрагмент фотографии см.: Прокушев-63, с. 67).

4. *М.П.Бальзамовой.* Вторая декада июля 1912 г. (с. 10).— Журн. «Москва», 1969, № 1*, с. 214–215, неполностью, с ориентировочной датой: «Конец июля 1912 г.»; полный текст — ЕиС, с. 255–257, с датой: 23(?) июля 1912 г.

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по результатам сопоставления наст. письма с п. 6, где указаны день первой встречи Есенина с Бальзамовой в Константинове (8 июля, в празднование явлению иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани, в обиходе именуемой иконой Казанской Божией Матери) и время ее отъезда из села («через три дня», т.е. 11 июля), а также с п. 11, где говорится о попытке самоотравления вскоре после отъезда Бальзамовой. См. также коммент. к этим письмам.

---

* Публикация писем Есенина к М.Бальзамовой в указанном номере «Москвы» подготовлена Д.А.Коноваловым, что в дальнейшем не оговаривается.

Текст Есенина содержит определенные лексические, фразеологические и композиционные параллели с эпистолярным сочинением другого поэта — письмом И.С.Никитина Н.А.Матвеевой от 19 апр. 1861 г. Ср.:

«Вы уехали, и <...>меня окружила пустота, которую я не знаю чем наполнить. Мне кажется, я еще слышу Ваш голос <...> Как до сих пор живы в моей памяти — ясный солнечный день и эта длинная, покрытая пылью улица <...> и эти ворота, подле которых я стоял с поникшей головой, чуждый всему, что вокруг меня происходило,— видя только одну вас и больше никого и ничего! Как не хотелось, как тяжело было мне идти назад<...>! Как живо все это я помню!<...>

Я содрогаюсь, когда оглядываюсь на пройденный мною, безотрадный, длинный-длинный путь. <...> Неужели на лице моем только забота должна проводить морщины? Неужели оно должно окаменеть с своим холодным, суровым выражением и остаться навсегда чуждым улыбке счастья? Кажется, это так и будет! <...> Теперь вопрос: зачем я писал вам эти строки? Мало ли кому грустно, да вам что за дело до всех скорбящих и чающих движения воды? Но будьте немножко внимательны: у меня нет любимой сестры, на колени которой я мог бы склонить свою голову, милые руки которой я мог бы покрыть в тяжелую для меня минуту поцелуями и облить слезами. Что же, представьте себе, что вы моя нежная, моя дорогая сестра, и вы меня поймете» (Никитин 1911, стб. 528—529). См. также полный текст этого письма.

...я прочитал твое письмо.— Письма М.Бальзамовой Есенину неизвестны; в пп. 13 и 17 (с. 23 и 28 наст. тома) утверждается, что письма, относящиеся к 1912 г., уничтожены.

Тяжелая грусть облегла мою душу.— Парафраза финальных строк («Тяжело на груди, // Злая грусть налегла») одной из «Русских песен» А.В.Кольцова («Не скажу никому...»; 1840): Кольцов 1911, с. 127—128, под загл.

«Песня». Вариации этой парафразы, более близкие к кольцовскому тексту, см. также в пп. 10 и 30 (с. 18 и 52 наст. тома).

Я недолго стоял на дороге ∾ И мной какое-то тоскливое-тоскливое овладело чувство.— Возможно, здесь есть отзвук строки «Не гляди же с тоской на дорогу» из стихотворения Н.А.Некрасова «Тройка» (1846): «Полное собрание стихотворений Н.А.Некрасова в двух томах», 10-е изд., СПб., 1909, т. 1, с. 15. Песенный вариант некрасовского текста имеется в принадлежавшей Есенину (или Г.Панфилову) тетради (РГБ) 60-х годов XIX века, содержащей выписки из книг и списки песен и стихотворений, сделанные рукой неизвестного (судя по содержанию тетради — ученика духовной семинарии); там рядом со списком «Тройки» — пометы Есенина (подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

...я что-то сделал, чего не могу никогда-никогда тебе открыть.— После слова «сделал» Есенин зачеркнул — «с собой». Более подробно о том, что́ с ним тогда случилось, он все же рассказал любимой девушке некоторое время спустя — в п. 11 (см. с. 19 наст. тома).

Я написал тебе стихотворение, которое сейчас не напишу ∾ нужен шаг к твоему позволению.— «Позволение» было получено в начале следующего года: лишь 9 февр. 1913 г. (в п. 18) Есенин отправил Бальзамовой по ее просьбе стихотворение, о котором идет речь,— «Ты плакала в вечерней тишине...» (см. с. 31 наст. тома).

«Умрешь — похоронят, сгниешь и не встанешь» (так пели вечером ∾ «Налей, налей, товарищ»... — Речь идет о песенном варианте стихотворения А.П.Серебрянского «Вино» («Быстры, как волны, дни нашей жизни...», 1830-е годы), список которого, наряду с «Тройкой» Некрасова, есть в упомянутой выше тетради XIX века. Процитировано по памяти; у Серебрянского — «Умрешь — похоронят, как не был на свете; // Сгниешь — не восстанешь к беседе друзей» (в кн. «Песни и

романсы русских поэтов», М.; Л., 1965, с. 533). См. также «Новейший полный песенник, содержащий в себе песни, романсы и стихотворения известных русских поэтов», СПб.: А.А.Холмушин, 1900, с. 58.

Анюта — А.Сардановская, дальняя родственница о. Ивана (И.Я.Смирнова), ровесница и подруга Бальзамовой, вместе с которой они приехали в дом священника на праздник 8 июля 1912 г. Совместная фотография подруг не раз воспроизводилась в печати (см., напр., Письма, второй вкл. л. между с. 128 и 129).

...это сочинил Серебрянский ∾ безвременно отживший.— Подробности биографии А.П.Серебрянского Есенин мог узнать из биографического очерка «А.В.Кольцов», предпосланного произведениям поэта в кн.: Кольцов 1911, с. XXI и XVIII. Эта книга была в личной библиотеке Есенина; ныне хранится в ГМЗЕ.

Привет Анюте, Симе и маме их.— Имеются в виду А.Сардановская, ее родная сестра Серафима и их мать В.В.Сардановская.

5. *М.П.Бальзамовой.* Конец июля 1912 г. (с. 11).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 216 (неполностью, с неверной датой); ЕиС, с. 257—258 (полностью, с другой неверной датой).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется с учетом содержания п. 6 (см. ниже реальный коммент.). Первая адекватная датировка — Есенин 6 (1980), с. 11.

Зачем, зачем тебе знать нужно, Маня, о том, что я сделал? — Есенин все же уступил просьбам М.Бальзамовой: его рассказ о случившемся см. в п. 11.

Меня терзают такие мелкие и пустые душонки, напр<имер>, как Северовы...— «Две миловидные барышни Северовы» (определение Н.А.Сардановского: Панфилов, 2, 99) — Александра и Елизавета — были дочерьми священника села Шехмино Рязанской губернии

(установлено А.Д.Панфиловым; см. его кн. «Нинесе», М., 1990, с. 108) и частыми гостьями в доме о. Ивана. Очевидно, в июле 1912 г. они гостили в Константинове и (судя по тону реплики Есенина) немало докучали ему.

...не к кому и голову склонить, а если и есть ∾ *такие лица* ∾ *их очень-очень мало* ∾ *одно или два.*— Здесь почти наверняка подразумеваются Г.Панфилов и сама М.Бальзамова.

Мать нравственно для меня умерла уже давно, а отец ∾ *находится при смерти...*— Гиперболизм этого суждения можно вполне объяснить высокой интенсивностью душевных переживаний юноши в тот момент — ведь это письмо, как и некоторые другие письма Есенина 1912—1913 гг., относится к категории писанных «не в духе» (п. 4, с. 11 наст. тома), в «угнетенном настроении» (п. 9, с. 16 наст. тома) или в состоянии «разлаженности» (п. 19, с. 32 наст. тома).

Широко известно, что, повзрослев, Есенин постоянно помогал, чем мог, матери и отцу и заботился о них. Сам же он с раннего детства был лишен родительской ласки и заботы. Сестра поэта Е.А.Есенина вспоминала: «Мать пять лет не жила с нашим отцом, и Сергей все это время был на воспитании у дедушки и бабушки... Сергей, не видя матери и отца, привык считать себя сиротою, а подчас ему было обидней и больней, чем настоящему сироте» (Хроника, 1, 16—17). В те годы его отец по-прежнему работал в Москве и бывал на родине лишь наездами, а свою мать Есенин «в детстве принимал за чужую женщину...» (Виноградская С. Как жил Сергей Есенин. М., 1926; цит. по: Хроника, 1, 17). Во время жизни Т.Ф.Есениной «в людях» вне Константинова у нее родился внебрачный сын А.Разгуляев (об этом см., напр.: Панфилов, 2, 54—58). Вернувшись по воле мужа, не давшего ей развода, в немилую ей прежнюю семью, она не могла дать радости и своим детям. По воспоминаниям С.А.Толстой-Есениной, «после своего возвращения от деда он <Сергей> жил

некот<орое> время с матерью и Екат<ериной> и говорил, что мать в то время много пила и била их» (ГМТ).

Все эти обстоятельства, скорее всего, и стали причиной горьких слов юноши. См. также п. 237.

Что касается отца, то, независимо от всевозможных разногласий с ним (особенно частых в 1912—1913 гг.— см. пп. 14, 19, 26), Есенин постоянно говорил о нем немало хорошего. По свидетельству Н.А.Сардановского, «даже в периоды полного разлада с отцом <...> приходилось слышать о нем от Сергея восторженные отзывы. По его словам выходило, что папаша его и красавцем был в молодости, и очень умен, и необычайно интересен как собеседник (я бы сказал, что Александр Никитич действительно даром хорошей разговорной речи обладал). Свой первый гонорар <...> Есенин целиком отдал отцу...» (цит. по: Есенин 6 (1980), с. 238).

...я уезжаю и адреса точного не могу тебе дать.— Отсюда следует, что комментируемое письмо написано перед отъездом Есенина из Константинова. В то же время в п. 6 (с. 13 наст. тома) есть такие слова: «Перед моим отъездом недели за две — за три у нас <т.е. в Константинове> был праздник престольний...» (который, как уже упоминалось, приходился на 8 июля). Из сопоставления этих фактов явствует, что данное письмо, бесспорно, написано в третьей декаде июля 1912 г. (скорее всего, ближе к концу месяца).

6. *Г.А.Панфилову.* До 18 августа 1912 г. (с. 12).— ВЛ, 1960, № 3, март, с. 130—131 (публ. Е.А.Динерштейна; с неточностями и с датой: «Конец июля — начало августа 1912 г.»).

Печатается по автографу (РГБ), имеющему помету адресата: № 6.

Датируется, исходя из следующих соображений: здесь Есенин указывает не свой, а отцовский почтовый адрес («Москва. Щипок. Магаз. Крылова. Ал. Никит. Ясен., и

для меня»), потому что в тот момент он еще не имел собственной московской прописки, полученной им 18 авг. 1912 г. (факсимиле хранящегося в ГАРФ документа с указанием этой даты — Прокушев-63, с. 144). Первая адекватная датировка — Есенин 6 (1980), с. 12.

Письмо твое я получил. ∾ Я вижу, тебе живется не лучше моего ∾ не с кем разделить наплывшие чувства души...— Судя по этим словам, письмо, о котором идет речь, было ответом на не известное ныне письмо Есенина (по нумерации адресата — пятое). См. ниже, кроме того, коммент. к словам: «Здоровье мое после 20 лучше».

Г.Панфилов, в отличие от Есенина, жил с родителями, но, как в любой семье, и здесь не обходилось без размолвок. Отец Гриши А.Ф.Панфилов так написал Есенину после кончины сына об отношениях с ним: «Правда, у меня с ним иногда выходила неприятность и разногласие по религии, может быть, этим я его сильно оскорблял, но любил я его чистою и святою отцовскою любовью» (Письма, 194).

Я тоже не читаю, не пишу пока, но думаю.— Ср. с одной из рекомендаций Л.Н.Толстого: «Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей и в книгах только тому, что вам нужно и хочется знать» (Круг чтения, 1, 30).

(Я сейчас в Москве). Перед моим отъездом недели за две — за три у нас был праздник престольний...— т. е. празднование явлению иконы Казанской Божией Матери, приходившееся на 8 июля. Приведенные здесь фактические данные позволили установить время написания двух предыдущих писем Есенина (пп. 4 и 5: см. коммент. к ним).

...к священнику съехалось много гостей на вечер.— О праздничных вечерах в доме константиновского священника о. Ивана (И.Я.Смирнова) Н.А.Сардановский вспоминал так: «Описание нашей деревенской жизни было бы неполным, если умолчать о том, как мы проводили пре-

стольный праздник — Казанскую. В дом дедушки <т. е. о. Ивана> приходили и приезжали многочисленные гости из окрестных селений. Преимущественно это были семьи духовенства, учительства и разных сельских служащих. Всего набиралось человек пятьдесят-шестьдесят. Молодежь еще днем затевала игры, ходила купаться. А вечером, после торжественного ужина, пела, танцевала. В ту пору мне казалось, что у нас бывало много интересных и талантливых людей» (Панфилов, 2, 98).

Был приглашен и я.— Это было далеко не первое посещение Есениным дома Поповых (деревенское прозвище семьи о. Ивана): он постоянно бывал там с десяти-одиннадцатилетнего возраста, о чем рассказывают Н.А.Сардановский (Восп., 1, 129), Е.А.Воробьева (Панфилов, 2, 95), упоминает Е.А.Есенина (Восп., 1, 36).

Там я встретился с Сардановской Анной (которой я посвятил стих<отворение> *«Зачем зовешь т*<ы> *р*<ебенком> *м*<еня>*»).*— Об А.Сардановской (Анюте) и ее взаимоотношениях с Есениным не раз говорится в его письмах к М.Бальзамовой (пп. 4, 11, 24); более подробно об этом см. пп. 61 и 70 и коммент. к ним. Указанное стихотворение неизвестно; в 1916 г. было опубликовано другое есенинское стихотворение «За горами, за желтыми долами...» (Еж. ж., 1916, № 4, апр., стб. 8) с посвящением: «Анне Сардановской» (текст — наст. изд., т. 1, с. 22—23). Впоследствии выходило без посвящения.

Она <А.Сардановская> *познакомила меня с ∾ Марией Бальзамовой ∾ после трех дней она уехала и в последний вечер в саду просила меня быть ее другом.*— Ср. п. 4 (первое письмо Есенина М.Бальзамовой после знакомства) и написанное после встречи стихотворение «Ты плакала в вечерней тишине...» (в составе п. 18 — наст. том, с. 31).

Эта девушка тургеневская Лиза («Двор<янское> *гн*<ездо>*») по своей душе. И по всем качествам, за ис-*

ключением религиозных воззрений.— В романе И.С.Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) дана такая характеристика его героини Лизы Калитиной: «Она была очень мила, сама того не зная. В каждом ее движении высказывалась невольная, несколько неловкая грация; голос ее звучал серебром нетронутой юности, малейшее ощущение удовольствия вызывало привлекательную улыбку на ее губы, придавало глубокий блеск и какую-то тайную ласковость ее засветившимся глазам. Вся проникнутая чувством долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нежно» (Тургенев И.С. Дворянское гнездо. СПб., 1909, с. 119).

Здоровье мое после 20 лучше. — Поскольку письмо написано до 18 авг. (см. об этом выше), то здесь имеется в виду 20 июля. Эта фраза, скорее всего, является ответом на вопрос Г.Панфилова о здоровье друга. По-видимому, этот вопрос был задан в связи с содержанием неизвестного ныне письма Есенина, на которое отвечал Г.Панфилов: может быть, Есенин поведал в нем другу о попытке самоубийства, описанной им также в п. 11 (см. с. 19 наст. тома).

Я недавно написал «Капли». Клеменов воскрес, но скоро умрет опять. <Далее следует текст стихотворения>.— В этих словах отчетливо ощутим оттенок иронии. Его смысл (без сомнения, понятный адресату письма) остается недопроясненным. Фамилия Клеменова со слов Есенина попала в печать еще при его жизни, когда Д.Бурлюк обнародовал изложение своей беседы с поэтом, состоявшейся в 1922 г. в Нью-Йорке. В этой публикации, в частности, есть слова: «...в школе преподаватель Клеменов — по образному выражению С.А.Есенина — „произвел установку души“. Клеменов первый давал наставления юному поэту идти колеями здравого влечения к бодрым темам: любить деревню, избы, коров; писать об эпосе земли и вечной поэме весеннего труда в полях» (газ.

«Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 7 окт., № 3542; цит. по: ВЛ, 1975, № 10, окт., с. 238—239). Между тем среди известных в настоящее время школьных учителей Есенина (как в Константинове, так и в Спас-Клепиках) человека с такой фамилией нет. В автобиографии 1924 г., не назвав «должности» Клеменова, Есенин отметил другой аспект его наставничества: «Период учебы не оставил на мне никаких следов, кроме крепкого знания церковнославянского языка. <...> Остальным занимался сам под руководством некоего Клеменова. Он познакомил меня с новой литературой и объяснил, почему нужно кое в чем бояться классиков» (наст. изд., т. 7, кн. 1).

Не указывая на источник информации, Е.А.Динерштейн (ВЛ, 1960, № 3, март, с. 131—132) и вслед за ним В.А.Вдовин называют имя Клеменова (Иван), место его рождения (соседнее с Константиновом село Кузьминское) и утверждают, что тот, «приезжая на короткое время в деревню, вел революционную агитацию среди окрестных крестьян, <...> распространял народнические взгляды среди молодежи» (Есенин 6 (1980), с. 240), то есть был лицом политически неблагонадежным. Попытка обнаружить сведения о Клеменове в архивах Департамента полиции Российской Империи и Московского охранного отделения, располагающих обширными картотеками (ГАРФ) на указанных лиц, успехом не увенчалась — человек с таким именем и биографическими данными в этих картотеках не числится (сообщено Л.М.Шалагиновой).

Установление личности Клеменова требует дальнейших разысканий.

Щипок. Магаз<ин> *Крылова. Ал*<ександру> *Никит*<овичу> *Ясен*<ину>...— В официальных документах (в том числе в паспорте) фамилия отца начиналась с буквы «*Я*» (см., напр., договор о разделе имущества между отцом Есенина и его дядей от 1907 г.: Восп., 1, 30—31). Магазин купца Н.В.Крылова — место многолетней работы А.Н.Есенина. По словам его младшей дочери

Александры Александровны, «более тридцати лет, с тринадцатилетнего возраста до самой революции, отец проработал мясником у купца. <...> Исключительно честный, он был вежлив и выдержан с хозяином и покупателями, пользовался большим уважением и был назначен старшим продавцом» (Восп., 1, 87).

7. *М.П.Бальзамовой*. После 18 августа 1912 г. (с. 14).— Газ. «Ленинское знамя», г. Электросталь Московской обл., 1970, 15 окт., № 123 (публ. В.Г.Белоусова).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по содержанию: в письме указан адрес, по которому Есенин был прописан 18 авг. 1912 г. (о подтверждающем эту дату документе см. в коммент. к п. 6). Первый по хронологии конверт от письма Есенина (ГМЗЕ), где адрес надписан автором («Рязань. Троицкая слобода, кв. М.Н.Савинской. Марии Бальзамовой»), имеет почтовый штемпель: «Москва. 16.9.12. 54-е гор. почт. отдел.». Способ, по которому был сложен лист бумаги с комментируемым письмом, и некоторые другие признаки не позволяют считать, что оно было вложено в этот конверт. Первая адекватная датировка — Есенин 6 (1980), с. 15.

Приготовься к знакомству с Панфиловым (в письмах)...— Эта тема получила развитие в последующих письмах (пп. 8, 10, 11, 12).

8. *Г.А.Панфилову*. Август 1912 г. (с. 15).— Прокушев-55, с. 320—321 (частично, с неверной датой); полностью (с неточностями) — Есенин 5 (1962), с. 91—92, с неверной датой.

Печатается по автографу (РГБ), имеющему помету адресата: № 8.

Датируется с учетом связи данного письма с п. 7 и по словам: «Она <Бальзамова> *хочет идти* в учительни-

цы...» (выделено комментатором). Эти слова означают, что письмо написано до начала учебного года, т. е. до 1 сент.; см. также коммент. к этой фразе. Первая адекватная датировка: Есенин 6 (1980), с. 14.

Проспекты я тебе уже отослал до твоей просьбы...— Скорее всего, речь идет о книгоиздательских проспектах, распространявшихся книготорговым товариществом «Культура». О своей службе в конторе этого товарищества («Получаю я немного, только 25 р.») Есенин пишет в п. 11 (см. также коммент. к этому письму).

Желаешь если, я познакомлю вас письмами с М.Бальзамовой...— См. об этом пп. 7, 10, 11, 12 и коммент. к ним.

Она хочет идти в учительницы с полным сознаньем на пользу ∾ народа.— Весной 1912 г. М.Бальзамова окончила Рязанское епархиальное женское училище и осенью того же года стала учительницей церковно-приходской школы в селе Калитинка Рязанской губернии; этот адрес указан на конвертах есенинских писем к ней 1912 — начала 1913 гг. (см. пп. 11, 12, 17, 18).

Я еще тебе посылаю странное письмо ∾ напиши письмо в ответ листовке.— Текст этой «листовки», взятый автором в скобки, написан им на обороте первого листа своего письма; здесь печатается по его окончании, после подписи «Есенин».

Хочу писать «Пророка»...— В п. 12 (с. 22) говорится о начале работы над этим произведением (названным здесь драмой), а в пп. 17 и 18 — о его завершении («„Пророк“ мой кончен, слава Богу...»). Текст этого сочинения неизвестен.

Буду следовать своему «Поэту».— Это стихотворение было написано Есениным на обороте своей фотографии, подаренной Г.Панфилову при отъезде из Спас-Клепиков после окончания учительской школы:

Не поэт, кто слов пророка
Не желает заучить,
Кто язвительно порока
Не умеет обличить.

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда — мать,
Кто людей как братьев любит
И готов за них страдать.

(Наст. изд., т. 4, с. 39).

9. *Г.А.Панфилову.* Август — начало (?) сентября 1912 г. (с. 16).— Прокушев-55, с. 326 (в извлечениях); Есенин 5 (1962), с. 106—107 (с неточностями, без приписки, с неверной датой). Полный текст — Письма, 17—18 (с неверной датой).

Печатается по автографу (РГБ), имеющему помету адресата: № 9.

Датируется предположительно с учетом этой пометы, принимая во внимание, что письмо с пометой адресата № 8 (п. 8) написано в авг. 1912 г.

«Скучные песни и грустные звуки»...— Видоизмененная первая строка стихотворения Есенина «Звуки печали» (наст. изд., т. 4, с. 25).

Ми<нистр>*ов всех чуть было не отправили в пекло... ∾ На Ца+Ря не было ∾ ни малейшего намека, а хотели их, но ∾ деспотизм еще будет владычествовать...*— В оригинале — «Ми.....ов». По справедливому наблюдению В.Г.Белоусова, «число точек, вероятно, заменяет число недостающих букв. Конспирация у Есенина была несложной» (Хроника, 1, 192). Ср. с фразой из п. 12: «Пишу много под нависшею бурею *гнева к деспотизму*» (выделено комментатором).

В мемуарном очерке «Правда о Есенине» (1926) один из руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка Г.Д.Деев-Хомяковский писал: «Он <Есенин>

приехал из деревни <...> и пришел к поэту С.Н.Кошкарову-Заревому. Сергей Николаевич тогда был председателем Суриковского кружка писателей. <...>Деятельность кружка была направлена не только в сторону выявления самородков-литераторов, но и на политическую работу. Лето после ленских расстрелов <1912 г.> было самое живое и бурное. Наша группа конспиративно собиралась часто в Кунцеве <...> близ с. Крылатского <...>. Там, под видом экскурсий литераторов, мы впервые и ввели Есенина в круг общественной и политической жизни» (Восп., 1, 147).

В протоколе допроса, учиненного Есенину в ВЧК после случайного ареста в окт. 1920 г., поэт сам упомянул этот этап своего «политического просвещения» — его ответ на вопрос «Чем занимался до войны 1914 года» гласил: «Ст. Кунцево, село Крылатское — учился» (Материалы, с. 281).

Скорее всего, комментируемое место данного письма отражает умонастроение юноши, сложившееся в результате его тогдашнего общения с революционно настроенными членами Суриковского кружка.

На память об усопшем. У могилы.— В письмах Есенина к Г.Панфилову не раз возникает (см. пп. 1 и 30) имя их общего друга Д.Пырикова. Он умер в Спас-Клепиках от туберкулеза 17 мая 1912 г. (дата установлена Н.Д.Чистяковым), то есть всего за несколько дней до окончания Есениным учительской школы; Есенин почти наверняка был на похоронах друга. Приведенное в данном письме стихотворение, бесспорно, написано в память Пырикова. О его смерти Есенин помнил долго — через год он вновь писал Панфилову: «Да, я частенько завидую <...> Пырикову. Видно, его боги слишком любили, что судили ему умереть молодым» (п. 30, с. 53 наст. тома). См. об этом также: Субботин-97, с. 408.

10. *М.П.Бальзамовой.* Вторая половина сентября — первая декада октября 1912 г. (с. 18).— Газ. «Рязанские ведомости», 1997, 3 окт., № 111/112 (публ. Л.А.Архиповой; с неверным порядком взаимного расположения частей текста/и неверной датой — 1913 г.).

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Датируется предположительно с учетом содержания письма от 14 окт. 1912 г. (п. 11); подробнее см. реальный коммент. Вероятнее всего, является окончанием того письма к М.Бальзамовой, о котором говорится в первых строках п. 11: «Я почти безнадежно смотрел *на ответ того, что высказал в своем горячем и безумном порыве.* И... И вдруг вопреки этому ты ответила» (выделено комментатором). Полный текст письма неизвестен.

«Оттого на душе ∾ злая грусть залегла»...— Вариация заключительных строк «Русской песни» А.В.Кольцова (подробнее о ней — в коммент. к п. 4).

Напишу Панфилову, что ∾ есть Маня, которая гораздо стоит выше нас обоих.— Письмо с такими (или похожими) словами неизвестно.

Одновременно с твоим письмом он мне прислал письмо и карточку.— Очевидно, отвечая на эти слова, М.Бальзамова попросила выслать ей фотографию, что явствует из фраз п. 11: «Панфилов скоро пришлет мне ответ, и я ему дам адрес. Карточку я тебе пришлю после со своей» (наст. том, с. 20). П. 11 было отправлено адресату 14 окт. 1912 г., что позволяет установить время, позже которого комментируемое письмо не могло быть написано.

11. *М.П.Бальзамовой.* 14 октября 1912 г. (с. 18).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 217 (неполностью, с неверной датой); полностью — ЕиС, с. 258—259 (с неточностями и ориентировочной датой: «Конец 1912 г.»).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 14.10.12. 54-е гор. почт. отдел.». Принадлежность конверта данному письму определена по сопоставлению его содержания с содержанием пп. 4, 5 и 12 с учетом совокупного анализа почерка и других палеографических особенностей писем Есенина 1911—1913 гг. (подробнее см. преамбулу к коммент.). Ср. также Субботин-97, с. 409—412, 416. Первая правильная датировка — Письма, 14.

Я почти безнадежно смотрел на ответ того, что высказал в своем горячем и безумном порыве.— То есть не надеялся получить от адресата ответ на письмо, от которого сохранилось лишь окончание (это п. 10; см. также коммент. к нему).

Ты не знаешь, что я сделал с собой, но я тебе открою. ∾ *Я выпил, хотя не очень много, эссенции.*— Намеки на это событие содержались в п. 4 (с. 10) и п. 5 (с. 11).

...сама она, Анна-то ∾ *За что мне было ее любить?* ∾ *Я написал ей стихотворение, а потом* ∾ *разорвал его.*— О взаимоотношениях Есенина и А.Сардановской см. подробнее пп. 61 и 70 и коммент. к ним. Скорее всего, уничтоженными автором стихами был упомянутый в п. 6 текст с начальной строкой «Зачем зовешь т<ы> р<ебенком> м<еня...>» (см. о нем с. 13 наст. тома).

Живу я в конторе Книготоргового т-ва «Культура». ∾ *Получаю я немного, только 25 р.*— В очерке «Рязанский мужик — поэт-лирик Сергей Есенин» (1926) его автор И.Г.Атюнин, располагавший биографическими материалами о поэте, собранными вскоре после его гибели, так изложил обстоятельства жизни юноши в то время: «Он поступил в качестве продавца в одну книжную лавку, где, проработав 6 месяцев, ушел вследствие ликвидации предприятия и уехал на родину» (ИМЛИ, цит. по: Хроника, 1, 199). Об адресе товарищества «Культура» и

магазина при нем см. работу В.С.Баранова «Московские адреса Сергея Есенина» (в кн. «О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. Вып. 1», М.: Наследие, 1994, с. 140).

Однако Есенин пишет не только о службе в конторе товарищества («получаю <...> 25 р.»), но прежде всего о том, что он живет «в ней» (то есть, очевидно, при ней). Вероятнее всего, он поселился там после размолвки с отцом, о причинах которой А.А.Есенина вспоминала: «Отец вызвал его к себе в Москву и устроил работать в контору к своему хозяину <т. е. Н.В.Крылову> с тем, чтобы осенью Сергей поступил в учительский институт. Но в конторе Сергей проработал всего лишь одну неделю. Ему не понравились существующие там порядки. Особенно он не мог примириться с тем, что, когда входила хозяйка, все служащие должны были вставать. Сергей вставать не захотел, разругался с хозяйкой и ушел. <...> Поступать в учительский институт Сергей не захотел» (Хроника, 1, 37). О своем отказе от этого института Есенин упомянул в одной из автобиографий: «...я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось. Методика и дидактика настолько мне осточертели, что я и слушать не захотел» (наст. изд., т. 7, кн. 1). Конфликт с отцом продолжался и позднее (в п. 14 есть такие слова: «...с отцом шла неприятность. Теперь решено. Я один. <...> Теперь на квартиру к нему я хожу редко. Он мне сказал, что у них „мне нечего делать“» — с. 24 наст. тома). Возвращение Есенина на жительство в Строченовский переулок произошло, по-видимому, уже в 1913 г.

Я не могу примириться с конторой и с ее пустыми людьми. ∾ *Я насмехаюсь открыто надо всеми...*— Ср.: «С моими знакомыми расхожусь помаленьку. Наскучили все они,— разговоры пошлые... <...> я сам про себя смеюсь над ними от души» (из письма А.В.Кольцова В.Г.Белинскому от 15 июня 1838 г. — Кольцов 1911, с. 188).

Никто почти меня не понимает, всего только-только двое слушают охотно ∾ *Один академик, другой — очень серьезный и милый юноша...*— Личности этих сослуживцев Есенина не установлены.

Панфилов скоро мне пришлет ответ, и я ему дам адрес.— Очевидно, к 14 окт. 1912 г. Есенин еще не получил от друга ответ на не известное ныне письмо; скорее всего, именно в последнем могли содержаться слова, обещанные в п. 10,— о Мане, «которая гораздо выше стоит нас обоих».

Карточку я тебе пришлю после со своей.— Имеется в виду фотография Г.Панфилова, упомянутая в конце п. 10.

12. *М.П.Бальзамовой*. 21 октября 1912 г. (с. 20).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 217—218 (с неверной датой).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 21.10.12. 54-е гор. почт. отдел.». Принадлежность конверта данному письму установлена по связи его содержания с содержанием предыдущего письма (см. коммент. ниже). Ср. также: Субботин-97, с. 409—412, 416. Первая правильная датировка — Письма, 15.

Я очень много волновался после твоего письма. ∾ *Неужели такие пустые показания, как, например, «украл корову», тебя так возмутили* ∾ *А если б я твоего увидел попика, то я обязательно наговорил бы ему дерзостей. Как он смеет судить, когда сам готов снять последний крест с груди бедняка.*— Эти слова, без сомнения, являются откликом на описанное в письме Бальзамовой происшествие: очевидно, в селе Калитинка, где она учительствовала, какой-то бедняк украл корову, а сельский священник (по свидетельству Н.В.Колядова, его звали Александр Васильев — ЕиС, с. 254) резко осудил

его за это. Ср. с ошибочной интерпретацией этого эпизода в комментарии В.В.Базанова (ЕиС, с. 281).

...забыть все свои волненья...— В оригинале описка: вместо «свои» у Есенина — «твои».

Начал драму «Пророк».— О зарождении этого замысла см. п. 8 (с. 15—16 наст. тома) и коммент. к нему; ср. также пп. 17 и 18.

...человек, кончивший университет историко-филологического факультета.— О ком идет речь, не установлено.

Скоро и кончится конкурс Надсона.— Имеется в виду конкурс для начинающих стихотворцев, объявленный в мае 1912 г. Московским «Обществом деятелей периодической печати и литературы» в связи с 50-летием со дня рождения и 25-летием со дня смерти С.Я.Надсона. В заметке «Конкурс имени С.Я.Надсона» (газ. «Русские ведомости», М., 1912, 5 мая, № 102) об условиях этого мероприятия, в частности, говорилось: «Предназначенные для конкурса стихотворения должны быть доставлены <...> не позднее 1-го ноября 1912 года. Срок опубликования результатов конкурса — не позднее 1-го февраля 1913 года. <...> Конверты, заключающие имена авторов, стихотворения которых не будут удостоены премий и почетных отзывов, уничтожаются невскрытыми». Из есенинских слов явствует, что он послал стихи на этот конкурс (и рассказал любимой девушке о своем участии в нем). Среди награжденных Есенина не оказалось (подробнее об итогах конкурса см. в статье В.А.Вдовина «„Скоро и кончится конкурс Надсона" (Неизвестная страница биографии С.Есенина)» — ВЛ, 1976, № 4, апр., с. 221); о его стихах, поданных на конкурс, сведений не выявлено.

Панфилов очень рад, я ему сообщил.— Между 14 и 21 окт. 1912 г. Есенин, очевидно, получил ответ Г.Панфилова на свое неизвестное нам письмо. В письме друга, судя по комментируемым словам, была выражена радость в связи с предстоящим эпистолярным знакомством с Баль-

замовой. Отвечая Г.Панфилову (это письмо также ныне не известно), Есенин дал ему ее адрес. Сходным образом интерпретировал эту фразу в 1975 г. В.В.Базанов (ЕиС, с. 282).

13. *Г.А.Панфилову*. Ноябрь 1912 г. (с. 23).— Хроника, 1, 185—186 (с неточностями и неверной датой).

Печатается по автографу (РГБ). От письма сохранился лишь один последний лист; поэтому неизвестно, за каким номером оно шло в нумерации адресата, осуществлявшейся на первой странице каждого из писем 1911—1912 гг.

Датируется предположительно: во-первых, по связи финальных строк данного письма со словами Есенина из п. 18 (от 26 янв. 1913 г.) М.Бальзамовой: «Долго не получая твоего письма, я написал ему <Г.Панфилову>, что между тобой и мной все кончено» (наст. том, с. 29); во-вторых, принимая во внимание, что последним до перерыва в переписке с Бальзамовой, скорее всего, было письмо, полученное Есениным не позже 20 окт. 1912 г. (ответное письмо — это п. 12); в-третьих, с учетом слов Есенина из письма с пометой адресата — № 16 (п. 15): «Я писал тебе когда-то о г. Павлове» (с. 26 наст. тома). Первая адекватная датировка — Письма, 18.

...Исай Павлов, юноша, как и мы ∾ прислал хозяину письмо...— Ни о И.Павлове, ни о хозяине (товарищества «Культура» или магазина при нем?) не выявлено других сведений, кроме содержащихся в письмах Есенина. В п. 18 (от 9 февр. 1913 г.) он уже называет И.Павлова своим «новым другом».

...чепуха (реникса)...— Так читается слово «чепуха», если рассматривать его как записанное латиницей. По наблюдению Г.Маквея (в его письме Ф.Ф.Кузнецову и Ю.Л.Прокушеву от 23 июля 1997 г.), «здесь, очевидно, имеется намек на пьесу „Три сестры“ А.П.Чехова, действие IV, слова Кулыгина: „В какой-то семинарии учитель

написал на сочинении „чепуха“, а ученик прочел „реникса“ — думал, что по-латыни написано... (Смеется). Смешно удивительно“» (Чехов А. П. Три сестры: Драма в 4-х д. СПб.: А.Ф.Маркс, 1902, с. 60). Не исключено, что эта реминисценция из Чехова имеет опосредованный характер, появившись здесь благодаря одной из статей Д.В.Философова: «„Реникса“ — „чепуха“ — говорил он <Кулыгин> с иронией» (в его кн.: «Слова и жизнь: Лит. споры новейшего времени (1901—1908 гг.)», СПб., 1909, с. 22). Эта книга была в библиотеке Есенина (списки ГМЗЕ).

Но аще паки... то я дондеже...— Употребление церковно-славянской лексики (в рус. пер.— «если опять... покамест») наряду с «рениксой», возможно, имеет источником другую статью Д.В.Философова: «Баба в „Мужиках“ Чехова трепетала от непонятных слов „дондеже“ и „аще“...» (в его кн. «Неугасимая лампада», М., 1912, с. 88; эта книга также была в личной библиотеке Есенина). У Чехова: «Ольга <...> каждый день читала Евангелие, <...> многого не понимала, но „аще“ и „дондеже“ произносила со сладким замиранием сердца» («Полное собрание сочинений Ант. П.Чехова», изд. 2-е, СПб.: А.Ф.Маркс, 1903, т. 11, с. 92).

...(не пондравится)... (раймонт)...— Эти скобки (как, по-видимому, и «фонетическое» написание слова «понравится») в контексте данного фрагмента письма носят несомненно пародийный характер, но источник (или источники) есенинской пародии пока не выявлены.

...хочет показать Яблоновскому.— Публицист и критик С.В.Яблоновский (Потресов) был постоянным сотрудником газеты «Русское слово», печатавшейся в типографии товарищества И.Д.Сытина. Намерение И.Павлова и Есенина осуществилось: есенинские стихи были переданы критику (см. п. 18, с. 31 наст. тома).

Ты не жди от синьорины Бальзамовой ответа ∾ бросить их в клозет.— Самой Бальзамовой об уничтоже-

нии ее писем Есенин написал так: «Я разорвал все твои письма...» (п. 17, с. 28 наст. тома).

14. *Г.А.Панфилову*. Ноябрь 1912 г. (с. 24).— Есенин 5 (1962), с. 94—96 (с неточностями и с неверной датой).

Печатается по автографу (РГБ), имеющему помету адресата: № 13.

Датируется предположительно с учетом указанной пометы, а также слов из п. 11 (от 14 окт. 1912): «Живу я в конторе Книготоргового т-ва „Культура". Но живется плохо...», как бы продолжением которых служит фраза наст. письма: «...в конторе жизнь становится невыносимее». Не исключено, что оно написано раньше, чем п. 13. Впервые о передатировке этого письма (с 1913 на 1912 год) см.: Субботин-97, с. 416—417.

После пасхи, как сказал мне дядя, еду ∾ *в имение* ∾ *недалеко* ∾ *от Финляндии и где живет он сам.*— И.Ф.Титов, брат матери Есенина, был управляющим ревельской нефтебазой и имел собственный дом: Есенин 5 (1962), с. 309—310. Поездка в Прибалтику не состоялась.

Грустно... Душевные муки ∾ *Тяжко без счастия жить.*— Поскольку комментируемое письмо до сих пор считалось написанным в 1913 г., это стихотворение датировалось: <1913> (последняя публикация с этой датой — наст. изд., т. 4, с. 43). Теперь можно считать установленным, что оно написано не позднее нояб. 1912 г.

Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие.— Здесь прослеживается связь с рекомендацией Л.Толстого: «*Каждый человек должен сам устанавливать свое отношение к миру и Богу*» (Круг чтения, 1, 36; выделено автором).

Те веруют из страха: что будет после смерти? А я ∾ *как образец в последовании любви к ближнему.*— Ср.: «Люди спрашивают: что будет после смерти? На это надо

ответить так: если ты точно не языком, а сердцем говоришь: да будет воля Твоя, как на земле, так и на небе, то есть как во временной этой жизни, так и во вневременной, и знаешь, что воля Его есть любовь, то тебе и нечего думать о том, что будет после смерти» (Путь жизни 1911, с. 472). Судя по последующим размышлениям Есенина, такой ответ Л.Толстого на поставленный вопрос не мог его удовлетворить.

Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни.— Возможно, это отклик на слова Л.Толстого: «По ложному учению, жизнь в этом мире — зло, благо же достигается только в будущей жизни.

По истинному христианскому учению, цель жизни — благо, и благо это получается здесь.

Истинное благо всегда в наших руках. Оно, как тень, следует за доброй жизнью» (Путь жизни 1911, с. 485).

Он указал только, как жить...— Очевидно, имеются в виду «заповеди: не прелюбодействуй; не убивай; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца твоего и матерь твою» (Лука, XVIII, 20).

«Мир есть тайна Бога, // Бог есть тайна мира».— Строки из стихотворения А.В.Кольцова «Поэт (Дума)» (1840), цитированные по памяти: у автора вместо «тайна мира» — «тайна жизни» (Кольцов 1911, с. 137).

«...после смерти есть жизнь другая». Да, я то же думаю...— Ср. с заголовком первой части раздела «После смерти» книги Л.Толстого «Путь жизни»: «Плотская смерть не конец жизни, а только перемена» (Путь жизни 1911, с. 466), а также с одним из афоризмов этого раздела: «Каждый чувствует, что он не ничто, в известный момент вызванное к жизни кем-то другим. Отсюда его уверенность, что смерть может положить конец его жизни, но отнюдь не его существованию» (Путь жизни 1911, с. 468).

Из «Смерти», начатой мною.— Полный текст названного произведения неизвестен. Его дату (см. наст. изд., т. 4, с. 271) также следует изменить (вместо <1913> — <1912>).

15. *Г.А.Панфилову.* 9(?) или 10(?) декабря 1912 г. (с. 26).— Хроника, 1, 186 (с неточностями и ориентировочной датой: «Ноябрь 1912 г.»).

Печатается по автографу (РГБ), имеющему помету адресата: № 16.

Датируется (с учетом указанной пометы) по содержанию: во-первых, из комментируемого письма явствует, что незадолго до того, как оно было написано, Есенин бросил курить; в письме же, датируемом: «Между 16 марта и 13 апр. 1913 г.» (п. 20) он сообщает, что не курит уже почти четыре месяца, то есть со второй половины ноября — первой половины декабря 1912 г. Во-вторых, если слова данного письма («... ты мне в течение 12+9 дней не писал...») означают: «12 дней в ноябре + 9 дней в декабре»,— это позволяет заключить, что оно написано как раз 9 или 10 дек. 1912 г. Эта датировка принята в наст. изд. как предположительная.

Я писал тебе когда-то о г. Павлове.— См. п. 13 и коммент. к нему.

...уже по моим рассказам оч<ень> *х*<орошо> *тебя знает...*— Эти слова отчеркнуты Есениным на полях двумя волнистыми линиями, сверху и снизу соединенными поперечными чертами.

...«давши слово — крепись».— Выражение, близкое к пословичному: «Не дав слова, крепись, а дав слово, держись» (Даль, 4, 222).

16. *Г.А.Панфилову.* Середина (?) декабря 1912 г. (с. 26).— Есенин 5 (1962), с. 96—97 (с неточностями и ориентировочной датой: «Начало 1913 г.»).

Печатается по автографу (РГБ), имеющему помету адресата: № 17.

Датируется в соответствии с этой пометой и датировкой п. 15 (см. коммент. к нему). Так же, как для п. 15, датировка данного письма предположительна.

...получил ты книги или нет... — Какие книги были посланы из Москвы в Спас-Клепики, неизвестно.

...сказать, как Рахметов ∾ «Ты или подлец, или лжец».— Герой романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» (1863) Рахметов, поняв из разговора с собеседником, что тот неискренен с ним, без околичностей заявил: «...вы или лжец, или дрянь!» («Сочинения Н.Г.Чернышевского: Роман ЧТО ДЕЛАТЬ?». СПб.: Издание М.Н.Чернышевского, 1905, с. 276).

...я ∾ тебя ∾ ценил как лучшего друга.— Первоначально вместо «ценил» Есенин написал «ценю».

...стыдны ∾ шаблонные требования, как Бальзамова и карточка. Здесь ∾ все уже направленное к эгоизму.— Письмо Г.Панфилова неизвестно, поэтому можно лишь предположить, скажем, что он потребовал у Есенина вернуть свою фотографию (о ней см. п. 10), а также объяснить причины его разрыва с Бальзамовой (см. коммент. к п. 17).

Теперь уже не дружба, а жалкие шатающиеся останки ∾ Ответа я просить не буду...— Скорее всего, эта размолвка быстро разрешилась к взаимному удовлетворению: ведь в зимних письмах 1913 г. (пп. 17 и 18) Есенин пишет М.Бальзамовой о Г.Панфилове во вполне миролюбивых тонах, а в более позднем письме (п. 19) просит его самого написать И.Павлову. Из этой просьбы явствует, что к тому времени Есенин все-таки познакомил своих друзей — старого и нового — «через письма», чего он хотел еще в начале дек. 1912 г. (см. п. 15).

Облетели цветы ∾ как могила темна.— Третья и четвертая строки стихотворения С.Я.Надсона «Умерла

моя муза!.. Недолго она...» (1885).— «Стихотворения С.Я.Надсона», СПб., 1911, изд. 25-е, с. 101.

17. *М.П.Бальзамовой.* 26 января 1913 г. (с. 28).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 218 (с сокращениями и с неверной датой); полностью — ЕиС, с. 263–264, с ориентировочной датой: «Начало 1913 г.».

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 26.1.13. 54-е гор. почт. отдел.». Принадлежность конверта данному письму установлена по сопоставлению содержания последнего с пп. 13 и 18 и подтверждена совпадением характера почерка письма и надписи на конверте (см. также: Субботин-97, с. 412–413). Кроме того, для пп. 17 и 18 существует дополнительное доказательство правильности атрибуции конвертов, им соответствующих. Во-первых, оба они (в отличие от всех остальных ранних писем Есенина) написаны не на обычной почтовой бумаге, а на бумаге английского производства с водяным знаком, содержащим букву S внутри овала, из которого исходит четыре спиралеобразных линии, расположенные симметрично; ниже знака — «Four Eagles MUI / 1842». Во-вторых, листы бумаги с п. 17 и с п. 18 перед помещением в конверты складывались по-разному: первый — вшестеро, а второй — вчетверо, что полностью соответствует размерам конвертов с почтовыми штемпелями 26.1.13 (137x80 мм) и 9.2.13 (140x110 мм). Первая правильная датировка — Письма, 22.

Я разорвал все твои письма...— Об уничтожении писем Бальзамовой Есенин еще раньше писал Г.Панфилову (см. п. 13, с. 23 наст. тома).

...я написал ему, что между тобой и мной все кончено...— Речь идет о п. 13.

Он ∾ *просил объяснения причины, я ему по сие время не отвечал.*— То есть не отвечал на этот вопрос. Возможно, именно этого ответа требовал Г.Панфилов от Есе-

нина в дек. 1912 г. Ср.: «... стыдны для тебя такие шаблонные требования, как Бальзамова...» (п. 16, с. 27 наст. тома).

В это время ∾ переписка у нас участилась.— Из писем Есенина этого времени (которые, судя по всему, должны были быть обозначены адресатом под №№ 10—15) сохранилось только два — пп. 13 и 14 по нумерации наст. тома, причем первое из них — лишь частично.

...мое письмо, в котором я ему писал...— Далее пересказывается одно из неизвестных писем Есенина Панфилову.

«И скучно и грустно ∾ А годы проходят, все лучшие годы».— Из стихотворения М.Ю.Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» (1840) (Лермонтов М.Ю. Сочинения. Изд. 5-е. М.: А.С.Панафидина, 1912, стб. 139).

...мы разбирали Великого идеалиста Пырикова, нашего друга, который умер 18 лет, 912 г., июня месяца.— На самом деле Д.Пыриков умер 17 мая 1912 г. (справка архива отдела записи актов гражданского состояния администрации Рязанской области от 24.11.1994 г. № 1025, выданная по запросу Н.Д.Чистякова; см. об этом: Чистяков Н. Королева у плетня. [Орехово-Зуево], 1996, с. 29). Письма Есенина о Пырикове 1912 г. также неизвестны; сохранилось только стихотворение «На память об усопшем. У могилы» (см. с. 17 наст. тома), написанное под впечатлением смерти друга.

«Пророк» мой кончен...— Замысел этого произведения возник у Есенина еще летом 1912 г. (см. п. 8); 21 окт. того же года он сообщил М.Бальзамовой: «Начал драму „Пророк“» (с. 22 наст. тома). Текст драмы неизвестен.

18. *М.П.Бальзамовой.* 9 февраля 1913 г. (с. 30).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 218—219 (неполностью, с неверной датой); полностью — ЕиС, с. 264—265, с ориентировочной датой: «Начало 1913 г.».

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 9.2.13. 54-е гор. почт. отдел.». Обоснование принадлежности конверта данному письму см. в коммент. к п. 17. Первая правильная датировка — Письма, 23.

Ты просишь объяснения слов «чего — ...ждем».— Речь идет о цитате из письма Г.Панфилова, приведенной Есениным в п. 17: «Чего мы ждем с тобою, друг; время-то не ждет, можно с громадным успехом увязнуть в мире житейской суеты и разврата» (с. 29 наст. тома).

Ведь ты знаешь, что случилось с Молотовым (герой романа Помялов<ского>*) ∾ окунуться в пошлые радости семейной жизни.—* Здесь вкратце изложена эволюция взглядов героя повести Н.Г.Помяловского «Мещанское счастье» (1861) Егора Ивановича Молотова.

Эх, действительно, что-то скучно, господа!— Неточная цитата из другой повести Н.Г.Помяловского «Молотов» (1861), которая завершается восклицанием: «Эх, господа, что-то скучно!..» (Помяловский Н.Г. Полн. собр. соч. СПб., [1909], т. 1, с. 383).

Начинаю так, чтобы больше тебе написать.— Письмо написано на стандартном линованном листе почтовой бумаги, сложенном вдвое. После того как первая страница была заполнена, Есенин повернул лист на 90° и, раскрыв его полностью, начал писать на обороте поперек линеек, к тому же более мелким почерком.

Ты ошибаешься, что я писал драму в прозе.— Речь идет о «Пророке»; см. п. 17 и коммент. к нему.

Теперь меня опять заставляют его <«Пророка»> *переписать.—* В оригинале вместо «меня» — «мне»; описка Есенина исправлена.

...в «Русском слове» статьи Яблоновского...— Речь идет о С.В.Яблоновском, который регулярно сотрудничал в этой московской газете. Кроме публицистики и отчетов о художественных выставках, журналист иногда печатал отклики и на новые книги стихов (см., напр., его статью

«Мариэтта Шагинян» — газ. «Русское слово», М., 1913, 23 янв., № 19).

...новый друг Исай Павлов...— см. коммент. к п. 13.

...по убеждениям сходен ~ с Панфиловым и мною ~ поклонник Толстого, тоже вегетарианец.— Увлечение учением Л.Н.Толстого началось у Есенина еще во время учебы в Спас-Клепиковской учительской школе. Его соученик Г.Л.Черняев вспоминал: «Наш кружок у Панфилова образовался почти стихийно. <...> Потом, когда ближе узнали друг друга, мы в наших беседах и спорах стали касаться вопросов тогдашней общественной жизни. Читали и обсуждали роман Л.Толстого «Воскресение», его трактат «В чем моя вера?» и другие книги писателя. Мечтали побывать в Ясной Поляне (поездка не состоялась из-за денежных затруднений). Толстовские идеи сильно захватили тогда и Есенина» (цит. по: Прокушев-63, с. 84—85). В Москве он нашел «нового друга» тех же убеждений. Общение с И.Павловым повлекло за собой не только то, что Есенин бросил курить (см. пп. 15 и 20), но и на несколько месяцев (см. п. 21) стал вегетарианцем. В это время (судя по его письмам) он читает литературу по вегетарианству и знакомится с журналом «Вегетарианское обозрение», в котором регулярно публиковались толстовские материалы, связанные с темой «безубойного питания», в том числе его письма (см., напр., «Вегетарианское обозрение», Киев, 1912, № 1, янв., с. 33—34 и др.). В этом журнале участвовали люди теософской направленности; из рекламных объявлений можно было почерпнуть сведения о соответствующих журналах и книгах. По-видимому, именно на страницах «Вегетарианского обозрения» (см. его №№ 1, 3/4, 6 за 1912 г.) Есенин обратил внимание и на книгу С.Вивекананды «Практическая Веданта» (М., 1912), и на журналы «Вестник теософии» и «Бюллетени литературы и жизни» — следы чтения этих изданий можно обнаружить в целом ряде его писем (при-

чем не только 1912—1913 гг., но и более поздних — см. об этом ниже в соотв. коммент.)

Он увлекается моими творениями ∾ и наконец отнес Яблоновскому. Вот я теперь жду, что мне скажут.— Отзыв С.В.Яблоновского о стихах Есенина неизвестен.

Панфилову, я думаю, тебе не следует писать после всего этого...— то есть после не состоявшегося в 1912 г. эпистолярного знакомства М.Бальзамовой с Г.Панфиловым, попытка которого окончилась к тому же раздражительными словами Есенина о ней (см. п. 13). Судя по фразе из п. 17 («Ты могла ответить Панфилову, и то тогда ничего <т. е. временного прекращения переписки Есенина с любимой девушкой> бы не было»), М.Бальзамова оставила присланное ей Г.Панфиловым осенью 1912 г. письмо без ответа.

Стихотворение тебе я уже давно написал, но както написать в письме было неохота. ∾ Ну да ладно. Вот тебе стихотворение.— После этих слов приведено стихотворение «Ты плакала в вечерней тишине...», написанное Есениным после расставания с М.Бальзамовой в июле 1912 г. (оно упоминается в п. 4, с. 10 наст. тома).

Я ∾ не люблю писать письма, читать их люблю.— Это увлечение Есенина нашло отражение в его собственных письмах, где обнаруживаются лексические, фразеологические и др. параллели с письмами русских писателей (А.Кольцова, И.Никитина, А.Чехова и др.). О конкретных аллюзиях см. коммент. к пп. 4, 11, 29, 30, 51, 131.

Марии Парьменовной Бальзамовой.— Так у Есенина. Сходным образом было написано им отчество адресата и на конвертах некоторых других писем (пп. 23—25, 27, 32).

19. *Г.А.Панфилову*. Вторая половина февраля — начало марта (?) 1913 г. (с. 32).— Есенин 5 (1962), с. 98

(с искажениями и с ориентировочной датой: «Февраль-март 1913 г.»).

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется предположительно по содержанию: фраза «Спроси его, *как конкурс?*» (выделено автором) могла быть вызвана задержкой обнародования результатов конкурса молодых стихотворцев имени С.Я.Надсона, которое первоначально было назначено на 1 февр. 1913 г. (о переносе этого срока см. Есенин 6 (1980), с. 241—242; Субботин-97, с. 409, а также коммент. к п. 12).

Забудем прошлое, уставим общий лад.— Строка из басни И.А.Крылова «Волк на псарне» (1812): Крылов И.А. Басни. СПб., 1908, с. 38 (РКлБ, вып. XXXVI).

...сейчас я нахожусь дома.— Т.е. в Константинове. Судя по содержанию письма, это произошло после прекращения работы Есенина в книготорговом товариществе «Культура» (см. об этом коммент. к п. 11).

...Павлов ∾ ты пиши поскорее ему письмо.— См. коммент. к п. 16. О переписке Г.Панфилова и И.Павлова конкретных сведений нет.

Скоро поеду в Рязань.— Дата и цель этой поездки неизвестны.

...ты пропиши Павлову ∾ рад, что его духовный перелом увенчался...— Каких-либо данных, позволивших бы прояснить эти слова, не выявлено.

Присылай наклейку. Я купил Надсона за 2 р. 25 к.— Скорее всего, книга «Стихотворения С.Я.Надсона / Под ред. М.В.Ватсон» (одно из многочисленных 29-ти ее изданий) была приобретена Есениным для Г.Панфилова, который, по-видимому, оплачивал лишь пересылку книги («наклейка», о которой идет речь, должна была помещаться на обертке почтового отправления; это означало, что соответствующий сбор за пересылку взыскан).

Спроси его, к а к к о н к у р с? — Это — приписка, сделанная на втором свободном листе письма. Не вполне ясно, кого из упомянутых в нем людей имеет в виду

Есенин — Е.М.Хитрова или И.Павлова. Между тем об отправке Есениным стихов на конкурс имени Надсона мог знать не только его «новый друг», но и его учитель, систематически читавший стихи Есенина, которые тот показывал ему в школе. Заметим, что конкурс был объявлен 5 мая 1912 г., когда Есенин еще был в Спас-Клепиках и мог поделиться с Е.М.Хитровым своим намерением участвовать в нем.

20. *Г.А.Панфилову*. Между 16 марта и 13 апреля 1913 г. (с. 33).— Прокушев-55, с. 320 (в извлечениях, с ориентировочной датой: «Начало 1913 г.»); полностью — Есенин 5 (1962), с. 92—94 (с той же датой; неточный текст).

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по содержанию: фраза «Недавно я устраивал агитацию среди рабочих, письмом» отсылает к письму «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района члену Государственной Думы Р.В.Малиновскому», подписи под которым были собраны до 16 марта 1913 г. (разыскание Л.М.Шалагиновой; см. наст. изд., т. 7, кн. 2), а фраза «На пасху я поеду домой...» подразумевает праздник, приходившийся в 1913 г. на 14 апр. Возможно, упоминание в тексте письма среди писателей-«праведников» В.М.Гаршина связано с датой 24 марта 1913 г.— днем 25-летия со дня гибели писателя, широко отмеченным в периодике (обзор откликов — в журн. «Бюллетени лит. и жизни», М., 1913, № 15/16, апр., с. 697—699). Если это так, то можно несколько сузить предлагаемый интервал датировки письма (т. е. датировать: «Между 25 марта и 13 апр. 1913 г.»).

По личным убеждениям я бросил есть мясо и рыбу...— Эти убеждения формировались, в частности, под влиянием учения Л.Н.Толстого: см. коммент. к п. 18. Ср. с одним из афоризмов в толстовском «Круге чтения»: «Великая троица проклятий: табак, вино и мясо животных.

От этой ужасной троицы и великие бедствия, и великие разорения» (Круг чтения, 1, 159). Фрагменты первого и третьего томов «Круга чтения» (М.: И.Д.Сытин, 1911—1912), бывших в личной библиотеке Есенина, хранятся в ГМЗЕ.

...я имею симпатию и к таковым людям, как, например ∾ Надсон, Гаршин ∾ но как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасовым — я не признаю. Тебе ∾ известны цинизм А.П<ушкина> ∾ *притеснение дворовых Н.Н*<екрасовым>.— Русские классики охарактеризованы здесь исключительно по некоторым их человеческим качествам, как они тогда представлялись Есенину. Что касается их творчества, то Есенин никогда не посягал на то, чтобы «сбрасывать» классиков с «парохода современности». Ср.: «Из поэтов в период учебы мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину» (из автобиографии 1924 г.— наст. изд., т. 7, кн. 1).

Гоголь — это настоящий апостол невежества, как и назвал его Белинский в своем знаменитом письме.— Точная цитата из письма В.Г.Белинского к Н.В.Гоголю от 15(3) июля 1847 г., где критик, обращаясь к писателю в связи с выходом его книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), восклицал: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете?» (Белинский В.Г. Письмо к Гоголю / С предисл. С.А.Венгерова. СПб.: Светоч, 1905, с. 13). Ср., однако: «Любимый мой писатель — Гоголь» (из автобиографии 1922 г.— наст. изд., т. 7, кн. 1).

А про Некрасова можешь даже судить по стихотворению Никитина «Поэту-обличителю».— В «Полном собрании сочинений И.С.Никитина с крит.— биогр. очерком В.Н.Мирова» (М.: Современное книгоиздательство, [1911]) к заголовку «Поэту-обличителю» была дана сноска: «Это <...> стихотворение направлено против Н.А.Некрасова. Никитина возмутил разлад

между личной жизнью поэта и его общественной проповедью» (стб. 208 указ. изд.). Стихотворение содержит, напр., такие строки:

Нищий духом и словом богатый,
Понаслышке о всем ты поешь
И бесстыдно похвал ждешь, как платы,
За свою всенародную ложь.

(Там же, стб. 209).

...о Бодлере и Кропоткине ∾ мы с тобой поговорим после.— Ни в других письмах Есенина, ни в автобиографиях поэта, ни в известных воспоминаниях о нем эти фамилии не упоминаются.

На пасху ∾ не теряю надежды съездить к тебе...— Встреча друзей тогда не состоялась (см. об этом в начале п. 21).

Недавно я устраивал агитацию среди рабочих, письмом.— Эта фраза впервые была опубликована точно лишь в 1995 г. (Письма, 27); отметим, что запятая в ней — авторская. До этого момента ее окончание печаталось в виде: «... среди рабочих письмами», что допускало приблизительность ее толкования (см., напр., Есенин 5 (1962), с. 309); в Есенин 6 (1980), с. 242—243, она вообще не была пояснена. Из авторской конструкции данной фразы однозначно явствует, что речь идет о вполне конкретном письме. Его копия еще в 1962 г. была обнаружена в архивном фонде Департамента полиции Российской Империи (см.: Шалагинова Л. Письмо пятидесяти и Есенин.— Журн. «Новый мир», М., 1962, № 6, июнь, с. 278—279). Это «письмо пятидесяти» (другое обозначение — «письмо пяти групп сознательных рабочих») было адресовано члену Государственной Думы от РСДРП Р.В.Малиновскому. Оно содержало протест против раскольнической деятельности меньшевистской части фракции РСДРП в Думе; меньшевики систематически блокировали предложения социал-демократов — большевиков.

Его подписали рабочие ряда московских предприятий, в том числе несколько человек из типографии И.Д.Сытина, и среди них — Есенин (полный текст письма — Хроника, 1, 206—207; Письма, 25—26; наст. изд., т. 7, кн. 2). Подробнее о «письме пятидесяти» см.: Прокушев-63, с. 141—145; Хроника, 1, 205—206. Впоследствии Л.М.Шалагинова по архивным документам установила, что сбор подписей под ним был закончен до 16 марта (это, в частности, позволило определить нижнюю границу датировки комментируемого письма, о чем уже говорилось выше).

Я распространял ∾ ежемесячный журнал «Огни»...— Этот журнал выходил в Москве в 1912—1913 гг. (№№ 1—5). Он издавался людьми, с одной стороны, близкими Суриковскому литературно-музыкальному кружку (его официальным редактором значился поэт-суриковец И.И.Морозов), а с другой — литераторами — социал-демократами: его самым активным сотрудником и фактическим редактором был прозаик и публицист Н.Н.Ляшко (Лященко), член РСДРП(б). Об участии Есенина в распространении не только легальных (каковым был журнал «Огни»), но и запрещенных изданий вспоминал один из руководителей кружка Г.Д.Деев-Хомяковский: «Сережа был очень ценен в своей работе на этой фабрике <так здесь названа типография И.Д.Сытина> не только как работник экспедиции, но и как умелый и ловкий парень, способствовавший распространению нелегальной литературы» (Восп., 1, 148).

После пасхи я буду там помещать свои вещи.— В апреле издание журнала «Огни» было прекращено; о причинах его закрытия и аресте Н.Н.Ляшко см.: Есенин 6 (1980), с. 242—243. Стихи Есенина в «Огнях» так и не успели появиться.

...напиши другую наклеечку. Если ты ее посылал в том письме, то ∾ она, вероятно, уже сгинула.— Это место, без сомнения, связано со словами: «Присылай на-

клейку» из п. 19; отсюда, в частности, явствует, что ответ Панфилова на это письмо Есенина до адресата не дошел.

Гриша, напиши, что ты там затевал творить.— Произведения Г.Панфилова неизвестны.

...стихотворение ∾ *Корецкого, очень хорошее по мысли.*— Далее приводится (с неточностью в первой строке) полный текст стихотворения Н.В.Корецкого «Ночная фиалка» (1908?). Его автор был издателем роскошно иллюстрированного литературного журнала «Пробуждение» (СПб.), в приложениях к которому отдельными книжками выходили сборники стихов и переводной прозы. Факсимиле автографа стихотворения «Ночная фиалка» было помещено под фотографией Н.В.Корецкого, которая открывала его сборник «Песни ночи. Стихотворения», выпущенный как бесплатное приложение к девятому номеру журнала «Пробуждение» за 1912 г.

21. *Г.А.Панфилову.* 23 апреля 1913 г. (с. 35).— Есенин 5 (1962), с. 99—102 (с неточностями).

Печатается по автографу (РГБ).

...извиняюсь ∾ *за свое неисполненное обещание...* — приехать к Г.Панфилову в Спас-Клепики в пасхальные дни (см. п. 20).

Я человек, познавший Истину ∾ *Я есть ты. Я в тебе, а ты во мне.*— Здесь и ниже отразилось увлечение Есенина идеями теософии и необуддизма, бывшими весьма популярными в России в начале XX века: «„Я есмь Ты и Ты еси Я“. В этом истинная природа человека — признайте ее, проявляйте ее»,— говорил Свами Вивекананда в своей речи «Бог и Человек» (пер. в кн.: Наживин И. Голоса народов. М., 1908, вып. 1, с. 73—74; см. также эту речь в: Веданта, 59). Ср. также с изложением содержания Веданты в «Бюллетенях лит. и жизни» (М., 1912, № 2, сент., с. 57—60), которым открывается указанный номер журнала.

То же хотел доказать Христос, но почему-то обратился ∾ *ко Отцу, да еще небесному...*— Речь идет о словах Христа: «...как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино...» (Иоанн. XVII, 21).

Люди ∾ *не из вас ли вышли Христы* ∾ *Разве я при воле не могу быть Христом...*— Ср.: «Веданта <...> говорит: „Вот идеал: „Это — ты“. „Ты есть Бог“» (Веданта, с. 7); «...чувствуй, как Христос, и ты будешь Христом, чувствуй, как Будда, и ты будешь Буддой» (там же, с. 23).

...у всего должны причины являться следствием. Без причины не может быть следствия, и без следствия не может быть причины.— Из этих слов обнаруживается знакомство Есенина с первой теософской книгой, изданной в России — «Свет на пути: Из древнего индусского писания „Книга золотых правил“ / Пер. с англ. Е.П.; Учение о Карме / Сост. Е.П.» (М.: Посредник, 1905). Ср.: «В мировой деятельности все связано со всем, все находится во взаимной зависимости и все стремится к единой цели. Каждое действие во вселенной есть результат предшествующей причины и в то же время — причина последующего действия. Получается непрерывная цепь причин и действий, которые в осуществлении являют жизнь Вселенной. Отсюда — значение Кармы как *закона причинности*» (указ. кн., с. 44; выделено в источнике). Заметим, что переиздание второй части этой книги (Калуга, 1911) вышло под заголовком «Закон причин и последствий, объясняющий человеческую судьбу (Карма)».

...приходится ∾ *молиться за своих врагов.*— Ср.: «А Я говорю вам: любите врагов ваших <...> и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. V, 44).

...люби и жалей людей — и преступников ∾ *и праведников* ∾ *обнаруживай ласкою жизненные болезни людей. Не избегай сойти с высоты...*— Ср.: «Одно необходимо <...> — не смотреть с презрением на других, так как все мы идем к одной и той же цели. <...> Все

едино: мысль, жизнь, душа и тело. Единственное различие в степенях развития. Мы не имеем потому никакого права смотреть с презрением на тех, кто не находится на одной с нами ступени. Не осуждай никого; наоборот, пользуйся оказать помощь каждому и делай это охотно...» (Веданта, 13—14).

Все люди — одна душа.— Ср.: «...в мире может быть только одна душа. Таким образом, Человек действительный есть Единый, Бесконечный вездесущий Дух...» (Веданта, 56).

...переж<ивая> *некоторые ступени...*— Конъектура, введенная в этом месте текста еще при первой публикации, в наст. изд. сохранена. В автографе — явное искажение («пережовыя»).

...мудрость, удел немногих избранных, не может быть мудростью. Всякий мудрый и всякий умен по-своему...— Ср.: «Не думай, чтобы мудрость представляла из себя свойство только особенных людей. Мудрость необходима всем людям и потому свойственна всем людям» (Круг чтения, 1, 89).

Живи так, как будто сейчас же должен умереть...— Похожая мысль есть у Л.Н.Толстого: «...живи так, как будто ты знаешь, что должен скоро умереть» (Круг чтения, 1, 102). Ср. также с эпиграфом к гл. XV («Ответственность») книги С.Смайльса «Долг (Нравственные обязанности человека) / Пер. с англ. С.Майковой» (СПб., 1901, с. 352): «Учись так, как будто тебе предстоит жить вечно; живи так, как будто тебе предстоит умереть завтра». «Долг» С.Смайльса был в личной библиотеке Есенина; теперь эта книга с его владельческой надписью находится в архивохранилище печатных изданий РГАЛИ (№ 788а/33764).

...где альфа, там и омега, а где Начало, там и конец.— Ср.: «Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь...» (Откр. I, 8).

Злобою сердце ∾ да радости мало.— Приведенное по памяти седьмое двустишие из поэмы Н.А.Некрасова «Саша» (1855): у Некрасова вместо «томиться» — «питаться» («Полное собрание стихотворений Н.А.Некрасова в двух томах. 10-е изд.», СПб., 1909, т. 1, с. 103).

И нет пределам земной радости.— Вместо «пределам» здесь по смыслу должно быть: «предела» (или «пределов»), то есть Есенин допустил описку.

Облетели цветы ∾ как могила темна.— См. эту же цитату из Надсона в п. 16 (с. 28 наст. изд.).

22. *М.П.Бальзамовой.* Между маем и декабрем 1913 г. (с. 39).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 219 (в сокращении); полностью — ЕиС, с. 261–263.

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется предположительно по содержанию и анализу почерка (см. подробнее: Субботин-97, с. 417).

Текст письма имеет отчетливые переклички с материалами из теософской периодики, прежде всего, со словом председателя Смоленского христианского теософского общества А.С.Келлэта, которое было произнесено 16 окт. 1912 г., а затем опубликовано в марте-апр. 1913 г. московским журналом «Изида» (№ 6 и № 7) под заголовком: «Чистая жизнь — путь к счастью» (ниже сокращенно — Келлэт, с указанием страницы журнала).

Жизнь — это глупая шутка.— Отзвук стихотворения М.Ю.Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» (1840), встречающийся и в других письмах Есенина того времени (напр., п. 17, с. 29 наст. тома).

Люди нашли идеалом красоту и нагло стоят перед оголенной женщиной ∾ и разражаются похотью. ∾ Так вот она, любовь! Вот чего ждут люди ∾. «Наслаждения, наслаждения!» — кричит их бесстыдный ∾ дух. Люди все — эгоисты. ∾ Каждый ∾ желает, чтобы все ∾ доставляло ему то животное чувство — наслаждение.— Ср.: «Что человек делает из нее <любви>?!..

Из этой мировой силы, данной миру и человеку <...> как единственный двигатель и источник всякой жизни (физической и психической) и как единственное средство духовного подъема и развития духовных сил,— человек сделал *только средство наслаждения, удовольствия и угождения собственного эгоизма.*

Всякие проявления страсти и даже чувственности человек называет любовью. В такой „любви“ он стремится только к обладанию и в этом видит он цель любви.

Ту же самую цель видит и всякое животное!» (Келлэт, с. 12; выделено автором).

...есть люди, которые ∾ *не могут* ∾ *без отвращения смотреть на дикие порывы человечества к этому наслаждению.* ∾ *увядают эти белые чистые цветы среди кровавого болота, покрытого всею чернотой и отбросами жизни.*— Ср.: «Когда <...> видишь порнографию во всех видах, разжигающую самую низменную чувственность, становится больно и страшно. Видишь внутренним зрением, как затаптываются душистые цветы в молодых душах, как грязнится свежая красота невидимого сада...» (журн. «Вестник теософии», СПб., 1908, № 5/6, 7 мая — 7 июня, с. 90; подпись: Друг читателя).

...я ∾ *брошусь из своего окна и разобьюсь* ∾ *об эту пеструю* ∾ *мостовую.*— Это место есенинского письма имеет лексическое сходство с письмом другого автора, опубликованным в «Вестнике теософии»: «Другой жилец видит *из своего окна* <...> кипучую шумною жизнью площадь большого <...> города <...> на площади идет сложная и *пестрая* суета <...>. От этой *пестрой* картины в открытое окно доносятся оглушительные шумы...» (журн. «Вестник теософии», СПб., 1909, № 1, 7 янв., с. 84; подпись: Друг читателя; выделено комментатором).

23. *М.П.Бальзамовой.* 29 мая 1913 г. (с. 41).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 217.

Печатается по автографу (ГМЗЕ), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Москва, 29.5.13. 54-е гор. почт. отдел.».

Датируется по этому штемпелю.

Моя просьба осталась тщетною. ∾ *Конечно, Вам низко* ∾ *написать было 2 строчки* ∾ *В квартиру Диакона Бальзамова.*— Очевидно, Есенин незадолго до этого послал М.Бальзамовой письмо (ныне не известное). Не дождавшись ответа, он отправил комментируемое *открытое* письмо по адресу ее отца — Пармена Степановича Бальзамова.

Скорее всего, именно это последнее обстоятельство привело к конфликту между молодыми людьми, отразившемуся в пп. 25 и 27, а также, по-видимому, и в невыявленных есенинских письмах, ушедших из Москвы в Рязань 8 и 22 июня 1913 г. (их конверты хранятся в ГМЗЕ). См. также коммент. к пп. 24, 25 и 27.

24. *М.П.Бальзамовой.* 1 июня 1913 г. (с. 41).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 215 (неполностью, с неверной датой); полный текст — ЕиС, с. 266—267, с ориентировочной датой: «Весна 1913 г.».

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 1.6.13. 54-е гор. почт. отдел.», ибо почерк на конверте и почерк самого письма тождественны (см. об этом: Субботин-97, с. 416), а также по содержанию (связь фразы: «Благодарю за карточку-открытку. Я получил ее» — со словами из п. 25: «Карточку не намерен задерживать и возвращаю сейчас же по твоему требованию»).

Является ответом на ожидавшееся Есениным письмо М.Бальзамовой, полученное им, очевидно, на следующий день после отправления в Рязань «сердитой» открытки (предыдущего письма).

Как грустно мне ∾ пора любви!— Эпиграфом к письму являются строки из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 7, строфа II — Пушкин 1917, стб. 744). Пунктуация Есенина сохранена.

Думаешь ли ты опять в Калитинку на зимовку? — 25 мая 1913 г. М.Бальзамова подала в Рязанскую уездную земскую управу прошение о предоставлении ей места в одной из земских школ, ссылаясь на свое тяжелое материальное положение на службе в Калитинской церковно-приходской школе: «...труд мой на занимаемой должности оплачивается слишком скудно (15 руб. в месяц)» (Государственный архив Рязанской обл.; цит. по: Панфилов, 2, 251, с поправкой по подлиннику). Но эта просьба не была тогда удовлетворена — об этом можно судить по «калитинскому» адресу Бальзамовой, надписанному Есениным на конверте с почтовым штемпелем «10.12.13» (см. п. 32 на с. 55 наст. тома). Лишь в 1914—1915 учебном году она стала учительницей в другом рязанском селе — Мощены: именно туда было послано есенинское письмо с почтовым штемпелем на конверте «29.10.14» (п. 37).

Почему ты не открылась мне тогда, когда плакала? — Есенин вспоминает прощание с любимой девушкой в июле 1912 г., о котором говорится и в самом первом письме его к ней (п. 4). Стихотворение, написанное тогда юным поэтом, начинается строкой: «Ты плакала в вечерней тишине...» (см. с. 31 наст. тома).

Ну, как приняла письма мои г-жа Сардановская.— Письма Есенина к А.Сардановской 1913 года неизвестны.

Я посылал им письмо...— Возможно, одно из есенинских писем было адресовано одновременно и Анне, и Серафиме Сардановским. Оно неизвестно.

На квартире...— Этими словами начинается новая страница письма, у верхней кромки которой (по ее центру) написано: «Отрывчатые мысли», а затем эти слова взяты в рамку. Никакого отношения к содержанию письма они не имеют. Скорее всего, Есенин взял бумагу для письма,

забыв об этой помете, а когда увидел ее — переписывать письмо не захотел; однако помету оставил незачеркнутой.

...я теперь в № 13.— Переселение Есенина из одиннадцатой в тринадцатую квартиру в доме № 24 по Б.Строченовскому пер., возможно, было связано с очередной размолвкой с отцом, происшедшей в то время (см. о ней п. 26). В нояб. 1913 г. Есенин вновь живет в одиннадцатой квартире (сведения сообщены Л.М.Шалагиновой; содержатся в одном из документов негласного полицейского надзора за Есениным — ГАРФ).

Благодарю за карточку-открытку. Я получил ее.— Вскоре М.Бальзамова потребовала свою фотографию обратно (см. след. письмо — п. 25).

Я уж было разочаровался в получении вести от тебя... — и отправил открытку (п. 23), послужившую поводом к бурным взаимным объяснениям (и обвинениям) июня 1913 г., о которых (к сожалению, лишь частично) можно судить по пп. 25 и 27 (с. 44 и 46 наст. тома).

Последнее время пишу поэму «Тоска»...— Произведение неизвестно.

...как мимолетное виденье. — Слова из стихотворения А.С.Пушкина «К*** („Я помню чудное мгновенье...“; 1825)», адресатом которого была А.П.Керн.

25. *М.П.Бальзамовой.* 12 июня 1913 г. (с. 44).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 220 (с неверной датой).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 12.6.13. 54-е гор. почт. отдел.», так как почерк письма и почерк, которым написан адрес, тождественны (см.: Субботин-97, с. 416), а также по содержанию в сопоставлении с п. 24 (см. предыдущий коммент.).

Карточку не намерен задерживать...— См. коммент. к п. 24.

Относительно свидания ∾ может быть, ты и не ошибаешься, что «никогда»...— В письме от 1 июня

1913 г. Есенин высказал пожелание навестить М.Бальзамову в Калитинке (с. 42 наст. тома). Это письмо пришло в Рязань уже после получения там «сердитой» открытки от 29 мая; неудивительно, что на предложение Есенина о встрече было отвечено: «Никогда».

Сердце тоскою ∾ да радости мало.— Переиначенные строки из Н.А.Некрасова; см. о них в коммент. к п. 21.

Стихотворение Надсона...— Цитировано и в других письмах Есенина; см., напр., о нем в коммент. к п. 16.

26. *Г.А.Панфилову.* 16 июня 1913 г. (с. 45).— Прокушев-55, с. 323 (неполностью); полный текст — Есенин 5 (1962), с. 102—103.

Печатается по автографу (РГБ), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Москва, 16.6.13. 54-е гор. почт. отдел.».

Датируется по этому штемпелю.

Была великая распря! Отец все у меня отнял...— Ни причина, ни подробности этой «распри» неизвестны.

27. *М.П.Бальзамовой.* 20 июня 1913 г. (с. 46).— Газ. «Рязанские ведомости», 1997, 3 окт., № 111/112 (публ. Л.А.Архиповой; дата — «1913 г.»).

Печатается по автографу (письмо — частное собрание, г. Москва; конверт — ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 20.6.13. 54-е гор. почт. отдел.». Принадлежность конверта комментируемому письму определена по совокупности палеографических признаков (характер почерка на конверте и в письме; размер конверта и бумаги, на которой оно написано; способ, которым был сложен лист с письмом для вкладывания в конверт) с учетом системного анализа почерка всех рукописей Есенина 1911—1913 гг. (см. об этом: Субботин-97, с. 415—417), а также слов: «Начиная после рождества...» (т. е. после

25 дек. 1912 г.), подтверждающих год написания письма (1913).

Письма мои вовсе не составят тебе моего миросозерцания ∾ *о чем-либо серьезном говорить с тобой я не имел надобности.*— В самом деле, известные ныне письма Есенина любимой девушке (в отличие от его писем Г.Панфилову) не содержат сведений мировоззренческого плана. Ни слова не написал ей Есенин и о своем участии в нелегальной деятельности. Любовные же излияния в них он (находясь в июне 1913 г. в постоянном нервном возбуждении из-за разногласий с отцом и М.Бальзамовой) вполне мог расценивать как «пустую болтовню».

Поменее бы тебе доверяться Симам и Марусям и читать каждому мои письма...— О С.Сардановской см., напр., п. 11; кто такая Маруся — не установлено. О том, что его интимные высказывания стали известны подругам М.Бальзамовой, Есенин мог узнать (или понять) как из писем к нему сестер Сардановских, так и из слов самой Бальзамовой. Конкретных сведений на этот счет нет: все эти письма неизвестны.

28. *М.П.Бальзамовой.* Первая половина сентября 1913 г. (с. 47).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 216 (неполностью, с неверной датой); полный текст — ЕиС, с. 269—271 (с неточностями и неверной датой).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется из следующих соображений: 1) год и время написания письма устанавливаются по словам: «Слыхала ль ты про поэта Белоусова <...>; я с ним знаком...», поскольку из воспоминаний В.Е.Воскресенского известно, что это знакомство состоялось осенью 1913 г. (Субботин-97, с. 414); 2) осенний месяц, когда было написано это письмо — это сентябрь, поскольку 23 сент. 1913 г. начались занятия в Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского, куда Есенин поступил на историко-философское отделение (см. п. 30); здесь же он

пишет, что продолжать учебу не намерен; 3) из полицейских донесений о Есенине (ГАРФ) известно, что ему была продлена прописка в Москве 18 сент. 1913 г. (установлено Л.М.Шалагиновой). Продление было невозможно без получения паспорта на родине, так что до 18 сент. Есенин, несомненно, выезжал в Константиново. Таким образом, фраза в комментируемом письме: «*Я же не намерен никуда поступать...*», в сочетании с приведенными фактами, позволяет заключить, что оно написано в сент. 1913 г., после встречи с И.А.Белоусовым, но до выезда в Константиново за паспортом,— то есть, по крайней мере, до 16 сент. 1913 г.

То ты пишешь, что не можешь дать своей фотографии, потому что вряд ли мы увидимся...— См. п. 25 и коммент. к нему.

...то ссылаешься на то, что надо продолжить.— Очевидно, в письме, на которое отвечает здесь Есенин.

На курсы я тебе советую поступить...— Из последующего текста явствует, что М.Бальзамова написала Есенину, что хочет продолжить свое профессиональное образование.

«*СИМА*» — С.Сардановская, которая, судя по предшествующим словам Есенина, стала учительствовать после обучения на соответствующих курсах (с 1907 г. она работала в Солотче, под Рязанью — ЕиС, с. 250).

Я же не намерен никуда поступать...— Тем не менее, спустя короткое время Есенин становится студентом университета им. А.Л.Шанявского. Эти же его слова, судя по всему, были написаны, когда решение о продолжении образования еще не было принято.

Печатать я свои произведения отложил ∾ *не вышли в свет...*— О каких произведениях идет речь и где они предполагались к опубликованию, неизвестно. Ср., однако, с фразой из п. 29: «Я дожидался, чтобы послать тебе вырезку *из газеты*...» (выделено комментатором).

...так как я решил ждать критика Измайлова... — Это первое и единственное в известных письмах Есенина прямое упоминание имени А.А.Измайлова — литературного критика и публициста, который в те годы регулярно печатал в московской газете «Русское слово» и в петербургской газете «Биржевые ведомости» критические и обзорные статьи о текущей литературе. Судя по некоторым есенинским письмам (см. ниже коммент. к пп. 30 и 36), юный поэт был в 1913 г. внимательным читателем статей Измайлова. Решение Есенина отложить выход в свет своих произведений до возвращения критика из поездки вполне могло быть связано с сильным позитивным впечатлением от четырехчастного обзора современной русской поэзии, данного Измайловым на страницах Бирж. вед. в авг. 1913 г. В этом обзоре были проанализированы стихотворные сборники Н.Клюева (8 и 9 авг.), С.Городецкого и Б.Садовского (23 авг.), О.Мандельштама, А.Рославлева, В.Эльснера (30 авг.).

Слыхала ль ты про поэта Белоусова ∾ я с ним знаком, и он находит, что у меня талант... — И.А.Белоусов, многолетний член Суриковского литературно-музыкального кружка, после гибели Есенина вспоминал о первой встрече с ним: «Передо мной стоит скромный белокурый мальчик, и до того робкий, что боится даже присесть на край стула,— стоит, молча, потупившись, мнет в руках картузок. Его привел ко мне <...> репетитор моих детей — Владимир Евгеньевич Воскресенский — „вечный студент“ Московского университета, народник, служивший корректором при типографии Сытина.

— Я к вам поэта привел,— сказал Воскресенский и показал несколько стихотворений,— это вот он написал, Сергей Есенин!..

Не помню, какие стихи он принес. Но я сказал поэту несколько сочувственных слов. А молодой поэт стоял, потупившись, опустив глаза в землю» (в сб. «Памяти Есенина», М., 1926, с. 138).

Организовавший эту встречу В.Е.Воскресенский писал в связи с ней в своих воспоминаниях (15 янв. 1926 г.):

«С образом Сережи Есенина для меня связана недолгая, мимолетная, но яркая полоса моей жизни, когда я впервые встретился с ним, чистым физически и душевно семнадцатилетним юношей в корректорской И.Д.Сытина, на Валовой, в Замоскворечье. Это было в 1913-ом году. <...> Позднее, уже осенью того же года, когда мне пришлось уйти из корректорской, но я по-прежнему часто виделся с Сережей, он однажды решил поделиться со мною своими первыми стихотворными опытами. <...> Не все было понятно, многое резало мне ухо в первых стихотворениях Есенина. Несмотря на это, мне показалось, что я почувствовал живую струю в том, что с большим воодушевлением читал мне сам молодой поэт. И вот однажды, несмотря на его робость и отнекивания, я уговорил его побывать вместе со мною у одного более или менее опытного литератора и человека с большими тогда литературными связями <...>,— у поэта и переводчика Шевченко Ивана Алексеевича Белоусова. Вся моя политика была направлена к тому, чтобы оставить Сережу с Белоусовым наедине и дать им возможность столковаться между собою. Сам я старался быть в стороне. <...> На обратном пути от Белоусова, на длинном пути от Семеновской заставы до Замоскворечья, Сережа молчал; я спрашивать его о чем-нибудь не находил удобным. Что они говорили, к чему они пришли,— я не знаю» (цит. по: Субботин С.И. Полный жизни и света (Сергей Есенин в 1913 году: неизвестные воспоминания) — газ. «Голос», Рязань, 1994, 6—12 янв., № 1, с. 5).

...пришлю тебе стихотворение «Метеор»...— Его текст неизвестен.

Как-нибудь ∾ *но мне не нравится.*— Приписано на первой странице письма.

Фотографию ∾ *просить я не буду.*— Приписано на третьей странице письма.

Я смело решил ∾ *удел терпенья.*— Приписано на четвертой странице письма.

29. *Г.А.Панфилову.* Первая половина (?) сентября 1913 г. (с. 50).— Прокушев-55, с. 322 (неполностью, с ориентировочной датой: «Конец 1913 г.»); полный текст, с той же датой — Есенин 5 (1962), с. 108—109.

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется предположительно по сопоставлению с п. 28: имеющиеся в его тексте места, параллельные местам комментируемого письма (см. об этом ниже) показывают, что оба они написаны примерно в одно и то же время — незадолго до поступления Есенина в Московский городской народный университет им. А.Л.Шанявского.

Я все дожидался ∾ *это еще немного продолжится.*— Ср.: «Печатать я свои произведения отложил со второй корректуры, <...> так как я решил ждать...» (п. 28).

...я зарегистрован в числе всех профессионалистов...— В регистрационной карточке, заведенной на Есенина московской охранкой (факсимиле — Хроника, 1, второй вкл. л. между с. 64 и 65) значатся номера документов, зарегистрированных в Департаменте полиции в конце марта 1913 г. Эти документы были связаны с розыском лиц, подписавших «письмо пятидесяти» (см. о нем коммент. к п. 20). Точная дата заполнения карточки на Есенина неизвестна. Неясно также, откуда он мог знать о том, что «прошел регистрацию» в охранке.

...у меня был обыск, но пока все кончилось благополучно.— Многолетние разыскания документов об обыске у Есенина, проводившиеся ст. научн. сотр. Государственного архива Российской Федерации (бывш. ЦГАОР) Л.М.Шалагиновой, не дали результатов. Возможно, эти документы не сохранились. Но возможно и другое — ведь обыск производился на квартире, где, кроме Есенина,

жили и другие люди, и главным его объектом мог быть не Есенин, а кто-то из его соседей по квартире, о ком и следует искать официальные бумаги. Если бы обыскивали самого Есенина, документы охранного отделения об этом акте непременно должны были быть отмечены в его персональной регистрационной карточке. Между тем, соответствующих помет в ней нет.

Этот вопрос пока остается непроясненным.

Живется мне тоже здесь незавидно. Думаю во что бы то ни стало удрать в Питер.— Намерение Есенина уехать в северную столицу осуществилось лишь в марте 1915 г.

Москва не есть двигатель литературного развития.— Ср.: «Сейчас в Москве из литераторов никого нет» (п. 28). Ср. также: «Москва в литературной жизни совсем устарела, выжилась» (из письма А.В.Кольцова В.Г.Белинскому от 27 янв. 1841 г.— Кольцов 1911, с. 241).

Здесь нет ни одного журнала. ∾ Есть, но которые только годны на помойку, вроде «Вокруг света», «Огонек».— В журнале «Огни», который распространялся Есениным весной 1913 г. (см. п. 20), была помещена статья Н.Ляшко (за подписью: В.Черный) под оценочным заголовком «Труха: (журналы „Огонек“, „Солнце России“, „Всемирн. панорама“, „Синий журнал“ и т. д.)» (1912, № 2, дек., с. 28). Спустя несколько месяцев эта оценка «мелких современных журналов» (Н.Ляшко) нашла отзвук в комментируемом суждении Есенина — возможно, подкрепленная уже собственным отрицательным опытом обращения в редакцию какого-то из них. Заметим, что «Огонек» выходил тогда не в Москве, а в Петербурге.

Читал ли ты роман Ропшина «То, чего не было» ∾ мальчишество революционеров ∾ они отодвинули свободу лет на 20...— Этот роман, автором которого был известный эсер-террорист Б.В.Савинков (псевд.—

В.Ропшин), печатался в петербургском журнале «Заветы» (1912, №№ 1—8; 1913, №№ 1, 2, 4). Он был посвящен деятельности революционеров-террористов во время революции 1905 г. и после ее поражения. По существу, оценка Есенина перекликается с заключительными строками романа «То, чего не было», в которых описывается, как один из его героев «увидел Русь необозримых, распаханных, орошенных по́том полей, Русь заводов, фабрик и мастерских, Русь не студентов, не офицеров, не программ, не собраний, не Комитетов <...>,— трудовую, непобедимую, великую Русь. И сразу стало легко. Он понял, что и чиновничий Комитет, и хулиганство, и провокация, и бессильные баррикады, и дерзость Володи, и преданность Ипполита, и мужество Александра, и сомнения Андрея <названы имена героев романа>,— только пена народного моря, только взбрызги мятущихся волн. Он понял, что ни министры, ни комитеты не властны изменить ход событий, как не властны матросы успокоить бушующий океан. И он почувствовал, как на дне утомленной души чистым пламенем снова вспыхнула вера,— вера в народ, в дело его освобождения, в обновленный, на любви построенный мир. Вера в вечную правду» (журн. «Заветы», СПб., 1913, № 4, с. 48, 1-я пагинация).

...біс с ними ∾ на энтом світи.— В письме Есенин написал слова «бес» и «свет» на украинский манер.

Карточку давай сюда!!! — Это эмоциональное восклицание, без сомнения, относится к фотографии друга, которого Есенин не видел больше года.

30. *Г.А.Панфилову*. После 23 сентября 1913 г. (с. 51).— Прокушев-55, с. 321—322 (неполностью; с датой: 1913 г.); полный текст — НС, 1962, № 4, с. 184—185 (публ. Е.А.Динерштейна; с неточностями и датой: «Окт.-нояб. 1913 г.»).

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по содержанию: Есенин извещает друга о своем поступлении в Московский городской народный университет им. А.Л.Шанявского, занятия в котором начались в тот год 23 сент. (газ. «Русское слово», М., 1913, 22 сент., № 220, с. 6, заметка без подписи «Университет Шанявского»).

Сбейте мне цепи ∾ свободу любить.— Возможно, это собственная есенинская вариация припева песни неизвестного автора «По пыльной дороге телега несется...», бытовавшей с 1870-х гг. в революционно-народнической среде. Ср.:

Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить.

(Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. В.Е.Гусева. М.; Л., 1965, с. 911.— Библиотека поэта, большая серия).

Тебе ничего ∾ не видно ∾ в углу твоего прекрасного далека.— Отзвук слов из поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души»: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...» (Гоголь II, с. 470). См. также письмо В.Г.Белинского к Н.В.Гоголю от 15(3) июля 1847 г.: «Вы <...> столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека...» (Белинский В.Г. Письмо к Гоголю / С предисл. С.А.Венгерова. СПб.: Светоч, 1905, с. 10). Ср., кроме того, с названием одного из тогдашних московских тонких журналов — «Прекрасное далеко» (выходил в 1912—1915 гг.)

...на устах моих печать...— Парафраза заключительной строки первой части стихотворения М.Ю.Лермонтова «На смерть поэта» (1837): «И на устах его печать» (Лермонтов М.Ю. Сочинения, изд. 5-е. М.: А.С.Панафидина, 1912, стб. 118).

Гонима, Русь ∾ гордый Билеам ∾ твоим ослам.— Цитированы (по памяти) строки стихотворения Вл.С.Соловьева «Своевременное воспоминание» («Израиля ведя стезей чудесной...»). Это стихотворение получило широкое распространение среди русской читающей публики после того, как А.А.Измайлов (в рецензии на кн. «М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке», СПб., 1913, т. 5) привел его целиком (см.: Измайлов А. Последние исполины.— Бирж. вед., 2-е изд., 1913, 17 авг., № 192). Есенин, без сомнения, впервые прочел эти стихи в статье критика. Билеам — библейский пророк Валаам, ослица которого заговорила (Числа, XXII, 28—30).

Жизнь — это действительно «пустая и глупая шутка».— См. первое предложение п. 22 и коммент. к нему.

Ты, вероятно, получил ∾ письмо от моего ∾ батюшки...— Письмо А.Н.Есенина Г.Панфилову неизвестно.

...я же писал тебе: перемени конверты и почерк.— В ныне известных письмах Есенина к другу таких или похожих слов нет.

За мной следят ∾ был обыск...— См. коммент. к п. 29. Добавим здесь, что в карточке наблюдения, заведенной московской охранкой на Есенина не ранее 1 нояб. 1913 г. (ГАРФ; выявлена Л.М.Шалагиновой) графа «Аресты и обыски» не заполнена.

...от сих пашей и их всевидящего ока не скроешь и булавочной головы.— Парафраза строк стихотворения «Прощай, немытая Россия...», опубликованного в 1887 г. П.А.Висковатым (по копии за подписью М.Ю.Лермонтова) и с тех пор считающегося лермонтовским; см.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 452. Ср.: «Быть может, за хребтом Кавказа // Укроюсь от твоих пашей, // От их всевидящего глаза...» (Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений под ред. Д.И.Абрамовича. СПб., 1910, т. II, с. 337).

Письма мои кто-то читает, но с большой аккуратностью, не разрывая конверта.— Имеется в виду: «письма ко мне». Материалы Департамента полиции и Московского охранного отделения по перлюстрации переписки на территории Российской империи, изученные до сих пор, пока не принесли подтверждения того, что письма к Есенину перлюстрировались (сообщено Л.М.Шалагиновой). Судя по содержанию комментируемого письма, оно было послано в Спас-Клепики не по почте.

Тяжело на душе, злая грусть залегла.— Переиначенные строки из стихотворения А.В.Кольцова (см. коммент. к пп. 4 и 10).

...а я и не видал его <лета> *за стеной типографии.*— Это первое упоминание Есениным места своей работы в известных ныне письмах 1913 г.

...причисляют к героям мещанского счастья...— Аллюзия на заглавие повести Н.Г.Помяловского, о которой см. п. 18 (с. 30 наст. тома) и коммент. к нему.

Жизнь невеселая ∾ *бедная, движется.*— Вариация строк из стихотворения И.С.Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...» (1860):

Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь молчаливая,
Горько она, моя бедная, шла...

(Никитин 1911, стб. 218).

Да, я частенько завидую твоему другу Пырикову. ∾ *боги* ∾ *судили ему умереть молодым.*— О Д.Пырикове см. пп. 1, 12 и 17 и коммент. к ним.

Как хорошо закатиться звездой пред рассветом...— Здесь и выше — отзвук первых строк стихотворения М.Лохвицкой: «Я хочу умереть молодой // <...> // Золотой закатиться звездой...» (Лохвицкая (Жибер) М.А. Стихотворения. Т. III. 1898–1900. СПб., 1900, с. 32).

См. также коммент. к статье Есенина «Ярославны плачут» (наст. изд., т. 5, с. 414—415).

Ах ты, ноченька, ∾ ночь осенняя! — Начало народной песни «Ноченька» (текст см., напр., в кн. «Мой костер в тумане светит / Новейший песенник», М.: П.В.Бельцов, 1913, с. 20).

Поступил в университет Шанявского...— и прослушал там лекции по русской (и зарубежной?) литературе в течение полутора лет (в 1913—1914 и в первом полугодии 1914—1915 уч. гг.).

...но со средствами приходится скандалить.— Все поступающие в университет должны были предварительно оплатить обучение; слушание всех лекций полного цикла стоило 40 руб. в год (см.: «Московский Городской Народный Университет имени А.Л.Шанявского. 1913—1914 академический год», М., 1913, с. 30).

Я не знаю, что ты там засел в Клепиках ∾ Здесь хоть поговорить с кем можно и послушать есть чего.— Очевидно, общение со студентами университета изменило отношение Есенина к его московскому бытию в лучшую сторону, ибо совсем незадолго до этого он писал: «Живется мне... здесь незавидно. Думаю... удрать в Питер» (п. 29).

...Все мошенники и подлецы. ∾ Так говорил Собакевич.— Пересказ (по памяти) слов Собакевича из поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души»: «... это всё мошенники <...>. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек — прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья» (Гоголь II, 387).

31. *Г.А.Панфилову.* Между 3 и 7 ноября 1913 г. (с. 54).— Прокушев-55, с. 322 (не датировано).

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по содержанию (см. ниже).

Арестован<о> 8 челов<ек> товарищей. За прошлые движения, из солидарности к трамвайным рабо-

чим...— В фонде Московского охранного отделения (ГАРФ, ф. 63) хранится дело «О лицах, задержанных 23 сентября 1913 г. в связи с забастовочным движением и демонстрациями» (оп. 33 (1913), д. 1020), документы которого позволяют полностью объяснить, что́ стоит за словами Есенина.

23 сент. 1913 г. рабочие сытинской типографии поддержали забастовку трамвайных рабочих, преградив путь трамваю, который вел вагоновожатый-штрейкбрехер. Для разгона этой демонстрации была вызвана полиция, арестовавшая некоторых ее участников, в том числе двух рабочих типографии — П.Петухова и С.Власова. На следующий день, 24 сент., помощник пристава вручил еще семи рабочим-сытинцам (А.Николаеву, Е.Еремееву, М.Арсентьеву, П.Слободскому, П.Рысину, П.Гусеву и В.Райкову) повестки об аресте прямо на их рабочих местах (подробнее о некоторых деталях этих событий см.: Прокушев-63, с. 149—151). По окончании предварительного дознания все они вскоре были освобождены (шестеро — 1 окт. 1913 г., а трое — еще раньше). Однако 4 окт. 1913 г. московский градоначальник вынес постановление, по которому все участники «трамвайных» беспорядков должны были отбыть трехмесячное тюремное заключение, а после этого им предписано было выехать из Москвы без права возвращения в столицу (см. об этом: Прокушев-63, с. 152). Исполнение этого постановления началось в третьей декаде октября: 24-го были арестованы повторно С.Власов и П.Слободской, 26-го — М.Арсентьев и Е.Еремеев, 26-го или 27-го — В.Райков, 28-го — П.Гусев и П.Рысин. *Восьмым* повторно арестованным сытинцем стал А.Николаев, которого «взяли» 2-го ноября, в 10 час. 30 мин. утра.

Есенин узнал об аресте А.Николаева в тот же день: как установила Л.М.Шалагинова, около 10 час. вечера 2-го ноября он вместе со своим товарищем по работе (и по нелегальной деятельности) Г.Л.Голубевым побывал на

квартире арестованного (подробнее об этом визите см.: ВЛ, 1987, № 11, нояб., с. 181—183).

По совокупности этих данных устанавливается нижняя граница датировки записки Есенина — 3 ноября.

Верхняя граница определена по дню повторного ареста *девятого* рабочего-сытинца — П.Петухова, который попал за решетку 6 ноября; узнать об этом Есенин мог по крайней мере лишь на следующий день, т. е. 7 ноября.

...много хлопот, и приходится суетиться.— Эти хлопоты были связаны не только с вышеописанными арестами. Именно в первые дни ноября за Есениным и Г.Голубевым было установлено наружное филёрское наблюдение. Страницы журнала наблюдения за Есениным с донесениями филёров с 1 по 7 нояб. 1913 г. опубликованы 35 лет назад (Прокушев-63, с. 137—140; см. также — Хроника, 1, 50—51). Однако подлинная причина выставления этого наблюдения прояснилась лишь к 1987 году, когда вышла статья Л.М.Шалагиновой «Сергей Есенин в революционной Москве (1912—1914)» (ВЛ, 1987, № 11, нояб., с. 177—185). Ею были разысканы карточки с агентурными сведениями, заведенные московской охранкой на Есенина и Г.Голубева, с идентичным текстом донесения агента:

«Сегодня <1 нояб. 1913 г.> около 8 вечера в квартире наборщика типографии Сытина Герасима Лукича Голубева <...> должно состояться собрание сытинских рабочих с приехавшей с Ленинского совещания Дерябиной Сим<ой>*, которая сделает доклад о совещании и настоящем моменте. Из сытинцев будут <далее перечислено семь человек: Есенина среди них нет>» (там же, с. 180).

* С.И.Дерябина была известным партийным организатором РСДРП(б) и приехала в Москву после совещания Центрального комитета партии, прошедшего в конце сент. 1913 г. в Поронино, где жил тогда В.И.Ленин (ВЛ, 1987, № 11, нояб., с. 180).

Из этого донесения понятно, почему наружное наблюдение было установлено за Голубевым, на квартире которого планировалось указанное нелегальное собрание. Но оно не объясняет, почему *по той же причине* филёрское наблюдение было установлено за Есениным. Л.М.Шалагинова справедливо предположила (там же, с. 180—181), что он был одним из организаторов собрания, о чем было известно агенту охранки (А.Николаеву, о котором говорилось выше); это и обусловило слежку за Есениным.

Филёрам так и не удалось установить, было ли собрание сытинцев на квартире Г.Голубева 1 ноября, но слежка за ним и за Есениным велась вплоть до отъезда С.Дерябиной из Москвы 10 нояб. 1913 г. (там же, с. 184).

Судя по тому, что филёрам не всякий раз удавалось увидеть, как Есенин выходил из дома или возвращался домой, юный конспиратор понял, что за ним следят, и ему «пришлось суетиться», чтобы так или иначе уходить от полицейского надзора и продолжать свою нелегальную деятельность.

32. *М.П.Бальзамовой*. 10 декабря 1913 г. (с. 54).— Газ. «Ленинское знамя», Электросталь, Московской обл., 1970, 15 окт., № 123 (публ. В.Г.Белоусова).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 10.12.13. 54-е гор. почт. отдел.». Соответствие конверта письму устанавливается по почерку и по содержанию: существенным здесь является упоминание в письме об обострении болезни Г.Панфилова (наблюдения В.Г.Белоусова и В.А.Вдовина — см.: Есенин 6 (1980), с. 248).

...Панфилов, светоч моей жизни, умирает от чахотки.— Описание состояния больного дал его отец А.Ф.Панфилов, который уже после кончины сына (25 февр. 1914 г.) писал Есенину: «Сережа, он умер мучеником, до того болезнь иссушила его, что у него оста-

лась одна кожа да кости; 2 недели лежал в постели и не поднимался, приходилось нам его, бедняжку, поднимать и кормить из чайной ложки» (Письма, 193).

Жду до 16.— То есть до 16 декабря. Возможно, это ограничение во времени было связано с предстоящим отъездом Есенина из Москвы в Константиново: сохранилась фотография константиновского священника И.Я.Смирнова с дарственной надписью Есенину, датированной 21 дек. 1913 г. (ГЛМ. Отдел изобразительных фондов XX века). Вряд ли эта надпись была сделана заочно.

33. *Г.А.Панфилову.* Январь 1914 г. (с. 55).— Хроника, 1, 193 (с неточностями).

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по содержанию (упоминание о воровстве Шитова и болезни адресата) в сопоставлении с п. 34, в котором развиваются эти темы.

Мне не спится ∾ сон отгоняют! — Вариация строк из стихотворения А.Н.Апухтина «Ночи безумные, ночи бессонные...» (1876):

Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете...

(«Соч. А.Н.Апухтина». СПб., 1907, с. 163).

...проворовался Шитов.— В п. 34 Есенин описал Г.Панфилову содержание беседы с их общим знакомым А.Шитовым. Другие сведения об этом человеке не выявлены.

...это все <не> *пройдет.*— В оригинале описка: «это все пройдет». Исправлено по смыслу.

Серии я не нашел...— По-видимому, это же имеется в виду в следующем письме Г.Панфилову (п. 34): «В Москве <...> не найти старых книг этого издательства». Скорее всего, речь идет об одной из серий, где главными героями были сыщики Нат Пинкертон или Ник Картер.

...«Графиня нищая», «Ванька Каин».— Полные заголовки этих сочинений: «Графиня-нищая, или судьба графской дочери. Роман из действительной жизни. Пер. с нем. Ю.Макаровой» (Варшава, 1902—1908, вып. 1—100); «Ванька Каин, славный вор и мошенник» (без указания автора; М., 1905).

...попроси своего папá...— т. е. А.Ф.Панфилова.

34. *Г.А.Панфилову.* Январь 1914 г. (с. 56).— Прокушев-55, с. 323 (частично, с датой: «Конец 1913 г.— начало 1914 г.»); полный текст (с искажениями и датой: «Конец января 1914 г.») — Есенин 5 (1962), с. 109—110.

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по содержанию, особенно по фразе: «Посылаю тебе на этой неделе детский журнал, там мои стихи», в которой, скорее всего, идет речь о журн. «Мирок» (1914, № 1), где за подписью «Аристон» появилось стихотворение Есенина «Береза», а также по сопоставлению с п. 33 (с упоминанием о воровстве Шитова и болезни адресата).

Ты просил меня относительно книг ∾ этого издательства.— См. коммент. к п. 33.

...они захватили провинциализм...— т.е. провинцию.

Ба! Шитов! ∾ не подал ему руки.— О герое этого эпизода А.Шитове другие сведения не выявлены. См. упоминание о нем в п. 33.

Он ∾ клялся, что больше этого не сделает и писал, чтоб я не говорил тебе, но ∾ я пишу.— Вероятно, в этой фразе есть оговорка: вместо «писал» по смыслу следовало бы: «просил» (наблюдение Е.А.Динерштейна: Есенин 5 (1962), с. 109).

Посылаю детский журнал, там мои стихи.— Пояснение к этим словам см. выше.

35. *Г.А.Панфилову.* Февраль 1914 г. (с. 57).— Прокушев-63, с. 176 (частично); полный текст — в кн.: Белоусов В. Сергей Есенин. М., 1965, с. 67 (с искажениями).

Печатается по автографу (РГАЛИ). Письмо написано на обороте фотографии Есенина, которая затем была обрезана владельцем, очевидно, для того, чтобы вставить ее в рамку. В результате было утрачено по две-три буквы в словах письма, пришедшихся на обрезанный край фотографии. Все части слов письма, восстановленные в результате реконструкции, обозначены в наст. томе ломаными скобками.

Датируется по содержанию: упомянутый псевдоним «Аристон» являлся подписью к стихотворению «Береза» в журн. «Мирок» (1914, № 1), а также по сопоставлению с пп. 34 и 36.

...есть дела важные дома.— Неясно, имеется ли здесь в виду Москва. Может быть, речь идет о Константинове?

Редактора ∾ псевдоним мой ∾ сняли.— Это произошло начиная со второго номера журнала «Мирок», где стихотворения Есенина «Пороша» и «Воробышки» были напечатаны за его собственной подписью.

(Какова моя персона?) Я очень изменился.— Присланная Есениным фотография воспроизведена, напр., в: Прокушев-63, с. 174; Хроника, 1, оборот второго вкл. л. между с. 128 и 129 (здесь же — факсимиле комментируемого письма). См. также наст. изд., т. 7, кн. 2.

36. *М.П.Бальзамовой.* Февраль 1914 г. (с. 58).— Газ. «Ленинское знамя», Электросталь, Московской обл., 1970, 15 окт., № 123 (публ. В.Г.Белоусова).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по содержанию (особенно по фразе: «...хотя в журнале „Мирок“ стоит „Есенин“»), ибо в журн. «Мирок» (1914, № 2) опубликованы за подписью автора стихотворения «Пороша» и «Воробышки».

Я писал тебе и добрые и, наконец, злые письма...— См. пп. 23—25, 27—28 и 32. Остальные письма (всего их было значительно больше) неизвестны.

...я прошу у тебя твою фотографию...— Была ли выполнена просьба — неизвестно.

...перешли мне мои письма и карточки по почте...— Через несколько месяцев эта просьба заменилась императивным требованием (см. п. 37).

С Анютой я больше незнаком ∾ поставил крест всему.— Судя по тому, что переписка Есенина с А.Сардановской продолжалась в 1916 г. (см. пп. 61 и 70), объявленный здесь разрыв не стал окончательным. Упоминаемое есенинское письмо к А.Сардановской неизвестно.

...я печатаюсь под псевдонимом «Метеор»...— Произведения Есенина, опубликованные под таким псевдонимом, не выявлены. На его выбор мог повлиять один из критических обзоров А.А.Измайлова в его «Хрестоматии новой литературы», где излагалось содержание рассказа Скитальца «Метеор»: «„Метеор“ — псевдоним молодого, счастливо двинувшегося по литературному пути беллетриста. Пригретый же известным немолодым собратом, писателем Заречным, он удачно выступает с первыми рассказами, становится сразу искомым и желанным в редакциях и сразу познает все тернии известности» (журн. «Новое слово», СПб., 1913, № 3, март, с. 128).

...в журнале «Мирок» стоит «Есенин».— Не только в № 2 (см. выше), но и в последующих №№ 3, 4, 7 и 12 за 1914 г.

37. *М.П.Бальзамовой*. 29 октября 1914 г. (с. 59).— Журн. «Москва», 1969, № 1, с. 220 (в извлечениях); полный текст — ЕиС, с. 272—273, с ориентировочной датой: «Осень 1914 г.»

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 29.10.14. 1-я экспедиция» и по содержанию («студент 2 курса»).

...я ∾ требую ∾ прислать мне мои письма обратно.— М.Бальзамова оставила письма Есенина у себя.

Хулу над миром ∾ соблазню. Эта сологубовщина — мой девиз.— Приведенные здесь по памяти по-

следние строки стихотворения Ф.Сологуба «Когда я в бурном море плавал...» (1902) регулярно включались в популярные тогда сборники «Чтец-декламатор». Есенин мог прочесть их, напр., в четвертом томе «Чтеца-декламатора» (Киев, 1909), имевшем и другой заголовок: «Антология современной поэзии» (см. с. 469—470 этой книги). Этими же строчками стихотворения Ф.Сологуба заканчивается обзор современной русской поэзии «Критические наброски», опубликованный (за подписью «Критик») в тонком журнале «Правда жизни» (М., 1913, № 1, с. 14), скорее всего, находившемся в поле зрения Есенина.

Университет Шанявского, студенту 2 курса...— В первой половине 1914—1915 уч. г. Есенин продолжал посещать Московский городской народный университет им. А.Л.Шанявского (по начало марта 1915 г., когда его обучение прервалось в связи с отъездом в Петроград).

Е. В. Б. Учительнице ∾ *Бальзаминовой.*— Возможно, не описка, а намеренное искажение фамилии адресата, содержащее намек на главного героя цикла пьес А.Н.Островского «Праздничный сон — до обеда» (1857), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861) и «За чем пойдешь, то и найдешь» (1861) — мелкого чиновника Мишу Бальзаминова. Не исключено, что ситуационные моменты этих пьес могли иметь возможные параллели с некоторыми эпизодами отношений Есенина и М.Бальзамовой. Такое объяснение косвенно подтверждается наличием титулатуры «Е. В. Б.», то есть «Ее Высокоблагородию», без сомнения, имеющей здесь подчеркнуто иронический оттенок.

38. *А.В.Ширяевцу*. 21 января 1915 г. (с. 61).— РЛ, 1962, № 3, с. 172—173, в статье В.Земскова и Н.Хомчук «Есенин и Ширяевец» (с неточностями).

Печатается по автографу (Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина).

Написано на бланке: «Суриковский Литературно-Музыкальный Кружок. Москва. Александровская ул., д. № 8, кв. 18». В то время Есенин принимал участие в подготовке к печати очередного второго номера журнала кружка «Друг народа», а А.Ширяевец незадолго до этого прислал в кружок заявление с просьбой о приеме (текст с датой 23 дек. 1914 г.— Восп., 1, 460) и свои стихи.

...рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим.— Стихотворения Есенина («Узоры») и Ширяевца («Хоровод») были напечатаны в журнале «Друг народа» (1915, № 1) на одной странице (с. 3).

Я давно знаю Вас из ежемесячника...— т. е. из «Ежемесячного журнала» В.С.Миролюбова, который начал выходить с янв. 1914 г. В течение года в нем было помещено четырнадцать стихотворений Ширяевца, в т. ч. «Бурлак» и «Полям» (№ 2), «Жигули» (№ 3), «Клад» (№ 4), «Николаю Клюеву» (№ 6), «Песни: Рыбацкая; Сенокосная» (№ 7), «Богатырь» (№ 11).

...и по второму номеру «Весь мир».— В этом только что вышедшем тогда номере журнала появилось стихотворение Ширяевца «Мятель» (журн. «Весь мир», Пг., 1915, № 2, с. 22):

Расходилась, вьется, пляшет
На просторе снеговом,
И поет, поет и машет,
Манит белым рукавом...

Очевидно, Есенин читал стихи Ширяевца во «Всем мире» и раньше — его стихотворение «Разбойник» (1915) имеет отчетливые метрико-тематические переклички с одноименным стихотворением Ширяевца, напечатанным там в 1914 г. Ср.:

Ширяевец	Есенин
Темной ночью мчала Волга С разудалыми меня... — Ну, купец, что споришь долго, Али хочешь кистеня?	Стухнут звезды, стухнет месяц, Стихнет песня соловья, В чернобылье перелесиц С кистенем засяду я. . . . .
Много душ я сжил со света, Серебром набит карман. На кинжале самоцветы, Заткан золотом кафтан.	Руки цепки, руки хватки, Не зазря зовусь ухват: Загребу парчу и кадки, Золотой сниму халат.
(Журн. «Весь мир», Пг., 1914, № 1, с. 17)	(Наст. изд., т. 4, с. 110)

О стилистической близости этих текстов см. также в кн.: Тартаковский П. Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина). Ташкент, 1981, с. 28—29, где сопровождено ошибочным в данном случае утверждением, что «подобные произведения создавались Есениным и Ширяевцем совершенно независимо друг от друга».

Стихи Ваши стоят на одинаковом достоинстве стихов Сергея Клычкова, Алексея Липецкого и Рославлева.— К тому времени С.Клычков выпустил две книги стихов «Песни» (1911) и «Потаенный сад» (1913), а А.Рославлев — шесть, в том числе «Карусель» (1910) и «Цевница» (1912); А.Липецкий был автором повести в стихах «Надя Данкова» (1913). Кроме того, С.Клычков и А.Липецкий печатались в 1914 г. в Еж. ж. Есенин, конечно, знал стихи этих поэтов и по их сборникам, и по их публикациям в периодике.

...в Чарджуе...— Ныне г. Чарджоу (Республика Туркменистан); Ширяевец служил там в почтово-телеграфном ведомстве «чиновником, не имеющим чина» (из его письма Г.Д.Дееву-Хомяковскому от 27 нояб. 1914 г.— РГАЛИ, ф. Г.Д.Деева-Хомяковского).

Московские редакции обойдены мной успешно.— В 1914 г. стихотворения Есенина печатались в московских журналах «Мирок» (см. коммент. к пп. 34—36), «Проталинка» (№ 10), газете «Новь» (23 нояб.). Продолжались публикации и в начале 1915 г. (журн. «Друг народа», «Марс», «Доброе утро!», «Млечный Путь», «Мирок», «Парус»).

В ежемесячнике я тоже скоро наверное появлюсь.— Впервые на страницах Еж. ж. стихотворения Есенина («Троица», «Девичник», «Сыплет черемуха снегом...») были опубликованы в шестом (июньском) номере за 1915 г. Однако еще 16 янв. 1915 г. в книге регистрации рукописей редакции Еж. ж. было отмечено получение его стихотворения «Вечер». В журнале оно не появилось, но, возможно, именно это произведение имел в виду Есенин, сообщая о своих литературных делах Ширяевцу. См. также автобиографию 1922 года «Сергей Есенин» (наст. изд., т. 7, кн. 1) и коммент. к стихотворению «На лазоревые ткани...» (наст. изд., т. 4, с. 368—369).

Есть здесь ∾ *кружок журнала «Млечный Путь».* ∾ *Подбор сотрудников хороший.*— «Млечный Путь» нерегулярно выходил в Москве в 1914—1916 гг. «Этот маленький литературно-художественный журнал, издававшийся поэтом-приказчиком А.М.Чернышевым, стал для многих начинающих авторов путем в большую литературу»,— вспоминал позже поэт Д.Семёновский (Восп.-95, с. 69). Есенина привел в кружок Николай Колоколов, учившийся вместе с ним в Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского. В журнале «Млечный Путь» Есенин опубликовал в 1915 г. два стихотворения: «Кручина» (№ 2) и «Выткался на озере алый свет зари...» (№ 3).

Вместе с другими литераторами в нем принимали участие С.Дрожжин, Н.Ляшко, А.Новиков-Прибой, Н.Павлович, Б.Пильняк.

Не обойден и Игорь Северянин.— И.Северянин числился среди участников литературного отдела «Млечного

Пути», обозначавшихся на второй странице обложки каждого номера журнала. Его портрет (с подписью «К выходу книги „Ананасы в шампанском“») был помещен на обложке № 2(9) «Млечного Пути» за 1915 г., а на первой его странице — стихотворение поэта «Загадка ужаса».

Присылайте, ежели не жаль, стихов...— Присылал ли Ширяевец стихи для «Млечного Пути», неизвестно. Во всяком случае, ни одно его стихотворение в этом журнале не появилось.

...у меня есть еще Ваше стихотворение «Городское».— Скорее всего, это произведение было среди отправленных Ширяевцем в Суриковский кружок 22 дек. 1914 г. «Шлю несколько стихотворений для „Друга народа“...»,— писал он в сопроводительном письме (РЛ, 1962, № 3, с. 172, с неверной датой). Под заглавием «Городское» оно появилось в Еж. ж. лишь через три года (1918, № 1); однако годом раньше — под другим названием «Швея» — Ширяевец включил его в свой сборник «О музыке и любви» (Ташкент, 1917).

Поправьте ∾ последнюю строчку ∾ на любовную беду.— Ширяевец внес исправление, предложенное Есениным, в текст стихотворения — в книге эта строка уже имела вид: «Не встречу ли любезного?.. Пускай, хоть на беду!» (Ширяевец А. О музыке и любви. Ташкент, 1917, с. 10). Впервые на это указал П.Тартаковский (в его кн.: «Свет вечерний...», Ташкент, 1981, с. 32).

Строчка «что сделаю-поделаю ∾» — краса всего стихотворения.— Эта строка также входила в последнюю строфу произведения:

...С утра до серых сумерек сижу я в мастерской,
А вечером усталая бульварами пойду...
Что сделаю, поделаю я с девичьей тоской!
Не встречу ль вновь любезного?.. Пускай, хоть на беду!

(Еж. ж., 1918, № 1, стб. 10).

Оно пойдет во 2 номере «Друг народа».— Стихотворение в журнале не появилось; возможно, это было связано с протестом Ширяевца против редактирования текста его «Хоровода» для первого номера «Друга народа». 5 февр. 1915 г. он писал Г.Д.Дееву-Хомяковскому: «Благодарю за высылку „Друга народа", но, пожалуйста, скажите кому следует, чтобы моих стихов не изменяли и не сокращали,— пусть уж лучше, если не нравится, совсем выбрасывают, чем переделывать по-своему» (РГАЛИ, ф. Г.Д.Деева-Хомяковского).

...книги стихов у Вас нет.— Первый авторский сборник Ширяевца «Богатырь» был выпущен в том же 1915 г. Однако еще за четыре года до этого большая подборка его стихотворений составила отдельный раздел «Ранние сумерки» в коллективном сборнике «Стихи» трех авторов — Л.Порошина, А.Ширяевца и П.Поршакова (Ташкент, 1911).

...рад за Вас, что вашу душу девушка-царевна вывела из плена городского.— Имеется в виду стихотворение Ширяевца «Николаю Клюеву»:

Говорил ты мне, что мало у меня уда́лых строк,—
Удаль в Городе пропала, замотался паренек...
А как девица-царевна светом ласковых очей
Душу вывела из плена,— стали песни позвончей,
А как только домекнулся: кинуть Город мне пора,—
Всколыхнулся, обернулся в удалого гусляра!

(Еж. ж., 1914, № 6, с. 6)

Ответьте, пожалуйста.— Ответное письмо Ширяевца, судя по последующему развитию его переписки с Есениным, было написано и отправлено в Москву; ныне оно неизвестно.

Москва, 2-й Павловский пер., д. 3, кв. 12.— По этому адресу Есенин в то время жил с женой А.Р.Изрядновой (с которой он состоял в гражданском браке) и

сыном Юрием, которому в день написания письма как раз исполнился один месяц. Это была первая семейная квартира молодого поэта.

39. *Г.Д.Дееву-Хомяковскому*. 9 или 10 февраля 1915 г. (с. 62).— ВЛ, 1960, № 3, март, с. 132 (публ. Е.А.Динерштейна; с неточностями и с ориентировочной датой: «Начало 1915 г.»).

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. Г.Д.Деева-Хомяковского).

Датируется по содержанию. Письмо начинается со слов: «Сегодня получил я послание Ваше». Это «послание» неизвестно. Однако Г.Д.Деев-Хомяковский одновременно (и по аналогичному поводу; подробности — в реальном коммент.) написал другому члену Суриковского кружка — С.Д.Фомину, чей ответ сохранился (РГАЛИ, ф. Суриковского литературно-музыкального кружка). Он датирован («9 февр., вечер. 1915 г.») и был написан сразу же по получении «послания» адресата. Есенин также написал Г.Д.Дееву-Хомяковскому в день прихода его письма (см. выше). Хотя наиболее вероятно, что это произошло именно 9 февр., следующий день — 10 февр.— полностью исключить невозможно.

В тексте фразы письма: «Это похоже на то, что „мы хозяева"» — первоначально после слова «мы» стояло: «сами себе».

«Паки паки миром Господу помолимся».— Этими словами, возглашаемыми дьяконом, начинается малая ектения — одна из составных частей праздничного православного богослужения («Православный богослужебный сборник», М., 1991, с. 12, с начальными словами: «Паки и паки...»). По мнению Е.А.Динерштейна, «здесь в смысле: укрепим участие в общем деле» (Есенин 5 (1962), с. 316).

О долге прошу не беспокоиться. ∾ *Для «Доброго утра» у меня есть еще несколько вещей.*— Очевидно, в своем письме Г.Д.Деев-Хомяковский (как редактор жур-

нала «Доброе утро!») напоминал адресату о взятом им авансе и необходимости покрыть его. Это было сделано: в «Добром утре!» в течение 1915 г. были опубликованы стихотворения поэта «Побирушка» (№ 16, 25 апр.) и «Бабушкины сказки» (№ 5/6, 10 нояб.); скорее всего, именно их и имеет здесь в виду Есенин.

Номер с моим стихот<ворением> *или рассказом перешлите...*— Из этих слов явствует, что Г.Д.Деев-Хомяковский письменно оповестил Есенина, что на страницах журнала вот-вот появится его сочинение, но не указал, какое именно... Почти наверняка речь шла о стихотворении «Молитва матери» (журн. «Доброе утро!», М., 1915, № 11, 10 февр., с. 9). Что касается рассказа, то он был помещен в журнале лишь в 1917 г.— это был рассказ «Бобыль и Дружок» (там же, 1917, № 1, янв., с. 13—16).

Желаю ∾ Суриковскому ∾ кружку поменьше разноголосицы. Вечер ∾ Оскорбления г. Кошкарова ∾ по адресу г. Фомина возмутительны. — Здесь содержится ответ на главный пункт обращения Г.Д.Деева-Хомяковского к Есенину, вызванного тем, что молодой поэт накануне, 8 февр. 1915 г., подал заявление о выходе из кружка (текст — в наст. изд., т. 7, кн. 2). Такое же заявление подал и С.Фомин; в списке заявлений от разных лиц, поданных в совет Суриковского кружка в 1915 г., заявления Есенина и С.Фомина зарегистрированы под № 48 и № 49, соответственно (РГАЛИ, ф. Суриковского литературно-музыкального кружка), то есть как поданные одновременно. Этот демарш был вызван обстоятельствами, которые прослеживаются по сохранившимся письмам С.Фомина к Г.Д.Дееву-Хомяковскому от 9 февр. 1915 г. (РГАЛИ, ф. Суриковского литературно-музыкального кружка; ниже сокращенно — ПДХ) и к С.Н.Кошкарову от 4 февр. 1915 г. (РГАЛИ, ф. Г.Д.Деева-Хомяковского; ниже сокращенно — ПК). С.Фомин писал: «В Суриковский Кружок я шел работать, и только работать. Мое желание многими членами Кружка было подмечено, и я на

общем собрании 2 февр. был избран членом редакционной комиссии» (ПДХ). Через день С.Фомин обратился к председателю кружка С.Н.Кошкарову: «Ввиду избрания меня членом редакционной комиссии, я очень интересуюсь знать — какой материал Вами собран для 2-го № „Друга народа". Поэтому прошу Вас сообщить мне, какое именно содержание будет составлять этот № журнала» (ПК). Однако «все собравшиеся в Кружке 7 февр. с/г в < ...> квартире» Г.Д.Деева-Хомяковского стали свидетелями того, как «г. Кошкаров, вместо того, чтобы со мной и с другими выбранными на Общем собрании Кружка членами ред. комиссии сплотиться воедино и работать,— стал на всех нас *оказывать свое давление*, и не доверяясь нам, внес смуту и раскол, чтобы затормозить дело, ради которого мы собрались, и, обозвав меня *своим врагом*, демонстративно ушел из кружка*» (ПДХ; выделено автором).

Суть своих тогдашних разногласий с С.Н.Кошкаровым С.Д.Фомин изложил 43 года спустя: «...прежняя редколлегия настаивала на включении в журнал „Друг народа" ранее принятых произведений членов Суриковского кружка» (из письма С.Д.Фомина в ИМЛИ от 28 февр. 1958 г.). Здесь же он вспомнил о реакции Есенина на поведение С.Н.Кошкарова: «Сергей Есенин встал, надел свой картузик и возбужденно сказал: „Надо создать настоящий художественный журнал. Слабые вещи печатать не следует. Если вы настаиваете, то делать нам здесь нечего. Фомин, забирай свои манатки и айда отсюда!.."» (ИМЛИ, ф. С.Д.Фомина; цит. по: Письма, 46).

Из ПДХ явствует, что С.Фомин уступил тогда увещеваниям Г.Д.Деева-Хомяковского, поскольку написал ему: «Членом Суриковского кружка я остаюсь быть».

* Выходка, недопустимая для *интеллигента*, которым *силится* назвать себя г. Кошкаров <примеч. и курсив С.Фомина>.

В 1958 г., вспоминая об этом эпизоде, он распространил свое решение и на Есенина: «Спустя несколько дней Суриковский кружок уговорил *нас* остаться членами кружка» (Письма, 46; выделено комментатором). Однако из комментируемого есенинского письма очевидно, что ответа на вопрос, останется ли он членом кружка, Есенин тогда не дал. Через месяц он уехал в Петроград, и с этим отъездом его участие в делах Суриковского кружка прекратилось. В «Списке действительных членов кружка, составленном к 28 февр. 1916 г.» (РГАЛИ, ф. Суриковского литературно-музыкального кружка) ни Есенин, ни С.Фомин уже не фигурируют.

40. *В редакцию журнала «Красный смех»*. Февраль — до 8 марта 1915 г. (с. 63).— Есенин 6 (1980), с. 56—57.

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по содержанию: фрагмент стихотворения «Удалец» помещен в журн. «Красный смех» (1915, № 6, февр., с. 7 — см. коммент. в наст. изд., т. 4, с. 365); 8 марта 1915 г. Есенин выехал в Петроград.

О почтовом ящике я говорил лично.— Здесь речь идет об отделе «Почтовый ящик» в журнале, где давались ответы на письма читателей и авторов, присылавших в редакцию свои произведения. Есенину был дан следующий ответ:

«Сергею Е.

Ты гори, моя зарница!
Не страшён мне вражий стан.
Зацелует баловница,
Как куплю ей сарафан.

Сия аллегория должна, очевидно, изобразить домашний очаг, ставший „вражьим станом“ и требующий для умиротворения сарафан? Действительно, военный мотив!

Фук и Дид».

Расшифровать псевдоним не удалось.

«Красный смех» — еженедельный сатирический и юмористический журнал, выходивший в Москве в начале 1915 г. (всего было издано девять номеров).

41. *А.А.Блоку*. 9 марта 1915 г. (с. 64).— «Литературная газ.», М., 1939, 26 июня, № 26, в заметке без подписи «Переписка А.Блока» (в пересказе); полностью и точно — журн. «Огонек», М., 1945, № 43, 28 окт., с. 7, под рубрикой: «Из неопубликованного литературного наследства Есенина».

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. А.А.Блока).

Датируется в соответствии с пометой А.Блока под есенинским текстом: «Крестьянин Рязанской губ., 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 9 марта 1915». См., кроме того, запись А.Блока в его записной книжке от того же числа: «Днем у меня рязанский парень со стихами» (Зап. кн., 257).

...может быть, где и встречали по журналам мою фамилию.— Перечень московских журналов, где к тому времени были опубликованы стихи Есенина, см. в коммент. к п. 38.

Хотел бы зайти часа в 4.— Очевидно, не увидев Блока в первый свой приход, Есенин вернулся к нему в тот же день еще раз. В автобиографии 1922 г. Есенин вспоминал: «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта» (наст. изд., т. 7, кн. 1).

Во время этой встречи Блок подарил Есенину одну из книг своего «Собрания стихотворений» (М.: Мусагет, 1912) с дарственной надписью: «Сергею Александровичу Есенину на добрую память. Александр Блок. 9 марта 1915. Петроград» (ЛН, 1982, т. 92, кн. 3, с. 68). Одновременно он дал Есенину рекомендательные письма к С.М.Городецкому и М.П.Мурашеву. «Направляю к Вам талантливого крестьянского поэта-самородка,— писал Блок Мурашеву.— Вам, как крестьянскому писателю, он

будет ближе, и Вы лучше, чем кто-либо, поймете его» (Письма, 305).

Перед отъездом из Петрограда Есенин собирался еще раз зайти к Блоку, однако встреча не состоялась. 24 апр. 1915 г. Блок ответил на просьбу Есенина о встрече письмом:

«Дорогой
Сергей Александрович.

Сейчас очень большая во мне усталость и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видеться, ничего существенно нового друг другу не скажем. Вам желаю от души остаться живым и здоровым. Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные; только все-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит не короткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Я все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло. Будьте здоровы, жму руку» (Письма, 196).

Позже Есенин неоднократно встречался с Блоком. Так, 21 окт. 1915 г. Блок отметил в записной книжке: «Н.А.Клюев — в 4 часа с Есениным (до 9-ти). Хорошо» (Зап. кн., 269), а 25 окт. присутствовал в концертном зале Тенишевского училища на вечере «Краса» с участием Есенина. 3 янв. 1918 г. Блок записал: «Весь вечер у меня *Есенин*» (Зап. кн., 382; выделено автором).

Выступая 25 окт. 1923 г. на вечере крестьянских поэтов в помещении Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ныне — Дом Ученых на ул. Пречистенка в Москве), Есенин произнес речь о Блоке. Присутствовавший на вечере поэт Вл.Пяст вспоминал: «Блок,— говорил молодой поэт, предводитель послефутуристических бунтарей,— к которому приходил я в Петербурге, когда начи-

нал свои выступления со стихами (в печати), для меня, для Есенина, был — и остался, покойный,— главным и старшим, наиболее дорогим и высоким, что только есть на свете» (Восп., 2, 93). См. также коммент. к автобиографиям — наст. изд., т. 7, кн. 1.

42. *М.П.Бальзамовой*. 15 или 16 марта 1915 г. (с. 65).— Газ. «Приокская правда», Рязань, 1967, 18 авг., № 194, в статье Д.Коновалова «Новое о Сергее Есенине».

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется с учетом почтового штемпеля на конверте: «Рязань. 17.3.15» (штемпель отправления не сохранился).

...будьте добры написать мне побольше частушек. Только самых новых.— Эта просьба, скорее всего, связана с первым посещением Есениным салона Мережковских (Петроград, Сергиевская, 83), состоявшимся как раз 15 марта 1915 г. Хозяйка салона З.Гиппиус вспоминала об этом так:

«...я хорошо помню темноватый день, воскресенье, когда в нашей длинной столовой появился молодой рязанский парень, новый поэт „из народа“,— Сергей Есенин. <...> Держал себя со скромностью, стихи читал, когда его просили,— охотно, но не много, не навязчиво... <...> Понемногу Есенин оживляется. <...> Кончилось тем, что „стихотворство“ было забыто, и молодой рязанец <...> во весь голос принялся нам распевать „ихние“ деревенские частушки.

И надо сказать — это было хорошо. Удивительно шли — и распевность, и подчас нелепые, а то и нелепохальные слова — к этому парню в „спинжаке“, что стоял перед нами... <...> ...частушки, со своей какой-то и безмерной — и короткой, грубой удалью, и орущий их парень в кубовой рубахе, решительно сливались в одно» (из статьи «Судьба Есениных» (1926) — РЗЕ, 1, 83–84).

Судя по комментируемому письму, Есенин, почувствовав это живое внимание к себе как к исполнителю фольклора, немедленно стал искать возможности для пополнения своего народного репертуара, который мог бы всерьез заинтересовать петербургскую литературную элиту.

43. *М.П.Бальзамовой.* 24 апреля 1915 г. (с. 65).— ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 155 (публ. В.А.Вдовина).

Печатается по автографу (ГЛМ), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «24.4.15» (обозначение города не прочитывается); имеется также штемпель получения: «Рязань. 26.4.15».

Датируется по указанному штемпелю отправления.

В Рязани я буду ∾ 14 мая. Мне нужно на призыв.— 16 марта 1915 г. министр внутренних дел правительства Российской Империи обязал всех губернаторов принять «меры к тому, чтобы лица, коим к 1 января 1916 г. исполняется 20 лет, приписались к подлежащим призывным участкам не позднее 1 мая 1915 года» (циркуляр цит. по статье В.А.Вдовина «Материалы к биографии Есенина»: ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 156). Очевидно, в конце апреля Есенин получил повестку от Рязанского уездного по воинской повинности присутствия о явке на призывной участок.

Напишите мне ∾ к 7 мая относительно сказанного. Я не знаю ни расписаний поезд<ов>*, ни самого вокзала.*— По-видимому, Есенин здесь отвечает на предложение М.Бальзамовой передать ему собранные ею частушки, о которых шла речь в п. 42, при личной встрече в Рязани (предпочитая от нее уклониться).

Сегодня я уезжаю в Москву.— По свидетельству В.С.Чернявского, Есенин выехал из Петрограда 29 апр. 1915 г. (Восп., 1, 208).

К 1-му буду ∾ в Константинове.— Есенин выехал из Москвы на родину 4 мая (см. об этом коммент. к п. 46).

44. *Н.А.Клюеву*. 24 апреля 1915 г. (с. 66).— РЛ, 1958, № 2, с. 157—158 (публ. Н.И.Хомчук).

Печатается по автографу (ИРЛИ), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Петроград. 24.4.15.12».

Датируется по этому штемпелю.

Читал я Ваши стихи...— К 1915 г. вышло пять стихотворных сборников Н.Клюева, в том числе «Сосен перезвон» (два издания — М., 1912 (фактически: 1911) и М., 1913), «Братские песни» (М., 1912), «Лесные были» (М., 1913). В личной библиотеке Есенина сохранилось первое издание книги «Сосен перезвон» с дарственной надписью: «На память дорогому Сереже от А.» (ГМЗЕ) и пояснительной записью А.А.Есениной: «Этот сборник подарен Сергею Анной Романовной Изрядновой» (там же; исполнена на отдельном листе). Скорее всего, Есенин получил этот подарок еще в 1913 г., до начала совместной жизни с А.Р.Изрядновой. В книге отмечены (крестиками, синим карандашом) три стихотворения: «В златотканые дни сентября..», «На песню, на сказку рассудок молчит...» и «Под вечер» («Я надену черную рубаху...»). По свидетельству А.А.Есениной, пометы принадлежат ее брату.

...много говорил о Вас с Городецким.— Есенин познакомился с С.М.Городецким 11 марта 1915 г., придя к нему с рекомендательным письмом от Блока. Блок отобрал для Городецкого шесть есенинских стихотворений. Учитывая, что, в свою очередь, Городецкий дал Есенину рекомендательные письма к В.С.Миролюбову (т. е. в Еж. ж.) и к С.Ф.Либровичу (т.е. в журн. «Задушевное слово»), среди отобранных Блоком стихотворений предположительно могли быть тексты, позднее появившиеся в Еж. ж. (1915, № 6),— «Сыплет черемуха снегом...», «Троица» («Троицыно утро, утренний канон...»), «Девичник» («Я надену красное монисто...»),— а кроме того, представленное туда же (но до настоящего времени не обнаруженное) произведение «Галки» и напечатанное в «Задушевном слове»

(1915, № 24) стихотворение «Черемуха». В 1915 г. в Москве и Петрограде Есенин неоднократно читал поэму «Русь» и стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...». Среди привезенных им из Москвы в Петроград стихотворений были, безусловно, и опубликованные в журн. «Голос жизни» (1915, № 17, 22 апр.): «Рыбак» («Под венком лесной ромашки...»), «Гусляр» («Тёмна ноченька, не спится..»), «Пахнет рыхлыми драчёнами...» («В хате»), «Богомолки» («По дороге идут богомолки...»); см. также наст. изд., т. 1, с. 442.

«Стихи он принес завязанными в деревенский платок,— вспоминал С.Городецкий о первой встрече с Есениным.— С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунька опять читал стихи. Но не меньше, чем прочесть стихи, он торопился спеть рязанские „прибаски, канавушки и страдания“... Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. Он был очарователен со своим звонким озорным голосом, с барашком вьющихся льняных волос,— которые он позже будет с таким остервенением заглаживать под цилиндр,— синеглазый. Таким я его нарисовал в первые же дни и повесил рядом с моим любимым тогда Аполлоном Пурталесским, а дальше над шкафом висел мной же нарисованный страшный портрет Клюева. <...>

Есенин поселился у меня и прожил некоторое время. Записками во все знакомые журналы я облегчил ему хождение по мытарствам» (Восп., 1, 179—180).

...не могу не писать Вам.— Это письмо положило начало переписке поэтов, продолжавшейся многие годы. Лично Есенин познакомился с Клюевым осенью 1915 г. во время второго приезда в Петроград. В течение 1915—1917 гг., а затем и в 1923 г. поэты неоднократно выступали совместно с чтением стихов.

...у нас с Вами много общего. ∾ на своем рязанском языке.— Эта автохарактеристика Есенина практически

полностью совпала с высказываниями критиков о близости есенинского и клюевского творчества. П.Н.Сакулин, говоря в статье «Народный златоцвет» о тех писателях, «которые, свободно развернув свою поэтическую индивидуальность, не порвали с народной почвой, творят в народном стиле и часто для народа», отмечал, что Есенин и Клюев — «кровные дети крестьянской России. Живут в деревне и ведут мужицкое хозяйство. <...> Сродни Клюеву — молодой двадцатилетний певец С.А.Есенин. <...> Порою кажется даже, что он еще не определился и нередко поет по внушению своего более зрелого собрата» (журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, май, с. 200, 204). Уже первые рецензенты отмечали и особый «рязанский язык» Есенина. «В каждой губернии,— писала З.Бухарова,— целое изобилие своих местных выражений, несравненно более точных, красочных и метких, чем пошлые вычурные словообразования Игоря Северянина, Маяковского и их присных» (газ. «Петроградские ведомости», 1915, 11 (24) июня, № 128).

Стихи ∾ *Из 60 принято 51.*— В настоящее время известно 28 произведений Есенина, напечатанных в 1915 г. в петроградской периодике, не считая повторных публикаций. Возможно, в указанное Есениным число принятых стихотворений вошли и включенные автором в предполагавшуюся к изданию книгу. На следующий день после отправки письма Клюеву Есенин получил в редакции журнала «Лукоморье» 24 рубля «аванса в счет гонорара». По мнению В.В.Базанова, эта сумма вполне могла соответствовать авансу за книгу стихов. Вероятно, этой книгой был так и не вышедший «Авсень» (подробнее об этом см.: Базанов В.В. Материалы к творческой биографии Сергея Есенина. 1. К истории неизданного сборника поэта «Авсень».— РЛ, 1972, № 1, с. 167—172). Подтверждают это предположение и слова Клюева из адресованного Есенину письма от 23 сент. 1915 г.: «Я слышал, что ты хочешь издать свою книгу в „Лукоморьи“ — это меня

убило — преподнести России твои песни из кандального отделения Нового Времени!» (Письма, 211).

Отвечая Есенину в авг. 1915 г., Клюев вспомнил о его апрельской информации: «Я дивлюсь тому, какими законами руководствовались редакторы, приняв из 60-ти твоих стихотворений 51-но. Это дурная примета, и выразить, вскрыть такую механику можно лишь фабричной поговоркой: „За горло, и кровь сосать“, а высосавши, заняться тщательным анализом оставшейся сухой шкурки, чтобы лишний раз иметь возможность принять позу и с глубокомысленным челом вынесть решение: означенная особь в прививке препарата 606-ть — не нуждается, а посему изгоняется из сонма верных» (Письма, 208; упомянутый препарат — это сальварсан, применявшийся в то время как средство от сифилиса).

...*«Сев*<ерные> *зап*<иски>»...— петроградский журнал, где в № 6/7 за 1915 г. опубликована поэма «Русь».

...*«Рус*<ская> *мыс*<ль>»...— В № 7 этого петроградского журнала за 1915 г. опубликованы стихотворения «Калики» («Проходили калики деревнями...»), «Инок» («Пойду в скуфье смиренным иноком...») и «На лазоревые ткани...».

...*«Ежемес*<ячный> *жур*<нал>»...— В этом петроградском издании, кроме перечисленных выше стихотворений «Девичник» и др., были напечатаны в 1915 г. «Выткался на озере алый свет зари...» и «Пастух» («Я пастух, мои палаты...»; № 8, авг.); «Танюша» («Хороша была Танюша...»; № 11, нояб.).

А в «Голосе жизни» ∾ упоминаетесь и Вы.— В петроградском журнале «Голос жизни» (1915, № 17, 22 апр.) была опубликована подборка из четырех стихотворений Есенина (они перечислены выше). Публикацию сопровождала статья З.Гиппиус, подписанная псевдонимом «Роман Аренский»: «Перед нами худощавый девятнадцатилетний парень, желтоволосый и скромный, с веселыми глазами. Он приехал из Рязанской губернии в „Питер“

недели две тому назад, прямо с вокзала отправился к Блоку,— думал к Сергею Городецкому, да потерял адрес.

В Питере ему все были незнакомы, только что раньше „стишки посылал“. Теперь сам их привез сколько было, и принялся раздавать „просящим“, а просящих оказалось порядочно, потому что наши утонченно-утомленные литераторы знают, где раки зимуют, поняли, что новый рязанский поэт — действительно поэт, а у многих есть даже особенное влечение к стилю подлинной „земляной“ поэзии. Девятнадцатилетний С.Есенин заставляет вспомнить Н.Клюева, тоже молодого поэта „из народа“, тоже очень талантливого, хотя стихи их разны. Есенин весь — веселье, у него тон голоса другой, и сближает их разве только вот что: оба находят свои, свежие, первые и верные слова для передачи того, что видят» (там же, с. 12).

...«через быстру реченьку, через темненький лесок не доходит голосок».— Ср. со словами из частушки: «Через тоненький лесок // Подай, милый, голосок» («Труды Владимирской ученой архивной комиссии», 1914, кн. XVI, с. 89 (5-я пагинация), № 553).

Если Вы прочитаете мои стихи, черканите мне о них.— 2 мая 1915 г. Клюев отвечал Есенину:

«Милый братик, почитаю за любовь узнать тебя и говорить с тобой, хотя бы и *не написала* про тебя Гиппиус статьи <...>. Но, конечно, хорошо для тебя напечатать наперво 51 стихотворение.

Если что имеешь сказать мне, то пиши немедля, хотя меня и не будет в здешних местах, но письмо твое мне передадут. Особенно мне необходимо узнать слова и сопоставления Городецкого, не убавляя, не прибавляя их. Чтобы быть наготове и гордо держать сердце свое перед опасным для таких людей, как мы с тобой,— соблазном. Мне многое почувствовалось в твоих словах — продолжи их, милый, и прими меня в сердце свое» (Письма, 196; выделено автором).

Клюев сочувственно (хотя и с некоторой долей иронии) оценил другие стихи Есенина, прочитанные им в Еж. ж. (1915, № 6). 22 июля 1915 г. он писал редактору журнала В.С.Миролюбову: «Какие простые неискусные песенки Есенина в июньской книжке,— в них робость художника перед самим собой и детская, ребячья скупость на игрушки-слова, которые обладателю кажутся очень серьезной вещью» (Письма, 306).

9 июля 1915 г. Клюев спрашивает Есенина: «Мне бы хотелось узнать, согласен ли ты с моим пониманием твоих стихотворений: я читал их в „Голосе жизни" и в „Ежемесячном журнале"» (Письма, 202). Это более раннее клюевское письмо Есенину с мнением о его стихах ныне неизвестно.

Осенью Городецкий выпускает мою книгу «Радуница».— Эту книгу С.Городецкий первоначально собирался выпустить в собственном издательстве «Краса». В.С.Чернявский писал Есенину 26 мая 1915 г.: «Слышал, что уже объявлено о твоей книге в издательстве „Краса". Что и как в этом смысле, поддерживаешь ли отношения с Городецким...» (Письма, 199). 4 июня 1915 г. уже сам Городецкий просил Есенина: «*Пришли мне свою книжку теперь же,* хоть как она есть» (Письма, 200; выделено автором). Очевидно, просьба Городецкого не была выполнена, так как 7 авг. 1915 г. он вновь спрашивал Есенина: «Ведешь ли список своих стихов и составил ли книжку?» (Письма, 204).

Осенью 1915 г. Городецкий пытался устроить есенинскую книгу в издательство товарищества И.Д.Сытина. В связи с этим он писал А.В.Руманову 23 окт. 1915 г.: «Юнец златокудрый, который принесет тебе это письмо,— поэт Есенин (я тебе говорил — рязанский крестьянин). Не издашь ли его первую книгу „Радуница" у Сытина? Если поможет делу, я напишу предисловие. Стихи медовые, книга чудесная. Приласкай!» (Письма, 307).

«Радуница» вышла в янв. 1916 г. в издательстве М.В.Аверьянова (Петроград) без каких-либо предисловий. В автобиографии 1924 г. Есенин отмечал, что изданием «Радуницы» обязан Клюеву: «Он отыскал мне издателя М.В.Аверьянова, и через несколько месяцев вышла моя первая книга „Радуница“» (наст. изд., т. 7, кн. 1).

В «Красе» я тоже буду.— Это литературно-художественное объединение возникло весной 1915 г. в Петрограде по инициативе С.Городецкого и просуществовало около полугода. 25 окт. 1915 г. Есенин участвовал в литературном вечере «Краса», состоявшемся в концертном зале Тенишевского училища (см. также наст. изд., т. 7, кн. 2, раздел «Афиши»; Вдовин В.А. Есенин и литературная группа «Краса».— Журн. «Научные докл. высш. школы: Филологич. науки», М., 1968, № 5, с. 66—80; коммент. к п. 53 в наст. томе). Возможно также, что здесь идет речь об одноименном литературно-художественном сборнике, объявленном С.Городецким в перечне книг издательства «Краса» под рубрикой «Печатается» (в кн. «А.С.Пушкину. Стихотворение С.Городецкого с примечаниями», Пг.: Краса, 1915, с. [22]). В его содержании, в частности, значилось: «Сергей Есенин. Усильник». Сб. «Краса» в свет не вышел; произведение поэта с таким заголовком неизвестно. По мнению В.А.Вдовина (упомянутая статья, с. 74—75), Есенин впоследствии выпустил это сочинение под названием «Ус» (его текст — наст. изд., т. 2, с. 22—25). Гипотеза исследователя до сих пор не получила документального подтверждения.

45. *А.М.Ремизову и С.П.Ремизовой-Довгелло.* 24 апреля 1915 г. (с. 67).— Есенин 5 (1962), с. 114—115.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. А.М.Ремизова), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Петроград. 24.4.15».

Датируется по этому штемпелю.

...с Федором Ивановичем.— Речь идет о Ф.И.Щеколдине. А.Ремизов вспоминал: «С Ф.И. познакомился я в ссылке в Устьсысольске. Он был честнейший человек, самый надежный. И таким знали его во всех уголках России, знали как Федора Ивановича, которому можно доверять и на которого можно положиться.

О его политической деятельности расскажет история революции нашей, я же помяну его великую честность и любовь его к березкам да к цветкам полевым — колокольчикам» (в его кн. «Крашеные рыла», Берлин, 1922, с. 133–134). В 1915 г., став жителем Петрограда, Ф.И.Щеколдин нередко бывал у Ремизовых. «Федор Иванович,— писал А.Ремизов,— хотел устроить нашу жизнь „с о в е с т н о“. С малых лет запала ему в душу от житий угодников и подвижников эта „совестность“. <...> В заботах о нас проходила жизнь Федора Ивановича: ему хотелось собрать нас, беспастушных, растерявшихся в безвременной жизни...» (из его очерка «Северные Афины» — журн. «Современные записки», Париж, 1927, № 30, с. 264; выделено автором).

...я не мог прийти к вам.— Есенин познакомился с Ремизовыми в Петрограде весной 1915 г. 18 апр. 1915 г. он побывал у них на квартире, где оставил автограф поэмы «Русь» с пометой: «Переписывал для Серафимы Павловны Ремизовой. С.Есенин. 18/IV.15 г.» (наст. изд., т. 2, с. 288) и вписал в альбом хозяйки дома стихотворение «Задымился вечер, дремлет кот на брусе..», предварив текст дарственной надписью: «На память Серафиме Павловне Ремизовой» (наст. изд., т. 1, с. 458–459).

Позднее А.Ремизов вспоминал: «Наша новая квартира на Таврической в доме архитектора Хренова, восьмой этаж. <...> В эту квартиру <...> придет в нескладном „спиджаке“ ковылевый Есенин и будет ласково читать о „серебряных лапоточках“...» (РЗЕ, 1, 101).

В письме Есенину от 7 авг. 1915 г. С.Городецкий сообщал: «Молва о тебе идет всюду, все тебе рады. Ходят

и сказки. Вчера здесь мне рассказывали, как ты пришел в лазарет к солдатику, а там тут как тут Серафима Павловна Ремизова. Она тебя хвать и на извощика, во все редакции отвезла и представила. Вот какой ты знаменитый. Только ты головы себе не кружи этой чепухой, а работай потихоньку, поспокойней» (Письма, 204).

Об использовании Ремизовым в творческих целях рассказанных ему Есениным народных преданий о Николаеугоднике см. коммент. к «Николиным притчам» (наст. изд., т. 7, кн. 1).

Сегодня в три часа уезжаю.— Отъезд Есенина из Петрограда задержался до 29 апр. 1915 г. (см. коммент. к п. 43).

Большое Вам спасибо ∾ *за книги.*— Известны ныне пять книг А.Ремизова, которые автор подарил Есенину. Это четыре тома из восьмитомника 1910—1912 гг. (т. 2 — архивохранилище печатных изданий РГАЛИ, шифр 736а/33734; тт. 5, 7 и 8 — РГБ; на каждом из томов — надпись рукой А.Ремизова: «Сия книга принадлежит Сергею Есенину») и сборник рассказов «Подорожие» (СПб., 1913; также в архивохранилище печатных изданий РГАЛИ, шифр 743а/33727). На последнем — дарственная надпись: «Сергею Александровичу Есенину Алексей Ремизов 15 IV 1915» (в кн. «Волшебный мир Алексея Ремизова / Каталог выставки», СПб.: Хронограф, 1992, с. 19; с расстановкой точек, отсутствующих в автографе). Среди книг личной библиотеки Есенина (списки ГМЗЕ) значится еще одна книга А.Ремизова того времени — «За святую Русь» (Пг., 1915). Очевидно, автор подарил молодому поэту и книгу «Весеннее порошье» (СПб., 1915), о которой см. ниже.

Читал «Весеннее порошье» ∾ *готов был захныкать.*— Эта книга состоит из разделов «Свет немерцающий», «Свет незаходимый», «Свет неприкосновенный», «Свет невечерний», «Цепь златая», «Матки-святки», «Кузовок». В первый раздел вошло десять рассказов, в

том числе упомянутая Есениным «Яблонька» (с. 21—25). В «Кузовке» среди тридцати трех произведений есть и «Радуница» (с. 297—298). Есенин мог знать другое сочинение Ремизова с таким же названием и ранее — еще по его журнальной публикации (журн. «Иллюстрированный Петербургский Курьер», 1914, № 4, 30 апр., с. 4), поскольку достоверно известно, что он читал этот журнал в 1914 г., в т. ч. после перемены его названия на другое — «Жемчужина» (см. коммент. к статье «Ярославны плачут» — наст. изд., т. 5, с. 413—414). Не исключено, что выбор Есениным заголовка для своего первого сборника стихов в той или иной степени связан с этими ремизовскими произведениями.

Земляк мой...— неустановленное лицо.

О Добронравове ∾ хорошие воспоминания.— В те годы прозаик Л.М.Добронравов был близок Ремизову и считал себя его учеником (см. об этом воспоминания Добронравова — газ. «Бессарабия», Кишинев, 1920, 25 июня). Сведения о других встречах Есенина с Л.Добронравовым не выявлены.

46. *И.К.Коробову*. 4 мая 1915 г. (с. 68).— НС, 1962, № 4, с. 185—186 (публ. Е.А.Динерштейна, с датой: «Май 1915 г.» и ошибочным указанием места отправки — «Петроград»); Есенин 5 (1962), с. 115—116, с датой: «Москва, до 4 мая 1915 г.»

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется по фразе: «Сегодня я уезжаю» — с учетом сведений о выписке из домовой книги, из которых явствует, что Есенин выехал из Москвы в Константиново 4 мая 1915 г. (в Есенин 5 (1962), с. 320, местом хранения этой выписки указан РГАЛИ, что в настоящее время подтверждения не находит).

...был у Вас ∾ свидеться не пришлось.— Живя в Москве, Есенин часто общался с И.Коробовым, который тоже писал стихи и участвовал в собраниях кружка лите-

раторов при журнале «Млечный Путь», где бывал и Есенин (см. коммент. к п. 38). «Ко мне он заходил не раз,— вспоминал И.Коробов,— читал неистощимо, и однажды, я помню, мы были с ним у Ил.Л.Толстого, тоже печатавшего свои вещи в нашем журнале, и просидели у него в гостинице до утра. Есенин недолго оставался в Москве и в том же году уехал в Петроград. <...> В следующем <т.е. в 1916> году он приезжал в Москву, и мы виделись, и однажды на Воробьевых горах он читал наизусть в кругу прежних друзей большую поэму „Микола“» (ГЛМ).

Я писал Алексею Михайловичу письмо...— Речь идет о А.М.Чернышеве, издателе «Млечного Пути» (см. также коммент. к п. 38). Д.Н.Семёновский вспоминал: «Алексей Михайлович Чернышев был замечательным человеком. Весь свой заработок он тратил на журнал. Сам он тоже писал стихи» (Восп., 1, 158). Письмо Есенина к А.М.Чернышеву ныне неизвестно; при жизни адресата хранилось в его архиве (сообщено П.Н.Чернышевой).

...извинялся, что напечатал в «Журнале для всех» свою «Кручину»...— Это стихотворение (впоследствии печаталось без заглавия и известно по первой строке — «Зашумели над затоном тростники...») было впервые опубликовано в «Млечном Пути» (1915, № 2). Вторично появилось в петроградском «Новом журнале для всех» (1915, № 4) с посвящением: «Сергею Городецкому». Мотивы, по которым Есенин решил перепечатать это стихотворение, изложены им в письме к Н.Н.Ливкину от 12 авг. 1916 г. (п. 64, с. 82—84 наст. тома).

...Ливкин ∾ вырезал из «Мл<ечного> *Пути» ∾ прислал ∾ с заявлением: «Если вы напечатали стих*<отворения> *Есенина, то, думаю, не откажетесь и наши».*— В своих позднейших мемуарах Н.Н.Ливкин так описывает события, возмутившие Есенина: «Мне трудно вспомнить сейчас, при каких обстоятельствах однажды в моих руках оказался „Новый журнал для всех“, издаваемый в Петрограде, где было стихотворение Есенина „Кручина“, до

этого напечатанное в „Млечном Пути“ <...> я сгоряча, ни о чем толком не подумав, заклеил в конверт несколько своих и чужих стихотворений, напечатанных в „Млечном Пути“ и послал их в редакцию „Нового журнала для всех“. При этом я написал, что это, очевидно, не помешает вторично опубликовать их в „Новом журнале для всех“, так как напечатанные в нем недавно стихи Есенина тоже были первоначально опубликованы в „Млечном Пути“. К сожалению, в тот момент я думал только о том, чтобы мои стихи попали наконец в дорогой моему сердцу журнал. И совсем упустил из виду, что вся эта история может подвести Есенина. В то время вторично печатать уже опубликованные стихи считалось неэтичным.

И действительно, мое письмо поставило Есенина в несколько стесненное положение перед редакцией „Нового журнала для всех“, он был мной незаслуженно обижен» (Восп., 1, 164, 165).

...если Ливкин будет в «Мл<ечном> *Пути», то пусть мое имя будет вычеркнуто из списка сотрудников.*— По словам Н.Н.Ливкина, «Есенин прислал Чернышеву письмо, в котором сообщал, что если Ливкин и дальше, после своего неблаговидного поступка, будет оставаться в „Млечном Пути“, то он печататься в журнале не будет и просит вычеркнуть его имя из списка сотрудников» (Восп., 1, 165; написано уже после появления в печати комментируемого письма и по сути является почти дословным его пересказом). Есенин указан в числе сотрудников журнала в №№ 2—4 за 1915 г., Ливкин — в №№ 1—7 за тот же год, и его стихи, в отличие от стихов Есенина, продолжали появляться на страницах журнала (см. №№ 4, 5 и 7 за 1915 г.). Скорее всего, это свидетельствует, что редактор журнала А.М.Чернышев принял в конфликте сторону Н.Ливкина.

Жалко мне очень уж Колоколова. Мария Попер, я думаю, сама влезла.— Очевидно, Н.Ливкин отправил в «Новый журнал для всех» вместе с есенинской «Кру-

чиной» и своими стихами также и вырезки текстов Н.Колоколова и М.Папер (Есенин писал фамилию поэтессы через «о»). Д.Н.Семёновский, который познакомился с Есениным в университете им. А.Л.Шанявского, вспоминал: «Из шанявцев-литераторов Есенин, по его словам, никого не знал. „Познакомился здесь только с поэтом Николаем Колоколовым,— говорил он,— бываю у него на квартире. Сейчас он — мой лучший друг“» (Восп., 1, 152). Как Н.Колоколов, так и М.Папер названы в числе сотрудников журнала «Млечный Путь» (1914, №№ 5—7; 1915, № 1—7). Н.Ливкин мог выслать в петроградский журнал стихотворения Н.Колоколова «Снежинки», «Одиночество» (1914, № 5); «Алый мрак», «Снегурочка», «Чародейное» (1915, № 1); «В глубине» (1915, № 3) или рассказы «Яблоки» (1915, № 2), «Ручьи звенели...» (1915, № 3), а из произведений М.Папер — ее стихотворения «Тоска» (1914, № 4); «О люди, откройте мне двери!..», «Томлюсь на первую весну...», «Ярких сказочных перьев..» (1915, № 1), «Светлой памяти Арсения...» (1915, № 4), а также собственные стихи «Инок», «Ветка сирени», «Заря» (1915, № 2) или «В южном хмеле» (1915, № 4).

О Вас там будет отзыв ∾ «К тебе, о правда, не воззову ль».— Процитировано стихотворение И.Коробова «В дыму шрапнели», первоначально опубликованное в «Млечном Пути» (1915, № 1, с. 2):

В дыму шрапнели, в звенящем гуле,
В потоке крови, в напевах пуль,
В дыханьи красной, кипящей бури
К тебе, о Правда, не воззову ль?

В начале 1915 г. И.Коробов выпустил одноименный сборник своих стихотворений (он отмечен как поступивший в продажу в №№ 2—4 за 1915 г.). Этот сборник указан среди книг, присланных для отзыва в редакцию

«Нового журнала для всех» (1915, № 3, март, с. 73). Судя по словам Есенина, он знал о намерении своего петроградского приятеля А.А.Добровольского (о нем подробнее см. в коммент. к следующему письму) откликнуться на книгу И.Коробова в журнале; однако этот отклик в «Новом журнале для всех» ни в 1915-м, ни в 1916-м гг. не появлялся.

Сегодня я уезжаю.— Согласно упомянутому выше в текстологическом коммент. документу, Есенин выехал из Москвы в Константиново 4 мая 1915 г.

47. *А.А.Добровольскому.* 11 мая 1915 г. (с. 69).— Газ. «Рязанские ведомости», 1998, 2 окт., № 191, в статье Ю.Паркаева «Хранилось у Гриши Панфилова», с неточностями.

Печатается по автографу (Есенинский Культурный Центр, г. Москва), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Кузьминское Ряз. 11.5.15».

Датируется по этому штемпелю.

Каждый день ∾ играю в ливенку. ∾ Сложил я ∾ прибаску охальную ∾ и гузынил ее. Сгребли меня сотские ∾ Ливенку мою расшибли. ∾ Рекрута все за меня... — Отвечая на неизвестное ныне письмо Есенина, С.Городецкий 4 июня 1915 г., в частности, писал: «Очень я смеялся, как ты с ливенкой набуянил» (Письма, 200). Судя по этому отклику, Есенин описал Городецкому тот же самый эпизод в выражениях, близких к комментируемому фрагменту. Ср. также:

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

(Первая строфа стихотворения, вскоре опубликованного в Петрограде — журн. «Огонек», 1915, № 30, 26 июля — под заглавием «Рекруты»).

...кланяйся Анне Карловне. ∾ *Журнал для всех. Добровольскому Сашке.*— А.К.Боане была редактором-издателем «Нового журнала для всех» (1914—1916 гг.), привлекавшим к сотрудничеству в нем талантливую молодежь. В марте-апр. 1915 г. Есенин нередко бывал в редакции журнала. 30 марта он выступил на созванной там вечеринке молодых авторов: «Он вышел на маленькую домашнюю эстраду в своей русской рубашке и прочел помимо лирики какую-то поэму (кажется, „Марфу Посадницу").

<...>Большинство смотрело на него только как на новинку и любопытное явление. Его слушали, покровительственно улыбаясь, добродушно хлопали его „коровам" и „кудлатым щенкам", идиллические члены редакции были довольны, но в кучке патентованных поэтов мелькали очень презрительные усмешки» (В.С.Чернявский; Восп., 1, 203).

Возможно, к этим «патентованным» относятся слова Есенина из данного письма: «Помири моих хулителей» — судя по немногочисленным архивным материалам, связанным с именем адресата (их обзор, сделанный С.Г.Блиновым, см. в сб. «Встречи с прошлым», М., 1990, вып. 7, с. 103—109), в 1915 г. тот был активным сотрудником редакции журнала. Под маркой «Нового журнала для всех» А.Добровольский (под псевдонимом «А.Тришатов») выпустил книгу рассказов «Молодое, только молодое» (Пг., 1916).

Сохранилась совместная фотография Есенина и А.Добровольского 1915 г. (см.: НС, 1990, № 10, окт., с. 162; Письма, оборот первого вкл. л. между с. 128 и 129, где А.Добровольский ошибочно идентифицирован как Л.Каннегисер).

48. *Л.В.Берману.* 2 июня 1915 г. (с. 70).— Журн. «Звезда», Л., 1975, № 4, апр., с. 188—189 (публ. Т.Н.Конопацкой).

Печатается по автографу (ГЛМ), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Кузьминское Ряз. 2.6.15».

Датируется по этому штемпелю.

Посылал я вам письмо, а вы мне не ответили.— О знакомстве с Есениным весной 1915 г. Л.Берман вспоминал: «В маленькой секретарской комнатке нашей редакции <...> в тот день были обычные часы приема посетителей. Собралось примерно человек восемь-десять. Ждали Дмитрия Владимировича Философова. Среди пришедших был и совсем не похожий на других, очень скромного вида паренек в длинном демисезонном пальто. Он прошел и сел в уголок.

Так как Философов в этот день так почему-то и не пришел, мне пришлось заменить его и самому беседовать с посетителями. Обратился наконец я и к терпеливо молчавшему в своем уголке пареньку:

— А вы с чем пришли?

Он ответил:

— Я принес стишки.

— Интересно их послушать,— сказал я,— редактора нет, прочтите их.

Охотно, нимало не смущаясь, парень стал певуче читать стихи. Нараспев читали свои стихи и Блок, и Ахматова, и Гумилев. Он же читал совсем иначе, очень просто и очень-очень по-своему. Сразу поразила удивительная мелодичность стихов и их неподкупная искренность. <...>

В этот раз мы хорошо поговорили с ним, и он оставил свои стихи в редакции. После этого Есенин стал частенько бывать у нас...» (журн. «Звезда», Л., 1975, № 4, апр., с. 187—188).

«Летом я получил от него письмо из Константинова,— писал далее Л.Берман.— Конечно, ему ответил и журнал послал. Первого же его письма, о котором он пишет, я не получал, по-видимому, оно затерялось» (там же, с. 188). Ответ Бермана Есенину был написан только 26 июля

1915 г. в Абазовке Полтавской губернии: «Простите меня, голубчик, за то, что не отвечал: все было не до того, но всегда радовался, когда слышал что-нибудь о Вас» (Письма, 203).

Меня забрили в солдаты...— Согласно п. 43 (см. с. 65 наст. тома), Есенин должен был явиться на призывной участок в Рязани 14 мая. По законам Российской Империи, «к исполнению воинской повинности» призывался «ежегодно один только возраст населения, именно молодые люди, которым исполнилось 20 лет от роду к первому января того года, когда производится призыв» (Свод законов Российской Империи. Т. IV. Устав о воинской повинности. Пг., 1915, с. 9). Согласно тому же уставу, Есенин, как единственный сын в семье, имел право на льготу первого разряда, по которой лица, ею пользующиеся, на службу не назначались, «хотя бы для выполнения общего годового призыва недоставало прочих людей, призванных к исполнению воинской повинности»(там же, с. 24—25). Они могли быть призваны только в местное ополчение и именовались ратниками государственного ополчения второго разряда. В условиях военного времени 1915 г. власти предполагали снять эту льготу с тем, чтобы ратники второго разряда могли быть призваны в действующую армию, и поэтому ускорили приписку всех двадцатилетних юношей к призывным участкам (см. коммент. к п. 43). См. также коммент. к п. 49.

Поны́ка — в рязанских диалектах «подслеповатый, близорукий человек» («Словарь русских народных говоров», СПб., 1995, вып. 29, с. 260).

На комиссию отправ<или>.— О решении комиссии см. коммент. к следующему письму.

Пришлите журнал-то.— Речь идет об очередном (или очередных) номере (номерах) «Голоса жизни». Есенин получил их, поскольку в п. 49 (с. 72) сообщает, что читал стихи М.Струве, напечатанные в 24-м номере журнала от 10 июня 1915 г.

Да пропишите про Димитрия Владимирови<ча>. *Как он-то живет.*— Не дождавшись ответа от адресата, Есенин написал Д.В.Философову сам — это явствует из письма Л.Бермана в Константиново от 26 июля 1915 г.: «Был как раз у Дмитрия Владимировича, когда (в июне) пришло от Вас письмо и стихи, которые читал, как всегда, с радостью и... немножко с завистью» (Письма, 203). Письмо, о котором здесь идет речь, неизвестно. По словам В.Чернявского, «к Философову он <Есенин> относился очень хорошо. Тот пленил его крайним вниманием к его поэзии, авторитетным, барственно мягким тоном джентльмена» (Восп., 1, 207). 12 апр. 1915 г. Д.Философов подарил юному поэту свои книги «Неугасимая лампада» и «Старое и новое» (обе — 1912) с теплыми дарственными надписями (тексты их см. наст. изд., т. 5, с. 519). Даже через десять лет Есенин писал: «Философов <...> и посейчас занимает мой кругозор» (наст. изд., т. 5, с. 229).

49. *В.С.Чернявскому*. После 12 или 13 июня 1915 г. (с. 71).— Журн. «Звезда», Л., 1926, № 4, с. 222–223 (публ. В.С.Чернявского; с неточностями и ошибочной датировкой: «Получено около 1 августа 1915 г.»); в Есенин 5 (1962), с. 117,— ориентировочная дата: «Июнь — июль 1915 г.»

Печатается по выправленной адресатом машинописной копии письма в составе его мемуаров «Три эпохи встреч» (ГЛМ). Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется по содержанию. Во-первых, оно является ответом на письмо В.Чернявского Есенину от 26 мая 1915 г. (полный его текст: Письма, 198–200; см. также реальный коммент.). Во-вторых, о пребывании Л.Каннегисера в Константинове в нем говорится как о совершившемся уже событии; судя же по началу письма Л.Каннегисера Есенину от 21 июня 1915 г.: «Дорогой Сережа, вот уже почти 10 дней, как мы расстались!» (Письма, 201),—

его отъезд произошел 12 или 13 июня. В-третьих, в письме упоминается читанный Есениным журнал «Голос жизни» со стихами М.Струве; этот номер журнала (№ 24) вышел 10 июня 1915 г. и мог быть получен в Константинове тоже 12 или 13 июня (при условии отправки его из Петрограда в день выхода).

Дорогой Володя! — По свидетельству адресата, Есенина он «увидел впервые 28 марта 1915 года» (Восп., 1, 198). Вспоминая об этой встрече, В.Чернявский писал: «Говорил он о своих стихах и надеждах с особенной застенчивой, но сияющей гордостью, смотря каждому прямо в глаза, и никакой робости и угловатости деревенского паренька в нем не было» (Восп., 1, 199). Взаимной приязнью Есенина и Чернявского отмечено все время их общения. К Есенину обращено несколько стихотворений, написанных В.Чернявским в 1915—1916 гг. (фрагмент одного из них: Восп., 1, 475); Есенин посвятил Чернявскому поэму «Сельский часослов» (1918). В 1918 г. Чернявский стал крестным отцом дочери Есенина — Татьяны.

Радехонек за письмо твое.— В этом письме, в частности, говорилось: «Милый друг Сергуня, все время хранил о тебе хорошую память, но сам знаешь, как беспутно живут твои петербургские знакомцы, а потому и извинишь, что я тебе не писал <...> Так я буду ждать от тебя письма и сведений о себе и непременно тебе отвечу, милый друг. Мы с тобой мало видались в Питере, но ты, я думаю, знаешь, что я к тебе очень дружески отношусь и рад был, что ты встретился на моем пути. Пиши, что поделываешь, чем живешь» (Письма, 198—200).

...оно меня не застало по приходе. ∾ Приезжал ∾ Каннегисер. Я с ним ∾ в монастыре ∾ который далеко от Рязани.— Судя по этим словам, «паломничество» Есенина и Каннегисера состоялось в самом конце мая — начале июня 1915 г. Монастырем, в котором они побывали, скорее всего, явился Рязанский Богословский общежи-

тельный мужской монастырь, расположенный приблизительно в 10 км от Константинова: он славился своей древностью — по преданию, эта обитель была основана еще в XIII веке. Об этом совместном путешествии вспомнил в письме Есенину из Брянска и Л.Каннегисер: «Ходил вчера <т. е. 20 июня> в Свенский монастырь; он в нескольких верстах от города, на берегу Десны. Дорога ведет по возвышенной части берега, но она пыльная, и я шел стежками вдоль реки и, конечно, вспоминал другую реку, другие стежки по траве и рядом со мною — босого и веселого мальчика. Где-то он теперь?» (Письма, 201).

Ему у нас очень понравилось. ᔓ *Полюбилось так, что еще хотел приехать.*— Л.Каннегисер не раз писал об этом и в письмах: «Через какую деревню или село я теперь бы ни проходил (я бываю за городом) — мне всегда вспоминается Константиново, и не было еще ни разу, чтобы оно побледнело в моей памяти или отступило на задний план перед каким-либо другим местом. Наверное знаю, что запомню его навсегда. Я люблю его» (Письма, 201); «А как у вас? Что твоя милая матушка? Очень ей от меня кланяйся. А сестренки? Я к ним очень привязался и полюбил их за те дни, что провел у вас. <...> Я <...> помню <...> все, что касается милого Константинова» (Письма, 206).

От военной службы меня до осени освободили. ᔓ *Сперва было совсем взяли.*— Эта отсрочка, как установил В.А.Вдовин, была связана не столько с близорукостью Есенина, сколько с незавершенностью разрешения властью вопроса о призыве в действующую армию ратников второго разряда: «Поначалу предполагалось, что Николай II издаст высочайший манифест и призыв ратников второго разряда в действующую армию будет проведен летом 1915 года. В связи с этим к 4 мая в срочном секретном порядке был заготовлен корректурный оттиск объявления о призыве ратников государственного ополчения второго разряда. <...> Однако при рассмотрении во-

проса о призыве ратников в заседании Совета министров 12 июня 1915 года Николай II неожиданно для министра внутренних дел и военного министра предложил передать этот вопрос на обсуждение Государственной Думы и Государственного Совета. В связи с этим призыв ратников второго разряда был отложен на осень, о чем шифрованной телеграммой были извещены начальники штабов военных округов.

Этим и объяснялась отсрочка от призыва до осени, данная летом 1915 года всем ратникам второго разряда, в том числе и Есенину.

Разумеется, эту истинную причину отсрочки <...> не могли объявить ратникам. Есенину, по-видимому, было сказано, что его призыв отложен на осень по слабости зрения. Поверив в это объяснение, Есенин и повторил его в письме» (ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 156—157).

Слова Есенина — ответ на следующее место из письма В.Чернявского от 26 мая 1915 г.: «Мне хотелось бы узнать, чем разрешился вопрос о твоей воинской повинности; надеюсь, напишешь словечко» (Письма, 199). См. также п. 48 и коммент. к нему.

Принимаюсь за рассказы. 2 уже готовы.— Ныне известны два рассказа Есенина — «Бобыль и Дружок» (о его публикации и предполагаемом времени создания см. также коммент. к п. 39) и «У белой воды» (опубликован 21 авг. 1916 г.). Первый из них, скорее всего, написан в 1914 или в начале 1915 г. Время создания второго рассказа в точности неизвестно. Известно, однако, что свою повесть «Яр» Есенин написал именно летом 1915 г. в Константинове (подробнее см. наст. изд., т. 5, с. 338—339). По-видимому, рассказы, о которых пишет Есенин Чернявскому, стали позднее из поначалу самостоятельных произведений составными частями повести «Яр».

Каннегисер говорит, что они ему многое открыли во мне. ∾ понравились больше, чем надо.— 25 авг. 1915 г. Каннегисер спрашивал Есенина: «А что твоя проза, кото-

рая мне так понравилась? Я рассказывал о ней Софии Исаковне <С.И.Чацкиной, редактору журн. «Северные записки»> и очень ее заинтересовал» (Письма, 206). В следующем письме — 11 сент. 1915 г.— он вновь вернулся к тому же вопросу: «Жду твоей прозы. София Исаковна просит тебе передать: 1) чтобы ты послал им в „Северные записки“ всю прозу, сколько у тебя есть, и поскорее...» (Письма, 210).

Повесть «Яр» была напечатана именно в «Северных записках» (1916, №№ 2—5, февр.-май).

Стихов ему много не понравилось, но больше восхитило. Он ∾ собирался статью писать.— 21 июня 1915 г. Каннегисер, напомнив Есенину о себе как о «любовно запоминавшем» его стихи — «„Улогого“ и „Разбойника“», —продолжил эти слова так: «И теперь, когда мне грустно или весело, я вспоминаю и говорю их про себя, а иногда и громко, и жалею, что не запомнил ничего, кроме них» (Письма, 201). Замысел статьи Л.Каннегисера о творчестве Есенина остался нереализованным.

Интересно, ∾ на какой стороне Философов и Гиппиус. Ты узнай, Володя.— Отклик на слова В.Чернявского из его письма Есенину от 26 мая 1915 г.: «Гимназист Оксенов, бывший недавно по приглашению, для „ощупывания“ в качестве представителя зеленой молодежи у Мережковских, рассказывал мне, то там *много* о тебе говорили и что мнения расходились» (Письма, 199; выделено автором). Чернявский ответил 8 авг. 1915 г.: «...что касается твоей старой просьбы узнать мнения, я ничего путного не узнал: сказали мне только, что говорили о тебе „как о хорошем мальчике“, будто бы тебя в Питере кто-то портит, а как о поэте ничего не говорили, а Философов вообще в разговоре участия не принимал» (Письма, 204—205).

...я отослал им стихи, а ответа нет.— О том, что его стихи были получены Д.Философовым, Есенин узнал позднее — из письма к нему Л.Бермана от 26 июля

1915 г. (см. цитату в коммент. к п. 48). См. также ниже коммент. к п. 51.

За июнь посмотри «Сев<ерные> зап<иски>». Там я уже напечатан, как говорит Каннегисер.— По-видимому, в разговоре Каннегисера с Есениным на эту тему шла речь о верстке очередного номера «Северных записок», который на этот раз оказался сдвоенным. Отвечая Есенину на его неизвестное ныне письмо, С.И.Чацкина извещала его 18 июля 1915 г.: «Ваша „*Русь*“ печатается в июльской книжке и на днях появится. Тогда пришлем Вам и книжку и денег» (Письма, 203; выделено автором).

Жду только «Русскую мысль».— До своего отъезда из Петрограда Есенин еще не получил сведений о судьбе стихотворений, сданных им в этот журнал. В майском письме Городецкому он, очевидно, попросил адресата узнать об этом, поскольку 4 июня 1915 г. С.Городецкий отвечал: «В „Русскую мысль“ твои стихи приняли с удовольствием, как и везде. Пошли ей свой адрес» (Письма, 200). Как писать в «Русскую мысль», Есенин не знал и вскоре обратился к С.И.Чацкиной с просьбой сообщить ему адрес этого журнала, что и было выполнено в упомянутом выше письме от 18 июля 1915 г. (см.: Письма, 203). По-видимому, свой запрос в «Русскую мысль» Есенин послал уже в августе, так как ответ редакции был отправлен ему лишь 21 авг. 1915 г.:

«Милостивый Государь! Стихи Ваши („Инок“, „Калики“ и „Вечер“) напечатаны в июльской книжке. Извещение о том, что они приняты, было давно послано Вам по петербургскому адресу и было возвращено почтой» (Письма, 205).

Из письма Л.Каннегисера в Константиново от 11 сент. 1915 г. явствует, что Есенин (в письме конца авг.— начала сент.) попросил его взять в редакции журнала эту «июльскую книжку»:

«Высылаю тебе оттиски твоих стихов из „Русской мысли“. Я был там сегодня утром. <...> Книжки они тебе

не выслали и дать мне не хотели, оттого, что, говорят,— раз сделали оттиски, то книжки не полагается. Если непременно хочешь книжку,— напиши — вышлю!» (Письма, 210).

Все упомянутые здесь есенинские письма мая — сент. 1915 г. (С.Городецкому, С.Чацкиной, в редакцию журнала «Русская мысль» и Л.Каннегисеру) ныне неизвестны.

Читал в «Голосе жизни» Струве. Оба стиха понравились.— Стихотворения М.Струве «Опять весна пути открыла...» и «Пусть гибнут все создания столетий...» были опубликованы в журнале 10 июня 1915 г. (№ 24).

Есть в них, как и в твоих, «холодок скептической печали».— Источник цитаты не выявлен. Возможно, это строка из стихотворения адресата.

Милый Рюрик! Один он там остался! — Это отклик Есенина на слова из письма к нему Р.Ивнева (конец мая 1915 г.): «Чернявский скоро уезжает <...> Один я остаюсь в Петербурге, буду, вероятно, жить на даче около города» (Письма, 198). Впрочем, в то время, когда Есенин вспомнил эти строки, Р.Ивнев уже находился в Туркестанском крае. «Дышу степным воздухом, пью кумыс и думаю о милом Петербурге. И всё так хорошо»,— писал он одному из друзей 19 июня 1915 г. из Ташкента (РГАЛИ, ф. М.В.Бабенчикова).

Городецкий мне всё собирается писать, но пока не писал.— Известно, однако, письмо С.Городецкого Есенину от 4 июня 1915 г. (Письма, 200), которое, казалось бы, должно было быть получено Есениным к моменту написания комментируемого письма (ср. с его датировкой). Остается предположить, что к середине июня 1915 г. Есенин почему-то еще не получил указанного письма Городецкого.

Писал Клюев, но я ему всё отвечать собираюсь.— Первое письмо Н.Клюева Есенину было отправлено еще 2 мая 1915 г. (его текст см.: Письма, 196, а также коммент. к п. 44). Из начальных фраз другого клюевского письма в Константиново (от 9 июля 1915 г.: «Что же ты,

родимый, не отвечаешь на мои письма? Мне бы хотелось узнать, согласен ли ты с моим пониманием твоих стихотворений: я читал их в „Голосе жизни“...» — Письма, 202) явствует, что в мае или июне 1915 г. Клюев написал Есенину еще одно письмо, которое ныне неизвестно.

Рюрику я пишу...— Подлинные письма Есенина 1915 г. к этому адресату неизвестны. Восстановленные им много лет спустя по памяти тексты «писем Есенина» (РГАЛИ, ф. Р.Ивнева; опубликованы Н.Леонтьевым — газ. «Новые рубежи», г. Одинцово Московской обл., 1987, 1 окт., № 118) не могут рассматриваться как аутентичные оригиналам. С.В.Шумихин в связи с этим писал: «...в РГАЛИ поступила <...> школьная тетрадь, в которой дрожащим почерком восьмидесяти с чем-то летний Рюрик Ивнев записывал простой шариковой ручкой „автографы“, так сказать, этих писем, да еще с правкой сочинителя, наглядно показывающей его работу над текстом»,— квалифицируя далее эту рукопись Р.Ивнева как «свидетельство его стремления снискать себе двусмысленную славу» (журн. «De visu», М., 1994, № 5/6, с. 167).

...на Костю осердился. Он не понял ∾ *Коровы хворают, люди не колеют.*— Речь идет об общем петроградском приятеле Есенина и Чернявского — К.Ю.Ляндау — и о ситуации, описанной адресатом Есенина 26 мая 1915 г.: «Твою открытку, пропитанную сибирской язвой и описывающую неслыханные обычаи, Костя слишком предусмотрительно сжег, не дав даже нам прочесть!» (Письма, 199). Судя по этим словам, в есенинском письме рассказывалось об обряде опахивания, к которому прибегали в деревнях при «коровьей чуме» еще в XX веке; несколькими месяцами позже описание этого обряда стало одним из эпизодов повести Есенина «Яр»:

«При опахиванье, по сказам стариков, первый встречный и глянувший — колдун, который и наслал болезнь на скотину.

Участники обхода бросались на встречного и зарубали топорами насмерть» (наст. изд., т. 5, с. 105; см. также с. 106 и коммент. Е.А.Самоделовой к этому месту повести — там же, с. 373—375).

Я странник улогой ∾ *А в сердце Исус.*— Первая редакция стихотворения «Я странник убогий...». Об истории его текста см. наст. изд., т. 4, с. 292—293 (варианты), 376—378.

50. *В.С.Чернявскому.* 22 июля 1915 г. (с. 73).— Журн. «Звезда», Л., 1926, № 4, с. 223 (публ. В.С.Чернявского).

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Кузьминское Ряз. 22.7.15».

Датируется по этому штемпелю.

Осенью я опять буду в Питере.— Вторично Есенин приехал в Петроград в начале окт. 1915 г.

Письмо я твое получил на покосе.— Это письмо адресата ныне неизвестно.

Я очень жалею, что «Гол<ос> *жиз*<ни>» *закрылся. Знаешь ли ты причины?* — Об участии Есенина в этом журнале см. пп. 44 и 48 и коммент. к ним. Начиная с № 18 (1915), его фамилия неизменно указывалась на второй странице обложки журнала среди участвующих в литературном отделе. О прекращении издания было объявлено в № 26 «Голоса жизни» от 24 июня 1915 г. В своем ответном письме Чернявский сообщил: «„Голос жизни“ распался из-за ссоры Философова с издателем» (8 авг. 1915 г.; Письма, 205).

В «Ежемес<ячном> *жур*<нале>» *Миролюб*<ова> *были мои стихи.*— Они перечислены в коммент. к п. 44.

Городецкий недавно прислал письмо...— Не исключено, что здесь имеется в виду письмо Городецкого Есенину от 4 июня 1915 г., запоздавшее приходом (о нем см. выше в коммент. к п. 49; его текст — Письма, 200). И все же

более вероятно, что в июле 1915 г. в Константиново пришло другое (не известное в настоящее время) письмо С.Городецкого, о котором и говорится здесь.

...но еще почему-то не отвечает, по-видимому, он оч<ень> *занят.*— Городецкий ответил 7 авг. 1915 г.: «Твое чудесное письмо обрадовало меня очень перед отъездом сюда, в Крым. Но я такой был усталый и пыльный, что ничего не мог бы тогда передать из того, что чувствовал. Мне всё еще нова радость, что ты есть, что ты живешь, вихрастый мой братишка. Так бы я сейчас потягал тебя за вихры кудрявые! Я тебе не скажу, что́ ты для меня, потому что ты сам знаешь. Ведь такие встречи, как наша, это и есть те чудеса, из-за которых стоит жить. <...> Я к концу этого месяца буду в Петрограде, М.Посадская, 14. Ты мне туда и напиши длинное письмо, а сюда *Судак, дача Суковой, Таврической губ.*, напиши сейчас же хоть два слова о себе, как здоров, что работаешь» (Письма, 204; выделено автором). Ни одно из писем Есенина Городецкому неизвестно.

Я ведь жду от тебя полн<ого> *ответа.*— Чернявский отвечал 8 авг. 1915 г.: «Милый Сережа, прости, что не пишу большого обещанного письма, очень занят, у меня в сентябре экзамены (всегда ты от меня слышишь об экзаменах, можно подумать, что я все только сохну над наукой!)» (Письма, 204).

Как Костя и Рюрик? Видел ли их? — Речь идет о К.Ляндау и Р.Ивневе. В том же письме от 8 авг. 1915 г. из Спасска Казанской губернии Чернявский писал: «Костю и Рюрика я не видал; Рюрик проезжал по Волге близко от меня, но не успел известить, а Костя блаженствует в имении у своих знакомых и занимается живописью, которая больше ему к лицу, чем поэзия» (Письма, 205).

51. *Д.В.Философову*. До 20 августа 1915 г. (с. 74).— Есенин 5 (1962), с. 119–120.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. А.А.Измайлова).

Датируется по сопоставлению с ответным письмом адресата (текст см. ниже) от 21 авг. 1915 г.

Дорогой Дмитрий Владимирович.— О взаимоотношениях Есенина с адресатом письма см. выше в коммент. к п. 48.

Мне очень бы хотелось быть этой осенью в Питере...— Ср. с п. 50 и с коммент. к нему.

...думаю издавать две книги стихов.— Скорее всего, речь идет о сборниках «Авсень» (в свет не вышел; состав неизвестен) и «Радуница» (Пг.: М.В.Аверьянов, 1916). Подробнее о путях реализации этих издательских планов см. коммент. к пп. 44 и 55.

Очень бы просил Вас поместить куда-либо моего «Миколая Угодника». Может быть, выговорите мне прислать деньжонок к сентябрю.— 21 авг. 1915 г. Философов отвечал: «Сергей Александрович. Стихи Ваши „Микола“ я отправил сегодня, при письме, редактору „Биржевых ведомостей“. О судьбе их Вас извещу. Душевно Ваш Д.Философов» (Письма, 205). К тексту «Миколы», кроме есенинского письма, Философов приложил и свое собственное (с датой: 22 (так!) авг. 1915 г.): «Многоуважаемый Михаил Михайлович <Гаккебуш> <...> посылаю <...> стихи Сергея Есенина, с его письмом на мое имя. Стихи этого талантливого поэта из народа печатались уже в „Русской мысли“ и в „Северных записках“» (Письма, 306). Этих слов критика оказалось достаточно — поэма «Микола» через три дня (25 авг.) увидела свет на страницах Бирж. вед. См. также наст. изд., т. 2, с. 283—284, где комментируемое и процитированные здесь письма послужили к уточнению датировки произведения.

Проездом я бы уплатил ∾ в университет Шанявского ∾ думаю серьезно заниматься.— Это намерение Есенина продолжить занятия в университете, начатые им

в 1913 г., не осуществилось. На постоянное жительство в Москву он вернулся лишь в марте 1918 г.

Тут у меня очень много записано сказок и песен. Но до Питера с ними пирогов не спекешь.— Петроградские редакторы действительно заинтересовались этой работой Есенина как собирателя фольклора после того, как им стало о ней известно. 16 сент. 1915 г. сотрудник редакции Еж. ж. известил поэта: «Вашим сообщением о сказках и песнях старинных Виктор Сергеевич <Миролюбов, редактор Еж. ж.> заинтересовался и просит прислать их ему» (Письма, 210). Еще раньше, 18 июля 1915 г., редактор «Северных записок» С.И.Чацкина написала Есенину: «Надеюсь, что привезете нам сказок и песен» (Письма, 203), а 11 сент. Л.Каннегисер передавал Есенину, что «София Исаковна <...> сказки просит записывать „сырьем“ — как они говорятся...» (Письма, 210). Кроме того, еще в конце апр. 1915 г., когда Есенин был в Петрограде, С.М.Городецкий под маркой издательства «Краса» выпустил отдельной брошюрой свое стихотворение «А.С.Пушкину». В рекламном объявлении издательства, помещенном в этой брошюре, значился (как готовящийся к изданию) сборник «Рязанские прибаски, канавушки и страдания», составлять который, по словам Городецкого (Восп., 1, 181), должен был Есенин. Этот сборник так и не вышел, и в 1918 г. Есенин опубликовал собранные им в 1915 г. частушки в московской газете «Голос трудового крестьянства» (тексты и коммент. к ним см. наст. изд., т. 7, кн. 1).

Жалко мне очень, что «Голос жизни»-то закрыли.— См. п. 50 и коммент. к нему.

Может быть, «Современник» возьмет.— В этом журнале враждебного Д.В.Философову марксистского направления стихи Есенина не публиковались. Не исключено, что есенинские слова восходят к следующему месту из письма А.Кольцова В.Белинскому от 7 марта 1838 г.: «За-

втра <...> поговорю о ней <статье>; может, он <редактор> возьмет в „Современник“» (Кольцов 1911, с. 179).

52. *Ф.Ф.Фидлеру*. 10 октября 1915 г. (с. 74).— Есенин 5 (1962), с. 120 (с неточностью).

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. Ф.Ф.Фидлера).

Датируется по помете адресата на листе письма: «10 окт. 1915».

Я был последнее время у Ясинского.— Возможно, именно в результате этих контактов с И.И.Ясинским, в то время редактировавшим Бирж. вед., 11 окт. 1915 г. на ее страницах было опубликовано стихотворение Есенина «Выть» («Черная, пóтом пропахшая выть...»; наст. изд., т. 1, с. 64). Не исключено, что одна из встреч поэта с редактором имела место как раз 10 окт. 1915 г.— в этот день на квартире С.Городецкого, где тогда жил Есенин (см. об этом п. 53), должно было состояться «совещательное собрание литературного о-ва „СТРАДА“», на которое был приглашен Ясинский и где ожидались «Илья Еф. Репин, Ремизов, Добронравов и др.» (из письма М.П.Мурашева И.И.Ясинскому от 8 окт. 1915 г.— РНБ, ф. И.И.Ясинского).

Заметки наши...— К этим словам Ф.Фидлер сделал примечание: «Написанные у меня (и нечаянно захваченные) автобиогр<афические> *даты*» (выделено автором). Слово «наши» означает здесь: «Есенина и Клюева», поскольку первое посещение Есениным фидлеровской квартиры, где были сделаны эти заметки, состоялось в обществе Клюева 6 окт. 1915 г. Знакомство Фидлера с Есениным произошло в тот же день, несколькими часами раньше, на квартире критика А.А.Измайлова. События указанного дня были описаны Фидлером в его дневнике:

«Сегодня Измайлов пригласил меня на обед. <...> Были также оба народных поэта; после обеда я позвал

их к себе: 27-летний Ник. Алексеев. Клюев (в рубашке из цветного ситца <...>) и 20-летний Серг. Александр. Есенин (приятное мальчишеское лицо с доверчиво-наивными глазами из-под светлых курчавых волос). Оба — старообрядцы. Делая запись в моем альбоме „В гостях", они употребили слово „Спас", но написали его с маленькой буквы, которую затем — после того, как я и Измайлов обратили на это внимание,— исправили на заглавную. Когда мы ехали в трамвае, Есенин, сидевший рядом со мной, вдруг посмотрел на меня как-то удивленно и робко назвал меня „ты". Он — простой крестьянин, живет недалеко от Рязани. Клюев <...> живет со своим 75-летним отцом в избе на берегу реки; он черпает из нее воду, готовит еду, стирает белье, моет полы — словом, ведет все хозяйство. Он не курит, однако употребляет мясо (в его забытой Богом деревне не растут даже огурцы и капуста) и пьет пиво (у меня). В юности он носил на теле вериги; на мой изумленный вопрос, для чего он это делал, он ответил просто: „для Бога". Увидев у меня обрамленный автограф Гейне, он обратился к Есенину и сказал ему с упреком, который, казалось, относится не только к Есенину, но и к нему самому: „Из семи строк сделано четыре! Видишь, как люди писали!" Оба восхищались моим музеем и показались мне достаточно осведомленными в области литературы. Увидев гипсовую голову Ницше, Есенин воскликнул: „Ницше"! <...> Видимо, Клюев очень любит Есенина: склонив его голову к себе на плечо, он ласково поглаживал его по волосам» (цит. в пер. с нем. К.М.Азадовского по его статье «Клюев и Есенин в октябре 1915 года (по материалам дневника Ф.Ф.Фидлера)» — журн. «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris, 1985, t. XXVI, f. 3/4, p. 417).

И Есенин, и Клюев записали в упомянутый Фидлером альбом («В гостях. XVII») по своему четверости-

шию: первый — из стихотворения «Не с бурным ветром тучи тают...» (впоследствии — «Не ветры осыпают пущи...»):

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елках крылья херувима,
А под пеньком голодный Спас;

второй — из стихотворения «Судьба-старуха нижет дни...»:

Всё прах и дым, но есть в веках
Богорожденный час,
Он в сердобольных деревнях
Зовется Светлый Спас.

(Там же, p. 421–422).

Сделаны были ими записи и в другой альбом Фидлера — «У меня. XII» — уже на квартире хозяина. Есениным был вписан экспромт (?):

Перо не быльница,
Но в нем есть звон.
Служи, чернильница,
Лесной канон.
О мати вечная,
Святой покров.
Любовь заречная —
Без слов.

(Наст. изд., т. 4, с. 248).

Клюев же отразил в своей записи впечатление от экспонатов домашнего музея Фидлера:

«Автограф Гейне, трубка Пушкина, вторая часть „Мертвых душ“ с заметками Гоголя и моя бренная подпись! — Приходится верить в чудеса и в наш век железа и лжи. На память и жизнь бесконечную дарю малое за

большое Федору Федоровичу» (цит. по статье К.М.Азадовского «Клюев и Есенин...», р. 417).

Что касается биографических заметок поэтов, написанных, очевидно, по просьбе Фидлера, то (по мнению В.А.Вдовина (Есенин 6 (1980), с. 267), с которым согласился К.М.Азадовский), тот хотел использовать их «во втором издании составленного им сборника „Первые литературные шаги“, которое он в то время готовил» («Клюев и Есенин...», р. 418). Это издание не осуществилось.

...узнал, что они затеряны. Пришлите ∾ *ваш другой листок.*— Заполняли ли Есенин и Клюев для Фидлера его опросные листы повторно,— неизвестно.

53. *Л.Н.Столице.* 22 октября 1915 г. (с. 75).— Журн. «Нева», Л., 1970, № 10, окт., с. 199 (публ. А.П.Ломана и И.А.Ломан; по копии, в то время находившейся в коллекции Я.С.Сидорина; с неточностями).

Печатается по Есенин 6 (1980), с. 66, где воспроизведено по указанной копии. Теперешнее местонахождение источника текста письма неизвестно.

Датируется по фразе: «Вчера мило гуторил с Блоком» — эта беседа состоялась 21 окт. 1915 г. (Зап. кн., 269; см. также коммент. к п. 41). Приведенный первыми публикаторами письма почтовый штемпель его получения в Москве («25.X.15»; источник даты в публикации не указан) содержанию письма не противоречит.

Очень радуюсь встрече с Вами...— Эта встреча состоялась в сент. 1915 г., по пути Есенина из Константинова в Петроград — в Москве. Тогда Л.Столица подарила ему свою книгу «Русь» (М., 1915; фактически вышла в нояб. 1914 г.), написав на ней: «Новому другу — который, быть может, буд<ет> дороже старых... С.А.Есенину — Любовь Столица. 1915 года Сентября 30-ого дня. Москва» (архивохранилище печатных изданий РГАЛИ, шифр 750а/33718; в журн. «Нева», Л., 1970, № 10, окт., с. 199 — с неточностями). Возможно, тогда же Есенин

посвятил адресату письма стихотворный экспромт «Любовь Столица, Любовь Столица...» (наст. изд., т. 4, с. 249; коммент. к этому тексту — там же, с. 458—459, где, в частности, приведена портретная характеристика поэтессы).

Сейчас, с приезда, живу у Городецкого... — т. е. по адресу: Петроград, М. Посадская, 14 (Письма, 200).

...одолеваем ухаживаньем Клюева.— Ср. с записью Ф.Фидлера от 6 окт. 1915 г. (см. коммент к п. 52). См. также фрагмент воспоминаний В.С.Чернявского (ГЛМ): «„Он <Клюев> совсем подчинил нашего Сергуньку: поясок ему завязывает, волосы гладит, следит глазами" (моя запись 1 дек. <19>15)» (цит. по статье: McVay G., «Nikolai Klyuev: Some biografical materials» — в кн. Н.Клюева «Сочинения / Общ. ред. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова», [Мюнхен], 1969, т. 1, с. 195).

Вчера мило гуторил с Блоком... — После встречи с Есениным и Клюевым 21 окт. 1915 г. Блок пометил: «Хорошо» (Зап. кн., 269).

...25 в Тенишевском зале выступаю ~ при участии Клюева, Сережи <Городецкого>, *Ремизова и др.* — Афиша этого вечера приведена, напр., в: Хроника, 1, 76—77. Вечер получил в петроградской печати противоречивые отклики. З.Бухарова, характеризуя есенинское выступление на нем, называла молодого поэта «рязанским Лелем», «милым юным баяном», а его поэзию — наполненной «мудро-детскими волхвованиями, исконно-благолепной образностью, языческой природной непосредственностью», поименовав в заключение Есенина и Клюева «певцами-философами русской деревни» (газ. «Петроградские ведомости», 1915, 4 нояб.; подпись: З.Б.). Напротив, критик социал-демократической ориентации М.Левидов усмотрел в вечере «Краса» ни много ни мало «поход против западной, т. е. общечеловеческой, культуры во имя народности и православия» («Журнал журналов», Пг., 1915, № 30, нояб., с. 8).

Сочувственная и в то же время объективная оценка выступлений участников вечера «Краса» была дана Б.Садовским:

«...Клюев выступал со своими новыми стихами. <...> Стих Клюева во многих местах достигает большой изобразительности и силы. <...> Ложный взгляд на поэта-крестьянина как на какое-то низшее существо, обреченное петь свои страдания и каторжный труд, не заглядывая в иные сферы,— должен отойти в вечность. Это и поняли сами „поэты из народа“. Не приобщаясь к нашим повседневным мелочам литературной борьбы, они остаются, в сущности, сами собой.

С.Городецкий, прочитавший на вечере несколько своих новых стихотворений, по-видимому, возлагает на народную поэзию чрезмерные надежды. Конечно, отчасти он и прав. После бездушной поэзии „эстетов“ из „Аполлона“ и наглой вакханалии футуризма отдыхаешь душой на чистых, как лесные зори, вдохновениях народных поэтов. Но будущее русской поэзии принадлежит не им: только в союзе с наследниками Пушкина и Фета возможен действительный шаг вперед. Иначе „народная поэзия“ может неожиданно оказаться всего лишь самовлюбленным маскарадом. Неприятные оттенки этого маскарада замечаются уже в самой внешности выступающих перед публикою Тенишевского училища „певцов“ и „дударей“. Дегтярные сапоги и парикмахерские завитые кудри дают фальшивое впечатление пастушка с лукутинской табакерки. Этого мнимого „народничества“ лучше избегать» (Бирж. вед., 1915, 30 окт. (12 нояб.), № 15179, с. 5; рубрика «В литературном мире»).

Скорее всего, критика Б.Садовского (направленная прежде всего по адресу не названного им Есенина) была связана с впечатлением от заключительного номера вечера — «прибасок, канавушек, веленок и страданий (под ливенку)» (из афиши — Хроника, 1, 77). Спустя почти

двадцать лет П.Карпов так описал этот номер в своих беллетризованных воспоминаниях:

«... из-за кулис выгружается с трехрядкой-ливенкой через плечо Есенин. Городецкий, махнув на все рукой, бежит без оглядки с эстрады. Есенин, подойдя к рампе, пробует лады ливенки.

— Вот как у нас на деревне запузыривают! — бросает он в толпу зрителей.— С кандебобером! Слухайте!

Зал затихает, ждет. Гармонист заиграл...

Но что это была за игра! Сережа раздувал трехаршинные меха, опоясывал себя ими от плеч до пят, пыхтел, урчал... А до настоящих ладов не мог добраться. Гармонь выгромыхивала односложный хриплый мотив — грр-мрр-брр...

Тырмана, тырмана, тырмана я,—
Шать, пили, гармонь моя,—

подвывал гармонист.

Пот катился у него по лицу градом. Зал стонал от смеха и грохота. Публика корчилась в коликах. <...>

Невозмутимый Блок, сидящий в первом ряду, безнадежно упрашивал гармониста Есенина:

— Отдохните! Почитайте лучше стихи!

А Лариса Рейснер, наоборот, неистово хлопала в ладоши, кричала, смеясь:

— Продолжайте... в том же духе!

Духу у Есенина-Леля больше не хватило. И все же, когда из артистической выскочил вдруг опять Городецкий и в панике потащил гармониста Сережу с эстрады — Есенин еще упирался, доказывал, что не всю „охапку частушек" израсходовал. Есть еще порох в пороховницах!

— Хватит до самого рассвета!..» (Карпов П., «Пламень: Роман; Русский ковчег: Кн. стихотворений; Из глубины: Отр. воспоминаний / Подгот. текста, сост., вступ. статья, коммент. С.С.Куняева», М., 1991, с. 326—327).

...тел. 619—11.— Возможно, номер петроградского телефона квартиры С.Городецкого.

Книжку мою захватите...— Ранее (Есенин 6 (1980), с. 267) высказывалось предположение, что речь идет о рукописи есенинского сборника «Радуница». Документальных подтверждений этой гипотезе до сих пор не найдено.

...Ваш милый братец...— О родном брате адресата А.Н.Ершове, художнике-дилетанте и литераторе, и его роли в литературно-артистическом салоне сестры «Золотая гроздь» Н.Я.Серпинская вспоминала, что тот встречал каждого из приглашенных «в венке из виноградных лоз на голове, с позолоченной чарой вина» (цит. по: Лица-7, с. 20). Судя по следующей фразе, Есенин познакомился с ним на квартире Л.Н.Столицы.

Поклонитесь всему Вашему милому дому.— Н.Я.Серпинская так описывает интерьер и характер вечеров «Золотой грозди»: «Длинные столы с деревянными, выточенными в псевдорусском кустарном стиле спинками широких скамей, убранство столов с такими же чарками и солонками <...>. Большая чарка, обходя весь стол, сопровождалась застольной „здравицей“ <...>. На каждом приборе лежали приветственные стихи, соответствующие какой-нибудь характерной черте присутствующего гостя. Вели себя все <...> весело, непринужденно, разговорчиво. <...> Здесь все считали себя людьми одного круга, веселились и показывали таланты без задней мысли о конкуренции» (цит. по: Лица-7, с. 20—21). Есенин бывал в «Золотой грозди», что подтверждается свидетельством одного из нередких посетителей салона Л.Столицы Д.Семёновского (см. об этом наст. изд., т. 4, с. 458).

Сережа <Городецкий> *уходит добровольцем на позиции.*— Это намерение Городецкого тогда не осуществилось. См. также коммент. к п. 58.

А мы по приезде Вашем поговорим о концертах.— Из этих слов явствует, что Л.Столица (в неизвестном

ныне письме?) сообщила Есенину о своем скором приезде в Петроград. При этой встрече Есенин, скорее всего, и предполагал обсудить с ней возможность ее участия в вечерах народной поэзии, которые уже в нояб.-дек. 1915 г. стали практиковаться им и Клюевым как в рамках деятельности общества «Страда» (окончательно сменившего «Красу» в нояб. 1915 г.), так и самостоятельно.

Не угощайте никогда коньяком — на него у меня положено проклятье.— Еще одна деталь, показывающая, что Есенин посещал вечера «Золотой грозди». Ср.: «Скажу по чести — пития бывали зверские, а продолжались они до утра — в столовой, в гостиной, в зале. <...> Бывали и пения хором, и пляски. <...> Перебывала же на „Золотой грозди", кажется, вся литературная, художественная и театральная Москва...» (В.Ф.Ходасевич; газ. «Возрождение», Париж, 1934, 15 марта, № 3207).

54. *Н.В.Рыковскому.* Вторая половина ноября — декабрь 1915 г. (с. 76).— Журн. «Нева», Л., 1970, № 10, окт., с. 200 (публ. А.П.Ломана и И.А.Ломан, с неточностями; дата — «дек. 1915 г.»).

Печатается по автографу (РГБ, ф. Н.В.Рыковского).

Датируется по содержанию: между 7 и 20 дек. написано письмо Есенина Иванову-Разумнику (п. 55), где упоминается книга Есенина «Радуница» как выходящая «на днях» (наст. том, с. 77); в комментируемом письме поэт упоминает о «своей книге» в неопределенно будущем времени. Кроме того, известно, что запродажная на «Радуницу» была дана Есениным издателю М.В.Аверьянову 16 нояб. 1915 г. (Письма, 56; наст. изд., т. 7, кн. 2).

Г-н Рыковский! Дружески пожимаю Вам руку...— Есенин обращается к адресату как к секретарю московского журнала «Заря».

...шлю свои стихи.— В журн. «Заря», издававшемся товариществом И.Д.Сытина, было опубликовано стихотворение Есенина «Руси» («Тебе одной плету венок..» —

1916, № 4, 24 янв.; цензурное разрешение от 20 янв.). На № 12 (27 марта 1916) выпуск журнала был приостановлен. Возможно, кроме напечатанного в «Заре» стихотворения Есенина в данном письме были и другие его стихи; какие именно — неизвестно.

...Вы забыли ~ напоминающего пастуха на стене у Любови Никитичны.— Автором рисунка, который Есенин, очевидно, видел в квартире Л.Столицы, был А.Н.Ершов (сообщено А.А.Кедой). Теперешнее местонахождение рисунка неизвестно.

...достал для Вас «Ярь»...— т. е. одно из изданий книги С.Городецкого «Ярь: Стихи лирич. и лиро-эпич.» (СПб., 1907 или СПб., 1910).

...и перешлет со своей книгой...— Скорее всего, речь идет о «Радунице», выхода в свет которой Есенин ожидал со второй половины нояб. 1915 г. (см. об этом в текстологическом коммент.).

...по тому адресу, который Вы мне дали...— Возможно, по домашнему адресу Н.Рыковского: Москва, Дегтярный пер., 5 («Вся Москва на 1915 г.», III-й отд., с. 425).

...в Лит<ературно>*-худ*<ожественном> *кр*<ужке>.— Как отмечено в уставе этой организации, «Московский литературно-художественный кружок имеет основной целью способствовать развитию литературы и изящных искусств и ближайшей целью: а) общение литераторов и художников; б) исполнение совокупными силами членов кружка и приглашенных лиц различных сценических произведений, концертов, публичных чтений и т. п.; в) устройство художественных выставок, вечеров и собраний» («Московский литературно-художественный кружок. Устав», М., 1914, с. 3). В эту организацию, выпускавшую также «Известия Московского литературно-художественного кружка», входило 300 действительных членов, а также почетные члены и члены-соревнователи. В период, о котором идет речь, кружок возглавлял В.Я.Брюсов. На

каком из мероприятий кружка был Есенин и когда именно (вероятно, в сент. 1915 г.?), не установлено.

Передайте Л. Н. привет...— Н.Рыковский в то время, по-видимому, регулярно встречался с Л.Столицей, в т. ч. и по издательским делам: его книга стихов «Черное кружево» и роман в стихах Л.Столицы «Елена Деева» вышли в одном и том же частном издательстве «Виноградье» (М., 1916).

...мне очень досталось за то, что Л.Н. уехала, не повидавшись с Городецким.— Пока единственное свидетельство того, что Л.Столица, как она и собиралась (см. п. 53), побывала в Петрограде в конце окт.— нояб. 1915 г. Здесь Есенин недвусмысленно дает понять, что выговор за умолчание об этом визите поэтессы в северную столицу он получил от самого Городецкого. Не исключено, что Есенин действительно не хотел, чтобы эта встреча состоялась: как раз в это время начался конфликт между Городецким и его коллегами по «Красе» и «Страде», в результате которого к середине дек. 1915 г. (см., напр., Письма, 307—308) тот устранился от дел общества.

Вместе в одном конверте стихи Клюева.— В журн. «Заря» (1916, № 2, 10 янв.; цензурное разрешение от 7 янв.) была опубликована подборка «Деревенские песни: Стихи Николая Клюева» из двух произведений — «В этот год за святыми обеднями...» и «Луговые потемки, омежки, стога...».

О результатах сообщите.— Ответное письмо Н.Рыковского неизвестно.

Петр<оград>. *Фонтанка 149, кв.*— Не указанным в письме номером квартиры был № 9; здесь жила К.А.Расщеперина, сестра Клюева, у которой он обычно останавливался, приезжая в Петроград. В то время жил там и Есенин.

55. *Иванову-Разумнику.* Между 7 и 20 декабря 1915 г. (с. 76).— ВЛ, 1965, № 8, авг., с. 253 (публ.

Н.Т.Панченко; без обращения и с пропуском сло́ва «Вас» после «я попросил бы»); полностью — Есенин 5 (1968), с. 61–62, с неточностью в последнем слове обращения и с ориентировочной датой: «Не позднее 21 дек. 1915 г.».

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 155, журнал заседания комитета Литературного фонда, 1916 <так на обл. журнала>, № 6, лл. 40 и 41).

Датируется по сопоставлению с другими документами в составе указанного журнала.

Последний — так же, как и все другие аналогичные дела Литературного фонда — имеет полное название: «Журнал заседания комитета общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым („Литературный фонд")».

Заседание, в котором рассматривалась просьба Есенина о вспомоществовании, состоялось 21 дек. 1915 г. под председательством Ф.Д.Батюшкова в присутствии членов комитета Литфонда М.И.Ганфмана, Иванова-Разумника, Н.И.Кареева, Л.Ф.Пантелеева и А.В.Пешехонова. Двадцать пятым пунктом заседания было заслушано «прошение поэта Сергея Есенина о ссуде в размере 200 руб.» и определено: «Выдать в б<ессрочную> ссуду 50 руб. Ордер № 131». По дате этого заседания устанавливается верхняя граница написания комментируемого письма.

В том же заседании под пунктом № 24 было рассмотрено аналогичное прошение Н.Клюева о ссуде в 300 руб. В автографе этого прошения (также адресованного Иванову-Разумнику и находящегося в том же журнале заседания, что и письмо Есенина) упоминается публикация стихов Клюева в газете «Речь». В ней поэт печатался лишь один раз — 6 дек. 1915 г., когда там появилось его стихотворение «Что ты, нивушка, чернёшенька...». Учитывая это обстоятельство, а также то, что Клюев и Есенин написали свои письма Иванову-Разумнику согласованно и почти наверняка одновременно, можно было установить и нижнюю границу написания комментируемого текста.

В прошлом году я начал первый раз в Питере печатать свои стихи...— В соответствии с документальной датировкой письма (см. выше) слово «прошлый» следует трактовать здесь как «уходящий», ибо стихи Есенина впервые появились в петроградских изданиях весной 1915-го (а не 1914-го) года.

...в «Русской мысли» ∾ *«Огоньке» и др.* — О публикациях стихов Есенина в перечисленных изданиях подробнее см. в коммент. к пп. 44, 46, 47, 49 и 51.

На днях выходят ∾ *«Радуница» и «Авсень».*— Об этих издательских проектах и времени выхода сб. «Радуница» см. коммент. к п. 44. Книга под названием «Авсень» не выходила.

...мне нынешний год пришлось ехать в Ревель пробивать паклю...— О варианте этой (якобы предполагавшейся весной 1915 г.) поездки см. также в рассказе Есенина, изложенном А.Мариенгофом: «Знаешь, как я на Парнас восходил?.. <...> Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. <...> и сапог-то я никогда в жизни таких рыжих не носил и поддевки такой задрипанной, в какой перед ними предстал. *Говорил им, что еду бочки в Ригу катать.* Жрать, мол, нечего. А в Петербург на денек, на два, пока партия моя грузчиков подберется. А какие там бочки — за мировой славой в Санкт-Петербург приехал...» (в его кн. «Роман без вранья». Л., 1928, с. 16—17; выделено комментатором).

...попросил бы Вас похлопотать ∾ *о ссуде...* — Решение комитета Литературного фонда по этому вопросу см. выше.

...Фонтанка 149, кв. 9.— О тогдашнем месте жительства Есенина см. коммент. к п. 54.

56. *М.П.Мурашеву.* Между 17 марта и 12 апреля 1916 г. (с. 77).— САЕ, с. 52 (в очерке адресата «Сергей Есенин в Петрограде»).

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва). Написано на личном бланке адресата: «Представитель контрагентства Армавир-Туапсинской ж. д. книжных шкафов на ст.: Армавир, Белореченская, Курганная, Лабинская, г. Майкоп, порт-Туапсе и др. Михаил Павлович Мурашев. Петроград. телеф. от 12—3 — 491-24».

Датируется по содержанию с учетом того, что весной 1916 г. Есенин вынужден был являться на призыв в армию не один раз (см. реальный коммент.).

Заходил и не застал тебя.— Есенин познакомился с Мурашевым 11 марта 1915 г., вскоре после приезда в Петроград. «Как сейчас помню тот вечер, когда в первый раз пришел ко мне Сергей Александрович Есенин, в синей поддевке, в русских сапогах, и подал записку А.А.Блока <см. ее выше в коммент. к п. 41>. Он казался таким юным, что я сразу стал к нему обращаться на „ты“,— вспоминал Мурашев.— Есенин вынул из сверточка в газетной бумаге небольшие листочки и стал читать. Вначале читал робко и сбивался, но потом разошелся» (Восп., 1, 187, 188). Мурашев был одним из учредителей литературно-художественного общества «Страда», членом которого со времени основания в окт. 1915 г. был Есенин. Дружеские отношения, установившиеся между Есениным и Мурашевым в первые дни знакомства, продолжались до последних дней жизни поэта.

Завтра призываюсь.— Ссылаясь на неопубликованные (и недоступные ныне исследователям) варианты воспоминаний Мурашева, В.Г.Белоусов в 1969 г. писал, что тот «называет две даты призыва С.А.Есенина на военную службу в 1916 году: 25 марта и 15 апреля. Первая — приводится в статье „Сергей Есенин в Петрограде“ (5 января 1941 г.), вторая — в сборнике „Встречи и книги“ (1926—1956)» (Хроника, 1, 236). В беседе с Ю.Л.Прокушевым (1956 г.) адресат сказал, что получил комментируемую записку «17 марта 1916 года. Я хорошо помню. Это точная дата» (Прокушев-65, с. 242). В.А.Вдовин,

специально исследовавший проблему датировки этой записки, сопоставил ее с документами РГВИА, по которым «очередной призыв ратников второго разряда, намеченный первоначально в Петрограде на 10 марта, затем был перенесен на 20, и, следовательно, Есенин мог написать эту записку 17 марта. Однако 20 марта призыв ратников не состоялся и был осуществлен спустя пять дней — 25 марта» (ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 160). Таким образом, поэт мог написать свою записку не 17, а 24 марта (эта датировка принята В.Г.Белоусовым: Хроника, 1, 89). По свидетельству М.П.Мурашева, Есенин тогда явился на сборный пункт призывников, но был затем вызволен им оттуда (беллетризованное описание этого эпизода, сделанное мемуаристом, см.: САЕ, с. 53—56, а также: ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 161—162).

Окончательное оформление документов, согласно которым 14 апр. 1916 г. приказом за № 106 ратник II разряда Сергей Есенин был зачислен в списки Петроградского резерва санитаров, состоялось 12 апр.— именно этим числом датировано «предписание управления Г.Главноуполномоченного северного района РОКК за № 2887/25789», сведения о котором обнаружены В.А.Вдовиным (ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 163). Получив это предписание, а также именной список управления Петроградского уездного воинского начальника и аттестат за № 1160 (там же), Есенин мог сразу же зайти к М.П.Мурашеву, чтобы известить того об исходе дела, ибо именно Мурашев, по его собственному утверждению, «устроил призыв Есенина в воинскую часть при петроградском воинском начальнике» (Восп., 1, 190). Следовательно, рассматриваемая записка могла быть написана и 12 апр. 1916 г.

Поскольку все эти варианты датировки равновероятны, в наст. изд. для данного текста принята широкая дата: «Между 17 марта и 12 апр. 1916 г.».

57. *М.П.Мурашеву.* 27 апреля 1916 г. (с. 78).— «Учительская газ.», М., 1965, 2 окт., № 118, в статье В.Г.Белоусова «Архив Мурашова» (с неверной датой — «февраль 1917 г.»); Прокушев-65, с. 242 и Есенин 5 (1968), с. 63 (без приписки, с неточностями и с ориентировочной датой — «апрель 1916 г.»).

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется по содержанию (см. реальный коммент.). Первая правильная датировка и ее обоснование — в статье В.А.Вдовина «Два автографа Есенина» (ВЛ, 1968, № 4, апр., с. 253—254).

Дорогой Миша! Ау! — По свидетельству адресата (в изложении В.Г.Белоусова — «Учительская газ.», М., 1965, 2 окт., № 118), записка была прислана Есениным со знакомым солдатом,— возможно, не из Петрограда, а из Царского Села.

Еду в Крым (с поездом). В мае ворочусь. ∾ *Поезд сегодня уходит в 6 ч.* — Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, куда Есенин был назначен на военную службу санитаром еще 11 февр. 1916 г. (см.: Юшин П.Ф. Поэзия Сергея Есенина 1910—1923 годов. [М.:] Изд-во Моск. ун-та, 1966, с. 162), а прибыл 20 апр. 1916 г. (Хроника, 1, 239—240), был отправлен в очередную (30-ю) поездку на театр военных действий 27 апр. 1916 г. в 6 час. вечера. Приказом по поезду от 26 апр. Есенин был назначен санитаром в вагон № 6. В эту поездку по маршруту Петроград — Москва — Курск — Харьков — Мелитополь — Евпатория — Севастополь — Симферополь в Крым для лечения были доставлены раненые из петроградских госпиталей. Обратный путь поезда пролегал через Синельниково — Киев — Казатин — Юго-Западный фронт — Киев — Бахмач — Гомель — Могилев — Орша — Витебск — Н.Сокольники. Принятые там ране-

ные были транспортированы в тыл; в Царское Село поезд вернулся 16 мая 1916 г. («„Радуница“»: Инф. сб. № 3, М., 1991, с. 24—27).

Письма сбереги.— Эта приписка на полях, скорее всего, связана с тем, что на первое время воинской службы, еще не зная своего нового «военного» адреса, Есенин дал корреспондентам для переписки домашний адрес Мурашева.

58. *Л.Н.Столице.* 28 июня 1916 г. (с. 78).— Журн. «Нева», Л., 1970, № 10, окт., с. 200 (публ. А.П.Ломана и И.А.Ломан; по копии, в то время находившейся в коллекции Я.С.Сидорина; с датой-отсылкой к почтовому штемпелю: «28.IV.16. М.»); одновременно — Есенин 3 (1970), с. 225 (публ. А.П.Ломана, с датой: «Москва, 28 июня 1916 г.»).

Печатается по Есенин 3 (1970) с учетом текста в журн. «Нева», поскольку теперешнее местонахождение источника этих публикаций неизвестно.

Датируется по Есенин 3 (1970).

Только на днях возвратился с позиций...— Есенин возвращался из поездок к линии фронта дважды: первый раз — 16 мая 1916 г. (см. коммент. к п. 57), второй — 12 июня (из 32-й поездки Царскосельского военно-санитарного поезда № 143, которая началась 28 мая 1916 г.; полный ее маршрут опубликован Н.Г.Юсовым и А.В.Шабуниным в кн. «„Радуница“: Инф. сб. № 3», М., 1991, с. 30). Речь здесь, без сомнения, идет о второй из них; ср. с упоминанием верстки *июльского* номера журн. «Северные записки» в конце письма.

...застал Вашу открытку.— Письма Л.Столицы Есенину неизвестны.

Городецкий служит тоже...— В апр. 1916 г. (дата указана В.А.Вдовиным: ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 167) С.Городецкий выехал на Кавказский фронт как военный корреспондент газеты «Русское слово».

...на днях заберут Блока.— Есенин был осведомлен о хлопотах Блока (относительно своего призыва) М.П.Мурашевым, который в связи с этим нередко виделся с Блоком в июне-июле 1916 г.— см. упоминания об этих встречах в блоковских записях от 6, 8, 17, 23, 24, 30 июня и 2 июля (Зап. кн., 305, 307, 308, 311). Блок был призван 7 июля и отбыл к месту службы 26 июля 1916 г. (Зап. кн., 313, 315).

Провожая меня ∾ (Клюев)... — В то время Клюев мог провожать Есенина в поездки неоднократно: или 1) 28 мая из Петрограда к линии фронта; или 2) 16 июня из Петрограда в Рязань (куда Есенину 13 июня был выписан увольнительный билет сроком по 30 июня — см.: Юшин П.Ф. Сергей Есенин: Идейно-творческая эволюция. [М.:] Изд-во Моск. ун-та, 1969, с. 413, поз. 172 в перечне архивных документов) при условии, если они выезжали туда порознь (Клюев тогда тоже побывал там); или 3) 27 июня из Константинова, ибо 28 июня Есенин был уже в Москве (см. наст. коммент., с. 375), а 29 июня писал оттуда: «Клюев со мной не поехал...» (п. 59). Какая из этих трех возможностей была осуществлена на деле, пока не установлено.

...о Клычкове, он в Гельсингфорсе и ноет.— Военную службу С.Клычков нес в 427-м Зубовском полку, расквартированном в Гельсингфорсе. В недатированном письме к В.С.Миролюбову, указав свой «военный» адрес («г. Гельсингфорс, Сернские казармы, улица Флеминга, 1-ая рота»), Клычков сделал приписку как раз в отмеченной Есениным тональности: «Здесь нас, должно быть, съедят не немцы, а... клопы» (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова).

Видел в «Северных записках» Ваши стихи ∾ июльскую книгу.— В ближайшем номере этого журнала (1916, июль-авг., с. 41—42) действительно появились стихотворения Л.Столицы «Моя муза» («Раз, когда на празднике песнь я пела...») и «Жребий» («Молодой, немудрой Гебой...»).

59. *М.П.Мурашеву*. 29 июня 1916 г. (с. 79).— Хроника, 1, 95—96.

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Москва. 29.6.16. 54-е гор. почт. отдел.».

Датируется по этому штемпелю.

Приветствую тебя из Москвы.— Письмо написано, когда Есенин проездом из Константинова оказался в Москве, возвращаясь к месту военной службы. См. также коммент. к п. 58.

Разговор ∾ со Стуловым... — Совладелец московского купеческого торгового дома «Бр. Стуловы под фирмою П.Стулов и К°» Н.Т.Стулов, будучи в то время призван в армию, в чине прапорщика служил, как и Есенин, в одном из подразделений при Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 и исполнял разнообразные поручения уполномоченного Ея Величества по поезду полковника Д.Н.Ломана, нередко выезжая в связи с этим за пределы воинской части. Так, напр., зимой 1915—1916 гг. Ломан поручил Стулову устроить на жительство в Москве приехавших туда для выступлений перед вел. кн. Елизаветой Феодоровной Есенина и Клюева, а также обеспечить им пошив новых концертных костюмов. (Брат Н.Т.Стулова Петр Тимофеевич держал в Москве магазин русского платья, изготовлявшегося в мастерской при нем.) Эти поручения были выполнены; подробнее см: Субботин С.И. Сергей Есенин в январе 1916-го: Поиски и находки.— Газ. «Голос», Рязань, 1993, 18—24 марта, № 11. Очевидно, и в июне 1916 г. Н.Стулов находился в командировке в Москве, где жил по адресу: «Малый Знаменский пер., д. 8» («Вся Москва на 1916 г.», III-й отд., с. 485). К сожалению, о том, что могло связывать Есенина, Мурашева и Н.Стулова в тот момент, ничего неизвестно.

Клюев со мной не поехал...— то есть не поехал в Москву из Константинова, где во второй половине июня

1916 г. поэты побывали вместе. Ср.: «...я был у Сережи в Рязанской губернии, а оттуда проехал прямо домой» (из письма Клюева к М.В.Аверьянову от 26 июля 1916 г.; цит. по публ. Г.Маквея в кн.: Клюев Н. Соч. / Общ. ред. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова, [Мюнхен,] 1969, т. 1, с. 198, с исправлением по оригиналу — ИРЛИ, ф. М.В.Аверьянова).

...я не знаю ∾ меня в свою политику. — О чем идет речь, прояснить не удалось.

Стулов в телеграмме его обругал... — Текст телеграммы и ее адресат неизвестны.

Он <Клюев> *∾ был у него ∾ когда ездил с Плевицкой...* — Совместная концертная поездка Клюева с известной исполнительницей русских народных песен Н.В.Плевицкой по прифронтовой полосе, а затем и по другим городам России состоялась в апр.— мае 1916 г. по маршруту: Двинск — Витебск — Минск — Могилев — Гомель — Киев — Орел — Тамбов — Пенза — Сызрань (газ. «Новости сезона», М., 1916, 19 апр., № 3224, с. 6; в рубрике «Хроника»). Концерт в Сызрани прошел 6 мая, после чего поездка из-за болезни певицы была прервана. Клюев мог, возвращаясь в Петроград через Москву, побывать у Стулова в конце первой декады мая 1916 г.; более точные данные на этот счет не выявлены.

Есенин к тому времени тоже встречался с певицей; познакомил их (вероятно, в конце 1915 г.) Клюев. По воспоминаниям Плевицкой, в первый свой приход к ней «Есенин обличьем был настоящий деревенский щеголь <...>. Сначала Есенин стеснялся, как девушка, а потом осмелел и за обедом стал трунить над Клюевым. Тот ежился и, втягивая голову в плечи, опускал глаза <...>.

— Ах, Сереженька, еретик,— говорил он тишайшим голосом» (РЗЕ, 1, 103–104).

60. *А.Н.Есенину*. 2 или 3 июля 1916 г. (с. 79).— «Есенинский вестник», [Рязань, 1992, вып. 1], с. 16 (в статье Т.Флор-Есениной «О чем рассказали архивы», с неточностями).

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Датируется с учетом почтового штемпеля получения («Москва. 4.VII.1916-04. 5 эксп.») на конверте; штемпель отправления не сохранился.

Доехал, слава Богу, как и прежде...— Письмо написано сразу (или почти сразу) по возвращении в Царское Село к месту службы.

Слоняюсь, как отравленный ∾ *положение средне.*— О причинах, по которым в то время Есенин не имел прямых обязанностей, связанных с непосредственным несением военной службы, писал часто встречавшийся с поэтом в июле 1916 г. М.Мурашев:

«Есенин <...> в лазарете бывал редко. Помогал в канцелярии фельдшерам и сестрам писать списки больных, то заполнять продовольственные карточки, то несколько дней его не вызывали, тогда он лежал целые дни у себя в полутюремной комнате. Полковник Ломан его часто вызывал к себе и учил, как надо держаться с императрицей Александрой, если случайно придется встретиться. А в лазарете она бывала часто.

Потом, как после выяснилось, полковник Ломан готовил встречу царицы с поэтом Есениным. Она скоро состоялась. Когда я приехал второй раз к Есенину, то он мне рассказал, как полковник Ломан представил его царице, а потом княжнам Марии и Анастасии. А через два дня его повели читать стихи» (в кн.: САЕ, с. 59—60).

Это чтение состоялось 22 июля 1916 г. на концерте, устроенном для раненых, находящихся на лечении в царскосельском лазарете № 17, в присутствии императрицы Александры Феодоровны и великих княжен, в честь тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Феодоровны и великой княжны Марии Николаевны (впервые об этом — в статье В.А.Вдовина «Сергей Есенин на военной службе»: журн. «Научн. докл. высш. школы: Филологич. науки», М.,

1964, № 1, с. 141—142; см. также наст. изд., т. 4, с. 392—393).

61. *А.А.Сардановской.* Первая декада июля 1916 г. (с. 80).— Журн. «Слово», М., 1998, № 6, нояб.-дек., с. 52 (текст), с. 53 (факсимиле), в статье Ю.Прокушева «Первая любовь Сергея Есенина».

Печатается по автографу (частное собрание, г.Москва).

Датируется по единственному сохранившемуся почтовому штемпелю на конверте: «Кузьминское. Ряз. 14.7.16» и содержанию ответного письма А.А.Сардановской.

Известен (в копии) текст последнего с описанием его конверта. Эта копия, снятая с оригинала в 1930 г. Л.Р.Коганом, приводится здесь полностью:

«Совсем не ожидала от себя такой прыти — писать тебе, Сергей, да еще так рано, ведь и писать-то нечего, явилось большое желание. Спасибо тебе, пока еще не забыл Анны, она тебя тоже не забывает. Мне несколько непонятно, почему ты вспоминаешь меня за пивом, не знаю, какая связь. Может быть, без пива ты и не вспомнил бы? Какая восхитительная установилась после тебя погода, а ночи — волшебство! Очень многое хочется сказать о чувстве, настроении, смотря на чудесную природу, но, к сожалению, не имею хотя бы немного слов, чтобы высказаться. Ты пишешь, что бездельничаешь. Зачем же так мало побыл в Кон<стантинове>*. На празднике 8-го

* 12 июня 1916 г. солдат-санитар Есенин вернулся из поездки к линии фронта в Царское Село. Получив «Увольнительный билет» для поездки на родину в Рязань на пятнадцать дней, по 30 июня включительно, выехал из Петрограда 16 июня. После кратковременного пребывания в родной семье выехал 27 июня в Москву и 30 июня, согласно увольнительной, вернулся в Царское Село. Такова причина, по которой Есенин «так мало побыл в Константинове».

было* здесь много народа, я и вообще все достаточно напрыгались, но все-таки —

А.С.

На конверте:

ЕВБ

Сергею Александровичу Есенину.

Царское Село. Канцелярия по постройке Федоровского собора.

Почтовый штемпель: Кузьминское Ряз. 14.7.16.

Подлинник находился в архиве Екатерининского дворца в Детском Селе (г. Пушкин).

Л.Коган» (РНБ).

---

* Престольный праздник в Константинове 8 июля (ст. ст.) был связан с явлением иконы Казанской Божией Матери. О том, как он проходил в родном селе поэта, рассказывает друг его юности — Николай Алексеевич Сардановский: «Описание нашей деревенской жизни было бы неполным, если бы умолчать о том, как мы проводили праздник — Казанскую. В дом дедушки <речь идет о константиновском священнике И.Я.Смирнове> приходили и приезжали многочисленные гости из окрестных селений. Преимущественно это были: семьи духовенства, учительства или — разных сельских служащих. Всего набиралось человек 50—60. Сережа был всегда — обязательно. Молодежь веселыми компаниями еще днем затевала игры, ходили купаться. А вечером, после торжественного ужина, проводили показ самодеятельности и были танцы. В ту пору нам казалось, что среди гостей было много интересных и талантливых людей. В компании кузьминских гостей были: Орловы, Брежневы, Соколовы, Белянины. Все они были музыкальны и отлично пели. На баяне играл семинарист из Кузьминского — Федя Фаддеев <...>. Сергей Есенин всегда с восторгом слушал его игру <...>. Об общем уровне исполнительства можно было судить по тому, что среди гостей бывал знаменитый солист Большого театра Г.С.Пирогов (семья Пироговых была из с. Новоселки — в 8-ми километрах от Константинова)». (Цит. по машинописи воспоминаний Н.А.Сардановского «„На заре туманной юности...“ (С.А.Есенин в возрасте 11—20 лет)», хранящейся в архиве комментатора).

Известно, что после пребывания в Константинове Есенин в конце июня возвращается в Петроград. 30 июня он был уже в Федоровском городке. В первой декаде июля, не позднее 10 числа Есениным было написано письмо, адресованное А.Сардановской. Она, как отмечалось, отвечает на него, судя по почтовому штемпелю, до 14 июля 1916 г. Значит, имеются все объективные документальные основания, чтобы датировать есенинское письмо так: «Первая декада июля 1916 г.».

Письмо Есенина написано черными чернилами, на лицевой и оборотной стороне листа белой линованой бумаги обычного почтового формата. Сохранился также конверт от письма. К сожалению, его правая сторона (очевидно, при вскрытии письма) оказалась оборванной. На ней, скорее всего, располагался ныне отсутствующий на конверте почтовый штемпель.

Чем больше вникаешь в содержание письма, тем яснее становится, что автор как бы продолжает развивать и конкретизировать мысли, уже высказанные им ранее, может быть, даже на предыдущей странице. Нет в сохранившемся тексте ни обращения к адресату, ни даты. Все это позволяет предположить, что начало письма, возможно, утрачено.

В течение 1912—1916 гг. Есенин не раз писал А.Сардановской. Об этом, в частности, свидетельствуют письма поэта к Г.Панфилову и М.Бальзамовой, помещенные в наст. томе. Некоторые из них содержат не только противоречивые суждения Есенина об отношениях с А.Сардановской, но и конкретные сведения о письмах, адресованных ей поэтом (см. пп. 4, 6, 13, 17, 35 и др.). О том, что А.Сардановская не только получала письма от Есенина, но сохраняла их бережно до конца жизни, рассказывал и ее муж — Владимир Алексеевич Олоновский: «Письма от Есенина были, и Анна их не уничтожала, хранила пачку писем, перевязанную ленточкой». Однако судьба этой примечательной части эпистолярного наследия поэта, как

удалось установить, оказалась весьма и весьма драматичной. Вскоре после смерти А.Сардановской (апрель 1921 г.) письма, полученные от Есенина, оказались у ее старшей сестры Серафимы Алексеевны. Всю свою долгую жизнь она проучительствовала на Рязанщине: поначалу — в Солотче, позднее — в самой Рязани. Многие годы у нее хранились письма Есенина к А.Сардановской. Последние годы жизни Серафима Алексеевна часто хворала. В 1968 г. больную за несколько месяцев до кончины навестила живущая в Москве жена ее брата — Лидия Николаевна Сардановская. Зная, что у Серафимы Алексеевны находились письма Есенина к ее сестре Анне, Лидия Николаевна поинтересовалась, сохранились ли они. Всякое могло случиться. Как оказалось — случилось! Сегодня более чем очевидно, что большинство из них, кроме двух публикуемых в наст. томе, пропали для всех нас — навсегда. И вот при каких печальных обстоятельствах.

Во время встречи Серафима Алексеевна подтвердила, что после смерти сестры именно у нее оказались «Анюточкины письма от Сергея Есенина — пачка писем, связанная ленточкой». Желая узнать, что же произошло с ними дальше, Лидия Николаевна спросила:

«— Ты их читала?

— Нет, зачем чужие письма читать? Я их сожгла! Когда переехали в эту новую квартиру,— продолжала она,— моя обязанность была подметать квартиру, вытирать пыль, выносить мусорное ведро на помойку. Вот я понесла мусорное ведро на помойку, взяла спички и письма. Там горел костер. Я положила письма в костер. Пачка медленно тлела, а потом я палкой помешала их, письма вспыхнули и догорели.

— Зачем ты это сделала?

— Я думала: умру, кому они достанутся? Не хотела Анюту путать с Сергеем. Она вышла замуж за хорошего человека. Если бы не смерть!..

Она заплакала. Я дала ей чаю с булочкой, она с жадностью съела, пришлось покормить основательно, и она успокоилась. Я показала ей Анютины записи, рассказала их содержание. Подумав, она сказала:

— Это разорви!

— Кто он?

— Учитель соседнего села.

И уснула.

Но я отдала записи Анюты — „Бред сумасшедшей" Прокушеву Юр<ию> Львовичу. Мне казалось, что это единственное доказательство, что Анна сама не захотела быть женой Сергея Есенина, а не Сергей ее бросил». (Цит. по письму Л.Н.Сардановской — «Прокушеву Юрию Львовичу (по его просьбе). Про письма Сергея Есенина к Анне Сардановской». Автограф письма хранится у адресата). Будем надеяться, что Серафима Сардановская сожгла не все письма сестры. Ведь сохранились же в семье Олоновских публикуемые в наст. изд. два письма Есенина к А.Сардановской. Нельзя исключить окончательно, что в каком-либо из личных архивов современников поэта или в других частных собраниях все же сохранились хотя бы следы переписки Есенина и А.Сардановской, а также сведения об их встречах, не известные до настоящего времени. Такова история писем Есенина к А.Сардановской, и прежде всего тех, что публикуются в наст. томе.

...шарф твой, как чадра Тамары.— Отзвук строк из поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон» (1829—1839):

В скале нарублены ступени;
. . . .
Ведут к реке; по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

(Лермонтов М.Ю. Сочинения. Изд. 5-е. М.: А.С.Панафидина, 1912, стб. 408).

62. *М.П.Мурашеву*. 13 июля 1916 г. (с. 81).— САЕ, с. 50 (в очерке адресата «Сергей Есенин в Петрограде»), только приписка, с неточностью в одном слове; полностью — а) Прокушев-65, с. 240 (шесть слов — с неточностями); б) Хроника, 1, 95 (три слова с неточностями; сопровождено примечанием: «Полностью и точно публикуется впервые» — Хроника, 1, 241); в) Есенин 6 (1980), с. 71, с неточностью в одном слове.

В соответствии с подлинником публикуется впервые.

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется с учетом пометы адресата на обороте листа письма («16 г.»), а также с учетом его содержания (см. реальный коммент.). Первая адекватная датировка — Есенин 6 (1980), с. 71.

...ночевал у Давыдова, артиста им<ператорской> *т*<руппы>.— В.Н.Давыдов (Горелов), много десятилетий служивший в Александринском театре, в справочниках «Весь Петроград» значился как «заслуж<енный> арт<ист> Имп<ераторской> русск<ой> драм<атической> труппы» («Весь Петроград на 1917 г.», III-й отд., с. 199) — таково было официальное наименование труппы Александринского театра. Его петербургская квартира, где ночевал Есенин, имела адрес: «Б.Московская, 8». Поэт оказался в обществе В.Н.Давыдова не случайно — полковник Д.Н.Ломан нередко обращался к артисту с просьбами принять участие в концертных выступлениях перед ранеными и медперсоналом царскосельских медицинских учреждений, ему подначальных (РГИА; фамилия В.Н.Давыдова упомянута в аналогичном контексте сыном Д.Н.Ломана — Ю.Д.Ломаном, который утверждал, что однажды видел Есенина и Давыдова в общей компании в Федоровском городке после концерта: Восп.-65, с. 164).

...звонил тебе... — по телефону 499-09 («Весь Петроград на 1917 г.», III-й отд., с. 470).

...ваша девка...— Имеется в виду прислуга Мурашевых, которую, по свидетельству адресата (Прокушев-65, с. 240), звали Дуняшей. Слово «дѣвка» открывало очередную новую строку записки Есенина и (как очень часто наблюдается в прозаических текстах, писанных поэтом) было начато им с заглавной буквы, как будто это была новая стихотворная строка. Это привело публикаторов к неверному прочтению слова: оно было принято за имя собственное — «Днека» (аналогично дано в Есенин 5 (1968), с. 71; Хроника, 1, 95; Письма, 61). Первое правильное воспроизведение этого слова — Есенин 6 (1980), с. 71.

Ой, ой, какое чýдное стих<отворение> *Блока. Знаешь, оно как бы совет мне.*— Публикуя эти слова вскоре после смерти Есенина, адресат предварил их таким пояснением:

«Это было в июле 1916 года <...>. В то время я собирал материал для литературных альманахов. Как-то раз зашел ко мне Блок и принес свои стихотворения для сборника. Я в то время готовил для одного издательства литературный альманах. А.Блок оставил мне два стихотворения, и мы вместе с ним ушли. Без меня зашел Есенин. На столе нашел стихи Блока. Прочел их и написал записку, а внизу приписал<...>» (САЕ, с. 50).

Затем следовал искаженный есенинский текст — в нем вместо правильного «совет» стояло «светит» (там же).

По предположению И.С.Правдиной (базировавшемуся на замечании мемуариста, что в то время он «собирал материалы для литературных альманахов „Дружба“ и „Творчество“» — Восп., 1, 193), двумя стихотворениями Блока, о которых упомянул М.Мурашев, могли быть «Демон» и «Ночью на коне», опубликованные затем в кн. «Альманахи „Творчество“» (М.; Пг., 1917, с. 18—19). Далее исследовательница писала: «Вероятно, восхищение

Есенина относилось к стихотворению „Демон“...» (в сб. «Есенин и русская поэзия / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.Г.Базанов», Л., 1967, с. 120).

В коммент. к собранию сочинений поэта В.Земсков и Н.Хомчук высказались гораздо осторожнее: «О каком стихотворении идет речь, нельзя установить» — Есенин 5 (1968), с. 259. Действительно, эта (как теперь выяснилось, псевдоесенинская) оценка («оно как бы светит мне») не вполне соответствует как содержанию, так и интонации обоих указанных произведений.

Однако подлинные слова поэта — «как бы совет мне» — заставляют отвергнуть предположение И.С.Правдиной *безоговорочно*, ибо тексты блоковского «Демона» (а тем более «Ночью на коне») не дают ни малейших оснований для трактовки их в ключе, который задан есенинской припиской. В этой связи возникает вопрос — мог ли Есенин в июле 1916 г. на квартире М.Мурашева прочесть не те блоковские произведения, о которых мемуарист вспомнил лишь предположительно, но какие-то другие стихи поэта, которые могли восприниматься как некий совет?

Такой текст действительно существует. 13 июля 1916 г. Блок «днем заходил к Мурашеву» (Зап. кн., 314) и записал в его альбом:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность Божьего Лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты — знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты;
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.

Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

13 VII 1916.

(печ. по факсимиле альбомной записи: ЕЖЛТ, с. 71; печатно воспроизведенный текст (там же, с. 70) изобилует искажениями).

Пребывание же Есенина в Петрограде 13 июля 1916 г. подтверждено документами, опубликованными В.А.Вдовиным,— в этот день поэт лично сдал в Петроградский комитет по делам печати свое стихотворение «Исус младенец» для получения цензурного разрешения на его издание (журн. «Научн. докл. высш. школы: Филологич. науки», М., 1964, № 1, с. 145).

Совокупность приведенных соображений и документальных материалов позволяет уверенно датировать комментируемый текст указанным числом.

Правда, сам адресат и в 1926 г. (ЕЖЛТ, с. 69—70) и через тридцать с лишним лет (Восп., 1, 195) утверждал, что Блок сделал свою запись в его альбоме в присутствии Есенина. Однако в блоковской записной книжке сло́ва о посещении им Мурашева 13 июля 1916 г. сопровождены лишь записью, что его собеседник «рассказал, почему арестован „Митька Рубинштейн“ <банкир из окружения Г.Распутина>» (Зап. кн., 314); никакие другие фамилии Блоком не упомянуты, что ставит под сомнение широко известный беллетризованный рассказ Мурашева о якобы состоявшейся в тот день встрече поэтов (он приведен и в наст. изд., т. 4, с. 388). Скорее всего, здесь налицо ошибка памяти мемуариста.

63. *Н.А.Клюеву*. Июль — август 1916 г. (с. 81).— РЛ, 1958, № 2, с. 159 (публ. Н.И.Хомчук; с датой: «Лето 1916 г.»).

Печатается по автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию: упоминание о поездке в Константиново (состоявшейся во второй половине июня; отпуск заканчивался 30 июня, согласно документу из РГИА, обнаруженному П.Ф.Юшиным — см. коммент. к п. 58), а также приглашение адресату приехать в Петроград осенью. Первая адекватная датировка — Есенин 5 (1962), с. 121.

...вчера ∾ *Приехал твой отец...*— Речь идет об Алексее Тимофеевиче Клюеве; дата его тогдашнего приезда в Петроград не установлена. Есенин же был в столице 3, 9, 13 и 31 июля (Хроника, 1, 96 и 98), а также, возможно, 29 июля и 16 авг. 1916 г. (наст. изд., т. 4, с. 390, 394).

...твоя сестра...— Клавдия Алексеевна, в замужестве Расщеперина (Ращеперина), на квартире которой (адрес см., напр., в п. 54 или п. 55) и состоялась встреча Есенина с А.Т.Клюевым.

Сидел тут еще Ганин...— Из этих слов явствует, что и Есенин, и Клюев познакомились с поэтом А.А.Ганиным еще до лета 1916 г. Точное время этого знакомства неизвестно, но, скорее всего, оно состоялось в 1915 или первой половине 1916 гг. в Петрограде, где Ганин, призванный в армию, служил в Николаевском военном госпитале.

Пишу мало я за это время...— Среди точно датированных июлем 1916 г. стихотворений Есенина — стихи «на случай»: «Слушай, поганое сердце...», «В глазах пески зеленые...», «В багровом зареве закат шипуч и пенен...». Относительно других стихотворений поэта, сведения о которых имеются в документах или периодике июля-авг. 1916 г.,— «За темной прядью перелесиц...», «Исус младенец», «День ушел, убавилась черта...» — можно лишь констатировать, что к тому времени они были завершены. Подробнее см. наст. изд., т. 4, с. 386, 388–391, а также т. 1, с. 482–483.

...дома был — только растравил себя...— Ср. с есенинским письмом того же времени к А.Сардановской (п. 61).

...вырезок никаких не получал...— Как вспоминал М.Мурашев, «Есенин зорко следил за журналами и газетами, каждую строчку о себе вырезал. Бюро вырезок присылало ему все рецензии на его стихи» (Восп., 1, 189). Позднее (по возвращении из заграничной поездки в авг. 1923 г.) Есенин стал вклеивать печатные материалы о себе в специально отведенные для этого тетради (Тетр. ГЛМ). Есть в одной из этих тетрадей и вырезка из журн. «Современный мир» (Пг., 1916, № 2) с рецензией Н.Венгрова на $Р_{16}$.

...Пимен...— С П.И.Карповым Есенин познакомился, скорее всего, в окт. 1915 г.— уже 25 окт. тот был на вечере «Краса» (см. соответствующий фрагмент его беллетризованных мемуаров в коммент. к п. 53). Кроме упоминаемой в комментируемом письме, известны еще три встречи Есенина и Карпова в 1916 г.— 9 марта А.П.Чапыгин пометил на листке своего календаря: «Видел Есенина и Пимена Карпова» (ИРЛИ, ф. А.П.Чапыгина); 16 июня (очевидно, перед отъездом из Петрограда в Константиново) Есенин надписал Карпову свою фотографию (текст см.: Юсов-96, с. 93); 30 сент., согласно дневниковой записи М.П.Мурашева, Есенин, Карпов и Клюев читали стихи у него на квартире (сообщено Е.И.Струтинской).

...видел большую статью где-то...— Самой обширной статьей о Есенине и Клюеве, опубликованной до июля 1916 г., была статья П.Н.Сакулина «Народный златоцвет» (журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, с. 193—208). Скорее всего, именно о ней здесь и говорится.

...ты три получил.— Клюев пользовался услугами бюро вырезок по крайней мере с 1914 г.— на его исходе он сообщал В.С.Миролюбову: «За этот год я получил больше 70-ти вырезок о себе...» (в кн. «Николай Клюев: Исследования и материалы / Ред.-сост. С.И.Субботин»,

М.: Наследие, 1997, с. 212). Эти материалы клюевского архива неизвестны. Можно лишь предположить, что поэт мог получить к июлю 1916 г., кроме уже упомянутой статьи П.Сакулина, такие материалы, как очерк Б.Лаврова «Поэт русской глуби и размаха (Николай Клюев)» (газ. «Волгарь», Нижний Новгород, 1916, 17 мая, № 133) и рецензии З.Бухаровой на «Мирские думы» Клюева и на Р16, помещенные друг за другом в Н. прил. (1916, № 5, стб. 146—150).

Дед...— то есть А.Т.Клюев.

Приезжай, брат, осенью во что бы то ни стало.— Клюев выполнил эту просьбу — не позднее 15 сент. 1916 г. он уже был в Петрограде: именно в этот день им была отправлена открытка И.И.Ясинскому с указанием своего городского адреса (РНБ, ф. И.И.Ясинского).

64. *Н.Н.Ливкину.* 12 августа 1916 г. (с. 82).— Сб. «День поэзии», М., 1962, с. 278, в статье Ю.Л.Прокушева «Новое о Есенине» (без указания адресата; частично). Полностью — журн. «Огонек», М., 1965, № 40, с. 9 (в статье Ю.Прокушева «Есенин, какой он был»).

Печатается по автографу (собрание Ю.Л.Прокушева, г. Москва).

Сегодня я получил ваше письмо...— ныне неизвестное. Судя по ответу Есенина, в своем письме Ливкин объяснял ему, почему весной 1915 г. он послал в петроградский «Новый журнал для всех» вырезки из журн. «Млечный Путь» (1915, № 2) с есенинским стихотворением «Кручина» и со стихами других поэтов (о непосредственной реакции Есенина на этот поступок см. п. 46 и коммент. к нему в наст. томе).

Как много лет спустя вспоминал Н.Ливкин, он обратился к Есенину летом 1916 г. при следующих обстоятельствах:

«В это время <...> готовилась к изданию моя первая книга стихов — „Инок“. Анонсы о ней уже появились в журналах и газетах.

Узнав о выходе моей книги, Есенин прислал <А.М.>Чернышеву письмо, в котором сообщал, что если Ливкин и дальше, после своего неблаговидного поступка, будет оставаться в „Млечном Пути“, то он печататься в журнале не будет и просит вычеркнуть его имя из списка сотрудников.

Еще более взволнованно и резко по поводу моей необдуманной выходки он говорил с Чернышевым при встрече в Москве. Правда, в конце разговора он немного отошел. Обо всем этом и сообщил мне Чернышев. „Есенин,— писал он,— очень усиленно убеждал меня не издавать в М.П. („Млечном Пути“.— *Н.Л.*) Вашу книгу, но, когда натолкнулся на мое решительное противодействие, перестал меня убеждать, и в конце концов мы с ним договорились до того, что... если бы вы первый написали ему и выяснили все это недоразумение, он с удовольствием пошел бы Вам навстречу по пути ликвидации этого неприятного инцидента. Я с своей стороны очень советовал бы Вам непосредственно списаться с ним, ведь Вам делить нечего...“

Надо ли говорить, что я немедленно написал письмо Есенину с извинениями и объяснениями. Неожиданно для себя я получил от Есенина товарищеское, дружески откровенное письмо» (Восп., 1, 165—166). Инцидент был исчерпан, и сборник стихов Н.Ливкина «Инок» вышел в издательстве «Млечный Путь» в 1916 г.

...я уже не в поезде, а в Царском Селе при постройке Феодоровского собора.— По мнению В.А.Вдовина, эти слова свидетельствуют о прикомандировании Есенина в то время «к Царскосельскому лазарету № 17 при Федоровском соборе и канцелярии поезда» (ВЛ, 1970, № 7, июль, с. 170). В самом деле, по возвращении из константиновской побывки Есенин в 1916 г. к линии фронта уже не выезжал, хотя в официальных документах за подписью Д.Н.Ломана

его по-прежнему именовали как «санитара Полевого Царскосельского военно-санитарного поезда № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны» (см., напр., Хроника, 1, 102—103).

...между нами, два раза видящих друг друга ∾ вышло ∾ недоразумение...— Так у Есенина.

...есть осадок ∾ лжи ∾ что вот-де Есенин попомнит Ливкину... — Тем не менее годом раньше, когда ситуация, здесь обсуждаемая, еще переживалась остро, Есенин выразился недвусмысленно: «Жаль, <...> что я не могу свидеться с ним <Ливкиным> лично. Ох, уж показал бы я ему. <...> Но берегись он теперь меня» (п. 46, с. 68 наст. тома).

...перепечатка стихов немного нечестность...— Речь идет о повторной сдаче в печать стихотворения Есенина «Кручина» (подробнее — п. 46 и коммент. к нему).

...мережковские ∾ начали трубить обо мне ∾ Я имел право ∾ взять любого из них за горло ∾ Но я презирал их... — Есенин, бесспорно, ощущал, что петербургская литературная элита смотрит на него свысока. В.Чернявскому запомнилось негодующее восклицание поэта о З.Гиппиус: «Она меня, как вещь, ощупывает!» (Восп., 1, 207). Сама же Гиппиус с раздражением писала вскоре после его гибели: «Есенин стал со своей компанией являться всюду (не исключая и Религиозно-философского общества) в совершенно особом виде: в голубой шелковой рубашке с золотым пояском, с расчесанными, ровно подвитыми кудрями. Война,— Россия,— народ,— война! Удаль вовсю, изобилие и кутежей, и стихов, всюду теперь печатаемых, стихов неровных, то недурных — то скверных, и естественный, понятный рост самоупоенья — я, мол, знаменит, я скоро буду первым русским поэтом — так „говорят"...» (РЗЕ, 1, 84). Ср. со словами сверстника Есенина из начинающих петербургских поэтов — Николая Оцупа:

«Недавно приехавший в столицу и уже знаменитый „пригожий паренек“ из Рязани, потряхивая светлыми кудрями, оправляя складки своей вышитой цветной рубахи и медово улыбаясь, нараспев, сладким голосом читал стихи:

> Гей ты, Русь моя, светлая родина,
> Мягкий отдых в шелку купырей.

Кто-то из строгих петербуржцев, показывая глазами на „истинно деревенский“ наряд Есенина, сказал другому петербуржцу, другу крестьянского поэта:

— Что за маскарад, что за голос, неужели никто не может надоумить его одеваться иначе и вести себя по-другому?

На это послышался ответ, ставший классическим и роковым:

— Сереже все простительно» (РЗЕ, 1, 160).

См. также статью Есенина «Дама с лорнетом» (1925) и коммент. к ней — наст. изд., т. 5, с. 229–230, 514–523.

...письмо со стихами в «Ж<урнал> д<ля> в<сех>»... — Это письмо Ливкина неизвестно, но его содержание пересказано Есениным в письме И.К.Коробову (п. 46 наст. тома).

«Сегодня ты, а завтра я»... — Слова арии Германа из оперы П.И.Чайковского «Пиковая дама» (финальная сцена):

> Что наша жизнь — игра!
> Добро и зло — одни мечты.
> Труд, честность — сказки для бабья!
> Кто прав, кто счастлив здесь, друзья?
> Сегодня ты,
> А завтра я!
> Так брось<те> же борьбу!
> Ловите миг удачи,

Пусть неудачник, плача,
Клянет свою судьбу.

* * *

Что верно? — Смерть одна.
Как берег моря суеты
Нам всем прибежище она!
Кто ж ей милей из нас, друзья?
    Сегодня ты,
    А завтра я!

(в кн. «Пиковая Дама: Опера... Музыка П.Чайковского. Текст Модеста Чайковского», М., 1890, с. 65–66).

Не будем говорить о том мальчике ∾ *во мне к нему было некоторое увлечение...* — Первый публикатор письма сделал к этому месту примечание: «Речь идет об одном молодом поэте, который в то время печатался в „Млечном Пути“» (журн. «Огонек», М., 1965, № 40, с. 9). Скорее всего, здесь Есенин говорит о самом Ливкине (если учитывать эти строки в контексте письма в целом).

...чтоб ∾ *оттолкнуть подозрение на себя...* — Оговорка Есенина; следовало бы написать — «*от* себя» (выделено комментатором).

...выходил на кулачки с Овагемовым.— Федор Цеpонович Овагемов (псевд.: О.Овагемов) писал стихи и рецензии и печатал их в журналах «Млечный Путь» и «Вестник Шанявцев»; был слушателем Московского городского народного университета им. А.Л.Шанявского. Подробности упомянутого Есениным эпизода описал в своих воспоминаниях Д.Н.Семёновский (Овагемов выведен в них под фамилией «Николаев»*):

* Подлинная фамилия фигурирует в черновом автографе очерка Д.Семёновского «Есенин» (Гос. архив Ивановской обл., ф. Д.Н.Семёновского; сообщено О.К.Переверзевым).

«То ли в шутку, то ли всерьез <Есенин> ухаживал за некрасивой поэтессой, на собраниях садился с ней рядом, провожал ее, занимал разговором. Девушка охотно принимала ухаживания Есенина и, может быть, уже записала его в свои поклонники. <...>

Через несколько дней девушка пригласила поэтов „Млечного Пути“ к себе. <...> Сидели за празднично убранным столом. <...>

Футурист-одиночка Федор Николаев, носивший черные пышные локоны и бархатную блузу с кружевным воротником, не спускал с нее глаз. Уроженец Кавказа, он был человек темпераментный и считал себя неотразимым покорителем женских сердец. Подсев к девушке, Николаев старался завладеть ее вниманием. Я видел, что Есенину это не нравится.

Когда поэтесса вышла на минуту <...>, он негодующе крикнул Николаеву:

— Ты чего к ней привязался?

— А тебе что? — сердито ответил тот.

Произошла быстрая, энергичная перебранка. Закончилась она тем, что Есенин запальчиво бросил сопернику:

— Вызываю тебя на дуэль!

— Идет,— ответил футурист.

Драться решили на кулаках.

Вошла хозяйка. Все замолчали. Посидев еще немного, мы вышли на тихую заснеженную улицу. Шли молча. Зашли в какой-то двор<...>. Враги сбросили с плеч пальто, засучили рукава и приготовились к поединку. <...> Дуэлянты сошлись. Казалось, вот-вот они схватятся. Но то ли свежий воздух улицы охладил их пыл, то ли подействовали наши уговоры, только дело кончилось примирением» (Восп., 1, 158, 159).

...в общем-то, ведь все это выеденного яйца не стоит.— Так кончается письмо, о котором Ливкин позднее писал: «Оно и обрадовало, и успокоило, и взволновало меня. Оно открыло мне многое в Есенине, его характере,

поступках, отношении к окружающим, взглядах на литературу. <...> Казалось бы, после этого письма все встало на свое место. Но должен сказать откровенно, что я никогда не мог простить себе сам своего необдуманного поступка» (Восп., 1, 166, 167).

65. *М.П.Мурашеву.* После 29 августа 1916 г. (с. 85).— Хроника, 1, 100 (с неточностью); правильный текст — Есенин 6 (1980), с. 74.

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется по помете адресата над текстом записки («Сергей Есенин. *Август 916 года*») и по содержанию (см. реальный коммент.).

...я под арестом на 20 дней.— О нарушении воинской дисциплины, повлекшем за собой это наказание, В.А.Вдовин писал: «Главный хранитель Павловского дворца-музея А.М.Кучумов сообщил автору этих строк, что в 30-е годы в архиве Музея Екатерининского дворца (г. Пушкин) среди других бумаг хранилась объяснительная записка Есенина на имя полковника Ломана, датированная 1916 г., в которой поэт объяснял причины своего опоздания на службу. Содержание записки говорило о том, что Есенину грозило серьезное наказание за нарушение служебной дисциплины» (Есенин 6 (1980), с. 409—410). Судя по известным на сегодняшний день документам, это наказание Есенина за время его службы в Царском Селе было единственным. При допросе после случайного ареста в ночь с 18 на 19 окт. 1920 г. в МЧК Есенин указал точную дату, с которой он начал отбывать наказание,— 29 авг. 1916 г. (Материалы, с. 272), хотя и назвал другую его меру — не арест, а дисциплинарный батальон (там же). Указанная поэтом дата не противоречит содержанию комментируемой записки и помете адресата на ней; в силу этого она принята во внимание при датировке.

По неподтвержденным сведениям, вышеупомянутая объяснительная записка Есенина Ломану имела ту же

дату — 29 авг. 1916 г. (сообщено А.В.Шабуниным). Она до сих пор не разыскана.

...сорок рублей мне. Сходи в «Северные записки» и попроси...— К тому моменту Есенин, скорее всего, уже знал, что редакция журнала приняла к публикации его стихотворения «За темной прядью перелесиц...», «Корова» и «Устал я жить в родном краю...» (они появились в сентябрьском номере). Сумма, запрошенная поэтом, практически совпадает с суммой гонорара за эти стихи при условии, что ему платили в «Северных записках» по 60 коп. за строку.

К 7 часам на дом.— Эти слова, кроме их прямого смысла, по-видимому, означают, что Есенин уже известил сотрудников «Северных записок» о своих финансовых затруднениях и получил от них заверения, что они смогут ему помочь.

Саперный, 21, кв. Сакера.— К этому адресу дописаны другой рукой номер квартиры (6) и телефон (177–70); эти данные имеются и в справочнике «Весь Петроград на 1916 г.» (III-й отд., с. 504), где Яков Львович Сакер, муж редактора «Северных записок» С.И.Чацкиной, финансировавший издание журнала, значится как журналист. Сохранилась дарственная надпись Есенина Я.Л.Сакеру на Р16 (см. Юсов-96, с. 178).

66. *М.П.Мурашеву.* Сентябрь — первая половина декабря 1916 г. (с. 85).— САЕ, с. 61 (в очерке адресата «Сергей Есенин в Петрограде»), только второй абзац (с исправлением слова «заедь» на «приезжай», принадлежащим Мурашеву: это установлено по наборному экземпляру очерка, хранящемуся в ИМЛИ); Прокушев-65, с. 242–243, с неточностями и без десяти заключительных слов второго абзаца; датировано (со слов адресата) сентябрем 1916 г. Полный текст — Хроника, 1, 100, с неточностями и с предположительной датой: «Август — сентябрь (?) <1916 г.>».

В соответствии с подлинником публикуется впервые.

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется предположительно по содержанию. Год устанавливается по помете адресата («16 г.») на обороте второго свободного листа письма. Кроме того, судя по словам: «В Петроград меня ни за что <...> не пустят», письмо написано после событий, связанных с датой 29 авг. 1916 г. (см. коммент. к п. 65). К тому же вряд ли Есенин стал бы обращаться к Мурашеву с просьбой такого содержания в дни, когда в Петрограде находился Клюев, у родственников которого хранились есенинские вещи,— ведь тогда они могли бы быть получены через Клюева непосредственно.

Последний же приехал в Петроград примерно к середине сент. 1916 г. (см. коммент. к п. 63) и, пробыв в столице около полутора месяцев, в начале нояб. отправился с Н.В.Плевицкой в концертную поездку (см. газ. «Обозрение театров», Пг., 1916, 11 нояб., № 3275). В Петроград они вернулись 17 дек. 1916 г. (РГИА, ф. 489, оп. 1, ед. хр. 42, лл. 71—72).

Таким образом, комментируемое письмо могло быть написано либо в первой половине сент., либо между началом нояб. и 16 дек. 1916 г.

...корзинку хочется к тебе пристроить...— Речь идет о корзине Есенина, в которой, по словам Мурашева, «у него вместо вещей лежали рукописи стихов» (САЕ, с. 56).

Поезжай или сходи к Клюевым ∾ Ключ ∾ у них на окне.— Комментируя это место письма в 1926 г., адресат писал: «Корзину с трудом, но выручил — почти пустую. Есенин пожалел в ней кое о чем, но скоро забыл» (наборный экземпляр очерка Мурашева «Сергей Есенин в Петрограде» — ИМЛИ; цит. текст в печать не попал: он был вычеркнут редактором).

Кланяйся твоим портретам, ∾ граммофону и музыкальным моментам.— Адресат так прокомментировал эти слова: «В кабинете у меня были портреты Блока, Куприна с их автографами и другие. Им-то и „кланяется“ Есенин... Я был не очень большой поклонник граммофона, но Есенин говорил, что иногда на концерт не попадешь, а музыку послушать хочется. Тогда по его предложению мы пошли и купили граммофон и пластинки. Есенин очень любил слушать „Музыкальный момент“ Шуберта» (Прокушев-65, с. 243).

Твой друг Мандалина.— Очевидно, шутливое дружеское прозвище Есенина.

67. *М.П.Мурашеву.* До 25 сентября 1916 (?) г. (с. 86).— Хроника, 1, 252, с датой: «До 25 сент. 1917 г.».

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется предположительно, с учетом слов: «25 я именинник» (см. реальный коммент.). Первый публикатор сделал выбор в пользу 1917-го года, мотивируя это тем, что «в сентябре 1917 года Есенин и Мурашов жили в Петрограде. Поэт был женат, имел отдельную квартиру; поэтому приглашение на именины в этот период наиболее вероятно» (Хроника, 1, 253). В.А.Вдовин (по соображениям, в печати не изложенным) считает, что письмо написано в Царском Селе в 1916 г. (Есенин 6 (1980), с. 423). Этот вариант также возможен и даже несколько более предпочтителен (ср. с реальным коммент.), в силу чего он — с известной долей условности — принят и в наст. изд.

...25 я именинник.— Есенин праздновал свои именины осенью. Ср.: «18 июля <1924 г.>.

Сергею Александровичу Есенину. Поздравляем дорогого именинника. Подписи.

Он держит телеграмму в руке и растерянно глядит на меня.

— Вот так история! А я ведь в ноябре именинник! Ей-Богу, в ноябре! А нынче — летний Сергей, не мой! Как же быть-то?» (из воспоминаний В.И.Эрлиха; Восп., 2, 328). 5 (18) июля празднуется обретение мощей преп. Сергия Радонежского, а 25 сент. (8 окт. <не нояб.!>) — день его памяти.

Будет выпивка.— Дружеские встречи Есенина и Мурашева иногда сопровождались возлияниями, причем не только до призыва Есенина на военную службу, но и во время посещений Мурашевым своего друга в Царском Селе. За десять дней до начала службы в Полевом Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 Есенин побывал на квартире друга и оставил в его альбоме экспромт:

Не надо радости всем ласкостям дешевым,
Я счастлив тем, что выпил с Мурашевым.

(Наст. изд., т. 4, с. 252).

Следующая их встреча состоялась уже на месте военной службы Есенина. Вот некоторые ее эпизоды в изложении Мурашева:

«— Угостил бы тебя, да денег нет,— говорит Есенин печально.

Я дал ему денег 15 рублей. Он повеселел.

— Хорошо бы поймать полковника, он бы дал записку на вино в госпитальный магазин.

Не успел он докончить фразы, как в дверь резко постучали, и без ответа на стук вошел полковник Ломан. Есенин представил меня полковнику как своего близкого друга. Полковник был любезен и приветлив. Есенин с улыбкой обратился к нему:

— Господин полковник, дайте записочку, я хочу угостить друга.

Ломан засмеялся и проговорил:

— Только поаккуратней.

Он подошел к столику, сел на кровать Есенина и на небольшом листике бумаги написал:

„Отпустить Есенину за наличный расчет 1 бут. виноградного вина и 2 бут. пива.

Полковник Ломан“.

<...>Полковник написал записку на обороте какого-то стихотворения. Я предложил Есенину переписать.

Надевая фуражку, он сказал:

— Я и так его помню.— Он было пошел, но, вернувшись от двери, присел к столику, исправив на записке из одной бутылки вина 4, а из 2 б<утылок> пива — 12.

— Я на все деньги возьму.

— Бери, но пить будем немного,— сказал я.

— Там видно будет!

Через минут пятнадцать он пришел в сопровождении солдата с двумя корзинами.

<...> Затем он повел меня осматривать Федоровский собор. <...> Хранитель собора привел нас в нижний этаж, где находились собранные по всей России старинные иконы. Показал узкую комнатушку, точно застенок, в которой Николай исповедовался у своего духовника. После мы в этой клетушке с хранителем собора не раз распивали церковное вино» (САЕ, с. 57—59).

Ср. также с фразой: «Поговорить есть кой о чем, только уже без спирта <и т. д.>» из предыдущего письма, также посланного из Царского Села.

Совокупность этих фактов действительно делает более предпочтительной датировку комментируемого письма 1916-м годом.

68. *Л.Н.Андрееву*. 20 октября 1916 г. (с. 86).— Есенин 5 (1962), с. 122.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. Л.Н.Андреева), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Царское Село. 20.10.16».

Датируется по этому штемпелю.

...навещая А.М.Ремизова, мы с Клюевым...— Этот визит состоялся 14 окт. 1916 г.; установлено по дате дарственной надписи Есенина Л.Андрееву (Юсов-96, с. 18), помеченной этим числом. Поэты пришли к Ремизову уже на его новую квартиру по адресу: Васильевский остров, 14 линия, д. 31, кв. 48. Ремизовы «водворились» (собственное слово писателя) на это место жительства 30 сент. 1916 г. (ИРЛИ, ф. А.М.Ремизова; цит. по публикации И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского — РЛ, 1992, № 4, с. 119).

...хотели ∾ повидать Вас ∾ я оставил Вам несколько стихотворений и книгу.— Есенин и Клюев побывали у Л.Андреева в тот же день, что и у А.Ремизова, т. е. 14 окт. 1916 г. Книгой, на которой Есенин написал тогда инскрипт адресату, была «Радуница» (см. Юсов-96, с. 18). О каких стихотворениях идет речь, неизвестно.

...сообщите мне, подошло что или нет...— Ответное письмо Л.Андреева неизвестно. В газ. «Русская воля», где в то время писатель заведовал отделами беллетристики, критики и театра, стихи Есенина не публиковались. Однако почти через год после визита Есенина к Андрееву, когда последний стал уже главным редактором газеты, в ней была напечатана статья Г.Иванова «Черноземные голоса», являвшаяся развернутой рецензией на «Мирские думы» Клюева, «Радуницу» Есенина, «Песни» и «Потаенный сад» С.Клычкова (газ. «Русская воля», Пг., 1917, 23 сент., № 226).

69. *Т.Ф.Есениной.* 20 октября 1916 г. (с. 87).— ЛР, 1965, 17 сент., № 38, в статье Е.А.Есениной «В Константинове», с датой: «Октябрь 1916 г.»

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Царское Село. 20.10.16».

Датируется по этому штемпелю. Первая адекватная датировка — Есенин 6 (1980), с. 76.

...свяжи ∾ чулки ∾ в городе не достать таких.— По словам Е.А.Есениной, «на следующий день» после получения открытки «мать пошла в Кузьминское послать посылку» (Восп., 1, 43). «Открытка эта была последней из Царского Села» (там же). Однако сохранилась и другая открытка Есенина, отправленная матери из Царского Села 2 нояб. 1916 г. (частное собрание, г. Москва). Ее текст остается пока недоступным.

Пришли мне закрытое письмо...— Письма Т.Ф.Есениной сыну неизвестны.

...как учится Катька.— Е.А.Есенина в это время училась в Константиновской сельской четырехклассной школе (Восп., 1, 46).

Отец мне недавно прислал письмо... — Ныне это письмо неизвестно.

...лежит с отцом Гриши Панфилова.— Речь идет об А.Ф.Панфилове. Е.А.Есенина поясняет: «...до нашего отца дошла очередь идти в солдаты. Он приехал из Москвы домой на призыв. Простившись с нами, отец уехал в Рязань на медицинскую комиссию. В Рязани отец наш случайно оказался вместе с отцом Гриши Панфилова, который тоже был призван в армию. Отец Гриши, услышав знакомую фамилию, спросил его, не родня ли он Сережи Есенина» (Восп., 1, 43).

Для меня это перст какой-то указующий заколдованного круга. ∾ все простужаюсь часто и кашляю.— Вероятно, отцовское сообщение о встрече с А.Ф.Панфиловым вновь вернуло Есенина к мыслям о друге и его ранней смерти (см. пп. 32—35 и коммент. к ним), тем более что и сам поэт был тогда не вполне здоров.

70. *А.А.Сардановской.* 20 октября 1916 г. (с. 87).— Журн. «Слово», М., 1998, № 6, нояб.-дек., с. 55 (текст и факсимиле), в статье Ю.Прокушева «Первая любовь Сергея Есенина».

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Царское Село. 20.10.16».

Датируется по этому штемпелю. Кроме него, имеется второй такой же почтовый штемпель отправления, а также штемпель получения: «Дединово Ряз. 23.10.16».

Это последнее известное на сегодня письмо, написанное и отправленное Есениным А.Сардановской. Об их отношениях и переписке см. коммент. к п. 61.

71. *К.К.Владимирову*. Осень (?) 1916 г. (с. 87).— Есенин 5 (1962), с. 120, с ориентировочной датой: «1915 г.»; в Хронике, 1 (с. 75) отнесено к октябрю (?) 1915 г.

Печатается по автографу (РНБ, ф. К.К.Владимирова).

Датируется предположительно. Год устанавливается в соответствии с дарственной надписью Есенина адресату на своей фотографии («За встречи наши приятные») от 29 июля 1916 г. (см. Юсов-96, с. 43). Время года определяется ориентировочно с учетом особенности тогдашнего начертания Есениным заглавной буквы своего имени в подписях под автографами разного рода (текстами стихов, инскриптами, письмами).

Эта особенность состоит в следующем: написав свое имя, Есенин затем продлевал верхнее полуовальное закругление буквы «С», снабжая его горизонтальной чертой.

Наиболее раннее появление такого начертания буквы «С» в датированных подписях поэта, известных на сегодняшний день, относится к 28 июня 1916 г.: этим числом помечен исполненный в Москве автограф стихотворения «Корова», вписанного поэтом (с соответствующей подписью) в альбом И.В.Репина (частное собрание, г. Москва). Имеются такие же буквы «С» и в рукописях первой декады июля (см., напр., факсимиле есенинской записи в альбом М.П.Мурашева от 3 июля 1916 г. — ЕЖЛТ, с. 69 — или факсимиле альбомной записи Есенина, адре-

сованной М.М.Марьяновой, от 9 июля 1916 г.— сб. «Памяти Есенина», М., 1926, с. 237). Однако в подписи «Сергей Есенин» под инскриптом самому Владимирову от 29 июля 1916 г., процитированным выше, упомянутой черты в букве «С» нет (см. факсимиле — ЛН, т. 92, кн. 3, М., 1982, с. 467).

Устойчивое ее появление в есенинских рукописях относится к осени 1916 г.— во всех без исключения подписях поэта, сделанных в то время и известных исследователям, присутствует указанная горизонтальная черта у верхней части буквы «С». Что касается комментируемого письма, то эта черта есть и в подписи под его текстом, и в инициале на конверте, в который оно было вложено.

Из приведенных соображений можно заключить, что настоящее письмо, по-видимому, написано осенью 1916 г. И все же его датировка другими месяцами второй половины 1916 г. также возможна, хотя и менее вероятна.

Глубоко признателен Вам за охарактеризование моего творчества.— Адресат письма был не только литератором и коллекционером автографов деятелей культуры, но и известным графологом. Еще в 1963 г. А.П.Ломан предположил, что эти строки связаны со сделанной Владимировым характеристикой личности Есенина по его почерку (см.: Есенин 6 (1980), с. 269). Этот документ ныне неизвестен; однако сохранилась аналогичная характеристика Клюева, писанная рукой К.Владимирова, что позволяет надеяться на существование такого же текста и для Есенина. В 1926 г. В.И.Вольпин от имени Комитета по увековечению памяти С.А.Есенина писал Владимирову: «Ссылаясь на личные переговоры с Вами <...> было бы очень желательно получение от Вас и характеристики С.Есенина, сделанной с графологической точки зрения» (Письма, 419, 420). Выполнил ли это пожелание адресат,— также неизвестно.

...я ∾ находился в периоде ∾ духовного преломления, и вы ясно описали этот перелом... — Из этих слов

явствует, что для проведения графологического анализа Есенин мог передать Владимирову по крайней мере две своих рукописи разных лет. Действительно, в архиве графолога, кроме комментируемого письма, сохранилось как раз два автографа поэта. Одним из них является черновик поэмы «Марфа Посадница», другим — текст, по-видимому, написанный специально для этого анализа («Победа духа над космосом создает тот невидимый мир, в который мы уйдем. Сергей Есенин» — Хроника, 1, 74). Теософский оттенок этого текста, скорее всего, не случаен — Есенин, без сомнения, знал, что К.Владимиров состоит в Российском теософском обществе.

72. *Л.Л.Мацкевич*. Ноябрь (?) 1916 г. (с. 88).— Есенин 6 (1980), с. 398–399.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется предположительно на основании письма, отправленного Музеем Есенина Л.Л.Мацкевич 20 февр. 1929 г.: «Музей Есенина настоящим удостоверяет, что им получены от Вас следующие рукописи С.А.Есенина: <...> письмо 1916 г., адресованное на Ваше имя. <...> Музей приносит Вам свою большую благодарность за чрезвычайно ценные Ваши пожертвования. Хранитель Музея» (Письма, 461, 462). Кроме того, некоторые особенности почерка комментируемого письма близки характеристикам почерка рукописей поэта второй половины 1916 г. Если Есенин писал свое письмо именно в этот промежуток времени, то месяцем, когда это было сделано, мог быть только ноябрь, поскольку в Москву во второй половине 1916 г. Есенин выезжал из Царского Села лишь однажды: 3 нояб., а назад вернулся до 20 нояб. (Хроника, 1, 102–103).

Давно уже было, когда мы виделись.— Сведения об общении Есенина с Мацкевич не выявлены. Судя по письмам к ней друга детских и юношеских лет Есенина — Н.Сардановского (см.: Письма, 375–376; 397–

398), они были знакомы с Есениным еще по Константинову. Возможно, кое-что в отношениях поэта с адресатом могла бы прояснить девичья фамилия Мацкевич, которая до сих пор неизвестна исследователям. Бывшие в ее распоряжении рукописи стихотворений Есенина «Я положил к твоей постели...», «Сонет», «Чары» и «Исповедь самоубийцы» были, как и данное письмо, переданы ею в Музей Есенина в 1929 г. Все они не датированы; предполагается, что их тексты были записаны автором в 1913—1915 гг. (наст. изд., т. 4, с. 351—352). Другие письма Есенина к Мацкевич неизвестны.

Сообщите, где можем встретиться. <...> Если Вам некогда, то тоже сообщите.— Письма Мацкевич к Есенину неизвестны.

73. *И.И.Ясинскому*. 20 ноября 1916 г. (с. 88).— Есенин 5 (1962), с. 122—123.

Печатается по автографу (РНБ, ф. И.И.Ясинского), исполненному на секретке с почтовым штемпелем: «Царское Село. 20.11.16».

Датируется по этому штемпелю.

Очень хотелось бы поговорить с Вами...— Общение Есенина с адресатом началось, по-видимому, в первой декаде окт. 1915 г. (см. п. 52 и коммент. к нему). Вскоре поэт был принят И.Ясинским и на дому. Как вспоминала его дочь З.И.Ясинская, «Сергей Городецкий рекомендовал Есенина отцу как молодого, нигде не печатавшегося поэта с крестьянской тематикой и образами. <...> у нас, на Черной речке, Есенину было интересно. Когда собирались гости, говорили много, чаще всего об искусстве, внимательно следили за ростом молодых писательских сил, спорили о направлениях. Истинное наслаждение доставляли рассказы стариков, в том числе и моего отца, о старине, о встречах с Тургеневым и Гончаровым, с Салтыковым-Щедриным и Всеволодом Гаршиным, с Сергеем Атавой (Терпигоревым). Врезались в память рассказы о Софье

Перовской и о Кибальчиче, участниках убийства Александра II в 1881 году. Тут даже мелочи были дороги. Конечно, говорили и о войне, о правительственных перемещениях, воровстве в армии и о кризисе самодержавия» (Восп., 1, 252, 254).

Став председателем правления вновь образованного литературно-художественного общества «Страда», И.И.Ясинский принял участие в пропаганде творчества Есенина и Клюева и не раз (как в печати, так и в своих публичных выступлениях) высказывался об их поэзии. Открывая вечер «Страды», «посвященный произведениям народных поэтов Н.А.Клюева и С.А.Есенина» (из текста пригласительного билета на вечер, состоявшийся 10 дек. 1915 г.,— Хроника, 1, 80), Ясинский говорил:

«Стала шевелиться и сверкать блестками золота и жемчугом пестрядинная ткань сутёмок русской души, стало оживать то, что чудилось мертвым и оцепенелым, уже неспособным к самобытной жизни. А тут еще эти сутёмки, вслед за частушкой <...>, выбросили из своих недр, из океана народного духа, увы! далеко не ведомого нам, на наш литературный берег таких двух поэтов, как Николай Клюев и Сергей Есенин.

<...> Мужественнее и грознее муза Клюева, женственнее и нежнее муза Есенина. Они точно представляют собой мужское и женское начало народной души в ее поэтических проявлениях.<...>

Достаточно послушать наших поэтов и вникнуть в мелодии жажды света, воли, любви и красоты юного Есенина и в угрюмые, как северные леса, и широкие и звучно льющиеся, как могучие северные реки, стихи Клюева, чтобы на вас пахну́ло дыханием какой-то небывалой еще у поэтов, приходящих из народных сутёмок (пользуюсь выражением Клюева), мощи и грозовой яркости настроений. <...> И это не языческие образы, не те, которые погребены в летописях, в былинных сказах, не древний пепел

истлевших форм русского слова, а что-то новое, никем еще не уловленное <...>.

Поэтическая душа Клюева подобна вулкану, который вот-вот изойдет лавой, но только таинственно бушует и рокочет под крышкой своего кратера; а душа Есенина — цветник благоухающих русских цветов» (ИРЛИ, ф. И.И.Ясинского).

Ясинский попытался выразить свое ощущение от творческой личности Есенина и в написанном им живописном портрете поэта (в 1928 г. этот портрет был получен в Петергофе С.А.Толстой-Есениной для Музея Есенина от друга Клюева — Николая Ильича Архипова; ее расписка в получении — ИРЛИ, р. I, оп. 12; черно-белый негатив, снятый с оригинала, ныне хранится в ИМЛИ).

В февр.-марте 1916 г. Есенин и Ясинский обменялись теплыми дарственными надписями. «Самому доброму, самому искреннейшему писателю и человеку...»,— так начал Есенин свой инскрипт на $Р_{16}$ (см. Юсов-96, с. 250). Ясинский же подарил поэту книжку своих рассказов «Плоское» (СПб., б.г.), надписав ее: «Юному товарищу по мечтам и по перу прекрасному поэту Сереже Есенину Иер. Ясинский. 4 марта 1916» (цит. по кн. «Есенин и русская поэзия», Л., 1967, с. 185, публ. В.А.Вдовина; с уточнениями по оригиналу — РГБ).

Сейчас готовлю книгу ∾ для печатания... — Примерно через месяц Есенин напишет издателю М.В.Аверьянову: «Впредь буду обязан Вам „Голубенью“...» (см. п. 75). Очевидно, к тому времени поэт уже составил книгу, упомянутую в комментируемом письме, и дал ей название — «Голубень».

...хотелось бы провести ее по журналам.— Вторая книга поэта — $Г_{18}$ — вышла спустя почти полтора года. Из тридцати четырех произведений $Г_{18}$ в течение 1916 г. «по журналам» прошло лишь пять: «Заглушила засуха засевки..» («Летопись», Пг., 1916, № 2, с. 4, под загл. «Молебен»); «Запели тесаные дроги...» (в первой редак-

ции «Сереют избы, небо бело...» — Еж. ж., 1916, № 7/8, стб. 8); «За темной прядью перелесиц...» и «Корова» («Северные записки», 1916, Пг., <№ 9>, сент., с. 52—53) и «В том краю, где желтая крапива...» (Еж. ж., 1916, № 9/10, стб. 8). Бóльшая часть текстов, вошедших в $Г_{18}$, появилась в печати уже в 1917 г., в основном в Ск-1 и Ск-2.

...не откажите сообщить о судьбе ~ стихов, которые я Вам дал... — Два из этих стихотворений — «О товарищах веселых...» и «О красном вечере задумалась дорога...» — упоминаются в письме Есенина А.Волынскому (п. 74). Там же названо общее число текстов, отданных Есениным Ясинскому — пять. В архиве Ясинского сохранились автографы пяти стихотворений Есенина, написанные в одно и то же время (судя по формату бумаги и почерку). Две из этих пяти рукописей — это как раз стихи, упомянутые в письме к Волынскому. Три остальных — автографы стихотворений «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «Твой глас незримый, как дым в избе...» и «Даль подернулась туманом...». Таким образом, Ясинский не дал ходу стихам Есенина, которые тот просил опубликовать. Причины такого решения редактора Бирж. вед. неизвестны.

...когда был с Верхоустинским.— Это единственное упоминание Есениным фамилии поэта, с которым, скорее всего, он познакомился через С.Городецкого (в рекламном объявлении издательства «Краса» — см. о нем в коммент. к п. 44 — наряду с есенинской «Радуницей» был обозначен и сборник стихов Б.Верхоустинского «Яворчатые гусли», так и не вышедший в свет). Судя по п. 74 (см. коммент. к нему), Есенин и Верхоустинский побывали у Ясинского в середине окт. 1916 г. Точная дата этого посещения не определена; неизвестно также и об общении поэтов после 1916 г.

...по болезни отца...— По свидетельству А.А.Есениной, их отец с молодых лет страдал астмой (Восп., 1, 88).

Эта хроническая болезнь то и дело давала о себе знать. «...здоровье, чувствую, сильно пошатнулось, очень растрепались нервы, сильно болит голова»,— писал он в одном из сохранившихся писем сыну (Письма, 213).

74. *А.Л.Волынскому.* 30 ноября 1916 г. (с. 89).— Есенин 5 (1962), с. 123.

Печатается по автографу (РНБ, ф. К.К.Владимирова), исполненному на секретке с почтовым штемпелем: «Царское Село. 30.11.18».

Датируется по этому штемпелю.

...извиняюсь за фамильное обращение к Вам...— См. адрес письма, где стоит: «Е. В. <т. е. „Его Высокоблагородию“> Волынскому». Есенин обращается к нему как к редактору отдела литературы Бирж. вед. (адресат занимал эту должность с 1916 г.). Судя по характеру обращения, личное знакомство Есенина с Волынским состоялось несколько позже, а именно зимой 1916—1917 гг. (см. также п. 76 и коммент. к нему).

Месяца полтора тому назад...— т. е. в середине окт. 1916 г.

...я передал Иерониму Иеронимовичу для передачи Вам ∾ пять стихотворений.— Они сохранились в архиве И.И.Ясинского; подробнее см. коммент. к п. 73.

...задержать «О товарищах веселых» и «О красном вечере задумалась дорога».— Эта просьба вызвана тем, что указанные стихотворения были, очевидно, отданы Иванову-Разумнику, редактору сборников «Скифы», где они и появились уже в 1917 г. (Ск-1, с. 119, 117).

75. *М.В.Аверьянову.* 8, или 18, или 28 декабря 1916 г. (с. 90).— Есенин 5 (1962), с. 124 (с ориентировочной датой: «1916 г.»). В Есенин 6 (1980), с. 77, датировано ошибочно: «Ноябрь, около 20, 1916 г.».

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. М.В.Аверьянова).

Датируется по частично сохранившемуся почтовому штемпелю на конверте («?8.12.1?»); год отправки письма устанавливается (по содержанию) однозначно.

...кругом всё подтягивают. ∾ требуют, чтоб был как зеркало...— Действительно, в приказах по Полевому Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 за подписью полковника Д.Н.Ломана не раз обращалось внимание на то, что его подчиненные не всегда одеты по форме; прежде всего это касалось санитаров поезда, прикомандированных к лазарету № 17, среди которых был и Есенин. Из приказа № 283 от 10 окт. 1916 г.: «Состоящие при лазарете санитары должны строго соблюдать Высочайше утвержденные воинские уставы. Должны быть одеты строго по форме <...>. Вся состоящая при лазарете команда должна иметь воинский вид и всем своим поведением строго охранять достоинство Организации, к которой они <т. е. члены команды> имеют честь принадлежать» (РГИА, ф. 1328, оп. 4, ед. хр. 20, лл. 285 об.— 286).

Впредь буду обязан Вам «Голубенью»...— См. коммент. к п. 73. Эти слова, по-видимому, означают также, что у Есенина в тот момент была мысль предложить адресату для издания и эту новую книгу своих стихов. Она, однако, вышла в другом издательстве — «Революционный социализм», к которому был близок упомянутый чуть ниже Иванов-Разумник.

Вы-то ведь не слыхали моих стихов с апреля.— То есть со времени призыва Есенина на военную службу. Отсюда следует, что во время своих наездов в Петроград летом и осенью 1916 г. Есенин ни разу не виделся с Аверьяновым.

...был разговор когда-то при выпуске «Радуницы» ∾ 50 р. добавочных.— 16 нояб. 1915 г. Есенин получил от издателя 125 руб., уступив ему права на издание Р16, а несколько позже — еще 25 руб. «в счет гонорара» за нее (Письма, 56, 57; наст. изд., т. 7, кн. 2). Других сведений о

выплате Аверьяновым Есенину денег — как за Р16, так и за какие-либо другие издательские проекты,— не имеется.

76. *И.И.Ясинскому*. Декабрь 1916 г.— февраль 1917 г. (с. 91).— Есенин 5 (1962), с. 124–125 (с ориентировочной датой: «1916 г.»).

Печатается по автографу (РНБ, ф. И.И.Ясинского).

Датируется по содержанию в сопоставлении с п. 74: слова «оставил <...> у Волынского» могли быть написаны только после 30 нояб. 1916 г.— до этого момента Есенин и Волынский знакомы не были. Первая адекватная датировка — Письма, 68.

На днях я заносил в редакцию стихи...— Речь идет о редакции Бирж. вед. Какие стихи предлагал туда Есенин на этот раз, неизвестно. Последним его стихотворением, появившимся на страницах этой газеты, было стихотворение «Странник» («Без шапки, с лыковой котомкой...») — Бирж. вед., 1916, 15 (28) авг., № 15741.

Сердечный привет Клавдии Ивановне.— Речь идет о жене Ясинского. Ее падчерица Зоя Иеронимовна вспоминала: «Первые месяцы после приезда <в Петроград осенью 1915 г.> Есенин часто бывал у нас в будние дни, заходил запросто, обедал, делился своими впечатлениями и как-то особенно задушевно и наивно беседовал с моей мачехой Клавдией Ивановной, женщиной чуткой и умной...» (Восп., 1, 252).

77. *М.П.Мурашеву*. 1917 г. (с. 91).— Хроника, 1, 251, с ориентировочной датой: «Первая половина 1917 г.».

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется с учетом соображений В.Г.Белоусова («...обращение „Драгой Мишель“ встречается лишь в двух письмах Есенина к Мурашеву. Автографы этих двух писем близки друг к другу по написанию букв и слов в целом. Они подписаны именем „Сергей“, с почти идентичным

написанием этого слова в обоих случаях. Все это указывает на близость их отправки. Первое из этих писем имеет штамп почты: „18.2.17“ <здесь это п. 79>. Второе письмо можно также отнести, следовательно, к первой половине 1917 года» — Хроника, 1, 251), но более расширительно.

...позвони по № 448—71.— Какое именно частное лицо (или, может быть, учреждение) абонировало этот номер петроградской телефонной сети в 1917 г., не установлено.

78. *Иванову-Разумнику.* 6 февраля 1917 г. (с. 92).— Есенин 5 (1962), с. 125.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника).

6 февр. ∾ помираю от зубной боли. ∾ вчера не мог зайти... — Письмо ушло адресату 7 февр. (согласно почтовому штемпелю на конверте). А на следующий день Есенин уже смог выехать из Царского Села в Петроград и выступал там с чтением стихов. Об этом есть запись в дневнике художника К.А.Сомова: «8-го. Вечером <...> поехал к Сологуб<у>, <...> там масса народу. <...> Был Клюев, мужицкий поэт, в поддевке и косоворотке, со своим другом Ясениным (?) <...> Друг очень молод, солдат с личиком <*1 слово нрзб.*> амура или зефира. Оба они читали добротные, но очень чуждые стихи» (Сектор рукописей Государственного Русского музея (СПб.), ф. К.А.Сомова; опубликовано с неточностями в кн.: «Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников», М., 1979, с. 172).

...словно тёлку, забирает ломота быквикóв.— Так, по словам А.А.Есениной, в Константинове говорили о корове, объевшейся зеленей (озими) — «ее быквики ломают» (цит. по: Есенин 3 (1970), с. 232).

Если Вы будете свободны на прощеный день, то загляну к Вам...— Упомянутый праздник (воскресенье,

предшествующее началу Великого поста) в 1917 г. приходился на 12 февр. Сведения о встрече Есенина и Иванова-Разумника в этот день не выявлены, однако в 1917 г. (и до, и особенно после Февральской революции) их общение было весьма интенсивным. Рассказывая в автобиографии 1923 г. о своей военной службе в Царском Селе, Есенин счел нужным упомянуть, что жил тогда «недалеко от Разумника Иванова», пояснив при этом, что в то время он «отказался написать стихи в честь царя. Отказывался, советуясь и ища поддержки в Иванове-Разумнике» (наст. изд., т. 7, кн. 1). 24 июня 1917 г. Есенин назовет Иванова-Разумника человеком, перед которым он «не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим» (см. п. 82). В последние месяцы 1917 г. от Есенина (по словам В.Чернявского) «слышалось постоянно»: «Иду к Разумнику, покажу Разумнику, Разумнику понравилось» (Восп., 1, 221—222).

Если «Скифы» еще печатаются...— Имеется в виду сборник Ск-1, для которого, начиная с окт. 1916 г., Иванов-Разумник собирал и редактировал литературно-художественные материалы (подробнее об этой его работе см.: Есенин 1 (1977), с. 388—389). В конце нояб. 1916 г. Есенин передал в портфель Ск-1 два стихотворения, прежде предназначавшихся для Бирж. вед. (см. п. 74). Как раз в день получения комментируемого есенинского письма — 7 февр. 1917 г.— редактор Ск-1 сообщал Ф.Сологубу, шутливо назвав свое детище «набегом»: «<...> набег 1-ый выходит в конце февраля...» (ИРЛИ, ф. Ф.Сологуба). События Февральской революции 1917 г. задержали выход Ск-1 в свет — сборник был выпущен лишь в конце июля (Юсов-94, с. 67).

...то поправьте ∾ под звон кандалов.— Эта правка, предложенная автором для стихотворения «Синее небо, цветная дуга...», была внесена редактором в текст, предназначавшийся для Ск-1, поскольку в книге произведение появилось в виде, нужном Есенину. Первоначальная ре-

дакция стихотворения, о котором идет речь, ныне неизвестна.

79. *М.П.Мурашеву.* 18 февраля 1917 г. (с. 92).— «Учительская газ.», М., 1965, 2 окт., № 118, в ст. В.Белоусова «Архив Мурашова», с неточностями.

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Царское Село. 18.2.17».

Датируется по этому штемпелю.

В соответствии с подлинником публикуется впервые.

...пришли мне ту записку ∾ Я поеду, получу... — Не исключено, что речь идет о письме Есенину из Еж. ж., пришедшем по адресу Мурашева, в котором редакция извещала, что Есенин может получить свой гонорар: 23 февр. поэт побывал в Еж. ж. и получил 25 р. 20 к. за стихотворение «Исус младенец», опубликованное в декабрьском номере журнала (сведения о расписке Есенина в гонорарной ведомости Еж. ж. впервые — журн. «Нева», Л., 1970, № 10, окт., с. 196, в статье В.В.Базанова «Из архивов „Ежемесячного журнала“».

Относительно стихов поговорим после.— Возможно, адресат просил Есенина дать свои стихи для альманаха или сборника; в то время проекты изданий подобного рода возникали у М.П.Мурашева нередко (см., напр., его письмо Владимирову от 31 авг. 1916 г.— РНБ, ф. К.К.Владимирова).

На днях ∾ обрил свою голову... — Этот необычный для Есенина внешний вид запомнился одному из его друзей: «...помнится мне Сергей — в гимнастерке, гладко выстриженный — на вечере поэтов в Тенишевском зале, во времена Керенского» (Восп., 1, 216); по мнению А.А.Козловского, здесь имеется в виду, скорее всего, «Вечер свободной поэзии» 13 апр. 1917 г. (Восп., 1, 478).

80. *А.В.Ширяевцу*. 30 марта 1917 г. (с. 93).— Кр. новь, 1926, № 2, февр., с. 201; в статье Д.Благого «Материалы к характеристике Сергея Есенина: (из архива поэта Ширяевца)».

Печатается по автографу (ИМЛИ, ф. А.В.Ширяевца), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Петроград. 30.3.17».

Датируется по этому штемпелю.

Кланяются тебе совместно ∾ Есенин, Клюев, Клычков и Пимен Карпов.— В то время друзья-поэты, собираясь вместе, не раз вспоминали адресата. Так, еще в начале 1917 г. Н.Клюев писал Ширяевцу: «Мы в Петрограде читали и пели твои стихи братски — четыре поэта-крестьянина: Сереженька <Есенин>, Пимен Карпов, Алеша Ганин и я. Нам всем понемножку нравится в тебе воля и Волга — что-то лихое и прекрасное в тебе» (журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 31).

...дорогая Запевка.— Клюев именует Ширяевца по названию его книги («Запевка: Песни. Стихи», Ташкент, 1916). См. также коммент. к п. 85.

С красным звоном...— Ср. со словами из стихотворения Ширяевца «Пасха» (1913): «И запели колокольни // Звоном красным». Новая редакция стихотворения — в журн. «Огонек» (Пг., 1917, № 12, под заголовком «Гул колокольный»).

81. *А.В.Ширяевцу*. Конец мая — начало июня 1917 г. (с. 94).— Газ. «Ульяновская правда», 1962, 15 дек., № 294 (в статье И.Тверского «Письма Сергея Есенина в Барыше»; отрывок, с неточностями); полный текст — газ. «Ульяновский комсомолец», 1963, 26 июня, № 76 (в статье С.Рогова «Тайна писем Есенина», с искажениями и вставками публикатора; дата — «июль 1918 г.» — ошибочна). Точное воспроизведение — газ. «Ульяновский комсомолец», 1963, 28 июня, № 77 (факсимиле); Есенин 6 (1980), с. 81 (с датой:«Июнь, до 16, 1917 г.»).

Печатается по автографу (ИРЛИ, коллекция материалов по русской литературе М.С.Лесмана).

Датируется с учетом единственного почтового штемпеля на открытке: «Ташкент. 14.6.17» (ксерокопия подлинника — РГАЛИ, ф. А.В.Ширяевца; в оригинале из пяти цифр штемпеля ныне утрачено три — вторая, четвертая и пятая). Кроме того, при датировке приняты во внимание воспоминания М.П.Мурашева: «На одном из собраний <1917 г.> я простудился и попал в клинику... Двадцатого мая я выписался. Меня врачи гнали на юг, но условия жизни не позволяли. Я решил ехать на дачу под Петроградом, и Есенин было совсем собрался со мной, но потом вдруг решил ехать к себе в деревню» (цит. по: Хроника, 1, 250—251); указанная здесь мемуаристом дата подтверждается его дневниковой записью от 22 мая 1917 г. (сообщено Е.И.Струтинской).

Очень хотел приехать к тебе...— Возможно, мысли об этой поездке возникали у Есенина в т. ч. под впечатлением бесед с Клюевым, которому тоже очень хотелось побывать в Туркестане: «...я всё сам собираюсь приехать к тебе,— писал он Ширяевцу в январе 1917 г.— Я был на Кавказе и положительно ошалел от Востока. По-моему, это красота неизреченная» (журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 31).

...под твое бирюзовое небо...— Ср. со строкой «Бирюзою и лазурью небо ласково цветет» из стихотворения Ширяевца «Весеннее», а также с начальными строчками другого стихотворения: «Ем сочный виноград прозрачно-хризолитовый, // А в небе бирюза, и мысли бирюзовы» (в его кн. «Край солнца и чимбета: Туркестанские мотивы», Ташкент, 1919, с. 12 и 13). Скорее всего, эти строки Есенин знал задолго до появления в печати: ведь Ширяевец посылал стихи своему заочному другу регулярно. «Когда я встречался в 1917 году с С.Есениным,— вспоминал В.Львов-Рогачевский,— он каждый раз с юношеским увлечением говорил о Ширяевце, с которым состоял в

переписке. Он давал просматривать мне его рукописи, многие стихи своего друга тут же на память читал своим певучим голосом» (в кн.: Ширяевец А. Волжские песни: Стихотворения. [М.:] Круг, 1928, с. 9).

...уезжаю домой, а оттуда напишу тебе обстоятельно.— Вероятнее всего, этим обстоятельным письмом явилось есенинское письмо Ширяевцу от 24 июня 1917 г. (п. 82).

...предупреди, получишь ли ты эту открытку.— Судя по содержанию п. 82, Ширяевец ответил Есенину на эти слова; ныне этот ответ неизвестен.

82. *А.В.Ширяевцу.* 24 июня 1917 г. (с. 94).— РЛ, 1962, № 3, с. 175—178 (в статье В.Земскова и Н.Хомчук «Есенин и Ширяевец»; неполностью, с неточностями). Полный текст — Есенин 5 (1962), с. 126—128, с неточностями.

Печатается по автографу (Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина).

В первом предложении после слов «все слова» было: «о них». В третьем абзаце после слов «... как их легко взбаламутить» зачеркнуто: «только стоит слегка повести против шерсти». Девятый абзац (после слов «...как лещей или шелеспёров») был начат фразой: «Деды-то наши их медведями тешили, а они нас потешают просто сами».

...все слова пропали...— Написав первоначально перед словом «пропали» слова «о них», Есенин, очевидно, имел в виду (как явствует из последующего текста) столичных литераторов.

...как теперешние рубли.— В годы первой мировой войны постепенно были изъяты из обращения золотые и серебряные монеты рублевого достоинства (их заменили бумажные).

...что прошло, то будет мило ∾ сказал Пушкин.— У Пушкина в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...»

(1825): «Что пройдет, то будет мило» (Пушкин 1917, стб. 194).

Бог с ними, этими питерскими литераторами ∾ *Тут о «нравится» говорить не приходится...*— Судя по всему, в неизвестном ныне письме Ширяевца Есенину был вопрос приблизительно такого содержания — нравится ли тому отношение петроградских литераторов к поэтам из народа? Сам Ширяевец мог получить представление об этом из писем к нему В.Ходасевича (от 19 дек. 1916 г.) и Н.Клюева (от 4 мая 1917 г.). Ходасевич, в частности, писал: «Мне не совсем по душе весь основной лад Ваших стихов,— как и стихов Клычкова, Есенина, Клюева: стихи „писателей из народа". <...> И в Ваших стихах, и у других, упомянутых мной поэтов,— песня народная как-то подчищена, вылощена. Все в ней новенькое, с иголочки, все пестро и цветисто, как на картинках Билибина. Это — те „шелковые лапотки", в которых ходил кто-то из былинных героев,— Чурило Пленкович, кажется. А *народ* не в шелковых ходит, это Вы знаете лучше меня» (журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 30; выделено автором). Мнение «другой стороны» было обозначено Клюевым, который написал в Ташкент: «Милый Шура. <...> Умоляю не завидовать нашему положению в Петрограде. Кроме презрения и высокомерной милости, мы ничего не видим от братьев образованных писателей и иже с ними» (публ. Г.Маквея в кн.: Клюев Н. Соч. [Мюнхен,] 1969, т. 1, с. 199). По-видимому, Ширяевец попросил высказаться об этом и Есенина, что и было сделано в комментируемом письме.

...нашей крестьянской купницы.— Купница (от «ку́пно» — вместе) здесь: сообщество, артель. Ср. с названием издательства «Московская Трудовая Артель Художников Слова» (1918–1920), созданного Есениным, С.Клычковым, П.Орешиным и др.

Мы ведь скифы, приявшие ∾ *Византию ...*— Появление понятия «скифы» в есенинском лексиконе не случайно.

В февр.-мае 1917 г. поэт находился в постоянном общении с идеологом «скифства» Ивановым-Разумником (см. шестой абзац комментируемого письма). Критик был основным автором предисловия к Ск-1, написанного уже после Февральской революции. Есенин (разумеется, знакомый с идеями этого предисловия по устным беседам с Ивановым-Разумником) до отъезда на родину, скорее всего, успел прочесть и его текст: оно было поставлено в Ск-1 (вместе с есенинской «Марфой Посадницей») весной 1917 г., когда сборник был уже не только набран, но и отпечатан (о чем свидетельствует отдельная пагинация этих двух сочинений, выполненная римскими цифрами).

В пользу такого предположения говорит полемическая перекличка комментируемых слов Есенина со следующими фразами предисловия к Ск-1: «Скифами при дворе Византийца чувствовали себя мы <...>. Мы чувствовали себя одинокими...» (Ск-1, с. VIII). Говоря о «крестьянской купнице» как о «скифах, приявших <...> Византию», Есенин недвусмысленно обозначает здесь отличие направленности своего «скифства» от «скифства» Иванова-Разумника.

...глазами Андрея Рублева...— Эта ремарка по существу проясняет один из ведущих моментов есенинского «скифства»: здесь идет речь о прямом продолжении «крестьянской купницей» художественных традиций своих древнерусских предков. Именно в этом ключе рассматривал тогда есенинскую поэзию его собрат по «купнице» Клюев: «Ведь это то же самое, что в Гурьевских росписях церкви Златоуста, что на Коровниках в Ярославле. Ведь это те же фрески, и в них открывается совершенно новый эстетический мир, необыкновенно поучительный для понимания русской души» (окт. 1916 г.; Письма, 312; проведена параллель с творчеством изографа XVII века Гурия Никитина).

...писания Козьмы Индикоплова ∾ *на трех китах стоит...*— Впервые об этом средневековом авторе Есенин, по-видимому, услышал в кругу редакции журнала «Млечный Путь». В опубликованной там статье «Миниатюры

раннего средневековья» (1915, № 6, с. 87; подпись — В.Ш.) о Козьме (Косме) говорилось: «К началу VI-го века относится весьма любопытный манускрипт Космы Индикоплова, александрийского купца и путешественника, <...> составившего описание-„топографию“ всех виденных им стран и известных ему понаслышке. <...> Косма Индикоплов отвергает птолемеевское учение о шаровидности земли и считает ее плоской и прямоугольной, обнесенной стенами, на которых покоится небесный свод». Годом позже вышло обширное исследование Е.К.Редина «Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Часть первая» (М., 1916), без сомнения, читанное поэтом (подробнее см. наст. изд., т. 5, с. 409). Имя космографа чуть позднее появится и в его «Инонии»: «Новый пришел Индикоплов» (наст. изд., т. 2, с. 63).

...а они все романцы ~ все западники.— Ср. с дневниковой записью А.Блока от 4 янв. 1918 г. о высказываниях Есенина в беседе с ним: «Вы — западник. Щит между людьми. Революция должна снять эти щиты» (Восп., 1, 175).

Им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина.— Америка в данном случае — поэтический образ, символ каменного и железного города. Возможно, здесь скрыт намек на стихотворение А.Блока «Новая Америка» (1913; в первой публикации под загл. «Россия») с его заключительными строфами:

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная стонет руда...
То под степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

(Блок А. Стихотворения. Кн. третья (1905—1914). Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Мусагет, MCMXVI, с. 135—137). Ср. также: у Есенина: «...в Жигулях песня» — и у Блока: «Голос каменных песен...».

В письме не случайно противопоставлены Америке «в Жигулях песня да костер Стеньки Разина». Там, на Волге, в Жигулевских горах собирал свою «молодецкую вольницу», чтоб «тягаться с кривдою», разудалый атаман. Эти овеянные народными преданиями места были родными для Ширяевца (по названию волжского села — его псевдоним). Они воспеты поэтом во многих стихотворениях. Одно из них — «Ширяево» — явно отозвалось в письме Есенина. Ср.:

В междугорьи залегло —
В Жигулях наше село...

Рядом — Волга, плещет, льнет,
Про бывалое поет...
. . . .
Всё б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел!

(Еж. ж., 1916, № 5, май, стб. 6).

В свою очередь, есенинские слова «костер Стеньки Разина», судя по всему, стали для Ширяевца побудительным мотивом к переработке его стихотворения «Утес Разина» (1915). В ранней редакции оно начиналось так:

Стоит давно осиротелый
И грезит былью прошлых дней
И слышит голос Стеньки смелый,
И свист, и взмахи кистеней.

(Журн. «Огонек», Пг., 1917, № 31, с.1).

Следующая редакция открывалась уже строфой:

Былою ярью очарован,
Грустит, теряя облик свой,
И бредит Стенькиным костром он,
И гулом песни грозовой...

(Автограф с пометой: «Ноябрь 917. (Переработано)» — РГАЛИ, ф. А.В.Ширяевца).

...какой-нибудь эго-мережковский ∾ приподнялся бы вежливо встречу жене...— Имя Д.С.Мережковского и намек на его жену З.Н.Гиппиус даны здесь в собирательном смысле. Прямое обращение Есенина к этим именам см. в пп. 44, 49, 64 (наст. том), а также в т. 5 наст. изд. (с. 229–230, 514–523).

...Белинский, говоря о Кольцове, писал «мы», «самоучка», «низший слой» и др...— Речь идет о статье В.Г.Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова» (1846), где есть такие суждения: «...как ни коротко *мы* знали Кольцова лично, но не заметили в нем никаких признаков элементарного образования. <...> При всех его удивительных способностях, при всем его глубоком уме,— подобно всем *самоучкам*, образовавшимся урывками, почти тайком от родительской власти, Кольцов всегда чувствовал, что его интеллектуальному существованию недостает твердой почвы и что, вследствие этого, ему часто достается с трудом то, что легко усваивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодеяниями первоначального обучения»; «Всем известно, какова вообще наша семейственная жизнь и какова она в особенности в *среднем классе*, где мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена с мещанскою спесью, ломаньем и кривляньем» (в кн. А.В.Кольцова «Стихотворения», СПб., 1905 (РКлБ, вып. XXIX), с. 105, 104; под загл. «Жизнь и произведения А.В.Кольцова»; выделено комментатором). Однако ни в этих словах, ни во всей статье нет и намека на то обидное снисхождение к Кольцову, которое видит Есенин в словах критика. Более того, в

статье Белинского с явной иронией говорится о тех, кто относился к Кольцову барственно-пренебрежительно: «Большею частью в нем видели русского мужичка, который, едва зная грамоте, сам собою открыл и развил в себе способность писать стишки, и притом недурные» («Соч. В.Г.Белинского в четырех томах. 4-е изд.», СПб.: Ф.Павленков, 1911, т. 4, стб. 403). Впрочем, данные слова вполне могли остаться вообще неизвестными Есенину — ведь в вышеуказанном издании РКлБ, где текст Белинского дан в сокращении, их просто нет.

...есть ∾ один человек ∾ Разумник Иванов. ∾ Натура его глубокая ∾ мыслью он прожжен... — Отношение Есенина к Иванову-Разумнику, сформулированное здесь, не изменилось до конца жизни поэта (см., напр., его письма к критику — пп. 108 и 114 — в наст. томе). С.Борисов, общавшийся с Есениным в 1923–1924 гг., вспоминал, что тот «весьма теплые чувства сохранил к Иванову-Разумнику» (Материалы, с. 392). Более подробно об их взаимоотношениях см. книгу Л.Карохина «„Человек, перед которым я не лгал...“: Сергей Есенин и Иванов-Разумник» (СПб., [1997]).

На остальных же просто смотреть не хочется. ∾ Таков и Блок ∾ и все ... — Тремя годами раньше в тех же выражениях писал Ширяевцу и Клюев: «Блока я знаю лично — он такой же, как и все» (из письма от 28 июня 1914 г.— журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 22).

Любот́но (от ряз. диал. «любота») — по душе.

Шелеспёр (шелешпёр, железпёр; др. назв. также — жерех, белесть) — Aspius aspius, рыба семейства карповых (Cyprinidae).

Деды-то наши их медведями тешили... — Фраза, начатая этими словами, была затем вычеркнута автором. По-видимому, Есенин вспомнил, что его деды не были поводчиками медведей,— в отличие от деда Клюева, который, по рассказам внука, «медвежьей пляской сыт был. Водил он медведей по ярмаркам, на сопели играл, а косма-

тый умник под сопель шином ходил. <...> Разоренье и смерть дедова от указа пришла. Вышел указ: медведей-плясунов в уездное управление для казни доставить... <...> Но сопель медвежья жива, жалкует она в моих песнях, <...> аукает в сердце моем, моих снах и созвучиях...» (журн. «Красная панорама», Л., 1926, № 30, 23 июня, с. 13). Скорее всего, примерно теми же словами Клюев повествовал об этом и Есенину.

...недоволен твоим приездом туда...— Речь идет о поездке Ширяевца в Петроград в мае 1915 г. По его собственному признанию, он «все время чувствовал себя там растерянным, все время находился в каком-то обалдении от всего виденного» (из письма В.С.Миролюбову от 10 марта 1916 г.— журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 28).

...особенно твоими говореньями с Городецким. ∾ ты должен был ∾ душой своей не раскошеливаться перед ними.— Схожий совет был дан Ширяевцу Клюевым еще 3 мая 1914 г.: «Я предостерегаю тебя, Александр, в том, что тебе грозит опасность, если ты вывернешься наизнанку перед Городецкими. Боже тебя упаси исповедоваться перед ними, ибо им ничего и не нужно, как только высосать из тебя все живое, новое, всю кровь, а потом, как паук муху, бросить одну сухую шкурку» (журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 20). Тем не менее, общение с Городецким во время пребывания в Петрограде стало для Ширяевца одним из самых сильных впечатлений. Он «...в особенности был очарован Сергеем Городецким»,— свидетельствовал один из ташкентских друзей Ширяевца («Книга для чтения по истории новейшей русской литературы / Сост. В.Л.Львов-Рогачевский», Л., 1925, 2-е испр. и доп. изд., с. 166). Городецкий же, посылая 4 июня 1915 г. Есенину свою совместную с Ширяевцем фотографию, не удержался от снисходительного тона: «Приехал Ширяевец. Тяжеловат и телеграфом пахнет. От города голову потерял» (Письма, 200).

История с Блоком мне была передана Миролюбовым с большим возмущением...— Вероятно, Миролюбов передал Есенину то, что сообщил ему в письме от 10 марта 1916 г. сам Ширяевец:

«Сладко журчащий о России, о русском народе г. Блок, оказывается, не расположен заводить знакомства с писателями из народа. Не принял меня, а до меня не принял Сергея Клычкова (по рассказу А.Тинякова), который тщетно пытался познакомиться с ним. Один только Есенин попал к нему, да и то обманным путем (тоже по рассказу Тинякова). Честь и слава! Оно, конечно, не подобает потомку крестоносцев иметь дело с разным сбродом... <...> Знакомство мое с г. Блоком кончилось тем, что, после нескольких писем к нему и вызовов по телефону, я, явившись к нему, поторчал в прихожей, и горничная вынесла мне книгу его „Стихи о России“, которую я купил в магазине и с которой явился к их степенству с просьбой дать автограф. Автограф-то в книге был, но автора видеть не сподобился... Мерси и на том, что увидал горничную знаменитости...» (журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 29).

Сохранилась записка Ширяевца, переданная Блоку через горничную: «Глубокоуважаемый Александр Александрович, не откажите в просьбе надписать эту книгу стихов Ваших о России. Я глубоко уважаю Вас за них, и вообще люблю Вашу поэзию. Мне страшно хочется иметь Ваш автограф — если можете, прошу исполнить мою просьбу. Я уже писал Вам, но Вы не ответили. Больше надоедать не буду, т. к. сегодня уезжаю в Азию (около 5000 верст отсюда), где наверно и подохну. Имею автографы З.Гиппиус и Д.С.Мережковского, надеюсь, и Вы не откажете. Напишите хотя бы в таком духе: „Убирайтесь к черту“... С совершенным почтением Александр Ширяевец. 1-VI. 915» (журн. «Волга», Саратов, 1973, № 8, авг., с. 187, в статье В.Земскова «Александр Ширяевец — друг Есенина»).

...ты должен был ее так не оставлять...— Есенин, очевидно, не мог знать о том, что Ширяевец, посылая Блоку в конце 1916 г. свою книгу «Запевка», сопроводил ее не лишенным сарказма инскриптом: «Александру Александровичу Блоку в память *приветливого* приема Александр Ширяевец» (журн. «Волга», Саратов, 1973, № 8, авг., с. 188; выделено автором).

Аверьянов сейчас купил за 2 1/2 тыс. у Клюева полн<ое> *соб*<рание>*...*— Из договора издателя с поэтом: «1917 года Марта 9 дня. Я, Николай Алексеевич Клюев, получил от Михаила Васильевича Аверьянова пятьсот рублей, в счет следуемых мне двух тысяч пятисот рублей за проданные мною Аверьянову права издания моих сочинений, а именно:

1) написанных и изданных до сего времени отдельными книгами и брошюрами и 2) новых сочинений в количестве около ста стихотворений в количестве трех тысяч экземпляров» (сб. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1972, № 4, р. 382; публ. Г.Маквея).

«Страда» ∾ сборники под редакций Ясинского...— Вышло всего два сборника «Страда» — в 1916 и в 1917 гг. В первом напечатано стихотворение Есенина «Теплый вечер» (впоследствии публиковалось без загл. и в другой редакции — «Гаснут красные крылья заката...»). Во втором сборнике стихов за подписью Есенина нет, но одно из стихотворений («Ноябрь») подписано литерой «С». Высказано предположение, что его автор — Есенин (подробнее см.: Вдовин В. Забытое стихотворение Есенина.— Газ. «Неделя», М., 1965, 24—30 окт., № 44, с. 11; Вдовин В. Есенин и литературно-художественное общество «Страда».— В сб. «Есенин и русская поэзия», Л., 1967, с. 182—184; см. также наст. изд., т. 4, с. 525).

Мой план ∾ осенью сделать несколько вечеров...— Публичное чтение Есениным своих произведений состоялось в нояб.-дек. 1917 г. Самое первое из этих выступлений — «вечер поэзии Сергея Есенина в концертном зале

Тенишевского училища» (отр. из объявления — Хроника, 1, 120), состоявшийся 22 нояб. (подробнее об этом — в коммент. к п. 84). В дек. 1917 г. объявлялось об участии поэта в ряде вечеров, организованных его друзьями из левоэсеровских кругов: «Утро народных поэтов» — 3 дек. (Зн. тр., 1917, 3 дек., № 87); вечер памяти декабристов — 14 дек. (там же, 14 дек., № 95); «Вечер народных поэтов» — 21 дек. (там же, 19 дек., № 99); лит.-муз. вечера в клубе Рождественского района партии левых эсеров (ул. Жуковского, 55) — 26 и 27 дек. (там же, 24 дек., № 104).

...а потом я выпускаю книгу в одном издательстве...— Имеется в виду, вероятно, $Г_{18}$; сборник вышел из печати между 16 и 22 мая 1918 г. в петроградском издательстве «Революционный социализм». О работе Есенина над составлением этого сб. см. пп. 73 и 75 и коммент. к ним.

...и выпущу сборник «пятерых» — тебя, меня, Ганина, Клюева и Клычкова.— Этот проект осуществился уже в 1918 г. как сборник «четырех» — «Красный звон» (издательство «Революционная мысль»). В него вошли стихотворения и поэмы Есенина, Ширяевца, Клюева и П.Орешина. Причины изменения числа и состава участников сборника неизвестны.

О Клычкове поговорим еще...— См. п. 99 и коммент. к нему.

Стихи посылай в «Скифы» ~ и «Заветы»...— В Ск-1 Ширяевец не успевал — сборник уже был готов к выходу в свет. Однако в Ск-2 его стихи тоже не появились. Возможно, это связано с тем, что Иванов-Разумник определил их как раз в сборник «четырех» (т. е. в «Красный звон»), к которому он написал вступительную статью «Поэты и революция» (подробнее см. коммент. к п. 85). Скорее всего, сборник «четырех» обязан своим названием именно строчкам Ширяевца («Загуди сильнее, // Вешний красный звон!»).

Что касается журнала «Заветы», прекращенного в 1914 г., то вскоре после Февральской революции было объявлено о его возобновлении (газ. «Дело народа», Пг., 1917, 27 апр., № 34). Однако в условиях 1917—1918 гг. этот проект не реализовался.

83. *М.П.Мурашеву*. 21 ноября 1917 г. (с. 97).— Прокушев-65, с. 243 (с пропуском двух слов; не датировано); полностью — Есенин 6 (1980), с. 84.

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется в соответствии с пометой адресата: «21/XI 917 г.». Первая адекватная датировка — Есенин 6 (1980), с. 84.

Посылаю тебе билет ∾ *Занят по горло...*— Первая публикация письма была предварена пояснением, сделанным со слов адресата: «Однажды Есенин и Мурашев собрались в театр „Кривое зеркало“. Михаил Павлович попросил Есенина купить билеты. Последний приобрел в кассе театра билеты и прислал Мурашеву...» (Прокушев-65, с. 243). Между тем, сопоставление содержания записки с датой, проставленной самим же Мурашевым при ее получении, позволяет усомниться в пояснении, сделанном им почти через сорок лет. Судя по подлиннику, Есенин был «занят по горло» 21 нояб. 1917 г. Это и неудивительно — ведь на следующий день, 22 нояб., был объявлен первый в его жизни авторский вечер — «вечер поэзии Сергея Есенина в концертном зале Тенишевского училища» (Хроника, 1, 120). Накануне в числе прочих хлопот поэта были, разумеется, и заботы по рассылке билетов на свой вечер тем людям, которых он хотел там видеть. При этом, конечно, невозможно было не вспомнить человека, которого Есенин именовал «первым из первых друзей моих города Питера» (Юсов-96, с. 147). Вот почему к комментируемой записке, скорее всего, был приложен

билет не на спектакль «Кривого зеркала», а на авторский вечер Есенина.

84. *М.П.Мурашеву.* Ноябрь (?) — декабрь (?) 1917 г. (с. 98).— Прокушев-65, с. 240 (с пропуском одного слова и номера телефона; не датировано); полностью — Есенин 6 (1980), с. 79, с ориентировочной датой: «1915–1916 гг.».

Печатается по автографу (архив М.П.Мурашева; хранится у наследников, г. Москва).

Датируется предположительно, на основе почти полного совпадения особенностей почерка данного письма и п. 83 (от 21 нояб. 1917 г.); см. также реальный коммент. Первая адекватная датировка и ее обоснование — Письма, 73.

...Чернявскому очень нужна его рукопись.— Возможно, речь идет о тексте доклада, прочитанного В.С.Чернявским на вечере поэзии Есенина 22 нояб. 1917 г. в концертном зале Тенишевского училища. «Он настаивал, чтобы вступительное слово („присловье“, как впоследствии по его желанию было напечатано на афише) читал я,— не присяжный критик, но зато свой человек,— вспоминал Чернявский.— Напрасны были мои уверения, что это будет с моей стороны возмутительным дилетантством и что крестьянская линия в поэзии недостаточно мною осознана. Сергей и слышать ничего не хотел.

Через несколько дней я принес ему мою работу с новым отказом ее огласить. Но Сергею непритязательная статья моя очень понравилась. Кажется, ему особенно по душе был анализ соприкосновения его поэзии со стихами Клюева и выводы в пользу полной самобытности Есенина. <...> Публики было очень мало, вся она сбилась в передних рядах: с десяток-другой людей от литературы и общественности, несколько друзей, несколько солдатских шинелей, да какие-то районные жильцы (иначе в те дни и быть не могло).

При скудном освещении, один на эстраде, в белой русской рубашке, Сергей был очень трогателен и хорош. Читал он с успехом, так что отсутствие публики в результате его не очень огорчило. „Радуница“ действовала, как всегда, беспроигрышно, поэмы были приняты слабее. В артистическую собрались слушатели-общественники, и в отдельных кучках было настроение диспутирующее. Доклад мой поругивали. Неизвестный молодой критик взял его в карман для ознакомления и потом так и не вернул. Сергей очень рассердился на меня и долго вспоминал об этом хищении...» (Восп., 1, 217, 218).

Не исключено, впрочем, что Есенин пишет здесь о какой-то другой работе Чернявского, сведений о которой нет.

У него ∾ умер ∾ старший брат...— Возможно, это Сергей Степанович Чернявский, государственный чиновник, живший в Петрограде по адресу: Знаменская, 10 («Весь Петроград на 1916 г.», с. 740).

225—31.— См. пояснение к другому телефонному номеру в коммент. к п. 77.

85. *А.В.Ширяевцу*. 16 декабря 1917 г. (с. 98).— Газ. «Ульяновская правда», 1962, 15 дек., № 294 (в статье И.Тверского «Письма Сергея Есенина в Барыше», в извлечениях, с датой: «16 дек. 1917 г.»); полностью — газ. «Ульяновский комсомолец», 1963, 26 июня, № 76 (в статье С.Рогова «Тайна писем Есенина», с неточностями и с неверной датой).

Данное письмо находилось среди бумаг из архива А.Ширяевца, обнаруженных в конце 1950-х гг. в г. Куйбышеве С.М.Лариным, в то время студентом Куйбышевского механического техникума (см. об этом, напр., вышеупомянутые статьи И.Тверского и С.Рогова). В 1963 г. С.М.Ларин обратился в журн. «Новый мир» к А.Т.Твардовскому с просьбой помочь в публикации есенинского письма, видя в этом, по его словам, «большое значение для

литературы, народа» (из письма С.М.Ларина А.Т.Твардовскому; собрание Ю.Б.Юшкина, г. Москва). Ответа от главного редактора «Нового мира» С.М.Ларин не получил. Покидая в 1970 г. свой пост, А.Т.Твардовский передал письмо Есенина своему заместителю А.Г.Дементьеву. У А.Г.Дементьева оно пролежало еще около (или свыше) десяти лет, после чего перешло к другому владельцу. Подробнее о судьбе как этого, так и других есенинских писем Ширяевцу см. статью Ю.Б.Юшкина — газ. «Московский литератор», 1999, № 2, янв., с. 12–14.

Печатается по копии (собрание Ю.Б.Юшкина, г. Москва). Эта копия, в начале 1980-х гг. выполненная с автографа обладателем подлинника письма, была сопровождена также описанием внешнего вида последнего. Из описания явствует, что подлинник — это открытка, на которой, кроме текста и адреса, имеются почтовые штемпели отправления («Петроград. 16 дек. 17») и получения («Ташкент. 7.1.18»).

Датируется по указанному штемпелю отправления.

...сидит у меня П.Орешин.— В 1926 г. Орешин вспоминал о конце 1917 г.: «...мы виделись часто и подолгу. Я бывал у Есенина, Есенин бывал у меня» (Восп., 1, 268). Подробное описание одного из вечеров, проведенных тогда поэтами вместе, в изложении Орешина см.: Восп., 1, 263–268.

...просит стихов для одного сборника...— Кроме сб. «Красный звон» (о нем см. ниже), неизвестен ни один сборник лит.-худ. произведений, изданный в 1918 г., где были бы одновременно стихи Орешина и Ширяевца. Вероятно, сборник, который составлял Орешин, так и не увидел света.

...свои стихи ∾ пошли Разумнику. Он издаст твою книгу. ∾ Ради Бога, Разумнику стихов.— Ширяевец ответил: «За два дня до получения твоего письма, прочитав в газете, что в Питере вышла новая газета „Знамя труда“ <...>, я послал туда все песни о „Стеньке Разине“.

Если ты не хочешь, чтобы они там появились, если не трудно, зайди и возьми для передачи Разумнику. Сошлись на это письмо» (Письма, 213). Ширяевец не знал тогда, что Иванов-Разумник ведал литературно-художественным отделом Зн. тр., где в 1918 г. и появились посланные из Ташкента в Петроград стихи. Среди них были стихотворения, написанные, судя по датированным автографам (РГАЛИ, ф. А.В.Ширяевца), в ноябре 1917 г. Это — «Клич» («Заломивши шапку алую...») (Зн. тр., 1918, 6 марта, № 149); «Не пришлось чудесной птицы...» (там же, 19 марта, № 157); «За бухарским пологом пьяный Стенька спит...» и «Не сдержали станичники атаманов зарок...» (там же, 24 марта, № 162, под общим загл. «Из „Волжских песен“»). Рукопись книги стихов «Волжские песни» Ширяевец передал Иванову-Разумнику лишь пять с лишним лет спустя при личной встрече в Москве (упомянуто в письме Ширяевца П.С.Поршакову от 23 февр. 1923 г.— «Oxford Slavonic Papers», 1988, vol. XXI, р. 158, публ. Г.Маквея). Эта рукопись (к сожалению, в дефектном состоянии) сохранилась (ИРЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника). Книга в свет так и не вышла.

Скоро выходит наш сборник «Поэты революции»...— Очевидно, поначалу так назывался сб. «Красный звон»,— скорее всего, по названию вступительной статьи к нему Иванова-Разумника («Поэты и революция»), которое сохранилось и в сборнике, вышедшем 25 (12) февр. 1918 г. (Юсов-94, с. 71—72). Еще в дек. 1917 г. эта статья критика увидела свет дважды — в Ск-2 (с. 1—5) и в Зн. тр. (1917, 30 дек. (12 янв.), № 107).

...где есть несколько и твоих стихов.— В «Красном звоне» (с. 87—94) был помещен цикл стихотворений Ширяевца «Зори-Заряницы»: «Запевка» («Пышут зори-заряницы...»); «Лажу гусельки яровчаты...»; «Загуди сильнее...»; «Пасха» («Воскрешен весь люд бездольный...»); «Родине» («Русь, вставай! Довольно муки!..»); «Алые маки» («Как милого провожала я...»); «Стенька Разин»

(«Всколыхался ярко-красен...»). Большинство из них было написано вскоре после Февральской революции и, скорее всего, прислано Есенину или Иванову-Разумнику после есенинского письма Ширяевцу от 24 июня 1917 г. (п. 82).

Гонорар получишь по выходе.— Сведения о гонорарах участникам «Красного звона» в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ) не сохранились.

Литейный, 33, кв. 11.— По этому адресу Есенин в то время жил со своей женой З.Н.Райх, венчание с которой состоялось во время их совместной поездки на Север в одной из церквей г. Вологды 30 июля 1917 г. В.Чернявский вспоминал: «В доме № 33 по Литейному молодые Есенины наняли во втором этаже две комнаты с мебелью, окнами во двор. <...> Жили они без особенного комфорта (тогда было не до того), но со своего рода домашним укладом и не очень бедно. Сергей много печатался, и ему платили как поэту большого масштаба. И он, и Зинаида Николаевна умели быть, несмотря на начавшуюся голодовку, приветливыми хлебосолами. По всей повадке они были настоящими „молодыми“. Сергею доставляло большое удовольствие повторять рассказ о своем сватовстве, связанном с поездкой на пароходе, о том, как он „окрутился“ на лоне северного пейзажа. Его, тогда еще не очень избалованного чудесами, восхищала эта неприхотливая романтика и тешило право на простые слова: „У меня есть жена“. Мне впервые открылись в нем черточки „избяного хозяина“ и главы своего очага. Как-никак тут был его первый личный дом, закладка его собственной семьи, и он, играя иногда во внешнюю нелюбовь ко всем „порядкам“ и ворча на сковывающие мелочи семейных отношений, внутренне придавал укладу жизни большое значение» (Восп., 1, 218).

Вывери...— Так в источнике текста. Однако это слово вызывает сомнение. Не исключено, что на самом деле здесь не «вывери», а «выбери».

«Запевка» — сб. стихотворений Ширяевца, выпущенный им в Ташкенте (окт. 1916 г.). 24 из 25 произведений, включенных автором в книгу, были до этого напечатаны в столичных журналах (Еж. ж., «Весь мир», «Огонек» и др.).

86. *Иванову-Разумнику.* Конец декабря 1917 г. (с. 99).— Журн. «Новый мир», М., 1957, № 5, май, с. 273—274, в статье А.З.Жаворонкова «Два письма С.Есенина», в извлечениях, с ориентировочной датой: «Первая половина 1918 г.». Полностью — РЛ, 1958, № 2, с. 161—163, в статье Н.И.Хомчук «Есенин и Клюев (по неопубликованным материалам)», с датой: «Декабрь 1917 г.».

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника).

Датируется по пометам адресата на письме («XII (Конец) — 1917») и на конверте («Конец — XII — 1917»). Датировки в Есенин 5 (1962), с. 129 и Есенин 5 (1968), с. 76 («январь 1918 г.»), а также в Есенин 6 (1980), с. 85 («апрель, до 13, 1918 г.») сделаны без учета этих помет.

Черновой автограф письма (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова) содержит несколько мест, не вошедших в текст, отправленный адресату.

После слов «„белый свет Сережа, с Китоврасом схожий“» было:

I Ведь в этом Китоврасе он и видит того Годунова, от которого

II Ведь в этом стихотворении Годунов, от которого ему так тяжко, есть никто иной, как я, и это понятно может быть мне одному

III Ведь в этом стихотворении Годунов, от которого ему так тяжко, есть никто иной, как [этот] сей же Китоврас, и [только мне] знает это [тоже] только пишущий он да читающий я.

После слов «...в пересказе сказанных» было: «[Это] Ведь только первый умный и третий д<урак?>», а после «И „Преображение“ мое, посвященное Вам» было: «как Разумнику Васильевичу [а не как] без внимания на то».

...мне понравилась, с прибавлением ***не****, клюевская «Песнь Солнценосца» и хвалебные оды ей...*— Имеются в виду названное стихотворение Клюева и статьи Иванова-Разумника и А.Белого, предваряющие публикацию этого произведения в Ск-2 (с. 1—13; сборник вышел в свет между 14 и 20 дек. 1917 г.— Юсов-94, с. 69). Раздражение Есенина было вызвано прежде всего следующим местом статьи Иванова-Разумника «Поэты и революция»:

«„Песнь Солнценосца“ по глубине захвата далеко превосходит все написанное до сих пор о русской революции. Ибо <...> за революцией политической, за революцией социальной он <Клюев> предчувствует и провидит революцию духовную. И, стремясь к последним достижениям, он зовет „на бой“ за первые приближения» (Ск-2, с. 2).

Без сомнения, негативно была воспринята Есениным и статья А.Белого («„Песнь Солнценосца“»), в финальной главке которой, начатой с цитаты из клюевской «Песни...», действительно звучат выспренне-одические ноты:

«Мы — рать солнценосцев, на пупе земном
Воздвигнем стобашенный, пламенный дом:
Китай и Европа, и Север и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг;
Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать,
Им Бог — восприемник, Россия же — мать.

Сердце Клюева соединяет пастушечью правду с магической мудростью; Запад с Востоком; соединяет воистину воздыхания четырех сторон Света. И если народный поэт говорит от лица ему вскрывшейся Правды Народной, то

прекрасен Народ, приподнявший огромную правду о Солнце над миром — в час грома...» (Ск-2, с. 9—10).

...с бездарной «Красной песней».— Похвала этому стихотворению Клюева (первая его публикация — газ. «Земля и воля», Пг., 1917, 26 мая, № 51, с подзаголовком: «Русская Марсельеза»; подпись: Крестьянин) содержится в заключающей Ск-2 статье Иванова-Разумника «Две России»:

«...велика наша радость, ликование наше — о горении человеческой души. И всё это — чувствуют, всё это — ощущают народные поэты. Радостны для них народная свобода, праведен для них народный гнев <...>. Ибо гнев этот — начало свободы:

Пролетела над Русью Жар-Птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица —
Вольный хлеб мужику уроди!»

(Ск-2, с. 222—223; процитировано начало третьей строфы «Красной песни» Клюева).

Штемпель Ваш «Первый глубинный народный поэт», который Вы приложили к Клюеву...— в статье «Поэты и революция». Ср.: «Клюев — первый народный поэт наш, первый, открывающий нам подлинные глубины духа народного. <...> ... революция для Клюева, народно-глубинного поэта,— не внешнее только явление; он переживает ее изнутри» (Ск-2, с. 1, 2).

...обязывает меня не появляться в третьих «Скифах».— Этот сборник, составление которого Иванов-Разумник начал в конце 1917 г., планировалось выпустить к Пасхе 1918 г. (согласно письму критика А.Белому от 11 янв. 1918 г.— РГБ, ф. А.Белого). Однако он так и не вышел в свет, скорее всего потому, что весной 1918 г. стал выходить журнал «Наш путь», где Иванов-Разумник вел литературный отдел. Именно в этом журнале были напе-

чатаны поэмы Есенина «Пришествие», «Октоих» и «Преображение» (№ 1), а также «Инония» (№ 2), что является очевидным свидетельством перемены Есениным изложенного в данном письме решения. Подробнее об этом см.: Субботин С.И. Есенин и Клюев: К истории творческих взаимоотношений.— В кн. «О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. Вып. 1», М.: Наследие, 1994, с. 108–111.

Это я ∾ говорил Вам ∾ при Арсении Авраамове.— Этот разговор, дата которого неизвестна, мог состояться, напр., в редакции газ. «Дело народа», где А.Авраамов вел рубрику «Искусство в свете революции» (см. №№ 49, 58, 60, 66, 90 за 1917 г.), или в редакции Зн. тр., где тот сотрудничал. Музыкальный теоретик и фольклорист, Авраамов, в частности, напечатал одну из своих статей («В дебрях эстетики») в Ск-1.

Клюев ∾ за последнее время сделался моим врагом.— Возможно, эти слова были немедленной реакцией Есенина на появление в Еж. ж. (1917, № 11/12) стихотворения Клюева «Ёлушка-сестрица...», перед текстом которого стояло: «Посвящается Сергею Есенину»; строки из него цитированы в данном письме ниже.

...за исключением «Избяных песен», которые я ценю и признаю...— Речь идет о цикле из четырнадцати стихотворений Клюева, напечатанном в Ск-2; см. также п. 114 и коммент. к нему.

...«прекраснейшему»...— Так Клюев именовал Есенина и в посвящении к стихотворению «Оттого в глазах моих просинь...» («Прекраснейшему из сынов крещеного царства, крестьянину Рязанской губернии поэту Сергею Есенину» — Ск-1, с. 105), и в дарственной надписи на своей фотографии (текст — Письма, 318).

...«белый свет Сережа, с Китоврасом схожий»...— Строки из клюевской «Ёлушки-сестрицы...», приведенные по памяти. В пояснении, имеющемся в черновом автографе

(см. его выше в текстологическом коммент.), Есенин вспоминает и другие строки этого же стихотворения. Ср.:

Белый цвет Сережа,
С Китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ!
. . . .
Тяжко, светик, тяжко!
Вся в крови рубашка...
Где ты, Углич мой?..
Жертва Годунова,
Я в глуши еловой
Восприму покой.

(Еж. ж., 1917, № 11/12,
нояб.—дек., стб. 6).

«*Я яровчатый стих*» — В «Песни Солнценосца»:

Я — песноводный жених,
Русский, яровчатый стих!

(Ск-2, с. 13).

«*Приложитесь ко мне, братья*» *противно моему нутру*...— Строка из стихотворения Клюева «Новый псалом» (Еж. ж., 1917, № 1, янв., стб. 56; впоследствии печаталось под загл. «Поддонный псалом»). Однако в статье «Отчее слово», опубликованной через три с небольшим месяца (Зн. тр., 1918, 5 апр. (23 <марта>), № 172), начинающаяся этой строкой строфа:

Приложитесь ко мне, братья,
К язвам рук моих и ног,
Боль духовного зачатья
Рождеством я перемог...—

цитируется автором вполне сочувственно (см. наст. изд., т. 5, с. 182—183). О возможных причинах резкой смены

оценок см. в кн. «О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сб.: Вып. 1», М., 1994, с. 110—111.

...хочет выплеснуться из тела и прокусить чрево небу...— Ср. со строками поэмы «Октоих»:

И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.
И вывалится чрево
Испепелить бразды...

(Наст. изд., т. 2, с. 45).

В письме, однако, автор говорит уже не о каком-то «облаке», а о себе, что по сути предвосхищает императивы, вскоре пронизавшие его поэму «Инония»: «остригу» (твердь), «раскушу» (месяц, как орех), «млечный прокушу покров» и т. д. и т. п. Вполне вероятно, что письмо было написано в дни начала работы над поэмой (см. также наст. изд., т. 2, с. 343—345).

...сдвинуть ~ государя с Николая на овин, а....— Иронический намек на строки стихотворения Клюева «Февраль» («Двенадцать месяцев в году...»):

Овин — пшеничный государь
В венце из хлебных звезд.

(Ск-2, с. 14; Зн. тр., 1917, 28 дек., № 105). Многоточие после союза «а» — авторское: фраза намеренно оборвана Есениным.

...оставлю это для «лицезрения в печати», кажется, Андрей Белый ждет уже...— т. е. ждет опубликования поэм Есенина «Октоих» и «Пришествие», посланных ему Ивановым-Разумником 9 и 16 нояб. 1917 г. соответственно (Письма, 314, 315). Возможно, критик выполнил просьбу Белого от 19 дек.: «Поблагодарите от меня Есенина за поэму <„Пришествие“>. Очень понравилась» (Письма, 315), и эти слова вспомнились здесь Есенину.

В моем посвящении Клюеву я назвал его с е р е д н и м *братом...*— Речь идет о стихотворении «О Русь, взмахни крылами...», в первой публикации (Ск-2, с. 178) озаглавленное «Николаю Клюеву»:

...с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет одетый светом
Его <Кольцова> середний брат.

...из чисел 109, 34 и 22.— Эти числа означают почти точный «возраст» героев стихотворения и самого автора (А.Кольцов родился в 1809 г., Клюев — в 1884 г., а Есенин — в 1895 г.) на момент создания произведения.

Значение среднего в «Коньке-горбунке» ∾ «Так и сяк».— Речь идет о строке из сказки П.П.Ершова «Конек-горбунок» (1834): «Средний сын и так и сяк».

Поэтому я и сказал: «Он весь в резьбе молвы»,— то есть в пересказе сказанных. Только изограф, но не открыватель.— Начиная с этого времени в моменты недовольства Клюевым Есенин повторял эту оценку его творческой личности не раз. Через несколько дней такие же есенинские слова записал в свой дневник после беседы с ним А.Блок (Восп., 1, 175). Через три с лишним года Есенин напишет Иванову-Разумнику, что «Клюев поет Россию по книжным летописям» (п. 108). Тем не менее в более спокойные времена пристрастные суждения о Клюеве сменялись у Есенина на объективные. В 1924 г. он писал В.Чернявскому: «Отними ...., ..., Клюева, Блока, ...,— что же у меня останется? Хрен да трубка, как у турецкого святого» (Восп., 1, 215).

...«сшибаю камнем месяц»...— Из девятой строфы стихотворения «О Русь, взмахни крылами...»:

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь

Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

...с Серафимом Саровским, с которым он <Клюев> *так носится...*— Возможно, навеяно строками клюевской «Красной песни» (о ней см. выше):

Китеж-град, ладан Саровских сосен —
Вот наш рай вожделенный, родной.

Говорю ∾ не из ущемления ∾ моим «созвучно вторит»...— Имеется в виду следующее место из статьи Иванова-Разумника «Две России»: «...народный поэт <Клюев> <...> знает и верит, что „алмазный плуг подымет ярь волхвующих борозд“. И другой поэт <Есенин> *созвучно первому повторяет:* „Пой, зови и требуй скрытые брега!“— знает он, что „гибельной свободы в этом мире нет“...» (Ск-2, с. 223; выделено комментатором; критик цитирует стихотворение Клюева «Февраль» и поэму Есенина «Отчарь»).

...Слово, которое не золотится, а проклевывается ∾ птенцом...— См. в поэме «Преображение»: «светлый гость»

Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.

(Наст. изд., т. 2, с. 56).

Но ср. также:

Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

(«Инония»; наст. изд., т. 2, с. 62).

...«Преображение» мое ∾ будет напечатано в другом месте.— Это намерение не осуществилось: первые публикации поэмы состоялись в изданиях, которые вел Иванов-

Разумник. Это — Зн. тр. (1918, 13 апр., № 179) и журн. «Наш путь» (Пг., 1918, № 1, апр.).

Колпинская ул. 2 — Неточность: адресат жил в доме № 20.

87. *А.Белому.* До 9 марта 1918 г. (с. 101).— Есенин 5 (1962), с. 130.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. А.Белого).

Датируется по воспоминаниям П.А.Кузько (см. ниже), в архиве которого сохранилось.

Письмо не было получено адресатом.

Дорогой Борис Николаевич! — Это вполне традиционное обращение вовсе не является здесь чисто формальным. Есенин познакомился с Белым в Царском Селе на квартире Иванова-Разумника в февр. 1917 г. (отмечено в «Раккурсе к дневнику» А.Белого — РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 100, л. 84 об.). Свое выступление на вечере памяти Есенина (2 янв. 1928 г., Москва, 2-й МХТ) Белый начал так: «Мне очень дорог тот образ Есенина, как он вырисовался передо мной. Еще до революции, в 1916 <точнее — в 1917> году, меня поразила одна черта, которая потом проходила сквозь все воспоминания и все разговоры. Это — необычайная доброта, необычайная мягкость, необычайная чуткость и повышенная деликатность. Так он был повернут ко мне, писателю другой школы, другого возраста, и всегда меня поражала эта повышенная душевная чуткость» (Восп.-95, с. 186). Сам Есенин неизменно подчеркивал, насколько значимо для него было общение с Белым, оказавшим на него «громадное личное влияние» (есенинские слова в записи И.Н.Розанова: Розанов, с. 16; см. также наст. изд., т. 7, кн. 1). Для тех, кто знал их обоих, это было очевидно: напр., Блок после встречи с Есениным записал в дневнике (4 янв. 1918 г.): «...вообще — напев А.Белого — при чтении стихов и в жестах, и в разговоре» (Восп., 1, 175).

Направляю к Вам ∾ *Кузько.*— О своем знакомстве с Есениным П.А.Кузько вспоминал: «...я <...> работал в Народном Комиссариате продовольствия. В конце января 1918 года вновь назначенный нарком продовольствия А.Д.Цюрупа поручил мне прикрепить к секретариату коллегии несколько машинисток из числа тех, которые только что были избраны для комиссариата.

Через два-три дня ко мне подошла одна из новых машинисток, молодая интересная женщина, и спросила:

— Товарищ Кузько, не писали вы когда-нибудь в газете о поэте Сергее Есенине?

Я ответил, что действительно в 1915 году я написал о Есенине статью в газете „Кубанская мысль“ <Екатеринодар, 29 нояб., № 60, под загл. „Поэты из народа (Сергей Есенин)“>.

Протягивая мне руку и радостно улыбаясь, она сказала:

— А я жена Есенина, Зинаида Николаевна.

В тот же вечер я уже был на квартире у Есениных <...>.

Сергей Александрович встретил меня очень приветливо.

Был он совсем молодым человеком, почти юношей. Блондинистые волосы лежали на голове небрежными кудряшками, слегка ниспадая на лоб. Он был строен и худощав. <...> Беседа наша затянулась допоздна» (Восп., 1, 276—277).

Об обстоятельствах, при которых Есенин написал о нем Белому, П.Кузько пишет: «В начале марта 1918 года Советское правительство переехало в Москву. К этому времени наши отношения с Есениным стали настолько дружескими, что он, узнав о моем отъезде 8 марта в Москву, сам предложил мне две рекомендательные записки к своим московским друзьям-писателям. <...> Одна из этих записок была адресована Белому...» (Восп., 1, 279). Однако, по словам мемуариста, приехав в Москву, он «все как-то не удосуживался использовать» письмо Есенина —

«некогда было. Месяца через три после приезда <...> в Доме союзов состоялся литературный вечер, на котором выступал и Андрей Белый. Есенин познакомил меня с ним» (Восп., 1, 281). Впрочем, в своем «Раккурсе к дневнику» Белый отметил, что его знакомство с Кузько состоялось в марте 1918 г. (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 100, л. 92).

88. *Л.Н.Столице*. До 9 марта 1918 г. (с. 101).— Есенин 5 (1962), с. 131.

Печатается по автографу (РГАЛИ).

Датируется аналогично п. 87, поскольку вторым рекомендательным письмом, данным П.Кузько Есениным, было как раз комментируемое письмо (см.: Восп., 1, 279).

Письмо не было получено адресатом.

...посылаю к Вам ∾ *Кузько*.— См. коммент. к п. 87.

...он ∾ *немного пишет...*— В автобиблиографии П.Кузько (февр. 1955 г.) значится 28 рассказов, статей и рецензий и 7 стихотворений, опубликованных в 1907—1916 гг. (частное собрание; сообщено О.К.Переверзевым). Первой публикацией Кузько после 25 окт. 1917 г. стала статья «Интеллигенция и социализм» (Зн. тр., 1917, 30 дек., № 107).

89. *Иванову-Разумнику*. 30 сентября 1918 г. (с. 102).— Есенин 5 (1962), с. 131—132.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте («Москва 69, 30.9.18»).

...где-то можно издать ∾ *мою книгу.* ∾ *напишите,* ∾ *на каких условиях.* ∾ *Деньги бы были мне весьма кстати*.— Об издании какой именно книги идет речь, в точности неизвестно. Это могли быть как сборник «Преображение», к тому времени уже составленный поэтом, так и

второе издание «Радуницы». Обе эти книги ($П_{18}$ и $Р_{18}$) увидели свет в конце 1918 г. не в Петрограде, а в Москве.

В дни, когда было написано данное письмо, Есенин интенсивно изыскивал возможности издания своих книг. С одной стороны, на рассмотрение руководства Московского Пролеткульта был внесен проект образования крестьянской секции при этой организации с непременным условием создания автономного литературно-издательского отдела секции (см. заявление инициативной группы крестьянских поэтов и писателей в Московский Пролеткульт — Письма, 77—79; наст. изд., т. 7, кн. 2). С другой стороны, уже тогда рождался план устройства собственного издательства, которое вскоре и стало функционировать как издательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова».

Судя по письму А.Белого Иванову-Разумнику от 23 сент. 1918 г., Есенин пытался обсудить эти организационные проблемы с его автором — в письме есть такие строки: «Что-то Есенин мне по линии своего литер<атурного> повед<ения> не очень нравится: уж очень *практичен* он...» (Есенин 5 (1962), с. 334; выделено автором; печатается с уточнением по автографу — РГАЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника). 30 сент. 1918 г. Иванов-Разумник ответил: «То, что Вы пишете про второго <Есенина> — я могу повторить про первого <Клюева>: оба они очень и очень *практики*, и практичность эта причудливо переплетается с почти „гениальностью" первого и огромным (впрочем, за это слово пока побаиваюсь) талантом второго» (Письма, 318; выделено автором). Получив (судя по почтовому штемпелю, 2 окт. 1918 г.) комментируемое письмо, адресат смог вновь ощутить практичность его автора.

Сейчас я в Москве. Приехал в надежде увидеть Вас, а Вы ~ все едете...— Есенин вернулся в столицу из родных мест не позднее 22 сент. (согласно словам А.Белого — «Здесь сейчас Есенин» — из письма к Иванову-

Разумнику от 23 сент. 1918 г.) и тогда же, скорее всего от Белого, узнал о том, что Иванов-Разумник собирается в Москву. «Во что бы то ни стало хочу быть в Москве к 20-му сент.»,— писал тот Белому 5 сент. (РГБ, ф. А.Белого). Это намерение не осуществилось: Иванов-Разумник приехал в Москву лишь 18 дек. 1918 г. «на два-три дня» (РГБ, ф. А.Белого). Состоялась ли тогда встреча Есенина с критиком, неизвестно.

...если нужно будет приехать в Петроград ∾ то я приеду.— Скорее всего, эта поездка не состоялась.

Кланяйтесь Клюеву.— О том, что Клюев в то время был в Петрограде, Есенин мог узнать от того же А.Белого, в письме к которому от 16 авг. 1918 г. Иванов-Разумник упомянул об этом факте (РГБ, ф. А.Белого).

Я ему посылал телеграмму...— Эта телеграмма неизвестна.

90. *А.Белому*. Конец сентября 1918 г. (с. 103).— Есенин 5 (1962), с. 133, с ориентировочной датой: «1918 г.».

Печатается по автографу (РГБ, ф. А.Белого).

Датируется временем проживания автора по указанному в письме адресу (см. реальный коммент.).

...хотел Вас сегодня видеть и не могу. Лежу ∾ в постели.— Первая встреча Есенина с Белым по возвращении их в Москву осенью 1918 г. состоялась не позже 22 сент. (см. коммент. к п. 89). О другой (?) их тогдашней встрече Белый в «Раккурсе к дневнику» записал: «В последних числах <сентября> возвращаюсь и заболеваю; значительный разговор с Есениным во время моей болезни» (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 100, л. 95). Во время этой болезни Есенин, по словам Белого, заходил к нему не раз:

«Помню наши встречи и в период, когда я лежал на Садовой-Кудринской. Пришел Есенин, сел на постель и стал оказывать ряд мелких услуг. И произошел очень сердечный разговор, о котором упоминать нет никакого

смысла, потому что разговор человека с человеком невспоминаем» (Восп.-95, с. 187).

Болезнь Белого, судя по «Раккурсу к дневнику», закончилась примерно в первых числах октября.

Черкните мне...— Письма Белого Есенину неизвестны. В личной библиотеке Есенина была книга Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности: Ответ Эмилию Метнеру на его первый том „Размышлений о Гёте“» (М., 1917) с дарственной надписью автора (списки ГМЗЕ); ее местонахождение также неизвестно.

Скатертный пер., ∾ *Кашиной для С. Е.*— О том, что в момент написания письма Есенин жил по этому адресу, свидетельствует не только его содержание, но и бумага, на которой оно написано. В левом верхнем углу листа — тисненая «серебром» монограмма «ЛК» (обе буквы переплетены друг с другом). Очевидно, это была «личная» бумага владелицы дома. Л.И.Кашина одновременно была и владелицей усадьбы в родном селе Есенина. По воспоминаниям А.А.Есениной, «приезжая летом в деревню, Сергей бывал в барском доме: он дружил с Л.И.Кашиной» (Восп., 1, 59). Сохранилась конспективная запись воспоминаний самой Л.И.Кашиной, сделанная С.А.Толстой-Есениной в 1926—1927 гг.: Есенин читал Кашиной стихи «на пароходе, когда ехали в Москву — сентябрь-октябрь 1918 г. Хотел провести зиму восемнадцатого года в деревне, работать, читать, следить за жизнью и литературой, но переждать в деревне. Кашину выгнали из дома, пришли сведения, что отбирают ее дом в Москве. Она поехала в Москву, он поехал ее провожать. Первое время жил у нее» (Письма, 461; время возвращения Есенина и Кашиной в Москву, указанное здесь ею ориентировочно, уточняется по вышеупомянутому письму Белого к Иванову-Разумнику от 23 сент. 1918 г.).

Есенин жил по указанному в данном письме адресу недолго. Вскоре Л.И.Повицкий встречает его уже в поме-

щении Московского Пролеткульта, где тот обосновался на жительство вместе с С.Клычковым:

«Литературная студия московского Пролеткульта в 1918 году была притягательным местом для молодых поэтов и прозаиков... <...> Слушателем студии был и я. <...> однажды я наткнулся <там> на <...> двух молодых людей. Одного из них я знал. Это был недавно поступивший на службу в канцелярию Пролеткульта крестьянский поэт Клычков. Он остановился и, кивнув на стоявшего с ним рядом молодого парня в длиннополой синей поддевке, сказал:

— Мой друг — Сергей Есенин!

<...> Есенин улыбнулся и певуче произнес:

— Сергей Антонович меня здесь приютил у вас,— и он указал куда-то неопределенно вверх.

Позднее я к ним заглянул. Они ютились в получердачном помещении, под самой крышей» (Восп., 2, 232).

Эта перемена Есениным места жительства, вероятнее всего, произошла на рубеже сент.—окт. 1918 г., поскольку подпись Клычкова, поступившего в Пролеткульт на должность технического секретаря редакции журнала «Горн», встречается в протоколах заседаний редакции журнала уже с 28 сент. (РГАЛИ, ф. 1230, оп. 1, ед. хр. 412, л. 4).

Совокупность этих фактов позволяет уточнить датировку комментируемого письма по сравнению с Есенин 6 (1980), с. 88, где оно датировалось: «Сент.-дек. 1918 г.».

91. *Л.И.Повицкому*. Конец 1918 — начало 1919 гг. (с. 103).— Хроника, 1, 261—262, с неточностями и с датой: «Нояб.-дек. 1918 г.».

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по содержанию (упоминание «лютой зимы») с учетом писем Л.Повицкого к М.Ливщиц от 10 мая 1926 г. со словами: «Письма <Есенина> мне написаны в 1918 г.» (Столетие Есенина, с. 443; публ.

Н.Г.Юсова) и к С.А.Толстой-Есениной от 12 февр. 1928 г., где указывается: «Эти письма я получил от Сергея Александровича в 1919 году» (Письма, 453)*.

Мечтам и годам ∾ *души моей.*— Строки из «Евгения Онегина» А.С.Пушкина (гл. 4, начало строфы XVI) — Пушкин 1917, стб.711.

...эти ∾ *предисловия. Меньшов изводит меня ими...*— Повицкий так пояснил эти слова в 1928 г.:«Упомянутый в письме Меньшов — госиздатский работник того времени, к нему нам приходилось часто обращаться и по нашим собственным издательским делам. Сергей Александрович, Клычков и я стояли во главе издательства „Артель художников слова“, основанного нами тремя в 1918 г. <...> Сергей Александрович еще носил свою синюю поддевку и имел вид тихого отрока при многоопытном муже Клычкове. Однако при первых же наших издательских шагах Есенин твердо взял в руки руководство делом и практическую работу по издательству. Отсюда и упоминание в письме про Меньшова» (Письма, 453).

Действительно, выпущенная в конце 1918 — начале 1919 гг. рекламная листовка-обращение издательства «Московская Трудовая Артель Художников Слова» (ЕиС, с. 122, публ. В.В.Базанова; см. также наст. изд., т. 7, кн. 2) подписана Есениным (как заведующим) и Повицким (как казначеем). Однако Повицкий к 1928 г. запамятовал, что К.Л.Меньшов был вовсе не служащим Государственного издательства РСФСР (это учреждение возникло лишь в мае 1919 г. по постановлению ВЦИК), но владельцем частной типографии, где печатались книги

* Спустя сорок лет, в письме к Г.Маквею от 3 мая 1968 г., Л.Повицкий отмечал: «Шутливые письма ко мне Есенина <...> писаны в 1920 году» (Столетие Есенина, с. 458; публ. Г.Маквея). Это — бесспорная ошибка памяти.

«Московской Трудовой Артели...», в частности, Р18, Г20, Сел. час. и «Ключи Марии» Есенина. О каких предисловиях идет речь в комментируемом письме, не установлено.

Знаете ли Вы, милостивый государь ∾ *Вы этого не знаете...*— Ср. со словами из п. 125: «Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет, Вы не знаете Европы». Общий источник построения этих фраз — гоголевский (см. ниже в коммент. к п. 125).

Сарра спала под телегою ∾ *мил дружок.*— Фрагмент поэмы А.Крученых «Пустынники» (см. его кн. «Две поэмы: Пустынники. Пустынница», [М., 1913,] с. [5]); очевидно, приведен по памяти, так как первая, пятая и девятая строки цитаты имеют разночтения с источником. При этом каждую из строк крученыховского текста (кроме первой) Есенин записал в «волнообразном» виде, как бы имитируя графику некоторых «футуристических» сочинений.

92. *Л.И.Повицкому*. Не ранее января 1919 г. (с. 104).— Сб. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1972, № 4, p. 410—411 (текст); 415—416 (факсимиле); публ. Г.Маквея; с ошибочной последовательностью расположения частей текста.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по содержанию в связи с авторской датировкой цитируемого Есениным стихотворения В.Шершеневича «Предложение имажиниста» (январь 1919; в сб. «Плавильня слов: Имажинисты Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич», М.: Имажинисты, 1920 (факт.: 1919), с. [43]; в кн. В.Шершеневича «Лошадь как лошадь: Третья книга лирики» (М.: Плеяда, 1920, с. [68]) озаглавлено: «Кооперативы веселья»); см. также реальный коммент.

Характер расположения слов и строк в этом «шутливом» (определение адресата от 1968 г.— Столетие Есени-

на, с. 458) тексте говорит о том, что он является своего рода пародией на «визуальное» словесное творчество.

Возможно, что эта пародия появилась под пером Есенина в результате его знакомства с некоторыми из многочисленных гектографических и автографических изданий А.Е.Крученых, выпущенных им в 1917–1918 гг. Ср., напр., факсимиле есенинского текста (с. 106–107) со стихами А.Крученых и О.Розановой, «изображенными» в их совместной автографической книжке «Нестрочье» [Тифлис, 1917]; указано В.Н.Терехиной). Впрочем, сходные приемы применялись также и некоторыми имажинистами (см. ниже).

В «нормальной» записи текст выглядит следующим образом (по новой орфографии, но с сохранением остальных орфографических особенностей):

«Милый Лев Осипович! / Как Вы поживаете? / Али мы Вам Гали / Али / Энтакая / На семой <т. е. седьмой> версте мотали / переэнтакая / кому повем печаль мою / Сколько раз я зарекался по той улице ходить / я живу ничаво / больно мижду прочим / уж чижало / думаю кончать / В этой низенькой светелке / тучи пряли кавардак / л / е / жить не могу! / хочу застрелица / лица – застре / + револьв – / вера убежал на улицу / лицу на!

Так прыгает по коричневой
    скрипке
Вдруг лопнувшая струна.

Гостин<ица> „Европа“, 66.

С. ЕСЕНИН».

...кому повем печаль мою...— Так начинается духовный стих «Плач Иосифа»: «Кому повем печаль мою, // Кого призову к рыданию? // Токмо тебе, владыко мой:

// Известна тебе печаль моя...» (сб. «Стихи духовные / Вст. статья и сост. Е.А. Ляцкого», СПб., 1912, с. 5).

Повем — поведаю, открою (церковнославянск.).

...живу ничаво ∾ *думаю кончать* ∾ *жить не могу!* — 12 февр. 1928 г. Повицкий писал С.А.Толстой-Есениной: «Необычный тон и пророческие слова о гибели я объясняю тогдашним основным настроением Сергея Александровича. Принимая — внешне — самое деятельное участие в жизни (издательство, планы поездок, литературные выступления), он, однако, и тогда бродил по московской земле гостем нечаянным и чужеземным. <...> Душевное равновесие уже тогда было нарушено, и отсюда — под прикрытием шутки — такие фразы, как „больно мижду прочим <и т. д.>“» (Письма, 453, 454).

В этой низенькой светелке ∾ *пряли...* — Отзвук начала одной из народных песен:

В низенькой светелке
Огонек горит,
Молодая пряха
Под окном сидит.

(Первое по времени печатное воспроизведение текста этой песни вместе с нотами, зафиксированное в библиографическом справочнике «Русская народная музыка» (М., 1984, т. 2), состоялось лишь в 1937 г.: см. кн. «Русские народные песни / Сост. А.Г.Новиков», М., 1937, сб. 3, с. 38).

...застрелица / лица — застре / + револьв — вера... — Знак « — » здесь не тире, а минус, так что транскрипцию можно дать в виде «„застрелица“ / „лица“ минус „застре“ / плюс „револьв“ минус „вера“». Кроме того, «револьв — вера», скорее всего, нужно понимать как «а револьвер» (если учесть продемонстрированную затем инверсию «на улицу / лицу на!»).

Смысл этого (лишь слегка завуалированного) места письма однозначен: «Хочу застрелиться, а револьвер убежал на улицу».

Возможно, что употребление здесь знаков «плюс» и «минус» навеяно стихотворением В.Шершеневича «Аграмматический крик» (впоследствии печаталось под загл. «Принцип поэтической грамматики»):

День — солнце + оба
Полюса скрипят проселком веков
. . . .
Возвращаясь с какого-то пира
— разум + крики солдат...

(цит. по факсимиле, воспроизведенному в коллективном сб. «Автографы» ([М.,] 1919, с. [15]), где содержится и стихотворение Есенина «Разбуди меня завтра рано...»; этот сб. вышел в марте 1919 г.: Юсов-94, с. 76).

...лицу на! ∾ лопнувшая струна.— Ср.:

Крича громовое НА!
Как прыгает по коричневой скрипке
Вдруг лопнувшая струна

(три последние строки стихотворения В.Шершеневича «Предложение имажиниста», о публикациях которого см. выше).

Прямое цитирование Есениным стихов Шершеневича здесь также вряд ли случайно. В архиве последнего сохранилась исполненная им самим машинопись собственного произведения под заглавием «Похождения электрического Арлекина» (1919?), которая недавно была воспроизведена типографски (журн. «Новое лит. обозрение», М., 1998, № 31, с. 7—44). Это было сделано, по словам публикатора С.Шумихина, «в соответствии с его <Шершеневича> собственноручной разметкой шрифтов» в машинописи (там же, с. 6).

На всем протяжении шершеневичевского текста последовательно используются «визуальные» эффекты, в т. ч. те, которые имеются и в комментируемом письме (скажем, постановка в середине слова прописных букв рядом со строчными). Не исключено поэтому, что Есенин, завершая свою «визуальную» эпистолу цитатой из Шершеневича, дает понять, что главный из пародируемых им источников уже не футуристического (как, напр., в п. 91), а «родного» — имажинистского — толка. К тому же Есенин несомненно читал указанное сочинение Шершеневича, поскольку в 1919 г. оно готовилось к печати издательством «Имажинисты»: под названием «Великолепные похождения электрического арлекина» оно фигурирует в издательском рекламном списке, завершающем сб. «Плавильня слов» (см. с. [45] этой книги).

Гостин<ица> *«Европа».*— «...жил ли он в то время в мебл[ированных] комн[атах] „Европа" — мне неизвестно»,— писал Повицкий в 1928 г. (Письма, 453). Однако к тому времени уже вышел «Роман без вранья» А.Мариенгофа, где были такие слова: «Случилось, что весной девятнадцатого года я и Есенин остались без комнаты. Ночевали по приятелям, по приятельницам, в неописуемом номере гостиницы „Европа", <...> словом: где, на чем и как попало» (Мариенгоф, с. 26). Адрес гостиницы «Европа» — Неглинный пр., д. 4 («Вся Москва на 1916 г.», отд. II, стб. 131). Впрочем, в столице были и упомянутые Повицким меблированные комнаты «Европейские» (Домниковская ул., 27 — там же, стб. 375).

Скоро я буду в Туле.— Эта фраза читается по вертикали с левой стороны второй страницы письма. Есенин сначала написал ее своим обычным почерком в виде «Ско/р/о/я/б/у/ду/въ/Ту/л/ѣ» и лишь затем стал заполнять строки письма по горизонтали (см. факсимиле, с. 107 наст. тома). Продолжения строк, начатых с «л» и с «ѣ», при этом не последовало.

Ни в одном из известных писем Повицкого о его эпистолярном общении с Есениным — 10 мая 1926 г. (Столетие Есенина, с. 443); 12 февр. 1928 г. (Письма, 453–454); 3 мая 1968 г. (Столетие Есенина, с. 458) — об этих есенинских словах не говорится. Возможно, адресат просто не догадался прочитать письмо «по вертикали».

Между тем именно так оформлено здесь «предложение имажиниста»-Есенина о его намечающемся приезде в Тулу, где тогда жил Повицкий. При этом, если Мариенгоф верно вспоминает обстоятельства тех дней в «Романе без вранья» (см. выше), есенинское намерение возникло весной 1919 г., т. е. комментируемое письмо было написано не позднее этого времени.

Эту границу можно установить и более определенно — ведь почти сразу после занятия Харькова Красной армией Повицкий выехал туда из Тулы; уже 11 апр. 1919 г. харьковская газета «Наш голос» (№ 78) публикует его статью «„Имажинисты"».

Таким образом, данное письмо могло быть отправлено адресату между янв. и концом марта (или началом апр.) 1919 г.

Побывал ли Есенин тогда в Туле, неизвестно. Его поездка в этот город в конце 1918 г. упоминается в «Романе без вранья» («В восемнадцатом году Повицкий жил в Туле у брата на пивоваренном заводе. Есенин с Сергеем Клычковым гостили у них изрядное время. Часто потом вспоминали они об этом гощеньи и всегда радостно» — Мариенгоф, с. 76). См. также об этом воспоминания Повицкого (Восп., 2, 235–237) и Н.М.Добротвора (альм. «Лит. Тула», 1957, № 13, с. 303–304).

93. *З.Н.Райх*. 18 июня 1919 г. (с. 108).— ВЛ, 1975, № 1, янв., с. 207 (в статье Вл. Базанова «„Время мое приспело..." (Сергей Есенин и книгоиздательство МТАХС)».

Печатается по копии, сделанной Е.Н.Чеботаревской (ГЛМ). Автограф хранился у К.С.Есенина (г. Москва). Местонахождение его в настоящее время неизвестно.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте согласно указанию К.С.Есенина («Письмо имеет штемпель 18.VI.1919 г.» — ЕиС, с. 378).

...приезжай в Москву.— В то время З.Н.Райх жила у своих родителей Анны Ивановны и Николая Андреевича в Орле с родившейся у нее 29 мая 1918 г. дочкой Татьяной.

Типография заработала.— Речь идет, возможно, о частной типографии К.Л.Меньшова, где печатались книги издательства «Московская Трудовая Артель Художников Слова» (летом 1919 г. в этом издательстве вышла вторым изданием книга С.А.Клычкова «Потаенный сад»).

Кромская, 58, кв. Данцигер.— Семья Райхов жила в Орле у Варвары Ивановны Данцигер, родной сестры А.И.Райх (урожд. Викторовой); см. кн. А.В.Гольцовой «Сергей Есенин и Зинаида Райх», Орел, 1995, с. 26—27.

94. *В.Л.Львову-Рогачевскому.* Первая половина 1919 г. (с. 108).— Есенин 5 (1962), с. 135, с пропуском одного слова и с ориентировочной датой: «1918—1919 гг.». Полный текст — Есенин 6 (1980), с. 102, с неверной датой: «1920 г.».

Печатается по автографу (РГБ, ф. В.Л.Львова-Рогачевского).

Датируется по содержанию — Есенин упоминает «прошлый год» как год, в котором начались его совместные публичные выступления с адресатом. Это был 1918 г. (см. реальный коммент.). Определение времени года сделано с учетом того, что письмо написано по старой орфографии уже не целиком: поэт писал так до середины 1919 г.; лишь со второй половины 1919 г. он стал писать по новой орфографии постоянно.

Я звонил Вам...— по телефону 2-27-45 (номер установлен по архивным данным — РГБ, ф. П.А.Кузько).

Вопрос моего выступления ∾ *должен быть ясен с прошлого года.*— Первое из известных выступлений Есенина на вечере, в организации которого участвовал Львов-Рогачевский, состоялось примерно в мае-июне 1918 г. «Кто слышал, как читает свои светлые песни этот светлый юноша, у того тоже на сердце становилось светло, так необычно празднично-светло, как это было в Москве в Даниловском клубе <Московского центрального рабочего кооператива>, где мы устроили вечер-концерт народной песни с участием Сергея Есенина» (из статьи критика «Поэты из народа. II» — журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 8, 7 июля, с. 9).

...где вечера проходят с Вашим выступлением, я всегда готов с радостью.— Имя Есенина, в частности, значилось в объявлениях и на афишах тематических вечеров «Поэзия полей и рабочих поселков» со вступительным словом В.Львова-Рогачевского, прошедших 12 и 21 сент. и 9 окт. 1919 г. («Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов», 1919, 12 сент., № 340; 20 сент., № 347; 9 окт., № 363).

...ближайший ∾ *вечер будет в «Элите».*— О каком вечере идет речь, не установлено. Кафе «Элит» в то время принадлежало Московскому центральному рабочему кооперативу, к деятельности которого имел непосредственное отношение Львов-Рогачевский. Из газетной хроники известно, что Есенин выступал в кафе «Элит» 26 апр. и 11 мая 1918 г. (Письма, 95). О его выступлениях там в 1919 г. сведения не разысканы. Неизвестно также, о приглашении на какую московскую площадку с выступлением идет речь в комментируемом письме.

95. *А.М.Кожебаткину.* Не ранее 11 августа 1919 г. (с. 109).— Есенин 6 (1980), с. 92; ЛР, 1980, 4 июля,

№ 30, с. 24 (факсимиле в рамках статьи Ю.Юшкина «Рукой Сергея Есенина»).

Печатается по ксерокопии подлинника (собрание Ю.Б.Юшкина, г. Москва). Текст написан рукой Есенина. Обе подписи и правка (замена в слове «Песнослов» строчной начальной буквы на заглавную и взятие этого слова в кавычки) сделаны рукой Мариенгофа. Оригинал находится в собрании И.С.Зильберштейна (хранится у наследников, г. Москва). По свидетельству очевидца, «записка вшита в книгу: Н. К л ю е в. Песнослов, т. I, Петроград, 1919, между с. 104—105. Экземпляр книги принадлежал художнику А.А.Осмёркину» (Есенин 6 (1980), с. 290).

Датируется по содержанию (см. ниже).

Александр Мелентьевич! — Книгоиздатель и библиофил А.М.Кожебаткин с 1918 г. часто встречался с Есениным. Несмотря на заметную разницу в возрасте, поэт был с ним «на дружеской ноге». Об этом свидетельствуют, в частности, его дарственные надписи Кожебаткину (см. их в кн.: Юсов-96, с. 103—105).

...«Песнослов»...— Первый том из двухтомного собрания стихотворений Н.А.Клюева «Песнослов» вышел в свет до 11 авг. 1919 г. (рец. на эту кн. см.: «Красная газ.», Пг., 1919, 12 авг., № 180; подпись: В. Кс.). Этот факт взят за основу при датировке комментируемого письма.

96. *А.В.Ширяевцу*. Август (?) — сентябрь (?) 1919 г. (с. 109).— Газ. «Ульяновская правда», 1962, 15 дек., № 294, в статье И.Тверского «Письма Сергея Есенина в Барыше» (со слов «На днях сдаю...» до конца текста, с неточностями); полностью — Есенин 6 (1980), с. 95, с неточностями (точный текст — Письма, 89).

Печатается по автографу (письмо — ИРЛИ, коллекция материалов по русской литературе М.С.Лесмана; конверт — Самарский литературно-мемориальный музей им. М.Горького).

Датируется предположительно с учетом эволюции перехода поэта со старой орфографии на новую. Письмо написано по старой орфографии, но без концевых твердых знаков; точно так же выполнено заявление Есенина в Госиздат, датированное 20 авг. 1919 г. (ксерокопия автографа — частное собрание, г. Москва). Другое заявление поэта в Госиздат (ГАРФ, ф. Государственного издательства РСФСР), поданное туда 13 окт. 1919 г., уже исполнено по новой орфографии целиком.

Предлагаемая датировка не противоречит содержанию письма, которое, очевидно, было привезено в Ташкент друзьями Есенина. В условиях разрухи того времени наиболее вероятно, что поездка в Туркестан, а точнее, в «Ташкент — город хлебный», могла состояться летом — ранней осенью, но никак не зимой 1919 г. А в 1920 г. все написанные Есениным тексты исполнялись по новой орфографии (напр., пп. 98 и 99).

...приюти ночевать моих хороших знакомых.— О ком идет речь, не установлено.

На днях сдаю в набор твою книгу...— Речь идет о рукописи сборника стихов Ширяевца «Золотой грудок», объявленного среди книг, готовящихся к печати «Московской Трудовой Артелью Художников Слова» в $П_{18}$ (рекламное объявление из $П_{18}$ републиковано в ЕиС, с. 123). См. также коммент. к п. 99.

97. *Е.Р.Эйгес.* Осень 1919 г. (с. 110).— Есенин 6 (1980), с. 91, с искажениями; точный текст — Письма, 84.

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по воспоминаниям адресата (см. ниже).

Бытовой характер записки отражает лишь одну из граней общения Есенина с Эйгес. Более полно об их отношениях можно судить по ее воспоминаниям:

«Познакомилась я с Есениным <...> весною 1919 года <...>. Тогда литературную жизнь в Москве возглавлял

Союз поэтов, обосновавшийся в так называемом „Кафе поэтов“ на Тверской, д. 18 <...>. Мне очень хотелось попасть в этот поэтический мир. Ведь у меня самой уже была написана целая книга стихов, напечатанная на пишущей машинке и переплетенная, она имела вид книжки...

В начале весны я как-то отнесла свою тетрадь со стихами в президиум Союза. Там за столом сидел Шершеневич, а на диване в свободных позах расположились Есенин, Кусиков, Грузинов. Все они подошли ко мне, знакомились, спросили адрес. Через несколько дней мне возвратили тетрадь и я была принята в члены Союза поэтов. А еще через несколько дней в двери моей комнаты постучались. Это был Есенин. <...> он был трезв и скромен, держался даже застенчиво. Сидя сбоку на ручке кресла, он рассказывал о своем приезде в Петербург, о своей бытности там, о своем знакомстве с Блоком, Ахматовой, Клюевым...» (Восп.-95, с. 280).

Скорее всего, именно об этой тетради стихов вспоминал П.С.Александров, вскоре ставший мужем Эйгес:

«Екатерина Романовна мне показала толстую тетрадь своих стихов, всю испещренную пометками, собственноручно сделанными характерным почерком Есенина. Тут были и отдельные критические замечания, но были и целые строчки, прочеркнутые рукой Есенина, с им же предложенными измененными вариантами.

К сожалению, эта тетрадь, которая, несомненно, представляла бы интерес для литературоведов — специалистов по Есенину, безвозвратно погибла» (журн. «Успехи математических наук», М., 1979, т. 34, вып. 6, нояб.—дек., с. 242).

Есенин передал Эйгес часть своих творческих рукописей, которые, к сожалению, сохранились далеко не полностью (о причинах этого см.: Восп.-95, с. 287).

Об обстоятельствах, при которых была написана комментируемая записка, Эйгес писала:

«Началась осень 1919 года. Это было время тяжелое. Холодно, голодно. <...> Мы были молоды, и все было нипочем. Хотя и уставали, но дома не сиделось. Вечером — „Кафе поэтов“. Есенин провожает домой. <...> Иногда Есенин приносил мне из кафе пирожок, котлетку или яблоко <...> принес мне муку, привезенную им из деревни <...>, одновременно вместе с грязным бельем, которое я должна была отдать прачке, живущей в нашем общежитии <Эйгес жила тогда в бывшей гостинице „Люкс“, ставшей в то время общежитием для работников и служащих аппарата Советского правительства>. Вероятно, не застав меня дома, он оставил чемодан с поклажей в пропуске <т. е. на проходной> с запиской...» (Восп.-95, с. 282, 283).

Расти большая.— Эйгес отмечала, что Есенин относился к ней «несколько снисходительно, как старший в некоторых отношениях, несмотря на то что он был моложе меня на пять лет. Но он в свои 24 года гораздо более изведал и узнал жизнь, чем я в свои 29 лет. Ведь я до самой революции только и делала, что училась, сидела в лабораториях и только в воскресные дни ходила на симфонические концерты <...>. Часто, уходя от меня, на прощание Есенин говорил мне: „Расти большая“. Этими двумя словами и кончается <...> записка...» (Восп.-95, с. 286).

98. *Е.И.Лившиц.* 8 июня 1920 г. (с. 110).— Есенин 5 (1962), с. 136–137.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ). Подлинник хранился у сестры адресата — М.И.Бернштейн. Местонахождение его в настоящее время неизвестно.

Датируется по фотокопии конверта, на котором поставлен почтовый штемпель: «Москва. 8.6.20.»

Сердечно Вам благодарен за письмо...— Письмо Е.И.Лившиц неизвестно.

...этот маленький харьковский эпизод...— Намек на личное знакомство в марте 1920 г., когда вместе с А.М.Сахаровым приехали в Харьков поэты С.Есенин и А.Мариенгоф. Последний в своем «Романе без вранья» писал: «В весеннюю ростепель собрались в Харьков. <...> Идем по Харькову — Есенин в меховой куртке, я в пальто тяжелого английского драпа, а по Сумской молодые люди щеголяют в одних пиджачках. В руках у Есенина записочка с адресом Льва Осиповича Повицкого — большого его приятеля. <Случайно встретили его на улице>. Повицкий подхватил нас под руки и потащил к своим друзьям, обещая гостеприимство и любовь. Сам он тоже у кого-то ютился. Миновали уличку, скосили два-три переулка.— Ну, ты, Лев Осипович, ступай вперед и попроси. Обрадуются — кличь нас, а если не очень, повернем оглобли.

Не прошло и минуты, как навстречу нам выпорхнуло с писком и визгом штук шесть девиц. Повицкий был доволен.

— Что я говорил? А?

Из огромной столовой вытащили обеденный стол и, вместо него, двухспальный волосяной матрац поставили на пол.

Было похоже, что знают они нас каждого лет по десять, что давным-давно ожидали приезда...» (Мариенгоф, с. 72, 75, 76—78).

Сама Е.И.Лившиц вспоминала: «Весной 1920 года в Харьков приехали Есенин и Мариенгоф. Как-то меня встретила Фрида <о ней см. ниже> и сказала, что у Повицкого остановился Есенин. <...> Фриде и мне захотелось повидать поэта (тогда ей было 24, а мне 19 лет), и мы решили пойти к Повицкому, с которым уже были хорошо знакомы раньше. На другой день Есенина мы увидели. Был он в тужурке из оленьего меха. Читал он нам стихи. Пробыл в Харькове две-три недели. Встречались мы часто» (Хроника, 1, 159).

Несколько иначе рассказал об этом знакомстве Л.И.Повицкий: «Я приехал в Харьков и поселился в семье моих друзей. Конечно, в первые же дни я им прочел все, что знал наизусть из Есенина. Девушки, а их было пятеро, были крайне заинтересованы как стихами, так и моими рассказами о молодом крестьянском поэте. Можно себе представить их восторг и волнение, когда я, спустя немного времени, неожиданно ввел в дом Есенина. Он только что приехал в Харьков с Мариенгофом, и я их встретил на улице. Конечно, девушки настояли на том, чтобы оба гостя поселились у нас. <...> Пребывание Есенина в нашем доме превратилось в сплошное празднество. <...> Девушки ему поклонялись открыто, счастливые и гордые тем, что под их кровлей живет этот волшебник и маг художественного слова. Есенин из этой группы девушек пленился одной <Евгенией> и завязал с ней долгую нежную дружбу» (Восп., 2, 239).

...по приезде моем из Рязани...— Есенин 1—2 мая 1920 г. выехал в родное село Константиново, возвратился в Москву до 7 мая (от Константинова до Рязани плыл пароходом).

Приглашают меня ехать в Ташкент...— В то время Есенин собирался ехать в Туркестан с Г.Р.Колобовым, но такая поездка состоялась только в 1921 г. (в Ташкенте он пробыл тогда с 12—13 мая по 3 июня). См. также коммент. к пп. 99 и 106.

...как я управлюсь с моим издательством.— Имеется в виду, видимо, организованное на артельных началах в сент. 1918 г. вместе с С.А.Клычковым, П.В.Орешиным, Л.И.Повицким и Андреем Белым книгоиздательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова» (МТАХС). В этом издательстве в течение 1918 — начала 1920 гг. вышло 5 книг Есенина ($П_{18}$, Сел. час., $Р_{18}$, «Ключи Марии», $Г_{20}$) и книги С.А.Клычкова («Дубравна», «Потаенный сад» (два издания), «Бова», «Кольцо Лады»), а также коллективный сборник «Конница бурь

№ 1». К весне 1920 г. по ряду причин книгоиздательство «МТАХС» распалось. Определенную роль сыграло то обстоятельство, что к этому времени изменились взаимоотношения Есенина с С.Клычковым, П.Орешиным и, по-видимому, другими организаторами издательства (см. п. 99). Вместе с тем можно допустить, что речь идет об авторском издательстве «Злак», регистрация марки которого состоялось после 18 февр. 1920 г. (см. заявление Есенина в отдел печати Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов и коммент. к нему — наст. изд., т. 7, кн. 2). В этом издательстве вышла только одна книга Есенина — $Т_{20}$.

...пришлось печатать спешно еще пять книг.— Судя по письму, Есенин уже после ликвидации книгоиздательства «МТАХС» пытался допечатать книги, объявленные еще раньше. Можно предположить, что это были сборники С.Клычкова «Кольцо Лады», 2-е изд., «Бова», 2-е изд. и А.Ширяевца «Золотой грудок», а также свои две книги — «Ключи Марии», 2-е изд. и «Голубень», 3-е изд.

Скорее всего, издать их не удалось, кроме, видимо, своих книг (см. раздел «Авторские книги» в наст. изд., т. 7, кн. 2). Кроме того, рекламой «МТАХС» были объявлены к изданию сборники М.Герасимова «Стихи», «Монна Лиза. Поэма», ч. II, «Вешние Зовы», изд. 2-е; А.Белого «Стихи»; П.Орешина «Восстание»; Н.Павлович «Серафим. Поэма»; издательство также намечало выпустить книги С.Спасского, С.Рубановича, Н.Клюева, Л.Повицкого, В.Ильиной, П.Кузько, Н.Колоколова и др.

Дома ∾ я не был ∾ 3 года...— Есенин не совсем точен. Поэт уехал из Константинова в авг.-сент. 1918 г. и вновь побывал в родном селе в начале мая 1920 г.

Сидите ли с Фридой на тарантасе и с кем? — Л.И.Повицкий в своих воспоминаниях писал: «Вечером мы выходили во двор, где стояла вместительная бричка. Мы в ней усаживались тесной семьей, и Есенин зани-

мал нас смешными и трогательными рассказами из своих детских лет. Изредка к бричке подходил разгуливавший по двору распряженный конь, останавливался и как будто прислушивался к нашей беседе. Есенин с нежностью поглядывал на него» (Восп., 2, 239—240). Фрида — Ф.Е. Лейбман, подруга Е.И.Лившиц, харьковская знакомая Есенина, впоследствии жена Л.И.Повицкого.

Мы часто Вас всех вспоминаем с Сахаровым ∾ *Он даже собирается писать Лизе.*— А.М.Сахаров, который пригласил Есенина и Мариенгофа в эту поездку, был командирован на Украину «для участия в организационном совещании украинских полиграфических отделов» (РГАЭ). Лиза — Е.А.Гухман (в замужестве Макаровская), харьковская знакомая Есенина и его друзей по поездке. Письмо Сахарова неизвестно.

99. *А.В.Ширяевцу*. 26 июня 1920 г. (с. 111).— Газ. «Волжская коммуна», Куйбышев, 1959, 19 мая, № 115, в статье П.Суслина «„Баян Жигулей“: О творчестве А.Ширяевца» (неполностью, с неточностями); полный текст — РЛ, 1962, № 3, с. 184—185, в статье В.Земскова и Н.Хомчук «Есенин и Ширяевец» (с неточностями, большинство которых было выправлено лишь в Есенин 6 (1980), с. 96—97).

В соответствии с подлинником публикуется впервые.

Печатается по автографу (Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина). Написано на бланке: «Книжная лавка художников слова „Библиофил“. Москва, Б.Никитская, 15. Телеф. 5-63-81».

В автографе после слов: «...съесть хочет» было начато: «только очень уж он», после слов: «...а внутри черт» зачеркнуто две с лишним строки: «<*3 или 4 сл. нрзб.*> я наступил ему на хвост <*4 сл. нрзб*> так мы и разошлись»; после слова «„Трерядницу“» — зачеркнуто:

«I с [довольно-таки] опечатками, но все-таки;
II свои печатал<и?>».

«Золотой грудок» ∾ раньше осени не выйдет.— О том, что сборник стихов Ширяевца «Золотой грудок» готовится к печати, объявлялось в нескольких рекламных списках издательства «Московская Трудовая Артель Художников Слова», помещавшихся в выпущенных им книгах (см., напр., $П_{18}$ и $Г_{20}$). По неустановленным причинам этот сборник так и не вышел в свет. Грудок — маленький костер в поле.

Почти ни одной типографии не дают для нас, несоветских...— т. е. не являющихся государственными или кооперативными издательствами.

Заедают нас, брат, заедают.— См. сделанное в связи с этим заявление-протест Есенина, Шершеневича и Мариенгофа А.В.Луначарскому от 5 марта 1920 г. (Письма, 86—88; наст. изд., т. 7, кн. 2). Адресат направил письмо имажинистов в Госиздат РСФСР. В ответном письме от 16 марта того же года заведующий Госиздатом В.В.Воровский сообщил наркому по просвещению, что в части «разрешения печатать, предоставления типографии и бумаги <...> жалобы имажинистов поэтически преувеличены». Как отмечается в письме, им «предлагают <...> для работы объединиться в кооператив» (Письма, 321, 322).

...с Клюевым разошелся...— Первое резкое несогласие с высокими оценками клюевского творчества Ивановым-Разумником и А.Белым Есенин высказал еще в дек. 1917 г. (см. п. 86 и коммент. к нему). В мае-сент. 1918 г., касаясь этой темы в своих критико-эссеистических опытах, он вернулся к более спокойным и даже позитивным характеристикам (см. статью «Отчее слово» и первые два раздела «Ключей Марии» — наст. изд., т. 5, с. 180, 183; 187, 199, 202). Однако в третьем разделе «Ключей Марии», написанном в нояб. 1918 г., Есенин опять открыто критикует мировоззренческие позиции Клюева в выражениях, схожих с нижеследующими словами комментируе-

мого письма («застывший рисунок старообрядчества» и т. п.). О возможных причинах «ухода» Есенина от Клюева см.: Субботин С.И. Есенин и Клюев: К истории творческих взаимоотношений.— В кн. «О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. Вып. 1», М.: Наследие, 1994, с. 104—120; Киселева Л.А. Есенин и Клюев: Скрытый диалог (попытка частичной реконструкции).— В кн. «Николай Клюев: Исследования и материалы», М.: Наследие, 1997, с. 183—198, особенно с. 187—192. Ср. также с пп. 102, 108 и коммент. к ним.

...Клычков уехал...— в Крым, где он пробыл вместе с женой Е.А.Лобовой примерно с середины 1919 г. по конец 1921 г.

...Орешин ∾ в Саратове, пишет плохие коммунистические стихи...— В 1919 г. Орешин уехал из Москвы в Саратов, где в местных газетах печатались его стихи. Там же были изданы сборники поэта «Дулейка: Стихи» (1919); «Березка: Стихи. / Рис. В.Прокофьева» (1920); «Набат: Стихи» (1920); «Снегурочка: Стихи, сказка для детей» (1920). Появлялись стихи Орешина и в московских газетах (напр., в «Бедноте»).

Я очень его <Орешина> *любил...*— Об отношении к Орешину и его стихам свидетельствует, в частности, доброжелательный отзыв Есенина о первой книге поэта «Зарево» (М., 1918); см. наст. изд., т. 5, с. 184—185, 431—433.

Ты, по рассказам, мне очень нравишься...— О внешности Ширяевца и некоторых подробностях его жизни в Ташкенте, о которых далее пишет Есенин, он мог узнать от В.И.Вольпина, приехавшего в Москву в 1920 г. из Ташкента в качестве представителя Туркцентропечати (Восп., 1, 422) — учреждения, выпустившего в 1919 г. несколько книг Ширяевца.

...с смешными дырами о мнимой болезненности.— Слово «дырами» отчетливо читается здесь, но смысл его употребления в контексте неясен. Начиная с первой пол-

ной публикации письма, это слово (безо всяких оговорок) заменялось на более понятное «думами»; однако достаточных оснований для этой конъектуры все-таки нет, поэтому в наст. изд. это место письма воспроизводится так, как читается в автографе.

Болезненность Ширяевца вовсе не была мнимой: примерно с 1916 г. он страдал от малярии; последствия этой болезни, скорее всего, стали причиной преждевременной смерти поэта.

...по указаниям жен туркестанских инженеров.— О ком идет речь, не установлено.

...не нравятся мне твои стихи о востоке.— Видимо, имеются в виду стихи, вошедшие в сборник Ширяевца «Край солнца и чимбета: Туркестанские мотивы» (Ташкент: Туркцентропечать, 1919). Чимбет — род чадры.

...осартился...— т.е. стал похожим на сарта: так называли в то время часть узбеков, оседлую с древних времен.

...брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами...— Благоговейная любовь Клюева к родине находила воплощение в его стихах о «золотой» Руси, «странесказке», невидимом Китеж-граде, схоронившемся до поры и ждущем своего пробуждения. «Уму республика, а сердцу — Матерь-Русь», «моя слеза, мой вздох о Китеже родном»,— писал он в 1917 г. (Еж. ж., № 1, янв., стб. 7—8). Эти мотивы были близки и Ширяевцу, который в 1920 г. признавался: «Дышу всем тем, чем Русь издревле дышит...» («Портрет мой»). Непосредственным поводом для суждения Есенина, скорее всего, стало стихотворение Ширяевца «Китеж», почти одновременно напечатанное в Еж. ж. и в кн. Ширяевца «Запевка: Песни. Стихи» (Ташкент: Коробейник, 1916, с. 15). Вот полный текст этого стихотворения:

Долго плелася на ноженьках старых...
Вот и лазурная гладь Светлояра...

— «Силы небесные, милость явите ж!
Дайте мне у́зреть схоро́ненный Китеж!»

Крепит иконку на тонкой березке,
Теплит свечу самодельного воску...

Молится истово, глядючи зорко,
Чуда не явит ли Божье озёрко...

...Явлена милость душе голубиной...
Так и метнулася: лепый, старинный

Град показался... И церкви, и башни...
Вот и хоромы высокие княжьи...

Люди не в нонешних — баских кафтанах,
Вои с колчанами, в до́спехах бранных...

Звон колокольный и древлее пенье,
За́ землю Русскую слышно моленье...

— Китеж!..
Всплакнула... И вот всё пропало,—
Только лазурь Светлояра сверкала...

— «Слава Угодничкам! Слава те, Спасе!»
И в деревеньку опять поплелася...

(Еж. ж., 1916, № 11, нояб., стб. 9).

Еще 19 дек. 1916 г. В.Ходасевич, определив творчество Клюева, Есенина, Клычкова и Ширяевца как стилизацию, писал далее, обращаясь к последнему: «Да по правде сказать — и народа-то такого, каков он у Вас в стихах, скоро не будет. Хорошо это или плохо — вопрос совсем

другой...» (журн. «De visu», М., 1993, № 3, с. 31). Отвечая Ходасевичу 7 янв. 1917 г., Ширяевец (как бы предвидя и будущий есенинский упрек, комментируемый здесь) писал:

«Скажу кое-что в свою защиту. Отлично знаю, что такого народа, о каком поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он и так дорог нам, что его скоро не будет?.. И что прекраснее: прежний Чурила в шелковых лапотках, с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурила, в американских щиблетах, с Карлом Марксом или „Летописью“ <петроградским журналом, руководимым М.Горьким> в руках, захлебывающийся от открываемых там истин?.. Ей-Богу, прежний мне милее!..» (Письма, 313).

...жизнь ∾ нашей Руси куда лучше ∾ рисунка старообрядчества. Все это ∾ вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки? — Аллюзия на строки из стихотворения Клюева «Есть в Ленине керженский дух...»:

Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.
«Куда схоронить мертвеца»,—
Толкует уда́лых ватага...

(Журн. «Знамя труда»,
Пг., 1918, № 1, с. 15).

Посылаю тебе «Трерядницу»...— Имеется в виду Т20, которая вышла незадолго до отправки данного письма. Экземпляр этой книги Есенина, подаренный Ширяевцу, ныне неизвестен.

...[*с ∾ опечатками, но все-таки**]...— В Т20 немало грубых опечаток. В стихотворении «Я последний поэт

* Текст вычеркнут автором (см. об. этом в текстологическом коммент.).

деревни...» в последней строке второй строфы вместо «Прохрипят мой двенадцатый час» напечатано: «Прохрапит мой двенадцатый час»; в стихотворении «Теперь любовь моя не та...» первая строка второй строфы «Грустя и радуясь звезде» выглядит так: «Грустя и рудуясь звезде»; в первой строке последней строфы того же стихотворения — «Тебе о солнце не пропеть» перед и после предлога „о" ошибочно поставлены запятые: «Тебе, о, солнце не пропеть»; в стихотворении «Устал я жить в родном краю...» (четвертая строфа) вместо: «На рукаве своем повешусь» напечатано: «На рукаве своем певешусь» и т.д.

В октябре я с Колобовым буду в Ташкенте...— Поездка состоялась лишь в апр.—июне 1921 г. В вагоне Г.Р.Колобова, летом 1920 г. занимавшего должность заместителя окружного уполномоченного транспортно-материального отдела (Трамота) ВСНХ (сообщено Н.М.Солобай), Есенин приехал в Ташкент. Там — впервые после шестилетней переписки — он встретился с Ширяевцем. По воспоминаниям В.Вольпина, Есенин говорил, «что до поездки в Ташкент он почти не ценил Ширяевца и только личное знакомство и долгие беседы с ним открыли ему значение Ширяевца как поэта и близкого ему по духу человека, несмотря на все кажущиеся разногласия между ними» (Восп., 1, 426). В то же время письма Есенина говорят о том, что и до поездки в Ташкент он высоко ценил стихи Ширяевца. О том же свидетельствуют и мемуаристы. Так, Д.Семёновский вспоминает, что Есенин, встретив в журнале несколько стихотворений Ширяевца, «загорелся восхищением.— Какие стихи! — горячо заговорил он.— Люблю я Ширяевца! Такой он русский, деревенский!» (Восп., 1, 153). Да и сам В.Вольпин в тех же воспоминаниях приводит слова Есенина о предстоящей тогда поездке в Туркестан:

«— Там у меня друг большой живет, Шурка Ширяевец, которого я никогда не видел» (Восп., 1, 423).

...этим постом ∾ <он> *поехал в Казань...*— Имеются в виду Петровки (пост апостолов Петра и Павла), приходившиеся тогда на 7 июня — 12 июля. Сведений о командировке Г.Р.Колобова в Казань летом 1920 г. в архиве ВСНХ (РГАЭ) не обнаружено. В то же время из протокола заседания коллегии Трамота от 19 июня 1920 г. явствует, что в этот день, то есть за неделю до написания есенинского письма, Г.Р.Колобов докладывал о работе Туркестанского Совета Трамота (?) — РГАЭ, сообщено Н.М.Солобай. Возможно, Колобов отправился в Казань сразу после своего московского отчета.

100. *А.М.Сахарову.* Июль 1920 г. (с. 113).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 151, публ. Г.Маквея (с неточностями).

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

Датируется по содержанию: Есенин был в это время в г. Ростов-на-Дону.

Сакша — дружеское прозвище А.М.Сахарова.

Сидим на яйцах в Ростове и всё никак ничего не можем вывести.— В «Романе без вранья» Мариенгоф писал:

«В середине лета <1920 г.> Почем-Соль <дружеское прозвище Г.Р.Колобова>получил командировку на Кавказ.

— И мы с тобой.

— Собирай чемоданы.

Отдельный белый вагон туркестанских дорог. У нас мягкое купе. Во всем вагоне четыре человека и проводник.

Секретарем у Почем-Соли мой однокашник по Нижегородскому дворянскому институту — Василий Гастев. Малый такой, что на ходу подметки режет. <...>

С таким секретарем совершаем путь до Ростова молниеносно. Это означает, что вместо полагающихся по тому времени пятнадцати-двадцати дней мы выскакиваем из вагона на ростовском вокзале на пятые сутки.

Одновременно Гастев и... администратор наших лекций.

Мы с Есениным читаем в Ростове...» (Мой век, с. 363).

Об этом событии в 1965 г. вспоминала и Н.О.Александрова (Грацианская), проживавшая в Ростове: «Солнечным июльским днем 1920 года в книжную лавку ростовского Союза поэтов (она помещалась на Садовой) вошел стройный светлокудрый человек. Он приветливо улыбнулся, слегка прищуривая синие глаза. Лицо незнакомца, милое своей простотой, сразу располагало к себе.

— Сергей Есенин! — узнал пришельца кто-то из ростовских литераторов, и его тотчас же окружили, засыпали вопросами.

Есенин охотно отвечал: приехал из Москвы вместе с А.Б.Мариенгофом и Г.Р.Колобовым. Цель приезда — пропаганда советской поэзии. Вот мандат за подписью наркома А.В.Луначарского, вот афиши о предстоящем вечере поэзии, которые надо побыстрее расклеить. В подборе помещения для вечера просил помочь. <...>

Почти ежедневно в течение двух недель, проведенных в Ростове, Есенин бывал в доме моего отца по Социалистической улице, № 50. Здесь, окруженный поэтической молодежью, Сергей Александрович читал стихи, рассказывал о своей юности, о своих первых встречах с С.Городецким и А.Блоком. <...>

Мы побывали в гостях у С.А.Есенина. Он жил на вокзале в том самом служебном вагоне, который доставил его в Ростов» (Восп., 1, 418, 419).

...В краю родном // Пахнет сеном и гавном.— Расхожее выражение «Хорошо в краю родном // Пахнет сеном и г.вном» (см., напр., Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Словарь разговорных выражений. М., 1994, с. 167).

...сделай, голубчик, все, что возможно, с книгами.— Речь идет, вероятно, о книгах Есенина П21, Р21 (вышла в

дек. 1920), Исп. хул. (вышла в конце дек. 1920 — начале янв. 1921) и о сборниках «Имажинисты» (вышел в дек. 1920, с посвящением Г.Колобову) и «Золотой кипяток» (вышел до 21 янв. 1921, с посвящением «Сакше» — А.М.Сахарову). Все они были выпущены издательством «Имажинисты» и отпечатаны в «отделении 2-й Гос. типографии: Б.Кисловский, 8» — см. Юсов-94, с. 25—28, 84—86).

Член коллегии полиграфического отдела ВСНХ А.М.Сахаров часто помогал Есенину и его друзьям с выпуском их книг. В своих воспоминаниях он писал, как однажды в его кабинет «в приемное время ввалились Есенин и Мариенгоф. Пришли в качестве просителей. Дело небольшое, пустяковое. Они напечатали в одной из типографий полиграфического отдела МСНХ книжку, кажется, первый сборник „Конница бурь“, напечатали, не получив наряда от указанного выше учреждения, а, может быть, и без разрешения Госиздата. <...> Просили у меня разрешение на получение книг из типографии. <...>

Я поднялся в отдел распределения московского полиграфического отдела и дружески попросил заведующего выпустить книгу. <...>

Мне несколько раз приходилось ликвидировать такого рода недоразумения, и, в конце концов, я и сам втянулся в работу этого издательского коллектива, помогал и содействовал ему, и многие из выпущенных сборников вышли при моем непосредственном участии» (Сахаров А.М. Обрывки памяти.— Журн. «Знамя», М., 1996, № 8, с. 173—174; публ. А.А.Козловского).

В конце 1920 г. А.М.Сахаров переехал в Петроград.

С деньгами попроси устроить Шершеневича, он парень х о д о в о й в этом отношении.— В 30-е годы В.Г.Шершеневич вспоминал: «Книга была в те времена необычайно дешева, но деньги были еще дешевле. Ко всему этому деньги в Центропечать поступали из киосков особо мелкой купюрой. Поэтому когда мы привозили на

извозчике издание в Центропечать, то этого извозчика мы не отпускали домой. Он терпеливо ждал, пока бухгалтер сделает все проводки, кассир заплатит нам деньги и затем мы буквально грузили мешками деньги на этого самого извозчика. <...>

Один раз курьез дошел до того, что я привез в Центропечать сразу две книги: это было „Дважды два пять“ и „Теория свободного стиха“<обе — 1920 г.>. Книги были маленького формата, и я помещался с ними рядом на извозчике совершенно свободно.

Получив три мешка дензнаками, я уложил их себе в ноги и поехал домой» (Мой век, с. 641).

Деньги для печатания книг приходилось изыскивать всевозможными путями. А.М.Сахаров вспоминал: «Помню два любопытных случая. Необходимо выкупить книгу — денег нет, перехватить не у кого. Но один из наших общих приятелей привез с Кавказа паюсную икру. Эта икра пошла в дело. В другой раз были проданы граммофон и 400 пластинок, принадлежавшие мне — вырученной суммы хватило на выкуп трех книжек» (журн. «Знамя», М., 1996, № 8, с. 175). В 1922 г. А.М.Сахаров на свои средства выпустил в издательстве «Эльзевир» есенинского «Пугачева».

...устрой ей как-нибудь через себя или Кожебаткина тыс<яч> 30 или 40.— А.М.Кожебаткин в собственном издательстве «Альциона» готовил тогда к выпуску книги Есенина «Руссеянь» и «Ржаные кони».

...черкни что-нибудь ~ о магазине...— Имеется в виду книжная лавка художников слова «Библиофил» на Большой Никитской, 15. А.Б.Мариенгоф вспоминал: «Перемытарствовав немалую толику часов в приемной Московского Совета, наконец получили мы от Льва Борисовича Каменева разрешение на книжную лавку» (Мой век, с. 329). Это разрешение — виза на заявлении Есенина и Мариенгофа — сохранилось (см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

Трамот. — См. коммент. к п. 99.

101. *Е.И.Лившиц.* 11 августа 1920 г. (с. 114).— Мариенгоф А. Воспоминания о Есенине. М.: Огонек, 1926, с. 48—49 (три начальных абзаца); Мариенгоф, с. 90—91 (четыре начальных обзаца); в обоих случаях без указания фамилии адресата. Полностью — Есенин 5 (1962), с. 139—141.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ). Подлинник хранился у сестры адресата — М.И.Бернштейн. Местонахождение его в настоящее время неизвестно.

Датируется по помете, предваряющей копию текста письма рукой неустановленного лица (РГАЛИ): «Почтовый штемпель: Минер. Воды — вокзал. 11 августа 20 г. На письме даты нет».

Я здесь второй раз в этих местах...— М.П.Мурашев вспоминал: «Сергей Есенин, вернувшись из штрафной поездки в качестве санитара в поезде Александры Федоровны (вместо дисциплинарного батальона), сразу приехал ко мне. Февральская революция застала его на Кавказе...» (цит. по статье В.Белоусова «Архив Мурашова».— «Учительская газ.», М., 1965, 2 окт., № 118). Однако это свидетельство мемуариста пока не нашло документального подтверждения.

В одном из стихотворных набросков 1917—1918 гг. поэт упоминает топоним «Аксайские долины» (местечко под Ростовом-на-Дону). Возможно, он связан с не известной пока исследователям поездкой Есенина и З.Н.Райх в сент. 1917 г. в Ростов-на-Дону и на Северный Кавказ.

...чем поразили они тех, которые создали в нас образы Терека, Казбека, Дарьяла...— Есенин имеет в виду в первую очередь классиков — А.С.Пушкина (стихотворения «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», путевые записки «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» и др. произведения) и М.Ю.Лермонтова (стихотворения «Дары Терека», «Тамара», поэма «Измаил-Бей» и др.).

...пистолет юнкера Шмидта...— Здесь намек на стихотворение Козьмы Пруткова «Юнкер Шмидт», где первая строфа читается так:

Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится.
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

(«Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова. Изд. 12-е», Пг., 1916, с. 22). Его автором был А.К.Толстой (свидетельство А.М.Жемчужникова из газ. «Санкт-Петербургские ведомости», 1874, 6 февр., см. в кн.: Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Сов. писатель, 1965, с. 379).

...за паровозом ∾ скачет маленький жеребенок. ∾ Конь стальной победил коня живого.— Ср.:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

(Из поэмы «Сорокоуст»: наст. изд., т. 2, с. 83).

...жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни и ликом Махно.— Наступление эры механизации («железного гостя», по выражению Есенина) глубоко волновало поэта. В его творчестве в эти годы появились мотивы скорби по уходящей «деревянной Руси» («Хулиган», «Я последний поэт деревни...», «Мир таинственный, мир мой древний...» и др.). Военный коммунизм, ломка старого деревенского быта, крестьянских традиций вызвали у Есенина на какое-то время чувство протеста и сочувствия стихийным крестьянским выступлениям под руководством А.С.Антонова и др. Но особо его интересовала лич-

ность Н.И.Махно. К его образу поэт не раз обращался в своих произведениях — драматической поэме «Страна Негодяев» (наст. изд., т. 3), отрывке «Повстанцы» из поэмы «Гуляй-поле» (наст. изд., т. 2).

...идет совершенно не тот социализм, о котором я думал ∾ нарочитый... — И в этих размышлениях, и в поэме «Сорокоуст» воплотились впечатления Есенина от увиденного им во время тогдашней поездки по югу России. В «Сорокоусте» есть места, очень близкие комментируемым по своему внутреннему пафосу:

Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железнвм брюхом
Тянет к глоткам равнин пятерню...
. . . .
Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
. . . .
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелуях,—
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной «аллилуйя».

(Наст. изд., т. 2, с. 81—83).

Ключевой для поэмы эпизод с жеребенком Есенин наблюдал, как он пишет в данном письме, на пути «от Тихорецкой на Пятигорск». Автограф «Сорокоуста» (ИМЛИ), кроме даты: «Август 20 г.», имеет помету «Кисловодск — Баку». Письмо к Е.Лифшиц было опущено на вокзале станции Минеральные Воды (см. об этом текстологический коммент. после того, как «сегодня утром» Есенин и его спутники «из Кисловодска выехали в Баку» (с. 115 наст. тома). К тому же А.Б.Мариенгоф свидетельствовал, что «Сорокоуст» был написан «в прогоне от Минеральных до Баку» (Восп., 1, 320). Судя по всем этим данным, комментируемое письмо было написано непосредственно перед (или уже во время) работы Есени-

на над «Сорокоустом». Оно ярко демонстрирует, какие мысли и чувства владели в тот момент поэтом.

...остров Елены, без славы и без мечтаний. — Остров Святой Елены, владение Великобритании в южной части Атлантического океана. В 1815 г. туда был сослан отрекшийся от престола французский император Наполеон I Бонапарт, где и умер в 1821 г.

Не исключено, что промелькнувший здесь образ имеет одним из источников статью Д.С.Мережковского о Наполеоне в ссылке — «Св. Елена» (газ. «Русское слово», М., 1913, 20 сент. (3 окт.), № 217, с. 2-3): в 1912—1913 гг. Есенин читал эту газету регулярно (см. пп. 13 и 18 и коммент. к ним). Ср. также с названием одного из песенников 1910-х гг. («Наполеон в плену на острове святой Елены: Новые песни», М., 1911).

Вы плавающая и идущая...— Отзвук православной молитвы («О плавающих и путешествующих <...> Господу помолимся»), возможно, опосредованный названием романа М.А.Кузмина «Плавающие путешествующие» (Пг., 1915).

102. *Иванову-Разумнику.* 4 декабря 1920 г. (с. 116).— РЛ, 1958, № 2, с. 164, в статье Н.Хомчук «Есенин и Клюев» (в извлечениях); полностью — Есенин 5 (1962), с. 141—142 (с неточностями).

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника).

...Ваше письмо и открытку.— Оба эти почтовых отправления неизвестны.

Я уже собирался к 25 окт. выехать...— Судя по упоминанию имени Клюева ниже, Есенин решил побывать в северной столице после того, как получил от Иванова-Разумника извещение о приезде Клюева в Петроград и планируемом там его публичном выступлении. 24 (а не 25) окт. 1920 г. в зале Географического общества (Петроград, Демидов пер., д. 8-а) состоялся первый литературный

вечер руководимой Ивановым-Разумником Вольной Философской Ассоциации — «Вечер поэзии Николая Клюева» («Красная газета», Пг., 1920, 22 окт., № 237, в рубрике «Лекции»); отклик (там же, 27 окт., № 241) — статья Ф.Грошикова «Последний из могикан».

...пришлось ∾ очутиться в тюрьме ВЧК.— Есенин был случайно арестован в ночь с 18 на 19 окт. 1920 г. на квартире своего друга поэта А.Кусикова и провел во внутренних тюрьмах МЧК и ВЧК неделю — по 25 окт. 1920 г. (документы ЧК см.: Материалы, с. 271—284, а также наст. изд., т. 7, кн. 2). МЧК и ВЧК — Московская (соотв. Всероссийская) чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1917—1922 гг.).

Я стал гнилее. ∾ кой-что по этому поводу Вы уже слышали.— Ср.: «...говор<я>т, что ты теперь ночной нетопырь с глазами, выполосканными во всех щелоках, что на тебе бобровая шуба, что ты <...> пьешь <...> публично водку, что шатия вокруг тебя — моллюски, прилипшие к килю корабля (в тропических морях они облепляют днище корабля в таком множестве, что топят самый корабль) <...>. Какая ужасная повесть!» (из письма Клюева Есенину от 28 янв. 1922 г.— Письма, 217).

Он <Клюев> с год тому назад прислал мне письмо ∾ я на него ему не ответил...— Это письмо неизвестно. Вероятно, именно его имел в виду А.Мариенгоф:

«В ту же зиму <1918—1919 гг.> прислал Есенину письмо и Николай Клюев.

Письмо сладкоречивое, на патоке и елее. Но в патоке клюевской был яд <...>.

Есенин читал и перечитывал письмо. К вечеру знал его назубок от буквы до буквы. Желтел, молчал, супил брови и в гармошку собирал кожу на лбу.

Потом дня три писал ответ туго и вдумчиво, как стихотворение. Вытачивал фразу, вертя ее разными сторонами и на всякий манер, словно тифлисский духанщик над огнем деревянные палочки с кусочками молодого барашка.

Выволакивал из темных уголков памяти то самое, от чего должен был так же пожелтеть Миколушка, как пожелтел сейчас „Миколушкин сокол ясный“.

Есенин собирался вести за собой русскую поэзию, а тут наставляющие и попечительствующие словеса Клюева» (Мариенгоф, с. 19—20).

О своем тогдашнем обращении к Есенину Клюев упомянул в письме В.С.Миролюбову (осень 1919 г.): «Никто из братьев, друзей и знакомых моих в городах не нашел меня добрым словом, окромя Вас. На што <так!> Сергей Александрович Есенин, кажется, ели с одного куса, одной ложкой хлебали, а и тот растер сапогом слезы мои. <...> прошу Вас <...> передать Есенину, чтобы он написал мне, как живет и как его пути» (Письма, 320).

Есенин ответил Клюеву лишь в дек. 1921 г. (п. 111).

Стихи его за это время...— В 1918—1919 гг. вышли сборник стихов Клюева «Медный Кит» (Пг., 1919; фактически — 1918) и двухтомное собрание его стихотворений «Песнослов» (Пг., 1919), в которое, кроме прежних его стихов, были включены и написанные после окт. 1917 г. Кроме того, Есенин мог прочесть стихи Клюева 1919 г. и в петроградском журнале «Пламя», и в уездной газете «Звезда Вытегры», которую (судя по вырезке в Тетр. ГЛМ) прислал ему сам Клюев в 1919 г.

Привет Варваре Николаевне...— Речь идет о жене Иванова-Разумника — В.Н.Ивановой.

...Вашим детям...— Льву и Ирине.

Если урвете минутку, то черкните...— Судя по фразе из п. 108: «Я <...> ждал от Вас хоть какого-нибудь ответа и не получил его» (наст. том, с. 122),— ответ адресата (если он был) до Есенина не дошел.

...я Вам постараюсь выслать «Сорокоуст» и «Исповедь хулигана».— В п. 108 есть слова: «Я послал Вам <...> книги...». Очевидно, Есенин выполнил данное в комментируемом письме обещание. Он мог выслать Ива-

нову-Разумнику вышедшие вскоре в свет сборник «Имажинисты: Есенин. Ивнев. Мариенгоф» (с поэмой «Сорокоуст») и авторский сборник Исп. хул. (о сроках выхода этих книг см.: Юсов-94, с. 27 и 84). Экземпляры их, подаренные Иванову-Разумнику Есениным, неизвестны. См. также коммент. к п. 108.

103. *Р.Ивневу*. Конец 1920 г.— 1925 г. (с. 118).— Журн. «Scottish Slavonic Review» Glasgow, 1984, № 3, p. 79, в статье Г.Маквея (G. McVay) «An Unpublished Letter by Sergey Esenin» (факсимиле — там же, p. 78).

Печатается по автографу (из архива Р.Ивнева; с 1983 г. хранится в собрании Г.Маквея, Англия).

Записка датируется временем возможных встреч Есенина с адресатом в первой половине 1920-х гг., поскольку целиком написана по новой орфографии, на которую Есенин окончательно перешел примерно с середины окт. 1919 г. (см. коммент. к пп. 94 и 96). Ивнева не было в Москве с марта 1919 г. по нояб. 1920 г. и с весны 1921 г. по осень 1922 г. (обоснование этих сведений — в цит. статье Г.Маквея, p. 81); Есенин отсутствовал в России с мая 1922 г. по авг. 1923 г., а по возвращении нередко выезжал из Москвы (напр., жил на Кавказе в сент. 1924 г.— февр. 1925 г. и т. д.).

...хер/увимчик совершенно в твоем вкусе.— Кто подразумевается под «херувимчиком», не установлено. Ненормативный перенос в этом слове, сделанный Есениным, содержит намек на сексуальные наклонности адресата.

104. *С.Д.Балухатому*. 22 января 1921 г. (с. 118).— Есенин 5 (1962), с. 142—143.

Печатается по автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте, надписанном рукой А.Мариенгофа.

В ответ на Ваше письмо...— Письмо неизвестно.

...мы готовы издать все Ваши работы...— Работы С.Д.Балухатого в издательствах имажинистов не выходили (см. также п. 107).

...Магаз<ин> *худ*<ожников> *слова.*— Официально принадлежавший имажинистам магазин имел название — книжная лавка художников слова «Библиофил» (см. коммент. к п. 99).

105. *С.Д.Головачеву.* Март 1921 г. (с. 119).— Журн. «Наше наследие», М., 1990, № III (15), с. 116 (публ. С.В.Шумихина).

Печатается по автографу (РГАЛИ).

...в магазине...— О магазине см. коммент. к п. 104.

...подательнице сей записки...— О ком идет речь, установить не удалось.

106. *А.М.Сахарову.* Апрель 1921 г. (с. 119).— Есенин 6 (1980), с. 103.

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

Датируется по содержанию, в частности, по фразе: «Я еду в Ташкент, в мае вернусь».

...сделай все, что возможно, с моей книгой, только по другому плану. Издай только стихи, а поэмы выкинь. Потому что они выходят на днях здесь. Озаглавь — «Ржан<ые> *кони», книга первая.*— В 1920 г. Есенин подготовил для издания сборник Рус. (см. наст. изд., т. 1, с. 402). Работая над этим сборником, поэт предполагал сохранить тот же состав раздела «Поэмы», что и в Тел., подготовленном еще раньше, в 1919 г., для Госиздата, но так и не вышедшем в свет. Однако затем весь этот раздел из содержания Рус. был исключен автором целиком (ИМЛИ), т. к. Есенин, видимо, принял решение выпустить поэмы в издательстве «Альциона» отдельной книгой под заглавием «Ржаные кони». Сохранилась ее верстка, вышедшая из типографии 31 марта 1921 г.

(ИМЛИ). Однако эта книга поэм не была издана, как и сборник стихов Рус. (см. наст. изд., т. 2, с. 265—266).

Я еду в Ташкент, в мае вернусь...— Выехав в середине апр., Есенин вернулся в Москву в начале июня 1921 г.

107. *А.Б.Мариенгофу*. Конец апреля — начало мая 1921 г. (с. 120).— Мариенгоф, с. 107—108 (с купюрами и изменением имен); полностью (с неточностями) — журн. «Наше наследие», М., 1990, № III (15), с. 117 (публ. С.В.Шумихина).

Печатается по автографу (РГАЛИ).

Датируется по содержанию.

...что он написал «Юрия Милославского», что все политические тузы — его приятели, что у него всё курьеры, курьеры и курьеры.— Есенин, иронизируя над Г.Р.Колобовым, сравнивает его с Хлестаковым (см. «Ревизор» Н.В.Гоголя, действие третье, явление VI — Гоголь II, с. 147, 148).

Лёва — помощник Г.Р.Колобова.

«Есенин уехал с Почем-Солью <Г.Р.Колобовым> в Бухару. Штат нашего друга пополнился еще одним комическим персонажем — инженером Лёвой. <...>

Лёва любит поговорить об острых, жирных и сдобных яствах, а у самого катар желудка и ест одни каши, которые сам же варит на маленьком собственном примусе в собственной медной кастрюле.

От Минска и до Читы, от Батума и до Самарканда нет такого местечка, в котором бы у Лёвы не нашлось родственников.

Этим он и завоевал сердце Почем-Соли.

Есенин говорит:

— Хороший человек! С ним не пропадешь — на колу у турка встретит троюродную тетю» (Мой век, с. 376—377). Другие сведения об этом человеке не выявлены.

Последнее происшествие... — О чем идет речь, не установлено.

За поездом у нас опять бежала лошадь (не жеребенок), но я теперь говорю: «Природа, ты подражаешь Есенину».— См. п. 101 и поэму «Сорокоуст» (наст. изд., т. 2, с. 83).

...часто вспоминаю тебя, нашу милую Эмилию...— В «Романе без вранья» Мариенгоф писал: «Опять перебрались в Богословский переулок. В тот же бахрушинский дом. У нас <...> экономка (Эмилия)...» (Мариенгоф, с. 94). См. также коммент. к п. 134.

...ОПмТЬ... — Авторская графика этого слова подчеркивает его эвфемистический смысл, раскрываемый чуть ниже (ср.: «...Лёва за стеной посылает Гришку к священной матери...»).

... что теперь кушает наш Ваня? — Речь идет об адресате — Мариенгоф сам раскрыл свой «псевдоним», исправив это место письма для печати так: «... а что теперь кушает *Анатолий?*» (Мариенгоф, с. 107; выделено комментатором). Далее Есенин называет Мариенгофа Ваней прямо («...но во-вторых, Ваня...»). Ср. также: «„Рыжим“ звали Ан. Бор. <Мариенгофа>, вероятно, потому, что полезла рыжеватая щетина. Вообще у них <имажинистов> у всех были прозвища. Еще его звали „Ваня длинный“. Почему, не знаю» (из письма А.Б.Никритиной к Л.И.Сторожаковой (1970); цит. по кн.: Сторожакова Л. Мой роман с друзьями Есенина. Симферополь: Таврия, 1998, с. 62–63).

...подхожу к стенной газете и зрю, как самарское лито кроет имажинистов.— Этот отзыв в самарской периодике пока не выявлен.

Еще через день. Был Балухатый...— Встреча Есенина с Балухатым состоялась 5 мая 1921 г.— этой датой помечены инскрипты поэта ученому на Исп. хул. и Т21 (Юсов-96, с. 22). Таким образом, Есенин закончил писать комментируемое письмо именно в этот день.

...возьми рукописи и дай денег.— См. коммент. к п. 104.

108. *Иванову-Разумнику*. Май 1921 г. (с. 122).— Кр. новь, 1926, № 2, февр., с. 203—205, в статье Д.Д.Благого «Материалы к характеристике Сергея Есенина: (Из архива поэта Ширяевца)».

Печатается по автографу (ИМЛИ). На обороте последнего листа письма — помета Есенина: «Неотправленное письмо Р.Иванову».

Датируется по времени встречи в Ташкенте Есенина с А.В.Ширяевцем, в архиве которого хранилось письмо (см.: Есенин 6 (1980), с. 301). По свидетельству В.И.Вольпина, поводом к написанию письма послужило следующее обстоятельство: «Особенно часто и остро нападал на Есенина за его имажинизм Ширяевец <...>. Есенин долго и терпеливо объяснял своему другу основы имажинизма и тогда же начал писать письмо Р.В.Иванову-Разумнику с изложением этих основ, но так и не докончил его, оставив черновик письма Ширяевцу на память» (Жизнь Есенина, с. 272—273).

В этом письме-черновике имеется много зачеркиваний — как механических описок (начала слов, отдельных букв, перестановок слов в предложении), так и смысловых фрагментов (значимых словосочетаний и целых предложений). Поскольку все без исключения зачеркнутые места приведены в первой публикации, здесь даются только наиболее значительные отброшенные смысловые фрагменты: после «...Вы, по-видимому, обиделись...» следовало «за Клюева, за те несколько нетеплых слов моего мнения», после «Уж не за Клюева ли и мое мнение о нем» — «как о поэте небольшого», после «...от его голландского романтизма» — «и оболгал русских мужиков в какой-то не присущей им любви к женщине, к Китежу, к [рел] мистическ[ому] и религиозному тяготению (в последние годы, конечно, по Штейнеру и по Андрею Белому) и [дал]

показал любовь к родине [не] с какого-то не присущего нам шовинизма: „Деду Киеву похула алый краковский жупан“ (жупан — знак вольности)»; после «...звуковое притяжение одного слова к другому, т. е. слова...» — «звучно по своему произношению»; после «...доказывать перед Вами мою...» — «новую»; после «Так написан был отчасти „Октоих“...» — «по главам»; перед «Не люблю я скифов...» — «Разлюбил»; после «...целый синедрион толкователей» — «когда они ему преподнесли такой подарок»; после «Тогда это была тоска...» — «и молитва».

Я послал Вам письмо, книги, еще письмо...— Речь идет о письме от 4 дек. 1920 г. (п. 102), в котором Есенин обещал адресату «постараться выслать» «Сорокоуст» и «Исповедь хулигана». Книгами, содержащими эти поэмы, могли быть как сборники, перечисленные в коммент. к п. 102, так и содержащий «Исповедь хулигана» сб. «Золотой кипяток», вышедший до 21 янв. 1921 г. (Юсов-94, с. 85). Второе письмо Есенина («еще письмо») неизвестно.

...Вы, по-видимому, обиделись на что-то. Уж не за Клюева ли и мое мнение о нем? Не за Блока ли? — Скорее всего, не дошедшее до нас письмо Есенина Иванову-Разумнику содержало еще более резкие высказывания о творчестве Клюева этого периода и более критическую оценку поэзии Блока, чем в п. 102.

Я очень много думал ∾ за эти годы, очень много работал над собой и то, что я говорю, у меня достаточно выстрадано ∾ Я очень много болел за эти годы, очень много изучал язык...— Свое понимание природы поэтического творчества Есенин подробно высказал в статьях «Ключи Марии», «Быт и искусство» и др. (т. 5 наст. изд.). Комментируемое письмо, в котором он изложил свою «теорию поэтических напечатлений», свидетельствует о серьезности его тогдашних творческих исканий. Как заметил Д.Благой, в поэтике имажинизма Есенин «стремился осознать и развернуть свой неясный, сумеречно

брезживший ему самому творческий путь, утолить глубокие внутренние потребности своего поэтического гения» (Кр. новь, 1926, № 2, февр., с. 202).

Письмо написано в результате общения с Ширяевцем, рассматривавшим, как известно, имажинистскую деятельность Есенина как измену «мужицкому стану». (Подробнее см. коммент. к «Литературным декларациям и манифестам» — наст. изд., т. 7, кн. 1). В спорах об имажинизме, об ответственности писателя за каждое сказанное им слово уточнялись позиции обоих поэтов. Свое право на выбор собственного поэтического пути Есенин отстаивал всеми способами: не только в устных беседах-спорах с Ширяевцем, не только в письме Иванову-Разумнику, но и неслучайным характером, во-первых, выбранного им для записи в альбом Ширяевцу отрывка из только что законченного вчерне «Пугачева» (с заключающей этот отрывок фразой «Я значенье свое разгадал...» — см. об этом наст. изд., т. 3, с. 461—462) и, во-вторых, неслучайным характером дарственной надписи тому же адресату на книге «Исповедь хулигана» (текст — Юсов-96, с. 231), свидетельствующей о знакомстве Есенина с трактатом Ширяевца «Каменно-Железное Чудище...» (сравнительный анализ см. в кн.: Тартаковский П. Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина), Ташкент, 1981, с. 107—117. Трактат Ширяевца (ИМЛИ, личный фонд поэта) до сих пор не опубликован).

...Клюев, как некогда пришибленный им...— Есенин имеет здесь в виду влияние личности и творчества Блока на раннего Клюева (см.: Письма Н.А.Клюева к Блоку.— ЛН, М., 1987, т. 92, кн. 4, с. 427—523; публ. К.М.Азадовского).

...голландского романтизма.— В «Предисловии» (1 янв. 1924 г.) к своему двухтомнику, издание которого намечалось в том же году в издательстве «Круг», но осуществлено не было, Есенин повторит свою оценку: «Я

очень люблю и ценю Блока, но <на> наших полях он часто глядит как голландец» (наст. изд., т. 5, с. 223).

Пусть Блок по недоразумению русский...— Имеется в виду немецкое происхождение отца Блока — профессора юридического факультета Варшавского университета А.Л.Блока (см. Розанов, с. 10).

...Клюев поет Россию по книжным летописям и ложной ее зарисовки всех приходимцев...— Так в автографе: слово «зарисовки» связано здесь со словом «Россию», а не является однородным членом предложения в стоящей рядом конструкции дательного падежа («по... летописям <и т. д.>»).

Есенин, убежденный, что «жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества», неоднократно адресовал Клюеву упреки в том, что тот «поет <...> стилизационную <...>Русь с ее несуществующим Китежем» (см. п. 99, а также дарственную надпись Ширяевцу на Исп. хул., выполненную в мае 1921 г.: «Я никогда не любил Китежа и не боялся его, нет его и не было так же, как и тебя и Клюева. Жив только Русский ум, его я люблю, его кормлю в себе...» (Юсов-96, с. 231).

Приходимцы (впервые верно прочитано В.А.Вдовиным: Есенин 6 (1980), с. 105) — есенинский неологизм, образованный соединением слов «проходимец» и «пришлый». Есенин мог опираться также и на древнерусское слово «приходец» — пришелец, чужеземец (см.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 20, М.: Наука, 1995, с. 67).

Блок — поэт бесформенный, Клюев тоже.— Есенин повторяет здесь написанное Иванову-Разумнику о Клюеве 4 дек. 1920 г.: «Уж очень он <...>слаб в форме и как-то расти не хочет. А то, что ему кажется формой, ни больше ни меньше как манера, и порой довольно утомительная». «Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы»,— противопоставит он позднее, в письме тому же адресату от 6 марта

1922 г., свою оценку клюевского «Четвертого Рима» высокой оценке Иванова-Разумника (см.: Иванов-Разумник. «Три богатыря».— Журн. «Летопись Дома литераторов», Пг., 1922, № 7, 1 февр., с. 5).

...«*черница-темь сядет с пяльцами под окошко шить златны воздухи*»...— Неточная цитата из стихотворения Клюева «Скрытный стих» (впервые: Еж. ж., 1914, № 6, с. 4):

И черница-темь сядет с пяльцами
Под оконце шить златны воздухи...

Воздух — здесь: покрывало для церковных сосудов.

...«*Зой ку-ку загозье, гомон с гремью шыргунцами вешает на сучья*»...— Цитата из стихотворения Клюева «Беседный наигрыш, стих доброписный» (впервые: Еж. ж., 1915, № 12, стб. 86):

Зой ку-ку загозье, гомон с гремью
Шаргунцами вешает на сучья...

Зой — гул, шум множества насекомых. *Загозье* — от загозынька (кукушка), загозий (кукушечий). *Шаргунцы* — бубенчики, погремушки.

«*...туча — ель, а солнце — белка с раззолоченным хвостом...*» — Цитата из стихотворения Клюева «Смертный сон» (впервые, под названием «Смерть ручья» — Еж. ж., 1915, № 8, с. 4).

...простое слово по Гоголю, что «слово есть знак, которым человек человеку передает то, что им поймано в явлении внутреннем или внешнем». — Неточная цитата из раздела «Что такое слово и словесность» проспекта Н.В.Гоголя «Учебная книга словесности»: словесность «есть только *образ*, которым передает человек человеку все им узнанное, найденное, почувствованное и открытое, как в мире внешних явлений, так и в мире явлений внутренних, происходящих в собственной душе его».

(«Сочинения Н.В.Гоголя. Изд. 15-е. Редакция Н.С.Тихонравова», СПб.: А.Ф.Маркс, 1900, т. 12, с. 8; выделено автором).

Чтобы быть стихотворным мастером...— Ср. со словами Есенина, записанными В.Эрлихом: «Все <...>думают так: вот — рифма, вот — размер, вот — образ, и дело в шляпе. Мастер! Черта лысого — мастер! Этому и кобылу научить можно! Помнишь „Пугачева“? Рифмы какие, а? Все в нитку! Как лакированные туфли блестят! Этим меня не удивишь. А ты сумей улыбнуться в стихе, шляпу снять, сесть — вот тогда ты мастер!..» (Восп., 2, 321).

Ни Блок, ни Клюев этого не знают, так же как и вся братия многочисленных поэтов ∾ *Это грубейшая неграмотность...*— Ср. с «Ключами Марии»: «Наше современное поколение не имеет представления о тайне этих образов. В русской литературе за последнее время произошло невероятнейшее отупение. То, что было выжато и изъедено вплоть до корок рядом предыдущих столетий, теперь собирается по кусочкам, как открытие. Художники наши уже несколько десятков лет подряд живут совершенно без всякой внутренней грамотности» (наст. изд., т. 5, с. 206).

Глагол с глаголом нельзя рифмовать уже по одному тому, что все глагольные окончания есть вид одинаковости словесного действия.— Ср. с переданным И.В.Грузиновым характерным эпизодом, относящимся к 1920 г.:

«Ощетинившийся Есенин, стоя в полуоборота к Мандельштаму:

— Вы плохой поэт! Вы плохо владеете формой! У Вас глагольные рифмы!

Мандельштам возражает. Пыжится. Красный от возмущения и негодования» (Грузинов, с. 5; также Восп., 1, 365).

Впоследствии у Есенина сложился более широкий взгляд на характер и роль рифмы в поэтическом произведении. В письме Г.Бениславской от 20 дек. 1924 г. (наст. том, с. 192) он подкрепляет свои мысли известной цитатой из пушкинского «Домика в Коломне»: «Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделывать стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: „К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы“». Ср. «Словарь рифм С.А.Есенина / Сост. А.Н.Захаров, А.П.Зименков» («Российский литературоведческий журнал», М., 1997, № 11, с. 149—230).

...почва — ворочается...— Рифма из есенинского «Пугачева»:

Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.

(Наст. изд., т. 3, с. 7).

...куда — дал...— Похожая рифма есть в поэме «Кобыльи корабли»:

Им не нужно бежать в «туда»,
Здесь, с людьми бы теплей ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

(Наст. изд., т. 2, с. 78).

...до наших образов двойного зрения ∾ были образы двойного чувствования.— См. также есенинскую статью «Быт и искусство» (наст. изд., т. 5, с. 217—220).

«Головы моей желтый лист», «Солнце мерзнет, как лужа»...— Строки из поэмы «Кобыльи корабли» (наст. изд., т. 2, с. 80 и 78).

«Мария зажги снега» и «заиграй овражки», «Авдотья подмочи порог»...— Эти же примеры образов народного земледельческого календаря приведены в «Быте и искусстве» (наст. изд., т. 5, с. 220; см. там же коммент. на с. 504).

...это понимают только немногие в России. Это близко только Андрею Белому.— В статьях и письмах Есенина 1918—1922 гг. можно найти немало примеров как его неизменно высокой оценки прозы Белого, так и постоянного подчеркивания исключительно тонкого понимания Белым художественного слова. См. «Ключи Марии», где Есенин выделяет Андрея Белого из числа современных писателей и высоко оценивает его «Котика Летаева» (наст. изд., т. 5, с. 208—209), а также письмо Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 г., в котором он передает свое впечатление от «Серебряного голубя» (наст. том, с. 132—133).

...Евг. Замятин в своей воробьиной скороговорке «Я боюсь»...— Есенин говорит о небольшой по своим размерам статье-памфлете Е.И.Замятина «Я боюсь», посвященной анализу современной ему литературы: «...я боюсь, что если так будет и дальше, то весь последний период русской литературы войдет в историю под именем юркой школы, ибо неюркие вот уже два года молчат» (сб. «Дом искусств», Пб., 1921, № 1, с. 43).

Имажинизму в своей статье Замятин посвятил один абзац, подчеркнув вторичность творчества поэтов-имажинистов и указав тот поэтический тупик, в котором впоследствии и оказалась группа: «Имажинистская Америка, к сожалению, давненько открыта. И еще в эпоху Серафино один считавший себя величайшим поэт писал: „Если бы я не боялся смутить воздух вашей скромности золотым облаком почестей, я не мог бы удержаться от того, чтобы не убрать окна здания славы теми светлыми одеждами, которыми руки похвалы украшают спины имен, даруемых созданиям превосходным...“ (из письма Пиетро Аретино к

герцогине Урбинской). „Руки похвалы“ и „спина имен“ — это ли не имажинизм? Отличное и острое средство — image — стало целью, телега потащила коня» (с. 44).

Характеризуя имажинизм, Замятин приводит (по-видимому, в собственной редакции) цитату из указанного письма в пер. К.Д.Бальмонта: «Если б я не боялся смутить воздух вашей скромности золотыми облаками почестей, которые вам приличествуют, я не мог бы удержаться от того, чтобы не распространить на окнах здания славы тех светлых одеяний, которыми рука похвалы украшает спину имен, которые созданиям превосходным дарует молва» (Гаспари Адольф. История итальянской литературы. Т. II. Итальянская литература эпохи Возрождения. Перевод К.Бальмонта. Издание К.Т.Солдатенкова. М., 1897, с. 428).

Серафино — С.Аквилано (Serafino Aquilano; наст. фам. Ciminelli; 1466—1500), поэт итальянского Возрождения, один из основателей поэтической школы, отличающейся злоупотреблением метафорами, стремлением к «ослепляющей оригинальности». Пиетро Аретино (1492—1556) — итальянский писатель и публицист эпохи Возрождения. Герцогиня Урбинская, Елизавета Гонзага (Elisabetta Gonzaga) — супруга герцога Гвидобальдо Урбинского (Guidobaldo da Montefeltro; 1472—1508), одного из высоких покровителей Аретино.

...он вместе с носом Чуковского, который ходит, заложив ноздри в карман, хвалит там Маяковского...— В своей статье Замятин дал высокую оценку поэзии Маяковского: «И по-прежнему среди плоско-жестяного футуристического моря один маяк — Маяковский. Потому что он — не из юрких...» (с. 43). И далее: «Лошадизм московских имажинистов — слишком явно придавлен чугунной тенью Маяковского. Но как бы они ни старались дурно пахнуть и вопить — им не перепахнуть и не перевопить Маяковского» (с. 44). В словах «Лошадизм московских имажинистов» обыгрывается название центрального

поэтического сборника Шершеневича «Лошадь как лошадь» (1920).

Шутливо намекая на большой нос К.И.Чуковского, Есенин говорит и об опубликованной в том же номере «Дома искусств» его пространной статье «Ахматова и Маяковский» (с. 23—42), имея в виду следующие оценки Чуковским Маяковского: «поэт грандиозностей» (с. 32); «поэт движения, динамики, вихря» (с. 33); «повышенное ощущение огромных пространств свойственно в великой мере Маяковскому» (с. 32). В своей статье Чуковский особенно подчеркивает словотворческую роль Маяковского: «... он исподволь приучает к этим процессам и формам наше языковое мышление, делая наши слова более податливыми, плавкими, ковкими, мягкими, выводя их из окостенения и застылости. Имена существительные он плавит не только в глаголы, но и в имена прилагательные <...>. Что хорошо у Маяковского, это те колкие и меткие метафоры, которые в таком огромном количестве рассыпаны у него по страницам» (с. 37). Чуковский констатировал: «Вообще быть Маяковским очень трудно. Ежедневно создавать диковинное, поразительное, эксцентрическое, сенсационное — не хватит никак человеческих сил» (с. 38).

...Маяковского, лишенного всяческого чутья слова. У него ведь почти ни одной нет рифмы с русским лицом...— Есенин неоднократно подчеркивал разницу между своим творчеством и творчеством Маяковского: «— Знаешь, почему — я — поэт, а Маяковский так себе — непонятная профессия? У меня родина есть! У меня — Рязань! Я вышел оттуда и, какой ни на есть, а приду туда же! А у него — шиш! Вот он и бродит без дорог, и ткнуться ему некуда» (Эрлих, с. 5; см. также Восп., 2, 321).

Известны взаимные инвективы двух поэтов, в том числе в области поэтики: «рифма ребячья» — Маяковский о стихах Есенина (РЗЕ, 1, 117). Отзывы Есенина о словотворчестве Маяковского приведены в воспоминаниях

Грузинова (Грузинов, с. 8; см. также Восп., 1, 368) и других мемуаристов. Хорошо понимая его значение («Что ни говори, а Маяковского не выкинешь. Ляжет в литературе бревном <...> и многие о него споткнутся».— Восп., 1, 411), Есенин упрекал Маяковского в подражании «западным модернистам» (Ройзман, с. 107; также Восп., 1, 391) и У.Уитмену: «Неоднократно Есенин утверждал, что Маяковский весь вышел из Уитмана» (Грузинов, с. 9). Ср. с приведенной мемуаристом есенинской частушкой:

Ой, сыпь! ой, жарь!
Маяковский бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Уитмана.

(Грузинов, с. 9; см. также наст. изд., т. 4, с. 251).

...гипербола — теперь была...— Рифма из поэмы Маяковского «Война и мир» (впервые: газ. «Новая жизнь», Пг., 1917, 13 авг., № 100):

Куда легендам о бойнях Цезарей
перед былью,
которая теперь была!
Как на детском лице заря,
нежна ей
самая чудовищная гипербола.

...лилась струя — Австрия...— Рифма из стихотворения Маяковского «Война объявлена» (впервые: журн. «Новая жизнь», М., 1914, № 8):

Газетчики надрывались: «Купите вечернюю!
Италия! Германия! Австрия!»
А из ночи, мрачно очерченной чернью,
багровой крови лилась и лилась струя.

Это стихотворение Есенин выделял из числа других произведений Маяковского. И.Грузинов приводит эпизод 1920 г., когда Есенин «вспоминает отрывки из двух стихотворений Маяковского о войне: „Мама и убитый немцами вечер“ и „Война объявлена“.

Читает несколько строк с особой, свойственной ему нежностью и грустью» (Грузинов, с. 9; также Восп., 1, 369).

Передайте Евгению Ивановичу, что он не поэта, а «Барыбу увидеть изволили-с».— Иванов-Разумник, первым опубликовавший в редактируемом им журнале «Заветы» повесть Замятина «Уездное», главного персонажа которой — Анфима Барыбу — упоминает здесь Есенин, был близко знаком с ее автором (о том, что сближение с Ивановым-Разумником началось именно после «Уездного», Замятин указывает в автобиографии 1929 г.). Есенин намекает здесь на портретное сходство Маяковского с замятинским персонажем: «Тяжкие железные челюсти, широченный четыреугольный рот <...>. Да и весь-то Барыба какой-то широкий, громоздкий, громыхающий, весь из жестких прямых и углов. Но так одно к одному пригнано, что из нескладных кусков как будто какой-то выходит и лад: может, и дикий, может, и страшный, а все же лад» (журн. «Заветы», СПб., 1913, № 5, май, с. 46—47 первой пагинации).

Недаром у него, как у алжирского бея, под носом Вячеслав Шишка! — Перефразируя заключительные слова из «Записок сумасшедшего» («А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка!» — Гоголь III, 376), Есенин в шутливой форме говорит здесь об увлечении А.М.Ремизова творчеством В.Я.Шишкова (см. также пп. 114 и 122).

Не люблю я скифов ∾ целый синедрион толкователей. — Имеется в виду изложенный Геродотом рассказ о походе персидского царя Дария I (отец будущего великого полководца Ксеркса; царствовал в 521—485 гг. до н.э.) на

скифов (предположительно в 513 г. до н.э.). Приношения скифов Дарий I истолковал в свою пользу как знак их капитуляции. Однако созванный им синедрион (совет) жрецов дал приношениям скифов прямо противоположное истолкование — предупреждение Дарию, что, если он не уйдет с быстротою птицы, не скроется в воде, подобно лягушке, и не зароется в землю, как мышь,— его поразят скифские стрелы (см.: Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф.Г.Мищенко, 2-е изд., М., 1888, кн. 4. Мельпомена, № 131—133).

...на Галерной, 40... — Петроградский адрес конторы Бирж. вед. в 1915—1917 гг., в которой Есенин неоднократно бывал.

...в поэме «Сельский часослов» назвал это мое брожение «Израмистил».— Имеются в виду строки:

Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...
Имя ему —
Израмистил.
(Наст. изд., т. 4, с. 176).

Аббревиатура слов «мистическое изографство» создает есенинский неологизм «Израмистил» (подробнее см. наст. изд., т. 4, с. 403—404).

...моих отцов, создавших «Слово о полку Игореве» и такие строчки, как: На оболони телегы скрыпать, //Рцы лебеди распужени.— «Я познакомился с ним очень рано и был совершенно ошеломлен им, ходил, как помешанный. Какая образность! Вот откуда, может быть, начало моего имажинизма»,— говорил Есенин о «Слове...» (Розанов, с. 16). В тексте письма Есенин соединил два отрывка из различных частей «Слова...»: II — «крычать: телегы полунощи, рьци — лебеди роспущени» и

VII — «...на болони бешя дебрь...» («Слово о полку Игоря», СПб., 1904, изд. 5-е, испр., с. 4, 8-9; РКлБ, вып. I). Впрочем, то, что Есенин вместо «роспущени» употребил другую форму — «распужени», скорее всего, свидетельствует в пользу его знакомства и с более поздними изданиями «Слова о полку Игореве» в серии РКлБ (13-м, 14-м или 15-м). В них к слову «роспущени» было дано примечание: «Также: роспужени (распуганные)» (см., напр., кн. «Слово о полку Игоря», Пг., 1915, изд. 13-е, с. 4; РКлБ, вып. I). Этого примечания в предыдущих двенадцати серийных изданиях «Слова...» не было.

Дело не в имажинизме, которое притянула к нам З.Венгерова в сборнике «Стрелец» 1915 г., а мы взяли да немного его изменили.— З.Венгерова не могла «притянуть» имажинизм к Есенину и его сотоварищам по группе в 1915 г. просто потому, что тогда русского имажинизма еще не существовало. Есенин полемизирует здесь со следующими суждениями В.Л.Львова-Рогачевского, в которых упомянута статья Венгеровой:

«В 1915 году вышел в Петербурге первый сборник „Стрелец“ <...>. В этом сборнике была напечатана любопытная статья Зинаиды Венгеровой „Английские футуристы“.

Рассказывая о своей беседе об английском футуризме с одним из вдохновителей нового движения в английском искусстве Эзрой Паундом, Зинаида Венгерова привела ценный для нашей книги об имажинистах ответ английского „имажиниста“.

— „Мы не футуристы, прежде всего не футуристы. <...> Мы Вортицисты, а в поэзии „Имажисты“. Наша задача сосредоточена на образах, составляющих первозданную стихию поэзии, ее пигмент...“ (стр. 93).

Эти слова натолкнули молодую группу русских поэтов, попавшую под перекрестный огонь двух школ: школы символистов и школы футуристов, поэтов, несомненно, ярких образников, принять имя „имажинистов“ или „имажи-

стов“. 10-го февраля 1919 года в „Советской стране“, издававшейся короткое время в Москве, был напечатан манифест новой группы» (в его кн. «Имажинизм и его образоносцы: Есенин. Кусиков. Мариенгоф. Шершеневич», [М.:] Орднас, 1921, с. 9; выделено автором).

См. также коммент. к «Литературным декларациям и манифестам» (наст. изд., т. 7, кн. 1).

Как яйцо, нам сбросит слово //С проклевавшимся птенцом... — Заключительные строки поэмы Есенина «Преображение», посвященной адресату.

...«Господи, отелись»...— Строка из той же поэмы. О происхождении этого образа и полемике вокруг него см.: Восп., 1, 265—266, 267—268, а также наст. изд., т. 2, с. 325—331.

...желание той зари, которая задирает хвост коровой...— Имеются в виду строки из того же «Преображения»: «Над тучами, как корова, // Хвост задрала заря» (наст. изд., т. 2, с. 55).

...а теперь...— На этих словах текст обрывается.

Примечания к вариантам

<Клюев> *оболгал русских мужиков в* ∾ *любви* ∾ *к Китежу* ∾ *по Штейнеру и по Андрею Белому...*— О «несуществующем», по мнению Есенина, Китеже см. также п. 99 и коммент. к нему. Влияние же, а тем паче зависимость «религиозно-мистического тяготения» Клюева от соответствующих сочинений Р.Штейнера (и тем более Андрея Белого) здесь явно преувеличены. Известно, напр., нечто обратное: первые встречи и беседы с Клюевым в 1917 г. произвели на А.Белого чрезвычайно сильное впечатление и отозвались (преимущественно как раз в мистическом плане) в его статье «Жезл Аарона» (подробнее см.: Субботин С.И. Андрей Белый и Николай Клюев: К истории творческих взаимоотношений.— В кн.: Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи. Воспоми-

нания. Публикации / Сост. Ст. Лесневский, Ал.Михайлов. М.: Сов. писатель, 1988, с. 390—396). В то же время некоторые произведения самого Есенина («Отчее слово» и особенно «Ключи Марии») несут в себе явный отпечаток как знакомства с теософской литературой, так и бесед их автора с Белым, в т. ч. на антропософские темы (см. коммент. к «Ключам Марии»: наст. изд., т. 5, с. 491—496).

...показал любовь к родине с ∾ шовинизма: «Деду Киеву похула алый краковский жупан»...— Цитата из стихотворения Клюева «Русь» (в его кн. «Мирские думы», Пг., 1916, с. 28—29), избранная здесь для демонстрации клюевского «шовинизма», на самом деле иллюстрирует прямо противоположное — тягу к единению славянских народов перед лицом общего врага в первой мировой войне. Слово «похула» употреблено здесь в смысле «укор»: стихотворение Клюева написано в дни захвата Польши немецкими войсками, так что «алый жупан» — это одежда поляка, обагренная его пролитой врагами кровью... (См. также полный текст клюевской «Руси».) Видимо, Есенин, вспомнив об этом, зачеркнул написанное — и, в конце концов, так и не дописал свое письмо, оставив его неотправленным.

109. *Г.А.Бениславской.* 5 октября 1921 г. (с. 127).— Хроника, 2, 246.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Я очень и очень бы хотел, чтоб Вы пришли сегодня... — Есенин пригласил Бениславскую 5 окт. 1921 г., в день, когда народный суд г. Орла вынес решение о расторжении брака Есенина и З.Н.Райх (подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

За д... Спасибо.— Имеется предположение о чтении сокращенного слова: «за деньги» (Флор-Есенина Т.— Газ. «Ветеран», М., 1990, 3 окт., № 40; Письма, 103). Племянница поэта Т.П.Флор-Есенина связывала этот

долг Есенина с Библией, подаренной им через три дня Бениславской. На Библии та сделала надпись: «Эта Библия Есенина; дал мне на Богословском пер., д. 3, кв. 43 (ныне 46). 8 октября 1921 г.» (Собрание ГМЗЕ). Однако слово «деньги» в личной записке вряд ли нуждалось в сокращении. Вероятнее другое прочтение: «за девственность». Основанием такого прочтения может быть подаренная через три дня Библия в сопоставлении с дневниковой записью Бениславской, сделанной год спустя, 3 окт. 1922 г., когда Есенин был за границей с А.Дункан: «Завтра „его рождение“ <Есенин отмечал свой день рождения 4 окт.>. „Спасибо за д.“. 27 лет» (Материалы, с. 110). Из этой записи следует, что «д» Есенин расценил как подарок к дню его рождения.

В своих воспоминаниях о поэте Бениславская заключала это слово в кавычки, как принадлежащее Есенину, рассказывая о его переживаниях за свою сестру Катю (Материалы, с. 79). Здесь же, описывая вспыхнувшее к нему чувство после вечера в Политехническом музее в середине нояб. 1920 г., где она слушала Есенина, Бениславская отметила: «В 1920 г. мне было 23 года. Единственное увлечение до тех пор я испытала в 1916 г. Как мне вообще свойственно, это был порыв. Были даже поцелуи. Но через два месяца всякое чувство само собой прошло. <...> В этот же вечер отчетливо поняла — здесь все могу отдать: и принципы (не выходить замуж), и — тело (чего до сих пор не могла даже представить себе)» (Материалы, с. 22). «Узнав, что он „свободен“, для меня ясно, что раз никаких внешних преград нет, то я пойду на все» (Материалы, с. 27).

Без — на этом слове текст записки закончен. Далее следуют подпись и дата.

110. *А.Б.Мариенгофу и Г.Р.Колобову.* 19 ноября 1921 г. (с. 127).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 154—155, публ. Г.Маквея (с неточностями); фамилия адресата (А.Б.Ма-

риенгоф) и год написания письма даны под знаком вопроса. Правильная датировка — Есенин 6 (1980), с. 110; фамилия второго адресата письма (И.И.Старцев), названная там же, ошибочна.

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

Датируется по началу фразы «Сегодня, 19 ноября...» и по упоминанию фамилии А.Дункан в сочетании с контекстом письма. Адресаты установлены по содержанию (см. реальный коммент.).

Варшава наша! ∾ письмо от Лившица ∾ оттиск наших переведенных стихов на еврейский язык...— Как письмо, о котором идет речь, так и какие-либо сведения о его авторе неизвестны. Из слов Есенина тем не менее явствует, что это письмо было получено (скорее всего, из Варшавы) от издателя переводов (или переводчика?) стихов Есенина и Мариенгофа на идиш. Присланные одновременно деньги и продукты могли быть гонораром за публикацию этих переводов либо авансом за предполагавшуюся к изданию книгу. Ср. ниже: «А книгу всё печатают и печатают».

...с «Исповедью хулигана» и «Разочарованием».— Маленькая поэма Есенина была написана в нояб. 1920, опубликована в одноименной книге поэта, [М.], 1921 (вышла в конце дек. 1920 — начале янв. 1921 г.) и в коллективном сборнике «Золотой кипяток», М., 1921 (вышел до 21 янв.). Маленькая поэма Мариенгофа написана в авг. 1921 и напечатана в одноименном сборнике, [М.], 1922. Прижизненные переводы произведений Есенина и Мариенгофа «на еврейский язык» не выявлены. В 1933 г. в Варшаве был выпущен на идише небольшой сборник Есенина «Избранные стихотворения».

Америка делает нам предложение через Ригу. Вена выпускает к пасхе сборник на немецком...— По-видимому, в письме Лившица говорилось о ходе реализации проектов издания переводов стихов Есенина и Мариенгофа в

Европе и Америке. О сути «американского» предложения сведений нет. Книга немецких переводов в Вене не выходила.

... Берлин в лице Верфеля бьет челом нашей гениальности.— Возможно, речь идет об отклике Ф.Верфеля на поэзию имажинистов в немецкой печати. Этот отклик не выявлен.

Что там Персия? Какая Персия? — Есенин мечтал побывать в Персии. Мариенгоф писал: «В начале зимы <1922 г.> Почем-Соль <Г.Р.Колобов> должен был уехать на Кавказ. Стали обдумывать, как вытащить из Москвы Есенина. Соблазняли и соблазнили Персией (Мой век, с. 393). Поездка, о которой идет речь, сорвалась (см. п. 113 и коммент. к нему).

Это Вам не кондукторы из Батума, а В а г о н о в о ж а т ы е М и р а!!! — Очевидно, Есенин вспоминает какой-то эпизод из поездок в вагоне Колобова в 1920—1921 гг., одновременно обыгрывая строки стихов В.Г.Шершеневича из книги «Лошадь как лошадь» (1920):

Вадим Габриэлевич — вагоновожатый веселий...
(«Квартет тем»);
Я — кондуктор событий, я — кондуктор без крылий,
Грешен ли, что вожатый сломал наш вагон?!
(«Принцип растекающейся темы»).

Клопиков.— Это дружеское прозвище Г.Р.Колобова, что с несомненностью явствует из последующего текста. В то время Есенин, Мариенгоф и Колобов жили на одной квартире.

...как же это ты так обмазался своей кондукторшей? ∾ Неужели шведская кровь...— Речь идет о будущей жене Колобова Л.И.Эрн, у которой были шведские корни. Мариенгоф вспоминал: «Почем-Соль влюбился. Бреет голову, меняет пестрые туркестанские тюбетейки, начищает сапоги американским кремом и пудрит нос. Из

бухарского белого шелка сшил рубашки, длинные, на грузинский фасон.

Собственно, я виновник этого несчастья. Ведь знал, что Почем-Соль любит хорошие вещи.

А та, с которой я его познакомил, именно хорошая Вещь. Ею приятно обставить квартиру. <...>

Очень страшно, если он возьмет Вещь в жены, чтобы украсить свое купе. <...>

По вечерам мы с Есениным беспокоимся за его судьбу. Есенин, как в прошлые дни, говорит:

— Пропадает парень... пла-а-а-кать хочется!» (Мой век, с. 388).

«У Вещи нос искусной формы и мягкие золотистые волосы, губы хорошо нарисованы яркой масляной краской, а глаза — прозрачной голубой акварелью. Они недружелюбные, как нежилая нетопленая комната. <...>

Когда Почем-Соль начинал шумно вздыхать, у большой Вещи на носу собирались сердитые складочки:

— Пожалуйста, осторожней! Ты разобьешь мое баккара.

В таких случаях я не мог удержаться, чтобы не съязвить:

— А пузыречки вовсе не баккара, а Брока́ра.

До революции была такая фирма парфюмерная» (там же, с. 393—394).

Живу, Ваня, отвратно.— Судя по п. 107 (см. также коммент. к нему), Мариенгофа в кругу друзей иногда называли Ваней.

Дункан меня заездила до того, что я стал походить на изнасилованного.— Е.Я.Стырская так писала об отношениях Есенина и А.Дункан в конце 1921 — первой половине 1922 г.: «Есенин был последней любовью Айседоры Дункан. <...> Она старалась уберечь ото всех свою последнюю любовь. <...> В нашем кругу ходили злые слухи об особняке на Пречистенке — один нелепее другого. Якобы Дункан спаивает Есенина, якобы Есенин живет

на деньги стареющей женщины, якобы она не дает ему работать, оторвала его от друзей, от литературы, от революции... Многие прекратили общаться с Есениным. Эти слухи достигли его, наполнив сердце яростью, печалью и отчаянием. И постепенно он отдалился ото всех. Встречи с Есениным становились все реже. Встречаясь, он был холоден и рассеян, замкнут и хвастлив. <...> Есенин пришел ко мне поздно вечером. <...>

— Что с тобой, Сергей, любовь, страдания, безумие?

Он посмотрел на меня исподлобья и сказал тихо, запинаясь и тяжело вздыхая:

— Не знаю. Ничего похожего с тем, что было в моей жизни до сих пор. Айседора имеет надо мной дьявольскую власть. Когда я ухожу, то думаю, что никогда больше не вернусь, а назавтра или послезавтра я возвращаюсь. Мне часто кажется, что я ее ненавижу. <...>

И все-таки я к ней возвращаюсь. <...> Я ко всем холоден! Она стара... Ну, если уж... Но мне интересно жить с ней и мне это нравится... Знаешь, она иногда совсем молодая, совсем молодая. Она удовлетворяет меня и любит и живет по-молодому. После нее молодые мне кажутся скучными — ты не поверишь.

— Почему же ты тогда от нее убегаешь?

— Не знаю. Не нахожу ответа. Иногда мне хочется разнести все в Балашовском особняке <на Пречистенке>, камня на камне не оставить. И ее в пыль!» (Газ. «Welt am Abend», Берлин, 1928, 13 дек.— 1929, 2 янв., пер. Л.Г.Григорьевой).

А книгу всё печатают и печатают.— Из контекста письма явствует, что здесь, скорее всего, имеется в виду издание сборника стихов Есенина и Мариенгофа на идише (см. выше).

Кузя.— Вероятно, эта подпись носит шуточный характер. В окружении Есенина было принято давать друг другу шуточные прозвища: Мариенгофа называли Рыжим, Гунтером, Ваней, его жену А.Б.Никритину — Мартыш-

кой, Мартыном, Мартышоном, Есенина — Вяткой, А.М.Сахарова — Сакшóй, Г.Р.Колобова — Почем-Солью.

111. *Н.А.Клюеву*. Декабрь 1921 г. (с. 129).— РЛ, 1958, № 2, с. 166 (в статье Н. Хомчук «Есенин и Клюев: (По неопубликованным материалам)», с неверной датой).

Печатается по автографу (ИРЛИ).

Мир тебе, друг мой! ∾ *Целую тебя...*— Клюев ответил 28 янв. 1922 г.: «Ты послал мне мир и поцелуй братский, ты говорил обо мне болезные слова <...> — за это тебе кланяюсь земно, брат мой великий! <...>

Человек, которого я послал к тебе с весточкой <...>, повелел мне не плакать о тебе, а лишь молиться. К удивлению моему, как о много возлюбившем.

Кого? Не Дункан ли, не Мариенгофа ли, которые мне так ненавистны за близость к тебе <...>.

Семь покрывал выткала Матерь-жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а заветным. Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный калым за Невесту-песню.

Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обреченный на заклание за Россию, за Иерусалим, сошедший с неба.

Молюсь лику твоему невещественному.

Много слез пролито мною за эти годы. Много ран на мне святых и грехом смердящих, много потерь невозвратных, но тебя потерять — отдать Мариенгофу, как сноп васильковый, как душу сусека, жаворонковой межи, правды нашей, милый, страшно, а уж про боль да про скорбь говорить нечего. <...>

Сереженька, душа моя у твоих ног. Не пинай ее! За твое доброе слово я готов пощадить даже Мариенгофа, он дождется несчастия» (Письма, 216—217).

Другие фрагменты этого письма см. в коммент. к пп. 114 и 118.

112. *М.Д.Ройзману*. 1921 г. (с. 129).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 8, в статье М.Ройзмана «Книжная лавка».

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. М.Д.Ройзмана).

Датируется по воспоминаниям адресата (см. ниже).

Мы забрали твой миллиард триста, а ты получи завтра.— Речь идет о деньгах из кафе «Стойло Пегаса». Ройзман вспоминал: «Сергей нередко писал мне „хозяйственные“ записки. И вот одна из них, оставленная мне в 1921 году...» (Восп.-65, с. 255).

На журнале сочтемся.— «На одном из первых заседаний ассоциации вольнодумцев было постановлено издавать два журнала: тонкий, который начал выходить <в 1922 г.> под названием „Гостиница для путешествующих в прекрасном“, и толстый, которому Есенин дал название „Вольнодумец“ и взял его редактирование лично на себя» (Восп.-65, с. 255).

113. *А.Б.Мариенгофу*. Февраль 1922 г. (с. 129).— Мариенгоф, с. 126 (с купюрами); журн. «Наше наследие», М., 1990, № III (15), с. 118 (публ. С.В.Шумихина; факсимиле — там же, с. 115—117).

Печатается по автографу (РГАЛИ).

Датируется по воспоминаниям Н.О.Александровой (урожд. Гербстман), где кратко описан «приезд Есенина в Ростов в феврале 1922 года» (Восп., 1, 420).

...ты вляпал меня во всю эту историю.— Мариенгоф вспоминал: «В начале зимы <1922 г.> Почем-Соль должен был уехать на Кавказ. <...> На го́ре Есенин опоздал к поезду.

Почем-Соль пожертвовал Левой <своим помощником> в инженерной фуражке.

После третьего звонка беднягу высадили из вагона с тем, чтобы, захватив Есенина, догонял вместе с ним вагон в Ростове.

Выбрались они из Москвы дней через семь» (Мой век, с. 393).

...я в Ростове. Сижу у Нины ∾ Вагон ваш, конечно, улетел ∾ В четверг еду в Тифлис...— Речь идет о ростовской знакомой Есенина Н.Гербстман (в замужестве Александровой), которая вспоминала в 1965 г.: «Второй приезд Есенина в Ростов в феврале 1922 года был очень коротким. Он провел в нашем городе всего один день в ожидании вагона, который должен был увезти его в Баку <в Тифлис>. <...> Вагона не было, и намеченная Есениным поездка не состоялась» (Восп., 1, 420, 421).

Мариенгоф писал: «А на другой день после получения этого письма заявился обратно в Москву и Есенин самолично» (Мой век, с. 393).

«Сегёжа» — Лёва, помощник Колобова. Так его передразнивал Есенин.

... чтоб он выкупил мое ружье...— По-видимому, ружье было заложено в ломбарде или у частного ростовщика. Конкретных сведений об этом нет.

114. *Иванову-Разумнику*. 6 марта 1922 г. (с. 130).— РЛ, 1958, № 2, с. 167—168, в статье Н.Хомчук «Есенин и Клюев: (По неопубликованным материалам)» (в извлечениях); полностью — Есенин 5 (1962), с. 151—153.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. Р.В.Иванова-Разумника).

Очень и очень обрадовался Вашему письму. ∾ Журналу Вашему или сборнику обрадовался тоже чрезвычайно.— Очевидно, адресат сообщал Есенину о задуманном им новом издании. Скорее всего, речь шла о журнале «Эпоха», первый номер которого намечалось выпустить в марте 1922 г. (о его содержании и о сохранившемся перечне имен предполагаемых его авторов, где значилась и фамилия Есенина, см. кн. «Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В.Лаврова и Джона Мальмстада», СПб.: Atheneum;

Феникс, 1998, с. 15). Утверждение, что этим изданием был проектируемый журнал «Основы» под редакцией Иванова-Разумника и С.Д.Мстиславского (Есенин 5 (1962), с. 348; Есенин 5 (1968), с. 282; Есенин 3 (1970), с. 250 и др.), опровергается сведениями, сообщенными С.Д.Мстиславским в его объяснительной записке по поводу организации указанного журнала (см.: РГАЛИ, ф. 306, оп. 1, ед. хр. 271. лл. 3, об.-4). Как «Основы», так и «Эпоха» в свет не вышли.

...хочется опять немного потесней «в семью едину»...— Отзвук стихотворения А.С.Пушкина «Чем чаще празднует лицей...» (1831):

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину...

(Пушкин 1917, стб. 278).

...надоело вертеться с моей пустозвонной братией...— т. е. с соратниками по имажинизму.

...Клюев засыхает ∾ в своей Баобабии. — Аллюзия на строки из стихотворения Клюева «На помин олонецким бабам...» (1921): «Я под огненным баобабом // Мозг ковриги и звезд постиг!», процитированные автором в его письме Есенину от 28 янв. 1922 г. (Письма, 218). Возможно, неологизм «Баобабия» возник здесь «в параллель» с неологизмом А.Белого в словосочетании «безбаобабные строки», появившемся в его статье о творчестве В.Ходасевича, о которой также идет речь в данном письме (см. ниже).

Письма мне он пишет отчаянные.— Из них известно лишь одно — только что упомянутое (текст — Письма, 216–219).

Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду.— Клюев писал: «...теперь я нищий, оборванный, изнемогающий от постоянного недоедания полустарик. Граж-

данского пайка лишен, средств для прожития никаких. Я целые месяцы сижу на хлебе пополам с соломой, запивая его кипятком, бессчётные ночи плачу один-одинешенек и прошу Бога только о непостыдной и мирной смерти.

Не знаю, как переживу эту зиму. В Питере мне говорили, что я имею право на академический паек, но как его заполучить, я не знаю. Всякие Исполкомы и Политпросветы здесь, в глухомани уездной, не имеют никакого понятия обо мне, как о писателе, они набиты самым темным, звериным людом, опухшим от самогонки.

Я погибаю, брат мой, бессмысленно и безобразно» (Письма, 218).

Я ∾ послал 10 милл<ионов> *руб. ∾ и 10 — Луначарский.*— Сведений о получении этих денег в архиве Клюева не сохранилось.

Или «ризы души своей» боится замарать...— В стихотворении Клюева «Полунощница» (1912) есть строка: «Не запачканы ль где ризы чистые» (Клюев Н. Песнослов. Книга первая. Пг., 1919, с. 75). Однако раздраженный тон Есенина вызван не этими, а другими словами — в клюевском письме к нему есть такой абзац:

«Ты действительно победил пиджачных бесов, а не убежал от них, как я,— трепещущий за чистоту риз своих. Ты — Никола, а я Касьян, тебе все праздники и звоны на Руси, а мне в три года раз именины» (Письма, 217). Клюевское уподобление здесь связано с тем, что св. Николай Чудотворец является одним из самых чтимых святых на Руси, тогда как память преподобного Кассиана (Касьяна) празднуется лишь в високосные годы.

«Рим» ∾ Вы так тепло о нем отозвались...— Иванов-Разумник посвятил поэме Клюева «Четвертый Рим» один из разделов своей статьи «„Три богатыря“», где, в частности, писал:

«Неожиданного в ней <поэме> нет ничего для знакомых с последними годами творчества этого поэта <...>; осознавший свою силу Илья Муромец размахивается в пос-

ледних своих стихах и бьет, как в былинах, „по чем по́падя“. Впрочем, Илья по силе (сила — громадная!), он скорее Алеша Попович по хитрости: раньше пробовал рядиться он „в платье варяжское“, да скоро увидел, что сила его — в своем, исконном, и не без лукавства сильно ударил по этой струне своего творчества. И силу свою — осознал:

Зырянин с душой нумидийской —
Я родной, мужицкий поэт...

<строки из „Четвертого Рима“>. <...> Самонадеян захват поэмы; но Клюев — имеет право на самонадеянность: силач!» (журн. «Летопись Дома Литераторов», Пг., 1922, № 7, 1 февр., с. 5).

Безвкусно и безграмотно ∾ *со стороны формы.*— Это пристрастное суждение вызвано, скорее всего, не формальной, а содержательной стороной поэмы Клюева, которая, по сути, является негативным откликом на есенинскую «Исповедь хулигана». Ср.:

Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и в лаковых башмаках.
Предстану миру в песню одетым
С медвежьим солнцем в зрачках.
. . . .
Не хочу быть лакированным поэтом
С обезьяньей славой на лбу!
. . . .
Блюду я, вечен и неизменен,
Печные крепи, гумна пяту.
Пилою-рыбой кружит Есенин,
Меж ласт родимых ища мету.
. . . .
Анафема, Анафема вам,
Башмаки с безглазым цилиндром!

(Клюев Н. Четвертый Рим. Пб.: Эпоха, 1922, с. 9, 16, 21).

«Молитв молоко» ∾ *Шершеневич со своими «бутербродами любви».*— Строки из «Четвертого Рима» (там же, с. 10):

> А сердце — изба, бревна сцеплены в лапу,
> Там горница — ангелов пир,
> И точат иконы рублевскую вапу,
> Молитв молоко и влюбленности сыр,—

сравниваются здесь со следующим местом из поэмы В.Шершеневича «Вечный жид» (1919):

> ...ласки хрустящих любимых
> Облепили меня, как икра бутерброд.

(В кн. В.Шершеневича «Вечный жид: Трагедия великолепного отчаяния», [М.]: Чихи-Пихи, [1919], с. [7]).

По мнению исследователя творчества Клюева Л.А.Киселевой, «„бутерброды любви“ — этот образ уже на лексическом уровне обнаруживает эклектическую свою природу и достаточно циничный смысл; тогда как „молитв молоко“ и „влюбленности сыр“ не просто органичны и закономерны в клюевской поэтике (ср.:„Блинный сад благоуханен...“; „Щаный сад весь в гнездах дум грачиных...“ <строки из стихотворений поэта>), но мощно вписаны в тот культурный контекст, в котором и Богородица традиционно именуется „пищным раем“» (подробнее см. в кн. «Николай Клюев: Исследования и материалы», М.: Наследие, 1997, с. 195 и сл.).

Сам знаю, в чем его сила и в чем правда.— Это ответ Есенина на слова критика из его «„Трех богатырей“»: «Силу свою он <Клюев> осознал, он знает, в чем и где она; взяв эпиграфом строки Сергея Есенина: „А теперь хожу в цилиндре и в лаковых башмаках“, он обрушивается на эти символические башмаки и цилиндр...» (журн. «Летопись Дома Литераторов», Пг., 1922, № 7, 1 февр., с. 5).

Только бы вот выбить из него эту оптинскую дурь...— Усматривается связь этих слов с фразой из письма Есенина тому же адресату конца дек. 1917 г. (п. 86): «...черт с ним, с Серафимом Саровским, с которым он <Клюев> так носится...» (с. 100 наст. тома) — «ведь именно Серафим Саровский был духовным отцом оптинского старчества» (наблюдение Л.А.Киселевой в кн. «Николай Клюев...», с. 190). См. также наст изд., т. 5, с. 207 и 487.

...как из Белого — Штейнера...— А.Белый в те годы был активным сторонником и проводником в жизнь антропософского учения Р.Штейнера. Испытавший в ранней юности определенное увлечение теософскими идеями (см. пп. 21 и 22 и коммент. к ним), Есенин не раз беседовал на соответствующие темы с А.Белым (подробнее об этом см. коммент. к п. 108). В «Раккурсе к дневнику» А.Белого под датой: «1918. Март» записано: «...переезд в Москву Есенина; частые встречи с Есениным; Есенин начинает часто бывать в помещении А<нтропософского> О<бщества>; и даже присутствует при „Эвритмии“» (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед.хр. 100, л. 92). Кружок эвритмии, т. е. искусства сделать слово зримым через движение тела, вела тогда М.В.Сабашникова, в воспоминаниях которой есть несколько слов о ее знакомстве с Есениным (через А.Белого; скорее всего, в Антропософском обществе) — см. ее кн. «Зеленая змея: История одной жизни / Пер. с нем. М.Н.Жемчужниковой», М.: ЭНИГМА, 1993, с. 261–262.

Саркастический оттенок комментируемых слов Есенина свидетельствует, что к тому времени он уже пришел к неприятию тео- и антропософской идеологии и практики.

...*«Избяные песни»*.— Этот цикл, опубликованный в Ск-2 (см. о нем, в частности, п. 86 и коммент. к нему), впоследствии открыл вторую книгу собрания стихотворений Клюева в несколько измененном по ср. со Ск-2 виде. В состав «Избяных песен» автор включил следующие 15

стихотворений: «Четыре вдовицы к усопшей пришли...»; «Лежанка ждет кота, пузан-горшок хозяйку...»; «Осиротела печь, заплаканный горшок...»; «„Умерла мама“ — два шелестных слова...»; «Шесток для кота — что амбар для попа...»; «Весь день поучатися правде Твоей...»; «Хорошо ввечеру при лампадке...»; «Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных...»;«От сутёмок до звезд и от звезд до зари...»; «Бродит темень по избе...»; «Зима изгрызла бок у стога...»; «В селе Красный Волок пригожий народ...»; «Коврига свежа и духмяна...»; «Вешние капели, солнопёк и хмара...»; «Ворон грает к теплу, а сорока к гостям...» (Клюев Н. Песнослов. Книга вторая. Пг., 1919, с. 5—31).

Дошли до того, что Ходасевич стал первоклассным поэтом. ∾ *Сам Белый его заметил...*— Недоброжелательная окраска этих слов, скорее всего, вызвана тем, что в статье А.Белого с апологетическим названием «Рембрандтова правда наших дней» Есенин оказался среди поэтов, предпочтение перед которыми было отдано Ходасевичу:

«...недавно испытывал редкую радость я: слушал стихи <...>. Стихи принадлежали поэту не новому,— и поэту без пестроты оперения — просто *поэту*. В поэте жила одна нота, которая переживает *новейшее*, ибо *новейшее* не выживает, *новейшее* при появлении *самоновейшего* старится; да, пятнадцать уж лет как господствует в поэзии спорт; *самоновейшее* вытесняет *новейшее*; и поэту, которому не пришлось быть *новейшим* сначала, не уделяли внимания; некогда было заняться им: не до него — Маяковский „*штанил*“ в облаках преталантливо; и отелился Есенин на небе — талантливо, что говорить; Клюев <...> развел баобабы на севере так преталантливо, почти гениально, что нам не было время <так!> вдуматься в *безбаобабные* строки простого поэта, в котором правдивость, стыдливость и скромная гордость как будто нарочно себя отстраняют от конкурса на *лавровый венок*. И вот —

диво: лавровый венок — сам собою на нем точно вырос <...>.

Он <Ходасевич>, стоя на месте и не стремясь в новизны, углублял и чеканил гравюрою неколоритные строчки, казалось бы... до классицизма, до стилизации? Нет: до последней черты правдивейшего отношения к себе, как к поэту <...>.

Про Ходасевича говорят: „Да, и он поэт тоже"... И хочется крикнуть: „Не тоже, а *поэт Божьей милостью, единственный в своем роде*"» (журн. «Записки мечтателей», Пб., 1922, № 5, с. 136, 137, 139; выделено автором).

...и, в Германию отъезжая, благословил.— Ср. с пушкинским: «Старик Державин нас заметил // И, в гроб сходя, благословил» («Евгений Онегин», гл. 8, строфа II — Пушкин 1917, стб. 759). Белый выехал в Берлин из Москвы 20 окт. 1921 г. («Андрей Белый: Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В.Лавров».— В кн. А.В.Лаврова «Андрей Белый в 1900-е годы», М., 1995, с. 319).

Рогачевские и Сакулины...— Употребление имен В.Л.Львова-Рогачевского и П.Н.Сакулина — ведущих литературных критиков-марксистов тех лет — в собирательном смысле (ср. со словами «какой-нибудь эго-мережковский» в п. 82, с. 95 наст. тома).

...видишь алжирского бея с шишкой под носом...— Образ из «Записок сумасшедшего» Гоголя, возникавший и в более раннем (неотправленном) письме Есенина Иванову-Разумнику (май 1921 г.); см. с. 126 наст. тома.

Нравы ∾ миргородские ∾ вбежит свинья ∾ документ съест ∾ бекеши со смушками.— Подчеркнутые переклички с гоголевской «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834); соответствующие места см.: Гоголь I, с. 312, 291.

Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда.— Вскоре такая возможность открылась: 17 марта 1922 г.

Есенин обратился с заявлением на имя народного комиссара по просвещению с просьбой ходатайствовать о выдаче ему заграничного паспорта для поездки в Берлин «по делу издания книг» (Письма, 108; наст. изд., т. 7, кн. 2). Просьба была удовлетворена, и 10 мая 1922 г. поэт выехал из России вместе с А.Дункан. См. также коммент. к п. 117.

...перечитывал «Серебряного голубя». — Речь идет о книге А.Белого «Серебряный голубь» (М.: Скорпион, 1910), имевшей в этом издании подзаголовок — «Повесть в 7-ми главах».

...стали ходить и беспокоить разные бездельники, вплоть до Рукавишникова.— И.С.Рукавишников и Есенин познакомились после переезда Есенина из Петрограда в Москву: оба они были среди членов и гостей «Дворца искусств», подписавших 27 марта 1919 г. приветственный адрес М.Горькому в связи с его 50-летием (Музей-квартира А.М.Горького в Москве). 28 апр. 1919 г. Есенин подал во «Дворец искусств», возглавлявшийся Рукавишниковым, заявление с просьбой о вступлении в эту организацию (наст. изд., т. 7, кн. 2). Одно из публичных выступлений Есенина во «Дворце искусств» состоялось 1 мая 1919 г. на вечере поэтов, посвященном «Празднику труда» («Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов», 1919, 3 мая, № 231).

...внутри назрела снова большая вещь.— И.И.Старцев — один из свидетелей реализации начального этапа этого замысла Есенина — писал: «Есенин долго готовился к поэме „Страна негодяев“, всесторонне обдумывая сюжет и порядок событий в ней. Мысль о написании этой поэмы появилась у него тотчас же по выходе „Пугачева“. По первоначальному замыслу поэма должна была широко охватить революционные события в России с героическими эпизодами гражданской войны. Главными действующими лицами в поэме должны были быть Ленин, Махно и бунтующие мужики на фоне хозяйственной разрухи, голода,

холода и прочих „кризисов“ первых годов революции. Он мне читал тогда же набросанное вчерне вступление к этой поэме: приезд автора в глухую провинцию метельной ночью на постоялый двор, но аналогичное по схеме начало в „Пугачеве“ его смущало, и он этот отрывок вскоре уничтожил. От этого отрывка осталось у меня в памяти сравнение поэта с синицей, которая хвасталась, но море не зажгла. Обдумывая поэму, он опасался впасть в отвлеченность, намереваясь подойти конкретно и вплотную к описываемым событиям. Ссылаясь на „Двенадцать“ Блока, он говорил о том, как легко надорваться над простой с первого взгляда и космической по существу темой. Поэму эту он так и не написал в ту зиму <1921–1922 гг.> и только уже по возвращении из-за границы читал из нее один отрывок. Первоначальный замысел этой поэмы у него разбрелся по отдельным вещам: „Гуляй-поле“ и „Страна негодяев“ в существующем тексте» (Восп., 1, 414).

...пришлю ∾ несколько стихотворений.— Было ли выполнено это намерение, установить не удалось — в сохранившейся части архива Иванова-Разумника (ИРЛИ) ни одного есенинского стихотворения, написанного рукой автора, нет.

Об Арс<ении> Авраамове я слышал ∾ что сегодня он в Темир-Хан-Шуре, а завтра ∾ в Баку.— Очевидно, это ответ на вопрос Иванова-Разумника, заданный именно Есенину потому, что А.Авраамов в то время сотрудничал с имажинистами. Подпись Авраамова стояла, в частности, под текстом листовки-обращения «Имажинисты всех стран, соединяйтесь!..» (наст. изд., т. 7, кн. 2). Издательством «Имажинисты» была выпущена его книга «Воплощение: Есенин — Мариенгоф» (М., 1921). В том же году его имя значилось в списке научной экспедиции Российской Академии Наук, посланной на Кавказ «с целью изучения племенного состава, языков, быта и народного творчества горских народностей» (ГАРФ, ф. 2307, оп. 2, ед. хр. 27, л. 100). Как музыкальный фольклорист, Авра-

амов собирал материалы для акустического изучения музыкальных ладов кавказских народов не только в 1921—1922 гг., но и в последующие годы, путешествуя с этой целью по всему Кавказу; о некоторых его тогдашних маршрутах и говорит здесь Есенин. Темир-Хан-Шура (с 1922 г.— Буйнакск) — населенный пункт в Дагестане.

Привет Варваре Николаевне и детям.— Т. е. В.Н., Л.Р. и И.Р. Ивановым, членам семьи адресата.

115. *С.Т.Григорьеву*. 6 марта 1922 г. (с. 134).— Есенин 6 (1980), с. 116.

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

...проведите еще 100 экз<емпляров> *«Пугачева»*.— Среди многочисленных книг адресата письма есть две книги, выпущенные имажинистами,— «Образ Коненкова» (М., 1921) и «Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф» ([М.]: СААВ, [1921]). Содержание этих сочинений свидетельствует о довольно близком знакомстве их автора с Есениным и его сотоварищами по группе. Но в том же 1921 г. Григорьев становится, по его собственным словам, «красным купцом», заняв должность доверенного «междуведомственного универсального магазина» (МУМ), вскоре преобразованного в ГУМ. В этом магазине он ведал книжной частью, будучи заведующим книжным и писчебумажным магазином ГУМа вплоть до осени 1922 г. (сведения — из автобиографии адресата: РГАЛИ, ф. С.Т.Григорьева). В комментируемом письме Есенин, очевидно, обращается к Григорьеву не как к литератору, а как к книготорговцу, с просьбой — выплатить деньги за свои книги, оформив их, скажем, как проданные через магазин, которым тот ведал. Выполнил ли Григорьев просьбу поэта — неизвестно.

116. *Е.А.Есениной*. 25 апреля 1922 г. (с. 134).— Журн. «Октябрь», М., 1958, № 5, май, с. 189 (в статье

В.Белоусова «Сергей Есенин за границей: (Новые материалы к биографии)» (частично); Есенин 5 (1962), с. 154 (полностью).

Печатается по автографу (РГБ).

...перед отъездом...— Имеется в виду отъезд за границу. Подробнее об этом — в коммент. к п. 117.

117. *А.Б.Кусикову*. До 5 мая 1922 г. (с. 134).— Есенин 5 (1962), с. 154.

Печатается по автографу (РГАЛИ), являвшемуся исходным текстом телеграммы. Эта телеграмма была отправлена; об изложении ее содержания в печати см. реальный коммент.

Датируется по фразе «Пятого мая выезжаю», причем «Пятого мая» вписано рукой неустановленного лица вместо зачеркнутого: «В пятницу». 5 мая 1922 г. действительно приходилось на пятницу. Поскольку адресат получил телеграмму именно со словами «пятого мая» (см. ниже), в ее основном тексте они сохранены.

Пятого мая выезжаю.— 17 марта 1922 г. Есенин в заявлении на имя А.В.Луначарского просил его «ходатайства перед Наркоминоделом о выдаче <...> заграничного паспорта для поездки на трехмесячный срок в Берлин» (Письма, 108). 3 апр. постановлением комиссии по рассмотрению заграничных командировок поэту разрешена поездка в Германию сроком на 3 месяца (Есенин 6 (1980), с. 453). 21 апр. Наркомпрос, сообщая в НКИД о командировании Есенина в Германию, «просит выдать ему заграничный паспорт» (Письма, 325) и одновременно выписывает поэту мандат, в котором «просит всех представителей советской власти, военных и гражданских, оказывать С.А.Есенину всяческое содействие» (Письма, 220). 25 апр. Есенин получил заграничный паспорт № 5072 (Хроника, 2, 41).

5 мая поэт отправил Н.А.Клюеву письмо со словами: «Недели через две я еду в Берлин...» На самом деле

Есенин и А.Дункан из Москвы вылетели на самолете утром 10 мая. Это подробно описано в газ. «Рабочий», М., 1922, 11 мая, № 56 (см. также: журн. «Театральная Москва», 1922, № 40, 16—21 мая, с. 16; Восп.-65, с. 54—55 и др.). Об их прилете в Германию сообщили многие эмигрантские газеты (Нак., 12 мая, № 38, с. 6; 14 мая, № 40, с. 3; ПН, 13 мая, № 636, с. 3: 14 мая, № 637, с. 2; 16 мая, № 638, с. 2 и др.)

Сделай объявление в газетах о предстоящем нашем вечере на обоих языках.— 7 мая в «Литературном приложении» № 2 к Нак. № 34, в разделе «Литературная хроника» было напечатано следующее сообщение: «Московская „Ассоциация Вольнодумцев“ прислала на имя находящегося в Берлине поэта Александра Кусикова телеграмму с извещением, что Сергей Есенин выезжает 5 мая из Москвы в Берлин. В Берлине предполагаются доклады об „Имажинизме и революционной поэзии“ С.Есенина и А.Кусикова» (с. 12).

Объявление на немецком языке не обнаружено.

118. *Н.А.Клюеву*. 5 мая 1922 г. (с. 135).— РЛ, 1958, № 2, с. 166—167, в статье Н.И.Хомчук «Есенин и Клюев (по неопубликованным материалам)», не полностью, с неверной датой («7 мая 1922 г.»); полный текст, с адекватной датой — Есенин 5 (1962), с. 154—156.

Печатается по автографу (ИРЛИ).

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Москва. 5.5.22».

...что было возможно, я устроил ∾ с деньгами...— Более конкретно об этой помощи см. п. 114 (с. 129 наст. тома).

...и с посылкой от «Ара».— Так называлась (по первым буквам официального именования на англ. яз.) «American Relief Administration», организация, действовавшая в 1919—1923 гг. в Европе, а с 1921 г.— и в Советской России. Она декларировала своей целью оказа-

ние разнообразной помощи (в т. ч. продовольственной) странам, понесшим урон во время первой мировой войны. В п. 114 Есенин называет эту посылку «пайком»: в нее входили консервы, сахар и т. п. продукты долгосрочного хранения. См. также коммент. к п. 120.

На днях вышлю еще 5 милл<ионов>.— Осуществилось ли это намерение, неизвестно.

Недели через две я еду в Берлин, вернусь ∾ позднее.— Эти слова, возможно, свидетельствуют, что письмо Клюеву было отправлено далеко не сразу после того, как оно было написано: ср. со словами из телеграммы А.Кусикову (п. 117): «Пятого мая выезжаю». Есенин отбыл из Москвы 10 мая 1922 г., а вернулся обратно 3 авг. 1923 г.

Оттуда постараюсь ∾ переслать тебе то, что причитается со «Скифов».— Ответ на слова Клюева в его письме от 28 янв. 1922 г.: «„Скифы“ заграничные молчат» (Письма, 218). Клюев в то время ожидал из Берлина выплаты гонорара за выпущенные издательством «Скифы» книги его стихов «Избяные песни» (1920) и «Песнь Солнценосца» (1920). Согласно сведениям, сохранившимся среди материалов архива Клюева, денег из-за границы он так и не дождался (см. его заявление в издательство «Скифы» от 14 нояб. 1924 г.— сб. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1972, № 4, p. 383; публ. Г.Маквея).

...возьму у них твою книгу...— Возможно, речь идет еще об одной книге Клюева — «Львиный хлеб», о предстоящем выпуске которой берлинское издательство «Скифы» объявило в печати (Нак., 1922, 26 марта, № 1). Хотя эта книга как будто бы вышла в свет, экземпляры ее не встречаются.

Перед отъездом я устрою тебе еще посылку.— Удалось ли Есенину это сделать, неизвестно.

...ты ∾ спекулянтской «Эпохе» за гроши свой «Рим» продал. Вещь мне не понравилась. ∾ Ну, да ведь у каждого свой путь.— Отклик на клюевские слова в

письме от 28 янв. 1922 г.: «За поэму „Четвертый Рим“ — „Эпоха“ заплатила мне гроши — Коленька <друг Клюева Н.И.Архипов> на них купил 2 фунта мыла и немного ситца...

Каждому свой путь. И гибель!» (Письма, 218).

...пиши Клычкову, а ругать его брось...— Имеется в виду следующее место из письма Клюева: «Клычков <...> послал записку: надо, говорит, столкнуться нам в гурт, заявить о себе. Так скажи ему, что это подлинно баранья идеология; — да какая же овца безмозглая будет искать спасения после „Пугачева“?» (Письма, 217).

...можешь писать ∾ Головачеву...— Письма Клюева С.Д.Головачеву неизвестны.

...на случай безденежья. ∾ С этой стороны я тебе ведь тоже много обязан в первые свои дни.— В письме Клюева Есенину об этой поре написано совершенно в другом ключе: «А где же рязанские васильки, дедушка в синей поддевке с выстроганным ветром бадожком? Где образ Одигитрии-путеводительницы, который реял над золотой твоей головкой, который так ясно зрим был „в то время“?» (Письма, 217).

Из-за границы буду писать тебе на Разумника.— Ни одно подобное письмо неизвестно.

119. *Г.А.Бениславской.* 8 мая 1922 г. (с. 136).— Есенин 6 (1980), с. 120.

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ).

...дайте т. Сахарову вариант шестой главы.— Вариант шестой главы «Пугачева» «Лунный парус над саратовской крепостной стеной» (подробнее см. наст. изд., т. 3, с. 334—335), по-видимому, не был передан А.Сахарову. Об этом можно судить по записи, сделанной Г.Бениславской 16 окт. 1922 г. в дневнике: «Сегодня был назначен вечер М<ариенго>фа. Он подошел. <...> спрашиваю: „В чем дело?“ — „Мне нужна одна из глав

„Пуг<ачева>!“ — Моментально понимаю: „Какая?“ — „Да, знаете, шестая — вариант шестой“.— „У меня ее *нет*!“ — „Как нет?“ (Я уже оправилась от изумления и возмущения): „*Е<сенин> ведь все взял обратно, у меня ничего нет*, а что?“ — „Раз нет — ничего!“ (хамски, но зато со злостью).— „А что, Вы хотели напечатать?“ — „Да“. Сейчас два чувства — одно: на деле доказала, что у меня не выудишь» (Материалы, с. 112; выделено в источнике). После смерти Бениславской машинопись варианта шестой главы поэмы по завещанию получила А.Назарова, у которой она хранилась до 60-х годов. В настоящее время эта машинопись находится в РГАЛИ. Ее текст поврежден купюрами — ножницами вырезано около 75 стихотворных строк. Впервые текст был опубликован в 1962 г.

120. *И.И.Шнейдеру*. 21 июня 1922 г. (с. 137).— Duncan I., Macdougall A.R. Isadora Duncan's Russian Days and her Last Years in France. London; New York, 1929, p. 134—136 (на англ. яз.); газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1962, 8 февр., № 17 (публ. В.Г.Белоусова).

Печатается по автографу (РГАЛИ). На последней странице письма — гриф отеля «Adlon» (слева) и его адрес: «Berlin / Unter den Linden, 1 / am Pariser Platz» (справа). Оба печатных текста вычеркнуты Есениным.

...берлинская атмосфера меня издергала вконец. ∾ *Пить перестал и начинаю работать.*— За сорок дней, которые прошли с момента приезда Есенина в Германию, он посетил редакции нескольких газет и журналов, ряд издательств, заключил договоры на издание своих книг, написал автобиографию для НРК, выступил с чтением стихов в берлинском «Доме искусств» (12 мая) и на вечере «Нам хочется вам нежно сказать» (1 июня), встречался с М.Горьким, А.Н.Толстым и Н.В.Крандиевской-Толстой, А.Ветлугиным (В.И.Рындзюном), А.Б.Кусиковым и др.

Вечера и встречи проходили в накаленной атмосфере эмигрантских аудиторий, со скандалами и эпатажем (см. воспоминания М.Горького, Н.В.Крандиевской-Толстой, А.Б.Кусикова, А.Ветлугина и др.— Восп.-95, с. 326—340). Об этом много писала эмигрантская пресса 1922 г. (Нак., 14 мая, № 40; ПН, 16 мая, № 638; а также газ. «Руль», «Голос России»; НРК и др. См. также коммент. к пп. 121, 123, 134).

Лола Кинел отмечала, что после нелегкой жизни в Берлине А.Дункан повезла Есенина в Висбаден «для лечения и отдыха. Доктор, который осмотрел Есенина, сказал ей, что его состояние очень серьезно, что он должен прекратить пить хотя бы на два-три месяца, иначе у нее на руках окажется маньяк. Есенин, который испытал нечто вроде нервного шока и страдал невритом, обещал подчиниться предписаниям доктора» (Kinel Lola. Under Five Eagles. My Life in Russia, Poland, Austria, Germany and America, 1916—1936. London, 1937. Цит. по: IE, p. 79, пер. комментаторов).

...пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем в перспективе около 400.— Берлинские РУИ и издательство З.И.Гржебина, а также НРК приняли к изданию произведения Есенина («Пугачев», «Собрание стихов и поэм», автобиографию «Сергей Есенин») и должны были заплатить ему гонорары, о которых он, видимо, и пишет. В конце июня вышла автобиография (НРК), «Пугачев» — в июле-авг., а «Собрание» — в сент.—нояб. 28 мая в «Литературном приложении» к Нак. напечатано сообщение (в разделе «Хроника») о том, что Есенин продал РУИ антологию своих стихов 1918—1922 гг., в том числе и трагедию «Пугачев». Г.Б.Забежинский, работавший в этом издательстве, вспоминал: «Для редакторов РУИ, только за год до того приехавших из Москвы, имя Есенина звучало не менее громко, чем имя Р.М.Рильке, Стефана Георге и Гофмансталя, которых они издавали в серии „Всемирный пантеон“, тиражом в

5000 экземпляров. Естественно, что они читали „Пугачева“ только для очистки совести; никому из них и в голову не могло прийти возражать против издания этой поэмы. В спешном порядке ее набрали и напечатали отдельным изданием (вне серий)» (РЗЕ, 1, 76).

У Изадоры дела ужасны.— Н.В.Крандиевская-Толстая, встречавшаяся с поэтом в то время, вспоминала: «Дункан только что заложила свой дом в окрестностях Лондона и вела переговоры о продаже дома в Париже. Путешествие по Европе в пятиместном „бьюике“, задуманное еще в Москве, совместно с Есениным, требовало денег...» (Восп.-95, с. 335).

...отказался дать подпись для визы в Париж.— Из газетной хроники: «Айседора Дункан вместе с Сергеем Есениным собирается в непродолжительном времени на гастроли во Францию, Англию и Америку и ждет в Берлине необходимых виз. Сочетавшись браком с советским подданным, Айседора сама сейчас вынуждена испытать на себе все прелести „визного вопроса“» (ПН, 1922, 16 июня, № 663).

Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер.— Речь идет о книге О.Шпенглера «Закат Европы» (1921; рус. пер. 1923).

Нужен поход на Европу. — Далее следуют полторы строки тире, проставленных Есениным. Они безусловно носят знаковый характер и, по-видимому, имеют ту же природу, что и тире, вплоть до недавнего времени заменявшие буквы «нецензурных» слов в изданиях сочинений и писем русских классиков.

...через магазин...— О магазине имажинистов см. коммент. к пп. 100 и 105.

«Ара» — об «ARA» см. коммент. к п. 118. Соглашение о помощи через эту организацию между представителями США В.-Л.Брауном и России М.М.Литвиновым было заключено в авг. 1921 г. в Риге (см.: ПН, 1922, 3 нояб., № 780): продовольственные посылки — на

сумму 10 долл., а вещевые — 20 долл. Есенин и А.Дункан оплачивали посылки и отправляли чеки Е.А.Есениной и И.Дункан в Россию. О других сторонах деятельности ARA в России см. наст. изд., т. 4, с. 508—509.

...когда Вы поедете в Лондон...— А.Дункан с самого начала планировала отправиться в зарубежное турне вместе с Есениным, И.Дункан, И.И.Шнейдером и двадцатью ученицами ее школы.

20 апр. 1922 г. А.Дункан послала телеграмму своему менеджеру Оттуа в Париж: «Harle <доверенное лицо А.Дункан> мне телеграфирует, что вы можете устроить специально утреннее выступление для меня Ирмы и двадцати учениц мае или июне. Телеграфируйте...» 26 апр. Оттуа ответил: «Буду телеграфировать результаты относительно Лондона Парижа...» (Письма, 325—326).

Из Висбадена А.Дункан писала Ирме: «Дорогая Ирма, со дня на день я ожидаю поездки в Лондон, задержка только в паспортах. Поэтому я трижды телеграфировала тебе, чтобы написать уже из Лондона <...>. О выступлениях в Лондоне договорились <...> задержка только из-за формальностей...» (цит. по IE, p. 79, пер. комментаторов).

Поездка И.И.Шнейдера в Лондон вместе со школой А.Дункан не состоялась (см. коммент. к п. 124). «Однако через несколько месяцев после их <Есенина и А.Дункан> возвращения я,— вспоминал И.И.Шнейдер,— проехал по свежим следам их путешествия, многое узнал от брата Айседоры Раймонда Дункана в Париже и ее сестры Елизаветы Дункан в Берлине» (Шнейдер, с. 91).

Я послал ему два письма...— Письма неизвестны. См. также коммент. к п. 125.

О берлинских друзьях я мог бы сообщить очень замечательное (особенно о некоторых доносах во французск<ую> полиц<ию>, чтоб я не попал в Париж).— Своими «берлинскими друзьями» Есенин мог считать А.Кусикова, А.Ветлугина и И.М.Василевского. Перед

приездом поэта в Берлин там разразился скандал, о котором писали многие эмигрантские газеты. Председатель «Правления парижского Союза русских литераторов и журналистов» П.Н.Милюков писал А.Ветлугину, И.М.Василевскому и А.Н.Толстому о том, что «к нему поступило заявление одного из членов союза о несовместимости (!) Вашего дальнейшего пребывания в составе Союза с участием Вашим в органе печати „Накануне“» (Парижская контрразведка. — Нак., 1922, 27 апр., № 27). Правые эмигранты считали Нак. просоветской, а ее авторов — сотрудниками ВЧК, особенно А.Кусикова, который вначале дружил с Есениным, а в 1923—1925 гг. в письмах М.Д.Ройзману и С.Ф.Буданцеву чернил поэта (Ройзман, с. 172—173). М.Д.Ройзман в своих воспоминаниях, цитируя письмо А.Кусикова к нему («Если вздумаешь на месяц-другой прикатить в рыжий Париж и если тебе нужно будет помочь <с> визовыми затруднениями, напиши! *Использую все мои знакомства и сделаю все, что смогу!*»; выделено А.Кусиковым),— делает такой вывод: «Ясно, что у Кусикова были такие крупные связи, что он мог содействовать въезду в Париж. Стало быть, мог сделать и так, чтобы человека туда не пустили» (с. 173). Ср. также: «Кусиков — певец чека» (Сентиментальные убийцы. — Газ. «Голос России», Берлин, 1922, 4 мая, № 956).

Изадора вышла за меня замуж второй раз...— Первый раз брак Есенина и А.Дункан был зарегистрирован 2 мая 1922 г. в Москве. Готовясь к поездке за океан и зная об отношении американской общественности к браку (на примере М.Горького и М.Ф.Андреевой), Есенин и А.Дункан еще раз зарегистрировали свой брак в Берлине.

121. *М.М.Литвинову*. 29 июня 1922 г. (с. 139). — Есенин 5 (1968), с. 109—110 (с ошибочной датой и с неточностями в тексте); факсимиле — IE, семнадцатый вкл. л. между с. 252 и 253.

Печатается по фотокопии автографа (ГЛМ). Местонахождение подлинника неизвестно. Написано на бланке: «Park Hötel / Dysseldorf / Corneliusplatz». Рукой А.Дункан — только подпись. На письме помета: «Получено 3/VII». Первоначально вместо слов «Уважающие Вас» было: «Уважающий Вас»

Письмо отправлено в Гаагу (Нидерланды), где в то время находился заместитель народного комиссара по иностранным делам М.М.Литвинов как глава делегации РСФСР на международной финансово-экономической конференции, проходившей 15 июня — 19 июля 1922 г. (Т. наз. Гаагская конференция 1922 г.— см.: Есенин 6 (1980), с. 315).

...сделайте так, чтоб мы выбрались из Германии и попали в Гаагу...— Поездка в Гаагу не состоялась, но не позднее 4 июля бельгийское консульство в Кельне выдало Есенину и Дункан пропуск для проезда в Брюссель сроком на 15 дней, начиная с 5 июля 1922 г. (русский текст — Хроника, 2, 57; факсимиле — там же, первый вкл. л. между с. 64 и 65).

...обещаю держать себя корректно и в публичных местах «Интернационал» не петь.— Речь идет о вечере 12 мая 1922 г. в берлинском Доме искусств, о котором сообщали многие эмигрантские газеты Европы. Так, например, Нак. писала 14 мая: «Вечер отходил. Ал.Толстой дочитывал превосходные свои воспоминания о Гумилеве... И вдруг аплодисменты. Минский — восставший против самого себя — радостно возвестил: пришел Есенин. <...>

И еще раз кинулся к дверям Минский — вошла Айседора Дункан, вошла, улыбнулась и села. <...>

— Интернационал,— крикнул кто-то.

— Интернационал,— сгрудились около Дункан белокурый Есенин, черный и худой издатели, перечно-ароматный Кусиков и группа сочувственников.

А в ответ — свистки. В ответ — раздраженные лица. Благонамеренность была оскорблена. Благонамеренность

отправилась свидетельствовать вешалки и пути отступления...

Есенин вскочил на стол и стал читать... На исконную русскую тему — о скитальческой озорной душе. И свистки смолкли. Оправдан был вызов поэта, брошенный свистунам:

— Все равно не пересвистите. Как засуну четыре пальца в рот и свистну — тут вам и конец. Лучше нас никто свистать не умеет».

Присутствовавший на этом вечере писатель И.С.Соколов-Микитов вспоминал: «Есенина и Айседору Дункан, уже немолодую, но молодящуюся женщину, с волосами, выкрашенными в табачно-красный цвет, встречали в „Доме искусств“ — в немецком второразрядном кафе, обычно пустовавшем. На сей раз кафе было переполнено народом. Здесь собрались люди всяческих толков и политических оттенков. Я сидел за столиком с Толстыми. Появление Есенина <...> встретили шумными аплодисментами. Кто-то запел „Интернационал“. Молодчики из монархической газетки „Руль“ ответили свистом. Возле Есенина в роли охраны возник проживавший в Берлине поэт-имажинист Кусиков с напудренным лицом и подкрашенными губами. К великому негодованию немецких кельнеров-официантов, Есенин взобрался на мраморный стол и начал читать стихи...» (Соколов-Микитов И.С. Давние встречи. Л., 1976, с. 73—74). См. также коммент. к пп. 120, 123, 134.

122. *А.М.Сахарову*. 1 июля 1922 г. (с. 139) — Гост., 1922, № 1, нояб., с. [14] (с купюрами).

Печатается по рукописной копии С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ). Согласно копии, письмо было написано на бланке: «Park-Hötel / Dysseldorf / Corneliusplatz» (так же, как и п. 121). Местонахождение автографа неизвестно.

В соответствии с источником текста публикуется впервые.

...кой-где есть стихи, переведенные, мои и Толькины... — См. коммент. к п. 123.

...английский журнал со стихами Анатолия... — О каком издании идет речь, выяснить не удалось.

Взвейтесь, кони! ∾ под самым носом шишка? — Ср. с «Записками сумасшедшего» Н.В.Гоголя: «Дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся, кони, и несите меня с этого света! <...>Матушка, спаси твоего бедного сына! <...>Матушка, пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?» (Гоголь III, 376).

«Есть много разных вкусов и вкусиков...» — Здесь варьируется строка экспромта В.В.Маяковского. М.Д.Ройзман вспоминал о том, как Маяковский критиковал «имажинистов за то, что они пишут стихи, оторвавшись от жизни. Всем попало на орехи, но особенно досталось Кусикову, которого Маяковский обвинил в том, что он еще не постиг грамоты ученика второго класса. Как известно, поэт написал о Кусикове следующие строки:

На свете
много
вкусов
и вкусиков:
одним нравится
Маяковский,
другим —
Кусиков».

(Восп., 1, 390).

В.Г.Шершеневич писал: «Маяковский подарил Кусикову свою книжку стихов с незамаскированной издевательской надписью:

Есть люди разных вкусов и вкусиков:
Одним нравлюсь я, а другим — Кусиков.

Сандро от восторга, что его фамилию зарифмовали, да еще рядом с фамилией Маяковского, показывал эту надпись всем и каждому, не замечая, что все, конечно, смеялись. Так чуть ли не впервые эпиграмма была, по существу, опубликована самим адресатом» (Мой век, с. 555).

Подлинный текст Маяковского, написанный на его кн. «Человек: Вещь» (Пг. (фактически — М.), [1918]):

К чему спорить
из-за вкусов и из-за
вкусиков,
Пусть одному нравлюсь
я, а другому Кусиков.
В.Маяковский.

(см. кн.: Марков А. «Храните у себя эту книжку...». М.: Книга, 1989, с. 290—291; на с. 289 — факсимиле).

...я пишу им особо.— Письма Есенина Д.С.Айзенштату и С.Д.Головачеву неизвестны.

Гоголевская приписка: / Ни числа, ни месяца... — Герой гоголевских «Записок сумасшедшего» Поприщин так отмечал отдельные даты своих записей: «Никотóрого числа. День был без числа»; «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое» (Гоголь III, 372, 373).

123. *А.Б.Мариенгофу.* 9 июля 1922 г. (с. 141) — Журн. «Эрмитаж», М., 1922, № 11, 25—31 июля (в извлечениях); Гост., 1922, № 1, нояб., с. [15] (неполностью). Полный текст — Есенин 5 (1962), с. 159—162, с неточностями.

Печатается по автографу (ГЛМ). В письме имеются зачеркивания и вставка, сделанные Есениным: после слов «...о которых здесь знают весьма немного...» зачеркнуто «и то»; после слов «то ухвати его за полы и ограбь» два слова густо вымараны и не поддаются прочтению; во фразе

«Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной» слово «всегда» вписано поверх строки.

...в краях злополучных лихорадок и дынь нашего чудеснейшего путешествия 1920 г...— В июле-сент. 1920 г. Есенин и Мариенгоф совершили поездку на Кавказ (в Ростов-на-Дону, Кисловодск, Пятигорск, Минеральные воды, Баку, Тифлис) в вагоне ответственного сотрудника Наркомата путей сообщения Г.Р.Колобова. См. об этом п. 100 и коммент. к нему.

...«северянинщина» жизни...— Здесь выражено отрицательное отношение Есенина к мещанской атмосфере жизни на Западе. Эту атмосферу бездуховности поэт называл «северянинщиной», «смердяковщиной», «надсоновщиной».

...Бель-Голландское море...— Бельгийско-Голландское море, т. е. Северное море, омывающее берега Бельгии и Голландии (Нидерландов). Курорт Остенде находится на берегу Северного моря.

...Европа ∾ Сплошное кладбище ∾ материк — склеп.— Судя по лексике этого фрагмента, в его подтексте скрыта как перекличка, так и полемика Есенина с Ф.М.Достоевским, один из героев которого — Иван Карамазов — говорит: «Я хочу в Европу съездить <...>; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище <...>, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними,— в то же время убежденный всем сердцем моим, что всё это давно уже кладбище и никак не более» (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман: Часть первая (на обл.: Книга первая). Пг.: Лит.-изд. отдел Наркомпроса, 1918, с. 273; отмечено Л.К.Долгополовым: журн. «Литературное обозрение», М., 1982, № 2, февр., с. 101).

После выхода первого номера Гост. это место есенинского письма не осталось без внимания. В журн. «Всемирная иллюстрация» (М., 1922, № 6, с. 12) оно было изложено следующим образом: «С.Есенин в письмах из Берлина <так!>, помещенных в „Гостинице“, доказывает, что <...> русскому поэту не к чему экспортировать свои произведения за границу. Вне России они тухнут».

...издать переводы двух книжек ∾ двух несчастных авторов, ∾ Издам на английском и французском.— В 1921—1922 гг. переводить стихи Есенина только начинали (сб. «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1974, № 8, p. 538—539, прим. 123). В сент. 1922 г. на французском языке вышла книга Есенина «Confession d'un voyou» — Исповедь хулигана / Пер. Марии Милославской и Франца Элленса, предисл. Ф.Элленса, Париж: Я.Поволоцкий и К°, 1922, 83 с., 1103 экз. Книга стихов Мариенгофа во французском переводе не выходила.

Тем не менее, журнальные переводы стихов обоих «несчастных авторов» на французский язык все же известны (Брянчанинов Н. Молодые «московиты».— Журн. «Нувель Ревю», Париж, 1923, 15 мая, с переводами из Есенина и Мариенгофа, выполненными Людмилой Савицкой).

Из Дюссельдорфа я послал письмо Сашке.— Речь идет о п. 122.

В Берлине я наделал, конечно, много скандала и переполоха.— О шумных поэтических вечерах Есенина 12 мая и 1 июня в Берлине писали многие эмигрантские газеты Европы. «Вчера <12 мая> в „Доме Искусств“ разыгрался большой скандал, вызванный советскими поэтами Есениным, Кусиковым и неизвестными молодыми людьми, их сопровождавшими. <...> около 12 ночи <...> появился Сергей Есенин с женой Айседорой, Кусиков и „молодые люди“ типа сотрудников „Накануне“.

— Интернационал,— скомандовала Айседора, и „молодые люди“ запели. Раздались свистки и крики „долой“.

Муж знаменитости, Есенин, влез на стул и крикнул в толпу:

— Нас свистками не удивишь, сам умею свистать в четыре пальца.

Часть публики, пораженная этими доводами, покинула „Дом“, а оставшимся Есенин-Дункан прочел свои стихи. „Молодые люди“ хлопали. Было очень весело...» (ПН, 1922, 16 мая, № 638). См. также: ПН, 24 июня, № 670.

П.П.Сувчинский писал Н.С.Трубецкому 14 мая 1922 г. из Берлина: « <...>Вчера <в ночь с 12 на 13 мая> мы были свидетелями, до какой мрази и пошлости дошла в настоящее время „Русская революция“. Прилетел на аэроплане вместе с Дункан поэт Есенин и остановился в лучшей гостинице. В „Доме искусств“ был устроен в их честь вечер. Есенин долго не шел, наконец в 12 ч. ночи явился под ручку с Дункан в белых туфельках. Дункан уже 55 <так!> лет, стерва! Живет с ним и очень афиширует это. Какой-то жиденок крикнул „интернационал“. Публика начала свистать. Тогда Есенин, стоя на стуле, крикнул: „А мы в России в четыре кулака свистим эмиграции“, и затем вместе с Дункан — „Интернационал“. Одни поддерживали, другие скандалили ...» (Письма, 327). См. также: письмо С.Платонова редактору газ. Нак. (там же); Толстая-Крандиевская Н. Сергей Есенин и Айседора Дункан.— Сб. «Прибой», Л., 1959; коммент. к п. 121.

Том свой продал Гржебину.— 18 мая Есенин заключил договор с издателем З.И.Гржебиным на выпуск «Собрания стихов и поэм» (книга вышла осенью 1922 г.— см. Юсов-94, с. 39). Сам договор не обнаружен, но о нем сказано в «Акте осмотра переписки, найденной в кожаном черном чемодане, оставшемся после смерти Есенина» (РГАЛИ; см.: Хроника, 2, 256).

Хорошую книгу стихов удалось продать только как сборник новых стихов твоих и моих.— Нак. (1922, 24 мая, № 48, и 28 мая, № 51) сообщала: «Печатаются

и в ближайшее время поступят в продажу: Сергей Есенин и Мариенгоф — Хорошая книга стихов...». Книга не выходила, состав ее неизвестен.

Если ты хочешь сюда пробраться, то потормоши Илью Ильича, я ему пишу об этом особо.— См. следующее письмо — И.И.Шнейдеру.

...во мне есть дьявольская выдержка характера, которую отрицает во мне Коган.— П.С.Коган писал о поэте: «Бунт Есенина, это — крестьянский бунт, без выдержки, бунт не прочный, срывающийся...» (Кр. новь, 1922, № 3, с. 259).

Вспоминаю сейчас о Клопикове и Туркестане. Как все это было прекрасно...— Есенин был в Туркестане в апр.-мае 1921 г. В.И.Вольпин вспоминал 21 марта 1926 г.: «Поездку Есенина в Туркестан следует рассматривать как путешествие на Восток, куда его очень давно, по его словам, тянуло. <...>

Приехал Есенин в Ташкент в начале мая, когда весна уже начала переходить в лето. Приехал радостный, взволнованный, жадно на все глядел, как бы впивая в себя пышную туркестанскую природу, необычайно синее небо <...>

Литературная колония в Ташкенте встретила Есенина очень тепло и, пожалуй, с подчеркнутым уважением и предупредительностью как большого, признанного поэта, как мэтра. <...>

Приехал Есенин в Туркестан со своим другом Колобовым, ответственным работником НКПС, в его вагоне, в котором они и жили во все время их пребывания в Ташкенте и в котором затем уехали дальше — в Самарканд, Бухару и Полторацк (бывш. Асхабад)» (Восп.-95, с. 289—291).

...седеть духовно здесь ради мариенгофских фонтанов...— Есенин обыгрывает поэму А.Б.Мариенгофа «Фонтаны седины» (сент. 1920):

Прости,
Волос горячий пепел!
Зачесанный сурово локон,
Спадешь ты на чело фонтаном седины,—
То будет час,
Когда перешагну за середину.
. . . .
О, сладостна тоска,
Когда из сердца бьют
Фонтаны
Седины.

(В кн.: «Имажинисты: Есенин. Ивнев. Мариенгоф», М., 1921, с. [25, 26]).

124. *И.И.Шнейдеру.* 13 июля 1922 г. (с. 144).— Duncan I., Macdougall A.R. Isadora Duncan's Russian Day's and her Last Years in France. London; New York, 1929, p. 137—138 (на англ. яз.; с пропуском одного предложения); Есенин 5 (1962), с. 162—164.

Печатается по автографу (РГАЛИ). Письмо написано на бланке: «Hotel Metropole Bruxelles».

Я довольно пространно описывал ∾ в трех больших письмах. Не знаю, дошли ли они до Вас? — Известно лишь одно письмо Есенина И.И.Шнейдеру — п. 120.

В субботу 15 июля мы летим в Париж.— Однако в Париж Есенин и А.Дункан приехали только в конце июля: «Айседора Дункан с мужем, советским поэтом Есениным, прибыли в Париж» (ПН, 1922, 27 июля, № 700).

...бюро Красина...— Л.Б.Красин в 1920—1923 гг. был торгпредом Советской России в Англии.

Со школой, конечно, в Европе Вы произведете фурор.— Речь идет о школе-студии танца, созданной А.Дункан в Москве. После ее отъезда школой руководила Ирма Дункан. Планировалась поездка школы за границу (см. коммент. к п. 120). Однако после отъезда А.Дункан и Есенина в Германию этот проект не был осуществлен.

В заседании президиума Коллегии Народного Комиссариата по просвещению 31 мая 1922 г. (участники — А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, В.Н.Максимовский) председательствующий А.В.Луначарский доложил «сообщение Айседоры Дункан о предложении французского правительства организовать в Париже спектакли Дункан с 20 русскими детьми». После обсуждения было вынесено постановление: «Данное предложение отклонить» (ГАРФ, ф. Народного комиссариата по просвещению; все документы, цитируемые ниже в коммент. к данному письму, хранятся в том же архивном фонде, что в дальнейшем не оговаривается).

А.Дункан, по-видимому, была извещена об этом постановлении, но не отказалась от мысли вывезти свою русскую школу — если не в Европу, так в Америку. Об этом свидетельствует письмо И.И.Шнейдера А.В.Луначарскому, написанное в день, когда комментируемое письмо Есенина еще находилось на пути в Москву,— 16 июля 1922 г.:

«Тов. А.Дункан шлет мне телеграмму за телеграммой, в которых сообщает подробности нашего маршрута, отъезда в Америку и пр., и запрашивает неоднократно список едущих детей, а также организовывает все возможное, чтобы перевести нам как-нибудь две с половиной тысячи долларов, необходимых нам для выезда и для того, чтобы оставить какие-нибудь средства здесь Школе. В то же время, несмотря на посланное Вами письмо т. Яковлевой <В.Н.Яковлева возглавляла тогда Главное управление по профессионально-техническому образованию — Главпрофобр>, до сих пор ничего неизвестно об официальном отношении Коллегии Наркомпроса или Главпрофобра к данной поездке. <...> представител<ь> Главпрофобра <...> не удержался от того, чтобы в официальном разговоре, который вел, коснуться опять всех тех вздорных сплетен и слухов, распространявшихся одно время самой дурной частью так называемого общества вокруг имени

Айседоры Дункан, к которой они относились по вполне понятным причинам враждебно. Не буду Вас затруднять перечислением архиглупых сплетен, отчасти известных Вам от самой А.Дункан, которая всегда с улыбкой выслушивала подобные вести, если ей кто-либо их передавал. Я утверждаю только, что „оргий“, „выстрелов“, „скандалов“ (выражения предст<авителя> Главпрофобра) в Школе никогда не было и быть не могло, несмотря на то, что даже „в Главпрофобре известны такие факты“. Стыдно за государственное учреждение, которое работу обывательских кумушек регистрирует у себя за „факты“. Больно за великую артистку и женщину, гостью Советской России, где зарвавшиеся чиновники новейшей формации уже, так сказать, „официально“ оскорбляют А.Дункан <...>.

Надо же наконец понять, что дело слишком серьезно, что нам придется наверстывать телеграфной перепиской каждый уходящий теперь день, надо же Главпрофобру или Коллегии Наркомпроса сказать сейчас: „да, пускаем“, или „нет“, если только требуется их разрешение на эту поездку, когда у А.Дункан есть Ваша личная санкция и согласие, а этого, кажется, слишком довольно при существующих теперь правилах выезда и согласия со стороны родителей детей.

<...> необходимо это решить с е й ч а с, так как, согласно новому маршруту, который мне прислала Дункан (через Лондон), нам, может быть, придется выехать уже в первой половине августа, а сейчас уже вторая половина июля» (разрядка автора).

Решение президиума Коллегии Наркомпроса, заседание которого проходило под председательством наркома (кроме него, присутствовали В.Н.Максимовский, В.Н.Яковлева и т. Бем) 21 июля 1922 г., гласило:

«Гастрольную поездку школы Дункан в Америку признать нежелательной».

Очевидно, именно это решение стало окончательным. Впрочем, в начале 1960-х гг. И.И.Шнейдер объяснял

отмену поездки другими причинами: она «не состоялась, так как Дункан была лишена гражданства США за ведение „красной пропаганды“ и ей и Есенину было предложено покинуть страну. Американский консул в Риге информировал об этом латвийское правительство, и оно отказало коллективу студии в визах» (Есенин 5 (1962), с. 351—352). Документы, подтверждающие эту версию, не обнаружены. К тому же сведения о лишении Дункан американского гражданства появились в мировой печати не в 1922-м, а в 1923-м году, что позволяет усомниться в приведенном свидетельстве Шнейдера.

...из магазина...— О книжном магазине имажинистов см. пп. 100 и 105 и коммент. к ним.

...зальемся в Америку...— См. коммент. к п. 126.

Нам кто-то здесь сбрехнул, что вы обкомиссариатились.— Регистрации брака И.И.Шнейдера и И. Дункан не было.

125. *А.Б.Мариенгофу*. Не ранее 20 июля — не позднее начала августа 1922 г. (с. 145).— Гост., 1922, № 1, нояб., с. [14], в извлечениях; Есенин 6 (1980), с. 128—130, с неточностями и купюрой; полностью — Письма, 117—118, с неточностями. В соответствии с источником текста публикуется впервые (см. также реальный коммент.).

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ). Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется по содержанию: в то время Есенин был в Париже.

Ты тоже сволочь из сволочей ∾ Дюжину писем я изволил отправить Вашей сволочности, и Ваша сволочность ни гу-гу.— Это ответ на упреки А.Б.Мариенгофа (июнь 1922 г.): «Милостивый государь Сергей Александрович, честь имею довести до Вашего сведения, что Вы самая определенная сволочь <...>

В самом деле — грамоте, что ли, ты, сукин сын, разучился. И как это тебя не прорвало: 3 месяца и ни одной-таки строчки. <...>

Шутки в сторону: с самого что ни на есть начала свинить ты стал основательно.

Кудластая твоя морда, неужели мне надо по „Накануне“ или, скажем, по „Рулю“ о „наших за границей“ сведения выскребывать...» (Письма, 220).

В свою очередь Есенин писал 21 июня 1922 г.: «Я послал ему <Мариенгофу> два письма, на которые он почему-то мне не отвечает» (с. 138 наст. тома). Эти письма неизвестны и, скорее всего, не дошли до адресата.

Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы.— Ср. строки из произведения Н.В.Гоголя «Майская ночь, или утопленница» (глава II): «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!» (Гоголь I, с. 40).

...поэт Эрдман сказал, что почесать его <сердце> *нечем.*— В ныне известных стихотворениях Н.Р.Эрдмана того времени подобных слов нет.

...у такого юноши, как я, недавно оторвался маятник от циферблата живота.— Есенин перефразирует стихи из небольшой поэмы Н.Р.Эрдмана «Автопортрет» (1920):

Вижу юноша маятник ляжек вешает
Женщине под циферблат живота.
. . . .
Только так же качается маятник ляжек
Да блестит фонарем живота циферблат.

(Сб. «Конский сад: Вся банда / Грузинов, Есенин, Ивнев, Кусиков, Мариенгоф, Ройзман, Шершеневич, Эрдман»,
М.: Имажинисты, 1922, с. [15, 16]).

...писал Сашке...— А.М.Сахарову (см. п. 122).

...писал Златому...— Письма Златому (псевд. С.Д.Головачева) неизвестны.

...«ни тебе, ни матери»...— Т. е. не ответили на письма Есенина. Источник цитаты не выявлен.

Теперь я понял ∾ Любить поэту не дано.— Строфа из стихотворения В.Г.Шершеневича «Принцип романтизма» (сент. 1917), посвященного А.Мариенгофу.

В обоих прижизненных изданиях этого текста (газ. «Мир», М., 1918, 5 окт., № 51, под загл. «О любви»; Шершеневич В. Лошадь как лошадь: Третья книга лирики. М.: Плеяда, 1920, с. [61—62]) третья строка этой строфы имела, в соответствии с тогдашней орфографической нормой, вид: «Среди исканий, безпокоя». По современной орфографии следовало бы писать: «Среди исканий, бе**с**покоя» (выделено комментаторами). Однако при воспроизведении строфы Шершеневича в составе данного письма Есенина (Есенин 5 (1962), с. 166) слово «безпокоя» было механически разделено на две части («без покоя») и с тех пор давалось в таком виде при всех переизданиях есенинских писем (см., напр., Письма, 117). Ныне эта «традиция» распространена на текст «Принципа романтизма», вошедший в книги Шершеневича 1990-х гг. изд. и выпущенный «Библиотекой поэта» сб. «Поэты-имажинисты» (СПб.: Петербургский писатель, 1997, с. 77; сост. Э.М.Шнейдерман).

Между тем поправка, о которой идет речь, по существу, обессмысливает текст — ведь подлинный смысл строк Шершеневича таков: «Среди исканий, <среди> беспокоя <т. е. непокоя> любить поэту не дано».

В записи же Есенина эта строка, напротив, переосмыслена сравнительно с авторским текстом — в ней нет запятой (в печатных текстах письма она возникла, очевидно, из-за редакторского вмешательства), а слово «безпокоя» написано с заглавной буквы. Это, без сомнения, вносит в четверостишие Шершеневича новые смысловые оттенки.

...will hawe happy impression...— Буквально: «будет (будешь, будете) иметь счастливое впечатление (представление)» (искаж. англ.: hawe — have, т. к. haw — бормотать).

...я с особым злорадством перевел ваши скандальные поэмы ∾ *и выпускаю их в Париже и в Лондоне в кол*<ичестве> *6000 экз.*— Сведения об этих изданиях не выявлены.

Прошу тебя не оставить втуне ∾ *просьб моей сестры.*— 10 авг. 1922 г. Есенин писал сестре Екатерине: «Послал тебе три письма, и никакого ответа. <...> Относительно денег нажимай всегда на Мариенгофа...» (п. 126). Мариенгоф писал Есенину в июне 1922 г.: «Есенинские родственники тоже в порядке и здравии. Магазинские дивиденты получают полностью. Катюшу видел раза два. Теперь ее в Москве нет» (Письма, 221).

126. *Е.А.Есениной.* 10 августа 1922 г. (с. 147).— Журн. «Октябрь», 1958, № 5, май, с. 184, 189 (в статье В.Г.Белоусова «Сергей Есенин за границей», в виде двух фрагментов с большими необозначенными пропусками); Есенин 5 (1962), с. 164–165 (полностью); Есенин 6 (1980), с. 130–132 (с факсимиле первой страницы автографа).

Печатается по автографу (РГБ). Письмо написано на бланке: «Excelsior Palace Hotel / Lido-Venezia».

Послал тебе три письма, и никакого ответа.— Письма неизвестны.

...Козьмы Алексеевича.— К.А.Корчагина, хозяина квартиры, где Е.А.Есенина жила в то время.

...я в сентябре заливаюсь в Америку и вернусь через год.— 1 окт. 1922 г. Есенин вместе с А.Дункан и А.Ветлугиным (псевд. В.И.Рындзюна) на пароходе «Париж» прибыли в США. 11 февр. 1923 г. Есенин и А.Дункан вернулись в Европу, а 3 авг. того же года — в Москву.

Скажи отцу, чтоб он поговорил с своей кассиршей...— Согласно Е.А.Динерштейну, кассиршу магазина, где работал А.Н.Есенин, звали А.Н.Харюткина (Есенин 5 (1962), с. 354, без указания источника информации). В воспоминаниях Н.В.Есениной (Наседкиной) «Немного о родственниках» приведены на этот счет более подробные сведения:

«Моя мама <Е.А.Есенина> после окончания сельской школы приехала к отцу в Москву <...>. У дедушки была <...> маленькая комната — метров восемь, где мама спала на сундуке. Поэтому дедушка нанял для дочери частную квартиру рядом со своей работой. Это был купеческий дом в Строченовском переулке, где хозяева держали квартирантов.

Мама жила на первом этаже, рядом с дочерью хозяев Тосей. Тося и мама учились в одном классе и дружили всю жизнь <...>. Сохранили мы отношения и после смерти мамы. Антонина Александровна (тетя Тося) живет одна, ей 90 лет, мы с ней иногда созваниваемся. <...> она мне открыла один секрет <...>. В доме, где <маме> снимал комнату отец, в мезонине жила Анастасия Григорьевна Соколова (еще до рождения тети Тоси и мамы), которая работала в лавке Крылова кассиршей. Мой дедушка Александр Никитич, по словам тети Тоси, по выходным дням к ней заходил. Родители Антонины Александровны говорили, что она <т. е. А.Г.Соколова> ему нравилась, и если бы он развелся с женой, то, может быть, устроил бы свою жизнь с ней» (журн. «Журналист», М., 1998, № 11/12, нояб.-дек., с. 55—56).

Слова из письма Есенина — «с своей кассиршей» — дают основания полагать, что Харюткина и Соколова — одно и то же лицо. Несовпадение же фамилий, указанных в источниках, может быть связано, напр., с тем, что в одном случае названа девичья фамилия кассирши, а в другом — ее же фамилия по мужу; разночтение в инициа-

лах, по-видимому, возникло из-за ошибок памяти мемуаристов.

127. *А.Ярмолинскому.* 1 ноября 1922 г. (с. 149).— НЖ, 1957, кн. 51, с. 112, в составе очерка адресата «Есенин в Нью-Йорке», с неточностями.

Печатается по автографу (РГАЛИ). Письмо написано на бланке: «The Waldorf-Astoria / New York».

...я получил Ваше письмо с пометкой 3 окт<ября> *и совершенно не получил книги, которую должен был послать мне Ваш издатель.*— А.Ярмолинский вспоминал: «В 1921 году вышла составленная мной в сотрудничестве с моей женой, Бабет Дейч, антология русской поэзии в английском переводе. Несколькими стихотворениями в ней был представлен и Сергей Есенин. Когда осенью следующего года я узнал из газет, что Есенин приехал в Нью-Йорк с Айседорой Дункан, я попросил издателя выслать ему экземпляр книги и написал об этом Есенину» (РЗЕ, 1, 229). В письме А.Мариенгофу 12 нояб. 1922 г. Есенин сообщал: «Здесь имеются переводы тебя и меня в изд<ании> „Modern Russian Poetry“, но все это убого очень» (п. 128). Письма Ярмолинского Есенину неизвестны.

Очень хотел бы поговорить с Вами лично.— В том же очерке «Есенин в Нью-Йорке» А.Ярмолинский писал: «Если не ошибаюсь, в первый раз мы встретились в Публичной библиотеке (на Пятом авеню), где я заведовал славянским отделом. <...> Есенин предложил мне свои услуги по снабжению Публичной библиотеки советскими изданиями. <...>

Удивил меня Есенин и своим предложением издать в Нью-Йорке сборник его стихов в моем переводе. <...>Через несколько дней я навестил его в гостинице „Валдорф-Астория“ <...>. Когда я собрался уходить, Есенин небрежно сорвал с бювара лист запачканной кляксами промокательной бумаги, согнул его пополам и в эту

импровизированную папку вложил тут же пачку листов бумаги. Затем на обложке написал карандашом: „Сергей — Essenin — Russia — Стихи и поэмы — Перевод Ярмолинского“.

Рукопись — я ее сохранил — состоит из девятнадцати листов, исписанных карандашом. <...> Впрочем, дальше составления рукописи Есенин не пошел. Передав ее мне, он, видимо, потерял интерес к своей затее, и мы больше не встречались» (РЗЕ, 1, 229—230).

Однако М.О.Мендельсон считал, что «изданию сборника есенинских стихов на английском языке помешало прежде всего то, что творчество советского поэта было чуждо супругам Ярмолинским» (Восп., 2, 33). Позже рукопись сборника А.Ярмолинский прислал в Москву; она хранится в РГАЛИ.

128. *А.Б.Мариенгофу*. 12 ноября 1922 г. (с. 149).— Газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1962, 12 июня, № 69 (публ. В.Г.Белоусова, без указания даты и надписи на бланке).

Печатается по рукописной копии, выполненной В.И.Вольпиным (РГАЛИ). Согласно копии, письмо было написано на бланке: «The Waldorf-Astoria / New York». Местонахождение автографа неизвестно.

...чикагские «сто тысяч улиц»...— Есенин иронически перефразирует строки поэмы В.В.Маяковского «150 000 000»:

В Чикаго
14 тысяч улиц,
солнц площадей лучи.
. . . .
Чудно́ человеку в Чикаго!

(Журн. «Художественное слово», М., 1920, кн. 1, с. 13; без подписи).

...Иза Кремер жить может на свое <пение>*...*— Эстрадная певица, исполнительница песен разных народов И.Я.Кремер после своего отъезда из России (в 1918 или 1919 гг.) пела во многих городах Европы и Америки и пользовалась большим успехом, особенно у эмигрантской публики. В окт. 1922 г. как раз проходили ее гастроли в Нью-Йорке (см., напр., объявление в газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1922, 19 окт., № 3554). Не исключено, что Есенин побывал на одном или нескольких концертах певицы.

...очень понимаю кричащих о производственном искусстве.— Идеи «производственного искусства» зародились как в пролеткультовских журналах, так и в недрах «Газеты футуристов» (1918 г.) и их «Искусства коммуны» (1918–1919 гг.). «Производственники» ратовали за утилитарное искусство делания красивых и полезных вещей, за искусство как «жизнестроение», за «литературу факта», отрицавшую художественный вымысел, психологизм, лиризм. Они выдвинули идею «социального заказа», который художнику (как «мастеру») дает класс.

...душа ∾ с ∾ бородой Аксенова.— Эту деталь облика И.А.Аксенова Есенин включил здесь в свою образную систему не впервые. Вспоминая о литературном суде над имажинистами в Большом зале консерватории 4 нояб. 1920 г., И.В.Грузинов писал:

«Есенин в последнем слове подсудимого нападал на существующие литературные группировки — символистов, футуристов и в особенности на „Центрифугу“, к которой причисляли в то время С.Боброва, Б.Пастернака и И.Аксенова. Последний был на литературном суде в качестве гражданского истца и выглядел в своей роли старшим милиционером.

Есенин, с широким жестом обращаясь в сторону Аксенова:

— Кто судит нас? Кто? Что сделал в литературе гражданский истец, этот тип, утонувший в бороде?

Выходка Есенина понравилась публике. Публика смеялась и аплодировала» (Восп., 1, 368).

...как в письме к Ветлугину...— Письмо Мариенгофа к А.Ветлугину неизвестно.

...сейчас Мариенгоф в магазине...— Имеется в виду книжный магазин имажинистов (см. коммент. к пп. 99 и 105).

В голове у меня одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски.— Есенин имеет в виду драму А.П.Чехова «Три сестры» (1900): «И р и н а. Уехать в Москву <...> покончить все здесь и в Москву...» (действие первое.— Чехов А.П. Три сестры: Драма в 4-х действиях. СПб.: А.Ф.Маркс, 1902, с. 4).

Сегодня в американской газете видел очень большую статью с фотогр<афией> *о Камер*<ном> *театре...* — О какой именно газете идет речь, не установлено.

...зане...— потому что (*старосл.*)

В апреле я обязательно буду на своей земле...— Есенин возвратился в Москву 3 авг. 1923 г.

...сходи к представителю Гржебина, узнай, по скольку продают в Германии мой том...— См. коммент. к п. 120.

129. *А.Дункан.* 1923 г. (с. 152).— Публикуется впервые.

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Датируется предположительно по содержанию.

130. *М.Л.Брагинскому.* Конец января 1923 г. (с. 152).— НЖ, 1957, кн. 51, с. 114 (в очерке А.Ярмолинского «Есенин в Нью-Йорке»).

Печатается по первой публикации. По свидетельству публикатора, письмо написано на почтовой бумаге гостиницы «The Great Northern Hotel» на 56-й улице Нью-

Йорка, куда Есенин и Дункан переехали из фешенебельного «The Waldorf-Astoria». Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется по времени встречи Есенина с М.Л.Брагинским после инцидента, о котором идет речь в письме.

Об обстоятельствах появления письма А.Ярмолинский рассказал следующее: «Как-то раз они <Брагинские> пригласили Есенина на вечеринку. Дело было в конце января. Обычно Есенин приезжал к ним один, но на этот раз он приехал в их скромную квартиру (на шестом этаже дома без лифта, в Бронксе) вместе с Айседорой в сопровождении Левина и Гребнева. Русский поэт и знаменитая танцовщица, конечно, немедленно стали центром внимания как хозяев, так и их многочисленных гостей<...>. До известной степени это был литературный вечер. Хозяин продекламировал свои переводы из Есенина, Левин прочел его „Товарищ“, а сам Есенин — монолог Хлопуши из „Пугачева“ и разговор Чекистова с Замарашкиным, которым открывается „Страна негодяев“<...>. После поэзии настала очередь хореографии. Уступая просьбам, Айседора согласилась танцевать. Для нее расчистили место, и один из гостей сел за рояль. Почему-то это привело в бешенство Есенина...» (НЖ, 1957, кн. 51, с. 114–115).

...милый Монилейб! — О посещении Есениным М.Л.Брагинского (Мани-Лейба) вспоминал В.Левин: «Однажды (кажется, это было в феврале 1923 года) я пришел к Есенину в отель и он сказал мне, что собирается на вечеринку к еврейскому поэту Мани-Лейбу, переведшему многие его стихи на еврейский язык. <...> Собрались выходцы из России, большей частью из Литвы и Польши, рабочие, как-то связанные интересами с литературой.

Сам Мани-Лейб, высокий, тонкий, бледный, симпатичный, несомненно, даровитый поэт, и жена его, Рашель, тоже поэтесса, встретили гостей добродушно и радостно. Видно было, что все с нетерпением ждали нашего приезда.

И как только мы вошли, начался вечер богемы в Бронксе. <...>

Скоро раздались голоса с просьбой, чтоб Есенин прочел что-нибудь. Он не заставил себя просить долго и прочел монолог Хлопуши <...>.

Есенина снова просили что-нибудь прочесть из последнего, еще неизвестного. И он начал трагическую сцену из „Страны негодяев". <...> Вряд ли этот диалог был полностью понят всеми или даже меньшинством слушателей. Одно мне было ясно, что несколько фраз, где было „жид", вызвали неприятное раздражение.

А новые люди все прибывали в квартиру <...>. Есенин был в мрачном настроении. <Он дважды> бежал из квартиры. Мани-Лейб еще с некоторыми (с ними и Файнберг) нагнали его. <...> Снова пришли на квартиру Мани-Лейба. Есенин сделал попытку выброситься в окно пятого этажа. Его схватили, он боролся.

— Распинайте меня, распинайте меня! — кричал он.

Его связали и уложили на диван. Тогда он стал кричать:

— Жиды, жиды, жиды проклятые! <...>

Как раз после истории в Бронксе Есенин получил пачку авторских экземпляров своей книжки, вышедшей в Берлине в издательстве Гржебина. Одну такую книжку он подарил мне с трогательной надписью — „с любовью".

Другой экземпляр он подарил Мани-Лейбу, с надписью: „Дорогому другу — жиду Мани-Лейбу". И многозначительно посмотрев на него, сказал: „Ты меня бил"» (РЗЕ, 1, 222–228; Восп.—95, с. 350–356).

Об этом инциденте писали многие зарубежные газеты: «Руль», «Дер тог» и др. (см. Материалы, с. 412). В.Левин свидетельствует: «Что всего ужаснее — назавтра во многих американских газетах появились статьи с описанием скандального поведения русского поэта-большевика <...>. Есенин был представлен „антисемитом и большевиком". Мне переводили содержание статей в английской, и

я сам читал их в еврейско-американской печати. Стало ясно, что в частном доме поэта Мани-Лейба на „вечеринке поэтов“ присутствовали представители печати — они-то и предали „гласности“ всю эту пьяную историю...» (РЗЕ, 1, 225; Восп.-95, с. 353).

...к вечеру со мной повторился припадок ∾ Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе.— В.Левин писал: «Вечеринка происходила в пятницу. <...> В воскресенье утром меня вызвала к телефону Изадора и трогательно просила приехать к Есенину — он лежит, болен. <...> Через час я уже был у них и нашел Есенина в постели. Изадора ушла к стенографу, и мы были наедине. Есенин был немножко бледней обычного и очень учтив со мною и деликатен. И рассказал, что с ним произошел эпилептический припадок. Я никогда прежде не слышал об этом. Теперь он рассказал, что это у него наследственное, от деда. Деда однажды пороли на конюшне и с ним приключилась падучая, которая передалась внуку. Я был потрясен. Теперь мне стало понятно его поведение у Мани-Лейба накануне припадка, мрачное и нервное состояние» (РЗЕ, 1, 225; Восп.-95, с. 353).

Г.Маквей беседовал с некоторыми современниками поэта о его «болезни». Версию есенинской эпилепсии поддерживали М.Дести, С.Юрок, А.Ярмолинский и Л.Фейнберг (Файнберг). Однако Р.Ивнев писал Г.Маквею: «Есенин никогда не был эпилептиком, и никакого намека на эту болезнь у него не было». А.Б.Кусиков был того же мнения. Н.Стор так отвечал Г.Маквею: «Ваш вопрос о есенинской эпилепсии заставил меня улыбнуться. Верьте мне, С.Есенин был абсолютно здоров, у него никогда не было припадков» (IE, p. 137—139).

Э.По и А.Мюссе не болели эпилепсией (см. след. коммент.).

Эдгар По в припадках разбивал целые дома.— В одном из писем По писал в 1848 г.: «Шесть лет тому назад у жены, которую я любил, как никакой человек

никогда не любил до того, порвался кровеносный сосуд, когда она пела. В жизни ее отчаялись. Я простился с нею навсегда и пережил все агонии ее смерти. Она поправилась отчасти, и я снова надеялся. В конце года кровеносный сосуд опять порвался. Я пережил в точности ту же самую картину... Потом опять — опять — и даже еще раз опять, в различные промежутки времени. Каждый раз я чувствовал все предсмертные ее пытки — и при каждом усилении недуга я любил ее еще более горячо и уцеплялся за ее жизнь с еще более безнадежным упрямством. Но по телесным свойствам своим я впечатлителен — нервен в весьма необыкновенной степени. Я сделался безумным, с долгими промежутками ужасающего здравомыслия. Во время этих припадков абсолютной бессознательности я пил — один Бог знает, как часто и сколько именно. Как оно и полагается, мои враги приписали безумие напитку, более чем сам факт пития безумию» (письмо приведено в статье К.Бальмонта «Очерк жизни Эдгара По», 1911. — В кн.: Собрание сочинений Эдгара По в пер. с англ. К.Д.Бальмонта, том пятый. М.: Скорпион, 1912, с. 72).

131. *А.Б.Кусикову*. 7 февраля 1923 г. (с. 153).— Журн. «The Slavonic and East European Review», London, 1968, vol. XLVI, July, № 107, p. 479–480, в статье Г.Маквея (G.McVay) «An Unpublished Letter by Sergey Yesenin» (с неточностями).

Печатается по автографу (с 1977 г. хранится в собрании Г.Маквея, Англия).

Перепечатано (без ведома и без участия первого публикатора): журн. «Le Contrat Social», Paris, 1968, Dec., t. 12, № 4, p. 249–251; НЖ, 1969, кн. 95, с. 227–230 (со вступительной заметкой Р.Г. <Р.Гуля>); газ. «Русская мысль», Париж, 1975, 6 нояб., № 3076, с. 9.

В собрание сочинений Есенина не включалось, хотя там есть ссылка на публикацию Г.Маквея (Есенин 6 (1980), с. 422). В сокращении впервые напечатано на родине поэта:

альм. «Прометей», М., 1987, т. 14, с. 320—324 (в статье Ст. и С.Куняевых «„Товарищи по чувствам, по перу...“», с указанием, что письмо «публикуется по копии из архива М.А.Чагиной»). См. также газ. «Книжное обозрение», М., 1989, № 33, с. 14. По тексту журн. «The Slavonic and East European Review» перепечатано полностью: газ. «В мире Есенина», 1989, 28 сент.—5 окт., № 1, с. 10 (со статьей Л.Аринштейна). Опубликовано С.В.Шумихиным (с исправлениями по факсимиле оригинала из книги Г.Маквея): Мой век, с. 695—696. Напечатано с некоторыми неточностями: Письма, 122—123.

О существовании есенинского письма впервые стало известно из некролога: Александр Кусиков. «Только раз ведь живем мы, только раз... Памяти Есенина».— Газ. «Парижский вестник«, 1926, 10 янв., № 207. Неправильно приводя текст и дату письма, Кусиков так писал о Есенине:

«Он уехал в Америку,— я остался в Париже. Вскоре я получил от него письмо, датированное 23 февраля, 1923 года. Целиком его приводить и не к месту и не время:

„...тоска смертельная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию... Не могу! Ей-богу, не могу! Хоть караул кричи, или бери нож да становись на большую дорогу... Напиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг. Сам видишь, как матерюсь. Значит, больно и тошно“...

Любовь к России все заметнее и заметнее претворялась в заболевание. В болезнь страшную, в болезнь почти безнадежную...»

Свыше сорока лет А.Кусиков не стремился публиковать есенинское письмо. Лишь утром 8 янв. 1968 г. в Париже он позволил английскому исследователю Г.Маквею снять с него копию с сохранением пунктуации и орфографии Есенина.

В дальнейшем произошла путаная, до сих пор не вполне ясная история. 11 янв. 1968 г. А.Кусиков написал пись-

мо вернувшемуся в Англию Г.Маквею: «Мой милый Гордон <...>. Меня постигло большое несчастье через два дня после Вашего отъезда, что и надо было бы предвидеть. Эти две дамы, которых Вы видели у меня за день до Вашего отъезда, одна Татьяна Ивановна Сухомлина, другая (переводчица) Андрэ Робель, которые так „любезно настаивали“ придти после вашего отъезда и помочь мне разобрать мои литературные архивы — *пришли*. Но уходя, УКРАЛИ ПИСЬМО Есенина ко мне — исповедь его души и мою рукопись — этот редчайший и огромный документ, как Вы знаете! Таким образом у меня не осталось даже копии „исповеди“ Есенина. Помните (?) и какое маленькое счастье, когда в 3 ч. ночи и как-то вдруг, и у Вас и у меня одновременно, явилась мысль снять для Вас копию письма Есенина, и я Вам ответил: „Если Вы не устали, сделайте, черт его знает, все может случиться“... Вот и случилось через 3 дня после Вашего отъезда. <...> Как я вам говорил, что этот документ, кроме Вас и моих воров, я никому никогда не показывал из-за его слишком антисоветского содержания за все 48 <так у Кусикова> лет его существования в моем архиве, считая несвоевременно...» (выделено автором).

Р.Гуль пишет: «После нескольких визитов этих двух дам 10 января А.Кусиков обнаружил, что папки с письмами С.Есенина и А.Белого из архива исчезли» (НЖ, 1969, кн. 95, с. 228).

В письме к Г.Маквею от 7 февр. 1968 г. А.Кусиков вновь упоминает письмо Есенина, «в котором *он весь, каким он был* и каким *никто* его не знал, кроме меня» (выделено автором).

14 февр. 1968 г. А.Кусиков написал Г.Маквею: «Эта кража докатилась до Америки и сегодня мне сообщили,— знаю ли я, что Есенин, уезжая из Америки, оставил в национальной библиотеке (приблизительно в то же самое время, как он писал и мне) несколько листов, им написанных, запретив их предать огласке до 1975 года. Зная

Есенина и его душевное состояние этого периода, вы можете без всякого сомнения быть уверенным на все 100%, что его письмо ко мне, это в совершенном виде переложение того в несколь<ких> листах, что он сдал на хранение в Нью-Йоркскую Библиотеку. По приезде ко мне в Париж и до самого его отъезда он со мной говорил только об этом...» (Письма А.Кусикова к Г.Маквею хранятся у адресата).

В июле 1968 г. в лондонском журнале «The Slavonic and East European Review» Г.Маквей по своей сохранившейся неточной копии опубликовал текст есенинского письма. После этой публикации письмо Есенина на протяжении нескольких лет считалось потерянным, хотя в конце 1969 г. Р.Гуль, перепечатавший есенинское письмо в редактируемом им «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1969, кн. 95, с. 227—230), сообщил Г.Маквею: « <...> А. Кусикова, с которым Вы встречались в Париже, я знавал довольно хорошо. Кстати, мне писали из Парижа, что бóльшую часть его архива (украденного) ему вернули по почте (и будто бы именно письма Есенина)...» (письмо из Нью-Йорка, 30 дек. 1969 г., хранится у адресата). 23 сент. 1976 г. родственница А.Кусикова написала Г.Маквею из Франции: «Nous avons trouvè la fameuse lettre» («Мы нашли знаменитое письмо»).

Насколько нам известно, в архиве А.Б.Кусикова хранилось только одно письмо Есенина, хотя Кусиков утверждал в Париже в янв. 1968 г., будто у него есть несколько (пять-шесть) писем поэта.

20 июня 1977 г. после продолжительной болезни Александр Борисович Кусиков скончался под Парижем. В октябре того же 1977 г. наследники А.Кусикова передали Г.Маквею письмо Есенина, которое до сих пор хранится в его собрании.

Письмо написано карандашом, характерным есенинским почерком, на двух страницах листа писчей бумаги. Размер 215 x 278 мм., водяной знак: Niagara Bond.

Милый Сандро! — Так друзья звали Александра Кусикова (ср. строки Есенина в первой публикации стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре...»: «Пой, Сандро! навевай мне снова // Нашу прежнюю буйную рань...» — наст. изд., т. 1, с. 339). Кусиков с 1919 г. участвовал в группе имажинистов. В начале 1922 г. выехал из России, жил сначала в Берлине, затем в Париже. В Ст. ск. цикл «Москва кабацкая» посвящен «А.Кусикову». В февр. 1923 г. адрес Кусикова — 8 Martin Lutherstrasse, Berlin. О нем см.: G. McVay, «The Tree-stump and the Horse: The Poetry of Alexander Kusikov».— Журн. «Oxford Slavonic Papers», Oxford, 1978, vol. XI, pp. 101—131.

Пишу тебе с парохода ∾ Едем вдвоем с Изадорой.— 3 февр. 1923 г. Есенин и Айседора Дункан (правильное произношение, как в письме,— «Изадора») отплыли из США в Европу на американском пароходе «Джордж Вашингтон» («George Washington»). Пароход взял курс на французский порт Шербур.

Ветлугин остался в Америке.— А.Ветлугин (псевд. В.И.Рындзюна) сопровождал Есенина и Дункан в качестве секретаря в поездке по Германии и США. Ветлугин остался в США, где он работал в кинопромышленности; умер в 50-х гг. (по сообщению Р.Гуля, НЖ, 1969, кн. 95, с. 229). Опубликовано одно письмо Ветлугина к Есенину от 6 окт. 1923 г.— см.: Вдовин В., «Письма к Сергею Есенину» (ВЛ, 1977, № 6, июнь, с. 234—235); Письма, 229—230. После смерти поэта А.Ветлугин написал «Воспоминание об Есенине», опубликованное в нью-йоркской газете «Русский голос», 30, 31 марта, 3, 5, 12 апр. 1926 г.; перепечатано в РЗЕ, 1, 129—137, с коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой (с. 287—291).

Хочет пытать судьбу по своим «Запискам», подражая человеку с коронковыми зубами.— Намек на книгу А.Ветлугина «Записки мерзавца: Моменты жизни Юрия Быстрицкого» (на обл.: А.Ветлугин. Записки мерзавца:

Роман), Берлин, 1922, 249 с. Этот роман вышел в издательстве «Русское Творчество» с посвящением «Сергею Есенину и Александру Кусикову» и с авторской пометкой: «Берлин 23 февраля 1922» (с. 12). На с. 89 упоминается Айседора Дункан («Ну, а Айседора Дункан? <...> Босых Петр Феодорович любит в постели, а не на сцене...»).

В главе XI романа (с. 209—238), озаглавленной «Рассказ человека с одиннадцатью платиновыми коронками», описывается от первого лица жизнь 54-летнего русского, Каниферштана (с. 213, 236), уехавшего в 17 лет из России в Сан-Франциско и ставшего миллионером на Клондайке, принимавшего участие в разных коммерческих делах. Будучи неутомимым предпринимателем и невозмутимым жизнелюбом («Жизнь прекрасна...», с. 236), «человек с одиннадцатью платиновыми коронками» является как бы антиподом циничного главного персонажа романа, Юрия Павловича Быстрицкого, современного «героя нашего времени», чье жизненное кредо — «Я ненавижу Россию, я бесконечно равнодушен к судьбе моих родных, у меня нет друзей, есть собутыльники и их не жалко» (с. 211); «Пока у меня возможность равнодушного презрения — я сам бог» (с. 244).

В общем тоне и отдельных деталях — Клондайк, «золотая лихорадка» (с. 226), «море авантюристов и преступников» (с. 221) — глава XI романа чем-то напоминает (может быть, даже предвосхищает) некоторые моменты есенинской пьесы «Страна Негодяев». Как видно из письма Есенина Кусикову, Есенин был хорошо знаком с XI главой романа Ветлугина.

Об Америке расскажу после. Дрянь ужаснейшая, внешне типом сплошное Баку...— Об отношении Есенина к Америке, см., напр., п. 128 (с. 147 наст. тома) и его очерк «Железный Миргород» (1923 г.; наст. изд., т. 5).

Ср.: «Ростов — дрянь невероятная, грязь, слякоть...» (п. 113, с. 130).

Аналогичная оценка города Баку и такие же обороты речи встречаются в письме А.П.Чехова к Н.А.Лейкину от 12 авг. 1888 г.: «Сам Баку и Каспийское море — такая дрянь, что я и за миллион не согласился бы жить там. <...> В Кисловодске и вообще на курортах я не был. Проезжие говорят, что все эти милые места дрянь ужасная...» («Письма А.П.Чехова. Т. II. (1888–1889)», М., 1912, с. 134, 135).

...внутри Захер-Менский...— Грубоватая острота: имеется в виду писатель Н.Н.Захаров-Мэнский. «Захер» — ср. строку в стихотворении того же 1923 г. «Пой же, пой. На проклятой гитаре...»: «Только знаешь, пошли их на хер...» (наст. изд., т. 1, с. 174). По свидетельствам А.Кусикова (в разговоре с Г.Маквеем, Париж, янв. 1968 г.) и Н.Д.Вольпин (в разговоре с Г.Маквеем, Москва, 27 сент. 1995 г.), Н.Н.Захаров-Мэнский — «педераст».

К началу 1927 г. Захаров-Мэнский написал воспоминания о Есенине «Только несколько слов...», где, в частности, свидетельствовал: «Подарив мне одну из книг, он <Есенин> подписал: „Милосердной сестрице русских поэтов“ (я был в то время секретарем Союза <поэтов>), и так меня звал Сергей, до самого последнего времени...» (Восп.-95, с. 181).

Возможно, что здесь обыгрываются и фамилия австрийского писателя Л.Захер-Мазоха, и происходящее от его фамилии понятие «мазохизм».

...если повенчать его на Серпинской.— Известны дружеские дарственные надписи Есенина поэтессе Н.Я.Серпинской на своих книгах, с датами «1920, декабрь» и «1921» — см. Юсов-96, с. 182.

Слышал я, что ты был в Москве...— Поездка Кусикова, скорее всего, не состоялась.

Толя мне писал...— Письмо Мариенгофа неизвестно.

...Кожеб<аткин> *и Айзенш*<тат> *из магазина выбыли.*— А.М.Кожебаткин и Д.С.Айзенштат помогали

Есенину и Мариенгофу вести книжную лавку художников слова «Библиофил» (официальное название книжного магазина имажинистов: см. коммент. к п. 99) на Б.Никитской, 15 в Москве.

...и уехал бы в Африку...— См. афишу вечера поэзии, состоявшегося в Берлине 29 марта 1923 г.: «Объединение Российских Студентов в Германии / *Перед отъездом в Африку* /<...> / Единственный за этот год и прощальный вечер ЕСЕНИНА и КУСИКОВА...» (выделено в источнике; см.: IE, двадцать шестой вкл. л. между с. 252 и 253).

Тошно мне, з а к о н н о м у сыну российскому, в своем государстве пасынком быть.— Сложные взаимоотношения между «сыном» (Есенин) и «матерью» (родина, Русь, Россия, Русь советская) являются своеобразным лейтмотивом в его поэзии. Ср.: «Не в моего ты Бога верила, // Россия, родина моя! // Ты как колдунья дали мерила, // И был как пасынок твой я. // <...> О, будь мне матерью напутною // В моем паденье роковом» («Не в моего ты Бога верила...», 1916 г.); «О родина, о новый // С златою крышей кров, // <...> // Брожу по синим селам, // Такая благодать. / Отчаянный, веселый, // Но весь в тебя я, мать. // <...> // И всю тебя, как знаю, // Хочу измять и взять, // И горько проклинаю // За то, что ты мне мать» («О родина!», 1917 г.); «Что ж вы ругаетесь, дьяволы? // Иль я не сын страны?...» («Грубым дается радость...» — по свидетельству А.Б.Кусикова (в разговоре с Г.Маквеем, Париж, 6 янв. 1968 г.) Есенин написал это стихотворение на диване Кусикова в Берлине в 1923 г.); «В своей стране я словно иностранец...» («Русь советская», 1924 г.); «Хочу я быть певцом // И гражданином, // Чтоб каждому, // Как гордость и пример, // Был настоящим, // А не сводным сыном — // В великих штатах СССР...» («Стансы», 1924 г.); «Теперь в Советской стороне // Я самый яростный попутчик...» («Письмо к женщине», 1924 г.). Тексты см. в

наст. изд. (т. 4, с. 124; 166—167; 186; т. 2, с. 95; 135; 125).

...от революции ∾ да трубка...— Ср. с аналогичной фразой в необнаруженном письме Есенина к В.С.Чернявскому (1924 г.): «если бы не было у меня...., Клюева, Блока, ..., ...,— что бы у меня осталось? Хрен да трубка, как у турецкого святого» (цит. в воспоминаниях Чернявского (ГЛМ); слегка измененный вариант этой цитаты см.: Восп., 1, 215). Написанное Есениным обсценное слово кем-то (возможно, адресатом?) тщательно зачеркнуто и вместо него неизвестной рукой вставлено «клюнь» (т. е. проведена эвфемистическая замена). Здесь авторский текст восстановлен.

...и лижут жопы...— Эти слова тщательно зачеркнуты (скорее всего, адресатом; поэтому они оставлены в тексте письма).

...кого раньше расстреливали...— А о себе Есенин написал: «Не злодей я и не грабил лесом, // Не расстреливал несчастных по темницам...» (в стихотворении «Я обманывать себя не стану...», наст. изд., т. 1, с. 165).

...теперь стало очевидно, что мы и были...— Есенин ясно написал «мы и» (т. е. «стало очевидно, что мы и были и будем»), но кто-то (может быть, А.Кусиков?), неправильно прочитав «мы» как «ты», прибавил черными чернилами слово «я» (т. е., как будто «ты и я»).

Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался...— Поскольку ни одной запятой в этом месте автографа нет, неясно, к какому месту текста ближе по смыслу слово «по-видимому». Скорее всего, можно было бы прочесть: «Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской. По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь...» Против такой интерпретации можно возразить, что следующее слово («в») как будто написано с прописной буквы. При подготовке текста письма для

наст. изд. принято решение ограничиться расстановкой запятых в соответствии с существующими нормами.

...и скрывается какой-нибудь ноябрь.— В.С.Чернявский вспоминает встречи с Есениным в Ленинграде в апр. 1924 г.: «<...>Он вдруг пришел в страшное, особенное волнение. „Не могу я, ну как ты не понимаешь, не могу я не пить. Если бы не пил, разве мог бы я пережить все это, все?...“ <...> Чем больше он пил, тем чернее и горше говорил о современности, о том, „что они делают“, о том, что его „обманули“ <...> В этом потоке жалоб и требований был и невероятный национализм, и ненависть к еврейству, и опять „весь мир — с аэроплана“ и „нож в сапоге“, и новая, будущая революция, в которой он, Есенин, уже не стихами, а вот этой рукой будет бить, бить... кого? он сам не мог этого сказать, не находил... <...> Он опять говорил, что „они повсюду, понимаешь, повсюду“, что „они ничего, ничего не оставили“, что он не может терпеть („Ненавижу, Володя, ненавижу“). <...> И неизвестно было, где для него настоящая правда — в этой кидающейся, беспредметной ненависти или лирической примиренности его стихов об обновленной родине» (Вл. Чернявский, «Три эпохи встреч», автограф и машинопись с правкой и подписью, май 1926 г., ГЛМ).

Вариант опубликован: «Чем больше он пил, тем чернее и горше говорил о том, что все, во что он верил, идет на убыль, что его „есенинская“ революция еще не пришла, что он совсем один...» (Восп., 1, 230).

...оставим этот разговор про ТЁтку.— Графическое оформление Есениным последнего слова, воспроизводимое здесь по автографу, скорее всего, не случайно: «Тётка» обозначает ГПУ (Государственное политическое управление). Иванов-Разумник, друг и наставник Есенина, вспоминал:

«„Тёткой“ прозвали мы в небольшом писательском кругу — ГПУ, а поводом к этому послужили две строчки

из поэмы „Комсомолия“ замечательного поэта земли русской Безыменского:

Комсомол — он мой папаша,
ВКП — моя мамаша...

Этот запоминающийся дистих, без ведома автора очаровательно пародирующий пародию Глеба Успенского („который был моим папашей, который был моим мамашей“...) как-то, к случаю, позволил мне сказать, что хотя не у каждого из нас есть трехбуквенная мамаша, но зато у каждого имеется трехбуквенная тётка ГПУ; еще Фамусов о ней знал, грозя сослать дочь — „в деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!“...» (Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки, Нью-Йорк, 1953, с. 84; в указ. соч. повсюду упоминаются «тётка», «тётенька», «тётушка», «тёткины сыны», «тётушкины адъютанты», напр., там же, с. 85—87, 89, 131, 132, 136—139, 152, 159, 161, 163, и т. д.).

Приведенных Ивановым-Разумником строк («Комсомол — он мой папаша, // ВКП — моя мамаша») в указанной поэме Безыменского нет. Но аналогичный пафос пронизывает ее конец: «Мы, Октября стальные дети, // <...> // Из нас бы каждый сердце вынул // Иль с радостью хоть где корпел, // Чтоб только быть достойным сыном // Огромной мамы — РКП! // <...> // Завод — отец, Ячейка — дом. // Семьища — книги, труд, ребята. // Мы в Комсомолии живем — // Стране великой и богатой. // Мне радость — брат, а солнце — тезка. // Вот ковка дней. Я кузнецом // И вот вам, вот мое лицо — // Лицо рабочего подростка» (цит. по кн. «Комсомольские поэты двадцатых годов» (Библиотека поэта. Большая серия), Л., 1988, с. 595; см. там же — с. 556).

Слова Фамусова «В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов» — в пьесе А.С.Грибоедова «Горе от ума», действие IV, явление 14. Намек на эту же строку находим и в «Комсомолии» Безыменского: «На фронт захочешь...

Что такое? // В Саратов! К тёткам! В глушь! В уезд! // Да, все мы ходим под Цекою... // Но за Цекой — никто не съест» (Комсомольские поэты двадцатых годов, с. 594).

Запиши их лучше у себя «на стенке над кроватью».— Намек на привычку Кусикова записывать свои стихи на стене над кроватью.

132. *А.Дункан*. Вторая половина февраля — первая декада апреля 1923 г. (с 155).— Шнейдер, с. 68.

Печатается по первой публикации. Местонахождение подлинника телеграммы неизвестно.

Датируется временем пребывания Есенина в Берлине (1923 г.: с 16 февр. по начало второй декады апр.; см. также коммент. к п. 134) в сопоставлении с воспоминаниями И.Шнейдера.

«Никто не понял бы эту телеграмму, текст которой приняли на берлинском почтамте, очевидно, за частный шифр,— писал Шнейдер.— Но Айседора быстро расшифровала одной ей понятный „код“: „Изадора! Браунинг убьет твоего дарлинг Сергея. Если любишь меня, моя дарлинг, приезжай скорей, скорей“.

Заложив за 60 тысяч франков три принадлежащие ей картины Эженя Каррьера, ценность которых была во много раз выше, она выехала в Берлин» (Шнейдер, с. 68).

133. *Е.А.Есениной*. 22 апреля 1923 г. (с. 155).— Есенин 5 (1962), с. 170—171.

Печатается по автографу (РГБ). Письмо написано на бланке «Carlton Hotel / Champs Elysées / Paris»; гриф отеля — на последней странице письма.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте: «Paris/17*/22-4/23/Depart».

К конверту, также снабженному фирменной пометой «Carlton Hotel», приклеены три справки Московского поч-

тамта от 2, 3 и 4 мая 1923 г., уточняющие адреса А.М.Сахарова; в справке от 4 мая сообщается: «Б<ольшой> Никитской в доме № 15 по домовой книге адресат за прикрытием магазина выбыл неизвестно куда» (РГБ; Есенин 6 (1980), с. 320—321).

...через Ваню...— Возможно, И.И.Старцева.

В июне я приеду в Москву.— Это произошло 3 авг. 1923 г.

...из Ревеля... — Из Таллинна.

134. *А.Б.Мариенгофу*. Вторая половина апреля 1923 г. (с. 156).— Есенин 5 (1962), с. 171—172.

Печатается по рукописной копии В.И.Вольпина (РГАЛИ). Судя по этой копии, письмо было написано на почтовой бумаге той же гостиницы, что и п. 133. Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется по содержанию и по сопоставлению с п. 133. Возможно, оба эти письма были отправлены примерно в одно и то же время. Есенин прибыл во Францию 11 февр. 1923 г., 16 февр. он был уже в Берлине; однако около 15 или 16 апр. А.Дункан привезла его в Париж (IE, p. 187).

В июне я буду в Москве...— Аналогичная фраза — в п. 133.

Стихи берегу только для твоей «Гостиницы».— Журнал имажинистов Гост. в № 1 (3) за 1924 г. опубликовал три стихотворения Есенина под общим заголовком «Москва кабацкая»: «Да! Теперь решено. Без возврата...»; «Мне осталась одна забава...» и «Я усталым таким еще не был...».

...я бил Европу и Америку...— См. воспоминания А.К.Воронского: «Иногда он говаривал по поводу своих заграничных скандалов: „Ну, да, скандалил, но ведь я скандалил хорошо, я за русскую революцию скандалил". И повторял рассказ о том, как в Берлине на вечере белых писателей он требовал „Интернационал", а в Париже стал

издеваться над врангелевцами и деникинцами, в отставке ставшими ресторанными „шестерками“» (Восп., 2, 72).

Л.И.Повицкий писал:

«— Да, я скандалил,— говорил он <Есенин> мне однажды,— мне это нужно было. Мне нужно было, чтобы они меня знали, чтобы они меня запомнили. Что, я им стихи читать буду? Американцам стихи? Я стал бы только смешон в их глазах. А вот скатерть со всей посудой стащить со стола, посвистеть в театре, нарушить порядок уличного движения — это им понятно. Если я это делаю, значит, я миллионер, мне, значит, можно. Вот и уважение готово, и слава и честь! О, меня они теперь лучше помнят, чем Дункан» (Восп., 2, 243).

См. также коммент. к пп. 120, 121, 123.

...Гришкин вагон...— О вагоне Г.Р.Колобова см. коммент. к п. 100.

...хочется опять к тишине с какой-нибудь Эмилией и Ирмой и нашими Гусаками...— Мариенгоф так вспоминал об этих днях их жизни: «У нас три комнаты, экономка (Эмилия) в кружевном накрахмаленном фартуке и борзой пес (Ирма). Кормит нас Эмилия рябчиками, глухарями, пломбирами, фруктовыми муссами, золотыми ромовыми бабами. Оба мы необыкновенно увлечены образцовым порядком, хозяйственностью, сытым благополучием» (Мариенгоф, с. 94—95).

Читал «Май» и поставил 2.— Есенин имеет в виду сб. стихотворений В.В.Казина «Рабочий май» (Пг., 1922).

...Тихонов...— Видимо, Есенин пишет о поэтических сборниках Н.С.Тихонова «Орда» и «Брага», вышедших в 1922 г.

«Мы! Мы! Мы всюду у самой рампы на авансцене».— Строки из стихотворения А.Мариенгофа «Октябрь» (1918).

...Кусиков и тот стал грозить мне, что меня не впустят в Россию.— См. коммент. к п. 120.

...«не хотите ль» кое-что из «Сорокоуста».— Есенин имеет в виду следующие строки:

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль пососать у мерина?
(Наст. изд., т. 2, с. 81)

135. *З.Г.Гринбергу*. Июль 1923 г. (с. 157).— Газ. «Русь святая», Липецк, 1993, 15—28 июля, № 12—13, с. 12 (публ. Н.Г.Юсова).

Печатается по подлиннику (РГАЛИ, ф. З.Г.Гринберга).

Исполнено на бланке гостиницы («PALAST-HOTEL / FYRSTENHOF. Berlin W̃ / Am Potsdamer Platz»). Текст — рукой Есенина; рукой А.Дункан — союз «and» и подпись.

Является одним из немногих свидетельств есенинских встреч в Берлине с адресатом, который в то время был полномочным представителем Государственного Издательства РСФСР в Германии (копию удостоверения в этом, выданного З.Г.Гринбергу 5 авг. 1922 г., см.: ГАРФ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 282, л. 122).

Если не будет времени (случайно) увидеться...— Скорее всего, это письмо написано незадолго до отъезда Есенина на родину, поскольку оно датировано июлем 1923 г.

...оставляем Вам ∾ *свои фотографии.*— Сохранившаяся фотография Есенина с дарственой надписью З.Г.Гринбергу воспроизведена в: Материалы, с. 93. Текст надписи — Юсов-96, с. 72. Фото А.Дункан, очевидно, также приложенное к письму, в архиве адресата отсутствует.

Привет Бетте Наумовне и Сильвочке.— Речь идет о жене и дочери З.Г.Гринберга.

136. *А.Б.Мариенгофу*. После 3 августа 1923 г. (с. 158).— Мариенгоф, с. 140.

Печатается по первой публикации. Местонахождение подлинника телеграммы неизвестно.

Датируется по содержанию — с учетом времени возвращения Есенина из-за границы.

Приезжай.— А.Б.Мариенгоф с женой и сыном Кириллом в это время отдыхали на Черном море: «На лето <1923 г.> уехали с Никритиной к Черному морю пожариться на солнышке. В августе деньги кончились <...>.

Вдруг: телеграфный перевод на сто рублей. И сразу вся кислятина из души выпарилась. Решили даже еще недельку поболакаться в море.

За обедом ломали головы: от кого бы такая благодать?

А вечером почтальон вручил нам догадку. Телеграмма: <следует текст>. Ошалев, заскакал я и захлопал в ладоши <...>.

— Ну, брат Кирилл, в Москву едем... Из невозможных Америк друг мой единственный вернулся...» (Мой век, с. 403—404).

137. *А.Дункан.* 29 августа 1923 г. (с. 158).— Шнейдер, с. 76—77 (в извлечениях, с правильной датой); Хроника, 2, 83 (с цензурной купюрой и ошибкой в датировке). Полный текст — журн. «The Slavonic and East European Review», London, 1993, vol. 71, № 2, April, p. 274—275 (публ. Г.Маквея; с сомнениями относительно написания числа в дате).

Печатается по автографу (РГАЛИ).

Возможно, является ответом на телеграмму А.Дункан от 24 авг. (ее текст см. ниже).

Я очень занят книжными делами...— В авг.-сент. 1923 г. Есенин вел работу по созданию редакционной коллегии журнала «Россияне». И.В.Грузинов вспоминал: «Осень. Ранним утром я встречаю Есенина на Тверской: он несет целую охапку книг: издания „Круга“. Так и несет, как охапку дров. На груди. Обеими руками.

Без перчаток. Холодно.

Вечером того же дня в „Стойле Пегаса“ он говорит мне:

— Я занимаюсь просмотром новейшей литературы. <...> Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов» (Восп., 1, 373).

... приехать не могу.— 14 авг. Айседора Дункан выехала из Москвы на гастроли в Кисловодск. И.Шнейдер отмечал в своих воспоминаниях: «...было решено, что Есенин поедет в Кисловодск вместе со мной через три дня» (Восп., 2, 47). 24 авг. Дункан телеграфировала Есенину: «Дарлинг очень грустно без тебя надеюсь скоро приедешь сюда навеки люблю — Изадора» (Письма, 228).

С Пречистенки я съехал сперва к Колобову, сейчас переезжаю на другую квартиру, которую покупаем вместе с Мариенгофом.— На Пречистенке (д. 20) в особняке балерины А.М.Балашовой, эмигрировавшей в Париж, Есенин проживал вместе с Дункан в 1921—1922 гг., где располагалась и танцевальная студия, ею руководимая. По возвращении из-за границы поэт вернулся в свою прежнюю квартиру по адресу: Петровка, Богословский пер., д. 3, где остался жить Мариенгоф. В авг. 1923 г. он покинул этот дом. Покупка новой квартиры не состоялась.

Был у Троцкого. ∾ Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство.— В мемуарах М.Д.Ройзмана эта встреча с Л.Д.Троцким, происшедшая в начале второй половины авг. 1923 г., описывается следующим образом: «Есенин заявил, что крестьянским поэтам и писателям негде печататься: нет у них ни издательства, ни журнала. Нарком ответил, что этой беде можно помочь: пусть Сергей Александрович, по своему усмотрению, наметит список членов редакционной коллегии журнала, который разрешат. Ему, Есенину, будет выдана подотчетная сумма на расходы, он будет печатать в журнале произведения, которые ему придутся по душе.

Разумеется, ответственность политическая и финансовая за журнал целиком ляжет на Сергея. Есенин подумал-подумал, поблагодарил наркома и отказался.

Когда вышли из кабинета, Блюмкин, не скрывая своей досады, спросил Есенина, почему тот не согласился командовать всей крестьянской литературой? Сергей ответил, что у него уже был опыт работы с Клычковым и Орешиным в „Трудовой артели художников слова“: однажды выяснилось, что артель осталась без гроша. А кто поручится, что это же не произойдет и с журналом? Он же, Есенин, не так силен в финансовых вопросах. А зарабатывать себе на спину бубнового туза не собирается» (Ройзман, с. 198). Описание встречи с Троцким Ройзман воспроизвел со слов присутствовавшего при ней Я.Блюмкина.

Журнал с предполагавшимся названием «Россияне» в свет так и не вышел.

Логично усмотреть в этом отказе поэта нежелание подчинить будущее издание определенной идеологической линии, чего Есенин не хотел. Свое отношение к внутриполитическим и литературным распрям он сформулировал в п. 192: «Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная — я сам» (с. 193 наст. тома).

138. *П.Н.Зайцеву*. Август — сентябрь 1923 г. (с. 159).— Хроника, 2, 89.

Печатается по авторизованной машинописи мемуарного очерка П.Зайцева «Сергей Есенин: (Из воспоминаний о встречах с поэтом)» (РГАЛИ, ф. П.Н.Зайцева; с датой: «1956 г.»). Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется временем общения Есенина с П.Зайцевым в соответствии с воспоминаниями последнего:

«Вскоре после возвращения из-за границы Есенин зашел в редакцию „Недр“, где я работал тогда, но меня не

застал. Я нашел на столе у себя в редакции клочок бумаги, на котором было нацарапано <далее следует текст записки>. В почерке уже не было строгого устава, характерного для поэта в 1918 году. Это были ломаные каракули, очень слабо напоминавшие прежний почерк поэта, и было в них что-то болезненное...

Редактор „Недр“ отнесся к предложению Есенина холодно. По его мнению, поэт не подходил по общему строю и направленности для „Недр“, и вопрос о печатании его стихов в „Недрах“ и об издании его книги не был включен в порядок дня. Сам он в редакцию к нам больше не заходил: ждал, что мы придем к нему — с ответом и приглашением. А мне заходить к нему было не с чем. Так мы с ним в те дни и не встретились» (РГАЛИ, ф. П.Н.Зайцева; частично — Хроника, 2, 89).

Адресат в то время работал секретарем редакции московского издательства «Недра», руководителем и главным редактором которого был Н.С.Ангарский.

139. *Г.А.Бениславской*. 8 сентября 1923 г. (с. 159).— Журн. «Октябрь», М., 1965, № 11, нояб., с. 90 (в составе «Романа с друзьями» А.Мариенгофа).

Печатается по автографу (ИМЛИ).

140. *А.Дункан*. После 15 (?) сентября 1923 г. (с. 159).— Журн. «Scottish Slavonic Review», Glasgow, 1986, № 6, Spring, p. 98 (факсимиле); p. 99 (печ. текст; публ. Г.Маквея).

Печатается по факсимиле. По сведениям публикатора, оригинал находится в коллекции Ирмы Дункан (Dance Collection at the New York Public Library, USA).

Датируется предположительно: по содержанию, возможно, является ответом на приведенную ниже телеграмму.

Ia ne mog priehat... <Я не мог приехать...> — 15 сент. А.Дункан, уехавшая на гастроли, телеграфировала Есени-

ну из Баку: «Выезжаем понедельник Тифлис приезжай туда телеграфируй выезде Ориант навеки люблю — *Изадора*» (Письма, 228).

Priedu v Ialtu. <Приеду в Ялту.> — В Ялту Есенин не приехал.

Irme — т. е. И.Дункан.

141. *Г.А.Бениславской.* Сентябрь 1923 г. (с. 160).— Клюев Н. Соч. [Мюнхен], 1969, т. 1, с. 123 (в статье Б.Филиппова «Николай Клюев: Материалы для биографии», без приписки); полностью — Хроника, 2, 89.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется по содержанию.

...относительно Клюева с паспортной братией.— Возможно, связано с необходимостью оформления временной прописки Клюева, собиравшегося приехать в Москву. Подруга Г.А.Бениславской А.Г.Назарова вспоминала: «Е<сенин> получил письмо от Клюева — „умираю с голоду, болен. Хочу посмотреть еще раз своего Сереженьку, чтоб спокойней умереть". С.А. взволнованно и с большой любовью говорил, какой Клюев чудный, хороший, как он его любит. Решил, что поедет и привезет его в Москву. Просил Я<ну Козловскую> уступить комнату для К<люева>. Я<на> уступила <...> <она жила в одной квартире с Бениславской>. Назначили день отъезда: воскресенье» (Материалы, с. 127). Есенин выехал в Петроград 14 окт. и вернулся в Москву 18 окт. с Клюевым. Бениславская вспоминала: «Уезжая, просил меня перевезти все его вещи с Богословского ко мне, чтобы Дункан не вздумала перевезти их к себе...» (Материалы, с. 52). В середине окт. Дункан вернулась из турне по Кавказу и Крыму.

142. *Г.А.Бениславской.* Сентябрь 1923 г. (с. 160).— Хроника, 2, 90.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется по содержанию.

...не смогу поехать с Вами.— Скорее всего, речь идет о загородной прогулке.

Немного разбит настроением физически.— Об этом периоде жизни Есенина вспоминала А.Г.Назарова: «Есенин страшно мучился, не имея постоянного пристанища. На Богословском комната нужна была Мариенгофу <и Колобову>, на Никитской в одной комнатушке жили я и Г<аля Бениславская>. Он то ночевал у нас, то на Богословском, то где-нибудь еще: как бездомная собака, скитаясь и не имея возможности ни спокойно работать, ни спокойно жить. Купить комнату — не было денег. <...> а потом и совсем переехал на Никитскую, думая все время получить комнату или квартиру» (Материалы, с. 121, 137).

143. *А.Б.Мариенгофу*. Сентябрь 1923 г. (с. 160).— Журн. «Октябрь», 1965, № 11, с. 90 (в тексте «Романа с друзьями» А.Мариенгофа, частично). Полный текст — Хроника, 2, 90.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется по содержанию в сопоставлении с телеграммой к А.Дункан (п. 144).

Галя моя жена.— А.Б.Мариенгоф писал: «После возвращения Есенина из Америки Галя <Бениславская> стала для него самым близким человеком: возлюбленной, другом, нянькой. Нянькой в самом высоком, благородном и красивом смысле этого слова, почти для каждого из нас дорогого по далекому детству <...>

Я, пожалуй, не встречал в жизни большего, чем у Гали, самопожертвования, большей преданности, небрезгливости и, конечно,— любви.

Она отдала Есенину всю себя, ничего для себя не требуя. И уж если говорить правду — не получая» (Мой век, с. 245—246). См. также: Материалы, воспоминания

Г.А.Бениславской и А.Г.Назаровой (с. 18—96, 121—138).

144. *А.Дункан.* До 9 (или 13) октября 1923 г. (с. 161).— Шнейдер, с. 80.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ). В фотокопии с машинописной копии телеграммы (там же) указан адрес: «Ялта, гостиница Россия. Айседоре Дункан» и обратный адрес — «Богословский пер., 3, кв. 46. Сергей Александрович Есенин». Сократилась также фотокопия первоначального текста телеграммы: «Я говорил еще в Париже, что в России я уйду. [Ты меня озлобила. Люблю тебя, но] жить с тобой не буду. [Я женился]. Сейчас я женат и счастлив. Тебе желаю того же. Есенин» (ИМЛИ; Письма, 128).

Неоднозначность ее датировки связана с разноречивостью сведений, имеющихся на этот счет. С одной стороны, публикатор датировал телеграмму 13-м окт. со ссылкой на виденную им квитанцию ее отправки (Шнейдер, с. 80), ныне неизвестную. С другой стороны, в те же дни Г.А.Бениславская отправила телеграмму Айседоре Дункан (со словами: «...он <Есенин> со мной к вам не вернется никогда» — Материалы, с. 50), впоследствии опубликованную с датой: «9-X-23» (в кн. И.Дункан и А.Р.Макдугалла «Isadora Duncan's Russian Days...», London, 1929, p. 237; ср. также: IE, p. 215—217). По утверждению Бениславской, ее телеграмма ушла в Ялту спустя какое-то время после того, как Есенин послал А.Дункан свою (Материалы, с. 50). Если это действительно было так, то телеграмма Есенина была подана не 13 окт., а до 9 окт. Какая из этих дат верна (или вернее), установить пока не удалось.

Есенин переехал к Г.А.Бениславской в Брюсовский пер., д. 2/14, в конце сент. 1923 г. «Это был период, — вспоминала она,— когда С.А. был на краю, когда он <...> просил помочь выкарабкаться из этого состояния и помочь

кончить с Дункан» (Материалы, с. 86). Ею же описаны обстоятельства, при которых была составлена комментируемая телеграмма: «После заграницы Дункан вскоре уехала на юг <...> почти ежедневно он получал от нее и Шнейдера телеграммы. Телеграммы эти его дергали и нервировали до последней степени <...>. В одно утро проснулся, сел на кровати и написал телеграмму <следует ее первоначальный текст, приведенный выше>. Я заметила — если кончать, то лучше не упоминать о любви и т. п. Переделал <следует окончательный текст>. И послал» (Материалы, с. 50).

145. *А.Л.Миклашевской*. 27 октября 1923 г. (с. 161).— Журн. «Дон», Ростов-на-Дону, 1963, № 2, февр., с. 189 (в воспоминаниях А.Миклашевской «Сергей Есенин»).

Печатается по автографу (собрание И.И.Бурачевского, г. Рязань).

В воспоминаниях «Встречи с поэтом» А.Л.Миклашевская писала: «В театре „Острые углы“ я играла в инсценированном рассказе О.Генри „Кабачок и роза“. Я сыграла женщину, абсолютно не похожую на меня в жизни. За кулисы Есенин прислал корзину цветов и маленькую записочку <далее идет текст записки>» (Восп.-95, с. 371). А.Миклашевская играла роль мисс Пози Кэрингтон, артистки столичного театра варьете. Настоящая ее фамилия Богс. «Миниатюрная, пикантная, задорная, очаровательная, упоенная славой» — так о ней говорится в рассказе (О.Генри. Соч. в трех томах. М., 1975, т. 2, с. 200—206, под загл. «Погребок и Роза»; 1904).

146. *Г.Б.Якулову*. Октябрь 1923 г.— 1925 г. (с. 161).— Газ. «Вечерняя Рязань», 1992, 26 сент., № 77, в статье Е.Каревой «Неизвестное письмо Есенина», не полностью, с грубыми искажениями. По словам публикатора, «письмо написано в последний год жизни поэта» (обоснования этому утверждению не дано).

Печатается по автографу (собрание А.Я.Якулова, г. Москва; текст проверен Ю.Б.Юшкиным).

Датируется ориентировочно, принимая во внимание возможные временные границы встречи Есенина с адресатом и упомянутыми в письме лицами. Так, из опубликованных хроникальных данных о поездках Маяковского и Есенина (а также о стационарном лечении Есенина) явствует, что тогдашние московские встречи поэтов могли происходить в следующие интервалы времени:

— *1923 г.* Окт.— первая половина дек.;

— *1924 г.* Вторая половина февр.— первая половина апр.; начало второй декады и последняя пятидневка мая; первая половина июня; первая декада (или первая половина) августа;

— *1925 г.* Первая и третья (до 27-го) декады марта; 21—23 дек.

Живописец, монументалист и театральный художник Г.Б.Якулов был в дружеских отношениях с Есениным, А.Мариенгофом и другими имажинистами с 1918 г., еще до составления имажинистами «Декларации» (1919), под которой он также поставил свою подпись (наст. изд., т. 7, кн. 1). В 1921 г. он стал одним из членов Верховного Совета ордена имажинистов; невышедший коллективный сборник «Эпоха Есенина и Мариенгофа» (1921—1922) открывался словами: «Верховному мастеру ордена имажинистов, создателю декоративной эпохи Георгию Якулову посвящают поэтическую эпоху Есенин и Мариенгоф» (наст. изд., т. 3, с. 464).

При всем этом из содержания комментируемого письма явствует, что от Якулова не требовалось полного прекращения отношений с литературными противниками имажинистов — скажем, с футуристами, с которыми сотрудничал художник и в 1914, и в 1917 гг. (подробнее см.: Катанян, с. 93; 127; 132).

Я подошел к поезду ∾ Но я ведь тоже не безбилетный...— Что здесь имелось в виду конкретно, установить не удалось.

...сидят Маяковский, Асеев, Безымянский...— Если первый и второй поэты принадлежали в то время к литературно-художественной группировке «Левый фронт искусств» («Леф»), то А.И.Безыменский был тогда активным членом МАПП (Московской ассоциации пролетарских писателей). Такая общая встреча, скорее всего, могла произойти уже после 22 окт. 1923 г.— даты первого совместного заседания лефовцев и мапповцев в связи с заключением соглашения между ними о творческом сотрудничестве (подробнее см.: Катанян, с. 259—260; там же — фрагменты воспоминаний Н.Асеева о контактах Есенина с лефовцами). Негативное отношение Есенина к литературным установкам «Левого фронта искусств» публично проявилось в первые же дни по возвращении поэта из заграничной поездки (авг. 1923 г.). 14 авг. он пишет первую часть очерка «Железный Миргород» с выпадами против Маяковского (подробнее см. наст. изд., т. 5, с. 267—268, 273, 399, 405), а 21 авг. высказывается против платформы Лефа на своем вечере в Политехническом музее (Борисов С. Вечер Есенина.— Газ. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», М., 1923, 23 авг., № 188).

147. *В.И.Вольпину*. 19 декабря 1923 г. (с. 161). — Есенин 5 (1962), с. 172.

Печатается по автографу (РГБ).

Будьте добры выписать деньги ∾ Договор подпишу, как выйду из санатории.— Речь идет о договоре на сб. «Москва кабацкая» в редакционно-издательском и рекламном отделе ГУМа. Переговоры об издании велись, видимо, с нояб. 1923 г. В.И.Вольпиным и Г.Светлым (Г.И.Павлюченко), который 2 дек. писал Есенину: «Сережа! Я несколько раз заходил в „Стойло <Пегаса>“, но не застал. Со сборником <М. каб.> выгорело с некоторы-

ми изменениями. Если особых событий сегодня не произошло, то дело верное. Хорошо <бы> завтра <тебе> зайти между 7—8 ко мне» (Письма, 231).

28 дек. В.И.Вольпин известил Есенина: «Вследствие некоторых обстоятельств, о которых я сообщу Вам лично, ГУМ отказался печатать „Москву кабацкую“» (Письма, 233). Причины этого отказа не установлены.

148. *З.Н.Райх*. Конец 1923 г.— 1924 г. (с. 162).— Журн. «Журналист», М., 1998, № 8, авг., с. 58—59 (в статье Н.Есениной (Наседкиной) «Немного о родственниках», с неточностями).

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Датируется ориентировочно по содержанию.

В редакционном предисловии к статье публикатора указано, что приводимые в ней «уникальные документы сохранились в архиве ее матери Е.А.Есениной»,— сестры поэта. На конверте, в котором находилось комментируемое письмо, есть лишь надпись: «З.Н.Райх-Мейерхольд», но нет ни адреса, ни почтовых штемпелей. Письмо, скорее всего, не было отправлено адресату.

...Ваших детей...— т. е. Татьяну и Константина, детей Райх от брака с Есениным.

...у меня есть сестры и братья, которые носят фамилию, одинаковую со мной...— Имеются в виду прежде всего родные сестры поэта — Екатерина и Александра — и его двоюродный брат Илья.

...Ваши заявления, подобные тому, которое Вы сделали Сахарову...— Очевидно, содержание этого заявления пересказано Есениным в начале письма. О тогдашней встрече З.Райх с А.Сахаровым сведений нет.

...перемените фамилию Тани...— Это предложение не осуществилось; скорее всего, Райх о нем не узнала.

149. *В.И.Вольпину.* 1 января 1924 г. (с. 163).— Есенин 5 (1962), с. 172–173, с неточностями. Точный текст — Есенин 6 (1980), с. 139–140.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. Э.Ф.Циппельзона).

Очень благодарен Вам за устройство с книгой.— Имеется в виду книга М. каб. (см. коммент. к п. 147). В письме от 28 дек. 1923 г. В.Вольпин сообщал Есенину: «Есть лицо (Ваш поклонник) Александр Маркович Калмановский, который берет ее за 35 червонцев, обещая издать скоро и хорошо, согласно Ваших указаний.

Для того, чтобы дело сладилось, необходимо:

1) заключить договор вроде гумовского, который — помните? — я Вам читал и

2) провести ее предварительно через Главлит, если возможно полностью, а если нет, то с купюрами, поставив вместо текста точки.

Я охотно бы взял на себя хлопоты по проведению этого дела, за исключением Главлита, которые поручите кому-нибудь, имеющему там связи, хотя бы Анатолию Борисовичу <Мариенгофу>, сообщив ему мой адрес и связав его со мной» (Письма, 233–234).

Историю издания М. каб. рассказал один из участников этого предприятия И.С.Морщинер в письме В.Г.Белоусову 18 нояб. 1966 г.: «В самом конце 1923 г. Александр Маркович Калмановский, мой близкий товарищ, однокашник по Могилевской гимназии, сказал мне, что виделся недавно с другим нашим земляком — Валентином Ивановичем Вольпиным, служившим, помнится, в редакционно-издательском и рекламном отделе ГУМа. Вольпин сообщил Калмановскому, что он близок с Есениным, что цикл стихов „Москва кабацкая“ поэтом уже завершен. Вольпин предложил Калмановскому подумать, нельзя ли помочь поэту опубликовать эти стихи. По словам Вольпина, денег на это нужно немного — червонцев тридцать — сорок, а выпустить в свет можно как авторское издание. Дело это,

по мнению Вольпина, надежное — книжка разойдется очень быстро, и не только расходы оправдаются, но и прибыль может быть немалая. <...> Калмановский сказал, что, может быть, мы могли бы вместе с ним поднять это дело, если расходы потребуются не очень большие. <...>

Я сразу вспомнил о другом нашем земляке — Евсее Давыдовиче Иоффе, работавшем в „Кооперативной газете“, знавшем издательское дело и имевшем в издательском мире кое-какие связи. <Его знакомый> предложил нам устроить в Петрограде вечер стихов Есенина. По его предположениям, это было дело верное. Он утверждал, что на этом вечере мы сможем заработать немалую сумму, которой вполне хватит на оплату издания. Как опытный в таких делах человек, он брался снять помещение для вечера, заказать и расклеить афиши, организовать продажу билетов и т. п. <...>

Был снят Зал Лассаля, заказаны афиши с объявлением о вечере Есенина. <...>

Вырученной от вечера суммы с лихвой хватило, чтобы рассчитаться за издание „Москвы кабацкой“» (Письма, 521–522, 524, 526).

Посылаю Вам доверенность...— Об этом В.И.Вольпин просил Есенина в письме от 28 дек. 1923 г.: «Если мое предложение <см. выше> Вас устраивает, то вышлите краткую доверенность, заверив в конторе дома или милиции свою подпись.

Деньги сейчас же, после прохождения рукописи через Главлит, будут получены и пересланы Вам или переданы сестре» (Письма, 234). Доверенность не обнаружена.

19 янв. 1924 г. было оформлено «Соглашение», по которому «И.С.Морщинер, с одной стороны, и В.И.Вольпин — с другой, действующий по доверенности С.А.Есенина, заключили настоящее соглашение на „Москву кабацкую“ размером 524 строки, тираж 3000 экземпляров» (Письма, 234).

Рукописью сборника заинтересовался зав. петроградским отделением Госиздата И.И.Ионов. 24 марта 1924 г. он писал Есенину: «„Москву кабацкую“ сдал в печать. Все будет стоить только 27 червонцев. Сделаю хорошо» (Письма, 235).

Книга действительно была отпечатана в типографии петроградского Госиздата и вышла в июле 1924 г. в Ленинграде, но не под маркой Госиздата, а как авторское издание (при содействии В.И.Вольпина, И.С.Морщинера и Е.Д.Иоффе; см. выше).

В музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (г. Санкт-Петербург) хранится вторая корректура М. каб. (без первых шестнадцати страниц), с правкой неустановленными лицами, в т. ч. цензурной.

...Прошу отпустить из Вашего склада...— В.И.Вольпин в то время заведовал книжным и издательским отделами ГУМа.

...2 книги моей сестре — Когана и Устинова о новой литературе.— Речь идет о книгах: Коган П.С. Пролетарские поэты, изд. 2-е. М., 1923; Устинов Г.Ф. Литература наших дней. М., 1923. В обеих книгах шла речь о Есенине.

Привет Вашей супруге и Светлым.— М.С.Вольпиной и семье Г.И.Павлюченко (Светлого).

Оч<ень> хорошо было бы, если б издатель сделал один оттиск книги наскоро. Это нужно Воронскому. Он в «Красной нови» пускает обо мне большую статью с большим вниманием к «Москве кабацкой».— Имеется в виду статья А.К.Воронского «Сергей Есенин», опубликованная в Кр. нови, 1924, № 1 (янв.). Однако отдельный оттиск М. каб. к этому времени не мог быть изготовлен, так как книга вышла лишь во второй половине июля 1924 г. (см. выше).

150. *А.М.Алексееву.* 14 января 1924 г. (с. 163).— Газ. «Советская Россия», М., 1990, 3 окт., № 228, в

статье Т.Флор-Есениной «Был всегда неожиданным», с неточностями. Точный текст — в обзоре В.В.Базанова «Материалы о Сергее Есенине в рукописном отделе Пушкинского Дома» (сб. «Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли», СПб.: Наука, 1994, с. 28).

Печатается по машинописной копии, сделанной с подлинника (ИРЛИ; об обстоятельствах снятия копии см. в упомянутом обзоре В.В.Базанова, с. 27).

Является ответом на следующее письмо адресата от 14 янв. 1924 г.:

«Уважаемый Сергей Александрович!

Будьте настолько добры сообщить запиской, найдете ли Вы возможным выступить на вечере вместе с Д.Бедным и Маяковским или только вдвоем с Маяковским.

Если указанный состав Вас не удовлетворит, то согласны ли Вы на Ваш самостоятельный вечер? О форме необходимо поговорить.

Вечер предполагается в 20-х числах (22-го) января.

Когда и где я могу Вас видеть?

Организатор Вашего первого вечера А.Алексеев» (Письма, 234).

А.М.Алексеев организовал вечер Есенина в Политехническом музее 21 авг. 1923 г. (его фамилия заключает афишу этого вечера — частное собрание, г. Москва). Другие сведения о нем не выявлены. Обмен письмами между А.Алексеевым и Есениным состоялся во время лечения Есенина. Судя по дальнейшим событиям жизни поэта, его второй вечер, организатором которого был бы Алексеев, так и не осуществился.

151. *Н.П.Савкину.* 14 января 1924 г. (с. 164).— Журн. «Огонек», 1975, № 40, 4 окт., с. 24, в статье Ф.Медведева «С именем Есенина».

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Приветствую жену твою.— Н.Г.Савкину.

152. *Е.Д.Иоффе*. 30 марта 1924 г. (с. 164).— Есенин 5 (1962), с. 173 (с ошибочной атрибуцией Е.Д.Эркину. Фамилия адресата письма установлена В.Г.Белоусовым — Хроника, 2, 290—291).

Печатается по автографу (РГАЛИ).

Посылаю Вам ∾ краткие тезисы слова.— Имеется в виду слово «О мерзости и прочем в литературе. Вызов не попутчикам», которое было обозначено на афише вечера поэзии Есенина, состоявшегося 14 апр. 1924 г. в Ленинграде в зале Лассаля. Описание подготовки к вечеру и самого вечера — см. письмо И.С.Морщинера В.Г.Белоусову от 18 нояб. 1966 г. (Письма, 524—525): «Предварительная продажа билетов шла успешно, к трем часам дня все они были распроданы — громкая слава Есенина сделала свое дело. <...> Есенин начинает свое вступительное слово. Говорит о том, что очень любит Ленинград, что он не раз уже бывал в этом городе, что здесь у него много друзей и знакомых. <...> Стоя за кулисами, но высунувшись из них настолько, что меня уже могли видеть сидящие в первых рядах, сложив руки рупором, я громчайшим шепотом кричу:

— Сергей Александрович! Довольно! Читайте стихи! Стихи!

Мой громкий шепот был услышан. Есенин замолк. С секунду выдержал паузу и затем с очаровательной улыбкой произнес:

— Да что ж это я! Ведь, право, это не моя специальность! Я лучше прочту вам стихи. <...>

Читал он долго, и не было ни одного стихотворения, которое разочаровало бы публику. Аплодисменты всё нарастали, и вечер кончился полным триумфом. Есенин несколько раз выходил раскланиваться с аплодирующим залом, благодарил за теплую встречу и, наконец, почти умоляющим тоном произнес:

— Спасибо! Простите, больше не могу! — и показал рукой на горло».

В п. 156 (Г.А.Бениславской) Есенин писал: «Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали». См. также коммент. к пп. 149, 155 и 156.

Тезисы слова не обнаружены. См. афишу этого вечера (наст. изд., т. 7, кн. 2).

153. *А.А.Берзинь*. 4 апреля 1924 г. (с. 164).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 16 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ).

...Вас сегодня нет на службе...— А.А.Берзинь работала тогда в Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ); в Госиздат она перешла летом 1924 г. (ГАРФ, ф. Государственного издательства РСФСР).

Черкните пару слов с Приблудным.— Очевидно, И.Приблудный был послан Есениным к адресату с комментируемым письмом. Судя по собственной приписке посыльного (см. с. 165 наст. тома), ему не удалось тогда увидеться с А.Берзинь. Ответное ее письмо неизвестно (скорее всего, оно и не было написано).

Мы остались одни. Жена Вардина уехала.— Есенин в это время жил на квартире И.Вардина.

...над заявлением Сергея о выезде за пределы СССР.— Эта мысль не раз возникала у Есенина и позднее (см. пп. 207 и 248). Назвав это заявление Есенина шуточным, Е.А.Динерштейн указал, что оно хранится «в архиве поэта (ЦГАЛИ)» (Есенин 5 (1968), с. 294). В настоящее время эта информация не подтверждается: документ, о котором идет речь, в РГАЛИ не выявлен.

154. *В.Г.Шершеневичу*. 11 апреля 1924 г. (с. 165).— Журн. «Москва», 1965, № 10, окт., с. 206; Восп.-65, с. 263, в составе воспоминаний М.Д.Ройзмана.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. М.Д.Ройзмана).

...для журнала «Вольнодумец».— В 1919 г. Есениным была задумана и создана «Ассоциация вольнодумцев

в Москве», предполагавшая издавать журнал, «которому Есенин дал название „Вольнодумец“ и взял его редактирование лично на себя. <...> Он подбирает основных сотрудников журнала, для чего встречается с многими писателями и поэтами. По его планам, в „Вольнодумце“ будут участвовать не связанные ни с какими группами литераторы. Они должны свободно мыслить!

Он хотел печатать в „Вольнодумце“ прозу и поэзию самого высокого мастерства, чтобы журнал поднялся на три головы выше „Красной нови“ и стал образцом для толстых журналов. Конечно, в „Вольнодумце“ обязательно будут помещаться произведения молодых авторов, только с большим отбором и с условием, если у них есть что-нибудь за душой. <...> Сергей сказал, что для прозы у него есть три кита: Иванов, Пильняк, Леонов. Для поэзии старая гвардия: Брюсов, Белый, Блок — посмертно. Еще: Городецкий, Клюев.

— А новая гвардия?

— Будет! Надо договориться впрок.

— Значит, имажинистов отметаешь, Сережа?

— С чего ты взял?

<...>Есенин для „Вольнодумца“ договорился с Грузиновым о статье; Н.Эрдман подберет отрывок из пьесы; Р.Ивнев заявил, что о „Вольнодумце“ знает, не верит в то, что журнал будет, но, если нужно, даст новые стихи; Шершеневич удивился, почему Сережа сам ему не позвонил,— или забыл номер телефона <...>

Одиннадцатого апреля <1924 г.> я пошел к трем часам в Клуб поэтов (Тверская, 18) <...>Войдя в клуб, я увидел за столиком Есенина. <...> Есенин спрашивает, что мне ответили <...> имажинисты. Когда я дохожу до Шершеневича, он говорит:

— Я лучше ему напишу!

Я протягиваю Сергею пол-листа чистой бумаги. Он пишет чернильным карандашом: <следует текст записки>.

Вечером я прочитал по телефону эту записку Шершеневичу.

— Передай Сереже,— сказал Вадим,— напишу статью — все вольнодумцы облизнутся. А за стихами можно в любой день прислать! <...>

Почему же Есенин, принявшийся с таким усердием за организацию „Вольнодумца", не довел это дело до конца? <...> В 1924—1925 годах у Сергея было время самой плодотворной творческой работы. Он сам говорил:

— Наступила моя пора Болдинской осени!» (Восп.-65, с. 255, 257—258, 259—260, 263—265).

Были и другие причины (см. п. 167 и коммент. к нему).

155. *Устроителям вечера поэзии в зале Лассаля.* 14 апреля 1924 г. (с. 166).— Есенин 6 (1980), с. 145 (с ошибочной датой).

Печатается по автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию в сопоставлении с текстом афиши вечера Есенина 14 апр. 1924 г. в зале Лассаля (Ленинград; см. наст. изд., т. 7, кн. 2), а также в сопоставлении слов из есенинского письма («... я на Николаевской, кабачок слева внизу») с письмом И.С.Морщинера от 18 нояб. 1966 г., адресованным В.Г.Белоусову: «У Иоффе<...> был знакомый парень — эстонец, антрепренер чемпионата французской борьбы. <...>И вот этот антрепренер,— к сожалению, я забыл его фамилию,— предложил нам устроить в Петрограде вечер стихов Есенина. <...> Составили предварительную смету, сочли расходы на билеты в Петроград и обратно, на оплату зала, афиши, билетов, на гостиницу для нас и для Есенина. <...>

Наступила весна. Евсей Давыдович <Иоффе> снова выехал в командировку в Петроград, там он встретился с нашим антрепренером и дал ему денег. <...>

Стемнело, близился вечер, на подступах к залу <Лассаля> появились традиционные фигуры, атакующие прохожих вопросами: „Нет ли лишнего билетика?“ А Есенина в гостинице нет. <...> Вдруг — стук в дверь. Коридорный от швейцара вручает мне маленький клочок бумаги, говорит, что прибежал какой-то мальчишка, просил передать мне. Читаю. Характерным есенинским почерком написано: „Я во второй, вверх к вокзалу“. Стараюсь понять. Наконец меня осенило: речь идет о пивной или столовой. Бросаюсь по Невскому, захожу во все пивные и рестораны. Увы! Нигде поэта нет. Наконец, в каком-то ресторане вижу за столом большую компанию и среди них Есенина. Бросаюсь к столу и взволнованно, даже не поздоровавшись, выкрикиваю:

— Сергей Александрович! Пора! Зал полон... мы уже опаздываем!

Это было преувеличением, до начала оставалось еще минут сорок, если не больше.

Есенин хладнокровно отвечает:

— Приду. Не беспокойтесь. Все будет в порядке» (Письма, 524—525).

156. *Г.А.Бениславской*. 15 апреля 1924 г. (с. 166).— Есенин 5 (1962), с. 174—175.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется с учетом пометы на письме рукой неустановленного лица: «15/IV-24». Содержанию письма эта помета не противоречит.

Простите, что пишу на такой бумаге. Нет лучше.— Письмо написано на листах бумаги, вырванных из конторской книги.

Никакой Крым и знать не желаю.— Бениславская и Вардин хлопотали об отправке Есенина на лечение в Крым.

...по-растоплюевски.— От фамилии персонажа трилогии А.В.Сухово-Кобылина — пьес «Свадьба Кречин-

ского» (1852–1854), «Дело» (1856–1861) и «Смерть Тарелкина» (1869) — Расплюева, «беззастенчивого негодяя и циника, имя которого... сделалось нарицательным» (см. Боборыкин П. За полвека. М.—Л., 1929, с. 215). Есенин усиливает выразительность характеристики: не «по-расплюевски», а «по-растоплюевски».

...приезжайте и привезите мне большой чемодан или пошлите с ним Приблудного или Риту. — Бениславская в Ленинград не приезжала. «Большой чемодан» (или «сундук»), удалось отправить 27 апр. 1925 г. в 00 ч. 30 м. Бениславская писала Есенину 26 апр. 1925 г.: «...через полчаса придет Рита, мы едем на вокзал отправлять Ваш сундук. Едет знакомый Жени <Е.И.Лившиц>, мы сдадим по его билету в багаж. <...>

Посылаю вещей немного. Что не хватает — купите. В сундуке образец (вернее, Ваш старый) ботинок — закажите себе в Петербурге.

Да, в крахмальном воротничке две запонки для манжет — не забудьте. <...>

Я не писала, т. к. со дня на день ждала отъезда Сахарова — хотела с ним передать и переслать сундук, но он позвонил нам за 40 минут до отхода поезда — было уже поздно» (Письма, 238). Кроме этого письма, Бениславская написала на вокзале открытку, на которой было две подписи — ее и М.И.Лившиц: «Черт бы побрал этот сундук, вся Москва любовалась на нас (меня и Риту), важно восседавших на сундуке...» (Письма, 239).

Спустя два дня в письме от 28 апр. Бениславская еще раз описала отправку сундука: «А сундук Ваш мы отправляли замечательно весело, он такой большой, что нас незаметно было из-за него» (Письма, 240). Рита (М.И.Лившиц) в этот же день также отправила Есенину письмо, в котором напомнила: «Подтвердите получение багажной квитанции. Вы, наверное, не обратили внимания, какой хороший парень заносил Вам то письмо?» (Письма, 240).

О вручении Есенину писем от 28 апр. 1924 г. сообщил 2 мая из Ленинграда сестрам Е.И. и М.И.Лившиц М.А.Гецов, который встретился с поэтом на Гагаринской улице в квартире А.М.Сахарова: «Хотел раньше с Сахаровым поговорить, но в первой же комнате наткнулся на Есенина. Я сразу узнал его, отдал письмо. Он очень любезно усадил меня в кресло, а сам наскоро пробежал глазами все ваши письма. Пока Сергей Александрович читал, я все время следил за ним, и чем больше я на него глядел, тем светлее становилось у меня на душе. Есть такие люди, которые держат себя как будто бы очень сдержанно, даже официально с людьми незнакомыми, но вдруг в обиходной фразе вежливого разговора у них проскользнет такая сердечная нотка, что ледок растает, и сразу начинаешь чувствовать себя легко и просто. Так было со мной. Есенин встретил меня очень вежливо, но с тем холодком, который сквозит в речах человека, который совсем не расположен переходить за границу делового разговора. Но через минуту уж он так открыто и сердечно улыбнулся мне, что я почувствовал себя так, как если б я был с ним знаком целую вечность <...> Куда там богемная манерность, кабачковый стиль,— чудесный, простой, сердечный человек. <...> Из разговора с Есениным я ничего не выяснил. Он сообщил мне только, что багаж получен, просил кланяться вам и обещал написать» (Письма, 337—338). Письма Есенина весны 1924 г. сестрам Лившиц неизвестны. Письмо поэта Г.Бениславской (п. 158) написано после 2 мая 1924 г.

Вечер ∾ *Меня чуть не разорвали.*— Речь идет об успешном выступлении поэта на литературном вечере 14 апр. 1924 г. в зале Лассаля (Ленинград) — см. п. 152 и коммент. к нему. И.С.Морщинер (И.Романовский) так вспоминал о том, что произошло по окончании этого вечера: «Минут через десять мы вместе с Есениным вышли через служебный вход. Стоило нам лишь приотворить дверь и показаться на пороге, как нас встретил оглуши-

тельный шум и визг. У служебного выхода поджидала Есенина толпа восторженных слушателей, главным образом девиц. Они дружно ринулись на поэта, подняли его на руки и понесли. <...> Вот так донесли на руках Есенина до гостиницы. Поклонники хотели внести его в номер, но швейцар и служащие гостиницы заставили их разойтись» (Хроника, 2, 123—124).

157. *Г.А.Бениславской*. 26 апреля 1924 г. (с. 167).— Хроника, 2, 126.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Пришлите с Шмерельсоном пальто, немного белья и один костюм двубортный.— Бениславская ответила 28 апр.: «До чего я обрадовалась, когда вчера мне позвонил Шнеерзон (кажется, так его фамилия), сказал, что Вы здоровы, почти не пьете; что через три дня выходит „Москва кабацкая". <...>

Да, Вы просите прислать двубортный костюм, но он в чистке; а денег у меня не осталось совсем. Если у Вас будут — пришлите, надо за чистку костюмов 7 червонцев, за носки 1 1/2 черв. и за разбитое стекло 2 1/2. Вот: всего 11 червонцев. Вообще помните — лето близко, по возможности наладьте эти дела. В Москве ничего не устроить — даже Стойла нет. Долги я все заплатила, только осталось Вардину и Рите.

Ну, не люблю я об этих вещах писать, но за меня никто не напишет. А Вы, Сергей Александрович, напишите подробно обо всем: о делах, о себе, о планах на будущее. Ладно? <...>

На костюмы можете выслать деньги по частям, т. к. они сданы по разным квитанциям» (Письма, 239—240).

158. *Г.А.Бениславской*. Начало мая 1924 г. (с. 167).— Хроника, 2, 126—127.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется по содержанию: письмо является ответом на открытку и письма Г.А.Бениславской от 26 и 28 апр. 1924 г. (Письма, 238—240); см. также коммент. к п. 156.

...наберите сами 500 строк для Антологии.— Высказано мнение, что речь идет о книге «Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней» (М.: Новая Москва, 1925; составлена И.С.Ежовым и Е.И.Шамуриным с вводными статьями составителей и Вал. Полянского), в которой было опубликовано 24 стихотворения Есенина, отрывок из автобиографии и краткая библиография (Есенин 6 (1980), с. 330). Однако это входит в противоречие не только с упомянутой в письме фамилией С.А.Клычкова как очевидного составителя Антологии, но и с количеством стихотворных строк Есенина в «Русской поэзии XX века» (более 760). По-видимому, в письме имеется в виду другой составительский замысел, возникший у самого Есенина и его друзей. Судя по всему, этот замысел не был реализован.

Гребень, сей Приблудный, пусть вернет.— 28 апр. 1924 г. Бениславская писала Есенину: «За это время я никого, кроме Риты, Кати и Приблудного, не видела (кстати, он, кажется, успел стянуть Вашу гребенку, по крайней мере она исчезла, остальное я спасла — забрала к себе на Никитскую)» (Письма, 239).

Да! Со «Стойлом» дело не чисто.— 26 апр. Бениславская сообщала: «С деньгами положение такое: „Стойло" прогорело, продается с торгов, денег нам так и не дали, пришлось тратить госиздатовские — нужно было Кате, мне и домой в Рязанскую послать и долги» (Письма, 238). Речь идет о «Стойле Пегаса» — кафе имажинистов.

...напрасно — радуетесь — закрытию.— Ответ на слова Бениславской в письме от 28 апр.: «Стойло, к моей неописуемой радости, закрыто» (в копии ее письма после слов о «Вавилонском адвокате» — спектакле по пьесе А.Б.Мариенгофа — и до приведенного в цитате текста

вырезано 8 строк машинописи, где, скорее всего, говорилось нечто нелестное об имажинистах).

Привет Жене, Рите... — Эти слова начинают приписку, сделанную слева от текста письма по вертикали.

159. *И.М.Майскому*. Вторая половина июня — июль 1924 г. (с. 168).— Журн. «Знамя», М., 1965, № 7, июль, с. 209, в составе мемуарного очерка И.М.Майского «Семь номеров».

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно.

Датируется временем встреч Есенина с адресатом в 1924 г. (см. ниже).

И.М.Майский вспоминал, как летом 1924 г. Есенин «появился в редакции „Звезды“ <мемуарист был тогда главным редактором журнала>. Я посмотрел на него и ахнул: передо мной стоял красивый юноша, „как денди лондонский одет“... Изящный летний костюм, прекрасные желтые ботинки, модная панама на голове, волосы напомажены и издают какое-то изысканное благоухание...

— Вот привез вам кое-что,— начал Есенин,— но еще не совсем отделано... Поработаю несколько дней здесь, в Ленинграде... Потом принесу.

Действительно, примерно через неделю Есенин, все такой же великолепный, снова появился в редакции и несколько торжественно протянул мне довольно толстую рукопись. Я развернул и прочитал в заголовке „Песнь о великом походе“. <...>

Поэма Есенина мне очень понравилась, и я сразу же сказал:

— Пойдет в ближайшем номере.

Есенин весь как-то просветлел, а потом... сразу же попросил заплатить ему гонорар. Я согласился. С какой-то почти детской резвостью Есенин побежал в кассу за получением денег, вернулся в редакцию и долго благодарил меня за „отзывчивость“.

Прошло несколько дней. Есенин не появлялся. Однажды я сидел в редакции и правил какую-то рукопись. Вдруг дверь отворилась, и в мой кабинет, нерешительно озираясь, вошел странный человек. По лицу, манерам, костюму видно было, что незнакомец не имеет никакого отношения к литературному миру. Уставившись на меня, он спросил хриплым голосом:

— Как бы мне повидать тут товарища Майского?

— Я именно и есть товарищ Майский,— ответил я.— А в чем дело?

— Я вам записку принес.— И незнакомец передал мне клочок смятой и грязной бумаги.

Я разгладил записку. На ней почерком Есенина было написано <далее следует текст комментируемого письма>.

Я невольно вскипел.

— Где он сейчас находится? — накинулся я на человека, принесшего записку.

— Там...— ответил он и как-то неопределенно махнул в сторону рукой.

Я подверг посланца тщательному допросу и в конце концов выяснил, что Есенин сидит в одном из притонов, которые в те нэповские времена еще существовали в Ленинграде, что он там пропился и задолжал и что „хозяйка" притона не выпускает его, пока он не расплатится.

Отправлять сто рублей (тогда это была крупная сумма) с этим подозрительным типом я не считал возможным. Однако действовать надо было быстро. Я тут же, в Ленгизе, раздобыл необходимые деньги, забрал с собой одного из служащих, отличающегося высоким ростом и большой физической силой, и скомандовал посланцу Есенина:

— Вези нас туда!

Посланец был явно смущен, но не решился ослушаться. Мы взяли на Невском извозчика и спустя полчаса входили в большой полутемный зал с плюшевой мебелью и какими-то золотыми разводами на стенах. Едва мы пере-

ступили порог, как из угла ко мне бросился Есенин. Но в каком виде! На нем была какая-то пестрая рубашка, белые кальсоны и тапочки на босу ногу. Волосы взъерошены, лицо бледное и испитое.

— Ну, слава богу, вы приехали! — воскликнул Есенин.— Я не смел вас просить об этом.

Появилась „хозяйка“ с громким голосом и крепкими кулаками. За ней шел высокий мужчина, похожий на трактирного вышибалу.

Я объяснил „хозяйке“ цель нашего визита. С льстивой улыбкой она заявила, что не будет иметь никаких претензий к „Сереже“, как только он уплатит „долг чести“. Так именно и сказала: „долг чести“. Я мысленно выругался, но что было делать?

Несколько минут спустя Есенин ехал со мной на извозчике. На нем был затрепанный костюм с чужого плеча — узкий и короткий, который соблаговолила дать ему „хозяйка“. Мне очень хотелось сказать Есенину то, чего он заслуживал, но я взглянул на него и не решился...

Горячая волна захлестнула мою душу: я чувствовал к нему и тревожную любовь, и острую боль. Мне был бесконечно дорог этот бледный, осунувшийся юноша, в котором так ярко горел большой, искрометный талант...

Я высадил Есенина у дома, где жили его друзья, и вернулся в редакцию.

Больше Есенина я не встречал» (журн. «Знамя», 1965, № 7, июль, с. 209—210).

160. *В.В.Казину*. 28 июня 1924 г. (с. 169).— Есенин 5 (1962), с. 175—176.

Печатается по первой публикации. Подлинник хранился у адресата. Местонахождение письма в настоящее время неизвестно.

Устрой мне с этой вещью гонорар.— Речь идет о стихотворении «Русь советская». В.Казин в своих мемуарах писал: «Вскоре он <Есенин> прислал мне письмо, где

предлагал жить в Сестрорецке. Вместе с письмом прислал „Русь советскую“. Просил денег. Деньги мы ему тут же выслали, а маленькую поэму напечатали в „Красной нови“ <М., 1924, авг.-сент., № 5>» (В.Казин. Воспоминания. Машинопись, хранилась у О.Л.Бишарева, г. Луганск, Украина).

Был в Сестрорецке.— В июне-июле 1924 г. Есенин несколько раз был в этом городе и выступал с чтением своих стихов; в частности, известна одна точная дата посещения — 12 июля, когда поэт читал стихи в Курзале на вечере, организованном Ленинградским отделением Всероссийского союза поэтов.

Я сейчас один во всей квартире.— Есенин в свои приезды в Ленинград весной и летом 1924 г. останавливался и жил на квартире у А.М.Сахарова (Гагаринская ул., д. 1, кв. 12). Об этом вспоминал В.И.Эрлих: «На Гагаринской — пустая квартира. Сахаров в Москве, семья на даче. Живем вместе» (Восп., 2, 325).

Ходят слухи, будто бы я очень сильно разбился с лошади.— Об этом случае и его последствиях см. п. 162 и коммент. к нему.

Ах, если бы сюда твой Девкин переулок! — Переулок в Москве, где жил В.Казин (д. 20, кв. 11). «Однажды у меня ночевали С.Есенин и Г.Бениславская...» (В.Казин. Воспоминания. Машинопись, хранилась у О.Л.Бишарева, г. Луганск, Украина).

Привет Клычкову и Орешину.— О них см. наст. изд., т. 1, с. 582—583 и т. 5, с. 431—433.

161. *Г.Б.Шмерельсону.* 14 июля 1924 г. (с. 169).— «Есенинский вестник: Издание Государственного музея-заповедника С.А.Есенина. Выпуск третий», [Рязань, 1994], с. 30, в статье С.И.Субботина «Неизвестная записка Есенина (из переписки С.Есенина и Г.Шмерельсона)».

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. М.М.Шкапской); воспроизведены также стоящая после подписи Есенина подпись В.Эрлиха (его рукой) и дата (возможно, тоже рукой Эрлиха).

Адресат был генеральным секретарем «Воинствующего Ордена Имажинистов» (Восп., 2, 320) и участвовал (вместе с другими ленинградскими имажинистами) в вечере Есенина 14 апр. 1924 г. в зале Лассаля (об этом вечере см. пп. 152, 155 и 156 и коммент. к ним). Об отношениях Есенина с Шмерельсоном см. указанную статью С.И.Субботина.

Прости, что не дождались.— Комментируемая записка могла быть написана, напр., у дверей квартиры адресата после того, как, придя к нему, Есенин и Эрлих не застали того дома.

...уезжает Анна Ивановна. Ждем тебя на дому.— Речь идет о жене А.М.Сахарова, на квартире которого (Гагаринская, 1, кв. 12 — Восп., 2, 319) тогда жили вместе Есенин и Эрлих, который позднее писал об этом:

«До двенадцати — работает, не вылезая из кабинета („Песнь о великом походе").

В двенадцать одевается, берет трость (обязательно трость) и выходит.

Непременный маршрут: набережная, Летний сад, Марсово поле и по Екатерининскому каналу в Госиздат.

В Госиздате сидит у Ионова до трех, до пяти.

Вечера разные: дома, в гостях » (Восп., 2, 324—325).

162. *Г.А.Бениславской.* 15 июля 1924 г. (с. 170).— Есенин 5 (1962), с. 176.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется по помете на машинописной копии письма (РГАЛИ).

Ничего не случилось.— Ответ на неизвестное письмо Бениславской.

В субботу ложусь на операцию. 2 недели пролежу.— В больницу Есенин не лег; см. об этом в п. 163.

Рад оч<ень>*, что Вам понравилось в селе.*— Речь идет о первом приезде Бениславской в Константиново. А.А.Есенина вспоминала: «Рано утром мы увидели, какая-то тетка из-под горы идет. Оказалось, что это Галя. На пароходе она отправилась с кем-то из знакомых в Астрахань, но на пристани в Кузьминском сошла и берегом пришла к нам» (цит. по: Письма, 139).

163. *Г.А.Бениславской.* 26 июля 1924 г. (с. 170).— Прокушев-55, с. 335 (в извлечениях, с датой: «26 июня 1924 г.»). Полностью — Есенин 5 (1962), с. 177.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Книга моя вышла. 1-й экземпляр надписан Вам...— Речь идет о М. каб. Экземпляр книги с надписью Есенина Бениславской неизвестен.

...точь-в-точь такой же, как с папиросой.— Речь, вероятно, идет об А.Б.Мариенгофе (ср.: «Пусть он <Приблудный> бросит свою хамскую привычку обворовывать ближних!

Да! Со „Стойлом“ дело не чисто. Мариенгоф едет в Париж. <...> Сей вор хуже Приблудного» — с. 168 наст. тома).

Сам я больше с ним <Приблудным> *не знаком и не здороваюсь.*— После этого инцидента Есенин неоднократно встречался с Приблудным, и их отношения не прерывались до последних дней жизни Есенина.

164. *А.А.Берзинь.* 14 августа 1924 г. (с. 171).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 17 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Я думаю несколько дней задержаться еще в деревне, чтобы уладить постройку дома. — В авг. 1922 г. сгорел дом родителей Есенина. Новый дом был отстроен в

1924 г. В Константиново Есенин приехал в начале авг. и вернулся в Москву между 19 и 23 авг.

Помогите ∾ получить деньги, которые выписаны мне на субботу. — Есенин должен был получить деньги за книгу стихов Б. сит.

Доверенность ∾ я прилагаю к сему письму. — Доверенность не разыскана.

...дописываю поэму.— Имеется в виду «Поэма о 36» (подробнее см. наст. изд., т. 3, с. 631).

Черкните мне пару слов до моего приезда, с Екатериной. — 18 авг. 1924 г. А.Берзинь писала Есенину: «Сережа! Привет и все как полагается. <...> Приедете в Москву, поговорим о деле подробно, в письме не напишешь. Удите рыбу, вспоминайте о прошлых „любвях", страдайте или нет, как Вам угодно» (Письма, 245).

165. *Е.Я.Белицкому.* 14 августа 1924 г. (с. 172). — Есенин 5 (1962), с. 178.

Печатается по автографу (ИРЛИ).

... причитающийся гонорар ∾ за мою поэму.— Речь идет о поэме «Песнь о великом походе», которую Есенин сдал в редакцию журн. «Звезда» в июле 1924 г. На письме Есенина Е.Белицкий сделал пометку: «Тов. Пресман. Сообщите мне по тел., сколько следует Есенину (далее зачеркнуто: „Поговорите с Майским"). Е.Б. 18.VIII». Была ли выполнена просьба поэта — неизвестно.

Час моего финансового падения настал ∾ При сем я попросил бы Вас передать Майскому, чтоб он обождал печатать поэму до моего приезда, так как я ее еще значительней переделал.— 18 сент. 1924 г. редакция журн. «Звезда» направила Есенину письмо: «Дорогой Есенин! В чем дело с твоей поэмой? Почему ты не хочешь печатать ее в „Звезде"? Если дело в измененной редакции — так не будешь ли добр прислать ее? „Звезда" намеревается пустить ее в октябрьской книге. Если в течение ближайших дней я не получу от тебя никаких новых

известий, я сдам поэму в набор. Майский настаивает на этом» (Письма, 341). Главный редактор «Звезды» И.М.Майский опубликовал в журнале (1924, № 5, нояб.) первоначальную авторскую редакцию поэмы.

О том, как заключительная редакция «Песни» была сдана в редакцию журнала «Октябрь», рассказала Г.Бениславская: «С<ергей> А<лександрович> продал „Песнь <о великом походе>“ отделу массовой литературы. Все переговоры велись главным образом через Анну Абрамовну Берзинь. Одновременно „Октябрь“ стал просить поэму для помещения в октябрьском номере. С. А. колебался. Было очень много разговоров, но согласие не было дано. Однажды он послал Катю в Госиздат за деньгами к Анне Абрамовне. Она получила больше, чем предполагал С. А. На радостях накупила пудры „коти“, одеколон и пр.<...> деньги из „Октября“ через Анну Абрамовну были выданы в виде аванса за поэму. Поскольку часть денег была уже потрачена, нельзя было сейчас же вернуть их (денег в тот момент у С. А. не было ни копейки). Кроме того, одно дело не дать им поэму, а другое — взять ее обратно. Это значило идти на скандал, объявить открытую войну. У С.А. не хватило бы нервов. А он сам в это время понимал, что ему надо их укрепить и беречь. Кое-какие угрозы „Октябрем“ были даны. С. А. мучился, но потом, закрыв глаза, смирился, получил деньги и уехал на Кавказ» (Материалы, с. 67—68). Детальное изложение творческой истории произведения см.: наст. изд., т. 3, с. 581—599.

166. *А.А.Берзинь.* Между 19 августа и 2 сентября 1924 г. (с. 173).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 22 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется по содержанию и сопоставлению с письмом И.Вардина и запиской А.А.Берзинь Есенину от 18 авг. 1924 г. (см.: Письма, 242—244), скрытые отсылки к которым есть в тексте Есенина.

... ради Бога, чтобы отец не ревновал. — Имеется в виду И.Вардин.

Люблю я Вас до дьявола, не верю Вам навеки еще больше. — Реакция Есенина на записку А.Берзинь от 18 авг. 1924 г.: «Вардин и на этот раз прав,— жесточайше, вернейше прав. Если Вам не трудно и если Вы согласны с нами, то и я прошу исправить» (Письма, 244). Имеется в виду письмо к Есенину, в котором И.Вардин настаивал на исправлениях в тексте «Песни о великом походе» и, в частности, писал: «Я очень просил бы Вас принять во внимание приведенные мною *бесспорные* соображения и *конец переделать*. Блок испортил „Двенадцать" Христом, неужели Вы испортите Вашу прекрасную вещь Петром?» (Письма, 243, выделено автором; см. также коммент. к «Песни о великом походе», наст. изд., т. 3, с. 595—596).

... а особенно тогда, когда я навеки твоя. — Намек на слова А.Берзинь из приведенной записки: «Ваша до конца дней своих...»

...сообщите отцу (Вардину), что я оп'е'ть застрял на любовной ночи. — Ироническое обыгрывание слов Вардина: «Первый период Вашего творчества — отражение крестьянского *стихийного* протеста. Второй период — Вы „оторвались от массы" и очутились в городском мещанско-интеллигентском болоте — гниющем, вонючем, пьяном, угарном» (Письма, 242—243; выделено автором). Кроме того, здесь «изображено» слово «опять» так, как его произносил (с акцентом) Вардин.

167. *М.Д.Ройзману.* 24 августа 1924 г. (с. 174).— Есенин 3 (1970), с. 268, с неточностями.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. М.Д.Ройзмана).

Конверт письма с машинописной надписью «Секретарю Ассоциации Вольнодумцев Матвею Ройзману» имеет другой номер единицы хранения того же фонда РГАЛИ.

Всякое заимствование чужого названия или чужого образа ∾ наз<ывается> *в литературе плагиатом.*— В четвертом номере Гост. было помещено объявление:

«1 сентября с.г.
Вольнодумец

10 печатных листов. № 1. Роман, Драма, Поэмы, Философия, Теория: поэтика, живопись, музыка, театр: Россия, Западная Европа, Америка; 30 репродукций.

Редактор: коллегия имажинистов».

Это было сделано без ведома Есенина, уже не участвовавшего в деятельности группы имажинистов и ее журнала. И в то же время поэт был инициатором издания «Вольнодумца».

Я очень рад, что мы разошлись ∾ Я Вас вообще за этот год игнорировал...— Об этом см. коммент. к «Литературным декларациям и манифестам», наст. изд., т. 7, кн. 1.

31 авг. 1924 г. Есенин и Грузинов напечатали в газ. «Правда» письмо о роспуске группы имажинистов (см. наст. изд., т. 7, кн. 2.)

Уберите с Ваших дел общее название «Ассоциации Вольнодумцев»...— На обложке третьего и четвертого номеров Гост. значилось: «Редактор: Коллегия имажинистов: Издание „Ассоциации вольнодумцев"», тогда как на обложке первых двух номеров значилось: «Русский журнал. Ответственный редактор Н.Савкин».

...живите и богатейте...— Ср.: «...жить Вам — бога́теть, // Кунеть да — мохна́теть!» (из «кавказского» экспромта Есенина того же 1924-го года «Клавдии Александровне Любимовой» — наст. изд., т. 4, с. 259, с восстановлением (по автографу) ударений, опущенных в печатном тексте). Это пожелание издавна бытовало в Олонецкой губернии, на родине Н.А.Клюева. В очерке Н.А.Криничной и В.И.Пулькина «Вытегорье — корабельная сторона: Дневник собирателей фольклора

(июль — август 1971 года)» упомянут «обряд дарения „полена“ — резного изображения домового <...> вместе с <...> заговором-пожеланием от мастера хозяину: „Натко полено — вам богатства по колено. Жить вам, богатеть, кунеть и мохнатеть“» («Вытегра: Краеведческий альм. Вып. 1», Вологда: Русь, 1997, с. 233). Как свидетельствует Н.А.Криничная (письмо к составителю наст. тома), сведений о публикации текста этого пожелания вплоть до 1997 г. нет, так что Есенин мог узнать его только изустно. Появление этих слов в есенинской лексике — скорее всего, след его ленинградского общения с Н.А.Клюевым в июне-июле 1924 г., как раз незадолго до написания комментируемого письма.

168. *Д.К.Богомильскому*. Август — до 3 сентября 1924 г. (с. 174).— ЛР, 1994, 3 июня, № 22, с. 4 (в статье В.Виноградова «Время делает эти строки бесценными: Неизвестное письмо С.А.Есенина», с неточностями и с неверной датой — нояб. 1925 г.).

Печатается по автографу (РГБ).

Датируется по содержанию в связи с воспоминаниями адресата; см. также реальный коммент.

Д.К.Богомильский писал: «Из моих <...> встреч с Есениным в течение летних месяцев 1924 года у меня особенно хорошо сохранились в памяти встречи и беседы в издательстве Артели писателей „Круг“ <Богомильский заведовал этим издательством>. Я всячески стремился доказать Есенину неразумность и нецелесообразность изданий его стихов „тощенькими“ книжками в разных издательствах, рекомендуя ему отобрать все, что он считает достойным из своих стихов, примерно семь-восемь тысяч стихотворных строк, и передать их в издательство „Круг“, которое позаботится о лучшем оформлении объемистого тома собрания его сочинений. <...>

Правда, ввиду финансовых затруднений, испытываемых тогда издательством, необходимы были кредиты на

печать и на бумагу. Я сказал Есенину, что если он согласится на рассрочку платежа гонорара до начала реализации тиража книги, то издательство в состоянии будет осуществить намеченный план издания „Собрания сочинений Сергея Есенина“.

Прямого ответа на предложение издательства „Круг“ Есенин тогда не дал. Однако уже после смерти поэта Николай Петрович Савкин (бывший редактор журнала „Гостиница для путешествующих в прекрасном“) показал адресованное мне письмо Есенина <речь идет о комментируемом письме>, в котором поэт с большой теплотой и благодарностью принимал сделанное ему издательством „Круг“ предложение. Несмотря на то что письмо было обращено ко мне лично, Савкин почему-то не передал его по назначению» (Восп.-65, с. 343).

Милый Федя!— Д.Богомильский пояснил: «Федя — это мой псевдоним в царском подполье» (Восп.-65, с. 343). Его противоправительственная деятельность началась в 1903 г., когда ему шел шестнадцатый год (ГАРФ, ф. 102, оп. 200, д. 2414, ч. I; сообщено Л.М.Шалагиновой).

Книгу свою уж я приготовил.— Из пп. 179 и 183 (с. 179 и 183—184 наст. тома) явствует, однако, что в авг. 1924 г. был готов (да и то предварительно) лишь проект книги, включающей избранные стихотворения и поэмы Есенина.

...печатание нашего журнала ∾ *Прошу тебя, устрой...*— Речь идет о журнале «Вечевики», идея издания которого возникла в авг. 1924 г. практически одновременно с идеей создания новой литературной группы с тем же названием. Сохранился «Протокол заседания литературной группы „Вечевики“», исполненный Н.Савкиным (ГМЗЕ). Первым пунктом этого заседания, на котором присутствовали (и затем подписали протокол) Есенин, И.Грузинов и Н.Савкин, был «вопрос о журнале». Было решено избрать для него «размер — 16 стр. форм<ата>

„Красной Нивы“» с рубриками «Стихи», «Статьи», «Язык», «Очерк» и др. Первый номер журнала должен был открываться двухстраничным манифестом группы «Вечевики» (подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 2). Скорее всего, уезжая в начале сент. 1924 г. на Кавказ, Есенин поручил заниматься делами по этому журналу Н.Савкину, которому и была дана комментируемая записка с просьбой о помощи в издании «Вечевиков». Поскольку реализация идеи журнала так и не была начата, письмо не понадобилось и осталось у Савкина.

С. Е с е н и н.— Автор сделал подпись поверх текста письма.

169. *Г.А.Бениславской.* Август 1924 г.— 1925 г. (с. 175).— Хроника, 2, 197.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется по содержанию (см. ниже).

...«Перевал». Больше пока книг нет.— При жизни Есенина вышло в свет три сборника под названием «Перевал» (№№ 1, 2 и 3). Первый номер был выпущен не позднее первой половины июля 1924 г. (рец.— «Красная газета, веч. вып.», Л., 1924, 16 июля, № 159); второй — в конце 1924 г. (журн. «Книжная летопись», М., 1925, № 1, янв., с. 38, поз. 327); третий — в конце июня-июле 1925 г. (там же, № 15, авг., с. 1587, поз. 12287). Поскольку неизвестно, какой из этих сборников имеется здесь в виду, комментируемый текст датируется с учетом суммарного времени выхода этих книг и времени возвращения Есенина из Ленинграда в Москву летом 1924 г.

170. *О.М.Бескину.* 1 сентября 1924 г. (с. 175).— Есенин 5 (1962), с. 179.

Печатается по автографу (ИРЛИ).

Я посылал письмо Белицкому...— См. п. 165.

Книгу, по-моему, так выпускать не годится.— Имеется в виду предполагавшееся отдельное издание

«Песни о великом походе». 3 сент. 1924 г. В.И.Эрлих телеграфировал Есенину: «Отдельно не выйдет. Две поэмы или сборник не знаю. Ионов послезавтра». 9 сент. 1924 г. он же послал Есенину письмо: «Сергей, милый! Дело в следующем: с Б<ескиным> я кончил в первый же день, но приехал И<онов> и заупрямился» (Письма, 248).

Посылаю для присоединения к ней балладу «36».— Карандашная правка цифры «3» на «2» выполнена в подлиннике рукой неустановленного лица (см. письмо Г.А.Бениславской В.И.Эрлиху — Письма, 341, а также коммент. к п. 175).

... лучше б всего было соединить последние мои стихи вместе с этой книгой.— Предполагавшееся издание не состоялось. Подробнее об истории публикации упомянутых поэм см. наст. изд., т. 3, с. 580—599, 631—633.

171. *А.А.Берзинь.* Не позднее 3 сентября 1924 г. (с. 176).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 17 (публ. Б.М.Шумовой, с неточностями).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется по упоминанию сборника стихов, выход которого предполагался в Госиздате осенью 1924 г., и по фразе: «Уезжаю — года на два». Есенин выехал из Москвы на Кавказ 3 сент. 1924 г.

Уезжаю — года на два.— Есенин вернулся в Москву 1 марта 1925 г.

Скажи Евдокимову ∾ о сбор<н>*ик*<е>.— Речь идет об «Избранном», планировавшемся в Госиздате. Книга в свет так и не вышла (см. пп. 179 и 182, а также коммент. к ним).

172. *З.В.Гейман.* Не позднее 3 сентября 1924 г. (с. 176).— Кн. «Есенин академический: Актуальные про-

блемы научного издания: Есенинский сб. Вып. II», М.: Наследие, 1995, с. 213 (публ. М.А.Айвазяна).

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по помете на оборотной стороне записки («1924 г.») с учетом, что с 4 сент. 1924 г. по февр. 1925 г. Есенина не было в Москве.

Дорогая ЗинВен.— Скорее всего, Есенин именует З.В.Гейман так, как это было принято между ними еще в 1917—1918 гг., когда он встречался с подругами Зинаидой Гейман и Зинаидой Райх в Петрограде. В.М.Левин, тогдашний муж З.В.Гейман, вспоминал о тех днях: «...в „Деле народа“ я познакомился с <...> Ивановым-Разумником <...>. Он познакомил меня с Есениным, постоянно бывавшим у него, а также с юной девушкой, секретаршей „Дела народа“, Зинаидой Райх, ставшей женой Есенина. <...> Мою работу в „Знамени труда“ <органе партии левых эсеров> делила со мною моя жена Зинаида Валентиновна <так!>. Таким образом, она стала моей технической секретаршей <...>. В „Деле народа“ такой секретаршей была Зинаида Райх, а в „Знамени труда“ Зинаида Валентиновна. Есенин, которому тогда было 22 года, был ежедневным нашим посетителем, гостем, сотрудником, почти членом семьи. <...> Две Зинаиды — Зинаида Валентиновна и Зинаида Есенина очень подружились. От своей Зины я узнавал многие подробности жизни Есенина» (РЗЕ, 1, 213—214).

Судя по тону комментируемого текста, Есенин и после расставания с З.Райх сохранил дружеские чувства к ее подруге.

Карточки получил.— Конкретных сведений о смысле этих слов нет. Не исключено, что речь идет о фотографических карточках.

173. *В.П.Яблонскому.* 3 сентября 1924 г. (с. 176).— Журн. «В мире книг», М., 1970, № 9, сент., с. 42 (в

статье В.Терновского и А.Терновского «Что сохранили память и перо»).

Печатается по автографу (собрание С.Ф.Антонова; хранится у наследников, г. Москва).

Дорогой Виктор Петрович! — С поэтом и драматическим актером В.П.Яблонским Есенин познакомился еще в 1916 г. (письмо Яблонского Есенину от 26 нояб. 1925 г.— ГЛМ). Более тесные отношения между ними установились с 1924 г., когда они стали нередко встречаться в Государственном издательстве РСФСР, где Яблонский служил тогда в качестве заведующего столом учета ответственных работников общего отдела этого учреждения (ГАРФ, ф. 395, оп. 8, ед. хр. 210, л. 36 об.). Яблонский, без сомнения, был искренним поклонником творчества Есенина, о чем можно судить по словам из инскрипта поэта на Ст24: «Милому Яблонскому <...> за чуткость, нежность и дружбу» (полный текст — Юсов-96, с. 248).

Спасибо за записку.— Благодарность Есенина, скорее всего, была вызвана не только текстом записки («Жизнь моя, иль ты приснилась мне? Пишу вместо Вас — Вам. Рассчитывали быть с Вами и не нашли Вас. 27/VIII <1924 г.> В.Яблонский» — ГЛМ), но и тем «материалом», на котором она была написана. Вместо обычной почтовой карточки Яблонский взял очень тонкую деревянную дощечку того же формата и сделал на ее лицевой стороне рисунок красками (над именем «Серж», выполненным особым шрифтом, было нарисовано три цветка). Затем на оборотной стороне была написана записка, адрес («Брюсовский, д. № 2, кв. 27, Сергей Александровичу Есенину»), наклеена марка, и дощечка была отправлена почтой.

Желаю ∾ выздоровления.— «Мой муж заболел очень тяжелой болезнью — эпилепсией (последствия контузии на фронте)»,— сообщала жена В.П.Яблонского в одном из писем осени 1924 г. (ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 192,

л. 59). Согласно послужному списку Яблонского, он был в Красной Армии с 1918 по 1921 г. (РГАЛИ, ф. 1990, оп. 1, ед. хр. 478).

Еду ∾ отдохнуть.— 3 сент. 1924 г. Есенин выехал на Кавказ скорым поездом Москва — Баку, отправлявшимся ежедневно в 13 ч. 15 мин.

174. *Н.П.Савкину.* 15 сентября 1924 г. (с. 177).— ЛР, 1979, 7 сент., № 36, с. 11, в статье В.А.Вдовина «Этюды о Сергее Есенине».

Печатается по подлиннику телеграммы (ГМЗЕ).

Датируется по совокупности данных: число отправки («15») обозначено на телеграфной ленте; месяц устанавливается по дате вручения телеграммы (карандашная помета на бланке — «16/IX»); год определяется по пункту отправления телеграммы — в Тифлисе Есенин был в сент. 1924 г.

В.А.Вдовин трактует текст телеграммы как реакцию поэта на задержку с утверждением общества литераторов и художников «Современная Россия» отделом административного управления НКВД РСФСР — незадолго до отъезда Есенина на Кавказ (27 авг. 1924 г.) туда были направлены соответствующие документы, в т. ч. заявление за подписями Н.Савкина (председателя правления общества), Есенина и И.Грузинова (членов его правления), а также секретаря А.Скворцова (наст. изд., т. 7, кн. 2).

Более вероятно, однако, что данная телеграмма связана с тем местом письма Савкина Есенину (ныне неизвестного), где шла речь о мнении прежних друзей-имажинистов относительно напечатанного в «Правде» 31 авг. 1924 г. заявления Есенина и Грузинова о роспуске имажинистской группы (текст — наст. изд., т. 7, кн. 2) и о мерах против этого заявления. Это предположение подтверждают слова Есенина из письма сестре Екатерине от 17 сент. 1924 г.: «Как чувствуют себя и как ведут Мариенгоф с Ивневым. Передай Савкину, что этих бездарнос-

тей я не боюсь, что бы они ни делали» (с. 177—178 наст. тома). См. также коммент. к п. 175.

175. *Е.А.Есениной*. 17 сентября 1924 г. (с. 177).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 156—157 (публ. Г.Маквея, без последней строки и даты, которые, по сообщению публикатора, не попали в печать по недосмотру редакции журнала). Полный текст — Есенин 6 (1980), с. 153—154.

Печатается по машинописной копии (ГЛМ).

Получила ли ты деньги...— Е.А.Есенина написала брату в середине сент. 1924 г.: «От Эрлиха получила 100 р., из них тут же 50 р. послали Гале <Бениславской в Крым, где она отдыхала>» (Письма, 249). Это письмо, однако, осталось неотправленным.

... устроил ли Эрлих то, о чем мы с ним говорили.— Речь идет о предполагавшемся издании «Песни о великом походе» и «Поэмы о 36» (см. также п. 170 и коммент. к нему). 13 нояб. 1924 г. Г.А.Бениславская писала В.И.Эрлиху о Есенине: «Прислал <из Тифлиса> исправленную „Песнь о великом походе“. Просит поправки переслать Вам для Госиздата. «Пусть там издадут „36“ и ее вместе». Нарочно привожу его фразу дословно, так как не знаю, где эти вещи, вернее, куда сданы.

С „Песнью“ вышло недоразумение, и не из приятных: С.А. дал ее в журнал „Октябрь“, они поместили в № 3 <1924, сент.-окт., с. 149—155>, а потом выяснилось, что она напечатана в петербургской „Звезде“ <1924, № 5, нояб., с. 5—18). „Октябрь“ рвет и мечет. А сегодня я нашла в письмах, полученных на имя С.А. после его отъезда, письмо из „Звезды“ <его текст — в коммент. к п. 165>.

Теперь мне ясно, что С.А. именно потому и не хотел ее печатать, что сдал в „Октябрь“. Не знаете ли, каким образом она была сдана в „Звезду“ и через кого он сообщал туда, чтобы „Звезда“ не печатала ее? <см. пп. 165 и 170, а также коммент. к ним>. Если не трудно

выяснить все это, напишите подробно об этом мне. Надо растолковать „Октябрю“.

Кроме того, если эта „Песнь о великом походе“ сдана в Госиздат, то не пускайте ее в печать самостоятельно, так как отдельно она издается здесь Госиздатом. Пустите ее, как С.А. пишет, вместе с „36“ (он название „26“ изменил на „36“ и в заглавии, и в тексте), если это удобно; чтобы не вышло такой же истории, как с „Октябрем“ и „Звездой“,— одновременно и там и тут напечатают» (Письма, 341).

В письме Есенину между 10 и 12 дек. Г.А.Бениславская отчитывалась: «Эрлиху сообщила. Он пишет мне, что „36“ и „Песнь“ выходят под названием „Две поэмы“. Корректуру править будет он сам и внесет Ваши поправки» (Письма, 257).

А 20 янв. 1925 г., побывав в Ленинграде, Г.А.Бениславская писала Есенину на Кавказ: «Я и Катя <Е.А.Есенина> ездили в Петроград. У Ионова ничего не получили, едва удалось добиться, чтобы печатал „Песнь“ и „36“ вместе...» (Письма, 268).

18 февр. 1925 г. В.И.Эрлих писал Г.А.Бениславской: «Только сегодня, Галя, имел окончательный разговор в „Звезде“ относительно 36-ти. Ионов печатать запретил, заявив, что, во-первых, по его сведениям, вещь печаталась уже два раза (?), а во-вторых, „он не желает ничего предпринимать до того времени, как Сергей лично приедет и расхлебает всю кашу (?)“» (Письма, 346).

...Ивану Ивановичу.— Очевидно, портному.

Как дома и сколько нужно денег еще для постройки? — Е.А.Есенина вспоминала: «В 1922 году у нас в деревне был большой пожар, сгорело 250 домов, в том числе и наш дом. Сергей был за границей, и временно, до его приезда, нам пришлось построить маленький домик в саду. Теперь надо было строить настоящую избу. Сергей давал деньги, строить можно, но отец вдруг заявил, что „пожалуй, нечего строить. Нечего зря тянуть с него, дом

наш ему не нужен, а нам и так хорошо“. „Рассудила голь поперек и вдоль,— сказала мать.— Это почему же ему дом не нужен? Ему не нужен, а будет у нас, будет и у него“. И дом построили» (ГЛМ; Письма, 146).

Для тебя я скоро пришлю стихи...— Какие стихи имел в виду Есенин — неизвестно.

Эрлиху напиши письмо и пришли мне его адрес.— Были ли выполнены Е.А.Есениной эти поручения, неизвестно.

Как чувствуют себя и как ведут Мариенгоф с Ивневым. — Ответ на этот вопрос был получен Есениным лишь во второй декаде окт. 1924 г., когда ему передали (от М.И.Лившиц через И.Вардина) коллективное письмо членов имажинистской группы, написанное до 8 сент. и опубликованное в журнале «Новый зритель», 1924, № 35. Это был ответ на письмо Есенина и И.Грузинова (см. наст. изд., т. 7, кн. 2) о роспуске группы «имажинисты»:

«В „Правде“ письмом в редакцию Сергей Есенин заявил, что он распускает группу имажинистов.

Развязность и безответственность этого заявления вынуждает нас опровергнуть это заявление. Хотя С.Есенин и был одним из подписавших первую декларацию имажинизма, но он никогда не являлся идеологом имажинизма, свидетельством чему является отсутствие у Есенина хотя бы одной теоретической статьи <см., однако, „Ключи Марии“ и „Быт и искусство“>.

Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она ему была удобна, и мы никогда в нем, вечно отказывавшемся от своего слова, не были уверены как в соратнике. <...>

Есенин в нашем представлении безнадежно болен физически и психически, и это единственное оправдание его поступков. <...>

Таким образом, „роспуск“ имажинизма является лишь лишним доказательством собственной распущенности Есенина.

Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман, Вадим Шершеневич, Николай Эрдман» (Письма, 339—340. Подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

О реакции Есенина на это заявление см. п. 181.

Передай Савкину...— См. также коммент. к предыдущему письму.

Узнай, как вышло дело с Воронским. Мне страшно будет неприятно, если напостовцы его съедят. — 18 сент., еще не получив этого письма, Е.А.Есенина писала брату: «Видела Воронского. Если бы ты знал, как ему больно» (Письма, 250). Через месяц Г.А.Бениславская ответила Есенину: «Ну вот, Сергей Александрович, Вы просили Катю узнать, как там вышло дело. Отвечу за нее. Никого, конечно, никто не съел, и неизвестно, съест ли...» (Письма, 251; см. также коммент. к п. 179).

19 сент. 1924 г. состоялось заседание правления Московской ассоциации пролетарских писателей, на котором заместитель заведующего отделом печати ЦК РКП(б) В.Сорин, в частности, заявил: «...теперь видно, что напостовцы на 9/10 правы. Это дано понять и Воронскому. Его равнение было почти исключительно на попутчиков — вот ему и дали двоих „попутчиков“ в редакцию — меня и Раскольникова. Правда, я в редакции не бываю, и некогда мне там бывать, но Раскольников приедет — он в эту работу войдет целиком, сядет в редакции и вместе с Воронским будет делать дело...» (Письма, 250). Принципиальный политический противник А.К.Воронского Ф.Ф.Раскольников был назначен в редакцию Кр. нови во исполнение директивы по исправлению идеологической линии журнала. Еще в 1923 г. С. Родов отмечал: «Теперь для всех ясно, что опыт не удался. Попутническая литература, за исключением отдельных произведений, себя не оправдала и обнаружила свое враждебное целям револю-

ции реакционное нутро... Воронский предполагал использовать попутчиков, заставить их служить пролетариату, но в конечном счете они использовали его, получив через его посредство новые силы для борьбы с революцией; он их организовал, но очутился у них же в плену» (журн. «На посту», М., 1923, № 2).

Одно беда, что коммунизм он <Вардин> *любит больше литературы.*— Имеется в виду письмо И.Вардина с требованиями исправлений в тексте «Песни о великом походе»: «Она бесспорно составит эпоху в Вашем творчестве. Здесь Вы выступаете в качестве подлинного *крестьянского революционера*, понимающего все значение *руководящей* роли городского рабочего для общей освободительной рабоче-крестьянской борьбы. <...>

Но от ошибок, от предрассудков Вы, разумеется, не свободны. В конце Вашей вещи этот предрассудок дает о себе знать <...> Петр должен был быть дураком, чтобы тень его могла „любоваться“ „кумачовым цветом“ улиц *Ленинграда* <...> „любование“ Петра, удовлетворение его гибелью всего его дела является *неестественным, противоречит* ходу мысли всей поэмы. Изменить конец в указанном мною направлении — значит *выправить, выпрямить* поэму, дать ей естественный, „нормальный“ конец» (Письма, 242—244; выделено автором).

176. *П.И.Чагину.* 20 сентября 1924 г. (с. 178).— Газ. «Вечерняя Москва», 1965, 30 сент., № 231 (в статье Л.Кафановой «История одного посвящения»; с купюрой); полностью — ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 8—9, в статье П.Чагина «Сергей Есенин в Баку».

Печатается по автографу (собрание С.Ф.Антонова; хранится у наследников, г. Москва).

Я приехал.— Как вспоминал П.И.Чагин, он познакомился с Есениным в февр. 1924 г., находясь в служебной командировке в Москве. «Завязалась большая дружба,—

писал мемуарист.— Он <Есенин> со своей стороны скрепил ее обещанием приехать в Баку» (Восп.-95, с. 420).

Записка помечена 20 сент. 1924 г.— днем возвращения Есенина в Баку из Тифлиса. Из Москвы в Баку Есенин приехал 6 сент. Однако непредвиденное обстоятельство заставило поэта спешно на время покинуть азербайджанскую столицу и уехать в Тифлис. Вот что рассказывал об этом Н. Вержбицкий: «Будучи в Баку, Есенин в гостинице „Новая Европа“ встретил своего московского знакомого Ильина <один из служебных псевдонимов сотрудника ВЧК-ОГПУ Я.Г.Блюмкина>, назначенного военным инспектором в Закавказье.

Сперва их встречи протекали вполне миролюбиво, но вдруг инспектор начал бешено ревновать поэта к своей жене. Дошло до того, что он стал угрожать револьвером. Этот совершенно неуравновешенный человек легко мог выполнить свою угрозу.

Так оно и произошло. Ильин не стрелял, но однажды поднял на Есенина оружие, что и послужило поводом для первого кратковременного отъезда поэта в Тифлис <...>.

Об этом происшествии мне потом рассказывал художник К.Соколов. Сам Есенин молчал, может быть, не желая показаться трусом.

По пути в Тифлис в вагоне железной дороги он познакомился с каким-то инженером и у него остановился.

<...>через несколько дней Есенин вернулся в Баку за своими товарищами, получив от них уведомление о том, что Ильин куда-то отбыл» (Вержбицкий, с. 23. О каких «товарищах» Есенина идет здесь речь — не установлено).

...когда Вас можно видеть.— П.И.Чагин вспоминал: «Я уж отчаялся ждать Есенина в Баку. Но вот 20 сентября, приехав вечером в редакцию, вижу на столе у себя записку <...>. В тот же час Есенин был у меня» (Восп.-95, с. 420).

177. *П.И.Чагину*. Сентябрь 1924—1925 гг. (с. 178).— ЛР, 1975, 3 окт., № 40, с. 7, в статье В.А.Вдовина «Признание: Новые штрихи к биографии С.Есенина», с условной датировкой.

Печатается по фотокопии автографа (частное собрание, г. Москва). Местонахождение подлинника неизвестно.

Датируется по времени пребывания Есенина в Баку (см. ниже).

Дайте Ваське 20 руб...— Так Есенин иногда называл своего друга Василия Ивановича Болдовкина, родного брата П.И.Чагина (см., напр., п. 248). В. Болдовкин был моложе Есенина на 8 лет.

Однако в данном случае, скорее всего, имеется в виду другой «Васька». Л.Ф.Файнштейн вспоминал: «Чуть ли не с первого дня появления Есенина в Баку его стал почти неотступно сопровождать своеобразный „секретарь", как его называли,— Васька. Жизнь Есенина в Баку была тесно с ним связана <...>.

Васька был шустрый, прожженный парень, типичный продукт бакинской улицы. С виду ему было лет шестнадцать-двадцать, или около того. Образования — никакого (читать и писать, впрочем, Васька, кажется, умел). Несмотря на все это и на то, что о поэзии вообще, а о роли в ней Сергея Есенина в частности Васька и понятия не имел — предан был Есенину до чрезвычайности <...>. Васька присутствовал при всех почти попойках, но пил исключительно нарзан. Пьяного Есенина отвозил домой, раздевал и укладывал в постель, заботился о ванне, белье. Васька знал, где, когда и зачем Есенину нужно быть, и зачастую на этом основании удерживал его от пьянства.

Есенин тоже привязался к Ваське, хотя и не всегда доверял ему <...>. Незадолго до смерти Есенин интересовался Васькиной судьбой и просил своих бакинских друзей о нем позаботиться» (САЕ, с. 117, 118).

По письмам этого человека 1925—1926 гг. на имя С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ) установлена его фамилия и второй инициал — Василий В. Рутинов. В одном из писем он писал: «Софья Андреевна, работал я у Сергея Александровича, был его верным другом и слугой, Вы же сами знаете — день и ночь я находился около него <...> я ведь должен получить вознаграждение за свою верную службу и даже должен получить за проработанные 6 месяцев <в другом недатированном письме он указывает не 6, а 5 месяцев и сообщает, что три раза спас Есенина от смерти во время купания в Баку и Тифлисе>. Софья Андреевна. Вы простите меня за мое нескромное письмо, но меня заставило это, я же не могу ждать к будущей зиме и до этого времени быть без квартиры и валяться на вокзалах». Дальнейшая судьба В.В.Рутинова неизвестна.

178. *А.А.Берзинь*. 12 октября 1924 г. (с. 179).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 17 (публ. Б.М.Шумовой; с ориентировочной датой: «Окт.-нояб. 1914 г.»).

Печатается и датируется по подлиннику (телеграфный бланк; ГЛМ). Первая правильная датировка — Есенин 6 (1980), с. 341.

179. *Г.А.Бениславской*. 17 октября 1924 г. (с. 179).— Прокушев-55, с. 334 (в извлечениях). Полностью — ВЛ, 1960, № 3, с. 133 (публ. Е.А.Динерштейна, с неточностями).

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

...поеду в Тегеран.— Поездка не состоялась. Желание Есенина посетить Персию (Иран) было связано с его работой над циклом стихотворений «Персидские мотивы». В.И.Болдовкин, который в 1923 г. работал в Персии, писал, что поэт задавал ему «множество вопросов о Персии. Я почувствовал, что Персия не дает ему покоя, тянет к себе» (газ. «Молодежный курьер», Рязань, 1991,

26 дек., № 76; спец. вып. «Тропа к Есенину»; подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 638—642).

П.И.Чагин, которому Есенин посвятил «Персидские мотивы», вспоминал, что летом 1925 г. поэту создали иллюзию Персии в Баку: «...поехали на дачу в Мардакянах, под Баку, где Есенин в присутствии Сергея Мироновича Кирова неповторимо задушевно читал новые стихи из цикла „Персидские мотивы“.

Киров, человек большого эстетического вкуса, в дореволюционном прошлом блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной:

— Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, какие его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит — довообразит. Он же поэт, да какой! <...>

Летом 1925 года я перевез Есенина к себе на дачу. Это, как он сам признавал, была доподлинная иллюзия Персии — огромный сад, фонтаны и всяческие восточные затеи. Ни дать ни взять Персия» (Восп., 2, 162—163).

Первая попытка проехать через Тавриз не удалась. — Конкретных данных об этом не обнаружено.

С книгами делайте, что хотите. Доверенность прилагаю.— К письму, очевидно, была приложена доверенность Есенина Г.А.Бениславской на заключение договоров на издание его книг, аналогичная выданной ей же доверенности от 12 июня 1924 г. (наст. изд., т. 7, кн.2). Сведения о содержании «тифлисской» доверенности не выявлены.

Высылаю стихи. «Песнь о великом походе» исправлена. — Скорее всего, Есенин выслал газетную вырезку окончательной редакции «Песни о великом походе», опубликованной в З. Вост. 14 сент. 1924 г. (№ 677; ныне

хранится в ГЛМ). О других стихах, приложенных к этому письму, сведений нет.

Дайте Ан<не> *Абр*<амовне> *и перешлите Эрлиху для Госиздата. Там пусть издадут «36» и ее вместе.*— Просьба, адресованная А.А.Берзинь и В.И.Эрлиху, связана с двумя изданиями «Песни о великом походе» — в Отделе массовой (впоследствии — крестьянской) литературы Госиздата РСФСР в Москве (договор № 4882 подписан 2 сент. 1924 г.— РГАЛИ) и в ленинградском отделении Госиздата (подробнее об истории этих изданий см. наст. изд., т. 3, с. 588—599). 13 нояб. Бениславская сообщила Эрлиху: «Просит поправки переслать Вам для Госиздата» — и сделала копию поправок к тексту поэмы (Письма, 341—342). «36» — это сокращенное название «Поэмы о 36» (первоначальное заглавие «26. Баллада»). Еще 1 сент. перед отъездом на Кавказ Есенин послал поэму О.М.Бескину с просьбой опубликовать ее вместе с «Песнью о великом походе» и последними стихами отдельным изданием в Ленинградском отделении Госиздата (см. п. 170). Подробнее о событиях, связанных с реализацией этого издательского проекта, см. в коммент. к п. 175. Он так и не был осуществлен. Отдельной книгой «Поэма о 36» тоже не выходила; позже вошла в состав ОРиР, вышедшей в «Современной России» в конце апр. 1925 г. (см. наст. изд., т. 3, с. 632—633).

Опишите мне ∾ что делается в Москве. — Есенина волновала борьба между напостовцами и А.К.Воронским, поддерживавшим «попутчиков», обострившаяся осенью 1924 г. (подробнее об этом см. коммент. к п. 175). Свое понимание происходящего Бениславская подробно изложила в ответном письме в окт. 1924 г., но свела проблемы межгрупповой борьбы к передаче Есениным рукописи «Песни о великом походе» в журнал «Октябрь», где были сосредоточены противники Воронского (И.Вардин, Ф.Раскольников и др.):

«...Вас здесь встретят не слишком тепло; боюсь, многие руки не подадут. Вышло вообще очень нехорошо. В чем дело, как это вышло, я не знаю и узнать не у кого. Какие были у Вас соображения — об этом можно гадать, и только. Факт то, что если это случилось необдуманно, не нарочно, то тогда надо исправлять, благо еще не совсем поздно.

Как исправлять, намечайте Вы. Можно им вернуть деньги и взять поэму совсем; можете Вы затребовать ее для изменений, можно задержать до „предполагаемого" написания второй части и т. п. Можно многое, но это решайте Вы, так как мои изыскания в этой области могут оказаться неудачными — человек я неискушенный в сих делах. Но то, что случилось, никому нельзя было делать, а Вам уж и подавно. Одним словом, если у Вас есть силы бороться — бейте отступление (если надо отступать). Это вопрос чести.

Не решалась об этом писать по двум причинам:

Первое и главное: была не уверена (да и сейчас не уверена тоже), что это письмо никто не сумеет прочесть прежде Вас, а следовательно, сумеет принять всякие контрмеры. Во-вторых, и „главнее" — не хотелось нарушать Ваш отдых, тем более что не знаю, как Вы.

Только, Сергей Александрович, родной, ничего не предпринимайте сгоряча, не откладывая вместе с тем решения в долгий ящик. Если можно, дайте обстоятельную телеграмму, что предпринять, только пишите так, чтобы нам гадать не пришлось» (Письма, 251). Есенин на это письмо не ответил.

Спросите Казина, какие литературные новости.— Есенина особенно интересовало мнение Казина, т. к. еще перед отъездом на Кавказ поэт собирался оставить доверенность на его имя (сохранился черновик): «В случае изменения в журнале „Красная новь" линии Воронского уполномачиваю В.Казина присоединить мою подпись к

подписям о выходе из состава сотрудников» (см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

В ответ на просьбу Есенина Бениславская сообщала: «Казина нет в Москве. До 1 ноября он будет в Крыму, адрес: Крым. Ялта. Гаспра, санаторий Цекубу — В.Казину» (Письма, 251; см. также коммент. к п. 184).

С Вардиным я разъехался около месяца тому назад.— См. п. 175.

Напечатайте «36» в «Молодой гвардии» и получите деньги.— Бениславская ответила лишь 15 дек.: «...через Вардина, может быть, дам „36“ в „Молодую гвардию“. Мне не очень хочется ее печатать, и Вардин не советует, но ведь все равно Ионов ее издаст, чего ж тогда ее здесь перед тем не пустить? Вардин говорит, что ее Вам отделать бы, а я хуже: согласна с Воронским — „Черного принца“ Асеева помните? В ритме ли, в форме ли, но мне что-то не нравится (ох и распушите же Вы меня за такие речи!)» (Письма, 259).

Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том...— На эту часть письма Бениславская сразу же не ответила. Повторное указание Есенина имеется в п. 183.

Из Батума получил приглашение от Повицкого. После Персии заеду.— Зимой 1924—1925 гг. Есенин жил в Батуми (Батуме) на квартире своего друга Л.И.Повицкого (см. п. 187: «Адрес: Батум, Вознесенская ул, д. 9, Льву Повицкому, для Е.»)

Как Орешин? — Бениславская ответила: «Орешин в „Красной нови“ бывает редко» (Письма, 251).

Что ~ распущенный имажинизм? — Есенин интересуется реакцией на подписанное им письмо в редакцию «Правды» о роспуске группы «имажинисты» (см. наст. изд., т. 7, кн. 2). Бениславская сообщала между 10 и 12 дек.: «Об „имажинистах“ питерских Эрлих пишет: „У меня здесь была форменная склока с нашими ребятами. Дело дошло до того, что Шмерельсон писал Грузинову,

требуя передачи всех наших материалов, в том числе и моих. Мне случайно попалась открытка Грузинова — Шмерельсону, из которой я это понял. Грузинову я открытку с разъяснением послал. Во всяком случае: будет Сергей что-нибудь предпринимать или нет — ни я, ни Полоцкий никаких дел с „Гостиницей" иметь не будем и не имеем". Вот все, что пишет Эрлих об имажинистах питерских. О здешних нечего писать. „Таверна" закрылась давно» (Письма, 257; о «таверне» см. ниже).

Есть ли что в таверне и кто там? — Речь идет об артистическом кафе «Стойло Пегаса». На этот вопрос Бениславская ответила в письме от 15 дек.: «Ну, теперь о новостях. „Таверна" закрыта — прогорела. Савкин затеял какой-то театр вместо „Таверны" — тоже прогорел в несколько дней, теперь не знает, как выпутаться. Жаль его — мальчишка ведь еще, потому и влип так. А Грузинов теперь руки умывает.

Мариенгоф и К^0 молчат. Открыли новое кафе в Метрополе: „Калоша". Что там делается, не знаю...» (Письма, 258).

Эрлиху напишите, чтоб поэму пускал как «36», а не «26».— Это поручение Бениславская исполнила, написав Эрлиху 13 нояб. 1924 г.: «„26" переименовать в „36", соответственно изменив в тексте» (Письма, 342; подробнее о «Поэме о 36» см. наст. изд., т. 3, с. 635—636).

...я не пишу ему из-за того, что потерял адрес.— В упомянутом выше письме Бениславской Эрлиху читаем: «Напишите С.А. по адресу: Баку, „Бакинский рабочий" — Есенину. Он просил всех писать всегда только по этому адресу» (Письма, 342). Письма Эрлиха Есенину на Кавказ неизвестны.

Пришлите 2 книги «Москвы кабацк<ой>».— Повидимому, эта просьба была выполнена, так как среди кавказских инскриптов Есенина есть надпись и на М. каб. (ее адресатом была Шаганэ — Ш.Н.Тальян: Юсов-96, с. 200).

180. *Г.А.Бениславской*. 20 октября 1924 г. (с. 180).— Прокушев-55, с. 334, 335 (в извлечениях, с датой: «24 окт. 1924 г.»). Полностью — Есенин 5 (1962), с. 182–183.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Несколько времени поживу в Тегеране...— В Тегеран Есенин не ездил (см. коммент. к п. 179).

Составил Вам список...— Машинописная копия списка сохранилась (ГМЗЕ) и воспроизведена в наст. изд., т. 1, с. 397–398.

... под названием «Рябиновый костер»...— Книга под таким названием не выходила (подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 2). Позднее так был озаглавлен третий раздел последней прижизненной книги поэта (Перс. мот.).

Воронскому я написал...— Письма Есенина А.К.Воронскому не сохранились.

На днях я пошлю им <Кр. нови> *персидские стихи.*— Имеются в виду стихи, впоследствии вошедшие в Перс. мот. О посылке стихов см. в пп. 183 и 192.

У Ив<ана> *Ивановича...*— Возможно, речь идет об И.И.Уварове.

...мой шарф красно-черн<ый>*, я его оч*<ень> *люблю.*— Красно-черный шарф — любимый шарф Есенина, подаренный ему А.Дункан. Поэт даже зимой ходил в распахнутой шубе, «развевая за собой красный шелковый шарф». Может быть, поэтому «Ричиотти звал Есенина райской птицей» (В.И.Эрлих; Восп., 2, 328).

Высказанное в данном письме пожелание поэта, чтобы его вещи вернулись из Ленинграда в Москву, было выполнено, и, вернувшись в Москву с Кавказа, он продолжал носить «красно-черный» шарф. Вспоминая разговор с ним в дек. 1925 г. перед отъездом в Ленинград, И.В.Евдокимов писал: «Есенин <...>, улыбаясь, сказал:

— Тебе нравится мой шарф?

Он подкинул его на ладони, оттянул вперед и еще раз подкинул.

— Да,— говорю,— очень красивый у тебя шарф!

Действительно, шарф очень шел к нему, гармонично как-то доканчивая белое и бледное лицо поэта. Шарф кидался в глаза тончайшим соединением черного тона шелка с красными маками, спрятавшимися в складках, будто выставлявшими отдельные лепестки на волнистой линии концов. Я потрогал его рукой.

Продолжая радостно улыбаться, Есенин заметил:

— Это подарок Изадоры... Дункан. Она мне подарила» (Восп., 2, 300—301).

У Сашки я жить не буду.— У своего близкого друга А.М.Сахарова поэт обычно останавливался, приезжая в Ленинград (Гагаринская ул., д. 1, кв. 12), и хранил у него часть своего архива. Настроение, выраженное в настоящем письме, было временным. После своего второго возвращения с Кавказа Есенин ездил с Сахаровым в начале июня 1925 г. в Константиново. В июле Сахаров стал одним из организаторов «мальчишника», который Есенин собрал накануне свадьбы с С.А.Толстой. В последние приезды в Ленинград Есенин жил у журналиста Уварова (3—6 нояб.) и в гостинице «Англетер» (24—28 дек. 1925 г.).

Мне удобней будет жить у Соколова, когда я буду в Питере.— В ответ Бениславская спрашивала: «Это тот Соколов, который в „Стойле“ бывал? Он или другой?

Впрочем, не это важно. Важно вот что: Вам нужно иметь свою квартиру. Это непременно. Только тогда Вам будет удобно, а Сашка, Соколов и т. д.— это Вас не может устроить. Вы сами это знаете, и я сейчас особенно поняла. Не с чужими и у чужих, а со своими Вам надо устроиться: уют, и свой уют,— великая вещь» (Письма, 258—259).

Есенин имел в виду не поэта И.В.Соколова из «Стойла Пегаса», а художника К.А.Соколова, который был его «провожатым» в Тифлисе и Батуме (Восп., 2, 245) и 18 окт. (за два дня до написания наст. письма) сфотографировался с ним. На этой фотографии поэт сделал надпись

его жене П.М.Денисовой-Соколовой (подробнее см. п. 185, а также раздел «С.А.Есенин в фотографиях», наст. изд., т. 7, кн. 2).

181. *М.И.Лившиц*. 20 октября 1924 г. (с. 181).— Есенин 5 (1962), с. 181—182, с неточностью в одном слове.

Печатается по автографу (РГАЛИ).

Спасибо за письмо и вырезки ∾ *Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколечко.*— Письмо М.И.Лившиц неизвестно, но при нем она, судя по всему, послала вырезки из газ. «Правда» (см. о ней ниже) и из еженедельника «Новый зритель», (1924, 9 сент., № 35), где было помещено ответное письмо Р.Ивнева, А.Мариенгофа, М.Ройзмана, В.Шершеневича, Н.Эрдмана (Письма, 339—340) на заявление Есенина и Грузинова (см. газ. «Правда». М., 1924, 31 авг., № 197; Письма, 142). В письме содержались резкие суждения о Есенине (выдержки из его текста см. в коммент. к п. 175).

Сохранилось письмо Е.А.Есениной брату (оно не было закончено и, по-видимому, осталось неотправленным), которое она, скорее всего, писала совместно с М.И.Лившиц:

«А теперь о Мариенгофе и прочих. Письмо их в „Правде“ поместили, но так, что ты можешь искать его два дня и, прочитав всю газету, может быть, заметишь в отделе заразных болезней фамилии оставшихся в группе имажинистов.

Какие фамилии, ты уже знаешь, к ним только прибавились Шершеневич и Соловьев.

Они, наверное, этим не удовлетворились и написали еще письмо в журнале „Новый зритель“, вырезки этих писем мы посылаем тут же...» (см.: Юсов Н.Г. Из архива Маргариты Лившиц.— Столетие Есенина, с. 444). В самом деле, 5 сент. 1924 г. в «Правде» под рубрикой «Заразные болезни в Москве» можно было прочесть:

«**Нас просят сообщить** в связи с письмом в редакцию „Правды“ С.Есенина, что основная московская группа имажинистов остается без перемен в следующем составе: Рюрик Ивнев, А.Мариенгоф, А.Кусиков, М.Ройзман, В.Шершеневич, Н. и Б. Эрдман и Афанасьев-Соловьев» (№ 201, с. 4; выделено в источнике).

Женя— Е.И.Лившиц.

... и петь вроде Конёнкова: «Прошли золотые денечки».— С.Т.Конёнков был большим знатоком русской народной песни. В одной из бесед, которые были записаны на магнитную пленку, он рассказывал: «Играл я в то время на скрипке и лире... Всю жизнь люблю русскую песню. В то время, еще с пятого-шестого года, часто пел „Пройдут деньки веселые...“

Пройдут деньки веселые,
Вот зимняя пора,
А мы, друзья несчастные,
Завянем, как трава.
Завянем и засохнем
Во темной во тюрьме,
За что же погибаю я,
Скажите, друзья, мне...

Так и ассоциировался Конёнков с этой песней у Есенина...» (Панфилов А., «Нинесе: Поиски, исследования, находки». М., 1990, с. 150). Правда, в письме цитируется начальная строка не этой, а другой песни безымянного автора; она, напр., открывает сб. «Прошли золотые денечки / Новый песенник», М.: тип. Филатова, 1905, с. V—VI.

1-й Жене ∾ 2-й Жене ∾ 3-й Жене...— Е.И.Лившиц, Е.С.Розовской и Е.Г.Апириной.

182. *А.А.Берзинь.* 21 октября 1924 г. (с. 182).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 17 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Очень грустно, что Вы не ответили мне на письмо и телеграмму.— Письмо неизвестно, а телеграмма — это п. 178.

Нравятся ли «Персид<ские> *мотивы»?* — Речь идет о стихотворениях «Улеглась моя былая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...», скорее всего, посланных Есениным А.А.Берзинь в письме, которое ныне неизвестно и о котором поэт упоминает выше. Эти стихи были опубликованы в газ. «Трудовой Батум», 1924, 10 дек. Подробнее о цикле «Персидские мотивы» см. наст. изд., т. 1, с. 638—658.

...как с книгой? Издайте ее так, как послал я ее Гале. Теперь она исправлена.— Речь идет о сборнике стихотворений и поэм, упоминавшемся в п. 179: «Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том так, как я говорил с Анн<ой> Абрам<овной>, лирику отдельно и поэмы отдельно. Первым в поэмах „Пугачев", потом „36", потом „Страна негодяев" и под конец „Песнь". Мелкие же поэмы идут впереди всего».

Издание не было осуществлено.

...Вы обидели отца.— Речь идет об И.Вардине.

...«где злая пуля осетина его во мраке догнала» и *бежали робкие грузины.*— Цитаты из поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон» (с намеком на грузинское происхождение И.Вардина):

И дикий крик и стон глухой
Промчались в тишине долины —
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины.
. . . .
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

Лермонтов М.Ю. Сочинения. Изд. 5-е.
М.: А.С.Панафидина, 1912, стб. 410, 411).

Демьяновой ухи я теперь не хлебаю.— Реминисценция из басни И.А.Крылова «Демьянова уха»:

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать во время не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

(Крылов И.А. Басни. СПб., 1908, с. 103: РКлБ, вып. XXXVI).

Появление этих слов у Есенина имеет прямое отношение к Демьяну Бедному. Намек, возможно, связан со стараниями И.Вардина «одемьянить» «Песнь о великом походе» (см.: Письма, 242–244).

О делах, в которых мне необходима Ваша помощь, с Вами поговорит Галя.— Речь идет о составлении и устройстве в печать сборника стихотворений и поэм (см. выше).

183. *Г.А.Бениславской.* 29 октября 1924 г. (с. 183).— Прокушев-55, с. 334 (в извлечениях); полностью — Есенин 5 (1962), с. 183–184.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Посылаю Вам два стих<отворения> *из «Персидских мотивов».*— «Персидские стихи» Есенин обещал прислать для Кр. нови (см. п. 180, а также п. 192 и коммент. к ним). Имеются в виду стихотворения «Улеглась моя былая рана...» и «Я спросил сегодня у менялы...» (о них см. также коммент. к п. 182).

Издайте «Рябиновый костер» так, как там расставлено.— «Там» означает: в проекте этого сборника, составленном Есениным (этот проект см.: наст. изд., т. 1, с. 397–398). Книга под таким названием не вышла (см. коммент. к п. 180).

«Русь советскую» в конце исправьте.— Поправки, о которых Есенин пишет ниже, были внесены в текст произ-

ведения, о чем свидетельствуют его публикация в Кр. нови (1924, № 5). См. также наст. изд., т. 2, с. 235.

Если Анна Абрамовна не бросила мысли о собрании...— Второе напоминание Есенина об этом (первое в п. 179) для А.А.Берзинь. В середине дек. 1924 г. Бениславская писала: «Через 2 дня приступаю к подготовке, вернее к разыскиванию в старых журналах Ваших стихов. Если бы Вы не поленились и сообщали полностью, где и что было напечатано. Как бы Вы этим облегчили работу. А потом Анна Абрамовна возьмется за составление. Ваши указания относительно тома передам ей и проверю, чтобы все было так, как хотите Вы» (Письма, 256).

... издайте по берлинскому тому...— Имеется в виду Грж. Бениславская отвечала: «Берлинский том выписываю из-за границы, нигде не могу получить здесь» (Письма, 256).

«Моск<ва> *каб*<ацкая>*» полностью, как есть у Вас, с стихотворением «Грубым дается радость».*— Есенин имеет в виду стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» и «Мне осталась одна забава...», которые были названы в оглавлении ко второму разделу М. каб. (этот сборник Есенин подарил Бениславской), но текст их в сборнике напечатан не был. Не было в нем и стихотворения «Грубым дается радость...», опубликованного в составе цикла «Москва кабацкая» лишь в Ст24.

В отделе массовой литературы вместе с «Избранным» есть деньги...— Под «Избранным» подразумевается здесь Б. сит. (переиздание И22). Договор на его издание был подписан 1 июля 1924 г. (см. наст. изд., т. 7, кн. 2). О каких деньгах идет речь, не установлено.

184. *Г.А.Бениславской.* После 2 ноября 1924 г. (с. 184).— Прокушев-55, с. 331 (в извлечениях, с ориентировочной датой: «Вторая половина 1924 г.»); полностью — Есенин 5 (1962), с. 184–185.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Датируется по содержанию, особенно по фразе: «Посылаю „Русь уходящую“» — в сопоставлении с имеющейся на черновом автографе произведения датой: «2.XI.24» (см. Письма, 151).

Посылаю «Русь уходящую».— «Русь уходящая» впервые опубликована в З. Вост., 1924, 6 нояб., № 722 (подробнее см. наст. изд., т. 2, с. 414).

... продайте под названием «После скандалов».— Свои соображения о книге под этим названием Бениславская изложила в письме от 10—12 дек. 1924 г.: «Издательство „Современная Россия“ через некоего тов. Берлина (помните его?) издает сборник Ваших старых стихов о революции и России <...>.

В редактировании принимает участие Вал. Ив. Вольпин. Он вообще много помогает своими советами. „После скандалов“ он будет продавать. Его бы чем-нибудь надо отблагодарить. Мне пришла мысль: на сборнике этих революционных стихов написать, что это под редакцией Вольпина. Может, это вообще ерундовая мысль; в делах этих я — дитё, но Вы напишите Ваше мнение.

Стоит ли давать вступительную статью к сборнику, они предполагали Когана, или Сакулина, или Луначарского? Что-то никто из этих мне не улыбается. Скорей всего Когана. Сакулина не стоит.

Якулов согласен иллюстрировать этот сборник. А Вы согласны? Хорошо ли, что мы включили „Русь Советскую“ и „На родине“? Не повредит ли это книге „После скандалов“?

Кстати. Перемените название — так нельзя; „Круг“ уже издал Ваш сборник, и там есть отдел „После скандалов“, нельзя же теперь выпускать книгу с этим же названием. Непременно перемените и сообщите мне» (Письма, 256). Книга под названием «После скандалов» не выходила (подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

«Рябиновый костер» я, как название, продаю здесь в Тифлисе.— Книга под таким названием не выходила; см. коммент. к п. 180.

Напишите мне подробно, что делается в Москве. Как Воронский, Казин, Анна Абрамовна и др.— К тому времени Есенин еще не получал писем Бениславской, в которых она описала московские новости (см. Письма, 251; с неверной датой). 15 дек. 1924 г., отвечая на комментируемое письмо, она писала: «Анна Абрамовна <Берзинь> все такая же: собрала все Ваши книжки для подготовки тома.

<...> Ну, от Казина ничего особого не узнали мы — молчит он больше.

Новостей, говорит, никаких... <далее в источнике текста вырезано три строки машинописи>.

<...>Посылаю Вам страничку Приблудного в „Красной ниве“<1924, № 50> — стихи старые, но так — общий вид» (Письма, 258).

Пока не кончу большую вещь.— Речь идет о работе над поэмой «Анна Снегина» (подробнее см. наст. изд., т. 3, с. 646—647).

Как нравится «Русь уходящая»? — «„Русь уходящая“ очень нравится»,— писала Бениславская (Письма, 255). Здесь же, отвечая на еще одно не известное ныне письмо Есенина, она давала следующие указания:

«1. Заведите манеру всегда под стихами ставить месяц и год, а то теперь с восстановлением дат много работы будет. (Это выучите наизусть.)

2. Все вырезки (стихи ли, заметки ли), посылая, всегда надписывайте: какая газета и за какое число. (Это тоже.)

Вашу фотографию (с Чагиным), стихи, письма и прочее — все получила. А карточка изумительная. У Вас прекрасное лицо, несмотря на слегка кривую улыбку. Я с ней расстаться не могу. <...>

Ну, а вообще Ваш творческий путь сейчас такой извилистый, что никак не знаешь, чего ожидать от Вас. Песнь о походе — Кавказ — Персидские мотивы» (Письма, 255–256).

Пишите в Баку.— Вместо Баку Есенин поехал из Тифлиса в Батум (см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

185. *П.М.Денисовой-Соколовой.* 17 ноября 1924 г. (с. 185).— Газ. «Вечерняя Москва», 1965, 2 окт., № 233 (в статье В.Белоусова «Стихи в начале пути», с ошибочной датой).

Печатается по автографу (ИМЛИ).

...как у иокширкского кабана...— Так у Есенина. Речь идет о породе свиней, выведенной в английском графстве Йоркшир.

Через несколько дней ∾ в Баку.— Эта поездка не состоялась.

Там <т. е. в Баку> *ему важно получить большую работу 26.*— К.А.Соколов надеялся получить заказ на написание картины в связи с 5-летней годовщиной со дня гибели 26 бакинских комиссаров. Этого сделать не удалось (см. воспоминания художника в записи С.А.Толстой-Есениной — ГЛМ).

186. *Г.А.Бениславской.* Между 3 и 6 декабря 1924 г. (с. 186).— Журн. «Литературная Грузия», Тбилиси, 1969, № 5/6, с. 188 (публ. Г.В.Бебутова).

Печатается по черновику телеграммы (РГАЛИ, ф. Г.В.Бебутова).

После записи комментируемого текста Есенин оставил из него только адрес, вычеркнув остальное. Затем на этом же листе бумаги было написано заявление Вирапу (текст см.: наст. изд., т. 7, кн. 2). Очевидно, оба текста были написаны одновременно.

Исходя из этих особенностей подлинника, устанавливается нижняя граница датировки комментируемой теле-

граммы — Вирап являлся главой акционерного издательского общества «Советский Кавказ», договор с которым на выпуск своей книги (Стр. сов.) был подписан Есениным 3 дек. 1924 г. (его текст см.: наст. изд., т. 7, кн. 2). Верхняя граница датировки определяется с учетом автографа поэта в альбоме Б.И.Корнеева (РГАЛИ): «С.Есенин /6/XII 24/ Тифлис» (Письма, 153). 6 или 7 дек. Есенин выехал в Батуми.

Успокойте Шуру купите ей сапоги и шубу...— Ознакомившись с фотокопией документа, А.А.Есенина отметила в письме Г.В.Бебутову (около 20 февр. 1967 г.):

«К сожалению, я ничего не могу сообщить Вам об этой телеграмме. Лично я никогда у Сергея денег не просила и вообще ни о чем не писала ему. <...> Что же касается того, что телеграмма зачеркнута, то я думаю, что зачеркнул он ее сам. Вместо телеграммы он, видимо, решил просто выслать деньги. О существовании такой телеграммы ни мне, ни Екатерине Александровне ничего не известно» (Письма, 152). Вместе с тем в воспоминаниях, сопровождавших первую публикацию черновика телеграммы, она же отметила: «В нашей семье письма писались всегда взрослыми и всегда деловые. Всяческими житейскими мелочами Сергея старались не беспокоить, так как он обычно сам замечал их. И в данном случае он предполагал, что, переехав из деревни в Москву, я не имею надлежащей одежды. Он был очень заботливым человеком» (журн. «Литературная Грузия», Тбилиси, 1969, № 5/6, с. 188). См. также коммент. к заявлению Есенина Вирапу (наст. изд., т. 7, кн. 2).

187. *Г.А.Бениславской*. 12 декабря 1924 г. (с. 186).— Есенин 5 (1962), с. 185—186.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

На пп. 187, 191 и еще на одно неизвестное письмо Есенина из Батуми Бениславская ответила двумя письмами от 25 и 27 дек. 1924 г. Одно написала сразу по

получении трех писем перед отъездом в Константиново с Рязанского вокзала 25 дек.: «Не могу в Москве оставаться, больно скучно, а там все же Вашим духом пахнет. <...> Едем все трое. <...> Напишу подробнее потом — сейчас пора на поезд» (Письма, 262).

Очень болен...— В начале дек. (7 или 8) 1924 г. Есенин вместе с Н.К.Вержбицким и К.А.Соколовым приехал из Тифлиса в Батуми. Н.К.Вержбицкий вспоминал: «Есенин простудился, стал сильно кашлять и пресерьезнейшим образом уверял меня, что у него горловая чахотка и он скоро умрет.

Наш номер в гостинице был двухкомнатный: окна одной комнаты выходили на улицу, а во второй окон не было, и она служила нам спальней. В этой темной спальне хрипел и метался на кровати больной Есенин. <...> врач ничего не обнаружил, кроме легкой ангины» (Вержбицкий, с. 112–113).

Перепечатайте эти стихи и сдайте куда хотите.— О каких стихах идет речь, неясно. Возможно, среди них было «Письмо к женщине», так как сразу по получении трех писем от Есенина из Батуми Бениславская написала, несмотря на то, что спешила на поезд: «Стихотворение „Письмо к женщине“ — я с ума сошла от него. И до сих пор брежу им — до чего хорошее оно!» (Письма, 262). В письме из Константинова от 27 дек. она также сделала приписку: «А „Письмо женщине“ — до сих пор под этим впечатлением хожу. Перечитываю и не могу насытиться» (Письма, 264).

Напишите, как, где живет Шура? Как Екатерина...— В письме от 25 дек. Бениславская отвечала: «Мы все (Шура, Катя и я) здоровы. <...> За нас не беспокойтесь. С деньгами устроим все. Вообще, мы не пропадем. Живем вместе втроем на Никитской <условное название адреса Бениславской> (я, Шура, Катя).

Живем дружно. <...> Вы, очевидно, в Батуме получили одно мое письмо, а первое не получили, в

котором я подробно все описала» (Письма, 262). В письме от 15 дек. есть такое место: «С тех пор, как она <Шура> с нами на Никитской, у нас стало очень хорошо; т. е. не внешне, а так — дома хорошо. Она, как это и бывает с детьми, внесла уют в нашу жизнь. У нас сейчас по-семейному как-то стало. Бродяжить перестали. Даже я в рамки совсем почти вошла, остепенилась. А Шурка какая славная. Я и сама не знаю, как это случилось,— но я ее очень люблю. Она ходит в школу, я с ней арифметикой даже занималась, но теперь она уже нагнала класс. И вовсе она не неспособная, ерунду кто-то из вас говорил. Очень смышленая, но рассеянная.

У меня тоже деловое настроение. Занимаюсь, Ваши стихи в порядок привожу, в „Бедноте“ работаю.

Вот Катя что-то хуже, хворает, бледная, хандрит и развинтилась как-то. Она, очевидно, плохо летом отдохнула» (Письма, 259).

...что с домом? — В 1924 г. шло строительство нового дома в Константинове. 27 дек. Бениславская писала из нового дома (второй приезд в Константиново; ездила с сестрами поэта на 4 дня, 25—29 дек.): «Чуете, Сергей Александрович, откуда пишу? Небось и невдомек!

Ну да! Я сейчас сижу в Константинове, у Ваших в новом доме, только что пили чай, о Вас толковали.

А хорошо здесь у Вас очень. Вчера Татьяна Федоровна <мать поэта> песни вечером пела, а мы все на печь забрались и слушали. „Эх, прощай, жисть, радость моя“.

Только уж очень здесь тоска меня забрала, а Кавказ кажется таким желанным. Так хочется повидать Вас. <...> зима ужасная — снегу не было до 20 декабря, а теперь тоненький, и это при 25° мороза.— Будь ему (морозу) неладно. Катя даже ноги отморозила, пока до Константинова доехали,— целый час оттирали снегом.

Дом уже отстроен — сегодня перебрались в него совсем. Топим печь и лежанку — сейчас тихо, тепло. Мать и отец улеглись — отец на печи, Катя и Шура ушли <...>, а я вот за письмо села.

Дом мне нравится, просторно, чисто. Правда, еще не кончены сени и т. д. Вид из окна прямо на луга за Окой — выстроили против церкви.

До чего мне здесь нравится, если б Вы знали. Завтра надо возвращаться в Москву, а не хочется.

Читала я Вашим стихи. Матери очень понравилась „Русь Советская", все, говорит, так, как есть, и другие наросли, и „жись" вся.

Отцу же все Ваши последние стихи нравятся: „Хорошо стал писать, а раньше имажинистом понять трудно было".

Я тут окончательно за Катину сноху прослыла. Даже Ваша мать уже не дает бесславить меня: сегодня утром Катя и Шура заметили, что у меня зеленые глаза, и стали дразниться при ком-то из деревенских, ну и досталось им за это от Татьяны Федоровны» (Письма, 263).

Соберитесь с духом и привезите вещи из Питера. У Сашки они, вероятно, мешают.— Сашка — А.М.Сахаров. «В Питер, быть может, она <Е.А.Есенина> поедет,— писала Бениславская 15 дек.,— она ведь там никогда не была, а вещи она сумеет собрать. Не нравится только мне, что Ваши письма у Сахарова не заперты даже. Безобразие. Забрать бы у него — да он не даст ведь» (Письма, 259).

От Льва Осиповича привет.— Л.И.Повицкий, у которого Есенин поселился в Батуми, вспоминал: «В первом же письме из Батума Есенин передал Галине Бениславской привет от меня. С нею я виделся в Москве один-два раза, но уже заочно числился в ее друзьях, и Есенин аккуратно передавал ей мои приветы. Ему понравился покой и неприхотливый уют моего жилища, и он пожер-

твовал ради него удобствами комфортабельного номера в гостинице» (Восп., 2, 245).

Что слышно с моим собранием? Анна Абрамовна, вероятно, меня забыла.— О подготовке собрания Бениславская писала между 10 и 12 дек. (см. коммент. к п. 183). Об этом же есть и в ее письме из Константинова от 27 дек.: «С собранием — у Анны Абрамовны очень болен ребенок, поэтому том немного задержался. Должно быть, на днях возьмемся за него» (Письма, 264). 9 февр. 1925 г. Бениславская отчиталась о проведенной работе: «Сегодня я собрала материал для тома, все есть, за исключением стихов из прежних журналов, через два дня и они будут. Включать все, что найдем, или нет?

„Яр“ включать тоже (у нас есть „Яр“)? Да, „Москву кабацкую“ и „Любовь хулигана“ можно поставить после „Песен Забулдыги“? Потом: куда остальное из отдела „После скандалов“ (Ширяевцу <„Мы теперь уходим понемногу...“>, Пушкину и остальные). Ну, „На родине“ и „Русь Советскую“ после „Исповеди“ <„Исповедь хулигана“>, а прочие куда лучше? Почему вы хотите „Иорданскую голубицу“ после „Инонии“, а не туда, к „Отчарь“ и пр.?

Хотя бы об этом напишите, ведь Вам же интересно это издание. Потом: надо ли предисловие к нему? А то ведь там „божественных“ слов много.

Редакцию менять по берлинскому тому я не буду, лучше дать такими, какими они были, хорошо?» (Письма, 272). В мае 1925 г. Есенин просил Бениславскую передать собрание Д.К.Богомильскому (см. п. 219 и коммент. к нему.). Собрание не издавалось. Его структура в основных чертах была принята при подготовке трехтомного Собр. ст. осенью 1925 г. (подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 2, раздел, где собраны сведения о невышедших при жизни авторских книгах Есенина).

Привет Яне и Соне...— В ответ Яна (Я.М.Козловская) 31 дек. написала письмо:

«Дорогой Сергей Александрович,

не только потому, что привет прислали, который радует и хочется ответить тем же, но еще и потому, что нам приятно если не беседовать, то написать несколько слов.

Завтра новый год, обычный новый год, но чем-то отмечаемый у каждого. И у Вас?

Вот хочется нам знать, чем же Вы и с чем, с какими мыслями и настроениями его встречаете. Чем сейчас живете, что занимает Вас...

Правда, мы знаем, что все у Вас (но все ли?) отмечается чудесным бисером строк, маленьких строк, даже сны навевающих.

Рассказывал вчера Касаткин, что его приятелю снилось, что Вы на Кавказе увлекли жену кавказца и это стоило Вам жизни, т. к. кавказец сей насквозь проткнул Вас ножом. Разве это не Ваши драки навеяли?

Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.—

Ну, а кроме того, что в строчках?

Например, когда в Москву думаете приехать, тянет ли сюда?

Помните — Вы все о тахте говорили? А как раз на днях у нас тахта появилась. Мы и решили — приедет С. Ал.— и в первый же вечер позовем его на тахту — слушать рассказы Ваши о восточных краях.

Ну, приезжайте, дайте знать о себе, чем очень обрадуете.

Примите большой, нежный привет от Сони и Яны.

А если будет охота или настроение — черкнёте,— то по адресу — Кремль, Кавалерский корпус, 1-й этаж, Яне Козловской» (Письма, 265—266).

... и Иосифу.— Бениславская в письме из Константинова 27 дек. ответила: «От Иосифа <И.Эстрина> Вам

сердечный привет, просил передать Вам, что Ваши стихи он все знает и больше всего любит» (Письма, 264). Другие сведения об этом поклоннике поэтического дарования Есенина не выявлены.

Что слышно в литературной политике? — «Воронского,— писала Бениславская в ответ,— в „Красной нови“ уже нет. Там теперь „октябристы“» (27 дек.; Письма, 264).

Что нового написал Приблудный? ∾ мне ни одного слова не написал.— 27 дек. Бениславская спрашивала: «А Приблудного страничку разве Вы не получили? <см. об этом коммент. к п. 184> Новые его стихи слышала, но не помню» (Письма, 264).

Кое-что я читал в отзывах о «Москве кабацкой».— Вероятно, имеются в виду рецензии И.Груздева (журн. «Русский современник», 1924, № 3); И.Оксенова (журн. «Звезда», 1924, № 4).

Соберите то, что вообще появилось.— Цикл «Москва кабацкая» вызвал особенно бурное обсуждение. В одной из Тетр. ГЛМ есть отзывы А.Селихановича (Бак. раб., 1924, 25 сент., № 217), Г.Адонца (журн. «Жизнь искусства». М.— Л., 1925, № 34, с. 10—11, и № 35, с. 9), А.Лежнева (ПиР, 1925, № 1, янв.-февр., с. 129). Подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 576—606.

Екатерину жмите больше в кулаки.— «А вот как это „Екатерину крепче в кулаки жать“? — разъясните, что сие значит?» — отвечала Бениславская (Письма, 264). Дальнейших «разъяснений» от Есенина не последовало.

188. *Г.А.Бениславской.* Между 13 и 15 декабря 1924 г. (с. 187).— Хроника, 2, 161 (с конъектурой публикатора).

Печатается по машинописной копии (РГАЛИ); в текст введены конъектуры, необходимые для его понимания. Подлинник телеграммы неизвестен.

Датируется по следующим соображениям: 1) публикуемый текст извлечен из письма Г.Бениславской Есенину от 15 дек. 1924 г., где сопровожден фразой: «Получили Ваши обе телеграммы из Батума» (Письма, 258); 2) в письме Г.Бениславской В.Эрлиху от 12 дек. 1924 г. говорится лишь об одной телеграмме, пришедшей от Есенина из Батума (Письма, 343). Исходя из этого, и установлен интервал времени, в течение которого в Москве могла быть получена вторая телеграмма поэта. См. об этом также: Хроника, 2, 321.

Бениславская ответила 15 дек. «Что это значит? Что подтвердить: получение адреса? Телеграммы? Что значит слово „четырехсот“? И до получения каких денег? В Батуме или от нас? Быть может, Вы что-либо писали нам, но до нас не дошло?» (Письма, 258).

Еще не получив этого письма, Есенин разъяснил, о чем шла речь в телеграмме, письмом от 17 дек.: «Мне выслали из Армении 400 руб. Куда они попали, я не знаю. Я собирался в Москву и дал адрес Ваш, но потом я их предупредил, что не еду, и дал адрес другой. Не знаю, куда они попали. Если попадут к Вам, направьте ко мне» (наст. том, с. 190). Через несколько дней, 20 дек., он сообщил Бениславской: «Деньги мои пришли. Так что беспокоил Вас напрасно. <...> В Армении выходит на армян<ском> языке целая книга» (наст. том, с. 194—195).

Возможно, этот неосуществившийся проект так или иначе связан с эпизодом, много лет спустя описанным в воспоминаниях Л.И.Повицкого:

«Есенин по приезде в Батум остановился в местной гостинице. Через несколько дней я заехал за ним, чтобы перевезти его к себе. <...> Он вынес свои чемоданы из номера, и мы собрались уже выйти, как вдруг на нас с громкой руганью накинулся заведующий гостиницей — старик армянин:

— Не пущу чемоданы, заплати деньги!

— Я вам объяснил,— ответил Есенин,— деньги я получу через два-три дня, тогда и заплачу!

— Ничего не знаю! Плати деньги! — кричал на всю гостиницу рассвирепевший старик.

Есенин тоже повысил голос:

— Я — Есенин! Понимаешь или нет? Я сказал — заплачу, значит, заплачу.

На шум вышел из соседнего номера какой-то гражданин. Постоял с минуту, слушая шумную перебранку, и подошел к заведующему:

— Сколько Есенин вам должен?

Тот назвал сумму.

— Получите! — И неизвестный отсчитал старику деньги.

Старик в изумлении только глаза вытаращил.

Есенин поблагодарил неизвестного и попросил у него адрес, по которому можно вернуть деньги. Тот ответил:

— Мне денег не нужно. Я — редактор армянской газеты в Ереване. Пришлите нам в адрес газеты стихотворение — и мы будем в расчете.

Есенин пообещал и сердечно попрощался с неожиданным спасителем» (Восп., 2, 245—246).

Не исключено, что поэт мог договориться с этим журналистом (фамилия его неизвестна) и о дальнейшем сотрудничестве. Итогом этой договоренности и стал четырехсотрублевый аванс из Армении.

189. *П.И.Чагину.* 14 декабря 1924 г. (с. 187)— Газ. «Батумский рабочий», 1959, 4 янв., № 3 (в статье В.Белоусова «Сергей Есенин в Батуми»; в извлечениях). Полностью — Есенин 5 (1962), с. 186—187.

Печатается по автографу (собрание С.С.Демиденко, г. Калуга).

Закрутил я в Тифлисе довольно здорово.— Имеются в виду, скорее всего, кутежи в компании с грузинскими поэтами. Возможно, об одном из таких «похождений»

вспоминает Есенин в письме из Москвы к Т.Табидзе (см. п. 208), а также Г.Леонидзе в своем очерке «Я вижу этого человека» (см. Восп., 2, 206; коммент. к п. 208).

Работаю и скоро пришлю Вам поэму.— Речь идет о поэме «Анна Снегина». Первая ее публикация состоялась в Бак. раб. 1 и 3 мая 1925 г.

Сейчас же посылаю «Цветы».— Стихотворение напечатано 4 янв. 1925 г. в бакинском издании «Арена. Однодневная газета. Работники печати — работникам цирка» (наст. изд., т. 4, с. 428—429).

... книжку я хочу назвать «Рябиновый костер»...— См. пп. 180, 184 и коммент. к ним. В конце дек. 1924 г. кооперативное издательство «Бакинский рабочий» выпустило книгу Есенина под другим названием — «Русь Советская» (на титуле — 1925).

Если б Муран был добр ∾ пусть он вырежет все стихи ∾ и пришлет мне.— Каких-либо данных о выполнении этой просьбы не обнаружено.

Я должен быть в Сухуми и Эривани.— В Эривани (Ереване) Есенин не был. Что касается Сухуми, то имеется свидетельство о посещении Есениным этого города в февр. 1925 г. Старейший полиграфист, бывший член ЦИКа Абхазии Майор Давидович Хахмигери рассказывал:

«Возвращаясь на дилижансе в Сухуми из санатория „Гульрипш", на шоссе вблизи „Синопа" я увидел группу людей, среди которых находился С.Я.Чанба, председатель ЦИКа Абхазии. Я подошел к нему. Мы говорили о переименовании Первой советской типографии, как она тогда называлась, в типографию имени В.И.Ленина. Вскоре после этого разговора типография была переименована.

Кроме С.Я.Чанба, в этой группе были А.Герваси (редактор газеты „Трудовая Абхазия"), В.Агрба (нарком земледелия Абхазской АССР), К.Инал-ипа (военный комиссар Абхазии) и другие лица. Они были мне знакомы. Лишь одного из находившихся в группе я не знал. Это был

молодой человек среднего роста, с пышными, зачесанными назад волосами, большими добрыми серыми глазами и поразительно правильными чертами лица. Одет он был модно, изящно. Беседа происходила у обочины шоссе. К.Инал-ипа вдруг сказал:

— Товарищ Есенин, мы, кажется, начинаем пошаливать.

На это Есенин ответил:

— Да, мы шалим, а шалить — значит жить весело.

Есенин был в приподнятом настроении. Временами он устремлял взгляд на море или на город, любовался горами, синеющими вдали. Живописный пейзаж приводил его в восторг.

— Други мои! — воскликнул он.— Это великолепно, очаровательно, это сказка наяву. Абхазия подобна Эдему, но жить должны здесь не праведники, а только поэты! Да, да, поэты,— заключил он.— Воспеть бы Абхазию вдохновенно, как умеет воспевать Есенин!

Вся группа выразила Есенину одобрение этой мысли.

Общительность Есенина создавала атмосферу непосредственности, которая сразу же сближает людей.

Вскоре вся группа направилась в дом отдыха имени С.Орджоникидзе» (Пачулиа В. Сергей Есенин в Сухуми.— Газ. «Советская Абхазия», 1962, 20 июля, № 142).

Приведя рассказ М.Д.Хахмигери, автор заметки добавил: есть «сведения о том, что поэт посвятил нашему городу стихотворение».

В 1985 г. с М.Д.Хахмигери и В.П.Пачулиа в Сухуми встретился С.П.Кошечкин. К сожалению, ни тот, ни другой каких-либо подробностей о «сухумском» стихотворении Есенина сообщить не могли. Зато Майор Давидович заметил, что некоторые детали в газетную заметку В.Пачулиа не вошли. Так, во время того разговора Инал-ипа, кивнув в сторону Хахмигери, сказал, обращаясь к Есенину:

«— Сергей Александрович, а ведь это печатник!

Поэт с улыбкой протянул руку молодому человеку:

— О, печатники нам родня!»

По словам М.Д.Хахмигери, из Батуми в Сухуми Есенин приплыл на пароходе (Кошечкин С. По записи от 31 дек. 1985 г. Архив автора).

... может быть, я проберусь к Петру в Тегеран.— В Тегеране тогда служил комендантом советского посольства брат П.И.Чагина — В.И.Болдовкин, которого домашние и друзья называли: «Петэ». Поездка не состоялась.

...Гели Николавна...— или Гелия Николаевна. Так называла себя дочь П.И.Чагина Роза. На одном из автографов стихотворения «Голубая да веселая страна...» — посвящение «Гелии Николаевне Чагиной» (см. коммент. в т. 1 наст. изд., с. 657—658).

Лившиц надо мной улыбается.— Вероятно, имеется в виду фотография редактора З. Вост. М.О.Лившица (М.И.Лифшица). Есенин о Лифшице в письме Н.К.Вержбицкому писал: «Передай Мише большой привет и любовь. Очень он и очень хороший, умный и при уме добрый» (п. 207).

Давай, говорит, Сергей, за Маркса тихо сядем.— Перефразированы строки из стихотворения «Стансы» (1924), посвященного П.Чагину.

Что слышно от Вардина про книгу Данилова? — Поэт М.Х.Данилов 9 нояб. 1924 г. послал Есенину рукопись сборника своих стихотворений «Стезя» с просьбой помочь в его издании. Рукопись была передана И.Вардину. 25 нояб. того же года Данилов снова запрашивал Есенина о судьбе своей рукописи, но от Вардина, судя по всему, окончательного решения не поступило. Сборник М.Данилова издан не был (см. также письма М.Х.Данилова Есенину.— Письма, 252—253, 254).

190. *В.В.Казину*. 15 декабря 1924 г. (с. 189).— Есенин 5 (1962), с. 189.

Печатается по фотокопии автографа (собрание И.В.Казиной, г. Москва).

...стихотворение ∾ поэта Могилевского.— С.И.Могилевский был в то время техническим редактором батумской газеты «Красный пограничник», пробовал свои силы в поэзии. Возможно, рассказы Могилевского о службе пограничников нашли свой отголосок в стихотворении Есенина «Батум». О стихотворении Могилевского, посланном в Москву, конкретных данных нет.

... слышу иногда о грустных литературных делах.— Есенин имеет в виду ту сложную обстановку в литературных кругах Москвы и, в частности, в редакции Кр. нови, которая сложилась в результате ожесточенной борьбы «напостовцев» с так называемыми «попутчиками» (см. наст. изд., т. 5, с. 524—525).

А.К.Воронский как редактор Кр. нови, печатавший на страницах журнала произведения «попутчиков», подвергался резкой критике со стороны «напостовцев». Под их нажимом в сент. 1924 г. в состав редакционной коллегии Кр. нови для усиления руководящей роли партии был введен Ф.Ф.Раскольников, а в дек. того же года даже ставился вопрос о замене А.Воронского И.Вардиным (см. также п. 175 и коммент. к нему).

Есенин сочувствовал Воронскому, относился к нему с доверием. В письме к сестре Екатерине из Баку весной 1925 г. он, сообщая ей, что болен легкими, писал: «Воронский тебе расскажет»; в этом же письме, давая совет сестре относительно Г.А.Бениславской — «Уберись тихо»,— опять намекает на Воронского: «А.К. передаст письмо только тебе». Причем эта фраза Есенина подчеркнута (письмо хранится в частном собрании, г. Москва).

... Девкин переулок.— См. коммент. к п. 160.

Стихотворение помести или в «Нови» или в «Перевале».— Ни в Кр. нови, ни в сборниках «Перевал» стихотворение С.И.Могилевского не было опубликовано.

... Воронский не ответил на 2 письма моих.— Письма Есенина Воронскому до сих пор не разысканы (сохранился почтовый конверт от одного из них — см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

191. *Г.А.Бениславской.* 17 декабря 1924 г. (с. 189).— Прокушев-55, с. 332, 335 (в извлечениях). Полностью — Есенин 5 (1962), с. 188–189.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

...книжку выпустили с такими грубыми ошибками и ужасными пропусками ∾ *Она меня обрадовала и огорчила.*— Речь идет о Ст24. Бениславская 27 дек. 1924 г. ответила: «Ошибки ужасные в книжке, но я узнала о том, что „Круг“ ее выпускает, когда она уже была готова. А сама книжка издана хорошо. И подбор стихов замечательный» (Письма, 263).

Мне выслали из Армении 400 руб. Куда они попали, я не знаю ∾ *Если попадут к Вам, направьте ко мне.*— См. п. 188 и коммент. к нему.

Я не знаю, как Вы живете.— Об этом же Есенин спрашивал в письме от 12 дек. (п. 187; см. также коммент. к нему). Во встречном письме от 15 дек. Бениславская, в частности, сообщала: «Мы скоро здесь наладим свои дела. На днях должны получить деньги от этого Берлина за сборник <ОРиР>. Пока получили 100 руб. и уже потратили. Но в общем за нас не беспокойтесь совершенно. Мы вот о Вас беспокоимся. Напишите, как» (Письма, 258).

...сходить ∾ *в отделение «Зари Востока», спросить там Фурмана, взять комплект, переписать, что мной напечатано, и продать...*— В ответ Бениславская 27 дек. 1924 г. заверила: «Поэмы из „Зари Востока“ в понедельник перепишу и продам» (Письма, 264). Из тогдашних есенинских публикаций в З. Вост. удалось перепечатать в Москве лишь «Русь бесприютную» (Прож., 1925, № 2, 21 янв., с. 16, под неавторским заглавием «Русь беспризорная» и с редакторскими купюрами — см. об этом наст.

изд., т. 2, с. 413); «Стансы» (Кр. нива, 1925, № 5, февр., с. 108, также с редакторскими купюрами) и «На Кавказе» (Кр. нива, 1925, № 7, февр., с. 159).

Потом соберите, ради бога, из Питера все мои вещи в одно место.— Когда Есенин писал это письмо, он еще не получил писем Бениславской от 10—12 и 15 дек., поэтому повторял свою просьбу (см. п. 187 и коммент. к нему). Бениславская обещала: «В Питер съезжу при первой возможности» (Письма, 264).

...соберите 6 новых поэм ∾ продайте книжкой Ионову. ∾ 2 новых я вышлю Вам на днях.— Имеются в виду произведения, напечатанные в З. Вост. в сент.-нояб. 1924 г.: «На Кавказе» (19 сент.), «Стансы» (26 окт.), «Русь уходящая» (6 нояб.), «Русь бесприютная» (16 нояб.), «Письмо к женщине» (21 нояб.) и «Поэтам Грузии» (23 нояб.). «2 новых» — это «Письмо от матери» и «Ответ», опубликованные в З. Вост. 7 дек.

На днях высылаю ∾ 2 ящика мандарин.— Было ли осуществлено это намерение, неизвестно.

...черновик новой хорошей поэмы «Цветы».— Впервые опубликована в однодневной бакинской газете «Арена: Работники печати — работникам цирка» (1925, 4 янв.). О причинах появления «Цветов» в этой газете см. наст. изд., т. 4, с. 429.

(Их Ионову продавайте 8 ∾ У Вас эту книгу и Госиздат оторвет с руками).— Это место письма взято автором в скобки не случайно: оно продолжает тему, начатую (и не законченную) двумя абзацами выше («...продайте книжкой Ионову...»). Предложенный Есениным проект не был реализован ни у Ионова (т. е. в петроградском отделении Госиздата), ни в Москве.

...Отдайте кому-нибудь «Сукина сына» ∾ Глупо тащить всё в одну «Красную новь».— Это стихотворение, также впервые опубликованное на Кавказе (Бак. раб., 1924, 23 сент., № 215), очевидно, было отдано

Бениславской в журнал «Новый мир», где и появилось (без названия) уже в 1925 г. (№ 3, с. 79).

Лёва запирает меня на ключ и до 3 ч<асов> *никого не пускает. Страшно мешают работать.*— Лёва (Л.И.Повицкий) вспоминал: «Шумная жизнь вечно праздничного Тифлиса <...> была уже не по душе ему. Он готовился к серьезной работе, и Батум дал ему такую возможность. <...>

Конечно, приезд Есенина в Батум вызвал всеобщее внимание. Его останавливали на улице, знакомились, приглашали в ресторан. Как всегда и везде, и здесь сказалась теневая сторона его популярности. <...>

Я решил ввести в какое-нибудь нормальное русло дневное времяпрепровождение Есенина. Я ему предложил следующее: ежедневно при уходе моем на работу я его запираю на ключ в комнате. Он не может выйти из дома, и к нему никто не может войти. В три часа дня я прихожу домой, отпираю комнату, и мы идем с ним обедать. После обеда он волен делать что угодно. Он одобрил этот распорядок и с удовлетворением сообщил о нем Галине Бениславской <...>

Есенин засел за «Анну Снегину» и скоро ее закончил. Довольный, он говорил:

— Эх, если б так поработать несколько месяцев, сколько бы я написал!» (Восп., 2, 245—247).

192. *Г.А.Бениславской.* 20 декабря 1924 г. (с. 191).— Прокушев-55, с. 332, 334, 336 (в извлечениях, с неточной датой). Полностью — ВЛ, 1960, № 3, март, с. 134—137 (публ. Е.А.Динерштейна).

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Спасибо за письмо.— Речь идет о письме Бениславской, написанном между 10 и 12 дек. 1924 г. (Письма, 255—257).

Немного и огорчило тем, что Вы сообщили о Воронском.— Судя по другим словам Есенина: «У Воронского в

отношении ко мне, я думаю, просто маневр...» (см. ниже),— здесь имеется в виду отзыв А.К.Воронского о последних стихах, сообщенный Бениславской. В каких выражениях это было сделано, в точности неизвестно: в единственном источнике текста писем Бениславской поэту — машинописной копии (РГАЛИ) — эти слова отсутствуют (по-видимому, при изготовлении копии они были исключены — копия имеет следы ликвидации в ней части текста). Впрочем, своего мнения о некоторых «кавказских» стихах Есенина сам Воронский не скрывал, высказываясь о них как публично, так и в печати. Выступая на 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей (7—9 янв. 1925 г., Москва), он, в частности, говорил:

«Что с Есениным происходит? Это легко говорить, что пока Есенин в „Красной Нови" сидел, то кабацкие стихи писал, а перешел в „Октябрь" и сразу же переломился. Вы мне скажите спасибо за Есенина. (*Аплодисменты.*) На самом деле, что происходит с Есениным? У него есть „Стансы", там и о Марксе и о Ленине: „я полон дум об индустриальной <так!> мощи", „давай, Сергей, за Маркса тихо сядем". В чем дело: ведь это разврат, это обман, их <членов группы „Октябрь"> обманывают, а они этому верят. (*Аплодисменты.*)

Нельзя всерьез к этому относиться. Это издевательство над читателем и над писателем. Человек потерял всякую совесть. Пускай же он зря и всуе не произносит имена Ленина и Маркса, потому что эти имена нам дороги. (*Аплодисменты.*) Что же происходит с Есениным? Конечно, Есенина нужно подталкивать, я его тоже толкал <...>, но я никогда не скажу, что он шел по этому пути. Пока ты не воспримешь Ленина и Маркса внутри, не пиши о них. Есенин — вещь не случайная. Сейчас приходят и говорят откровенно: „Товарищ, жрать нужно". <...> Тот путь, по которому я стараюсь их повести, путь не блестящий, без всяких реверансов, но это будет единственно верный путь. <...> Один из них <членов группы

„Октябрь"> бухнул: „Пусть пишет неискренно, но пусть пишет нужные вещи". Вот, товарищи, в чем заключается корень наших разногласий. Когда рассуждают таким образом, то я с этой литературной политикой согласиться не могу» (цит. по стенограмме выступления: Архив Российской Академии наук, ф. Института литературы и искусства Коммунистической Академии). См. также статьи Воронского «Литературные заметки» (Прож., 1925, № 5) и «На разные темы: ...II. О марксизме и плохих стихах» (альм. «Наши дни», М.; Л., 1925, № 5); соответствующие выдержки из них приведены в наст. изд., т. 2, с. 434—436.

Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделывать стихи.— Ответ на слова Бениславской: «...Вы как-то перестали отделывать свои стихи. Такое чувство у меня появилось и, кроме того, мне говорили об этом другие». Здесь же она писала: «Стихи? „Русь уходящая" очень нравится. „Стансы" (П.Чагину) нравятся, но не могу примириться с „я вам не кенар" и т. п. Не надо это в стихи совать. И никому это, кроме Вас и Сосновского, не интересно. Да, это стихотворение будет напечатано в „Красной Нови", но будет „болванам", а не... <„Стансы" вышли в Кр. ниве, 1925, № 5, без строфы с упоминанием Д.Бедного.> Вардин на этом настаивает, и я с ним согласна. А вообще стихотворение хорошее. „Персидские мотивы" — красивые, но, конечно, меньше трогают» (Письма, 255—256).

«К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы».— Ср. строки из поэмы А.С.Пушкина «Домик в Коломне»:

К чему, скажите? уж и так мы голы:
Отныне в рифмы буду брать глаголы.
(Пушкин 1917, стб. 499)

Путь мой, конечно, сейчас оч<ень> извилист. Но это прорыв.— Ответ на слова Бениславской: «Ну, а

вообще Ваш творческий путь сейчас такой извилистый, что никак не знаешь, чего ожидать от Вас» (Письма, 256).

...ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей.— Путешествие Есенина по Европе и Америке длилось чуть меньше 15 месяцев, в течение которых шла работа над поэмами «Страна Негодяев» и «Черный человек» (подробнее см. наст. изд., т. 3, с. 545—549, 690—691). За рубежом было написано также несколько лирических стихотворений, составивших раздел «Москва кабацкая» в Ст. ск. и М. каб. (об этих стихах см. наст. изд., т. 1, с. 588—591).

Как Вам нравится «Письмо к женщине»? — См. коммент. к п. 187.

За стеной кто-то грустно насилует рояль.— Ср:

Безбровая сестра в облезлой кацавейке
Насилует простуженный рояль,—
А за стеной жиличка-белошвейка
Поет романс: «Пойми мою печаль!» —

предпоследняя строфа стихотворения Саши Черного «Обстановочка» (1909), из раздела «Быт» его книги «Сатиры». Книга вышла шестью изданиями (1910, дважды — 1911, 1913, 1917 и 1922). Какое из них держал в руках Есенин, неизвестно. Текст указанного стихотворения при переиздании не менялся. Цит. по кн.: Саша Черный. Стихотворения /Вст. статья К.И.Чуковского; биогр. справка, сост., подготовка текста и примеч. Э.М.Шнейдермана. СПб.: Петербургский писатель, 1996, с. 92 (Библиотека поэта. Большая серия. Изд. третье).

Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожаю отъезжающие в Константинополь пароходы ∾ идет на костылях хромой старик ∾ на голове у него петух.— Эти впечатления отразились в стихотворении «Батум»:

Корабли плывут
В Константинополь...

. . . .

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожаю всех,
Кого не жаль...

. . . .

Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды...

. . . .

Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

(Наст. изд., т. 4, с. 209, 210, 212).

Возможно, оно написано примерно в те же дни, что и комментируемое письмо (ср.: наст. изд., т. 4, с. 430).

...думаю о Босфоре.— 21 дек. 1924 г. помечено Есениным стихотворение «Никогда я не был на Босфоре...»: «И хотя я не был на Босфоре — // Я тебе придумаю о нем» (наст. изд., т. 1, с. 256).

...«Персидские мотивы» это у меня целая книга в 20 стих<отворений>.— Замысел из 20 стихотворений не был осуществлен (подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 639–640). См. также коммент. к п. 193.

Посылаю вам еще 2. Отдайте все 4 в журнал «Звезда Востока».— Скорее всего, описка в названии журнала. Вероятно, нужно читать: «Красная новь»; ср. с п. 180, где Есенин обещал послать «Персидские стихи» для этого журнала. См. также п. 183: «Посылаю Вам 2 стихотворения из „Персидских мотивов“». Слова наст. письма явно соотносятся с двумя упомянутыми письмами. Названия стихов, которые послал поэт, устанавливаются по публ. в Кр. нови: «Персидские мотивы: 1. „Улеглась моя былая рана...“; 2. „Я спросил сегодня у менялы...“;

3. „Шаганэ ты моя, Шаганэ!..“; 4. „Ты сказала, что Саади...“» (Кр. новь, 1925, № 2, февр., с. 138—140). Количество — «четыре» — соответствует публ. в Кр. нови. Вместе с тем воспоминания редактора Кр. нови Ф.Ф.Раскольникова, написанные позже, расходятся с фактами, соотносящимися с письмами Есенина: «Однажды сестра Есенина принесла в „Красную новь“ пачку его персидских стихов. Я выбрал для очередной книжки журнала несколько лучших стихотворений, в том числе замечательное: „Шаганэ ты моя, Шаганэ!..“ Я спросил об Есенине. Сестра сказала, что он путешествует по Закавказью» (газ. «Поиск», М., 1990, 14—20 дек., № 50, с. 6). Скорее всего, в воспоминаниях Раскольникова допущена ошибка памяти, тем более что Бениславская писала Есенину 20 янв. 1925 г. совсем иначе: «...персидские стихи я сдала в „Красную новь“ Раскольникову — к нему надо было пойти, а кроме „Персидских“, ничего не было. <...> У Раскольникова был Либединский и Никифоров, и все трое в восторг пришли от персидских стихов. Раскольников заявил, что он Вас в каждом номере будет печатать» (Письма, 269).

«Письмо к женщине» отдайте в «Звезду».— Это произведение в указанном журнале не публиковалось.

На днях пришлю «Цветы» и «Письмо к деду».— Выполнил ли Есенин свое обещание, неизвестно, но «Письмо к деду» (печаталось под загл. «Письмо деду») вскоре появилось в Прож. (1925, № 4, 28 февр., с. 28). О поэме «Цветы» см. коммент. к п. 191.

...в «Заре Востока», Б.Дмитровка, 10...— Речь идет о московском отделении З. Вост., располагавшемся по указанному адресу.

...«Письмо от матери» и «Ответ».— Об их публ. в З. Вост. см. коммент. к п. 191. Об этих стихах Бениславская во встречном письме от 15 дек. писала: «...был у меня Вардин. <...> Показывал Ваше: „Письмо от матери“ и

„Ответ“. Правда, я как следует не прочла, но кажется, хорошо очень» (Письма, 258).

Деньги ∾ беспокоил Вас напрасно.— Об этом см. п. 188 и коммент. к нему.

В № 6 ∾ грузинского журнала ∾ мой «Товарищ».— Перевод был напечатан в журн. «Мнатоби», 1924, № 6.

В Армении выходит на армян<ском> *языке целая книга.*— Книга Есенина на армянском языке при его жизни не выходила.

Как только выйдут «Две поэмы»...— «Песнь о великом походе» и «Поэма о 36». О проекте их издания см. п. 179 и коммент. к нему. Книга в свет не вышла.

Берлину продавайте.— В 1925 г. издательство «Современная Россия», представителем которого был И.С.Берлин, выпустило книгу Есенина ОРиР, об истории подготовки которой см. п. 184 и коммент. к нему.

Маши каслом не испортишь.— Шутливая «перелицовка» известной поговорки: «Каши маслом не испортишь» (Даль, 2, 302).

193. *П.И.Чагину.* 20 декабря 1924 г. (с. 195).— НС, 1962, № 4, с. 188 (публ. Е.А.Динерштейна; с неточной датой).

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Спасибо за телеграмму.— Телеграмма неизвестна.

Хотя я денег и не получил...— Судя по всему, в ненайденной телеграмме сообщалось о высылке Есенину аванса в счет гонорара за новые стихи (возможно — за «Цветы»). С окт. до 29 дек. 1924 г. стихотворения Есенина в Бак. раб. не публиковались: «Прости, голубчик, что не писал и не присылал стихов»,— писал 14 дек. поэт Чагину (п. 189).

Стихи посылаю вторично.— Скорее всего, в Баку было на этот раз отправлено «Письмо деду» — оно упо-

мянуто в п. 192, написанном в тот же день. Вскоре оно было напечатано в Бак. раб. (29 дек., № 297).

«Цветы», как хочешь, печатай или не печатай.— О публикации поэмы см. коммент. к п. 191.

Стихи о Персии я давно посвятил тебе ∾ Всё это полностью будет в книге. Она выйдет отдельно. 20 стих<отворений>.— Книга, получившая название «Персидские мотивы», вышла в свет в мае 1925 г. в издательстве «Современная Россия» с посвящением: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину». Тираж книги — 5000 экз. Кроме 10 стихотворений цикла «Персидские мотивы», давшего название всему сборнику, в нем помещены поэма «Мой путь» и четыре стихотворения: «Отговорила роща золотая...», «Сукин сын», «Этой грусти теперь не рассыпать...», «Низкий дом с голубыми ставнями...», объединенные в раздел «Рябиновый костер». Отдельной книгой цикл «Персидские мотивы» издан не был. Из предполагаемых 20 стихотворений Есенин написал только 15. Они вошли в Собр. ст. (подробнее см. коммент. к циклу «Персидские мотивы» в т. 1 наст. изд., с. 638—642, а также статью В.Вдовина «Неизвестные страницы биографии Есенина» (гл. «Несостоявшееся издание „Персидских мотивов“») — сб. «Есенин. Проблемы творчества». М., 1978, с. 338—342). См. также письмо П.И.Чагина С.А.Толстой-Есениной от 6 окт. 1945 г. и коммент. к нему (Письма, 484—485).

194. *Н.К.Вержбицкому.* 31 декабря 1924 г. (с. 196).— Есенин 5 (1962), с. 195.

Печатается по автографу (ГЛМ).

Черт знает что такое ∾ прыгающего на нас моря.— В конце дек. 1924 г. на Закавказье обрушилось стихийное бедствие, описанное адресатом в его воспоминаниях так:

«Циклон вызвал невиданный в тех местах холод, ударил пятнадцатиградусный мороз. В течение нескольких дней на побережье Черного моря погибли все цитрусовые

насаждения и громадные эвкалипты. Ветер ураганной силы вздыбил море, и в нем гибли океанские суда. Трехметровые волны с пенистыми гребнями, ревя, докатывались до стен дома, в котором жил Есенин. Улицы города были завалены снегом, и по ним бегали волки. Прекратилось железнодорожное сообщение, обрушились телеграфные провода. В довершение всего началось землетрясение...» (Вержбицкий, с. 111). Тогдашние погодные сводки см., напр.: З. Вост., 1924, 24 дек., № 761; 27 дек., № 764; 31 дек., № 767. Под впечатлением происходящего Есенин написал тогда стихотворение «Метель» (наст. изд., т. 2, с. 148—152).

...письмо ∾ *к тебе истрепалось у меня в кармане.*— Есенин приехал из Тифлиса в Батум 7 или 8 дек. вместе с Вержбицким и художником К.А.Соколовым. Затем (до 17 дек.) друзья Есенина вернулись в Тифлис. Истрепавшееся «в кармане» поэта (и, очевидно, утраченное) письмо было, скорее всего, ответом на письмо Вержбицкого к нему от 18 дек. (текст — Письма, 260—261).

Как с редакцией? — Вопрос связан с фразой Вержбицкого из письма от 18 дек.: «Мои планы? Все будет зависеть от переговоров в редакции». Вержбицкий ответил (в письме до 7 янв. 1925 г.):

«Я бросил *службу* в „Заре Востока“, объяснился с Лифшицем, и мы с ним очень хорошо договорились: я выполняю только литературные заказы, сдельно. Уже печатается мой роман. Продал хороший рассказ, только что написанный. Даю в газету всякие мелочи. Много работаю дома» (Письма, 270, с ошибочной датой: «Между 19 и 23 янв. 1925 г.»; выделено автором; упомянутый роман назывался «Два и один», а рассказ — «Всяк сверчок...»). См. также п. 198 и коммент. к нему.

Что Зося...— Речь идет о жене адресата С.Н.Вержбицкой в связи с тем местом его письма от 18 дек., где сообщалось, что по возвращении из Батума его «встретили печальные, усталые глаза Софьи Николаевны. Она не

знала, радоваться ей или нет? В течение часа отношения были упорядочены, мы сидели за столом, ели котлеты и пили твое здоровье. Но я думал: искусно склеенная чашка все-таки — не что иное, как разбитая посуда» (Письма, 261). Вержбицкий ответил: «На Коджорской улице — тишь и гладь. Отношения с Зосей налажены» (Письма, 270).

...где Костя? — Вержбицкий ответил: «Костя приоделся. Живет у Ольги <знакомой Соколова>. Бывает у нас редко. Бякает по-прежнему» (Письма, 270).

Miss Olli ∾ не ко двору.— Речь идет «об Ольге Кобцовой, гимназистке, с которой поэт познакомился <...> по приезде в Батум» (Хроника, 2, 325). Л.И.Повицкий вспоминал об этом:

«Одно время нравилась ему в Батуме „Мисс Оль“, как он сам ее окрестил. С его легкой руки это прозвище упрочилось за ней. Это была девушка лет восемнадцати, внешним видом напоминавшая гимназистку былых времен. Девушка была начитанная, с интересами и тяготением к литературе, и Есенина встретила восторженно. <...>

Я получил от местных людей сведения, бросавшие тень на репутацию как „Мисс Оль“, так и ее родных. Сведения эти вызывали предположения, что девушка и ее родные причастны к контрабандной торговле с Турцией, а то еще, может быть, и к худшему делу. Я об этом сказал Есенину. Он бывал у нее дома, и я ему посоветовал присмотреться внимательнее к ее родным. По-видимому, наблюдения его подтвердили мои опасения, и он стал к ней охладевать. Она это заметила и в разговоре со мной дала понять, что я, очевидно, повлиял в этом отношении на Есенина. Я не счел нужным особенно оправдываться. Как-то вскоре вечером я в ресторане увидел за столиком Есенина с „Мисс Оль“. Я хотел пройти мимо, но Есенин меня окликнул и пригласил к столу. Девушка поднялась и, с вызовом глядя на меня, произнесла:

— Если Лев Осипович сядет, я сейчас же ухожу.

Есенин, иронически улыбаясь прищуренным глазом, медленно протянул:

— Мисс Оль, я вас не задерживаю...

„Мисс Оль“ ушла, и Есенин с ней порвал окончательно» (Восп., 2, 248).

Комментируемый фрагмент является ответом как на слова Вержбицкого в его письме от 18 дек. («...сейчас же садись и пиши мне <...> о твоей неожиданной любви...» — Письма, 261), так и на восторженные пассажи К.Соколова в его письме Есенину от 17 дек.:

«...как твои планы на будущее с Mиs <так!> Oll. Если все это из глубины душевной и то, что так нам всем необходимо, то я мог лишь хотеть одного — счастья для твоей усталой и измученной души. <...> Хочу радости для тебя — хочу, чтобы ты успокоился. <...> Привет мой и лучшие пожелания Mиs Oll, целую ей ручку и хочу, чтобы она тебя по-простому, глубоко, по-нашему, по-русски любила, передай ей это» (Письма, 260).

Вержбицкий откликнулся на разрыв поэта со своей новой знакомой такими словами:

«Я очень рад, что все это так случилось. Я с самого первого дня видел и чувствовал, что она не к твоему двору. Но было бы очень неделикатно с моей стороны, если бы я стал тебе что-нибудь советовать. Любовь — такая нежная штука» (Письма, 270).

Ты пишешь, чтоб я дал тебе записку к Воронскому...— Эта просьба Вержбицкого о рекомендательном письме к редактору Кр. нови, скорее всего, содержалась в несохранившейся части его письма к Есенину, написанного после 18 дек. (начало этого текста — Письма, 262). Ниже Есенин пишет о причинах, почему в тот момент такая рекомендация не имела смысла.

Воронский вышиблен, и вместо него Вардин в «Красн<ой> *нови».*— О смене руководства журнала Есенин узнал из письма к нему Г.Бениславской (между 10 и 12 дек.): «Вардин сообщил, что январскую книжку

„Красной нови“ составляют уже они с Раскольниковым, а не Воронский. Подробнее пока ничего не знаю» (Письма, 256). Вержбицкий ответил: «Жаль Воронского» (Письма, 270).

Устроить вещь теперь еще легче, через Галю.— 15 дек. Бениславская писала Есенину: «На днях был у меня Вардин. К Вам он очень хорошо относится, а отсюда — и к нам» (Письма, 258). О начальной поре своего общения с Вардиным, начавшегося на почве вызволения поэта из ситуации «после скандалов», Бениславская вспоминала:

«По выходе из Кремлевской больницы <в марте 1924 г.> <...> С.А. переехал на квартиру к Вардину, где он, разумеется, стеснялся пить по-прежнему и откуда Вардин со своей кавказской прямотой, как хозяин квартиры, легко выставлял всех литературных собутыльников Е. и прощелыг. <...> Во время пребывания у Вардина было написано стихотворение „Письмо матери“, явившееся началом цикла трезвых, здоровых стихов. Здесь вообще была здоровая атмосфера» (Материалы, с. 70, 71).

Адрес ∾ *Г.Б.*— Вержбицкий известил Есенина: «Пишу Гале» (Письма, 270). Это письмо неизвестно.

Более подробное письмо пришлю на днях.— Оно было написано лишь 26 янв. 1925 г. (п. 198).

Черкни с Ку-ку.— Так в дружеском кругу именовался И.И.Кукушкин, батумский корреспондент З. Вост., услугами которого пользовался Есенин для пересылки своей корреспонденции из Батума в Тифлис (подробнее см.: Хроника, 2, 328). Именно о «почтальонских» функциях этого человека писал Вержбицкий Есенину после 18 дек.:

«Ванька — самый близкий нам, потому что мы через него, как с помощью радио, страшно быстро сообщаемся с тобой и шлем тебе молниеносное „КУ-КУ“!» (Письма, 262).

Нажми на Лившица.— Скорее всего, здесь имеется в виду ускорение хлопот Вержбицкого по отправке Есенину денег за стихи, печатаемые в З. Вост. (М.И.Лифшиц был

редактором газеты). Еще 18 дек. Вержбицкий писал: «...о гонорарах. Я еще не был в редакции. Пойду, наверное, завтра. Все разузнаю и отпишу тебе» (Письма, 261). В письме до 7 янв. 1925 г. эта тема была продолжена: «Ку-ку-шкин и я разговаривали с Лопатухиным <заведующим финансовой частью З. Вост.> о твоих расчетах. Результат разговора сообщит тебе устно Ваня» (Письма, 270). Детали этих переговоров неизвестны; судя по словам Вержбицкого, Лопатухин вряд ли согласился с гонорарными претензиями поэта.

Привет Жоржику.— Речь идет о Г.С.Назарове, которому в то время было 14—15 лет. В своих «Встречах с Есениным» Вержбицкий вывел его под именем «Ашот»:

«В первый же день после переселения Есенина <на квартиру Вержбицкого> мы вышли погулять на шоссе и встретили чернявого армянского мальчугана лет пятнадцати. Он подошел к нам, поздоровался и сказал, что моя жена, незадолго до этого уехавшая отдыхать на черноморское побережье, перед отъездом поручила ему помогать мне по хозяйству.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Ашот.

— Кто твой отец?

— Сапожник!

— Что же ты можешь делать?

— Все! — не задумываясь, ответил Ашот.

— Ну, например?

— Могу приготовить обед... вымыть пол... отнести белье прачке... налить керосин в лампу... купить что надо в лавочке... А еще... а еще могу петь!

— Петь? — радостно воскликнул Есенин.— Так это же самое главное!

И, взяв мальчика за локти, поднял его с земли и расцеловал.

Так началась у них дружба, которая продолжалась несколько месяцев и в которой было много и смешного и трогательного. <...>

Днем, а часто и ночью, я оставлял их вдвоем, уходя работать в редакцию.

Ашот, по моему распоряжению, ни на минуту не оставлял Есенина, даже если тот уходил в город, а вечером рассказывал мне — что произошло за день.

Сергей постоянно повторял, что лучшего товарища ему не нужно и что он первый раз видит такого неутомимого певуна, вечно занятого каким-нибудь делом — то мастерит свистульку из катушки для ниток, то клеит змея, то из старого ножа делает кинжал.

Ашот, как всякий тифлисский мальчишка, говорил на трех языках и поэтому был очень полезен во время прогулок по городу, так как Есенин часто затевал разговоры с прохожими.

Через полмесяца вернулась жена и взяла хозяйство в свои руки. Мы зажили вчетвером. У Ашота дома была огромная семья. Мы устроили его у себя, и он спал на балконе» (Вержбицкий, с. 25—26).

Во всех сохранившихся письмах Вержбицкого Есенину так или иначе упоминается об «Ашоте»-Жоржике: «Жоржик — великолепие. Пишет по-армянски длиннющие стихи, требует от Зоси, чтобы она их перевела, и мечтает о колоссальных гонорарах» (18 дек.; Письма, 261); «У Жоржика масса забот: он должен одновременно — жарить отбивные котлеты и танцевать лезгинку. А если в этот момент кто-нибудь вмешается, то он тут же споет колыбельную песню» (после 18 дек.; Письма, 262); «И я, и Зося, и Жоржик усиленно просим тебя вернуться в Тифлис. Прямо к нам» (до 7 янв. 1925 г.; Письма, 270) и др.

Не дождавшись ответа Есенина на письма Вержбицкого, Жоржик написал Есенину сам (19 янв. 1925 г.):

«Дорагая дадя Сирёж <...> дадя Коля тебе написал писмо что прижай, ты ответ писма не написал, втарой раз я и дадя Коля дали тилиграму, что немедлина прижай — Вержбицкыму, опит ты нам ответ ни написал, потаму на тебе обидилис. Мы патаму пишим писмо, что кто-то <...> сказал, что Сирёжа живет плахом комнате, Сирёжи скучно. <...> ему холодна <...> и вот патаму тебе хотим, что ти здес была. <...> будет тебе харашо для твой работы» (Письма, 267; орфография подлинника сохранена).

См. также пп. 198, 207, 214 и коммент. к ним.

195. *А.А.Берзинь.* Декабрь 1924 г.— начало 1925 г. (с. 197).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 17 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ). Окончание письма не обнаружено.

Датируется по содержанию. Является ответом на неизвестное письмо адресата.

... простите, что не писал Вам.— Предыдущее письмо А.А.Берзинь было написано Есениным 21 окт. 1924 г. (см. п. 182).

...меня спросили, что это за женщина...— Речь идет о «мисс Оль» (О.Кобцовой). Подробнее о ней — в коммент. к п. 194.

Как с отцом? — Имеется в виду И.Вардин.

Совсем как в опере «Кармен»...— Опера Ж.Бизе по новелле П. Мериме. Упоминается здесь, скорее всего, по ассоциации с семьей контрабандистов, членом которой была «мисс Оль». На этой фразе письмо обрывается.

196. *П.И.Чагину.* До 21 января 1925 г. (с. 197).— Хроника, 2, 325, в составе цитаты из воспоминаний Л.И.Повицкого «Сергей Есенин» (РГБ).

Печатается по указанным воспоминаниям. Подлинник телеграммы неизвестен.

Датируется по источнику текста с учетом авторской даты в беловом автографе стихотворения «Капитан Земли» («17 январь»).

Обстоятельства подачи этой телеграммы описаны Л.И.Повицким: «Как-то раз наступила у Есенина пора безденежья, между тем ему срочно понадобилась сумма в сто рублей. Это была для того времени порядочная сумма. Мы думали-гадали, где добыть деньги, как вдруг Есенин воскликнул:

— Я протелеграфирую Чагину.

И он мне прочел тут же составленную телеграмму <следует ее текст>. Дня через два деньги были получены. Я напомнил Есенину о данном им Чагину обещании.

— Сегодня напишу и вышлю.

И в самом деле вечером он мне прочел стихотворение. Я очень был огорчен: стихотворение сырое, недоработанное, с явной печатью торопливости. Такое стихотворение печатать нельзя. Я осторожно посоветовал ему:

— А ты не спеши, дай ему полежать, может быть, найдешь еще другие слова о Ленине.

Он понял, что стихотворение мной не одобрено, но, не показывая вида, деловито ответил:

— Нельзя, надо, чтобы стихотворение попало в газету к траурным дням.

Стихотворение было послано. Настали траурные дни. Получен был номер „Бакинского рабочего“, редактором которого был П.И.Чагин. Я развернул газету и с удовлетворением убедился, что стихотворения нет. <...>

В Москве в 60-х годах я при встрече с Чагиным спросил его, помнит ли он, что „забраковал“ стихотворение „Ленин“.

Чагин улыбнулся:

— Грех на моей душе. В таком виде стихотворение нельзя было печатать. К Есенину у нас требования были очень высокие» (газ. «Лит. новости», М., 1992, № 5, с. 12).

...высылаю стихотворение «Ленин».— После кончины Есенина это стихотворение (под другим названием) было напечатано в З. Вост. (1926, 21 февр., № 1109, без ст. 35—42). В редакционном примечании к публикации, в частности, говорилось: «Впервые публикуемое стих-е Сергея Есенина „Капитан Земли" написано в январе 1925 г. в Батуме, накануне годовщины смерти Ленина».

См. также коммент. к стихотворению «Капитан Земли» (наст. изд., т. 4, с. 430—432).

197. *Г.А.Бениславской.* 20 января 1925 г. (с. 197).— Прокушев-55, с. 331—332, 334—335 (в извлечениях). Полностью — Есенин 5 (1962), с. 196 (с неточностями).

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Описывайте все как есть.— Бениславская в письме, написанном тоже 20 янв., писала:

«С возвращением Шурки опять все по-семейному, хорошо и дружно. Опять вовремя спать ложимся и т. д. Оля (Вам, кажется, Катя писала — наша прислуга) нас к рукам прибрала, вообще она и Шурка — это 2 ежовых рукавицы для меня и Кати. У нас теперь семья целая получилась: Шура, Катя, Оля и я и еще наша соседка (Вы ее не знаете). Я и Катя ездили в Петроград. У Ионова ничего не получили, едва удалось добиться, чтобы печатал „Песнь" и „36" вместе (иначе был бы номер с Анной Абрамовной — с отделом массовой литературы). Там мы сдали в „Ковш" (журнал Серапионовцев, типа бывшей „Красной нови") стихи „Русь уходящая" и „Письмо от матери", забрали у них деньги (половину), взяли у Сахаровых Ваши вещи и уехали. А сам Ионов мне и Кате понравился. Удивительный он человек. Несмотря на его резкость — он взбешен на Вас, ведь стихи, обещанные ему, вошли в сборник „Круга". Но когда увидел Катю, присмирел — видно, она ему Вас напомнила. И совсем укротился, когда я ему показала „Письмо к женщине", так тихо, тихо сказал: „Хорошее".

Мы у него сидели несколько часов и погибли было совсем — сколько там (во второй комнате) хороших книг-то!

Зол на Вас, а привет все же просил передать.

Теперь он заведует и Петроградским и Московским Госиздатом. <...>

В „Прожекторе“ будет „Русь бесприютная“.

Есть у нас „Метель“ и „Весна“, мне нравится, а Катя так испугалась „Метели“, что ей не очень понравилось. А Вам лень даже прислать нам. Присылайте сразу же, вырезая из газеты, чтоб не переписывать. И все аккуратно шлите. <...>

Эрлих Вам напишет о делах петроградских. Он с нами, как отец родной, возился в Питере, водил в Госиздат, поил чаем, кормил, вообще заботился о нас. Да, у Сахарова Вам не надо жить, мещанское болото у него и вообще плохо. Мы с Катей даже ночевать не захотели у них. Сам Сашка все время в Москве. Сын у него славный — Глеб, сорванец такой. Вам привет от обоих: Глеба и Алика. Алик Вас помнит: „Дядю Сережу? Есенина?“

Том Ваш будет издавать Богомирский <Богомильский>, Анна Абрамовна познакомит меня с ним. Она же сама чем-то недовольна в Вас, по-моему, это после известия о том, что Вы женились. Вообще она дурью мается, сама не знает, чего хочет.

Книжка Берлина в наборе <ОРиР>. Скоро будет готова.

Домой деньги пошлем 2-го февраля.

Ну, вот пишу я все это подробно, а сердце ноет, ведь не знаю, что с Вами, не случилось ли чего, и не пишется. Заставляю себя писать» (Письма, 268—269).

Том берлинский...— Грж.

... за «Русь советскую». Я продавал им без этой вещи.— «Русь советская» была включена в Ст24 без ведома автора.

Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму. 1000 строк. Лиро-эпическая. Оч<ень> *хорошая.*— Речь идет об «Анне Снегиной». Бениславская ответила 9 февр.: «С Вардиным говорила насчет поэмы, без нее ничего не выйдет. Шлите скорее» (Письма, 272).

Мне 1000 р. нужно будет на предмет поездки в Персию... — В тот же день (20 янв.) Бениславская писала Есенину: «...Вам сейчас послать не сможем, как у Вас там с ними? Нужны? Если нужны, напишите, устроимся и вышлем. Мне что-то кажется, что Вам нужны. Да? Пишите прямо» (Письма, 269). В ее письме от 9 февр. упоминается есенинское письмо, присланное с оказией («Был у нас Тарасенко, занес письмо...» — Письма, 271). Тарасенко выехал в Москву 26 янв. (см. пп. 198 и 199) и прибыл туда 29 или 30 янв., так что письмо Есенина (ныне не известное) дошло по адресу не ранее 30 или 31 янв. Скорее всего, в нем было (сделанное по запросу из Москвы) подтверждение просьбы поэта о деньгах. Судя по его февральским телеграммам, отправленным из Батуми Г.А.Бениславской и сестре Екатерине, тем не удалось немедленно исполнить эту просьбу (см. пп. 200–202 и коммент. к ним).

Вы же можете продать ее как книгу...— Отдельной книгой «Анна Снегина» не выходила.

Пишу еще поэму и пьесу.— Конкретные сведения об этих произведениях не выявлены. Возможно, под поэмой подразумевается «Мой путь» (см. коммент. в наст. изд., т. 2, с. 452).

На днях пришлю Вам две новых книги. Одна вышла в Баку, другая в Тифлисе.— Р. сов. и Стр. сов. Сведения об их отправке в Москву не выявлены.

198. *Н.К.Вержбицкому.* 26 января 1925 г. (с. 198).— Есенин 5 (1962), с. 197–198.

Печатается по автографу (ГЛМ).

Ответ адресата неизвестен.

...не обижайся на меня ∾ так бросить пару слов считал ∾ никчемным делом.— Ср. с обещанием в п. 194: «Более подробное письмо пришлю на днях» (наст. том, с. 196).

Читаю твой роман.— Это произведение стало печататься в З. Вост. с 1 янв. 1925 г. под заголовком «Два и один: Фантастический роман в 2-х частях, Н.К.В-цкого» в виде отдельных главок небольшого размера. Каждая из них помещалась примерно в центре последней газетной полосы, остальную площадь которой занимали объявления. Ко времени написания комментируемого письма Есенин мог прочесть десять первых главок романа (З. Вост., 1925, 1, 3, 4, 5, 13, 16—18, 20 и 25 янв., №№ 768—771, 777, 780—783, 787). Его печатание было прервано на главке XXV (З. Вост., 1925, 17 февр., № 806), как раз накануне возвращения Есенина из Батума в Тифлис (см. ниже).

«Тифлисская быль»...— Речь идет о рассказе Вержбицкого «Двуглавый орел: (Тифлисская быль)» (З. Вост., 1925, 11 янв., № 776; подпись: Ник. В-кий). Впоследствии, сняв подзаголовок, автор включил это сочинение в свою книгу «Тифлисские рассказы» ([Тифлис, 1926], с. 83—86).

Рассказ о кенаре и совчиновнике...— Рассказ «Всяк сверчок...» (З. Вост., 1925, 7 янв., № 772).

В Константинополь ∾ жалеть не буду.— Однако еще за неделю до этого (20 янв.) Есенин писал Бениславской, что ему будут нужны деньги «на предмет поездки в Персию или Константинополь» (наст. том, с. 198). См. также п. 213 от 8 апр. 1925 г. (наст. том, с. 209).

...начинаю ∾ собираться обратно. На пути заеду.— Возвращаясь в Москву, Есенин остановился на несколько дней в Тифлисе, куда он приехал из Батума не позднее 18 февр. (его тифлисский инскрипт Ю.А.Тетруевой датирован 19 февр.— Юсов-96, с. 202).

Жоржик мне прислал ~ письмо ~ до черного хлеба.— Речь идет о следующих местах из письма Г.С.Назарова от 19 янв.: «Ты написал пра питухов стихи, мне очин понравилась. Дарагая Сирёжа, я убил 3 шт. питухов, когда предиш, будиш спакойна спат, питухи не будут тебе безпакойит. <...> Татя Зося купил харошую печку, очень тепло, устроили хароший сталовая, купили ковры, прижай к нам <...> Я и дадя Коля будим с табой все время сидет и гулят. <...> Ты прасил хлеб. Купили для тебе чорний-чорний хлеб, 15 ф. Прижай, прижай» (Письма, 267—268; с сохранением орфографии подлинника).

Стихи, о которых здесь упоминается,— это строки из есенинской «Метели»: «Я не люблю // Распевы петуха // И говорю, // Что если был бы в силе, // То всем бы петухам // Я выдрал потроха, // Чтобы они // Ночьми не голосили» (З. Вост., 1925, 4 янв., № 770; наст. изд., т. 2, с. 149).

Я здесь еще один раз познакомился со 2-м районом милиции.— Из слов «еще один раз» явствует, что первое «знакомство» Есенина с этим учреждением произошло, по-видимому, еще в те дни дек. 1924 г., когда Вержбицкий был в Батуме вместе с поэтом. Причины как первого, так и второго приводов Есенина в батумскую милицию неизвестны.

Завел новый роман...— Это единственное (хотя и безымянное) упоминание в письмах поэта о его отношениях с Ш.Н.Тальян, имя которой (Шаганэ), не раз встречающееся в цикле «Персидские мотивы», получило в этих стихах некий собирательный смысл. См. также наст. изд., т. 1, с. 642-643.

...женщину с кошкой не вижу второй месяц. ~ с женитьбой я просто дурака валял.— Речь идет об О.Кобцовой (miss Olli). Подробнее см. п. 194 и коммент. к нему.

Пиши Гале. Она прислала тебе привет.— В известных ныне письмах Г.А.Бениславской Есенину нет слов привета Вержбицкому, упомянутых здесь.

Устроить через Вардина ∾ вырезкой не шли.— Речь идет, скорее всего, о рассказе Вержбицкого «Всяк сверчок...». Отослал ли автор этот рассказ в Кр. новь,— неизвестно.

Из Москвы мне пишут, что там серо, скучно и безвыпивочно.— «Только в Москву не надо приезжать сейчас, скука там, болото, сплетни, слухи. И зима»,— указывала Бениславская 27 дек. 1924 г. (Письма, 263). «О Москве мне писать нечего,— вторила Е.А.Есенина в письме брату от 30 дек.,— т. к. Галя тебе писала обо всем. Скажу только, что в Москве страшно холодно и у всех такое безденежье, что хоть вешайся» (Письма, 265).

...вышла моя книга ∾ авторские.— Стр. сов.; не исключено, что к тому моменту Есенин уже получил письмо Вирапа от 24 янв., где сообщалось о выходе книги (Письма, 271). Впрочем, об этом событии упоминалось уже 20 янв. (п. 197).

Сейчас заканчиваю писать оч<ень> *большую поэму.*— «Анна Снегина».

Сейчас отправляюсь на вокзал провожать доктора в Москву.— См. также п. 199, которое М.С.Тарасенко получил от Л.И.Повицкого и Есенина для передачи адресату.

199. Е.И.Лившиц. 26 января 1925 г. (с. 200).— Хроника, 2, 169 (только написанное Есениным); полный текст — Есенин 6 (1980), с. 175 (с неточностями).

Печатается по подлиннику (РГАЛИ), состоящему из частей, написанных Л.И.Повицким и Есениным.

Женя — видимо, Е.С.Розовская.

200. *Г.А.Бениславской*. До 12 (?) или 13 (?) февраля 1925 г. (с. 201).— Белоусов, с. 73 (текст без адреса и даты).

Печатается по Хронике, 2, 170, где воспроизведены как текст, так и адрес. Согласно Хронике (2, 333—336), источниками текстов данной и последующих пяти телеграмм (пп. 200—205) были их списки, выполненные В.И.Вольпиным. Местонахождение этих списков (и подлинников телеграмм) ныне неизвестно.

Датируется предположительно, по следующим соображениям: 1) по свидетельству публикатора (Хроника, 2, 333), источник текста содержал помету об отправке телеграммы из Батума; 2) судя по словам Есенина из п. 197 от 20 янв. («Мне 1000 р. нужно...»), финансовые проблемы стали беспокоить его именно с этого времени; по-видимому, просьба о деньгах содержалась и в ныне неизвестном письме поэта к Бениславской, отправленном в Москву 26 янв. с М.С.Тарасенко и полученном адресатом не ранее 30 или 31 янв. (подробнее см. коммент. к п. 197); 3) верхняя граница датировки соотносится с содержанием п. 202: судя по упоминанию в нем Вардина и поэмы («Анны Снегиной»), этот текст был отправлен в Москву уже после получения в Батуме письма Бениславской от 9 февр., т.е. после 12 или 13 февр. Комментируемая же телеграмма, судя по ее содержанию, предшествовала п. 202.

Обоснования ее датировки В.Г.Белоусовым («После 9 февр.» — Хроника, 2, 333—334) неубедительны. См. также коммент. к п. 202.

201. *Е.А.Есениной*. До 12 (?) или 13(?) февраля 1925 г. (с. 201).— Белоусов, с. 73—74 (без инициала и даты).

Печатается по Хронике, 2, 170 (об источнике текста см. коммент. к п. 200).

Датируется предположительно, по соображениям, аналогичным приведенным в коммент. к п. 200. Установить, какая из телеграмм Есенина — эта или предшествующая — была послана первой, не удалось.

Датировка публикатора («После 9 февр.» — Хроника, 2, 334) не может быть принята по причинам, изложенным в коммент. к п. 200.

202. *Г.А.Бениславской*. Между 12 (13?) и 17 (18?) февраля 1925 г. (с. 201).— Хроника, 2, 170.

Печатается по первой публикации. Об источнике текста см. коммент. к п. 200.

Датируется по содержанию. Во-первых, в тексте содержится ответ на слова Бениславской из письма от 9 февр. о невозможности получить через Вардина деньги за новую поэму без предоставления ее текста (соотв. цитату см. в коммент. к п. 197); это письмо не могло прийти из Москвы в Батум раньше 12 или 13 февр. Во-вторых, Есенин выехал из Батума в Тифлис не позже 18 февр., поскольку уже 19 февр. он надписал там одну из своих книг (см. коммент. к п. 198).

Что касается даты, принятой В.Г.Белоусовым («9 февр.»), то основанием к этому служит только наличие в источнике (копии В.И.Вольпина) цифры «9» без указания месяца и года (Хроника, 2, 333). Местоположение ее среди других чисел, обычно сопровождающих телеграмму при ее подаче, В.Г.Белоусов не указал (возможно, в копии этого и не было).

Но тогда можно дать числу или цифре «9» другое объяснение, ибо на телеграфной ленте оно могло обозначить не только дату отправки, но и ее час (или, скажем, число слов в тексте телеграммы).

Гипотеза же о том, что Бениславская сообщила Есенину мнение Вардина не только в письме от 9 февр., но и телеграфно — «за день до отправки письма» (Хроника, 2,

333), документального подтверждения до сих пор не получила: сведений о такой телеграмме нет.

Словом, приурочить комментируемый текст к 9 февр. 1925 г. (вслед за первым публикатором) невозможно.

Спасибо. Нужно тысячу.— Из этих слов явствует, что две предыдущих телеграммы Есенина наконец-то возымели действие, и Бениславская выслала в Батум некую сумму денег (но не требуемые поэтом 1000 р.). Ни точная сумма, ни время ее отправки неизвестны.

Скажите Вардину ∾ Отвечайте.— Не получив ответа на эти свои слова, Есенин вскоре послал в Москву еще одну телеграмму (п. 203).

203. *Г.А.Бениславской.* 17 или 18 февраля 1925 г. (с. 202).— Вержбицкий, с. 86 (фрагмент: «Батум не пишите уезжаю Персию»). Полностью — Белоусов, с. 73.

Печатается по публикации полного текста. О его источнике см. коммент. к п. 200.

Датируется по содержанию, в связи с п. 202 и с учетом того, что поэт покинул Батум 17 или 18 февр. (см. текст п. 202 и коммент. к нему).

Цитируя эту телеграмму со ссылкой на воспоминания В.И.Вольпина (ИМЛИ), Н.К.Вержбицкий произвольно датировал ее «январем 1925 года» (Вержбицкий, с. 86). Этой даты у Вольпина нет. Более того, в использованном Вержбицким источнике (авторизованной машинописи очерка В.Вольпина «О Сергее Есенине», хранящейся в ИМЛИ), о есенинской телеграмме сказано буквально следующее: «...№ 954-3, за 1925 г. Точной даты пока установить не удалось...».

...уезжаю Персию...— Это намерение не осуществилось по причинам, изложенным в следующей телеграмме (п. 204).

204. *Г.А.Бениславской.* 21 февраля 1925 г. (с. 202).— Вержбицкий, с. 86 (начало: «Персия прогорела» — и

конец: «Везу много поэм»). Полный текст — Белоусов, с. 74.

Печатается по Хронике, 2, 171, с расстановкой знаков препинания. Об источнике текста см. коммент. к п. 200.

Датируется по помете в источнике текста, сообщенной публикатором: «Из Тифлиса от 21/II — 1925 г.» (Хроника, 2, 335).

Персия прогорела.— Речь идет о неудавшейся поездке в Персию (см. о ней пп. 197 и 198 и коммент. к ним).

Все Москве: Лившиц, Чагин.— И тот, и другой находились тогда в служебной командировке в Москве.

Я Тифлисе...— По воспоминаниям Вержбицкого, в Тифлисе Есенин пробыл одни сутки. «В конце февраля 1925 г., проездом из Батума в Москву, Есенин остановился у меня <...> он уезжал из Тифлиса, побыв здесь около суток...» (Вержбицкий, с. 91, 95). По-видимому, это ошибка памяти мемуариста, ибо Есенин должен был ждать в Тифлисе денег из Москвы до среды (Хроника, 2, 335).

...нужно к среде.— Ближайшая после 21 февр. среда приходилась на 25 февр.

205. *Г.А.Бениславской.* 26 февраля 1925 г. (с. 202).— Хроника, 2, 172.

Печатается по первой публикации. Об источнике текста см. коммент. к п. 200.

Датируется по первой публикации (обоснование датировки — Хроника, 2, 336) и по содержанию, особенно по началу фразы: «Выходите воскресенье встречать...», ибо Есенин действительно прибыл в Москву из Баку «в воскресенье» (п. 206), т. е. 1 марта 1925 г.

206. *П.И.Чагину.* Между 3 и 7 марта 1925 г. (с. 202).— НС, 1962, № 4, с. 188—189 (публ. Е.А.Динерштейна; с неточностями).

Печатается по автографу (ГМЗЕ).

Датируется по содержанию в сопоставлении с п. 207 (см. реальный коммент.).

... давал тебе телеграмму...— Телеграмма неизвестна.

Приехал я в воскр<есенье>*...*— Т. е. 1 марта 1925 г. Встреча его с близкими людьми у поезда описана В.Ф.Наседкиным (Восп., 2, 303; более подробно — Материалы, с. 210).

... а ты уехал в понедельн<ик>*.*— Об отъезде адресата из Москвы в понедельник, т. е. 2 марта, здесь говорится в прошедшем времени, так что данное письмо, очевидно, было написано не ранее 3 марта.

Сочти с книгой. Если ничего не причитается — не надо...— Скорее всего, речь идет об окончательном денежном расчете с Есениным издательства газеты Бак. раб., где в конце дек. 1924 г. вышел его сборник Р. сов.

... вышли деньги мне за поэму, которую тебе посылаю — «Анна Снегина», и за два ст<ихотворения> *«Персидские мотивы».*— «Анна Снегина» была напечатана в Бак. раб. 1 и 3 мая 1925 г. Два стихотворения — это, вероятно, «В Хороссане есть такие двери...» и «Голубая родина Фирдуси..» (они были опубликованы в Бак. раб. 3 апр. 1925 г. с авторской пометой: «Март 25 года»).

«Анна Снегина» через два месяца выйдет в 3 № «Кр<асной> *нови» ∾ через два-три месяца ты увидишь ее на рынке отдельной книгой.*— «Анна Снегина» была напечатана в четвертом номере Кр. нови за 1925 г. Отдельной книгой при жизни Есенина не выходила. Ср. со словами из письма от 6 марта: «Воронский в „Кр<асной> нови“. Поэма моя идет там» (с. 204 наст. тома). Из них явствует, что Есенин договорился с редактором Кр. нови о публикации поэмы не позднее этого дня, что и определяет верхнюю границу датировки комментируемого письма.

... ласкаво встрели...— Первое из этих слов — украинское (т.е. «ласково», «милостиво»), а второе — из рязанского диалекта (ср. со строкой из стихотворения Есе-

нина «Сукин сын»: «Меня встрел молодой ее сын» — наст. изд., т. 1, с. 208). Возможно, это (или аналогичное) выражение употреблялось в общем для Есенина и Чагина дружеском кругу.

Данилову передай ∾ я намереваюсь передать его рукописи в Госиздат.— Речь идет о рукописи сборника стихотворений М.Х.Данилова «Стезя» (см. п. 189 и коммент. к нему, а также Письма, 252 и 254). В Госиздате книга Данилова не выходила.

...Вардин ссыпался...— И.Вардин был отстранен от работы в Кр. нови по решению т. н. литературной комиссии при ЦК РКП(б) от 3 марта 1925 г. Подробности о создании этой комиссии и о ее работе см. в коммент. к п. 207.

207.*Н.К.Вержбицкому.* 6 марта 1925 г. (с. 203).— Есенин 5 (1962), с. 199—201.

Печатается по автографу (письмо — ГЛМ; конверт — РГАЛИ, ф. Г.В.Бебутова). На конверте три почтовых штемпеля: «Москва. 13.3.25. IX почтовое отд.». На его ретушированной фотографии (Вержбицкий, об. вкл. л. между с. 48 и 49) месяц в дате («13.7.25») ошибочен. Таким образом, письмо ушло в Тифлис спустя неделю после того, как было написано.

Дорогая дадя Коля! — Есенин пародирует орфографию адресованного ему письма Г.С.Назарова от 19 янв. 1925 г.: «Дорагая дадя Сирёж <...> дадя Коля» (Письма, 267).

Вот я и в Москве.— Есенин приехал с Кавказа в Москву 1 марта 1925 г.

Федя...— Возможно, Ф.Зорин. Адресат пишет об этом человеке как о «старом приятеле» Есенина, который «когда-то работал» с ним «в московской типографии Сытина» (Вержбицкий, с. 95).

Я буду здесь недолго ∾ приеду на Кавказ.— 21 марта Вержбицкий отвечал: «Твоя идея вернуться на Кавказ хороша, только надо сейчас устремляться к Сухуму, Гаг-

рам и т. п. Приезжай, вместе катнем» (Письма, 274). Есенин выехал из Москвы в Баку 27 марта.

О твоих делах вот что: всех поднял на ноги. Для библ<иотеки> *у Кольцова не подойдет по коммерч*<еским> *соображ*<ениям>*, а в самом журнале пойдет.*— Выполняя просьбу Вержбицкого, Есенин пытался устроить публикацию его произведений в центральных изданиях. Речь, в частности, идет о библиотечке журнала «Огонек», который вел тогда М.Кольцов. 21 марта Вержбицкий писал Есенину: «... спасибо тебе за хлопоты и память. Я знаю, как тяжело и неприятно заниматься чужими делами, тем более на расстоянии 3 тысяч верст. Я тебе этого никогда не забуду. Меня не огорчают первые неудачи. Это так естественно. В каждой редакции есть свои хорошо притершиеся люди, и они обеспечивают материалом больше, чем нужно. Кому какое дело до Вержбицкого, сидящего в Тифлисе. Надо дать что-нибудь исключительное, чтобы обратили внимание и зачесали в затылках. А меня на исключительное не хватает, тем более сейчас я ради хлеба пишу только в газету, хочу настукать денег, чтобы в конце мая поехать на два месяца отдыхать к морю» (Письма, 273—274). В следующем письме от 27 марта 1925 г. Вержбицкий продолжал: «Сую в конверт еще одну, только что состряпанную, еще тепленькую вещичку „Лед на голову". Она очень трогательна, смешна и современна. Мой жанр. Я думаю, что от этого пустячка даже по коммерческим соображениям не откажется Кольцов. Пусть тиснет в „Огоньке". А те три, что я послал для библиотечки, пусть считаются за мной» (Письма, 276; о каких трех рассказах идет речь, неизвестно; рассказ «Лед на голову» — З. Вост., 1925, 29 марта, № 839 — в центральной печати не появился, и позднее автор включил его в свою кн. «Тифлисские рассказы», [Тифлис, 1926], с. 60—65). Далее в этом же письме Вержбицкий просит: «Сереженька, помоги мне. Не забывай меня. Напиши мне:

кому, что и как посылать. Смерть хочу печататься!» (Письма, 276).

С «Прожектором» тоже говорил.— Отвечая Есенину 21 марта 1925 г., Вержбицкий заметил: «В „Прожекторе“ поднажми, потому что рассказ я им послал неплохой и с пролетарской идеологией» (Письма, 274; о каком рассказе идет речь, неясно).

... только прибавляется одним редактором больше в лице пишущего эти строки. ∾ Сделаю просто альманахом...— Речь идет о планировавшемся выпуске альманаха «Поляне» (подробнее см. п. 211 и коммент. к нему).

На днях покупаю сестрам квартиру.— Замысел Есенина не осуществился.

Вчера была домашняя пирушка. Пильняк ∾ Ионов ∾ Наседкин, я и сестра.— По-видимому, на основе косвенных данных, приведенных в воспоминаниях В.Ф.Наседкина (Восп., 2, 304; Материалы, с. 213—214), к этому дню (5 марта) некоторые комментаторы (см., напр., Есенин 6 (1980), с. 352, без указания источника сведений) приурочили знакомство Есенина с Софьей Андреевной Толстой. В 1995 г. были опубликованы (кое-где с неверной хронологической последовательностью расположения частей текста) связанные с именем Есенина записи С.А.Толстой в ее настольном календаре 1925 г. (журн. «Наше наследие», М., 1995, № 34, с. 60—65; публ. Т.Г.Никифоровой). Обращение к этому документальному источнику показывает, что первая встреча Есенина с С.А.Толстой состоялась 10 марта. Из участников «пирушки» 5 марта при этом присутствовали, кроме Есенина и его сестры Екатерины, только Б.Пильняк и И. Ионов (там же, с. 60).

Нарезались в доску. Больше всего, конечно, мы с Ионовым.— В те дни Ионов, совмещавший тогда руководство Госиздатом РСФСР и его ленинградским отделением, крайне тяжело переживал кризисное, как ему казалось, положение дел в руководимом им учреждении. 14 марта он обратился с письмом к наркому А.В.Луначар-

скому, где назвал московский Госиздат «подкидышем нашего государства». «Пребывание в Москве настолько меня изломало, что я решил от издательской работы совсем уйти. С этой целью я написал заявление в Ленинградский Губком <РКП(б)>, который категорически отверг мою отставку и обязал восстановить Ленгиз,— продолжал Ионов.— Вы больше других понимаете значение подлинного книгоиздательского дела, так придите на помощь Ленгизу. Во имя нашей, новой книги дайте нам возможность работать» (ГАРФ, ф. Народного комиссариата по просвещению). Просьба Ионова была удовлетворена: с 20 по 26 марта в Госиздате прошел ряд совещаний о разграничении полномочий Госиздата РСФСР и его ленинградского отделения (там же), и Ионов получил возможность продолжить свою издательскую деятельность на условиях, ему необходимых.

...он позвонил и сказал, что едет в Ленинград. Дня через три вернется.— Действительно, 10 марта Ионов вновь встретился с Есениным в Москве (см. выше).

Он <Ионов> *предлагает мне журнал издавать у него, но я решил здесь, все равно возиться буду не я, а Наседкин.*— Предполагалось, что В.Наседкин станет секретарем этого издания; более подробно о тогдашних издательских планах Есенина сказано в п. 211 и коммент. к нему. В то время они не реализовались. Как вспоминал Наседкин, «в конце осени <1925 г.> Есенин опять гадал о своем журнале. С карандашами в руках втроем вместе с Софьей Андреевной <Толстой-Есениной> мы несколько вечеров высчитывали стоимость бумаги, типографских работ и других расходов...» (Материалы, с. 235). Этот проект также не осуществился.

Воронский в «Кр<асной> *нови».*— Первый номер этого журнала за 1925 г. готовился и вышел в свет без участия А.Воронского (см., напр., п. 194 и коммент. к нему). Однако редактор Кр. нови употребил все свои возможности, чтобы вернуться к действительному руко-

водству журналом. К началу марта 1925 г. это ему удалось, о чем он уведомил поддерживавшего его М.Горького: «У меня в редакции перемены: тов. Раскольников заменен Ярославским. Он — не напостовец. Я снова получил возможность работать в „Нови“. Моя редколлегия в новом составе работе не мешает. <...> В верхах напостовцы терпят поражения. <...> Хорошо, если литературная атмосфера несколько очистится, а то очень тяжело было» (в кн. «Архив А.М.Горького», М., 1965, т. X, кн. 2, с. 17—18). См. также коммент. ниже.

Поэма моя идет там.— «Анна Снегина» была опубликована в № 4 Кр. нови за 1925 г.

Присылай, что имеешь, на Галю.— Отвечая Есенину, Вержбицкий писал 27 марта 1925 г.: «По-дружески, не обижаясь, разделите всю тяжесть исполнения моих назойливых просьб с Галей вместе. Пока плачу́ вам искренней любовью к вам, но так как эта монета не имеет сейчас широкого хождения, то обещаю быть вашим верным рабом и исполнителем всех ваших капризов в недалеком будущем» (Письма, 276).

Он <Наседкин> *что-то прихлыстывает за Катькой, и не прочь сделаться зятем, но сестру трудно уломать.*— Е.А.Есенина и В.Ф.Наседкин зарегистрировали брак 19 дек. 1925 г., когда Есенин находился в больнице. «Свадьбу отпразднуем в Ленинграде,— говорил Есенин новобрачным, по воспоминаниям Наседкина,— у меня на квартире. Я Эрлиху послал телеграмму» (Материалы, с. 238).

Книги моей...— Стр. сов.

Скажи Вирапу ∾ *мы с ним говорили.*— Отвечая Есенину, Вержбицкий писал 21 марта: «Вирап вообще липовый издатель, и распространять он умеет только сплетни и скверный запах. Однако передам ему твои требования. Насчет 150 руб. он заявил, что это — недоразумение» (Письма, 274).

...как «Заря»? Передай Мише большой привет и любовь.— Речь идет о М.И.Лифшице. Вержбицкий отве-

тил: «Лифшиц покинул „Зарю“ на 4 месяца, а может быть, и навсегда. Ему здесь тесно» (Письма, 274). «Заря» — З. Вост.

Вардин должен уехать в Баку на место Чагина ∾ очень грустный.— Вержбицкий по этому поводу сообщал: «Вардин приезжает в Тифлис, но не редактировать, а писать. Чагин как будто остается в Баку. Его не отпускают» (Письма, 274).

Позвоночник ему <Вардину> *таки сломали. «На посту» прогорело в пух и прах.*— И.Вардин (который, по определению Есенина, любил «коммунизм больше литературы» — п. 175) в своих литературно-политических выступлениях и статьях проявлял себя как последовательный сторонник жесткой линии по отношению к писателям-«попутчикам», проводившейся редакцией журнала «На посту» (ред. Б.Волин, Г.Лелевич, С.Родов; №№ 1–6, 1923–1925 гг.). Сектантская нетерпимость напостовской литературной критики стала в первой половине 1925 г. предметом специального обсуждения как в центральной печати, так и в высших партийных кругах. Эта дискуссия, начатая еще в 1924 г. (см., напр., коммент. к пп. 175 и 190), возобновилась после того, как 1 февр. 1925 г. в «Правде» (№ 26) была опубликована «Резолюция 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей: (По докладу тов. Вардина)», где утверждался «*принцип гегемонии*» пролетарской литературы, принцип «*упорной, систематической борьбы этой литературы за победу, за поглощение всех видов и оттенков буржуазной и мелкобуржуазной литературы*» (выделено в первоисточнике).

11 февр. (№ 34) та же газета напечатала («в порядке предварительной дискуссии») статью Н.Осинского «К вопросу о „литературной“ политике партии», резко полемичную по отношению к указанной резолюции. Осинский, в частности, писал:

«Нужно без всяких стеснений, громко и ясно сказать т. Вардину и К°: хватит баловать, друзья! Не бывать, чего

вы хотите! Нашей художественной литературы вам на поток и разграбление мы не выдадим. Достаточно и без того начитались мы ваших дубовых идеологических упражнений, где если было слово истины, то оно „заимствовано" вами у кого-нибудь из ваших оппонентов, а что было свое, то все либо вреднейшее головотяпство, комчванство или „сладенькое комвранье". Достаточно поиздевались вы и над пресловутыми попутчиками,— попросту говоря, одним из слоев интеллигенции, с которой вообще ни РКП, ни советская власть вовсе не хотят обходиться и не обходятся по методу повального оглушения. Довольно спекулировать на страшных „революционных" словах и на расхваливании пролетарских писателей, для того чтобы добиться „гегемонии над литературой" и „власти над искусством".

Не бывать тому, чтобы „напостовская" группа трех сопливеньких <т.е. редакторов журнала — Волина, Лелевича и Родова> управляла художественной литературой. Приемами демагогии, лести и застращиваний она получила временный перевес во всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Задачей всех разумных членов партии, причастных к литературе и писательству, должна стать,— уничтожить этот перевес».

Через неделю в дискуссии выступил заведующий отделом печати ЦК РКП(б) И.М.Варейкис. В статье «О нашей линии в художественной литературе и о пролеткультах» он изложил точку зрения руководства партии на этот счет:

«Руководство в области литературы необходимо осуществлять путем более тонкого и обходного влияния и через систему иных мер воздействия и руководства, чем те, которые так „пылко" рекомендуют наши, скажем, очень рьяные товарищи „напостовцы". <...>

Партия должна предостеречь товарищей „напостовцев" от увлечения богдановской теорией „пролетарской культуры". <...> Партия должна категорически отказаться от передачи („передоверия") ВАППу „диктатуры" или „гегемонии" на литературной арене, чего они фактически

добиваются. Партия не может одобрить их позицию по отношению к „попутчикам"; она заведомо ошибочная...» (газ. «Правда», М., 1925, 18 февр., № 40).

Следующим шагом высшего партийного руководства страны в упорядочении своей литературной политики стало создание специальной «Комиссии Политбюро „О пролетарских писателях"» (официальное название этой комиссии приводится здесь впервые; в печати 1920-х гг. ее именовали «Литературной комиссией при ЦК РКП(б)» — см., напр., журн. «На литературном посту», М., 1926, № 5/6, с. 65). Председателем ее был назначен И.М.Варейкис, а членами — Н.И.Бухарин, М.В.Фрунзе и А.В.Луначарский.

Первое заседание комиссии в указанном выше составе состоялось 23 февр. 1925 г. при участии приглашенных представителей различных литературных организаций (от ВАПП — И.Вардин, С.Родов, Ф.Раскольников, Г.Лелевич; от группы «Перевал» — А.Веселый; от «Кузницы» — Г.Якубовский; от «ЛЕФ» — В.Маяковский и др.) и лиц, персонально ответственных за проведение политики РКП в области литературы (П.И.Лебедев-Полянский, А.К.Воронский, С.И.Канатчиков, В.И.Нарбут и др.).

Протокол этого заседания гласит:

«*Слушали*: 1. О политике партии в художественной литературе.

Постановили:

1. Поручить т. Бухарину составить проект резолюции о политике партии в художественной литературе, взяв за основу в качестве материала тезисы т. Варейкиса. При составлении проекта резолюции учесть обмен мнений на заседании Комиссии по данному вопросу.

2. Выработанный т. Бухариным проект резолюции о политике партии в художественной литературе рассмотреть в составе тт. Варейкиса, Бухарина, Фрунзе, Луначарского, после чего проект резолюции внести на обсуждение

вторичного заседания Комиссии в присутствии представителей литературных организаций.

3. После обсуждения проекта резолюции проект перенести на окончательное рассмотрение Комиссии Политбюро „О пролетарских писателях“» (ГАРФ, ф. Народного комиссариата по просвещению; *публикуется впервые*).

Итогом работы комиссии Политбюро стала известная резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», принятая 18 июня 1925 г. Об отношении Есенина к этой резолюции в сравнении с декларациями напостовцев см. его выступление в рубрике ленинградской «Новой вечерней газеты» — «Писатели о резолюции ЦК РКП о художественной литературе» (наст. изд., т. 5, с. 231–232, 524–526).

Пильняк спокойный...— Этот эпитет здесь не случаен. Б.Пильняк был излюбленным объектом оголтелой критики авторов журнала «На посту» (соответствующие примеры см. наст. изд., т. 5, с. 550), так что после мер, предпринятых Политбюро ЦК РКП(б) в отношении «напостовцев», он имел все основания ожидать, что необоснованные нападки на его творчество будут прекращены.

...уезжает в Париж. Я думаю ∾ съездить тоже, но не знаю, пустят или не пустят.— Вержбицкий откликнулся 21 марта: «Плюнь на Париж — там угоришь. Это Пильняк заблудился в русском быте и в русской революции. А ты-то?! Плюнь!» (Письма, 274). Поездка Есенина за границу в 1925 г. не состоялась.

Жорж ∾ печатает роман и повесть в «Нов<ом> *мир*<е>*».*— Г.Ф.Устинов опубликовал в журнале «Новый мир» (№№ 2-3 за 1925 г.) повесть «Черный ветер». О каком романе идет речь, не установлено.

Присылай туда <в «Новый мир»>. *Я сказал. Редакторы свои...*— Вержбицкий отвечал Есенину 27 марта 1925 г.: «Голубь Сережа, в связи с переменами в „Красной нови“ моя рукопись, наверное, затерлась и сгинула. Я перечел этот рассказ „Пустое место“ и думаю, что ему

стыдно валяться в моем обшарпанном письменном столе. Не „Красная новь“, так „Новый мир“. Устрой, мой дружище! Сунь его так, чтобы прочел кто-нибудь из понимающих. Надо же мне когда-нибудь вылезать на свет, а ехать сейчас в Москву — не с руки — потеряю отдых, потеряю золотое здешнее лето» (Письма, 275). Публикация указанного рассказа не выявлена.

Дядя...— И.М.Касаткин.

Напишу обстоятельно с результатами после.— Письмо неизвестно.

Обними Зосю...— Вержбицкий ответил: «Зося шлет тебе горячий привет и очень обрадована твоим обещанием приехать на Кавказ. Она здорова и хочет идти с нами пешком по Военно-Осетинской дороге» (Письма, 274).

Жоржику скажи, что я ем хлеб «чорний, чорний», такой, какого в Тифлисе нет.— Есенин цитирует слова из письма Г.Назарова от 19 янв. 1925 г.: «Ты прасил хлеб. Купили для тебе чорний-чорний хлеб, 15 ф.» (Письма, 268). Назаров вспоминал: «Как-то сели за стол обедать. Дядя Сережа глубоко вздохнул и сказал: „Как хочется настоящего черного хлеба, нашего ржаного“. Сидя за столом, я подумал: „Что такое ржаной?“ Сначала я подумал, что это ржавый, хотя знал, что такого хлеба нет. На другой день я спросил у тети Зоси, что это за ржавый хлеб. Она так засмеялась, что чуть не выронила из рук миску со всякой зеленью. Я попросил у ней денег, чтобы завтра на базаре купить у русских такого хлеба. Купили целую буханку хлеба, притом черствого. Я оглядывал его, нет ли ржавчины на нем. А надо мной все смеялись. И позднее я узнал прелесть настоящего русского ржаного хлеба, который очень любил дядя Сережа» (ГЛМ; цит. по: Есенин 6 (1980) с. 353).

Вчера приехала моя мать ∾ Нужно держать марку остепенившегося.— Е.А.Есенина вспоминала об одном из приездов Т.Ф.Есениной в Москву: «В начале 1924 г. оставалось одно место, где Сергей мало пил,— это дерев-

ня... Но потом он и в деревне стал пить. Отец и мать испуганно смотрели на шатающегося Сергея. „Боже мой, Боже мой! вскую оставил мя еси“ — с трудом удерживая слезы, повторял отец. Мать, как всегда, подобралась, выпрямилась, и только частое сморкание выдавало ее душевную тревогу: „Нет, это что-то неладное тут, никогда не был пьяница, и вдруг такая пакость“. Когда мы уезжали в Москву, мать мне по секрету сказала: „В Марьиной роще в Москве есть дача Галкина (эту дачу все знают), там живет гадалка, которая может помочь нам с Сергеем, сходи к ней, ради Бога, я тебя очень прошу“. Через две недели она за нами следом сама явилась в Москву. „Я ведь знаю, ты ничего не сделаешь“,— сказала она мне и отправилась в Марьину рощу. Вернулась она ни с чем. Гадалка уехала» (ГЛМ; Письма, 167).

...Жоржику скажи, пусть он мне напишет. ∾ *Потом я куплю и вышлю ему тот пистолет, о котором он мечтает.*— Вержбицкий ответил: «Жоржик прыгал до потолка, когда я прочел часть твоего письма, касающуюся его. Больше всего его обрадовал, конечно, пистолет. Побежал домой, взяв у меня большой лист бумаги. Будет писать тебе письмо» (Письма, 274). Письмо Назарова Есенину, поступившее в РГАЛИ лишь в 1989 г., публикуется здесь впервые (орфография оригинала сохранена):

«Писмо Стихах Сирёжки

Друг ти мой
Сиргей Есенин
Ни забду тебя
Я ни када.

Ти забыл нам ти
Очинь скоро,
А ми ни забудим тебя
Мы ни када.

Ждем ми тебя
Ми безканца.
Вот предит
Завтра, посли завтра, и
И нет тебя.

Я сказал что
Ой прапаль Сирёжка
Нет иво ни где
И нет писмо даже.

Наканец узнал
Где ти находися.
Ну прижай ти кнам
Прижай друг.

Ти обищал
Купит мантикрест
Ти обищал писат писмо
И ни купил и ни писал.

Ну ничиво
Чтоб ти был здаров
И болши ничиво.
Прижай кнам прижай
Скучно без тебя.
Геврг Назаров».

208. *Т.Ю.Табидзе.* 20 марта 1925 г. (с. 206).— Журн. «Цискари», Тбилиси, 1957, № 1, с. 148, в статье Ш.Деметрадзе (на груз. яз.) «Сергей Есенин в Грузии», с необозначенным (перед фамилией Леонидзе) пропуском фамилии «Робакидзе». Вплоть до настоящего времени воспроизводилось в печати по первой публикации. Полностью публикуется впервые.

Печатается по автографу (Литературный музей им. Г.Леонидзе Министерства культуры Грузии, г. Тбилиси).

Текст проверен сотрудницей Государственной архивной службы Грузии Э.Чубинидзе.

С Т.Ю.Табидзе, одним из основателей литературного объединения «Голубые роги», Есенин познакомился по приезде в Тифлис в сент. 1924 г. С первой же встречи между поэтами установились тесные дружеские отношения. На смерть друга Т.Табидзе откликнулся проникновенным стихотворением «Сергею Есенину» (см. сб. «Венок Есенину», М., 1988, с. 64—65). Известны воспоминания Т.Табидзе «С.Есенин в Грузии», впервые опубликованные в З. Вост., 1927, 6 янв. (см. Восп., 2, 191—194). Есенин подарил Т.Табидзе Стр. сов. с дарственной надписью: «Милому Тициану в знак большой любви и дружбы. Сергей Есенин. Тифлис. Фев. 21/25» (Юсов-96, с. 199).

...как мы варили кепи Паоло в хаши.— Поэт Г.Н.Леонидзе так пояснил эти слова: «Как-то всю ночь напролет кутили мы на тбилисской окраине Ортачала в знаменитом духане Чопурашвили. На рассвете, как полагалось, поехали опохмеляться в хашную. Есенин еще не знал вкуса хаши, и поэтому Паоло <Яшвили> сильно нервничал из-за того, что заветное блюдо запоздало (мы явились слишком рано, и хаши еще варился). Наконец, Паоло не выдержал и, ко всеобщей радости, бросил в кипящий котел кепку Валериана Гаприндашвили. Особенно ликовал Есенин. Об этом случае он и упоминает в своем письме. Этому же забавному эпизоду посвящены строки из стихотворения Тициана Табидзе <„Сергею Есенину“, пер. Л.Озерова>:

Пьяный Паоло варил на рассвете
Кепку свою в прокопченном котле...»

(Восп., 2, 206).

Спроси Паоло, какое нужно мне купить ружье по кабанам. Пусть напишет №.— «В следующую зиму он собирался опять засесть в Тифлисе и запасался охот-

ничьим ружьем, чтобы ходить на кабанов и медведей. Этому не суждено было сбыться» (Т.Табидзе; Восп., 2, 194).

Г.Н.Леонидзе в связи с этим заметил: «... что касается просьбы Есенина к Тициану — выяснить у Паоло Яшвили номер ружья для охоты на кабанов, то, грешным делом, мне всегда чудились в этом отголоски тартареновых мечтаний...» (Восп., 2, 206).

Поцелуй руку твоей жене и дочке...— Жена Т.Ю.Табидзе — Нина Александровна, врач. Есенин подарил ей Стр. сов. с надписью кровью: «Люби меня и голубые рога. Сергей Есенин» (Юсов-96, с. 198).

Дочь Т.Ю.Табидзе — Танит (Танаис) Тициановна. Многие годы работала преподавателем, ныне на пенсии.

Н.А.Табидзе вспоминала: «Живя в Тбилиси, Есенин часто бывал у нас уже как свой и близкий человек. <...> Когда утром Есенин вышел из комнаты Тициана, где он спал, в столовую, моя трехлетняя дочурка, увидев его,— с волосами цвета спелой ржи, как бы обсыпанного золотою пылью,— воскликнула, всплеснув ручонками:

— Окрос пули!

„Золотая монета“ — в нашем доме так за ним это прозвище и осталось. Видно было, что ему это нравилось, и, играя с моей девочкой, он все заставлял ее повторять: „Окрос пули“ — „Золотая монета“.

Андрей Белый в своей книге „Ветер с Кавказа“, написанной уже после смерти Есенина, вспоминает, что будто бы это я назвала Есенина „Золотой монетой“, но нет — не я, а моя маленькая дочурка» (Восп., 2, 195, 196).

О взаимоотношениях Есенина и Тициана Табидзе см. также: Асатиани Г. Тициан Табидзе. Тбилиси, 1958, с. 3, 12; Балуашвили В. Знаменосец дружбы.— Журн. «Литературная Грузия», 1965, № 9, сент., с. 66; Богомолов И. Сергей Есенин и Грузия.— НС, 1975, № 10, окт.,

с. 170—179; Кошечкин С. «„Милый друг Тициан!“: Из цикла этюдов „За есенинской строкой“».— Сб. «Поэзия». М., 1980, вып. 27, с. 37—39; Васадзе А. Стих — обвал снегов / О стихотворении Т.Табидзе «Сергею Есенину».— Журн. «Литературная Грузия», 1981, № 6, июнь, с. 178—179.

209. *Г.А.Бениславской.* 21 марта 1925 г. (с. 207).— Прокушев-55, с. 331 (разделено на цитаты); целиком — Хроника, 2, 179.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Но я Вас нисколько не люблю как женщину.— Возможно, записка связана с инцидентом, произошедшим во время приезда Есенина в Москву в марте: «Когда Сергей бывал в отъезде,— вспоминала Е.А.Есенина,— Галя иногда поздно возвращалась с работы. Но при нем она аккуратно приходила домой. В этот раз она почему-то задержалась в редакции дольше обыкновенного и вернулась домой в 11 ч. Следом за ней пришел Сергей. Сергей был трезвым, и настроение его казалось хорошим. За ужином он шутил, смеялся. Галя казалась смущенной чем-то и говорила совсем мало.

„Да, ты знаешь,— обратился Сергей ко мне,— мы сегодня с Галей в театре встретились, видела бы ты, как она смутилась. Бросьте, Галя, ничего дурного не случилось! — улыбаясь, говорил Сергей.— Это Покровский был с Вами?“ Гром, пожар — ничто не могло так ошарашить меня, как это известие; Покровский был близкий человек Гали до Сергея. У него была жена, но Галя без Сергея иногда встречалась с ним. Я знала это. Конец покою, Сергей опять без угла и одинок. Сергей быстро уехал на Кавказ. Мне он прислал пьяное письмо, где требовал немедленного ухода от Гали. „Уйди тихо,— писал он.— У Гали своя личная жизнь, и ей мешать не надо“. Галя была грустна и оправдывала себя тем, что Сергей не любит ее. Поэтому она и встречалась с Покровским.

Сергей вернулся опять к Гале. Казалось, ничего не случилось, все шло по-старому. Галя решила, что Сергей не придал значения их встрече, но она ошиблась» (ГЛМ; Материалы, с. 374—375).

Как свидетельствовала Е.А.Есенина, эта тема возникала в разговорах Есенина и Бениславской: «„Галя, Вы очень хорошая, Вы самый близкий, самый лучший друг мне. Но я не люблю Вас как женщину. Вам надо было родиться мужчиной. У Вас мужской характер и мужское мышление".

Длинные ресницы Гали на минуту закрывали глаза и потом, улыбнувшись, она говорила: „Сергей Александрович, я не посягаю на Вашу свободу, и нечего Вам беспокоиться"» (ГЛМ; Материалы, с. 383).

В 1925 г. после разрыва с Есениным Бениславская писала в дневнике: «Лейтмотив, появившийся, правда, позднее — „как женщина не нравлюсь". Дура я была бы после этого покорно склоняться со своей верностью, и все же до Л. <инициал не расшифрован>, даже „изменяя", вернее, уходя от Сергея физически, я была ему верна, я всегда избегала людей, чем-либо интересных мне (избегала подсознательно). Я знала, что такой, как Покровский, ничего не может отнять во мне из того, что отдано Сергею, и Покровскому я ничего не отдавала, там я брала только ту теплоту и ласку, которые мне нужны были как воздух. Единственная измена — Л. Этой зимой я поняла, что если Сергея я люблю больше всего, больше, чем себя самое, то все же к Л. у меня не только страсть. Боже мой, ведь Сергей должен был верить мне и хоть немного дорожить мной, я знаю — другой такой, любившей Сергея не для себя самой, другой он не найдет; и Сергей не верил, швырялся мной. И если я не смогла отдать Сергею все совсем, если я себя как женщину не смогла бросить ему под ноги, не смогла сломать свою гордость до конца, то разве ж можно было требовать это от меня, ничего не давая мне?» (Материалы, с. 114—115).

210. *В.И.Эрлиху*. 24 марта 1925 г. (с. 207).— Эрлих, с. 74 (фрагмент). Полностью — Есенин 5 (1962), с. 202.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. В.И.Эрлиха).

Вот я снова ∾ собираюсь в 20-х числах обязательно уехать.— Есенин выехал в Баку 27 марта.

Я еду в Тифлис, буду редактировать лит<ературное> *прилож*<ение>.— 22 апр. 1925 г. в газ. «Вечерняя Москва» (раздел «Литературная хроника. Среди писателей и поэтов») сообщалось: «С.Есенин принял на себя заведование литературно-художественным отделом газеты „Заря Востока“ в Тифлисе». В течение этой поездки на Кавказ Есенин не побывал в Тифлисе. Замысел о редактировании литературного приложения к З. Вост. не осуществился.

Привет Сене и всем, кто не продал шпаги наших клятв и обещаний.— Речь идет о С.А.Полоцком и других членах ленинградского «Воинствующего ордена имажинистов». Здесь реминисцированы строки стихотворения М.Ю.Лермонтова «Воздушный корабль» (1840):

Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

(Лермонтов М.Ю. Сочинения. Изд. 5-е. М.: А.С.Панафидина, 1912, стб. 138).

211. *Н.Н.Накорякову*. 27 марта 1925 г. (с. 207).— НС, 1962, № 4, с. 189 (публ. Е.А.Динерштейна).

Печатается по подлиннику (ИМЛИ), исполненному рукой В.Ф.Наседкина; подпись и дата — рукой Есенина.

Адресат письма, член правления Государственного издательства РСФСР, в 1925 г. заведовал отделом художественной литературы издательства.

Я уезжаю на Кавказ...— Дата под текстом комментируемого письма совпадает с днем отъезда Есенина из Москвы в Баку.

Дело с альманахом «Поляне» представляю себе ∾ Наседкиным.— Последний вспоминал: «В первой полови-

не марта Есенин заговорил об издании своего альманаха. Вместе составляли план. Часами придумывали название и наконец придумали:

— Новая пашня?

— Суриковщина.

— Загорье?

— Почему не Заречье?

— Стремнины?

— Не годится.

— Поляне.

— По-ля-не... Это, кажется, хорошо. Только... вспоминаются древляне, кривичи...

Остановились на „Полянах“. На другой день о плане сообщили Вс.Иванову. Поговорили еще. Редакция: С.Есенин, Вс.Иванов, Ив. Касаткин и я — с дополнительными обязанностями секретаря.

Альманах выходит два-три раза в год с отделами прозы, стихов и критики. Сотрудники — избранные коммунисты-одиночки и „попутчики“.

Прозаиков собирали долго. По замыслу Есенина, альманах должен стать вехой современной литературы, с некоторой ориентацией на деревню. Поэтов наметили скорей: П.Орешин, П.Радимов, В.Казин, В.Александровский и крестьянское крыло „Перевала“.

Пошли в Госиздат к Накорякову. „Основной докладчик“ — Есенин. Я знал, что Есенин говорить не умеет, поэтому дорогой и даже в дверях Госиздата напоминал ему главные пункты доклада.

Но... ничего не помогло. Вместо доклада вышла путаница. Накоряков деликатно, как будто понимая все сказанное, задал Есенину несколько вопросов. Но с альманахом ничего не вышло. Есенин через две недели опять уехал на Кавказ, поручив Вс.Иванову и мне хлопотать об издании» (Восп., 2, 304–305).

...надеюсь, что вы окажете всемерное содействие ∾ делу.— Резолюция Н.Н.Накорякова на письме: «В июле,

с оплатой в июле и августе, можно принять один сборник без обязательств продолжать и в зависимости от конкретного представленного материала. Предложение интересно, и можно и нужно держать в орбите внимания. 18. V—25. Н.Накоряков» (Есенин 5 (1962), с. 377, с исправлением по подлиннику). Судя по дате этого заключения, комментируемое письмо поступило в Госиздат РСФСР почти через два месяца после того, как его подписал Есенин. Почему оно было передано по назначению не сразу,— неизвестно.

Осенью 1925 г. Есенин возвратился к мысли о выпуске периодического издания. На этот раз речь шла о журнале с широкой программой. Как вспоминал И.Грузинов, «для первого номера журнала предполагалось собрать следующий материал: статья Д.Кончаловского о современной живописи; репродукции с картин П.Кончаловского, А.Куприна, В.Новожилова; стихи Есенина, Грузинова, Наседкина» (Восп., 1, 379).

Всем этим издательским начинаниям Есенина не было суждено реализоваться.

212. *Г.А.Бениславской.* До 8 апреля 1925 г. (с. 208).— Хроника, 2, 181—182.

Печатается и датируется по первой публикации (с расстановкой знаков препинания). По свидетельству В.Г.Белоусова, ее источником был список, сделанный В.И.Вольпиным (Хроника, 2, 342). Местонахождение этого списка неизвестно.

Позвоните Бабелю, чтоб он заехал в Баку.— Весной и летом 1925 г. Бабель в Баку не приезжал.

213. *Г.А.Бениславской.* 8 апреля 1925 г. (с. 209).— Есенин 5 (1962), с. 204—205 (с неточностями и купюрой).

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ). Письмо написано на служебных бланках «Редактор газеты „Бакинский рабочий“».

Полностью публикуется впервые.

Не писал, потому что болен ∾ легкие в порядке, но горло с жабой...— Ответное письмо Бениславская написала только 4 мая, т.к. на Пасху была в Константинове: «Сергей дорогой, поберегите же Вы себя. У Вас плеврит, кровь, а Вы лечитесь?

И, вероятно, больным собираетесь в Персию.

С кем и как?

Узнайте сначала, не вредно ли Вам туда. Не делайте глупостей. Я тоже далеко от Вас, и мне Вас убедить еще труднее.

Но все же: если есть в этом мире что-нибудь дорогое Вам — ради этого поберегите, не мучайте себя. <...> Что у Вас? Мне Вы писали — жаба, а теперь я узнала — плеврит» (Письма, 279—280).

... присылайте немедленно 200.— В письме от 4 мая Бениславская сообщала: «Ну, а деньги Вам выслали сразу, как получили» (Письма, 280).

... я должен лететь в Тегеран.— Поездка в Персию не состоялась (см. пп. 179 и 180). Бениславская в ответ писала: «На днях Флеровский едет в Персию (через 2—3 дня), подождите его. Сергунь, родной, если решите ехать — подождите, поедете вместе с ним, ведь он к Вам очень хорошо <относится> и с ним интереснее будет» (Письма, 280).

Прошу Вас не относиться ко мне, как это было в Батуме...— Есенин имеет в виду свои безответные просьбы о высылке денег (см. пп. 200—204). Бениславская вспоминала, что в это время деньги за книгу ОРиР получали «по 20—30 руб. <...> и с долгами расплатиться <...> не удалось. А тут С.А., писавший сначала, что он на Кавказе обеспечен и что ему присылка не требуется, телеграмму за телеграммой: „Высылайте денег“» (Мате-

риалы, с. 39; подробнее о трудностях Есенина с деньгами в 1924—1925 гг.— Материалы, с. 36—40).

Я хочу проехать даже в Шираз ∾ *Там ведь родились все лучшие персидские лирики.*— Н.К.Вержбицкий вспоминал, что в Тифлисе у Есенина оказался в руках томик «Персидские лирики X—XV веков» в переводе академика Ф.Е.Корша и он «не хотел расставаться с ним. Что-то глубоко очаровало поэта в этих стихах. Он ходил по комнате и декламировал Омара Хайяма», читал и перечитывал Саади и Руми (Восп., 2, 221).

Позвоните Толстой, что я ее помню.— Судя по помете О.К.Толстой на листке перекидного календаря ее дочери 23 апр. 1925 г. («Звонили: <...> Галина Артур<овна>» — ГМТ), Бениславская попыталась выполнить эту просьбу Есенина. Однако С.А.Толстую она тогда в Москве не застала — та была в Ясной Поляне.

У меня ведь была сестра (умершая) Ольга...— Речь идет о сестре Есенина Ольге, которая умерла в возрасте трех лет (сведения С.П.Есениной по воспоминаниям А.А.Есениной).

...лучше их в 1000 раз...— Эти слова Есенина продиктованы «кровным» чувством, большой любовью и заботой прежде всего о старшей из сестер. Г.А.Бениславская вспоминала по этому поводу: «В марте 1925 г. С.А. приехал с Кавказа и, заметив, что Катя небрежно учится, испугался, что ничего из нее не выйдет. Стал резко и грубо ей говорить: „Ты как думаешь, не пора ли на свои хлеба? А? Я тебе больше денег не стану давать. До осени живи, а там, пожалуйста, сами заботьтесь. Шурку я шесть лет буду учить и кормить, а тебе пора уж самой думать“.

К Кате у С.А. была какая-то болезненная, тревожная любовь. Он знал, что они во многом похожи друг на друга, как близнецы, что воспринимают и чувствуют почти одинаково. Знал свои ошибки и страшно боялся повторения их Катей. Кроме того, он не раз говорил, что он имел право на многое, потому что знал себе цену, а ей этого

нельзя. На мои утверждения (я тогда очень верила „в Катю“, в ее одаренность и ум), что Катя умная, не раз говорил: „Нет, хитрая она. Всё в ней — хитрость, а не ум. Я не такой — я все-таки хороший, а она всё хитрит, хитрит“. Разговорами о деньгах он хотел заставить ее задуматься о будущем и испытать ее гордость. Однажды после такого разговора с Катей, повторявшегося последние месяцы изо дня в день, он сказал мне: „Нет, нет, она не такая, как я, как вы, как Шурка. Она — паразит“» (Материалы, с. 78—79).

Разговор будет после внимания...— Намек на решение расстаться с Бениславской. Связано с инцидентом, происшедшим во время приезда Есенина в Москву в марте 1925 г. (см. коммент. к п. 209). В ответ на это письмо Бениславская просила: «Напишите, неужели Вы не понимаете, как тяжело ничего не знать, что с Вами? или это нарочно? За что? Ничего за собой не чувствую.

Ну, целую Вас. Всегда Ваша и всегда люблю Вас. Галя.

4/V-25.

Моя просьба к Вам: не говорите ни с кем обо мне — ни хорошего, ни плохого, никак не говорите.

Я-то сама знаю всё, но чтобы не приходилось с дураками разговаривать, отмахиваться от них. И потом это для Вас же не надо.

А мне просто — чтоб мусору не было.

Есть ли я, или нет меня, и какая я — Вы это знаете, а остальным не надо. Хорошо?» (Письма, 280).

214. *Н.К.Вержбицкому и С.Н.Вержбицкой*. До 12 апреля 1925 г. (с. 210).— Есенин 6 (1980), с. 153, с неверной датой («До 13 сентября 1924 г.»).

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ). К этой копии приложена следующая пояснительная записка Г.Назарова: «Список письма Есенина к Вержбицкому Николаю Константиновичу, адресованное

<в> гор. Тбилиси, подлинное было передано Николаю Стору, журналисту „Заря Востока“, который вместо подлинника вернул копию. 11. XI—56. Назаров» (ГЛМ). Местонахождение автографа ныне неизвестно.

Датируется по содержанию: в тексте упоминается Баку — город, где тогда находился Есенин,— и число месяца (13). Сам месяц и год определяются по сопоставлению фразы: «С Галей и сестрой у меня большой разлад...» — с содержанием пп. 213 и 215 (см. реальный коммент.). Первая адекватная датировка — Есенин 3 (1983), с. 317.

...думаю, что Колина гитара не забыла меня...— В воспоминаниях Вержбицкого говорится: «Если я играл на гитаре и пел старинные русские романсы, Есенин всегда внимательно слушал, а когда я останавливался, просил:

— Еще! Еще что-нибудь!» (Вержбицкий, с. 89).

Впрочем, поскольку ниже в письме упомянут «котенок Жоржик», не исключено, что гитара адресата возникла здесь как своего рода отзвук следующих слов из письма Г.Назарова Есенину от 19 дек. 1924 г.: «Гитара плачит, завёт тебе, мы все плачим без тибя» (Письма, 267; орфография оригинала сохранена).

...две кобуры...— Эти атрибуты жилища Вержбицких также связаны с «котенком Жоржиком». В 1924 г., в первый день по переезде Есенина из тифлисской гостиницы на квартиру своего друга, пришедший туда Г.Назаров был, по его словам, встречен следующим образом: «Дядя Сережа направил на меня две пустых револьверных кобуры и крикнул мне: „Руки вверх“. Я испугался и побежал домой. Когда я услышал позади себя хохот, я понял, что это была шутка... Вот так и произошло наше первое знакомство» (ГЛМ; цит. по: Есенин 6 (1980), с. 338).

...«на свете рыцарь бедный»...— Слова из песни Франца, героя «Сцен из рыцарских времен» А.С.Пушкина (1835; Пушкин 1917, стб. 1109).

С Галей и сестрой у меня большой разлад...— 8 апр. 1925 г. Есенин писал Бениславской: «Прошу Вас не относиться ко мне, как это было в Батуме, а Катьку (пошлите к <...> матери). Вырастет большая, поймет. <...> Галя, больше я Вам не напишу. Разговор будет после внимания...» (п. 213). 22 апр. в телеграмме сестре и Г.Бениславской поэт потребовал задержать издание книги «Рябиновый костер», добавив: «Если сглупите, выгоню» (п. 215). По возвращении Есенина в Москву (конец мая 1925 г.) разлад, о котором он здесь пишет, углубился, и летом он ушел от Бениславской.

...не знаю ни 000.— Эти три нуля, по-видимому, возникли здесь лишь при копировании автографа письма, заменив собой трехбуквенное обсценное слово.

... ты, Коля, собираешься в Персию? ∾ черкни (Баку).— Ни об этой поездке, ни об ответном письме Вержбицкого Есенину апр.-мая 1925 г. сведений не выявлено.

К 13 с<его> *м*<есяца> *я думаю приехать дня на 2 в Тифлис.*— Это намерение не осуществилось.

215. *Г.А.Бениславской и Е.А.Есениной.* 22 апреля 1925 г. (с. 211).— Хроника, 2, 183.

Печатается по первой публикации (с расстановкой знаков препинания, частично указанных там словами «точка» или «двоеточие»). Источником текста был список, сделанный В.И.Вольпиным с подлинника телеграммы (Хроника, 2, 183). Ни подлинник, ни список В.И.Вольпина с него ныне неизвестны.

Датируется по помете в указанном списке: «... из Баку от 22/IV 1925 г. № 4296/Б» (Хроника, 2, 183).

Задержите книгу.— 4 мая 1925 г. Бениславская писала Есенину: «Скоро выйдет книжка с Персидскими мотивами — под названием „Рябиновый костер“. Уж не о ней ли Вы телеграфировали, чтобы задержать и пр.?

Как же Вам не стыдно — разве можно давать такие телеграммы?

При всем старании из нее ничего нельзя понять. Так и не понимаю до сих пор. Поясните — зачем задержать? И что „как вы говорили“? <...>

Книгу „Рябиновый костер“ всю посвятить Чагину? Верно? А зачем ее задерживать? Хотите до осени оставить? Жду ответа на все вопросы» (Письма, 280, 281).

216. *Е.А.Есениной.* 26 апреля 1925 г. (с. 211).— Хроника, 2, 184.

Печатается по подлиннику телеграммы (ГЛМ).

Датируется по отметке на телеграфном бланке.

Болен...— В телеграмме Бениславской от 5 мая (см. п. 218) Есенин просил: «Найдите лучшего врача по чахотке». Вскоре поэт был помещен в больницу водников с подозрением на туберкулез легких. А 11—12 мая писал Бениславской: «Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. <...> Только катар правого легкого» (с. 212 наст. тома).

...денег денег.— Эта просьба была выполнена (см. коммент. к п. 213).

217. *Г.А.Бениславской.* Конец апреля — начало мая 1925 г. (с. 211).— Хроника, 2, 184.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ). Письмо не полное: известна лишь пятая страница по есенинской пагинации — «5», написанная на служебном бланке «Редактор газеты „Бакинский рабочий“».

Датируется по содержанию, особенно по сохранившемуся концу фразы: «...поместить двустишиями». Речь идет о публикации стихотворения «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки...»), созданного в Баку 19 апр. 1925 г. (об этой дате см. наст. изд., т. 1, с. 625) и впервые опубликованного в Бак. раб. 17 мая 1925 г.

«Есенин,— вспоминал И.В.Евдокимов,— с необычайной силой пел это трагическое стихотворение,— между

прочим, на своей свадьбе с С.А.Толстой в июле 1925 г.» (Собр. ст., 4, 364). По свидетельству С.А.Толстой-Есениной, «„Песня“была, пожалуй, самым любимым его стихотворением. Он часто и охотно читал его, вернее, пел, потому что положил стихотворение на мотив, похожий на один из популярных кавказских мотивов» (Коммент. ГЛМ; подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 624—626).

Позвоните Толстой, пусть напишет.— О попытке Бениславской выполнить эту просьбу см. коммент. к п. 213.

218. *Г.А.Бениславской.* 5 мая 1925 г. (с. 212).— Хроника, 2, 187.

Печатается по подлиннику телеграммы (ГЛМ).

Датируется по числу «5» на телеграфном бланке (подробнее см.: Хроника, 2, 347).

Буду дней чрез десять.— Есенин вернулся в Москву лишь 28 мая (см. п. 222 и коммент. к нему).

219. *Г.А.Бениславской.* 11—12 мая 1925 г. (с. 212).— Прокушев-55, с. 331, 335 (в извлечениях, с ошибочным указанием года: «1924»). Полностью — Есенин 5 (1962), с. 205—207.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Лежу в больнице.— Тогда Есенин с подозрением на туберкулез легких лежал в одной из бакинских больниц. Об этой болезни и о своем тяжелом душевном состоянии он рассказывал, вернувшись в Москву. Один из таких разговоров записал В.С.Чернявский: «Его вид, его страшная, уже не только похмельная осиплость заставили меня привязаться к нему с разговором о здоровье. Он стал рассказывать о тяжелой простуде, схваченной на Кавказе <...> „Нехорошо было, Володя, лежал долго, харкал кровью. Думал, что уже больше не встану, совсем умирать собрался. И стихи писал предсмертные, вот прочту тебе, слушай“. <...> Читал он тихо, перегнувшись ко мне через

столик, очень хорошо и очень печально» (Восп., 1, 233—234).

Пишу большую вещь.— О какой вещи идет речь, неясно.

С книгами делайте, как угодно ∾ что Вы спрашиваете! — 4 мая 1925 г. Бениславская писала: «Напишите, кстати, посылать ли книги (разве в Баку их нет?) и какие: переводную литературу, нашу ли за последнее время, стихи, прозу?» (Письма, 280).

Книжку «Ряб<иновый> *кост*<ер>» *посвятите ∾ Чагину».*— Это ответ на вопросы Бениславской в письме от 4 мая 1925 г. (см. коммент. к п. 215). Книга, о которой идет речь, вышла в мае (сменив заглавие на Перс. мот.) Посвящение воспроизведено точно и, как просил Есенин, помещено ко всей книге.

«Аким языкоком».— Слова из несохранившейся телеграммы Г.А.Бениславской, отправленной Есенину в начале мая 1925 г. Фраза из этой телеграммы «Аким языкоком вы говороком» запомнилась А.А.Есениной. В курьезных случаях и она, и Г.А.Бениславская использовали ее; см., напр., в их письме к В.И.Эрлиху от 16 февр. 1926 г.: «Вот поймите и скажите, Аким языкоком Вас ругать» (Письма, 396).

Ежели Кольцов выпускает книгу, то на обложку дайте портрет ∾ Лицо склоненное. — Речь идет о книге И25 (изд-во «Огонек»). Главным редактором журнала «Огонек» и одним из руководителей одноименного издательства был в то время М.Е.Кольцов. На первой странице обложки И25 фото С.Есенина 1919 г. работы Н.И.Свищова-Паолы. Есенин же писал здесь об одной из своих (совместных с А.Дункан) зарубежных фотографий.

... я скоро приеду в Москву, чтоб съездить в Ленинград, а потом в деревню.— О времени возвращения поэта в Москву см. п. 222 и коммент. к нему. В начале июня он на несколько дней уехал в Константиново (подробнее см.

Материалы, с. 82—85). Поездка в Ленинград летом 1925 г. не состоялась.

... книг не надо. Всё есть у Чагина.— Сохранилась записка Чагина: «Т. Хесин или т. Козлов, отпустите последние новинки т. Есенину в *кредит*. Чагин» (Письма, 349; выделено автором).

... что пишет обо мне Дункан за границей.— Далее следует пересказ статьи И.А.Аксенова «Автобиографические опыты Айседоры Дункан»: «А.Дункан оповестила французскую и немецкую желтую прессу о новом этапе в карьере этого поэта <Есенина>: „Сергей,— сообщила она,— теперь на Кавказе занимается бандитизмом. Он пишет поэму о бандитах и, для лучшего изучения вопроса, стал во главе шайки разбойников. Он пишет, что пока все идет хорошо“» (журн. «Жизнь искусства», М., 1925, № 11, 17 марта, с. 12).

... передайте Собрание Богомильскому ∾ Ионову на зуб не хочу попадать.— Предложение передать собрание стихотворений, подготовка которого велась с 1924 г., не в Госиздат, а в издательство «Круг» (заведующий Д.К.Богомильский). Позже, 30 июня 1925 г., Есенин все же заключил договор о выпуске Собр. ст. с Госиздатом, и необходимость в передаче собрания Богомильскому отпала.

... в «Звезде» — «Песнь»...— Поэма «Песнь о великом походе» опубликована в № 5 «Звезды» за 1924 г., вышедшем не ранее нояб. (подробнее см. ВЛ, 1977, № 6, и наст. изд., т. 3, с. 582).

Два новых персид<ских> *стих*<отворения>...— Речь идет о стихотворениях «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото холодное луны...», которые Есенин просит поставить перед сданными «дома», т. е. во время его пребывания в Москве в марте 1925 г. (см. наст. изд., т. 1, с. 654).

Я твоих...— см. варианты к стихотворению «Голубая родина Фирдуси..» (наст. изд., т. 1, с. 373).

Предписано ехать в Абас-Туман.— Горноклиматический курорт в Грузии для лечения легочных и нервных заболеваний. Поездка Есенина не состоялась.

После выправки жизнь меняю.— Ср. с п. 192 и коммент. к нему.

220. *Г.А.Бениславской.* 12 мая 1925 г. (с. 214).— Хроника, 2, 188.

Печатается по фотокопии автографа (ИМЛИ).

Муран — мой бакинский друг.— См. упоминание К.М.Мурана в п. 189, а также Письма, 253.

Я еду в Абас-Туман.— См. коммент. к п. 219.

221. *В.И.Качалову.* 15 мая 1925 г. (с. 215).— Есенин 5 (1962), с. 208.

Печатается по автографу, исполненному на бланке «Редакция газеты „Бакинский рабочий“» (ИМЛИ).

Написано в больнице водников, в первый день начала гастролей труппы Московского Художественного театра в Баку (они продолжались 6 дней — с 15 по 20 мая 1925 г.).

Здесь и напечатал, кроме «Красной нови», стих<отворение> *«Джиму».*— Имеется в виду стихотворение «Собаке Качалова» («Дай, Джим, на счастье лапу мне...»), опубликованное в Бак. раб. 7 апр. 1925 г., № 77. Вероятно, предполагалась публикация стихотворения и в Кр. нови, но при жизни поэта она не состоялась. Стихотворение было напечатано посмертно во втором номере журнала за 1926 г.

О том, как создавалось стихотворение, В.И.Качалов вспоминал: «„Приведем к вам сегодня Есенина“,— объявили мне как-то Пильняк и Ключарев. Это было, помоему, в марте 1925 года. „Он давно знает вас по театру и хочет познакомиться“. <...> Часам к двенадцати ночи я отыграл спектакль, прихожу домой. Небольшая компания моих друзей и Есенин уже сидят у меня. Поднимаюсь по

лестнице и слышу радостный лай Джима, той самой собаки, которой потом Есенин посвятил стихи. Тогда Джиму было всего четыре месяца. Я вошел и увидал Есенина и Джима — они уже познакомились и сидели на диване, вплотную прижавшись друг к другу. Есенин одною рукой обнял Джима за шею, а в другой держал его лапу и хриплым баском приговаривал: „Что это за лапа, я сроду не видал такой“. Джим радостно взвизгивал, стремительно высовывал голову из-под мышки Есенина и лизал его лицо. Есенин встал и с трудом старался освободиться от Джима, но тот продолжал на него скакать и еще несколько раз лизнул его в нос. „Да постой же, может быть, я не хочу больше с тобой целоваться. Что же ты, как пьяный, все время лезешь целоваться!“ — бормотал Есенин с широко расплывшейся детски-лукавой улыбкой. Сразу запомнилась мне эта его детски-лукавая, как будто даже с хитрецой улыбка. <...>

Сидели долго. Пили. О чем-то спорили, галдели, шумели. Есенин пил немного, меньше других, совсем не был пьян, но и не скучал <...>

Джиму уже хотелось спать, он громко и нервно зевал, но, очевидно, из любопытства присутствовал, и, когда Есенин читал стихи, Джим внимательно смотрел ему в рот. Перед уходом Есенин снова долго жал ему лапу: „Ах ты, черт, трудно с тобой расстаться. Я ему сегодня же напишу стихи. Приду домой и напишу“. <...>

Прихожу как-то домой — вскоре после моего первого знакомства с Есениным. Мои домашние рассказывают, что без меня заходили трое: Есенин, Пильняк и еще кто-то, Тихонов, кажется. У Есенина на голове был цилиндр, и он объяснил, что надел цилиндр для парада, что он пришел к Джиму с визитом и со специально ему написанными стихами, но так как акт вручения стихов Джиму требует присутствия хозяина, то он придет в другой раз. И все трое молча ушли. <...> Но вот сижу в Баку на

вышке ресторана „Новой Европы“. <...> Приходит молодая миловидная смуглая девушка и спрашивает:

— Вы Качалов?

— Качалов,— отвечаю.

— Один приехали?

— Нет, с театром.

— А больше никого не привезли?

Недоумеваю. <...>

— А Джима нет с вами? — почти вскрикнула.

— Нет,— говорю,— Джим в Москве остался.

— А-яй, как будет убит Есенин, он здесь в больнице уже две недели, все бредит Джимом и говорит докторам: „Вы не знаете, что это за собака. Если Качалов привезет Джима сюда, я буду моментально здоров. Пожму ему лапу и буду здоров, буду с ним купаться в море“.

Девушка отошла от меня огорченная.

— Ну что ж, как-нибудь подготовлю Есенина, чтобы не рассчитывал на Джима.

<...> конец декабря в Москве. Есенин в Ленинграде. Сидим в „Кружке“. Часа в два ночи вдруг почему-то обращаюсь к Мариенгофу:

— Расскажи, что и как Сергей.

— Хорошо, молодцом, поправился <...>. Был у него неделю назад, навещал его в санатории, просил тебе кланяться. И Джиму — обязательно» (Восп., 2, 251—256).

В воскресенье выйду из больницы (болен легкими).— Воскресенье приходилось на 17 мая 1925 г. Есенин перенес простудное заболевание (см. п. 219).

Очень хотелось бы увидеть Вас... — Встреча состоялась в театре 20 мая 1925 г. В этот день шел спектакль «Царь Федор Иоаннович» А.К.Толстого. Как вспоминал позже Качалов, Есенин прислал ему через театрального сторожа записку, и артист привел гостя за кулисы в гримерную (записка Есенина не найдена). Здесь Качалов познакомил Есенина с К.С.Станиславским.

В июне 1925 г. из Харькова Качалов писал жене: «В Баку возился с Есениным, укрощал его. Его как раз выпустили из больницы ко дню нашего приезда очень похудевшим, без голоса... В общем, он очень милый малый, с очень нежной душой. Хулиганство у него напускное,— от молодости, от талантливости, от всякой „игры“» (Письма, 349).

Об отношении Качалова к Есенину многое говорит тот факт, что в концертном репертуаре артиста было более десяти стихотворений поэта. В свою очередь и Есенин высоко ценил талант Качалова. Любопытен эпизод, описанный в книге В.Эрлиха «Право на песнь»: «Мы стоим на Тверской. Перед нами горой возвышается величественный, весь в чесуче Качалов. Есенин держится скромно, почти робко. Когда мы расходимся, он говорит:

— Ты знаешь, я перед ним чувствую себя школьником! Ей-богу! А почему, понять не могу! Не в возрасте же дело!» (Восп., 2, 341).

222. *Г.А.Бениславской.* 25 мая 1925 г. (с. 215).— ЛР, 1975, 3 окт., № 40, с. 7 (в статье В.А.Вдовина «Признание: Новые штрихи к биографии С.Есенина», с ошибочной датой).

Печатается по автографу — черновику телеграммы (РГАЛИ, ф. П.И.Чагина).

Датируется по содержанию и воспоминаниям В.И.Болдовкина, который переписал текст этого автографа Есенина на телеграфный бланк и отправил в тот день телеграмму перед отходом поезда (см. статью Я.Садовского «Рядом с Есениным» — газ. «Советская культура», 1978, 10 окт., № 41, с. 8). Первая адекватная датировка — Есенин 6 (1980), с. 188.

Четверг будем... — Четверг приходился на 28 мая 1925 г. Именно в этот день Есенин вернулся в Москву.

...Чагиным братом... — Т. е. В.И.Болдовкиным.

223. *Е.А.Есениной.* 16 июня 1925 г. (с. 216).— Есенин 5 (1962), с. 208.

Печатается по автографу (РГБ).

Я женюсь на Толстой... — Знакомство Есенина с С.А.Толстой состоялось 10 марта 1925 г. (см. об этом в коммент. к п. 207). Их брак был официально зарегистрирован 18 сент.

...уезжаю с ней в Крым.— Поездка в Крым не состоялась, но 25 июля 1925 г. Есенин и С.А.Толстая выехали в Баку и прожили на даче П.И.Чагина в Мардакянах до 3 сент.

Собрание я продал.— 17 июня 1925 г., после предварительной договоренности, Есенин написал заявление в Литературный отдел Госиздата: «Предлагаю литературному отделу издать собрание моих стихотворений в количестве 10 000 строк...» (см. наст. изд., т. 7, кн. 2). Договор был подписан 30 июня. Собрание вышло в свет в 1926—1927 гг. в четырех томах. Три первые тома составил сам поэт, а четвертый том был подготовлен И.В.Евдокимовым при участии С.А.Толстой-Есениной.

Продал еще 2 книги...— Договор на книгу «Рябиновый костер», заключенный 20 июня 1925 г., был аннулирован в связи с заключением договора на Собр. ст. Вторая книга — Перс. мот.— вышла в издательстве «Современная Россия» в мае 1925 г. (см. Юсов-94, с. 53).

...деду.— Ф.А.Титову.

224. *П.В.Чихачеву.* Июнь-июль 1925 г. (с. 216).— Журн. «Дон», Ростов-на-Дону, 1958, № 3, с. 162, в очерке П.Чихачева «Московские встречи».

Печатается по журнальному тексту. Местонахождение автографа неизвестно.

Датируется в соответствии с указанием адресата.

Автор этого очерка, впоследствии выпустивший несколько поэтических сборников, в 1925 г. был студентом

Высшего литературно-художественного института имени В.Я.Брюсова.

Публикуя записку Есенина, Чихачев пояснил: «Летом 1925 года <...> мы с Есениным ехали в поезде в Люберцы, где я жил вместе с матерью, бывшей литейщицей <...>. От тяжелой работы и переживаний у нее к сорока годам отнялись ноги, и она могла передвигаться только по комнате. <...>

Увидев мою мать впервые, он расцеловал ее, и потом, когда мы пошли гулять в городской сад <...>, он говорил мне:

— Почему ты не отправишь маму в хорошую больницу? Не можешь устроить? Хочешь, я тебе помогу?

<...> Как-то секретарь московского месткома писателей Иван Михайлович Новокшонов передал мне коротенькую записку. В ней было написано <следует текст>. Проникнутый благодарностью, я в тот же день поместил мать в больницу, где ее встретили с большим почетом и уважением» (журн. «Дон», Ростов-на-Дону, 1958, № 3, с. 161—162).

После гибели Есенина Чихачев написал и опубликовал стихотворение его памяти («Плыл месяц ласковый, качаясь...» — журн. «Октябрь», М., 1926, № 1, янв., с. 84).

225. *В.П.Козлову*. Вторая половина 1925 г. (с. 216).— ЛР, 1980, № 40, 3 окт., с. 20, в тексте воспоминаний адресата «Встречи с Сергеем Есениным» (предисл. и публ. В.Вдовина).

Печатается по машинописи очерка В.Козлова «Три встречи», имеющей дату: «20 марта 1926 г.» (ИМЛИ). По свидетельству адресата, автограф утрачен: «Долго хранил я записку Есенина, но, видимо, она пропала в период войны, как и другие мои рукописные материалы» (ЛР, 1980, № 40, 3 окт.).

Датируется временем общения Есенина с адресатом.

Свидетелем этого была С.А.Толстая-Есенина. Позднее она вспоминала, что во время их совместной жизни с Есениным бывал у них дома «некто Козлов, смазливый, развязный малый, рабфаковец, писал ужасные стихи. К. задавал вопросы вроде того, как С. относится к своей „Руси советской“ и др<угим> такого рода вещам и будет ли он продолжать эту линию. С. отвечал вежливо, смущенно и уклончиво, что, конечно, он от этих вещей не отказывается, а чтó там, видно будет. Большинство такого рода „интервью“ проходили так. К. процитировал 2 строчки из <*пропуск в рукописи*> и указал, что здесь неправильное построение, что так по-русски сказать нельзя. С. очень вежливо „посадил“ его. И после ухода К. он очень радовался и смеялся тому, как он его уничтожил. Вот у этого К. тоже было стихотворение, посвященное Е., кот<орое> вызывало всегда и у Е., и у нас всех громкий хохот. Я редко видела, чтобы Е. над чем-нибудь так смеялся, как над этими стихами. Долгое время у нас было привычкой занимать гостей стихами К. Если Е. хотел повеселиться — он сейчас же просил достать тетрадь К. и принимался читать вслух и смеялся изо всех сил» (ГМТ).

Некоторые собственные стихотворения Козлов процитировал в своих «Трех встречах», но стихов, посвященных Есенину, в тексте очерка не приведено. Тетрадь со стихами Козлова, о которой пишет С.А.Толстая-Есенина, ныне неизвестна.

4-91-53.— Домашний телефон семьи Есениных, живших тогда по адресу: Остоженка, Померанцев пер., д. 3, кв. 8.

226. *М.Горькому.* 3 июля 1925 г. (с. 217).— Прокушев-55, с. 340, с необозначенными пропусками. Полностью — журн. «Новый мир», М., 1959, № 12, дек., с. 272, в статье С.Масчан «Из архива С.Есенина» (с неточностями).

Печатается по автографу (ГЛМ).

15 июня 1926 г. С.А.Толстая-Есенина писала М.Горькому в Сорренто (Италия): «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович, посылаю Вам копию письма моего мужа к Вам.

Оригинал хранится у меня. Копию я сняла точную, соблюдая его орфографию. Если Вы захотите, я с верным случаем перешлю Вам оригинал.

Вы видите, что письмо было написано еще летом. Отправка его была связана с отправкой Вам книг. Вот все это — о судьбе книг и письма,— я должна и хочу рассказать Вам.

В июне прошлого года Д.К.Богомильский передал Сергею, что Вы спрашиваете о нем и хотите иметь его книги. Его это *очень* обрадовало и взволновало. Он сейчас же написал Вам письмо и стал собирать для Вас свои книги. У самого у него никогда их не было. В магазинах почти все было распродано, надо было разыскивать, а посылать только часть — не хотелось. Одну книжку — „Персидские мотивы“ — он надписал Вам. Но после его смерти я не могла найти ее, чтобы послать Вам. Если найду, то сейчас же вышлю Вам.

Так затянулась отправка письма и книг. Мы вскоре уехали на Кавказ. А когда вернулись, то Сергей несколько раз говорил, что не стоит теперь посылать эти книжки, а лучше дождаться выхода полного собрания в Госиздате. Эти книги вышли в Госиздате уже после его смерти.

Исполняя его волю, я послала Вам I и II том (через Екатерину Павловну) и по выходе III и IV пришлю и их.

И еще мне хотелось сказать Вам, что почти ни о ком и никогда Сергей не отзывался с таким огромным уваженьем и любовью, как о Вас. Он очень, очень часто вспоминал Вас...» (Письма, 416—417; выделено автором).

«Дорогому Алексею Максимовичу от любящего Есенина, 1922, май 17. Берлин»,— написал Есенин на отдельном издании своей поэмы «Пугачев» («Имажинис-

ты», 1922). Известна также дарственная надпись Есенина М.Горькому на P_{16} (Юсов-96, с. 68).

Помню Вас с последнего раза в Берлине.— Первая встреча Есенина с М.Горьким произошла осенью 1915 г. в Петрограде, последняя — 17 мая 1922 г. в Берлине. О своих встречах с поэтом М.Горький рассказал в очерке «Сергей Есенин», написанном в 1926 г. по просьбе С.А.Толстой-Есениной для сборника воспоминаний.

В 1926 г. Есенин намеревался побывать у М.Горького в Сорренто. «А по весне, пожалуй, следует съездить за границу к М.Горькому»,— говорил он В.Наседкину в дек. 1925 г. (Материалы, с. 240). То же подтверждала и С.А.Толстая-Есенина в письме М.Горькому от 15 июня 1925 г.: «Еще забыла Вам написать, что Сережа собирался за границу и во всех разговорах о загранице он непременно говорил о том, что поедет к Вам» (Письма, 417).

Я всё читал, что Вы присылали Воронскому.— А.К.Воронский в то время был редактором Кр. нови и Прож., где печатались произведения М.Горького. В 1923—1924 гг. в этих изданиях были опубликованы многие горьковские произведения: повесть «Мои университеты», рассказ «О вреде философии», автобиографические очерки и заметки: «Время Короленко», «Городок», «Пожары», «Н.А.Бугров», «Пастух», «А.Н.Шмидт», «Заметки из дневника», «Дора».

В свою очередь, и М.Горький с большим интересом следил за творчеством Есенина. Так, в письме в издательство «Круг» (август 1925 г.) он, благодаря за присланные книги, просил прислать еще стихи Есенина (см. «Летопись жизни и творчества А.М.Горького», М., 1959, т. 3, с. 417).

... очень дорого.— Средствами письма воспроизведено горьковское «оканье».

И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой по Ясной Поляне.— С.А.Толстая-Есенина, родившаяся в 1900 г., была внучкой Л.Н.Толстого.

М.Горький посетил Ясную Поляну в окт. 1900 г. и 6 окт. 1902 г. (см. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого (1891—1910). М., 1960, с. 360, 430).

О взаимоотношениях М.Горького и С.Есенина см.: Эвентов И.С. Есенин в оценке М.Горького.— Сб. «Есенин и русская поэзия». Л., 1967, с. 84—109; Земсков В. Встречи М.Горького и С.Есенина.— Горьковские чтения. Вып. 10. М., 1968, с. 210—223; Вайнберг И.И. А.М.Горький и Сергей Есенин.— ВЛ, 1985, № 9, сент., с. 66—88; Примочкина Н. «...Это... драма человека деревни...»: М.Горький о Есенине.— Столетие Есенина, с. 264—274.

227. *П.И.Чагину*. 6 июля 1925 г. (с. 217).— ЛР, 1975, 3 окт., № 40, с. 7, в статье В.А.Вдовина «Признание: Новые штрихи к биографии С.Есенина».

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Вязну в хлопотах...— Главные хлопоты Есенина в это время: подготовка к сдаче в Госиздат рукописи Собр. ст. Были и другие заботы.

«— Евдокимыч,— обращался Есенин в те дни к редактору Госиздата И.В.Евдокимову,— я насчет моего „Собрания". Мы с тобой говорили в прошлый раз. У меня, понимаешь, свадьба, я женюсь. Вместе со мной в один день сестра выходит замуж за Наседкина. Нельзя ли мне сразу получить тысячи две денег. Только надо скоро» (Восп.-95, с. 465).

...не дождусь того дня, когда снова предстану у врат Бакраба.— То есть редакции газеты Бак. раб. Есенин и С.А.Толстая-Есенина выехали в Баку 25 и прибыли туда 28 июля 1925 г.

Привет всей твоей и моей семье.— П.И.Чагин вспоминал: «Подружились мы с Есениным с первой же встречи. Он очень обрадовался, когда узнал, что мы с ним

вроде как земляки: дед мой по отцу был из Зарайска, а дядья — ряжские. В моей семье к нему относились как к родному. А уж дочь в нем души не чаяла. Тогда шесть лет ей было, так он встанет на четвереньки, а она сядет на него верхом — и поехали! Хохочут оба, заливаются. Поворчишь на нее за какую-нибудь шалость, а он заступается: „Не надо мою девочку обижать!“» (Кошечкин С.— Из записи беседы с П.И.Чагиным 21 мая 1958 г., г. Рязань).

Обними отца и Петэ. — Отец — И.И.Болдовкин. Петэ — так в домашнем кругу называли брата П.И.Чагина В.И.Болдовкина.

Соня. — «Приезжайте в Баку!» — приглашал Есенина и С.А.Толстую Чагин в письме от 4 июля 1925 г. (Письма, 350).

228. *С.А.Толстой-Есениной.* 7 (?) июля 1925 г. (с. 218).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 164 (публ. Г.Маквея).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется предположительно с учетом смысловой и ситуационной переклички текста записки и пометы С.А.Толстой-Есениной на листке ее перекидного календаря 7 июля 1925 г.: «Ссора на улице. Я — домой. Он — к Ан<не> Абрамовне. Он возвратился с Алей <А.М.Сухотиным> и Эрл<ихом> веч<ером>» (ГМТ, ф. С.А.Толстой-Есениной; с неточностями — журн. «Наше наследие», 1995, № 34, с. 62).

Я в Гизе... — т.е. в Государственном издательстве РСФСР, где А.А.Берзинь служила редактором сектора крестьянской литературы.

229. С.А.Толстой-Есениной. 15 июля 1925 г. (с. 218).— Хроника, 2, 352.

Печатается по подлиннику телеграммы (ГЛМ).

Датируется по телеграфному бланку.

...скоро увижу...— Есенин вернулся в Москву из Константинова 16 июля. В этот день С.А.Толстая-Есенина пометила на листке своего перекидного календаря: «Приехал Серг<ей>» (ГМТ; журн. «Наше наследие», М., 1995, № 34, с. 62).

230. *А.А.Берзинь.* До 25 июля 1925 г. (с. 218).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 22 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется по содержанию.

...чтоб она взяла деньги из «Красная новь».— В № 5 Кр. нови за 1925 г. были опубликованы стихотворения «Песня», «Золото холодное луны...», «Заря окликает другую...», «Ну, целуй меня, целуй...», а в № 6 — стихотворение «Синий май. Заревая теплынь...»

Она получила деньги, купила себе платье, ночью ей еще шила портниха...— Схожую историю, связанную с получением денег в журн. «Октябрь», рассказывала в «Воспоминаниях о Есенине» Г.А.Бениславская: «Однажды он послал Катю в Госиздат за деньгами к Анне Абрамовне. Она получила больше, чем предполагал С. А. На радостях накупила пудры „коти", одеколон и пр. <...> С. А. спросил, сколько она получила. Узнав, что больше предполагавшейся суммы, задумался, потом вдруг обозлился и поднял крик, чуть не выкинул все купленное, отчаянно ругал Катю за то, что она его продает и предает» (Материалы, с. 67).

Позвоните Марку...— М.Н.Мейчику.

231. *Н.К.Вержбицкому.* До 25 июля 1925 г. (с. 219).— Вержбицкий, с. 74, в извлечениях; полностью — Есенин 5 (1962), с. 209—210, где опубликовано по автографу (см.: Есенин 5 (1962), с. 381).

Печатается по этому изданию. Местонахождение автографа ныне неизвестно.

Датируется по содержанию с учетом времени отъезда Есенина с С.А.Толстой на Кавказ.

Все, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. ∾ Семейная жизнь не клеится... — Перед отъездом на Кавказ Есенин устроил «мальчишник». «Невеселым был „свадебный пир" у Сергея Есенина! — вспоминал С.Б.Борисов. — И вина было вдосталь, и компания собралась сравнительно дружная, все знакомые друг другу. А потому, что у многих было какое-то настороженное состояние, любили все Сергея (я что-то вообще не встречал врагов Есенина, завистников — да, пакостников по глупости своей — тоже, но врагами их счесть нельзя было), и поэтому у всех:

Залегла забота в сердце мглистом.

Сергея оберегали — не давали ему напиваться... Вместо вина наливали в стакан воду. Сергей чокался, пил, отчаянно морщился и закусывал — была у него такая черта наивного, бескорыстного притворства... Но веселым в тот вечер Сергей не был» (Материалы, с. 147).

... хочется к тебе, в твою тихую обитель на Ходжорской, к друзьям.— Вержбицкий проживал в Тифлисе, где снимал квартиру в доме № 15 по Коджорской (так правильно!) улице. «Здесь поэт и поселился <в окт. 1924 г.> — подальше от соблазнов, от шумных гостей, от городской сутолоки,— вспоминал Вержбицкий.— Коджорская улица круто изгибалась по склону горы. Сверху к ней сбегали узкие тропки, а еще выше вилось и петляло среди скал шоссе, по которому ездили в дачную местность Коджори.

С Коджорского шоссе открывался вид на весь город, расположившийся в длинном, широком, со всех сторон закрытом горами ущелье, по дну которого змеилась Кура» (Восп., 2, 211).

Когда приеду, напишу поэму о беспризорнике ∾ на эту тему.— «В газете появилась заметка о том, что в Тифлисе открылся коллектор для беспризорных, откуда их

будут направлять в детские дома и колонии,— вспоминал Вержбицкий.— Есенин захотел во что бы то ни стало посетить это учреждение. <...>

Когда мы пришли в коллектор <в нояб. 1924 г.>, Есенин смело распахнул двери и быстрым шагом вошел в довольно грязное и неуютное помещение. <...>

Есенин начал с того, что очень правдиво рассказал, как он сам был беспризорником, голодал, холодал, но потом нашел в себе силы расстаться с бродяжничеством, подыскал работу, выучился грамоте и вот теперь — пишет стихи, их печатают, и он неплохо зарабатывает.

Кончив свой от начала до конца выдуманный рассказ, Есенин вытащил из кармана пачку дорогих папирос и стал угощать, однако не всех, а по какому-то своему выбору и без всякой навязчивости. <...>

Провожали нас до дверей всей оравой и кричали вдогонку:

— Приходите еще!

Мы вышли на улицу порядочно взволнованные.

Есенин шел большими шагами и все время говорил, как-то странно заикаясь и размахивая руками. Он говорил о том, что больше с этим мириться нельзя, невозможно дальше спокойно наблюдать, как у всех на глазах гибнут, может быть, будущие Ломоносовы, Пушкины, Менделеевы, Репины! <...>

В последние два года жизни Есенин часто говорил о своем желании написать повесть о беспризорниках, которые в те годы буквально заполонили все большие города и железнодорожные узлы. Это была его неутолимая, горестная тема» (Восп., 2, 225—228).

О другом эпизоде, связанном с беспризорниками, вспоминала Г.А.Бениславская: «Исключительная нежность, любовь и восхищение были у С.А. к беспризорникам. <...> Идем утром по Тверской. Около Гнездниковского 8—10 беспризорников воюют с Москвой. Остановили мотоциклетку. В какую-то „барыню“, катившую на

лихаче, запустили комом грязи. Остановили за колеса извозчика, задержав таким образом автомобиль. Прохожие от них шарахают<ся>, торговки в панике, милиционер беспомощно гоняется за ними, но он один, а их много. „Смотрите, смотрите,— с радостными глазами кричит С.А.,— да они все движение на Тверской остановили и никого не боятся. Вот это сила. Вырастут — попробуйте справиться с ними. Посмотрите на них: в лохмотьях, грязные, а все останавливают и опрокидывают на дороге. Да это ж государство в государстве, а ваш Маркс о них не писал". И целый день всем рассказывал об этом государстве в государстве» (Материалы, с. 92).

Замысел Есенина написать поэму или повесть о беспризорниках остался неосуществленным.

С новой семьей вряд ли что получится ∾ *для живых людей места не остается.*— «В столовой Толстой, похожей на музей — все стены были украшены различными портретами Л.Н.Толстого,— вспоминал С.Б.Борисов,— <висели> сувениры, записочки и, кажется, молитвы, писанные рукою Л<ьва> Н<иколаевича>...» (Материалы, с. 147).

«...когда я зашел к нему,— вспоминал о встрече с Есениным в квартире Толстых Ю.Н.Либединский,— он на мой вопрос, как ему живется, ответил:

— Скучно. Борода надоела...

— Какая борода?

— То есть как это какая? Раз — борода, — он показал на большой портрет Льва Николаевича,— два — борода, — он показал на групповое фото, где было снято все семейство Толстых вместе с Львом Николаевичем.— Три — борода,— он показал на копию с известного портрета Репина.— Вот там, с велосипедом, — это четыре борода, верхом — пять... А здесь сколько? — Он повел меня к стене, где под стеклом смонтировано было несколько фотографий Льва Толстого.— Здесь не меньше

десяти! Надоело мне это, и все! — сказал он с какой-то яростью» (Восп., 2, 154—155).

Неприязненное отношение к дому Толстых усилилось после возвращения с Кавказа: «Новое местожительство, видимо, начинало тяготить Есенина,— отмечал В.Ф.Наседкин.— Примерно в первой половине сентября он попросил Галю найти ему квартиру» (Материалы, с. 226).

Когда отправлюсь, напишу.— Письмо неизвестно.

Заеду в Баку, потом Тифлис.— Есенин вместе с женой выехали из Москвы в Баку 25 июля 1925 г. По словам С.А.Толстой-Есениной (в изложении И.В.Евдокимова), в авг. 1925 г. поэт отменил «назначенную поездку в Тифлис и Абас-Туман» (Восп., 2, 289).

Галя шлет привет.— «От души приветствую Галю и твою сестрицу» — писал Вержбицкий 21 марта 1925 г. (Письма, 274), а в письме от 27 марта 1925 г.: «Целую обе ручки у Гали» (Письма, 276).

232. *С.А.Толстой-Есениной.* До 25 июля 1925 г. (с. 220).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 164 (публ. Г.Маквея).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется с учетом пометы адресата на записке: «Письмо мне. Пьяный. Июль 1925. С. Е.» (ГЛМ).

233. *А.А.Берзинь.* 26 июля 1925 г. (с. 220).— Есенин 6 (1980), с. 192.

Печатается по автографу (ГЛМ), исполненному на открытке с почтовым штемпелем: «Ростов на/Д. 26.7.25. Вокз.».

Датируется по этому штемпелю.

Это бывает, дорогая моя, не после ночи, а спустя 9 мес<яцев>. — В воспоминаниях А.А.Берзинь есть пояснение к письму: в день отъезда Есенина и С.Толстой в Баку она пришла на вокзал проводить их и «шутя подарила им маленькую куколку и ванночку, чтобы ее купать. По

этому поводу <...> Сергей мне прислал открытку» (альм. «Кубань», 1970, № 7, с. 93).

234. *В.И.Эрлиху*. 26 июля 1925 г. (с. 220).— Эрлих, с. 93 (только приписка Есенина). Полностью — НЖ, 1972, кн. 109, с. 160 (публ. Г.Маквея; по редакционному недосмотру текст Есенина был напечатан перед письмом С.А.Толстой).

Печатается по подлиннику (ИРЛИ, ф. В.И.Эрлиха), исполненному на почтовой открытке со штемпелем: «Ростов н/Д. 26.7.25. Вокз.».

Датируется по этому штемпелю.

235. *А.А.Берзинь*. 3 августа 1925 г. (с. 221).— ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 17 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Если очучусь где-нибудь вроде Байкала, не удивляйтесь.— Подобной поездки не было. Очучусь — есенинское производное от глагола «очутиться».

Как Марк? По-прежнему ли он держит завет, надписанный ему мною на книге (обещание)...— Речь идет о М.Н.Мейчике, которому Есенин 20 июля 1925 г. сделал дарственную надпись на Перс. мот.:

Для милого Марка
С любовью жаркой
  только с просьбой
  «не кусаться»
    и не ругаться.

(Юсов-96, с. 137)

...не откажи мне написать, что хочет от меня Николаев. Мне это оч<ень> важно. Так как собрание для меня оч<ень> дорого.— После заключения договора на Собр. ст. Есенин уехал из Москвы в Баку, не предупредив Госиздат о своем отъезде. В начале авг. редактор издательства И.В.Евдокимов попросил связаться с поэтом

его двоюродного брата И.И.Есенина. В связи с этим Илья Есенин 12 авг. сообщал брату: «Евдокимов просил, чтобы ты прислал ему доверенность на подготовление твоих стихов к печати и на помещение его статьи в твое полное собрание сочинений» (Письма, 287). А 24 авг. И.В.Евдокимов по поручению зав. литературно-художественным отделом Госиздата Н.И.Николаева отправил Есенину письмо, текст которого приведен ниже в коммент. к п. 238 (подробнее см. там же). Судя по этим фактам, А.А.Берзинь своевременно не откликнулась на просьбу поэта.

На днях вышлю тебе еще целый ряд стихов, новых и старых. Передай их Ермолаичу (так я зову сейчас в шутку Евдокимыча).— По свидетельству И.В.Евдокимова, стихов для Собр. ст. Есенин не присылал.

Нужны ли ему а<вто>*биографические сведения? Когда? Мне оч*<ень> *жаль, что я не созвонился с Николаевым.*— Лишь позднее, в первой декаде сент. Есенин согласовал с Госиздатом план издания Собр. ст. 12 сент. Д.А.Фурманов, работавший там политическим редактором, записал: «Пойдет статья Воронского, а перед нею Сережа <Есенин> поместит свой материал автобиографический, все, что вспомнит. Я ему подробно указал, что нам надо: по линии его человеческого житья, литературного роста, политических влияний и политического состояния» (Хроника, 2, 204). Видимо, именно тогда, в сент., Есенин начал работать над автобиографией «О себе», сделав сначала три варианта наброска «Нечто о себе». Издательство торопило поэта, и Н.И.Николаев 15 окт. писал: «Уважаемый Сергей Александрович! Литературно-художественный отдел Госиздата напоминает Вам, что истекает срок представления *всего* материала для Вашего собрания сочинений. Отдел просит сдать этот материал в течение *трех* дней» (Письма, 294; выделено в источнике).

В окт. Есенин написал автобиографию «О себе» (подробнее см. наст. изд., т. 7, кн. 1, раздел «Автобиографии и автобиографические наброски» и коммент. к нему).

Устрой с деньгами Илюшке...— 3 июля 1925 г. Есенин написал доверенность на имя сестры: «Доверяю моей сестре Екатерине Есениной получать все причитающиеся мне гонорары с Госиздата» (наст. изд., т. 7, кн. 2). Однако в это время Есенин поссорился с ней, о чем 20 авг. написал отцу: «Первое то, что я женат. Второе то, что с Катькой я в ссоре. Я всё понял. <...>

Деньги тебе задержались не по моей вине. Катька обманула Соню и меня. Она получила деньги и сказала, что послала их. Потом Илюша выяснил. Пусть она идет к черту <...>. Илюшка — настоящий благородный брат. Думаю, что он заменит мне потерянную сестру» (п. 237). Видимо, эту доверенность Есенин не передал Е.А.Есениной, что следует из ее записки, приложенной к черновику второй доверенности на ее имя от 10 сент. 1925 г.: «Две доверенности, написанные от 10/IX-25 г. и 3/VII-25 г., переданы мне Галиной Артуровной Бениславской <очевидно, после смерти Есенина>. Число „10/IX-25" помечено ее рукой» (Хроника, 2, 360).

Вот почему Есенин и обратился к А.А.Берзинь с просьбой помочь И.И.Есенину получить деньги в Госиздате.

В первой половине авг. 1925 г. В.Ф.Наседкин писал Есенину: «Илюшу вижу часто. 20 августа думает получить в ГИЗе. <...> Катю не встречаю второй месяц. Слышал — живет у Гали <Бениславской>» (Письма, 288).

12 авг. И.И.Есенин писал поэту: «Сергей Александрович, я послал вам телеграмму <телеграмма неизвестна> насчет денег, деньги будут 20 августа» (Письма, 287).

Сама понимашь.— Так в автографе; скорее всего, просторечная форма глагола употреблена здесь намеренно.

236. *П.И.Чагину.* 18 августа 1925 г. (с. 222).— Есенин 5 (1962), с. 211.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. П.И.Чагина).

Посылаю 2 стихотв<орения>.— Вероятнее всего, это стихотворения «Гори, звезда моя, не падай...» и «Жизнь — обман с чарующей тоскою...». Оба стихотворения опубликованы в Бак. раб. 21 авг. 1925 г. (см. коммент. к ним: наст. изд., т. 1, с. 633—635).

Скажи Фришбергу...— В.Л.Фришберга, управляющего конторой при редакции Бак. раб., Есенин упомянул в надписи на фотографии членов местного литературного кружка:

Не знаю, мой праздник иль худший день их,
Мы часто друг друга по-сучьи лаем,
Но если бы Фришберг давал всем денег,
Тогда бы газета была нам раем.

(Наст. изд., т. 4, с. 262).

...дал Кларе Эриховне денег для меня.— Записку передала П.И.Чагину его жена, приезжавшая из Мардакян в Баку.

Дня через 2 придет мое подкрепление из Москвы...— Судя по всему, речь идет о деньгах в счет гонорара за Собр. ст. Деньги должен был получить в Госиздате двоюродный брат поэта Илья Есенин (подробнее об этом см. в коммент. к п. 235). Есенин с нетерпением ждал из Москвы денежного перевода. 20 авг. он дает телеграммы в Москву о высылке денег, но И.Есенин так и не выполнил настойчивой просьбы брата. Причину этого выяснить не удалось (см. также статью В.Вдовина «Неизвестные страницы биографии Есенина» в сб. «Сергей Есенин. Проблемы творчества». М., 1978, с. 329—337).

...рыжего оставлю в покое.— Речь идет о В.Л.Фришберге.

237. *А.Н.Есенину.* 20 августа 1925 г. (с. 223).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 160—161 (публ. Г.Маквея).

Печатается по копии рукой С.А.Толстой-Есениной (ГЛМ), где есть ее же помета: «Оригинал не был послан. Письмо было написано в Мардакьянах <так!> (Баку). Оригинал я отдала Кате Есениной для передачи отцу. С.Есенина» (Письма, 181). Местонахождение автографа ныне неизвестно.

...я женат.— Речь идет о фактическом браке Есенина и С.А.Толстой. О «свадебном пире» см. коммент. к п. 231.

... с Катькой я в ссоре.— С Е.А.Есениной. «К Кате у С.А. была какая-то болезненная, тревожная любовь,— вспоминала Г.А.Бениславская.— <...> Вообще Катя в жизни С.А. совершенно невольно была злым гением, постоянно нарушая и без того неустойчивое душевное равновесие его и, кроме того, опять-таки невольно, являясь камнем преткновения с окружающими. <...> За ней давно начал ухаживать поэт В.Ф.Наседкин, а ей нравился Приблудный. Наседкин добивался ее согласия на брак, Катя уверяла меня и всех, что он ей противен, что она ни за что не пойдет за него. А С.А., из боязни, что увлечение Приблудным пойдет дальше, настаивал на браке с Наседкиным, грозя „ссадить“ ее с своей шеи, доказывал, что потом она очень полюбит Наседкина и т. д.» (Материалы, с. 78—80). Особенно резко Есенин говорил о сестре во второй половине дек. 1925 г. А.И.Тарасов-Родионов приводит слова Есенина: «Вот ты знаешь, друг, ведь у меня никого нет близких. Ты скажешь: сестра Катька. К черту! Ты слышишь: к черту! Плевать я хочу на эту дрянь. Сквалыга, каких свет не рожал» (Материалы, с. 250). Вместе с тем, вернувшись с Кавказа в Москву, Есенин 10 сент. пишет доверенность на получение денег на имя Е.А.Есениной, а 17 окт. доверенность на заключение издательских договоров (см. наст. изд., т. 7, кн. 2). См. также выше коммент. к п. 213.

Мать ездила в Москву вовсе не ко мне, а к своему сыну ∾ он приходил ко мне на квартиру, и они уходили с ним чай пить.— Речь идет о внебрачном сыне Т.Ф.Есениной А.И.Разгуляеве. «Наши родители поженились очень рано,— вспоминала А.А.Есенина,— когда нашему отцу было восемнадцать, а матери шестнадцать с половиной лет.

Сыграв свадьбу, отец вернулся в Москву, а мать осталась в доме свекрови. С первых же дней они невзлюбили друг друга, и сразу же начались неприятности. <...> По-прежнему наш отец высылал свое жалованье бабушке. <...> Так продолжалось около восьми лет. <...> Когда Сергею было около четырех лет, забрав его, наша мать вернулась в родительский дом. <...> Чтобы не быть обузой, мать оставила Сергея дедушке, а сама ушла на заработки. <...> Неграмотная, беспаспортная, не имея специальности, мать устраивалась то прислугой в Рязани, то работницей на кондитерской фабрике в Москве. Но несмотря на трудную жизнь, на маленький заработок, из которого она выплачивала по три рубля в месяц дедушке за Сергея, она все время просила у нашего отца развод. Любя нашу мать и считая развод позором, отец развода ей не дал, и, промучавшись пять лет, мать вынуждена была вернуться к нему. Через год у матери народилась моя сестра Катя» (Восп., 1, 70, 71).

Деньги тебе задержались ∾ выжимать меня.— «Кровное чувство у всех Есениных очень сильно, потому С.А. всегда тянулся к своим,— вспоминала Г.А.Бениславская.— Обидеть стариков или сестер значило объявить себя его врагом. И чем сильней тянуло С.А. к своим, тем больше возмущало его их отношение. Любя С.А., уважая его и немного с удивлением относясь к тому положению, какого он добился, и старики, и за ними Катя прежде всего видели в нем золотой мешок. В первую очередь были мысли и разговоры о деньгах. С их точки зрения, они правы. По сравнению с деревенскими он был богат,

очень богат. И потому, не считаясь с положением его дел, они обращались к нему за деньгами сплошь и рядом, <в> и без того трудные моменты. С.А. бесился, что с ним не хотят считаться, и возмущался, что эти люди высшее благо и счастье жизни видят в деньгах» (Материалы, с. 77). Показательным является описание «богатства» в письме А.Н.Есенина к сыну от 18 окт. 1925 г.: «Если бы ты не пил, то наверняка ты бы не жил так, как живешь все это время. У тебя была бы роскошная квартира и имел бы не менее двух прислуг, жил бы настоящим барином, и нам бы около тебя жилось бы гораздо лучше и покойней...» (Письма, 295). В том же письме отец просил: «...меня сильно беспокоит сено, поэтому буду опять просить тебя, пришли, пожалуйста, сколько-нибудь деньжонок на покупку сена» (Письма, 295). Через полтора месяца, 9 дек. 1925 г. Т.Ф. и А.Н. Есенины писали сыну: «Денег у нас нет ни гроша, и жить совершенно нечем, нужно платить сельхозналог, но нечем» (Письма, 302).

Беспокоюсь только о Шуре. Из нее что-нибудь выйдет.— «„Она у меня золотой человек“,— вспоминал Л.И.Повицкий слова поэта об А.А.Есениной.— И он с восторгом заговорил о младшей сестре, о ее способностях, о любви ее к литературе. Он не первый раз рассказывал о ней с нежностью, с большой братской любовью» (Восп., 2, 250). 13 сент. 1925 г. Есенин написал стихотворения «Я красивых таких не видел...», «Ах, как много на свете кошек...», «Ты запой мне ту песню, что прежде...», «В этом мире я только прохожий...», посвятив каждое из них: «Сестре Шуре».

Дяде Федору скажи, что о Сашке похлопочу.— Ф.Ерошину об А.Ф.Ерошине, его сыне.

В сентябре приеду...— Есенин вернулся в Москву 6 сент. 1925 г.

...не на рабфак ∾ не попал и Илюшка. Илюшка — настоящий благородный брат.— 3 авг. 1925 г. О.К.Толстая сообщала С.А.Толстой-Есениной: «Относи-

тельно Илюши. Хорошо, что я заинтересовала его кооперативными курсами Центросоюза. А то Воронский отказался дать командировку в Рабфак, так как туда совершенно особые требования. Принимают лишь тех, кто *4 года в Комсомолах* и кто имеет *фабричный стаж*. В кооперативные же <курсы> требуется лишь командировка от какого-нибудь кооператива. Сейчас Илюша звонил мне, что ввиду неудачи с Рабфаком он решил попытаться в кооперативные <курсы> и завтра же едет в деревню, где он надеется из своего кооператива (он служил там в артели) получить командировку» (Письма, 354; выделено автором). Как вспоминала А.А.Есенина, в 1924 г. «...Сергей взял из деревни в Москву и нашего двоюродного брата Илью. Илья был сыном брата нашего отца <И.Н.Есенина>. Ему было лет двадцать, родители у него умерли. Теперь Илья учился в рыбном техникуме, жил в общежитии, но больше всего находился у нас, был привязан к Сергею и стал, в сущности, членом нашей семьи. В общежитие он уходил ночевать, да и то только потому, что у нас в Брюсовском уже негде было лечь» (Восп., 1, 109). И.В.Евдокимов писал об И.И.Есенине: «Этот замечательный парень, наблюдал я всегда, относился к поэту с редчайшей привязанностью и любовью. Достаточно было мельком поглядеть на его большие глаза, грустно устремленные на поэта, чтобы это почувствовать. И я всегда это чувствовал. Он любил его крепко» (Восп., 2, 302). И.И.Есенин неоднократно получал по выданной Есениным доверенности гонорары (см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

238. *И.В.Евдокимову*. 31 августа 1925 г. (с. 223).— САЕ, с. 208, в воспоминаниях И.В.Евдокимова «Сергей Александрович Есенин».

Печатается по этой публикации. Подлинник телеграммы неизвестен.

Датируется по указанию адресата (САЕ, с. 208).

И.В.Евдокимову, служившему в то время в Государственном издательстве РСФСР, было поручено редактирование «Собрания стихотворений» Есенина, принятого к печати согласно издательскому договору, подписанному сторонами 30 июня 1925 г. (текст — наст. изд., т. 7, кн. 2).

Телеграмма Есенина стала ответом на официальное письмо Госиздата от 24 авг. 1925 г., составленное Евдокимовым:

«Уважаемый Сергей Александрович!

В начале сентября мы наметили сдать в набор все три тома „Собрания сочинений С.Есенина“, но перед нами стоят непреодолимые затруднения. Принесена рукопись в хаотическом состоянии и таковой остается до настоящего времени. Это одно. Вывод надо сделать такой: рукопись надо классифицировать, сиречь — привести в порядок. Так как за несколько тысяч верст от Москвы делать этого нельзя, то необходимо Ваше официальное сообщение, кому Вы это дело поручаете. Второе — необходимы Ваши соображения по самому изданию: считаете ли Вы нужным порядок расположения хронологический, тематический или формальный. Третье — представлено только 9000 стихов. По договору нужно еще 1000 стихов. В представленном материале находится поэма „Пугачев“, принадлежащая Госиздату по прежним договорам. В общий подсчет идти она не может. Четвертое — считаете ли Вы нужным в собрании сочинений вступительную статью и биографические данные и кому Вы эту работу поручаете нам заказать. <...>

Необходимо самое срочное уведомление отдела по адресу: Москва, Рождественка, уг. Софийки, д. 4/8, Госиздат, Литературный отдел (комната № 41), по всем намеченным вопросам» (Письма, 288—289).

Позднее Евдокимов вспоминал, что писал это письмо, «ухмыляясь и стремясь быть строгим и официальным <...>. Ответ получил по телеграфу <следует текст с

датой>. Скоро он <Есенин> появился в Москве. После жена Софья Андреевна рассказывала, что письмо его встревожило и явилось поводом уехать из наскучившего ему Баку...» (Восп., 2, 289).

По возвращении Есенин не раз бывал в Госиздате РСФСР в связи с подготовкой своего «Собрания стихотворений» к печати. Участник этой работы, Евдокимов оставил воспоминания о ней (см.: Восп.-95, с. 466—470, 476—477).

239. *П.И.Чагину*. После 6 сентября 1925 г. (с. 224).— Сб. «Сергей Есенин. Проблемы творчества», М., 1978, с. 339 (в статье В.Вдовина «Неизвестные страницы биографии Есенина»).

Печатается по автографу (ИМЛИ), являющемуся, очевидно, первоисточником телеграммы.

Датируется предположительно, по содержанию, первыми неделями после возвращения Есенина и С.А.Толстой-Есениной из Баку в Москву.

...издательству Бакраба... — Кооперативному издательству «Бакинский рабочий».

...относительно тысячи экземпляров Персмотивы. Пятьсот Тифлис... — В.Вдовин эти слова объясняет так: «...текст телеграммы позволяет утверждать, что в последний свой приезд в Мардакяны в августе 1925 года Есенин договорился об издании в Баку, в издательстве „Бакинский рабочий“ сборника „Персидские мотивы“. И потому Есенин просит П.Чагина передать издательству „Бакинский рабочий“, чтобы оно часть тиража книги „Персидские мотивы“ — 1000 экземпляров.— выслало в Москву, а 500 экземпляров направило в Тифлис <...> Задуманное Есениным отдельное издание „Персидских мотивов“ в издательстве „Бакинского рабочего“ не состоялось» (сб. «Сергей Есенин. Проблемы творчества», с. 340–341).

Однако факт договоренности Есенина «об издании в Баку, в издательстве „Бакинский рабочий“ сборника „Персидские мотивы“» не отмечен ни в одном из известных документов тех лет. Неубедительно и предположение комментатора, связанное с высылкой частей тиража книги в Москву и в Баку (заметим: Москва в телеграмме не упоминается). В.Вдовин приводит свидетельство С.А.Толстой-Есениной о том, что «в архиве поэта сохранилась недатированная „рукопись сборника, озаглавленного „Персидские мотивы“ и переписанного набело Есениным <...> Стихи <их всего семь> были подготовлены для нового издания „Персидских мотивов“, о котором Есенин думал незадолго до своей смерти“» (там же, с. 340). Тем не менее, изучение состава этой рукописи, расположения пронумерованных стихотворений дает основание считать ее скорее списком подборки произведений из цикла «Персидские мотивы» для отдельной публикации, чем незавершенным макетом сборника. Странно и то, что С.А.Толстая ни словом не обмолвилась о якобы предполагавшемся издании «Персидских мотивов» «Бакинским рабочим».

Думается, в словах телеграммы об «экземплярах Перс-мотивов» речь идет не об издании цикла «Бакинским рабочим». Суть дела, вероятнее всего, вот в чем.

1925 год был «урожайным» на новые книги Есенина. Московские издательства выпустили: «Песнь о великом походе» (март, тираж 20000 экз.); ОРиР (конец апр., 5000 экз.); Перс. мот. (май, 5000 экз.); Б. сит. (май, 4000 экз.); И25 (июнь, тираж 50000 экз.). Раскупались же тиражи поэтических книг в те годы с трудом. «Как общее правило,— писал в начале 1926 г. И.В.Евдокимов,— стихи на рынке идут плохо — эпоха наша полуравнодушна к стихам,— и даже стихи Есенина, например, „Березовый ситец“, шли медленно...» (Восп.-95, с. 465). Естественно, возникла необходимость принять возможные меры для ускорения продажи тиражей есенинских книг. Вот тут-то издатели, выпустившие «Персидские мотивы»,

вероятно, и попросили уезжавшего в Баку Есенина переговорить с кооперативным издательством «Бакинский рабочий» о помощи в реализации стихов, написанных на Кавказе. Есенин выполнил просьбу своих издателей и, вернувшись в Москву, в телеграмме уточнил количество книг («тысяча»), могущих быть посланными в Баку, а через Баку часть («пятьсот») — в Тифлис. Была ли эта договоренность осуществлена — установить не удалось.

Взятое высылаем.— Вероятно, имеется в виду возврат денег, занятых Есениным и С.А.Толстой-Есениной для приобретения железнодорожных билетов до Москвы.

240. *А.А.Есениной.* 21 или 22 сентября 1925 г. (с. 224).— Есенин 5 (1968), с. 176, с датой: «1925 г.».

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Датируется по записке А.А.Есениной («Сергей и Соня. Была у вас, а вы и не подумали оставить денег, ушли, и ладно. Ну, пока. Шура. 20/IX» — ГМТ, ф. С.А.Толстой-Есениной), поскольку является ответом на нее. На последней — приписка О.К.Толстой: «Соня, я дала Шуре 20 р. Марфиных (отдай ей, а также Катя брала у нее 10 р.), а на столе я потом нашла 15 р., кот<орые> и взяла себе, за твой долг. Мама». Марфа — домашняя работница в семье О.К. и С.А.Толстых.

241. *И.В.Грузинову.* Сентябрь-октябрь 1925 г. (с. 224).— Хроника, 2, 207.

Печатается по первой публикации. Автограф неизвестен.

Датируется по содержанию и по воспоминаниям И.В.Грузинова.

Отдашь ты мне статью или не отдашь?..— Речь идет о неизвестной статье Грузинова для альманаха или журнала, планировавшегося Есениным в то время к изданию (см. также коммент. к п. 211). И.Грузинов вспоминал

слова Есенина: «Я непременно напишу статью для журнала. Непременно. Я знаю твою линию в искусстве. Мы не совпадаем. Я напишу иначе. Твоя статья будет дополнять мою — и обратно...» (Восп., 1, 379).

242. *В.В.Казину*. 13 октября 1925 г. (с. 225).— Есенин 6 (1980), с. 195.

Печатается по фотокопии автографа (собрание И.В.Казиной, г. Москва).

...до получки...— Есенин был постоянным сотрудником Кр. нови. Сохранился документ, подтверждающий это:

«Удостоверение

Редакция журнала „Красная новь" удостоверяет, что тов. Сергей Александрович Есенин, литератор, постоянный сотрудник журнала, имеет в среднем по журналу месячный заработок не свыше 150 р. (ста пятидесяти рублей). До последнего времени С.А.Есенин проживал в Брюсовском пер., д. № 2 — доме „Правды", кв. 27.

Редактор журнала „Красная новь" А.К.Воронский
Секретарь В.Казанский».

Удостоверение напечатано на бланке: «Редакция журнала „Красная новь". Москва, Покровка, Б.Успенский, № 5, кв. 36. Тел. 5-63-12, № 347», датировано: «2 августа 1925 г.» (ГЛМ; текст документа — Письма, 286).

...без сантима.— Сантим — мелкая монета, сотая часть денежной единицы франка, имеющая хождение в ряде европейских (Франция, Бельгия, Швейцария, Люксембург), африканских (Гвинея, Мали) и др. стран. Есенин стал употреблять это слово в своей речи, побывав за рубежом.

243. *В.И.Вольпину*. 14 октября 1925 г. (с. 225).— Хроника, 2, 208—209.

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. Н.С.Ашукина).

Будьте добры, дайте на мой счет сестре моей несколько книг.— Записка была доставлена Е.А.Есениной адресату, который работал в это время заведующим книжным магазином издательства ЗИФ («Земля и фабрика») в Москве.

4-91-53.— См. коммент. к п. 225.

244. *А.А.Берзинь.* 16 октября 1925 г. (с. 225) — ЛР, 1965, 1 окт., № 40, с. 17 (публ. Б.М.Шумовой).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Черт с ними, что деньги от всего того, что я не беру их, накапливаются, дело в том, что у меня ни монетки.— См. также коммент. к п. 236.

Устрой что-нибудь из тех мест, где это возможно.— В то время Есенин мог получать гонорар в Госиздате за Собр. ст., в «Современной России» за Перс. мот. (см. Письма, 177), в Кр. нови, где он был внештатным сотрудником (см. п. 242 и коммент. к нему).

Не употребляй спиртн<ых> *напитков. Страшный вред здоровью и благополучию. ∾ проповедую.*— Отчетливо саркастический оттенок этих слов, возможно, связан с нравоучениями, которые Есенину приходилось слышать от членов своей новой семьи. Ср.: «Дай Бог, чтоб <...> С.А. действительно постарался исполнить то, что он мне обещал. Помни, помни, Соня, что вино *всегда яд*, а для него *тем паче*. Помни, чем это грозит ему, не шути этим. И если нет *воли*, то лечи непременно» (из письма О.К.Толстой к дочери от 3 авг. 1925 г.— ГМТ, ф. С.А.Толстой-Есениной; выделено автором).

245. *И.М.Касаткину.* 21 октября 1925 г. (с. 226).— Есенин 5 (1962), с. 211—212.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Одно отделано — «Неуютная», два совершенно новых.— Имеется в виду стихотворение «Неуютная жидкая лунность...», опубликованное в Бак. раб., 1925,

25 мая, № 115, а также стихотворения «Вечером синим, вечером лунным...» и «Мелколесье. Степь и дали...», опубликованные в Кр. ниве, 1925, № 50, 6 дек.

246. П.И.Чагину. 8 ноября 1925 г. (с. 227).— Есенин 5 (1962), с. 212.

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Martel, финь — марки коньяка.

247. *С.А.Толстой-Есениной.* До 26 ноября 1925 г. (с. 227).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 164 (публ. Г.Маквея).

Печатается по автографу (ГЛМ). На обороте записки рукой адресата указано, очевидно, по памяти: «Собирался в Константиново в XI 1925 г.»

Датируется по содержанию: с 26 нояб. 1925 г. Есенин находился на лечении в клинике.

248. *П.И.Чагину.* 27 ноября 1925 г. (с. 228).— Есенин 5 (1962), с. 213–214.

Печатается по автографу (частное собрание, г. Москва).

Пишу тебе из больницы.— До 21 дек. 1925 г. Есенин находился в клинике 1-го Московского государственного университета.

С удовольствием вспоминаю Вартапетова и Мезерницкого...— Е.Л.Вартапетов и И.Г.(или Н.Г.)Мезерницкий, бакинские врачи, вероятно, лечившие Есенина в связи с его заболеванием в первой половине мая 1925 г.

...избавиться кой от каких скандалов.— Имеется в виду инцидент в вагоне поезда в сент. 1925 г. Возвращаясь из Баку, Есенин в нетрезвом состоянии оскорбил дипкурьера А.Рога, и тот подал на поэта в суд (см. наст. изд., т. 7, кн. 2).

Как вспоминал В.Ф.Наседкин, «Есенин волновался и искал выхода.

Это обстоятельство использовала Екатерина.

Есенин около 20 ноября ночевал у своих сестер в Замоскворечье.

— Тебе скоро суд, Сергей,— сказала Екатерина утром протрезвевшему брату.

Есенин заметался, как в агонии.

— Выход есть,— продолжала сестра,— ложись в больницу. Больных не судят. А ты, кстати, поправишься.

Есенин печально молчал. Через несколько минут он, словно сдаваясь, промолвил:

— Хорошо, да... я лягу.

А через минуту еще он принимал решение веселей.

— Правда. Ложусь. Я сразу покончу со всеми делами.

Дня через три после описанного разговора Есенин переехал в психиатрическую клинику. Ему отвели светлую и довольно просторную комнату на втором этаже. В окна глядели четкие прутья предзимнего сада» (Восп.-95, с. 497—498).

...пошлю всех в кем...— Т. е. пошлю к е... матери.

...и, вероятно, махну за границу.— Намерение не осуществилось.

Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки.— Здесь обыграны слова из Библии: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Еккл. IX, 4).

Ведь его <Павла Первого> *теория очень схожа с проблемами совр*<еменных> *психиатров.*— Речь идет скорее не о «теории», а о повседневной практике обращения Павла I со своими подданными: «За одно неправильное поднятие ноги, за ошибку в команде наказывались офицеры и генералы арестом, казематом крепости. <...> Арест был таким обычным явлением, что о нем никто и не думал, и все привыкли к протяжному сиповатому крику: „Под арест его!“» («Бюллетени литературы и жизни», М., 1913, № 6, нояб., с. 359; в обзоре книг «Новое о Павле I и его режиме»).

Карьера не талант и не знание.— Имеется в виду, вероятно, необоснованное продвижение по службе во время царствования Павла I. Как писал граф Федор Головкин, «безусых юношей производили в генералы, а жезл фельдмаршала, который до тех пор приобретался лишь на поле брани, вручался теперь на смотрах. <...> Однажды, когда князь Репнин во время смотра хотел выразить свое мнение о чем-то, император сказал ему: „Фельдмаршал, вы видите эту выстраивающуюся гвардию? В ее составе 400 человек, а мне стоит сказать только одно слово и все они будут фельдмаршалами“» (в его кн. «Двор и царствование Павла I», пер. с франц. М.: Сфинкс, 1912, с. 142).

У кары лечиться — себя злить и еще пуще надрывать.— Возможно, эта фраза восходит к описанию случая, когда один из близких к императорскому двору иностранцев был по приказу Павла I схвачен и увезен в Сибирь: «Кара его постигла за то, что он был писателем» (см. кн. проф. Шимана и проф. Брикнера «Смерть Павла Первого», пер. с нем. М., 1909, с. 60).

...мы, вероятно, с тобой в декабре увидимся снова где-нибудь за пирушкой.— Встреча не состоялась.

Посылаю тебе «Черного человека».— Речь идет об одном из шести списков поэмы, выполненных С.А.Толстой-Есениной (см. коммент. в т. 3 наст. изд., с. 683). Поэма была опубликована (с сокращением) в веч. вып. «Красной газ.» (Ленинград, 1926, 26 янв., № 23). В газете в это время уже работал переехавший из Баку в город на Неве П.И.Чагин, официально вступивший в должность ее главного редактора 1 февр. 1926 г. В Бак. раб. поэма увидела свет 29 янв. 1926 г., № 25.

Как мать с отцом? — мать и отец П.И.Чагина.

Васька ко мне заходил только один раз.— В.И.Болдовкин позже вспоминал: «Перед октябрьскими праздниками я зашел как-то к нему; с ногой у меня было плохо, старая рана не давала покоя. Долго сидели мы с ним и перебирали в воспоминаниях прошедшие дни... При уходе

он мне подарил несколько своих изданий: „Персидские мотивы“, „Избранное“, „Песнь о великом походе“. „Милому Васе Болдовкину в знак дружбы. С.Есенин“. „Милому Васе Болдовкину с любовью“. В конце ноября я снова посетил его. Встретив, он меня изрядно выругал, что я так долго не был.

— Я уже написал Петру на тебя жалобу, что ты так долго не был, но знаю, что ты где-то лежал в госпитале. Не дает, видимо, покоя тебе нога...

Я ему рассказал о моих планах, что я опять, наверное, поеду в Персию через месяц или два. Сергей просветлел.

— Ну, в этот раз я обязательно поеду с тобой; ты мне только скажи, когда поедешь. Петр Иванович, наверное, в первых числах декабря будет в Москве, вот мы и договоримся.

Поездка не состоялась» (Воспоминания В.И.Болдовкина о Есенине.— Цит. по: Есенин 6 (1980), с. 372).

249. *И.В.Евдокимову*. 6 декабря 1925 г. (с. 229).— САЕ, с. 226, в воспоминаниях И.В.Евдокимова «Сергей Александрович Есенин».

Печатается по автографу (РГАЛИ, ф. И.В.Евдокимова).

Письмо не было своевременно передано адресату (см. ниже).

...прошу тебя ∾ никому денег моих не выдавать, ни Илье, ни Соне, кроме ∾ Екатерины. ∾ хорошо, если б ты устроил эту тысячу между 7—10 дек.— В своих воспоминаниях Евдокимов указал: «Письмо было доставлено мне Е.А.Есениной только в конце апреля 1926 года» (Восп., 2, 299). То, что оно было задержано близкими поэта,— неудивительно. В тот же день — 6 дек.— Есенин выдал доверенность на получение гонорара в тысячу рублей, о которых он здесь упоминает, не сестре Екатерине, а брату Илье (текст — наст. изд., т. 7, кн. 2),

который и получал затем деньги в Госиздате (см. п. 251 и коммент. к нему).

Лечусь вовсю. ∾ чувствую, что лечиться надо.— Ср., однако, с п. 248.

...в твоем «Сиверко»: «Пил бы ∾ да гулял бы».— Процитирована по памяти песня, которую поет слесарь Кирюшка, герой упомянутой повести адресата:

Пил бы, да ел бы,
Да спал бы, да гулял бы,
Да не работал бы
Н-никогды!
Ух ты!

(Евдокимов И. Сиверко. М.;
Л.: Госиздат, 1925, с. 5).

На днях пришлю тебе лирику «Стихи о которой».— По словам адресата, 23 дек., перед отъездом в Ленинград, Есенин говорил ему: «Вот Катька не принесла тебе письма, я там послал семь новых стихотворений: „Стихи о которой“. Не поздно их будет в первый том, в самый конец?» (Восп.-95, с. 476). Евдокимов пояснил далее: «„Стихи о которой“ переданы не были, почему и не вошли в первый том „Собрания“, как того хотел поэт» (там же). Впрочем, после смерти Есенина в печати появилось не семь, а лишь четыре стихотворения, содержание которых отвечало есенинскому заглавию цикла («Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...» и «Может, поздно, может, слишком рано...»). По мнению С.А.Толстой-Есениной, кроме указанных текстов, в цикл «Стихи о которой» предполагалось включить стихотворение «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» и еще два, которые «Есенин читал <...> вслух, продолжал работать над ними и увез их в Ленинград» (наст. изд., т. 4, с. 444; см. там же и другие подробности об этом незавершенном цикле). Увезенные

Есениным в Ленинград стихи, упомянутые здесь, так и остались неизвестными.

...черкни пару слов с Екатериной.— Адресат не мог этого сделать, так как получил письмо через несколько месяцев после смерти поэта.

...чем пахнет жизнь.— Отзвук заглавия книги стихов А.Безыменского «Как пахнет жизнь» (М.: Красная новь, 1924).

250. *В.И.Эрлиху*. 7 декабря 1925 г. (с. 230).— Эрлих, с. 93.

Печатается по подлиннику телеграммы (ИРЛИ, ф. В.И.Эрлиха); сохранился также недатированный автограф ее текста (ГЛМ).

Датируется по помете на телеграфном бланке.

Немедленно найди две-три комнаты...— А.А.Есенина вспоминала, что по планам Есенина «в эти две-три комнаты вместе с ним должны были переехать и мы с Катей.

19 декабря Катя и Наседкин зарегистрировали свой брак в загсе<...>.

И тогда же ими всеми вместе было принято решение, что и Наседкин поедет в Ленинград и будет жить вместе с нами» (Восп., 1, 122). Комнаты для Есенина сняты не были (см. коммент. к п. 255).

... 20 числах переезжаю жить Ленинград...— Есенин выехал из Москвы в Ленинград 23 дек. вечерним поездом. Прибыл в Ленинград утром 24 дек.

Телеграфируй...— 16 дек. В.И.Эрлих отправил телеграмму Есенину: «Приезжай ко мне устрою» (Письма, 302).

251. *Е.А.Есениной*. Между 7 и 13 декабря 1925 г. (с. 230).— Есенин 6 (1980), с. 203–204.

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется по содержанию: Есенин выдал брату доверенность 6 дек. 1925 г. (см. текст доверенности — наст. изд., т. 7, кн. 2), 14 дек. лично взял с книжки деньги.

Деньги с Гиза...— Речь идет о гонораре из Госиздата за Собр. ст. И.В.Евдокимов вспоминал: «... еще в начале осени я договорился с поэтом, чтобы он сам вообще не ходил за деньгами, не отвлекался от работы... Есенин, смеясь, согласился и поручил получать деньги брату Илье, который и ходил за ними с тех пор. Иногда этот порядок нарушался: приходили с его доверенностями жена, знакомые. Почти всегда эти выдачи выражались в нескольких десятках рублей, а по растерянному виду получателей казалось, что где-то за стенами бушевал поэт и требовал денег или занемогал, и деньги были нужны на докторов и на лекарства» (Восп., 2, 295—296).

Жду банк-книжку...— Речь идет о сберегательной книжке Есенина, открытой на его имя в центральном отделении Московского городского банка 19 нояб. 1925 г. В тот день Есенин внес на книжку 600 р. До 21 дек. поэт частями снимал со счета небольшие суммы, а 21 дек. из оставшихся 100 руб. снял 99, необходимые ему для отъезда в Ленинград. После смерти Есенина на сберкнижке остался 1 руб. Документ хранится в ИМЛИ.

252. *С.А.Толстой-Есениной.* 9 декабря 1925 г. (с. 230).— НЖ, 1972, кн. 109, с. 164 (публ. Г.Маквея).

Печатается по автографу (ГЛМ).

...пришли мне книжку Б.— По свидетельству С.А.Толстой-Есениной, «последние книги, которые читал Есенин в своей жизни, были два тома стихотворений Блока» (ГЛМ; цит. по Есенин 6 (1980), с. 374). Однако в данном случае речь идет скорее о банк-книжке, упомянутой в предыдущей записке Есенина (наблюдение Л.Д.Громовой). Ср. также: журн. «Терра инкогнита», М., 1996, № 2/3, с. 28.

253. *Я.Е.Цейтлину.* 13 декабря 1925 г. (с. 231) — Есенин 5 (1962), с. 215—216.

Печатается по автографу (ИМЛИ).

Датируется по содержанию: Есенин пишет адресату, что «...только вчера, 12/XII 25 г.» получил его письмо.

Яков Евсеевич Цейтлин в 1925 г. работал наборщиком в типографии в г. Николаеве. Первые стихи опубликовал в 1924 г. в газ. «Красный Николаев». В 1928 г. выпустил книгу стихов «Жажда». В дальнейшем журналист-очеркист в газетах «Комсомольская правда», «Социалистическое земледелие», «Известия», где выступал под псевдонимом «Я.Цветов». В годы Отечественной войны — военный корреспондент «Правды». После войны выходят его книги «Повесть о Кирилле Орловском», «Выбор Ивана Демина» и роман «Птицы поют на рассвете».

О письме Есенина к Цейтлину впервые упомянула в своих воспоминаниях «Как жил Сергей Есенин» (М., 1926) С.Виноградская. Однако текст письма долго оставался неизвестным. Он хранился в архиве С.А.Толстой-Есениной и впервые был напечатан уже после ее кончины. Но еще в 1956 г. она познакомила автора данного комментария с этим письмом и рассказала его историю: «Случилось так, что последним адресатом Есенина стал рабочий паренек из города Николаева, комсомолец, увлекающийся поэзией, пишущий стихи. Несколько своих стихотворений он прислал Сергею; просил совета, поддержки, помощи. В письме он рассказывал о восторженном отношении молодых литераторов города Николаева к поэзии Есенина, „жаловался", что у них в библиотеке нет книг Сергея, просил, если возможно, прислать им хотя бы один из его стихотворных сборников. Насколько я помню,— продолжала Софья Андреевна,— стихи молодого николаевского поэта понравились Сергею своей искренностью чувств. Он написал об этом их автору. Письмо Есенина было проникнуто заботливым отношением к молодому поэту, его стихам. Из Николаева вскоре пришло восторженное ответное письмо, полное благодарности к Сергею. Но... Есенину было не суждено его прочитать. Письмо это было получено после смерти Сергея Александровича. Позднее след

молодого поэта из Николаева затерялся. Неизвестно, где он находится и сегодня. Жив ли он?»

Прошло немало времени, прежде чем в 1962 г. (почти сорок лет спустя) удалось найти автограф письма Цейтлина (Цветова) и его стихи, которые он послал Есенину, а позднее, в начале 70-х годов, разыскать его самого. (Подробнее см.: Прокушев Ю. Последний адресат Есенина.— Журн. «Москва», 1980, № 10, окт., с. 200—212).

Спасибо Вам за письмо ∾ поздно ∾ вчера 12/XII 25 г.— 25 июля 1925 г. Цейтлин отправил свое письмо Есенину. Вот полный текст этого письма:

«25/VII-25 г. г.Николаев.

Дорогой Сергей Есенин!

Я вот уже 2 года имею сильнейшее желание снестись с тобой... И вот я решил прибегнуть к письму... Прости, что так вихрасто пишу, ибо и сейчас при твоем имени я волнуюсь и сердце готово выпрыгнуть и улететь... (Не раз я собирался писать — но письма не получалось, а одни истерические крики...) Разве можно свое чувство выразить словами... Мне нужен огонь, но, увы, словами огня не высечь мне (бездарен я!).

Я член гр<уппы> писат<елей> „Октябрь“, та самая, что ругает тебя! (Недаром она мне, „горячему“, так чужда!) Опять о себе!.. Дорогой Сергей, читая Байрона, Пушкина, Лермонтова и, наконец, лир<ику> Надсона и в корне изучив современную литературу,— у меня создалось впечатление, что <ты> единственно настоящий поэт... Провинция сейчас преклоняется перед тобой (в городе одна лишь „Радуница“), а поклонников... не сосчитать!.. Но это нам не мешает „болезненно“ следить за тобой по журналам.

У нас очень много *есенинцев* (так они и прозваны) — рабочие, женотделы, студенты, мещане, комсомольцы и даже пионеры... (У каждого сердце „есенинское“!). И вот, в корне изучив тебя, делаем везде о тебе доклады. А по

ночам ходим и, как помешанные, пьем ведрами твои стихи!...

Дорогой Сергей, помоги нам! Оживи нас!!! Если ты нам пришлешь свои стихи (книги), мы будем счастливейшими в мире! Пожалуйста, Сергей! Я за твой „Березовый ситец“ последние свои брюки готов загнать...

Сергей, ты — гениален!!!

Ты единственный поэт, который заставил меня трепетать перед твоим именем... Если *„родовская братия“* где-нибудь тявкает о тебе — я болею душой... Я истерично слежу за твоей литературной судьбой...

Может быть, ты знаешь знаменитого украинского лирика Сосюру?.. Когда он был у нас в Николаеве, он также с благоговением произносил твое имя... Весь день шлялись и пухтели твоими стихами...

Самая светлая минута в моей жизни (горьких очень много!) будет та, когда я с тобой лично увижусь...

О, счастье поскорее на мой адрес!..

За литературой насилу следить. Приходится здорово голодать... и покупать книги. Ну что, устал, Сергунь?.. Набухтел, набухтел, ничего тебе не сказал — и сотой доли не выразил того,— чего желал бы выразить...

Надеюсь когда-нибудь тебя увидеть!..

Если б Госиздат поскорее отстрочил мою книжонку (а спрос на нее пока здоровый!), я мог бы на эту монету прокатиться к тебе... Пишу стихи, комсомолец...

Если не возгордишься и мне ответишь, пошлю свои стихи тебе...

Дорогой Сергей, пожалуйста, ответь... Твой ответ осчастливит наш город, а в особенности твоих детей ЕСЕНИНЦЕВ. И по возможности свои книги... книги!..

Дорогой Сергей, ответь!

С комсомольским приветом от всех твоих поклонников

Яков Цейтлин.

Мой адрес:

г. Николаев, Адмиральская ул., № 23.

Якову Цейтлину...

Пришли свой адрес...» (журн. «Москва», 1980, № 10, окт., с. 209, с неточностями; здесь печатается по автографу; выделено автором).

...провалялось у кого-нибудь в кармане из прожекторцев...— Имеется в виду кто-то из сотрудников Прож., куда Цейтлин направил свои стихи и письмо Есенину.

Из стихов ∾ *вещь о голубятне и паре голубей.*— Цейтлин послал Есенину четыре стихотворения: «Наган», «Дума», «Ответ» и «Письмо брата». Последнее, очевидно, привлекло внимание Есенина, особенно третья строфа:

Вспоминаю я тебе о старом:
(Для меня ты денег не жалей!)
Привези из города в подарок
Красноперых пару голубей...

(Журн. «Москва», 1980,
№ 10, окт., с. 208).

...поправили перебойную строку...— Есенин имеет в виду последнюю строку в четвертой строфе стихотворения «Письмо брата»:

У меня за клуней голубятня.
Чужаки не ловятся на рожь...
И назло всем деревенским парням
Ты мне будешь помощником... хошь?

(Там же).

*Это оч<ень> нехорошо, что Вы пишете был***и***, вместо б***ы***ли.*— Речь идет о следующем месте из стихотворения Цейтлина «Наган» («Эх, у каждого есть своя радость...»):

— Семь деникинцев мы расстреляли,
На разведках были по ночам!..

(Частное собрание, г. Москва).

254. *С.А.Толстой-Есениной*. Между 17 и 19 декабря 1925 г. (с. 232). НЖ,— 1972, кн. 109, с. 164 (публ. Г.Маквея).

Печатается по автографу (ГЛМ).

Датируется по содержанию.

...я уезжаю...— Есенин уехал в Ленинград 23 дек. 1925 г.

255. *В.И.Эрлиху*. 24 декабря 1925 г. (с. 232).— Памяти Есенина, с. 89.

Печатается по автографу (ИРЛИ).

Датируется по содержанию с учетом времени приезда Есенина в Ленинград, в сопоставлении с надписью Вл. Ричиотти на записке Есенина: «Милая Вольф! Вчера уехать не удалось. Уезжаю сегодня. Привет Сергею. Вл. Р. 24.12.25» (Есенин 6 (1980), с. 375). Ср. с воспоминаниями самого В.И.Эрлиха: «В Ленинград Есенин приехал в четверг 24-го декабря утром. О том, что он должен приехать на днях, я знал еще недели за полторы до этого, так как получил от него телеграмму с просьбой снять две-три комнаты <...> Комнат снять не удалось по разным причинам, тем более что он забыл сообщить главное: приезжает ли он один или с женой. О том, что он разошелся, я узнал уже лично от него <...> Пошел к „Михайлову-Федорову". Оказалось, что у подъезда меня ждет извозчик, чтобы везти в „Англетер" — „Федоров" заперт был, так они приказали везти себя в „Англетер"» (Памяти Есенина, с. 89). Ресторан В.М.Федорова имел адрес: «Мал. Садовая, 8»

256. *В.И.Эрлиху*. 24 декабря 1925 г. (с. 232).— Хроника, 2, 225.

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. В.И.Эрлиха).

Датируется по содержанию в сопоставлении с телеграммой (п. 250) и запиской (п. 255).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Б. сит.— Сергей Есенин. Березовый ситец, М.: Госиздат, 1925.

Бак. раб.— газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1906—1995, 1997.

Белоусов — В.Белоусов. Персидские мотивы, М.: Знание, 1968.

Бирж. вед.— газ. «Биржевые ведомости», СПб.— Пг., 1880—1917.

Веданта — Свами Вивекананда. Практическая Веданта, М., 1912.

Вержбицкий — Николай Вержбицкий. Встречи с Есениным: Воспоминания, Тбилиси: Заря Востока, 1961.

ВЛ — журн. «Вопросы литературы», М., с 1957 г.

Восп., 1, 2 — сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников», тт. 1—2 / Вст. статья, сост. и коммент. А.А.Козловского, М.: Художественная литература, 1986.

Восп.-65 — сб. «Воспоминания о Сергее Есенине» / Под общ. ред. Ю.Л.Прокушева, сост. и примеч. А.А.Есениной и др., М.: Московский рабочий, 1965.

Восп.-95 — сб. «Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников»./ Сост. и общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой, подгот. текстов., коммент. С.П.Кошечкина и др., М.: Республика, 1995.

$Г_{18}$ — Сергей Есенин. Голубень, СПб.: Революционный социализм, 1918.

$Г_{20}$ — Сергей Есенин. Голубень, М.: МТАХС, 1920.

Гоголь I, II, III — «Полное собрание сочинений Н.В.Гоголя. С его биографией и примечаниями. В 3-х томах», М.: издание Т-ва И.Д.Сытина, 1902, тт. I, II, III.

Гост.— журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922—1924.

Грж.— Есенин Сергей Александрович. Собрание стихов и поэм. Том первый, Берлин — Пб.— М.: изд. З.И.Гржебина, 1922.

Грузинов — И.Грузинов. С.Есенин разговаривает о литературе и искусстве, М.: Всероссийский Союз поэтов, 1927.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955 (репринт изд. 1882 г.).

Еж. ж.— Ежемесячный журнал, Пг., 1914—1918.

ЕЖЛТ — сб. «Есенин: Жизнь. Личность. Творчество» / Под ред. Е.Ф.Никитиной, М.: Работник просвещения, 1926.

ЕиС — сб. «Есенин и современность» / Ред. В.Г.Базанов, М.: Современник, 1975.

Есенин 5 (1962) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 5 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962, т. 5 (подгот. текста и примеч. [к письмам] Е.А.Динерштейна, В.Ф.Земскова и Н.И.Хомчук).

Есенин 5 (1968) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 5 т. М.: Художественная литература, 1968, т. 5 (примечания [к письмам] Е.А.Динерштейна, В.Ф.Земскова и Н.И.Хомчук).

Есенин 3 (1970) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Огонек, 1970, т. 3 (сост. и примеч. А.А.Козловского, Ю.Л.Прокушева).

Есенин 1 (1977) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Художественная литература, 1977, т. 1 (подгот. текста и коммент. А.А.Козловского).

Есенин 3 (1977) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Огонек, 1977, т. 3 (сост. и примеч. А.А.Козловского, Ю.Л.Прокушева).

Есенин 5 (1979) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Художественная литература, 1979, т. 5 (подгот. текста и коммент. В.А.Вдовина, А.А.Есениной, А.А.Козловского).

Есенин 6 (1980) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Художественная литература, 1980, т. 6 (сост., подгот. текста и коммент. В.А.Вдовина).

Есенин 3 (1983) — Сергей Есенин. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Огонек, 1983, т. 3 (сост. и общ. ред. Ю.Л.Прокушева).

Жизнь Есенина — сб. «Жизнь Есенина: Рассказывают современники» / Сост., вст. статья и примеч. С.П.Кошечкина, М.: Правда, 1988.

Зап. кн.— А.Блок. Записные книжки. М.: Художественная литература, 1965.

З. Вост.— газ. «Заря Востока», Тифлис — Тбилиси, 1922–1991, с 10 апр. 1991 г. выходит под назв. «Свободная Грузия».

Зн. тр.— газ. «Знамя труда», Пг., затем М., 1917–1918.

И22 — Есенин. Избранное, М.: Госиздат, 1922.

И25 — Сергей Есенин. Избранные стихи. (Библиотека «Огонек», № 40), М.: Огонек, 1925.

Исп. хул.— Есенин. Исповедь хулигана, [М.: Имажинисты], 1921.

Катанян — В.Катанян. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Сов. писатель, 1985.

Кольцов 1911 — Полное собр. соч. А.В.Кольцова. Под ред. и с примеч. А.И.Лященко. СПб., Разряд изящной словесности Имп. АН, 1911 (Акад. б-ка русских писателей. Вып. 1).

Коммент. ГЛМ — Комментарий к Собранию сочинений С.А.Есенина / Сост. С.А.Толстая-Есенина и Е.Н.Чеботаревская, 1940 (ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 227/1–3, 278).

Кр. нива — журн. «Красная нива», М., 1923–1931.

Кр. новь — журн. «Красная новь», М., 1921–1942.

Круг чтения, 1 — Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писа-

телей об истине, жизни и поведении. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.Н.Толстым. Том первый. М.: И.Д.Сытин, 1911.

Лица-7 — Акимова М.В., Дворникова Л.Я. «Дионисов чудный дар»: Материалы для биографии Л.Н.Столицы.— В кн. «Лица: Биогр. альманах», М.; СПб: Феникс, 1996, [кн.] 7.

ЛН — непериод. сб. «Литературное наследство», М., с 1931 г.

ЛР — газ. «Литературная Россия», М., 1963.

Мариенгоф — А. Мариенгоф. Роман без вранья. Л.: Прибой, 1927.

М. каб.— Есенин. Москва кабацкая, Л., [Б. и.], 1924.

Материалы — сб. «С.А.Есенин: Материалы к биографии» / Отв. ред. Н.Б.Волкова, сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина, М.: Историческое наследие, 1992 (фактически — 1993).

Мой век — сб. «Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова» / Сост., указат. имен С.В.Шумихина и К.С.Юрьева, вст. статья, коммент. С.В.Шумихина, М.: Московский рабочий, 1990.

Н — журн. «Нива», СПб.— Пг., 1888–1918.

Нак.— газ. «Накануне», Берлин, 1922–1924.

НЖ — «Новый журнал», Нью-Йорк, 1942 —

Никитин 1911 — Полное собр. соч. И.С.Никитина с <...> крит.-биогр. очерком В.Н.Мирова, М.: Совр. кн-во, [1911].

Н. прил.— журн. «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива“», СПб.— Пг., 1894–1916.

НРК — журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922–1923.

НС — журн. «Наш современник». М., 1956 —

ОРиР — С.Есенин. О России и революции: Стихотворения и поэмы, М.: Современная Россия, 1925.

$П_{18}$ — Преображение: Стихотворения Сергея Есенина, М.: Московская трудовая артель художников слова, II-й год I века [1918].

П21 — Сергей Есенин. Преображение, [М]: Имажинисты, 1921.

Памяти Есенина — сб. «Памяти Есенина», М.: Всероссийский Союз поэтов, 1926.

Панфилов, 1, 2 — Панфилов А.Д. Константиновский меридиан, ч. 1 и 2, М.: Энциклопедия русских деревень; Народная книга, 1992.

Перс. мот.— Сергей Есенин. Персидские мотивы, М.: Современная Россия, 1925.

ПиР — журнал «Печать и революция», М., 1921–1930.

Письма — Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма, документы. Общ. ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой, сост. С.П.Митрофановой-Есениной и Т.П.Флор-Есениной; коммент. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и др., подгот. текстов и указат. имен С.И.Субботина, М.: Республика, 1995.

ПН — газ. «Парижские новости», Париж, 1920–1940.

Прож.— журн. «Прожектор», М., 1923–1935.

Прокушев-55 — Ю.Прокушев. Сергей Есенин (Литературные заметки и публикация новых материалов).— Альм. «Литературная Рязань», 1955, кн. 1, с. 312–345.

Прокушев-63 — Ю.Прокушев. Юность Есенина, М.: Московский рабочий, 1963.

Прокушев-65 — Ю.Прокушев. Десять автографов поэта.— Сб. «День поэзии. 1965». М., 1965, с. 240–245.

Путь жизни 1911 — Лев Толстой. Путь жизни. Издание «Посредника», лично просмотренное в корректуре Л.Н.Толстым. № 991. М.: типолитография Т-ва И.Н.Кушнерев и К°, 1911.

Пушкин 1917 — «Сочинения А.С.Пушкина. Полное собрание в одном томе» / Под ред. П.В.Смирновского. Изд. 12-е, стереотипное, М., Пг., 1917.

Р16 — Сергей Есенин. Радуница, Пг: Изд. М.В.Аверьянова, 1916.

Р18 — Сергей Есенин. Радуница. М.: МТАХС, 2-й год I века [1918].

Р21 — Сергей Есенин. Радуница, [М]: Имажинисты, 1921.

Рж. к.— Сергей Есенин. Ржаные кони, М.: Альциона, 1921 (верстка невышедшего сборника, ИМЛИ).

РЗЕ, 1, 2 — сб. «Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи», / Вст. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой, М.: ИНКОН, 1993, тт. 1—2.

РКлБ — Серийное издание «Русская классная библиотека, издаваемая под редакциею А.Н.Чудинова. Пособие при изучении русской литературы», СПб.: И.Глазунов, 1891—1918.

РЛ — журн. «Русская литература», Л., 1958 —

Розанов — Иван Розанов. Есенин о себе и других. М.: Никитинские субботники, 1926.

Ройзман — М.Ройзман. Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973.

Р. сов.— С.Есенин. Русь советская: Стихи, [Баку]: Бакинский рабочий, 1925.

РУИ — Русское универсальное издательство (Берлин).

Рус.— Сергей Есенин. Руссеянь, книга первая, М.: Альциона, 1920 (рукопись-макет невышедшего сборника, ИМЛИ).

САЕ — сб. «Сергей Александрович Есенин: Воспоминания» / Под ред. Ив.Евдокимова, М.;Л.: ГИЗ, 1926.

Ск-1 — Скифы, сборник 1-й [СПб]: Скифы, 1917.

Ск-2 — Скифы: Сборник 2-й, [СПб]: Скифы, 1918.

Списки ГМЗЕ — перечни книг из личной библиотеки С.А.Есенина, составленные его сестрами (ГМЗЕ).

Собр. ст.— Сергей Есенин. Собрание стихотворений, тт. 1—3. М.—Л.: Госиздат, 1926; т. 4 — Стихи и проза, М.—Л.: Госиздат, 1927.

Ст24 — С.Есенин. Стихи (1920—1924), М.—Л.: Круг, [1924].

Ст. ск.— Сергей Есенин. Стихи скандалиста, Берлин: Изд. И.Т.Благова, 1923.

Столетие Есенина — «Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник», М.: Наследие, 1997, вып. III.

Стр. сов.— С.Есенин. Страна советская, Тифлис: Советский Кавказ, 1925.

Субботин-97 — С.И.Субботин. О датировке писем Есенина 1911—1913 годов (Столетие Есенина, с. 405—421).

Т20 — Сергей Есенин. Трерядница. М.: Злак, 1920.

Тел.— Сергей Есенин. Телец, М.: Госиздат, 1920 (невышедший сборник).

Тетр. ГЛМ — тетради Есенина с газетными, журнальными и книжными вырезками отзывов о его творчестве (ГЛМ).

Хроника, 1, 2 — В. Белоусов. Сергей Есенин: Литературная хроника, ч. 1—2, М.: Советская Россия, 1969—1970.

Шнейдер — И. Шнейдер. Встречи с Есениным, М.: Советская Россия, 1965.

Эрлих — Вольф Эрлих. Право на песнь, Л., 1930.

Юсов-94 — Н. Г. Юсов. Прижизненные издания С.А.Есенина: Библиографический справочник, М.: Златоуст, 1994.

Юсов-96 — Н. Г. Юсов. «С добротой и щедротами духа...»: Дарственные надписи Сергея Есенина / Научн. ред. и автор послесл. С.П.Кошечкин, Челябинск: Литературно-издательская артель «Алексей Казаков со товарищи», Челябинское полиграфическое объединение «Книга», 1996.

IE — Gordon McVay. Isadora and Esenin, <Ann Arbor, Michigan,> «Ardis», <1980>.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей Российской Федерации. Отдел рукописных фондов (Москва).

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А.Есенина (с. Константиново Рязанской обл.).

ГМТ — Государственный музей Л.Н.Толстого.

ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А.М.Горького Российской академии наук. Рукописный отдел (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Фонд письменных источников (Рязанский Кремль).

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редкой книги (Санкт-Петербург).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

* Звездочкой отмечены адресаты Есенина.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И АВТОРСКИХ СБОРНИКОВ ЕСЕНИНА

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ЕСЕНИНА ПО АДРЕСАТАМ*

* Указаны номера писем.

СОДЕРЖАНИЕ*

ПИСЬМА

* В первом столбце указана страница текста, во втором — комментариев.

Есенин С.А.

Е 81 Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 6. Письма. Составление, подготовка текстов и комментарий С.И.Субботина, А.Н.Захарова, С.П.Кошечкина, С.С.Куняева, Г.Маквея (Англия), Ю.А.Паркаева, Ю.Л.Прокушева, Е.А.Самоделовой Т.К.Савченко, М.В.Скороходова, Н.И.Шубниковой-Гусевой, Н.Г.Юсова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 816 с.

ББК 84

Издание одобрено Научно-издательским советом Российской академии наук

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений в семи томах

Том шестой

Редакторы издательств *Т. С. Шеханова, В.Г. Шитарева*

Художественный редактор *В.С. Голубев*

Технический редактор *Л.И. Золотухина*

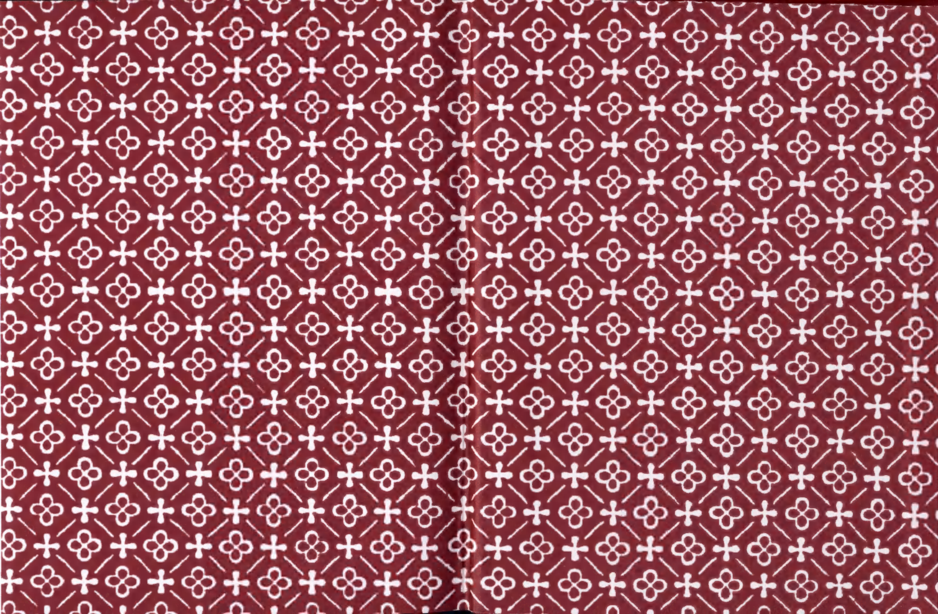
Корректор *А.М. Марченко*

Изготовление оригинал-макета *Т.И. Мишутиной*

Подписано к печати 10.09.2005. Формат 70х108 1/32
Гарнитура академическая. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1843

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН
121069, Москва, ул.Поварская, д.25-а.
Тел.: 202-21-23, 291-23-01

Отпечатано в соответствие с качеством диапозитивов
в ППП «Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Сергей ЕСЕНИН

